Людмила Григорьевна Салда
Ибн Сина Авиценна

«Ибн Сина Авиценна »: Издательство литературы и исскуства имени Гафура Гуляма; Ташкент; 1985

Аннотация

Через документы, легенды, древние рукописи, а также сюжет (1930-й год. Бухарский эмират судит Ибн Сину) рассказывается о трагической скитальческой жизни великого философа, ученого, врача и поэта Ибн Сины (Авиценны). Также в конце книги находятся иллюстрации.

Л. САЛДАДЗЕ

Ибн Сина (АВИЦЕННА)
СТРАНИЦЫ ВЕЛИКОЙ ЖИЗНИ

Как настраивается оркестр…

Абу Али — отец Али. Это кунья то, что ставится на мусульманском Востоке перед именем. Если оно сходно с именами сыновей халифа Али — Хусайном и Хасаном, то куньей будет Абу Али.

Хусайн — имя собственное.

Ибн Абдуллах — сын Абдуллаха.

Ибн Али ибн Хасан — имена деда, прадеда.

Ибн Сина — псевдоним.

Абу Али Хусайн ибн Абдуллах Ибн Али ибн Хасан ибн Сина — герой нашей книги.

В Европе его зовут **АВИЦЕННОЙ** . И еще — Князем философов. На Востоке — **Аш-Шайхом** — ар-Рансом.

Друзья называли интимно, по кунье — **АБУ АЛИ** , или **БУ АЛИ** .

Родители — **Хусайном.**

Ученики — **Шейхом.**

Все остальные — **Ибн Синой.**

Ибн Сина — это «незримый очаг подземного огня, питающий целую цепь огнедышащих вершин». (Е. Бертельс, XX в.)

Ибн Сина — еретик, продавший душу дьяволу, «бумагомаратель». (Авензоар и другие враги. Ибн Сины, его современники, XI в.)

Ибн Сина — гений, пророк, «первый ум человечества». (А. Гуашон, XX в.)

Ибн Сина — переписчик чужих книг, «простой комментатор Аристотеля». (Гегель, XIX в.)

Ибн Сина… «Лучше быть неправым, поддерживая Авиценну, чем правым, поддерживая других». (Микельанджело, XVI в.)

Ибн Сина — «носитель особой таинственной духовности. Недаром его боятся и сегодня». (Гейер, XX в.)

Да но было вообще никакого Ибн Сины! Миф это! Собирательный образ восточного философа! (Есть и такое мнение,) Девяностолетний крестьянин с гор, мой дед:

— Авиценна?.. Ну как тебе объяснить? Вот наш грузинский дом. На столбах стоит. Столбы — это Авиценна, Толстой. Шота Руставели… Дом — все мы, человечество. Разрушится столб, кто его снова поставит? Именно этот столб?.. Все равно не так сказал! — вздохнул, махнул рукой и замолчал. И вот когда он молчал и смотрел на меня, я поняла: он знает, кто такой Ибн Сина.

Молчание… если б я могла рассказать об Ибн Сине молчанием!

В молчании свои скорости, свой свет, своп связи, своя откровения. Все прожитые жизни, моменты поколений, сколы мировой истории с застывшими на них отблесками кровавых и огненных катастроф только в молчании и связываются за доли секунд в единый духовный план. И тогда начинает просвечивать сквозь бессмысленный калейдоскоп хаоса и праха вечность. Но только станешь говорить, все исчезает. «Шумно бегут ручьи, море — безмолвствует…»

Молчанием умеют говорить человек, искусство, природа. Рука, которую Александр Македонский просил но время своих похорон высвободить из-под надгробного покрывала, чтобы волочилась она, пустая, по земле, ничего не могущая взять с собой в могилу… Не молчанием ли кричал он — завоеватель половины мира — о понятой им правде?

Не молчанием ли и всем видом своим отвечает измученный, залитый кровью Христос в

терновом венце на вопрос Понтия Пилата «Что есть Истина?»[1]. Ведь Истина он сам и есть.

Не молчанием ли, соединенным с красотой, вырывает нас из суеты и соединяет с вечностью Природа?

Ибн Сина — это Молчание…

Чтобы познать его, надо пройти через трудный дом тысячелетий. Надо познать тайну зеленого дерева в пустыне, перед которым извечно опускается на колени житель песков, истомленный однообразием и пустотою вяло текущей жизни, — говорили современники Ибн Сины. Называя дерево богом, кочевник размазывает по лицу редкостные, оседающие прямо в сердце прохладные капли росы, обретая согласие с миром и с самим собой. Да же когда становится он жителем городов и добровольно отдает себя сладостному заточению в культуру, поклоняясь богам, задавленным каменными молитвами церквей, он все равно тоскует о том чистом зеленом дереве… Светлый облик природы, осененный терпением, проповедь неба, выправляющая с материнской добротой загубленную жизнь, — это Ибн Сина, Рассказать о нем в рамках одной его личной судьбы — все равно что рассказать об одном листочке дерева. Корень бессмертия — в непрерывности времен. Только тогда одна человеческая судьба становится отблеском судьбы человечества. История — кольца на срезе дерева. Прочитать их — все равно, что прочитать пророчество, состоявшееся уже в мире. Ибн Сина, Данте, Беруни, Леонардо да Винчи, Омар Хайям, Коперник, Улугбек… — все это знаки победы человечества над роковым огнем забвения. Клочья этого огня падают на лучших, словно небо торопится испепелить тех, с кем история слишком широко шагает. Те же, кто выжил, имеют трагическую судьбу.

Ибн Сина — блистательный итог огромного пройденного человечеством пути. Есть поколения — корни, поколения — завязи, поколения, на которые падает тысячелетиями подготавливаемый расцвет. Работа всех бессмертна. Благородные мысли не умирают, а собираются в некое Хранилище, как говорил Ибн Сина, — в Ноосферу, как говорил Вернадский. Ноосфера сохраняет и улучшает мир.

Главное — осуществить точное «хронологическое распластывание» Ноосферы — этого великого накопленного человечеством интеллектуального богатства. Главное — выстроить из хаоса камней стройный горный хребет, где каждая прожитая во имя Истины жизнь стала бы той или иной вершиной. Но сколько забытого, исчезнувшего, непонятого… И порою в стране гор не хватает как раз самой главной, самой ослепительной, купающейся в облаках вершины.

В 1980 году мировая общественность широко отметила тысячелетний юбилей Авиценны. При его жизни и потом, в каждом веке, ученые спорили о книгах мудреца, яростно защищая или яростно ниспровергая их. Жизнь великого непокоренного скитальца стала символом честного служения Истине. Он весь — тайна. В последний период жизни зашифровывал свои мысли так, что до сих нор ученые не могут найти им однозначное толкование, Его жизнь, рассказанная им самим своему наипреданнейшему ученику, — сплошной ребус. Ученые до сих пор пытаются объяснить мотивы тех или иных поступков Ибн Сины, выстроить его характер, найти закономерность его судьбы. Но сложны не только его жизнь, его труды, сложна и эпоха — восточное средневековье. Ученые мира в течение многих веков размышляют над всем этим, совершая подвиги преданности и титанического труда.

Авиценна известен и не известен. Его знают как символ великой восточной мудрости, но не знают порой конкретно, изнутри. XX век но многое внес ясность, возвеличил и без того легендарную славу великого гуманиста, способствовал его широкой популяризации. В нашей стране и за рубежом вышло много книг о нем. Была утверждена Международная премия Авиценны. Первым ее лауреатом Международное жюри признало ученых Узбекистана. Институт востоковедения им. Беруни АН УзССР.

---

[1] Картина русского художника Н. Ге.

За три года до юбилея мною был опубликован роман в диалогах об Авиценне, — «Созвездие Ориона».

Предлагаемая сейчас читателю книга — моя вторая попытка найти место, которое занимает Ибн Сина в горном хребте человечества, попытка обобщить новый материал о нем, проникнуть в те или иные белые пятна его судьбы, рассказать о земле, родившей столь уникальный ум, о ее древней культуре и красоте.

В этой работе я опиралась на труды таких ученых, как В. Бартольд, Е. Бертельс, н. Крачковский, н. Кон-рад, С. Толстое, М. Массон, Ш. Нуцубидзе, А. Богоутдинов, А. Болдырев, М. Болтаев, н. Муминов, П. Булгаков, Б. Петров, У. Каримов, Б. Розенфельд, А. Сагадеев, В. Ча-лоян и другие. Использованы и труды зарубежных ученых: А. Меца, Я Мюллера, Г. фон Грюнебаума, А. Гуашон, А. Корбена, В Деноми и др.

Особую признательность выражаю советским ученым Л. Гумилеву и М. Хайруллаеву за их научные труды, явившиеся для меня путеводной нитью при создании этой книги, всем рецензентам, а также Академии наук УзССР за помощь, оказанную при издании этой книги.

Представляя на суд читателя это мое путешествие в жизнь Ибн Сины, в его труды, я не претендую на то, что все мои догадки, положения имеют полную научную обоснованность. Многие из них носят характер гипотез.

… Тысячу лет не принимает на себя земля тяжести шагов Ибн Сины. Живого Ибн Сины. Забыло о нем солнце, не помнят его задумчивого взгляда звезды, развеяли его печаль дороги, которым он доверил столько невысказанных ни людям, ни книгам мыслей и чувств. Но помнит его любовь. Помнит ненависть… Ибн Сина же, и тысячу раз похороненный, сожженный, преданный забвению, однако еще больше похорошевший от всех этих повторяющихся из века в век смертей, попирает и сегодня равно-душное к жизни человека на земле, всевластное всепожирающее время.

И тихо приходит к нам, словно брат, вернувшийся из скитаний, и молчит, и мы молчим вместе с ним, погрузившимся в воспоминания, и как бы заново проходим весь его земной путь. Проходим распятием, смертью и воскресением…

История, которую я хочу рассказать, произошли в 1920 году. Для крестьянина Али[2], героя этой истории, отношения с Ибн Синой возникли самым неожиданным образом. О них можно сказать словами Рильке:

Как сок все это начиналось,
А обернулось вдруг судьбой.

I Древняя ладонь Востока

Али пахал маленькое огороженное камнями поле, спускающееся террасами с невысокого холма, облитого серебром лунного света. Он шел за понурым старым волом и перекликался стихами с крестьянами, крутившимися со своими скрипучими сохами на соседних кургузых участках, заплатами покрывших землю, смыкающуюся с небом и луной.

Луна и звезды увеличивали одиночество горстки крестьян в море холодной неизъяснимой красоты. И только теплый голос того, кто пахал рядом и читал стихи, соединял людей живой нитью. Перекликаться стихами при ночной пахоте — древний обычай Востока. Тогда не так страшно быть один на один со Вселенной, в которой человек — пылинка.

Если хочешь покоиться в неге блаженной,

[2] Кроме Али, все имена в книге исторические.

— задорно орал Али, запрокинув голову и медленно ступая по пашне, —

И у ног своих мер этот видеть надменный,
Перейди в мою веру, учись у меня,
Пей вино, но не пей эту горечь Вселенной![3]

И отвечает ему из тьмы мягкий стариковский голос:

О, Рудаки! Будь волен духом, не так, как прочий люд, живи!
И разумом, и сердцем светел, как мудрецы живут, живи.
Не думай, что тебе лишь плохо, для всех же мир благоустроен.
Пойми, плохого в мире много, ты для благих минут живи.

А в это время дорогой, идущей мимо поля Али, возвращался из Махи Хассы в Бухару эмир, окруженный свитой, — от нежной истомы любви к политике, — сладостно покачивал головой в такт стихам, прикрыв от удовольствия глава. По цокот копыт напоминал ему стук телеграфных аппаратов Миллера, недавно установленных но дворце, и то, что в Бухаре его ждали военные советы и тайные политические дела, Эмир перевел коня с гулкой дороги на мягкую обочину и весь превратился в слух. Этот маленький островок поэзии — такой неожиданный подарок судьбы! Эмир устал. Очень устал. Никто в мире не знает, как эмир Алим-хан устал! Голова шла кругом. Два года назад, в марте 1918-го, народ поднял восстание, позвал на помощь большевиков, и Председатель Совета Народных Комиссаров Туркестана Колесов встал с войсками у Бухары. Эмир тотчас вывесил белый флаг. Пока велись переговоры об условиях сдачи города, люди эмира с помощью англичан разобрала железную дорогу, отрезав таким образом путь к отступлению восставшим, стоящим в Кагане. Почти все погибли, Колесов с небольшим отрядом пробился к станции Кизил-тепе.

В Бухаре начались массовые аресты. Фартуки палачей заставили надеть и уголовников, приведенных из тюрем. Пока кровь вытекала из проколотых шей в глубокие шестиметровые рвы, на краю которых укладывали плотными рядами бунтовщиков, палачи усаживались перекурить. Но вскоре рвы заполнились кровью, и обреченных начали вешать. Из-за нехватки веревок очередь за смертью продвигалась быстрее необходимого, несчастных пришлось полуживыми закапывать в сточные ямы у ворот Углон. Над Бухарой встал удушающий тлетворный запах смерти.

«Слава аллаху, с этими покончено», — решительно отмел мысли о восставших эмир и стал думать о более тяжелом: вот уже три года, как он окружен Советской властью. «В красной России — гражданская война. У Антанты есть еще два удара в грудь Советам: Польша и Врангель. Не до Бухары большевикам. Да и не овладеть им ею никогда, — думает эмир, — потому что между мной и моим народом — Коран, который сильнее пушек. Да и кровь восставших не зря же была пролита! Она вся обернулась страхом. А страх — лучший пастух народа».

— Ты, оставивший в мире злодейства печать.
Просишь, чтоб ни тебя снизошла благодать.
Не надейся: вовеки не будет прощенья.
Ибо сеявший зло — зло и должен пожать[4].

---

[3] Рубаи Омара Хайяма

[4] Перевод Стрижкова

Эмир вздрогнул. Словно четыре выстрела пронзили ему грудь эти четыре строчки Ибн Сины. А с других полей, из тьмы, одновременно ударили три голоса, прокричавшие:

Кузнец из железа скует, проявляя упорность.
Коню удила дли того, чтоб являл он покорность,
И верит эмир, будто нити есть волосяные.
Которыми рты зашивают в годины иные[5].

Эмир сверкнул в ночи обнаженным клинком — так резко повернулся в золотых одеждах, встав к свите разгневанным лицом. Не он ли два года назад запретил даже имя Ибн Сины произносить, а уж тем более читать но всеуслышание его безбожные стихи! Никто не должен стоять между эмиром и народом. Тем более — еретик!

— С этими двумя ослами, —

раздалось в ночи сразу множество голосов, —

Что считают себя но невежеству мудрецами мира,
Будь ослом? Ибо эти двое от обилия ослиных качеств
Каждого называют еретиком, кто не осел! [6]

И смех. Вся земля, вся ночь смеются. Эмиру кажется, что это его имя, как имя одного из двух ослов, подкидывают сквозь смех старики под самые звезды. Сарбазы, умеющие читать мысли эмира, уже мчались в поля, зловеще сверкая вынимаемыми из ножен саблями и мечами. Они встряхнули ночь, погруженную в оцепенение поэзии и красоты, немой жестокостью: быстро, бесшумно перерубили пахарей. Не успел Али обернуться на сдавленный крик, веревка со свистом обвила ему шею и туго затянулась петлей.

Всю ночь не спал эмир. Народ неграмотен, да и для редких грамотных книги Ибн Сины — столь трудные книги, что не всякий и философ их поймет! И все же народ откуда-то знает их богоборческую суть. «Конечно, у каждого бухарца кто-то закопан в сточных ямах у ворот Углон, куда сбросили казненных восставших, но может, «вы ненавидите что-то, а оно для вас благо, — хотел бы сказать народу эмир словами Корана, — может, любите вы что-нибудь, а оно для вас — зло». Как объяснить это? Д**а** и нужно ли объяснять? Нужно ли земле объяснять, для чего ее пашут? Да, я погубил бунтовщиков. Но для чего? Для того, чтобы они не погубили Бухару! Да, поступил жестоко… Но не жестоко ли — с корнем рвут сорную траву ради чистой пшеницы? И когда кругом враг, не крепкие ли стены спасают? Но единство ли? Вы думаете, золото, которым всегда так славилась Бухара: арабы и монголы днями и ночами выводили из нее караваны с этим бесценным металлом. Ну, куплю я афганских солдат, индийских слонов, белогвардейских генералов — их стратегический ум… Хоть всю Бухару опояшу золотой стеной! Спасет ли она?

Дороже золота — традиции Бухары, гибель которых никогда не простят потомки. Традиции эти — чистота веры, тонкость поэзии, глубина мысли. Разрушить такое легко, создать же… — все равно что из зёрнышка вырастить Вселенную».

Но эмира никто не слушает. Слушают Ибн Сину. Во всех мечетях каждый день муллы, надев чистые одежды, повязав головы черною — в знак смирения перед богом — чалмой, вдохновенно говорят народу о приближающейся священной войне, о святой необходимости каждого готовиться к ней. И что же? «Мулла Кутбиддин привел ко мне, — вспоминает эмир, — всего сто мулл. Жалких, в калошах и с палками… И ни одного крестьянина!»

---

[5] **Перевод Я.** Козловского.

[6] Построчный перевод.

Крестьян привел Ибн Сина. Двести чиракчинцев, и которых «дело дошло до сердца, а нож — до кости». Надели они на себя черные кошмы и двинулись к Бухаре. Все в ужасе смотрели на это медленно шествующее отчаяние. В Кермине же их встретили чиновники отца Алим-хана — эмира Абдулахада, он тогда правил. Одарили чиракчинцев халатами, накормили, посадили по восемь человек в арбу и тайно, ночью, ввезли в Бухару, да еще разными воротами, чем разбили их единство и сорвали сокровенные надежды бухарской бедноты присоединиться к ним. Вскоре и вовсе убили чиракчинцев. На поясе и одного из них было вышито: «Мы к богу — Истине прибегли, когда пошли путем прямым», — первая строчка стихотворения Ибн Сины…

Эмир знал поэзию Ибн Сины, знал и его философию. Читал многие его труды в подлиннике, на арабском. Ибн Сина открыто утверждает, что материя вечна и мир не создан богом. В Петербурге, где эмир Алим-хан воспитывался в Кадетском корпусе, ему не раз находилось выслушивать восторженные речи об Ибн Сине от русских дворян, учившихся в Германии. А там интерес к арабской культуре был почему-то особенно велик. Рейске например, потратил все свое состояние на приобретение арабских рукописей. Его переводы читали Гегель, Шопен, Гауэр, Гердер — учитель Гете, «Эти рукописи, — говорил Рейске[7], — мои дети. Что с ними будет после моей смерти? Кто возьмет их? Найдется ли честное, благородное сердце?»

Рукописи взял Лессинг…

Приказ о запрещении книг Ибн Сины эмир Алим-хан издал сразу же после расправы с бунтовщиками. Два года прошло. Казалось, народ Ибн Сину забыл. Даже соглядатаи, провоцируя разговоры о философе в чайханах и базарах, доносили, что пород молчит. И вдруг эта ночь!

Эмир понял: одним приказом Ибн Сину не вытравишь из сердца народа. Нужно сделать что-то необыкновенное, чтобы отодрать, наконец, этого еретика от века, от Бухары, не дать ему больше совершать прыжки в умы и души людей. «Ну, казню я темного крестьянского парня Али… Что изменится?..»

Выход нашел кази-калон Бухары — главный ее судья — Бурханиддин-махдум.

— Над Ибн Синой надо устроить суд! — сказал он, придя чуть свет к эмиру.

Эмир от неожиданности опустился даже на ковер.

— Да, будем судить крестьянина Али за то, что он нарушил ваш приказ, читал стихи еретика. Крестьянин станет кричать, что не знает никакого Ибн Сины! А стихи, я мол, читал, потому что все их читают! — Ну, и мы воспользуемся этим. И начнем рассказывать ему об Ибн Сине… Не ему, — вы же понимаете, а народу.

— Ну, будем рассказывать об Ибн Сине, как о пьянице, бабнике и еретике, чтобы отвратился от него народ. Сам отвратился! Понимаете?

— Ну.

— И когда Али ужаснется: чьи сихи он читал! — искренне ужаснется… мы его и казним. И народ склониться перед вами, как перед божественной чистотой и встанет, наконец, к Ибн Сине спиной. Не по принуждению, а по своей воле! — то, что нам и надо.

— Позором победить его славу?.. — задумчиво проговорил эмир и ушел в свои покои.

Несколько дней он молился, думал. А Потом как-то перед отходом ко сну вызвал Бурханиддина-махдума и дал ему разрешение па открытый над крестьянином Дли суд При этом сказал:

— Сейчас, когда весь мир смотрит на нас, как на последний островок свободы в море Советской власти, суд следует организовать подобно судам в европейских странах: назначьте прокурора, истца, свидетелей, защитника обвиняемого. Председателем суда можете быть сами… Это в угоду англичанам, французам, русским белым генералам, — всем, оказывающим нам помощь. Но не только они дают нам деньги и оружие. В угоду Турции,

---

[7] Рейске (1716–1774). V

Афганистану, мусульманской Индии не забудьте пригласить на суд и богословов. И пусть именно они дадут фетву — утверждение приговору.

Бурханиддин-махдум поцеловал край одежды эмира и вышел.

Народ сгоняли на площадь Регистан — самую главную площадь Бухары, сразу же после второй утренней молитвы. Крестьян пригоняли из близлежащих кишлаков. Все улицы, лучами сходящиеся в центр площади, были до отказа забиты неповоротливыми высококолесными арбами. Крестьяне томились в них, ожидая открытия суда над каким-то Али, думали об оставленных полях. Плотники заканчивали на их глазах сооружение высокого странного деревянного помоста, не похожего ни на виселицу, ни на плаху. «Какая же это казнь будет?»

Наконец, помост покрыли алыми коврами, и из Арка при внезапно наступившей тишине вышел Бурханиддин-махдум в окружении судей. Они скромно разместились па помосте, то и дело низко кланяясь, если касались друг друга локтями — такой высокий держали этикет! Когда совсем все стихло и ничто уже нигде не шевелилось — даже листья, казалось, замерли на деревьях. — ударили барабаны.

Из Арка вывели Али…

Он шел свободно легкой молодой походкой и руки не были связаны! — в чистом чапане, в чистой скромном чалме. Вот уж поистине, когда ждешь грозу, вырывается из черной тучи солнце!

Крестьяне облегченно вздохнули: «Ну, этого, видно, выпорют за малую провинность, и отпустят нас до захода солнца». У стариков же, заметивших, что странно парень, не по-крестьянски, одет, сжались сердца… И вообще но всем они почувствовали предвестие большой беды, н.

— Уважаемые братья-мусульмане, — начал говорить и Бурханиддин-махдум после короткой молитвы, благословляющей дело. — Достоин ли наказания тот, кто ослушался отца?

— Достоин! — ответила толпа.

— Достоин ли наказания тот, кто ослушался эмира?

— Достоин…

— Эмир, наш отец, доверил вам наказать виновного, Вот он — крестьянин Али. Он читал во всеуслышание стихи безбожника Ибн Сины! А вы знаете: даже имя его запрещено приказом эмира произносить, не то, что стихи! Свидетелем обвинения выступает сам эмир. Вот его показания. — Бурханиддин-махдум поднял листок синей бумаги. — Защитника обвиняемый может себе выбрать сам из числа образованных среди вас. Кто возьмется защищать его?

Толпа растворилась в молчании. — Понимаю, — грустно проговорил Бурханиддин. — Как можно защищать человека, осквернившего свои уста еретическими стихами, да еще оскорбившего ими священный покой души самого эмира, день и ночь думающего о нас в эти тревожные дни, когда весь мир рушится у нас на глазах?! Но если не возьмется никто, то, дабы совершилась справедливость, придётся мне взять это на себя, естественно, при согласии нашего бедного обвиняемого.

Али затравленно посмотрел на Бурханиддина-махдума. Толпа удрученно молчала, и В крайнем случае, проведем пока предварительное заседание, без защитника. Государственным обвинителем назначен всем известный и всеми уважаемый Даниель-ходжа. Я — председатель суда. Кроме того, весь суд будет находиться под строгим контролем богословов, знатоков шариата. Так распорядился эмир.

— Не знаю я никакого Ибн Сины! — закричал Али. —

А стихи эта все у нас читают! Откуда я знал, что Ибн Сина их написал? Я — неграмотный! Отпустите! У меня поле осталось незасеянным!

Бурханиддин-махдум молчал. И никто не перебивал Али, и бедный крестьянин долго еще кричал, пока не сорвал голос. «А судьи, оказывается, не только друг перед другом держат этикет, — удивились в толпе, — а и перед обвиваемым!»

— Хорошо. — Бурханиддин, дал испуганному, дрожащему порто выпить воды. — Действительно, было бы несправедливо наказывать человека, не понимающего своей вины. Раз Али не знает Ибн Сины — а мы верим ему! — значит, мы должны рассказать об Ибн Сине, Согласны ли вы на это? — спросил Бурханиддин государственного обвинителя Даниель-ходжу.

Даниель-ходжа утвердительно кивнул головой.

«Ну и слава аллаху, — подумали в толпе, — за рассказом, глядишь, судьи остынут, смягчатся, пожалеют парня и отпустят его домой».

— Я не буду ничего выдумывать, — спокойно и доброжелательно начал говорить главный судья Бурханиддин. — Возьму вот эту рукопись — «Автобиографию», продиктованную самим Ибн Синой своему ученику, и по ней перескажу обвиняемому и всем вам жизнь великого пьяницы и еретика. Написана рукопись по-арабски. Но если вы доверяете мне, я дословно переложу ее на наш родной язык.

— Доверяем! — пронеслось по толпе с одного ее конца на другой.

«Ну и цирк! — расслабились крестьяне. — Ладно, день все равно потерян. Послушаем».

Бурханиддин открыл ветхую рукопись, стряхнув с нее ударом ладони пыль, и начал рассказ:

«Отец мой родом был из Балха. Оттуда он переехал в Бухару но дни правления Нуха ибн Мансура. В его же время он управлял делами селения Хармайсан в округе Бухары. Это одно из самых крупных селений. Вблизи его было селение…»

Остановимся, читатель… Возьмем и мы в руки рукопись, по которой начал рассказывать об Ибн Сине главный бухарский судья. Ведь не будь этой рукописи, ничего бы мы не знали сейчас об Ибн Сине, кроме редких крупиц, разбросанных по легендам.

Был же у человечества такой благословенный небом день, когда Ибн Сина, отложив в сторону книги, задумался и стал рассказывать о себе, а Джузджани — верный его ученик, взял в руки калям[8] и записал этот рассказ. Удивительный день… Он паутинкой протянулся из сердца Ибн Сины в далекую человеческую даль. А могла она и оборваться, эта паутинка, ведь оригинал «Автобиографии» вскоре погиб, но историк Байхаки[9] через 116 лет после смерти Ибн Сины, в 1153 году, составил по разрозненным копиям свою редакцию «Автобиографии», и дожила она, несколько раз переписанная, до наших дней.

А может, была у Бурханиддин а рукопись «автобиографии» редакции египетского ученого XIII века Кифти? В то время, когда Кифти составлял ее в 1275 году, Бухара была мёртвым городом. Десять дней гром или ее моголы, в десять лет после этого проносились по ее развалинам, словно чистое дыхание природы, джейраны, забегавшие из степи.

— А когда Ибн Сина родился? — спросили из толпы.

— Этого точно никто не знает до сих пор, — ответил Бурханиддин-махдум. — Джузджани говорит: Ибн Сина скончался в 428 году хиджры, то есть в 1036–1037 гг. Скончался в 58 лунных лет. Значит, родился где-то в 980.

Дополним судью: Байхаки приводит положение небесных светил в ночь рождения Ибн Сины: «Восходящим светилом был Рак, точнее градус его, соответствующий возвышению Юпитера. Луна, Солнце и Венера находились в градусах своего возвышения. Доля счастья была в 39° Рака, а доля неизвестности — в 0° Рака вместе с Канопусом и Большим Псом».

Советский ученый Ю. Завадовский показал этот гороскоп астроному А. Михайлову, который сказал:

— Поскольку в гороскопе Ибн Сины Луна находится в соседнем созвездии с Солнцем и при этом впереди него, то соответствующий день был вскоре после новолуния. По моим

---

[8] Калям — тростниковое перо.

[9] Жил с 1106 по 1174 гг.

расчетам, в 980 году новолуния были 13 августа, 18 сентября, что согласуется с мусульманским календарем, в котором начала месяцев падают на первый и второй дни после новолуния. Солнце бывает но Льве ежегодно с 20 июля до 20 августа, что говорит в пользу 15 августа как приблизительной дате рождения Ибн Сины.

Али, когда услышал, что отец Ибн Сины был родом из Балха, вздрогнул: он никогда Не был в этом городе, даже не знал, где он находится, но вдруг увидел Балх, жемчужиной лежащий среди гор, — даже не увидел, а и вспомнил… и Огромный бархатно-черный паук быстро и бесшумно несся на Али по воздуху На высоких и тонких ножках. Али показалось, что это стремительно входит в его голову мысль о том, что он уже жил когда-то, Давным-Давно, и слышал от отца рассказ о Балхе. «А вдруг жизнь каждого из нас всегда одна и та же, — подумал он, — как один и тот же лист разворачивается каждую весну из одной и же почки? Только выпадает нам один раз жить в царском платье, а другой — в крестьянском… Нет! — Али ударил паука кулаком, ломая пальцы о стену, — нет! Нет…»

«Но Балх… Отчего так тревожно в душе, когда я произношу это слово? Какая река там течет? Что сеют там Крестьяне?»

Балх расположен в Афганистане, у срывающейся с гор реки Балхаб. Не город, а срез тысячелетнего дерева: каждое кольцо — новая культура. Предположительно, основали его европеоидные[10] племена, двигавшиеся с севера в Индию но втором тысячелетии до нашей эры. Смешавшись с местным населением, вышедшим из лона Джей-тунской культуры, они стали затем растить пшеницу и ячмень.

Что мы еще знаем об отце Ибн Сины, кроме того, что он родился в Балхе? Почти ничего, если не считать смутных упоминаний о его службе в Бухаре, о принадлежности к исмаилитам и даты смерти. И уж совсем ничего не знаем о матери Ибн Сины! Одна только рукопись Байхаки называет ее имя — Ситора. Знаем еще, что родом она из селения Афшана, под Бухарой.

Как же представить живыми отца и мать Ибн Сины? Как увидеть их улыбку, свет глаз?

Встретились два человека, а родили Вселенную…

Балх… Джейтунская культура, ставшая матерью пришедшим сюда народам… Какие формировались здесь традиции?

Ответив на эти вопросы, можно хоть в какой-то степени представить, на пересечениях каких линий кроен и духа родился отец Ибн Сины — огромная могучая река благородства, по которой отправился в мир, в жизнь Ибн Сина.

Джейтунская культура развилась в узкой предгорной Копетдагской полосе, в долинах рек Теджена и Мургабэ в шестом тысячелетни до н. э. Она на тысячу лет раньше культуры шумер, подарила миру одну из древнейших ирригационных систем и гениальный орнамент оазиса Геоксюр, затмивший своей красотой орнаменты Месопотамии и Ирана. Орнамент этот погибал после страшных загустений в XXII и XVII веках до н. э. Но люди, куда бы ни уходили в поисках места жизни, благоговейно наносила о на только что вылепленные из новой глины кувшины старый геоксюрский узор. Он и сегодня живот в туркменских коврах.

Трудно было жить на реках юга Средней Азии. Они кочевали по пескам, и людям приходилось рыть огромные каналы, чтобы возвращать воду в прежние русла. По но втором тысячелетии до н. э…, реки все же победили людей: археологам открывается картина нового запустения, совпавшего с гибелью культур доарийского Ирана (Элам) и дравидской доарийской Индии (Мохенджо-Даро и Хараппа).

Но подвиг крестьян снова поднял эти земли к жизни. И через Балх, столицу Бактрии, легли торговые пути в Индию.

Вслед за купцами двинулись и буддийские монахи в красных одеждах, надетых на голое тело, и стало в Балхе много буддийских монастырей.

Главный из них — Наубехар в десятом веке, лежал уже в развалинах. Маленький

---

[10] В исторической литературе — арийские племена.

Абдуллах (отец Ибн Сины) бегал здесь между колонн, подпиравших по кругу купол, лазил по кельям, отодвигая белье с веревок, привязанных к чудищам и буддам. Взлетали то тут то там вороны и грифы, ветер засыпал развалины то белыми лепестками весны, то красными листьями осени, которые сверху, с купола, казались впечатанными навеки в белый камень плит следами ходивших здесь когда-то красных монахов. А еще раньше на этом месте стоял зороастрийский храм огня и ходили по белым плитам белые маги. В Балхе, как говорит предание, проповедовал Заратуштра, звавший к правде и честному на поле труду. «Цветение мира — от крестьян, — пел он. — Кто пашет землю, сеет праведность. Есть лишь один этот путь. Все остальное — беспутье». Его проповеди — спокойные, искренние, соединённые с музыкой, изгоняли из сердец страх перед жизнью. Говорят, где бы он ни стоял, над ним всегда сияла звезда. Здесь, в Балхе, признали его учение, и долго бы оно еще процветало, если б Александр Македонский не отделил Балх от западного Ирана. Тут-то и нахлынули красные монахи, а в VIII веке — черные проповедники ислама.

Город отчаянно сопротивлялся арабам, и перед боем жители приходили молиться к развалинам Наубехара. Но Балх, как и вся Средняя Азия, Сирия, Иран, Египет, северная Африка и даже Испания, не устоял перед врагом и уже в X веке гордился новым своим прозванием.

Купол ислама, именно отсюда вышли первые министры и везири багдадских халифов.

Отец Ибн Сины — Абдуллах родился в 950 году, в год, когда в Мекку возвращался из двадцатилетнего карматского плена Черный камень Каабы — святая святых ислама. Легенда говорит, что под Каабой, построенной Адамом и восстановленной Авраамом (в исламе — Ибрахим), похоронены Агарь — рабыня Авраама и рожденный от него сын ее Исмаил, родоначальник арабского народа. Черный камень Каабы, согласно преданию, — это спущенный с неба ангел или, как еще говорят в народе, — полученный Авраамом из рук архангела Гавриила «дар рая». На Камне клянутся в верности всевышнему, от Камня начинаются и к нему возвращаются все религиозные процессии. У фригийцев — потомков хеттов и ахейцев (XII–IV вв. до н. э.) любой черный камень считался символом богини Кибеллы и охранял родину от чужеземцев. Шумеры и финикийцы приписывали черному камню благодать. Арабы же говорят: «Кто поцелует Камень, за того заступятся ангелы на Страшном суде».

Внутри Каабы — скрытый от глаз храм скромности: три деревянные колонны, несколько серебряных сосудов, слабо поблескивающих в темноте, и нежное сияние старой фрески, изображающей Марию с младенцем на руках.

Как цельность Камня Каабы была разрушена еретиками, так было разрушено ими и единство ислама после смерти Мухаммада.

Обстановку этого времени интересно объяснил советский ученый Л. Гумилев: каждый еретический толк в исламе — завязь нового народа, совершающего подвиг самоутверждения. Огромная творческая энергия арабов, создавших за короткое время империю, стала и их трагедией: перелившись на завоеванные народы, она подняла и их на борьбу за свою самобытность. Непредсказуемые «живые силы бытия», не видимые даже самому гениальному человеческому сердцу, — разве что Истории, насмешливо следящей за замыслами людей, — разорвали халифат: в 782 году отложилось от него Марокко, в 820 и Хорасан, в 872 — Египет, и 877 — Бахрейн, в 903 — Тунис. А оставшаяся к десятому веку часть распалась на несколько самостоятельных областей. По инерции еще называли халифат «империей». А может, и и насмешку. — В 940 году во время грозы рухнул знаменитый зеленим купол халифского дворца. Разбойники сказали: «Раз небо ограбило халифа, почему бы и нам не пограбить?»

И жителям Багдада пришлось повесить на грудь сигналы ные трубы и по очереди дежурить на ночных улицах. Разбойники же все равно были неуловимы и даже украли среди бела дня серебряного льва с лодки султана светского соправителя халифа! А полвласти у халифа украли в 945 году отточенные храбростью мечи бундов, горных прикаспийских племен. Вон откуда увидели они упавший багдадский купол! А когда отцу Ибн Сины

исполнилось три годи, правитель мизерного городка по имени Сиджилмасы и вовсе присвоил себе титул самого халифа — «Повелитель правоверных!» Полновластными хозяевами Багдада сделались разбойники и страх.

Да, арабы завоевали больше, чем могли удержать. За семь дней с одною мукой в суме они покрыли в 637 году тысячу километров пустыни (!) и взяли Вавилон. А потом Ктесифон, столицу Персии, где увидели серебряного верблюда в натуральную величину с золотым всадником, золотого коня с глазами из рубинов и самый большой в мире ковер с райским садом, ручьями и плодами на деревьях, — честно поделенный воинами между собой. Захватили арабы и Карфаген, Кипр — лазурную родину Афродиты, Египет, Междуречье… Одновременно достигли Китая и Италии, Бились с хазарами за Волгу (Итиль), с тюрками — за Среднюю Азию, с грузинами — за Кавказ, а в 717 году вкруговую осадили Константинополь, столицу Византии. Но не взяли его, как не взяли и Франции. Отбились от них и тюрки, Китай на реке Талас в 751 году. Хазары не пустили к славянам. Грузия не дала с тыла за&ти в Византию. И все же это была империя большая, чем империя Александра Македонского.

Но не только серебряных верблюдов и золотых коней привезли арабы домой. Привезли и молчаливых друзей — книги. И еще ощущение разрушенности границ. И усталость… Устали воевать. Вот тут-то и начали откладываться окраины… Но несмотря на это, наступила золотая пора халифата. Пусть падает купол и увозят камень Каабы, пусть мелкие Сиджилмасы присваивают себе титул «Повелителя правоверных», — культура расцветает на развалинах. И была в ту пору эта культура — диалогом цивилизаций. (Время на уровне прадеда Ибн Сины.)

Но вернемся к судебному процессу над Али, в Бухару 1920 года.

— Отец Ибн Сины был еретик, исмаилит, — говорит па площади Регистан народу Бурханиддин-махдум. — Он состоял и общество «Братьев чистоты». И сына накормил медом этого проклятого улья! Пчелы его, мутазилиты, собирали нектар в Греции, Сирии, Византии, то есть с чужеродных исламу культур. Их мед — это сбитые воедино различные философские, научные и религиозные) традиции, не чем и зарождалось затем философское свободомыслие мусульман, да простит нас за него всевышний! Пчелы же другого улья, правоверные богословы, собирали нектар только с чистых земель Мекки и Медины. Их мед — благородное толкование Корана, — калам[11].

— Но мутазилиты ведь находились под защитой государства! — вдруг перебил судью чей-то голос из толпы. — Зачем ж о вы так пренебрежительно говорите о них?

— Некоторое время — да, — ответил Бурханиддин, — при халифе Мамуне, сыне Харуна. Пока не разобрались, какое чудовище прячется за маской скромности!

— Мутазилиты раздвинули горизонт мысли мусульман! — снова возразил голос. — Перевели на арабский огромное количество греческих и других драгоценных книг!

— Благодаря чему на столе у Ибн Сины, в Бухаре, был весь мир, хотите вы сказать? Да не будь этих еретических книг, может, стал бы он правоверным мусульманином!

— Мутазилиты хотели философски осмыслить ислам, — поправил судью голос.

— Невинные овечки! Под прикрытием религии дали зародыш философии! Тьфу!

— А что оставалось делать? — спокойно парировал голос. — Религия — царь. Начинающаяся же философия — нищий. У вег даже не было своего языка, своих по-философски поставленных вопросов! Как же царя заставить слушать себя?

— Разговор серьезный, — ласково произнес Бурханиддин-махдум. — Мы должны быть уверены в авторитете нам возражающего.

Из толпы вышел слепой старик — известный в городе переписчик книг Муса-ходжа. «Видно, жизнь здорово морочила ему голову, — подумал Бурханиддин-махдум, — раз он

---

[11] Калам — схоластическая теология, неотъемлемая часть мусульманской идеологической системы, защитна да ее интересов.

решил перед смертью поморочить голову другим».

— Что же вы замолчали, уважаемый? — спросил Бурханиддин, усаживая старика на ковер. — У нас справедливый суд, каждый может сказать свое слово о защиту…! Так я не понял, кого вы вышли защищать?!

— Отца Ибн Сины, Ведь дело мутазилитов продолжило затем общество Братьев чистоты, на чьих трактатах и воспитывался Абдуллах.

— Неужели вы собираетесь защищать мутазилитов, этих еретиков?! — искренне удивился Бурханиддин-махдум. — Не боитесь гнева всевышнего?

— Боюсь его равнодушия.

В толпе восторженно загудели.

— Пусть он говорит! — раздались голоса.

— Не мешайте ему!

— Про мутазилитов пусть скажет!

— Я скажу, — улыбнулся старик. — Слушайте! Всякая философия, действительно, встает на ноги в доме религии…

— … которую потом в благодарность и убивает! — рассмеялся Бурханиддин махдум. — Все начинается с ответа на один вопрос, — продолжал старик, не обратив внимания на Бурханиддина, перебившего его: — Абсолютно ли единство аллаха? Царь — религия и нищий — начинающаяся философия, отвечаю: Да. Аллах абсолютно един.

— А выводы из этого положения делают разные! — снова перебил Бурханиддин-махдум. — Правоверные богословы аллаха ничем не обижали, мутазилиты же…

Толпа возмущенно заворочалась. Бурханиддин понял, что совершил ошибку.

— Извините, отец, — сказал он, склонившись перед стариком. — Я перебил вас.

— Бы хотите привести знаменитое рассуждение мутазилитов, считающееся безбожным? — кротко проговорил старик.

В да.

— Я сделаю это за вас, чтобы показать красоту их логического мышления. Слушайте. Главное качество аллаха — знание, рассуждали мутазилиты. Значит, аллах заранее все предопределил в соответствии со своим знанием. И нет, выходит, в мире ничего такого, что надо было бы переделывать. Ведь если выкопаешь канал, а вода в него не входит из реки, значит, ты чего-то не знал и допустил ошибку? Аллах же знает все! Сотворенный им мир равен его знанию. Знание же — это он сам и есть. Значит, сотворенный им мир равен ему самому.

— Что же получается? — остановил старика Бурханиддин-махдум. — Сотворённое равно творцу!!! И вот эта жалкая ползущая у моих йог мокрица — бог!?

Толпа возмущенно загудела, поддерживая судью.

— Тогда никто этой их ереси не разглядел, — продолжает Бурханиддин. — Лишь через пятьсот лет теолог Ибн Таймия ужаснулся тому, что в положении еретиков были правоверные теологи, мутазилиты же считались инквизицией. Вот как дьявол все попутал! И вы хотите своими седыми волосами это защищать?!

— Я защищаю исток реки, из которой пил и Ибн Сина, — сказал слепой старик Муса-ходжа. — В споре теологов и мутазилитов — исток реки мусульманской философии, а значит, исток и философии Ибн Сины.

— Исток ереси! — взорвался Бурханиддин. — И слава аллаху, этих мутазилитов раскусили в 847 году, и все встало на свои места: мутазилитов, наконец-то, открыто объявили еретиками, а правоверных теологов — инквизицией.

— Но мутазилиты успели все же пропеть свой гимн! — с достоинством сказал старик. — Они настолько возвеличили разум, что даже враги взяли у них их оружие — логику, а Джувайни, современник Ибн Сины, учитель Газзали, не побоялся узаконить это даже своим авторитетом! И только на основе логики теологи, наконец, разобрались с Кораном: вечная, мол, абсолютная его суть и в боге, словесная же форма выражения —

относительна к каждому определенному времени. Следовательно, допускается символико-аллегорическое толкование его, но не критика.

— Да, это так, — сказал судья. — Калам взял лотку — оружие своих врагов. Но этим оружием их и убил! Мутазилиты сгорели, словно тоненькая свечка в руках бога! И о каком их гимне можно говорить после того, как само время расправилось с ними?! — Бурханиддин встал и закрыл заседание.

Подведем итог спору слепого старика и судьи. Да, широкое распространение мутазилитами греческой философии и их тезис о познаваемости бога и Вселенной имели основополагающее значение для развития арабоязычной философии, породили деятельность общества энциклопедистов — «Братьев чистоты». Общество это успело издать около 50 трактатов, написанных на основе греческой философии Я соответствии с учением мутазилитов. Потом «Братья чистоты» стали преследоваться. На их трактатах, в тайном общении с ними, и воспитал себя отец Ибн Сины. Вот он — первый свет золотого яблока благородной и вечной сути Ибн Сины сквозь серебряный сосуд времени…

В Балхе было много последователей общества «Братьев чистоты». Собирались они но ночам, где-нибудь в развалинах читали рукописи при свете факелов в гудении ветра, постоянно дующего в этих местах. На рассвете возвращались вдоль плетёных заборов, поставленных пап пути ветра, гнавшего на поля песок. Ветер переворачивал огромные бронзовые котлы, сбивал с ног люден, крутил крылья первых в мире ветряных мельниц.

У двадцатилетнего Абдуллаха — отца Ибн Сины — была уже начальная степень посвящения: он научился жить, отказавшись от роскоши, женщин и лжи. У сорокалетнего Натили, старшего друга Абдуллаха и первого и будущем учителя Ибн Сины, была третья степень: он и обладал сильной волей и умел защищать учение от нападок врагов. Натили писал и трактаты. Так, дошедший и до нас единственный отрывок одного из них рассказывает, как он понимал совершенство. Различал три его ступени: первая — когда человек может создавать себе подобных, вторая — когда формируется мыслящая душа, и разум из возможного становится реальным, третья — когда понимаешь, как надо управлять собой, семьей и народом «Отец мой, — рассказывает в «Автобиографии» Ибн Сина, — принадлежал к числу сборщиков налогов и амилей».

Амили ведали статьями дохода государственной казны. Значит, отец Ибн Сины служил при дворе. Тогда становится понятной внезапно происшедшая с ним перемена: «Вскоре он переселился в Бухару (!), в дни достославного эмира, царя Востока, Нуха, сына Мансура, и пополнял там должность амиля в селении Хармайсан».

Балх но времена Ибн Сины — провинция. Даже более того, — «скучный город Саманидской держаны», — как писал о нем арабский географ того времени Макдиси. — Бухара же — столица, а бухарские эмиры — самые блистательные и соцветии эмиров халифата.

Сделаться казначейским чиновником в Бухаре!.. Едва пп здесь помогли рекомендательные письма. Скорее — случай.

Эмир Бухары Нух ибн Мансур мог прибыть в Балх для охоты на львов, смотра войск или отдыха в прохладных горных садах. Был где-то 978 год, потому что в 980-м уже родился Ибн Сина под Бухарой. Эмиру Нуху в то время — пятнадцать лет, Бухарой правили его мать и везирь Утби, о котором его враг, военачальник Симджури, сказал: «Он слишком молод для везиря». Значит понравиться Абдуллах мог скорее везирю, чем мальчику-государю, так как Утби наверняка собирал вокруг себя умных и честных людей, раз уж имел могущественных врагов.

И вот 28-летний Абдуллах — может быть, ровесник Утби — едет в Бухару.

Что он берет с собой? Воспоминания… И еще куст знаменитых балхских красных роз, которые цветут только на родной земле и гибнут, если их пересадить в чужую землю. Но Абдуллах надеется, что они расцветут и на бухарской земле, как расцветет там и его жизнь.

Вот уже позади горные ущелья и перевалы, что в Байсунских горах. Позади последний и главный из них — «Железные ворота», единственный проход из Хорасана, где расположен

Балх, в древний Согд, получивший с приходом арабов название Мавераннахр, где расположена Бухара, Об этих воротах писал еще китайский истории Сыма Цянь в I веке до н. э. Много в них вошло людей, навьюченных заботами, горем, надеждой… В 978 году в них вошла судьба Ибн Сины.

Абдуллах зажил счастливо в Бухаре, вернее, в селении Хармайсан, Сила державы — в ее казне: войско-то оплачиваемое, из чужих! И как велико бывало значение срочных денег! В столице их не соберешь, столица умеет их только тратить. Селения же — единственный спасительный резерв. Взбунтовались войска, два часа скачет гонец в село, два часа летит стрелою обратно I с деньгами! — и эмир, осажденный во дворце, спасен. Снова войска, накормленные золотом, любят его, снова пьют с ним вино. А при Абдуллахе взаимоотношения между Ребенком-эмиром и сильными строптивыми военачальниками сложились особенно трагически. И покатилась Саманидская держава в накат. Двадцать лет ей осталось существовать, но она пока не знает об этом. По-прежнему держит открытыми двери мира, хотя в них давно уже вошла смерть и незаметно присела у трона.

Все это крестьянин Али и народ услышали от Бурханиддина в первый день суда. После вечерней молитвы м* седание закрылось. Площадь Регистан опустела, из деревья с боем обрушились тучи птиц, ища место, где бы пристроить Ланки И переночевать.

Содержался Али в Арке (где жил эмир) — в маленькой комнатке, устланной коврами. К нему были приставлены слуги, которые, внося еду, кланялись. Из одежды Али дали шелковый халат и шелковую чалму.

Мимо широкого проема двери то и дело сновали чиновнки. Эмир проезжал на коне медленно, словно берег тишину — знак сильной власти. Конь, сдерживаемый его мощной рукой, благородно ступал по гулким мраморным плитам. Али слышал, как эмир останавливался перед дверью в приемный двор, тяжело сходил с коня. Один раз Али не выдержал и поднял глаза. Эмир задумчиво смотрел на него, обмякнув в седле. Потом чуть поклонился.] Алый тёплый дым захлестнул сердце, И Исчез свет. Али упал, А открыл глаза: перед ним сидел весь в пламени] человек.

— Кто вы? — испугался Али, прикрыв ладонью глаза: от малейшего движения незнакомца пронзительно] вспыхивал, словно от острых граней алмаза, свет.

— Я Ибн Сина, — ответил человек, и пламя ласково коснулось сердца Али, Али смешался. Упал На колени, потом вскочил, опять склонился и припал губами к ногам Ибн Сины, но тут: же закричал, задыхаясь:

— Будь проклят! Уходи! — и заплакал, отчаянно кинувшись в глубь огненного облака, как в смерть, но оказался на груди Ибн Сины. Ибн Сина глубоко вздохнул, будто вся Бухара вздохнула, и исчез…

Потрясенный Али долго смотрел в темноту. В голове его то и дело вставали картины жизни знаменитого еретика, услышанные в суде.

Вот мальчик-царь. Вот везирь Утби. Вот военачальники… Дее силы раскачивают маятник Саманидской державы: чиновничья и военная. Абдуллах, привозивший налог из Хармайсана, мог видеть такие сцены: казначей сидит перед низеньким столиком. По обе стороны от него — полководцы Фаик и Симджури, обветренные, изукрашенные шрамами, стремительные, словно предсмертный час. Вносят мешки с золотом — налог, собранный отцом Ибн Сины в подведомственной ему области. Казначей вскрывает мешки, высыпает золото на ковер, считает, записывает… Фаик и Симджури ждут. Но только подсчет кончен, оба кидаются к золоту и лихорадочно набивают принесенные с собой мешки. А в это время входит эмир — 15-летний Пух, в ужасе смотрит на происходящее

— Они мне нужное, — отвечает Симджури на укоризненный взгляд о мира, — если хотите, — он низко кланяется, чтобы я разбил наших врагов на Востоке, довод против которого не то что мальчик-государь, но и могущественный эмир опустит глаза, ибо сила эмира — в настроении его войска.

— Я должен победить врагов на западе! — добавляет Фаик. Тут еще вертится Васики — родственник властвующего в Багдаде халифа (в каждом городе имелись такие

прихлебатели).

Подобрав с пола несколько монет, он говорит:

— А как же моя пенсия? Неужели вы, эмир, не отнимете у них деньги и не назначите мне пенсию?

Эмир кусает губы, молчит. Потом стремительно выходит. Куда ему бежать? Только на грудь везиря своего Утби.

— Потерпите, — говорит ему Утби. — Я сломлю их спесь.

И действительно, ласками и подарками он скоро усыпляет военачальников и внезапно низлагает Симджури, ставя вместо него Таша — раба своего отца, честного полководца. Кастрата же Фаика, одноглазого раба из Испании, отправляет на юг, на войну с бундами (теми, кто полвласти отняли у халифа). Бунды, надеется Утби, собьют спесь с Фанка. Правда, за это можно поплатиться южными землями, но Утби готов пойти на все, лишь бы не лишиться головы.

Продержал он, однако, голову на плечах всего два месяца: Фаик и Симджури убили его. Теперь маятник жизни Саманидской державы раскачивает одна сила: военная.

Живя в такой обстановке, и попадает Абдуллах в селение Афшана под Бухарой, Ему 29 лет. Он одинок, и этом возрасте не быть женатым на Востоке и не иметь детей — явление редкое. Жену обычно выбирают еще родители, когда сыну исполняется 17–18 лет. Или у Абдуллаха родители рано умерли, и он, предоставленный себе, ждал искреннего чувства, или был он натурой, столь погруженной в знания, что течение жизни ускользало от него, и он не считал года? И вдруг женится. И у него вскоре рождается сын — Хусейн. Причем Абдуллах ОС «тавляет село, где был амилем, поселяется о Афшана Продолжал ли он при этом исполнять должность сборщика налогов в Хармайсане? Наверное, нет: Утби, покровительствующий ему, убит, а Фаик и Симджури едва ли бы оказали ему милость. Жил ли он на средства, скопленные за время одинокой его жизни, или у него было какое-нибудь доходное дело? — неизвестно. Единственное, о чем мы можем точно сказать: пять лет, проведенные им в Афшане, были самыми счастливыми, красивыми годами его жизни. Красные розы, которые он привез с собой из Бал ха, расцвели на бухарской земле.

Красные розы… Они, словно кровавые пятна, стоят в глазах Али.

Дли заболел.

Его никто не бил, его хорошо кормили, держали в шелках и на коврах. Не было решеток на окнах, не было стражников у дверей. Он мог свободно прогуливаться недалеко от комнат эмира! — честь, какой не удостаивался сам куш беги, не то что Бурханиддин-махдум. И все же Али заболел.

Сидел по ночам, обхватив себя руками, и тихо разговаривал и Ибн Синой. Днем же, уставившись глазами то на стену, то на пол, говорил слугам, пытавшимся сдвинуть его с места:

— Вот, вот… Видите! Следы ног его на ковре, где ворс сгорел… А на стене, смотрите, какие подпалины! Здесь он стоял, прислонившись…

Бухара была потрясена болезнью Али. Чтобы молодой крестьянский парень заболел какими-то видениями? Аристократ он, что ли, изнеженный принц? Крестьянин может заболеет только от голода, побоев и непосильной работы.

Эмир, узнав и болезни Али, вызвал Бурханиддина и задал ему всего один вопрос, поглаживая при этом огромную обнаженную саблю:

— А если Али умрет?

Бурханиддин сбился с ног, разыскивая по всей Бухаре хорошего лекаря, но все в один голос говорили, что вылечить Али от такой странной болезни может только…! Мой старше Муса-ходжа. Пришлось идти на поклон.

Муса-ходжа начал лечить Али по книгам Ибн Сины, А Я цело вроде бы пошло на лад, по как-то ночью огромный огненный Ибн Сина встал на площади Регистан в окружении гигантских скачущих теней, в свите истошных криков.

Али сказал: Ну вот, теперь Ибн Сина пришел ко всей Бухаре, но только ко мне! — в

потерял сознание.

— Да нет! Не Ибн Сина то был! — кричали утром на базаре люди. — Это сунниты поставили на площади чучело и подожгли его!

— Сунниты?! — возмутились сунниты. — А не вы ли это сделали, шииты?

— Как же мы могли это сделать, если Ибн Сина был шиит?! У него и имя шиитское — Хусайн!

— А у нас, суннитов, нет, что ли, такого имени?!

— У него и отец был шиит. Мы не могли поднять на Него руку.

— Бы все можете!

Бурханиддин слушал донесения о волнениях в городе с затаенной радостью: теперь не будет больше противостоять ему на площади единая монолитная толпа но время судебных заседаний. Теперь, используя грызню между шиитами и суннитами, он будет управлять толпой, как всадник конем. Юродивые, дервиши, уголовники, палачи были пущены им в самые людные места для того, чтобы повсюду затевать споры: шиит Ибн Сина или суннит?

Сунниты — правоверные мусульмане, шииты — одно из главных оппозиционных течений в исламе. Раскол произошел давно, еще в седьмом веке, после смерти пророка Мухаммада, умершего в 632 году, когда встал вопрос: кому передавать наследство над халифатом: сподвижникам пророка или членам его семьи? Сына у Мухаммада не было, но он воспитал своего двоюродного брата Али как сына и отдал ему в жены свою дочь Фатьму. Халифом выбрали друга Мухаммада — Абу Бакра. В прошлом богатый купец, он поддерживал пророка еще тогда, когда все смеялись над ним и отовсюду его изгоняла. Во время правления халифатом Абу Бакр но всем следовал заветам Мухаммада и произвел потрясающее впечатление на всех справедливостью и простотой. Еще больше прославился этими качествами второй халиф — Омар, сменивший Абу Бакра, бывший враг пророка Мухаммада, он ходил и простой одежде, жил в простом доме, общался с народом. Даже сегодня в мусульманских странах Омар — символ благородства. Погиб же он насильственной смертью от руки раба за то, что не уступи калифат Али. Не уступил для Али престол и третий халиф — Осман. Этот построил для себя несколько больших домов, стал жить в роскоши, к народу относился равнодушно. Недовольные начала группироваться вокруг Али попросили его под видом паломничества прийти в Медину возглавить движение. Но Али проявил нерешительность, более того, — неосторожность, наивно пойдя на переговоры к Осману. Осман тут же отправил гонца в Египет за помощью. Толпа перехватила гонца, и это Послужило Поводом к убийству ненавистного халифа, хотя он и вышел К убийцам с Кораном в высоко поднятых руках.

Али стал халифом. И вот те, кто признавали, что наследство халифатом может быть выборным, то есть переходить по принципу: «Аллах дает власть тому, кому хочет», стали называться суннитами. Те же, кто считали, что халифом может быть только родственник пророка Мухаммада от Али, стали называться шиитами.

Если отец Ибн Сины — шиит, более того — исмаилит (крайнее выражение шиизма), то соответственное духовное воспитание, противоречащее ортодоксальному исламу, получил и Ибн Сина. И тогда совсем в другом свете будут выглядеть его жизнь, тайна его скитаний, отчасти и его философия, — особенно последнего периода жизни, связанная с такими утерянными и погибшими загадочными его трудами, как «Восточная мудрость», «Логика восточных», «Книга справедливости» и так называемые мистические хамаданские трактаты.

Некоторые ученые[12] усматривают в имени Хусаин, которое Абдуллах дал своему сыну, тайное признание его в принадлежности к шиизму, вызов официальному исламу. О кунье Ибн Сины, связанной с именем халифа Али (Абу Али), мы уже рассказало. Что же представляет собой имя Ибн Сины Хусайн?

Омейяды после смерти халифа Али не допустили к власти двух сыновей его, и Хусайн,

---

[12] Завидовский Ю. н. Абу Али ибн Сина. Душанбе, «Ирфон», 1980, с. 58.

младший, пошел в Куфу, чтобы присоединяться к восставшим, послав впереди себя родственника с основным войском. Наместник Куфы подавил восстание, убил родственника Хусаина, рассеял его войско. Хусайн сидел у ручья, когда гонец принёс ему эту страшную весть. До утра не поднялся. Смотрел и смотрел на серебряную чеканку яростных мелких волн, бьющихся о черные камни. Шум их казался ему то шумом боя с злополучной своей судьбой, то шумом жизни, которая могла быть и у него, забери он детей, жен и уйди с ними куда глаза глядят.

Победил укор чести. Хусаин встал и с семьюдесятью воинами и восемнадцатью членами семьи продолжил из Куфу путь. Но вскоре дорога предала его, свернув в пески, где он семь дней умирал от жажды. И снова предстоящий бой показался ему ничтожным но сравнению с радостью пить воду, растить детей, любить жен. Но и в этот раз победила честь.

Бой состоялся десятого числа десятого мусульманского месяца 680 года в местечке Кербела, Против семидесяти воинов Хусайна, обессиленных страшным переходом черва пустыню, халиф Йазид выставил четыре тысячи свежих, вооруженных с ног до головы воинов. Накануне ночью! Хусаин помолился, составил завещание и утром на глазах плачущей семьи пошел на врага.

В отдельности никто не решался напасть на него — все-таки плоть пророка! Погиб Хусайн, получив одновременно 33 колотых и 34 рубленых раны. До сих пор в Кербеле на кувшинах с водой пишут: «Пей воду и проклинай Йазида».

Ибн Сина родился примерно через 300 лет после гибели Хусайна, сына Али, и, как говорят легенды, в день плача по Хусайну, когда выливают воду из кувшинов, чаш и хумов в память о семи днях его мучений в песках, женщины с распущенными волосами посыпают голову землей и громко плачут.

Шииты, сунниты… Б свете особенностей времени Ибн Сины это были не столько религиозные, сколько политические партии, из которых шииты находились в оппозиции к ортодоксальному исламу, К шиитам в основном примыкали иранцы вместе с некоторыми другими народами, к суннитам — большей частью тюрки, арабы и другие.

То, что отец Ибн Сины был шиит, можно считать фактом бесспорным, судя по словам самого Ибн Сины в «Автобиографии)): «Отец мой… из тех, кто считался исмаилитом». А исмаилиты, как мы знаем, это секта шиитов крайнего выражения. Но считать Абдуллаха на этом основании, а также на том, что родился он в Балхе, — иранцем, наверное, было бы неосторожно.

О матери Ибн Сины мы также почти ничего не знаем. На основании ее имени — Ситора, что значит на иранском «Звезда», некоторые ученые делают вывод о ее национальности — иранка и о вероятной Принадлежности ее семьи К местному зороастрийскому духовенству. Так как это имя ее может, но их мнению, отражать местный доисламский культ Венеры — древнеиранской Анахиты.

Возьмем имя Шер-и Кишвар, что значит на иранском «Лев страны». Судя по имени, этот человек — иранец? Нет. Он тюрк. Кстати, основатель, по Наршахи, города и Бухары. Но жил он в то время, когда тюрки то воевали, то дружили с Ираном, и поэтому у тюркского царевича Яиг-Соух-тегина (Новый большой мороз), кроме этого тюркского имени, было еще и иранское — Шер-и Кишвар.

Но вернемся к волнениям в Бухаре между шиитами и суннитами 1920 года. Они внезапно прекратились. Это в каждом квартале, в каждой семье старики сказали свое слово, напоминая о страшной резне 1910 года, унесшей тысячи жизней. И снова суннит стригся у шиита, шиит покупал у суннита хлеб, вместе они сидели по чайханам, и вместе справили, когда пришло время, плач по Хусейну.

Али перестал видеть по ночам огненного Ибн Сину, но вот уже пять дней как ничего не ел, не открывал глаз, и однажды в бреду сказал:

— Я — Ибн Сина… лечивший его слепой старик Муса-ходжа потерял последнюю надежду на выздоровление в послал за его матерью.

Она шла, скромно потупившись, — маленькая сухонькая старушка. Шаг легок, словно

не человек, а ветерок пересекал улицу.

Люди умолкали при ее приближении. Некоторые даже низко кланялись. А что, если Али — и вправду возродившийся Ибн Сина? Сказал же он сам про себя:

«Я — Ибн Сина…» А то, что говорят в бреду, говорит бог, верили бухарцы.

Мать Ибн Сины… Кто была эта женщина, подарившая миру такого сына? Человек ли она была или богиня, и тихо пришедшая на землю, и потому смерть рано забрали ее, а время тщательно стерло следы ее пребывания среди людей? А может, это была сама Земля — крепкая и сильная крестьянка. И жила она долго, ничего не зная об ушедшем в скитания сыне, о великой его славе, о божественном его уме? Может, даже пережила его и, умирая, благословила, давно растворившегося в земле? Или это была изысканная поэтическая натура, нежно лелеянная отцом, матерью, а позже мужем? И родив Гения, как бы вся перелившись в него, рано умерла, и великий ее сын жил и за нее и за себя, совершая двойной подвиг служения людям?

Ничего не осталось от нее. Одна только строчка в «Автобиографии»: «Вблизи селения Хармайсан было селение под названием Афшана. Отец мой взял оттуда в жены мать мою и поселился там. Здесь мать родила меня…»

Афшана… Одна только эта ниточка у нас в руках. Что она может сказать?

Однажды, сидя в Афшане на земле, вдали от глиняных домиков, обжигаемая горячим ветром, то и дело ввинчивавшимся в небо короткими яростными смерчами, я задумалась о матери Ибн Сины, родившейся здесь, а очнувшись, «нашла» себя… у хуннов в XVII веке до и, э. Я постараюсь восстановить ход своих размышлений, все это фантастическое путешествие за матерью Ибн Сины, которое стало возможным благодаря кропотливому труду многих и многих ученых.

Афшана… Некоторые отождествляют это селение с соседним Лаглака, хотя это совершенно разные два селения. Посмотрим другие селения и города вокруг Бухары. Город РАМИТАН — по преданию, построен царем туров Афрасиабом, который якобы убил Сиявуша. А эра Сиявуша, как говорит Беруни, современник Ибн Сины, начинается с 1292 года до н. э. Вот какой древний город! Селение РАМИШ — напротив Рамитана, построено сыном Сиявуша Кай-Хосровом. Отсюда он нападал на Афрасиаба, мстя за отца. Городок ВАРДАНА, на канале Шапуркан. По преданию, это первый канал, прорытый в Бухарском оазисе. И только после пего Афрасиаб построил свой канал Рамитан. Значит, Вардана древнее Рамитана. Селение ХАРМАЙСАН, где был амилем отец Ибн Сины, расположено на северо-западе, то есть на древних землях оазиса. Специалисты заметили, что древнейшие селения Бухары оканчиваются на

— МИТАН — ДУВАН

Рамитан Гиджуван

Хурмитан

(Хармайсан)

— КЕНТ

Пайкент

Вабкент.

То, что таких селений мало, подтверждает их древность. Самую большую группу составляют селения, названия которых носят имя того или иного племени: КИПЧАК, НАЙМАН, КИТАЙ, МАНГЫТ, КАЛМЫК, УЗБЕКАН, КАЗАК и так далее… Значит, когда в оазис приходит какое-нибудь повое племя, оно старается поселиться так, чтобы ни с кем не смешиваться. Вот пришел сюда, в Мавераннахр, в XVI веке Шейбани-хан со среднего течения Волги, завоевал Среднюю Азию и осел здесь вместе со всем своим народом, названным им узбекским в честь хана Золотой Орды Узбека (умер в 1360 году). А из кого состоял этот приведенный им «народ»? Из монгольского племени МАНГЫТ, позже отюретившегося, а когда-то входившего в личную дружину Батыя, внука Чингисхана (кстати, эмир Алим-хан — последний представитель мангытской династии), из КАЗАХОВ,

отделившихся от Золотой Орды в 1456 году («казах» и означает — «мятежник»), КИПЧАКОВ, затем НАЙМАНОВ — это один из 30 татарских родов большого тюркского племени, обитавшего до XII века на Хингане (горы южнее Амура), их тоже привел на Русь Батый.

Посмотрите еще раз на названия селений Бухарского оазиса. Все они соответствуют составным частям племени, названного ханом Шейбани узбекским. Селение КИТАЙ — наверное, основано кара-китаями, что брали Бухару до Чингиз-хана. Селение КАЛМЫК — от имени калмыков, пришедших сюда в XVII–XVIII веках. Если правильно предположение, что каждое селение под Бухарой отражает в своем названии имя племени, поселившегося здесь, и этим самым подчеркивается принцип НЕСМЕШИВАНИЯ племен, то куда девались те племена, которые жили до прихода тех или иных завоевателей? Ради сохранения жизни, индивидуальности, они должны были куда-то откочевать. Прячутся в горах или недоступных местах…

А кто ЖИЛ в Бухарском оазисе до прихода Шейбани хана? Какие народности и племена? Давайте посмотрим названия сел в ближайших к Бухаре ГОРАХ я ЗАСУШЛИВЫХ МЕСТАХ. Так оно и есть: вот селение КАРЛУК — в Каршинской степи. Жители говорят о себе: «Мы из-под Бухары». Селение ТЮРКОВ — на юге Таджикистана. Жители говорят: «Мы таджики рода ТЮРК». Селение КИПЧАК — у Куляба, тоже юг Таджикистана. В ущелье Рамитан, в верховьях Кафирнигана (Таджикистан), живут тюрки, говорящие на тюркском в море таджикского языка. Рядом селение КАРЛУК. Село Муса-базари — высоко в горах, в Гиссарской долине (Таджикистан). В нем живут ТЮРКИ, пришедшие из-под Бухары[13].

Итак, АФШАНА… Селение, которое часто в источниках называют еще и АФШИНА, Какую тайну несет в себе это название? Есть ли народ с таким именем? Да. Есть. Тюркский народ ашина, названный так по имени своего родоначальника князя Ашина, А есть ли какая-либо связь между судьбой Согда — домусульманское название родины Ибн Сины — и судьбой Ашина? Да, Есть.

В 439 году Китай наголову разбил последнего хуннского хана Муганя. Князь Ашина, полководец Муганя, заперт с горсткой народа в 500 семей в Наньшаньских горах (Северный Китай) и думает: «Куда вести народ?» Можно, конечно, собрать беглых рабов, разорившихся скотоводов, создать мощный отряд и грабить соседние племена. Но хищная орда разрушает благородное имя народа, дух его предков, его душу…

Подобная ситуация с народом ашина была уже лет 400 тому назад. Началась же она еще в 1764 году до н. э., когда горстки хуннов, разбитых Китаем, униженно пересекли спиной к врагу страшную пустыню Гоби и ушли на юг Сибири. Вернулись в IV веке до н. э. Лет двести ушло на то, чтобы втиснуться между народами. Потом стали ждать рождения Самого Лучшего Хунна.

Тумин, царь, отправил заложником к соседям юечжам [14] своего сына Модэ, родившегося в его трехлетнее отсутствие, и тут же на юечжей напал, что равно было убийству Модэ. Модэ чудом спасся. Сказал дружине: «Куда летит моя стрела, туда должны лететь и ваши стрелы!» И пустил стрелу в любимого коня. Большая часть дружины лук не подняла. Модэ казнил их. Пустил стрелу в любимую жену — меньшая часть дружины не подняла лука. Казнил их. Пустил стрелу в Тумина — одновременно спустила лук оставшаяся дружина. Я думаю, это — легенда — образ единства войска и хана, Тумина можно было убить и одной стрелой, но важно, какая армия стояла бы при этом за спиной Модэ? Единая с ним, тогда одиночный его выстрел имел бы смысл.

---

[13] Исследования проведены и Кармышевой.

[14] Имя народи дается по китайской хронике. Само название не сохранилось. Их потомки — кушаны, европеоидный, голубоглазый, светловолосый народ.

Вот так родился Самый Лучший Хунн, который вернул народу родину, горы Наньшань, сломил силу Китая: в 202 году до н. э. перешел со всей своей армией Великую Китайскую Стену и без боя принудил Китай платить дань. Что значит «без боя»? Значит, китайцы, увидев мощную армию Модэ, сразу же согласились платить и дань, только бы хунны не разрушили Китай, И Модэ, получив дань, ушел! Стоять с армией и удержаться от грабежа поверженного врага?!. Вот оно, знаменитое Степное и благородство. И наконец, хунны стали щитом Великой Степи[15], а не хищной ордой, грабившей своих же степников.

Но после смерти Модэ в 176 году до н. э. Китай сто лет мстил хуннам за 26 лет дани. Хунны попали под тотальное истребление. От горстки их, спрятавшихся на Алтае, остался, как говорит предание, только девятилетний мальчик с отрубленными руками и ногами. От него, спасенного волчицей, родившей ему впоследствии десять сыновей, и начался народ Ашина.

«А» — китайская приставка к имени, знак благородства, «шино» — на древнемонгольском (сяньбийском) языке — волк. Ашина — «Благородный волк».

Около двухсот лет росли ашины на Алтае. И когда в 316 году возродившиеся хунны снова встали к Китаю лицом, приняв на себя миссию защитников Великой Стени, взяли две китайские столицы, двух китайских императоров И отогнали китайцев с Хуанхэ на Янцзы — возрожденные ашины были с ними.

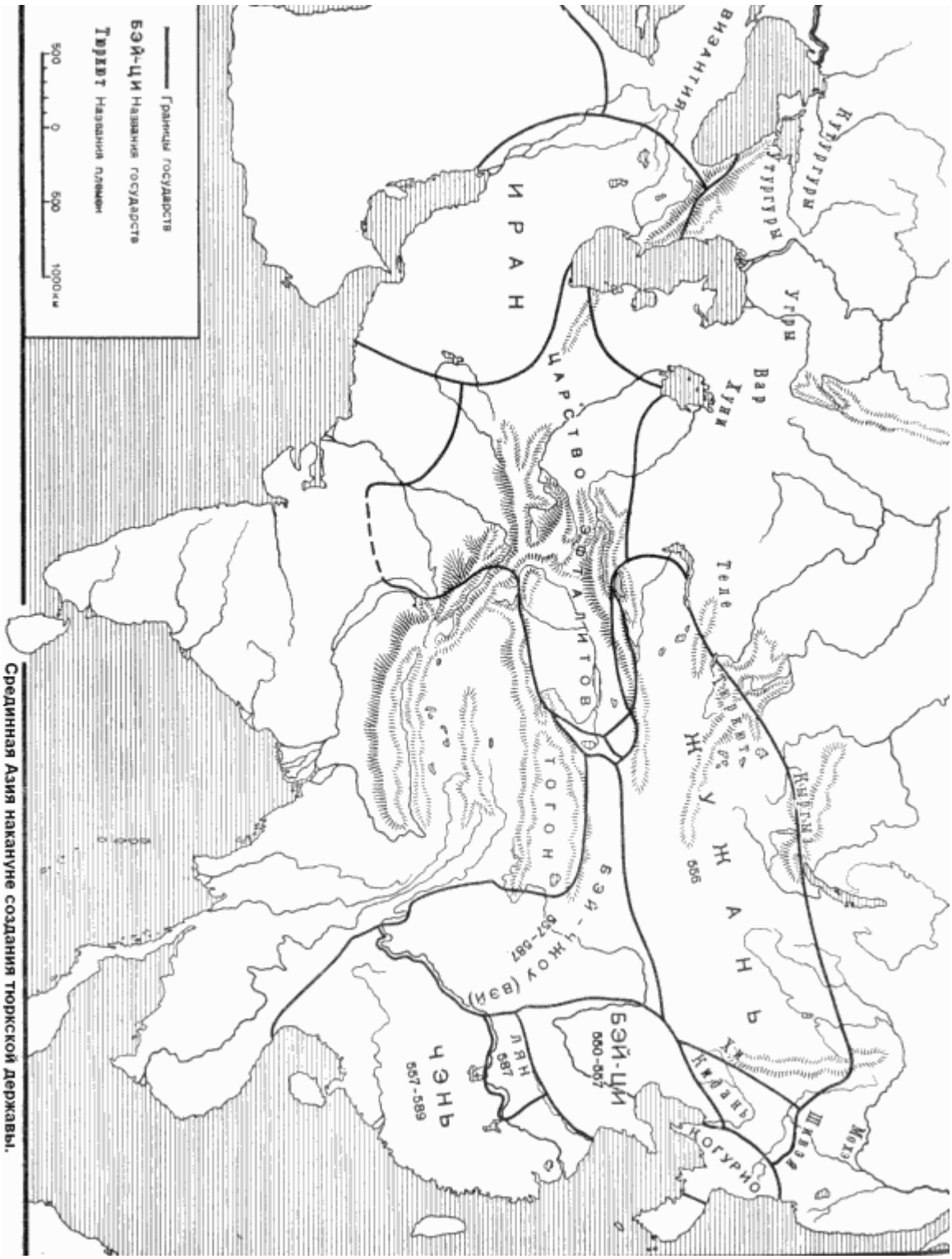
И вот конец: сидит князь Ашина через 123 года после этих блистательных событий в Наньшаньских горах и думает: куда вести остатки своего народа? Можно попросить земли у Китая — даст, но за это придется отдавать в китайскую армию молодежь — самое драгоценное, что осталось сейчас у Ашина. И потом — служить своим бывшим врагам?! Этого «благородные волки» не могут.

И Ашина совершил подвиг: пробился без единой жертвы сквозь китайские сторожевые посты, уведя свой народ с Наньшаньских гор на Алтай, где горела ярким блеском Юебаяь, последний осколок хуннской империи, до которой не дотянулся еще Китай.

Здесь, на Алтае, в подвиге кротости и трудолюбия второй раз возродился народ ашина. В кротости — потому что надо было терпеть нового хозяина Степи — Хищную Орду Жужань, В трудолюбии — потому что кочевникам (!) пришлось научиться растить хлеб и плавить железо но требованию жужаней.

---

[15] Земли современной Монголии и пролегающие к ней районы.



Срединная Азия накануне создания тюркской державы.

Карта из книга Л. Гумилева «Древние тюрки», Москва, «Наука», 1967.

В 490 году от жужаней отложились теле — потомки ЧИДИ (рыжеволосых ди). Теле противились грабежу Китая, на что их, мирно обменивавших скот па китайский шелк, толкала Жужань. Оставив древнюю свою родину — излучину Хуанхэ (около Наньшаньских гор), двенадцать родов теле — сто тысяч семей (!) погрузились на высокие телеги и откочевали на Алтай, где, уничтожив Юебань, основали государство Гаогюй (Высокая телега) и встали щитом против орды Жужань.

Пятьдесят лет прожили ашины под защитой кузнечного своего мастерства (жужаням нужны были новые сабли, копья, наконечники стрел) и шестьдесят лет под защитой

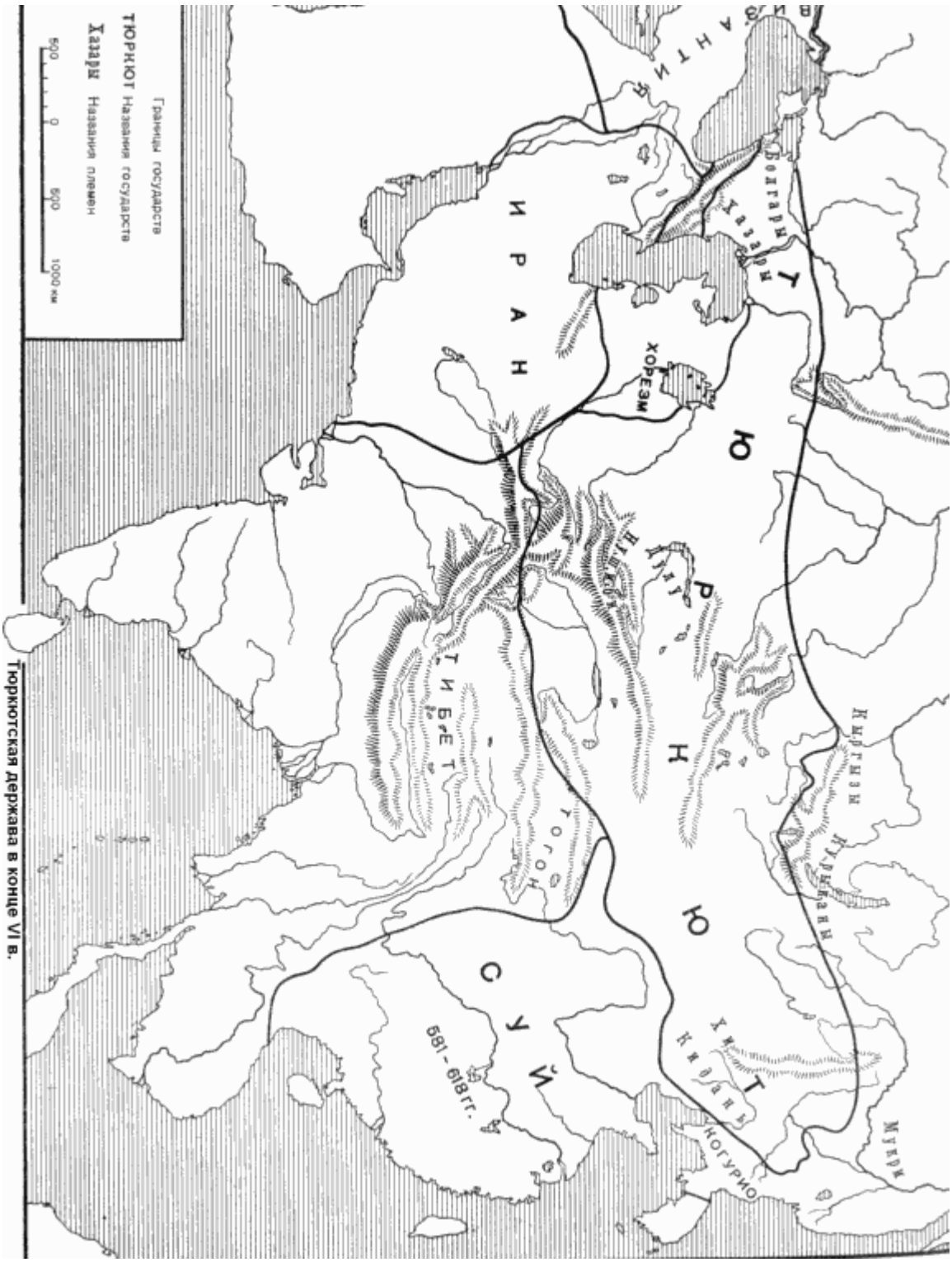
огромного мирного тюркского народа теле, у которого они переняли тюркские Законы, тюркский язык (вместо своего сяньбийского) И тюркский этнический облик, значительно смягчивший Их прежние монголоидные черты. От теле ашины взяли себе и новое название для народа — тюркюты:

«ТЮРК» — значит на древнетюркском «СИЛЬНЫЙ», но множественное число от этого слова ашины образовали с помощью старого своего сяньбийского языка, прибавив суффикс «ЮТ» (Жужань, хозяин Степи, требовала от всех оформления военных терминов на сяньбийском языке: названия народов — это же названия дружин!). получилось: «ТЮРК+ЮТ» — ТЮРКЮТ[16].

Вскоре Китай и Иран прислали к тюркютам своих ослов (мог ли Ашина мечтать об этом в Наньшаньских, горах?!). С этого временя термин «ТЮРК» и приобретает на мировой арене этнический и политический смысл.

В 553 году тюркюты а шипа разбили Жужань и достигли Хингана — реки Амур. В 558 году встали на левый берег Волги.

16 Расшифровкой этого термина мы обязаны ученому П. Пельо.



Тюркютская держава в конце VI в.

А в 568-м приняли бой с эфталитами под Бухарой за Согд — родину Ибн Сины.

Бой длился восемь дней. Неукротимые вышли против неукротимых.

150 лет (к 1959-му году) бились ученые над разгадкой имени эфталитов, давших свою кровь Согду (как дали ее до них туры, саки, юечжи). И только благодаря огромной работе ученых А. Семенова, Нельдеке, Гутшмид-та, Л. Гумилева эфталиты были возвращены в общую человеческую семью, и мы знаем, что да — в тюркютах и эфталитах текла одна кровь — неукротимых «рыжеволосых» ди, чиди (теле). Л получилось это так: на Памире в VII веке до н. э., слились потомки ариев, прошедшие здесь в XXV веке до н. э., и вытесненные в VII веке до и, э. из северного Китая чиди. Из них в и веке и выделились хуа, спустившиеся на

реку Эфталь (эфталиты!)[17], которые в V веке и отвоевали у юечжей Согд. Город Боло (Балх) был столицей эфталитского царя Кидаря за 400 лет до рождения здесь отца Ибн Сины, По в тюркютах, кроме крови чиди (теле), была еще и кровь хуннов — этих ни с кем не сравнимых «небесных гордецов», как восхищенно говорили о них китайцы в своих хрониках.

Итак, хозяевами Согда после восьмидневного боя под Бухарой стали ашины и, таким образом, впервые в Средней Азии государством утвердился монголоидный элемент (хуннская кровь тюркютов). До этого хунны, триста лет теснившие западных своих соседей: юечжей и саков — последних европеоидных племен Центральной Азии, обитавших между хребтами Тянь-Шань и Куньлунь, с трудом утвердились лишь в Семиречье (Юебань), заставив тем самым Юечжей И саков войти мощной волной в Среднюю Азию, Индию и Афганистан, где, растворив в себе греческое присутствие империи Александра Македонского, юечжи создали Великую Кушанскую Империю, а саки — государство Кангюй, впоследствии подчинившее себе и Согд. Саки подарили Средней Азии и Ирану эпос о Рустаме, сложившийся в афганской провинции Сакистан (Сеистан, Сиджистан) но И веке до н. э. — И веке н. э. и ныне имеющий великое художественное значение для всего Востока.

Вот так, до времени Ибн Сины, произошло смешение двух рас — европеоидной и монголоидной, трех кровей — арийской, монгольской и тюркской по всей Средней Азии, Северному Афганистану, где Балх, и в Бухарской области с приходом туда тюркютов ашина.

Афшина… А не могли в этом селении остаться жить потомки князя Ашина? Тем более, если учесть, что ни хорезмийские, ни согдийские термины, могущие объяснить это слово, ученым пока но встречаются? И потом, есть под Бухарой село ТЮРКАН…

Может, это была в свое время главная ставка тюркских ханов? Все тюркские племена, прибывшие в Согд после ашинов, обязательно имели свои названия! Карлуки, тюргеши, уйгуры, чигиль, ягма… И никто не назывался просто ТЮРК, чтобы отличаться от первых тюрков — ашинов. И как привилегия ашинов только за ними осталось это слово в Средней Азии до сих нор. Поэтому ТЮРКАН, может, и было местом, населенным ранее тюркютами, а теперь их потомками, как и село Афшана (Афшина), откуда родом мать Ибн Сины. Последний ашин боковой ветви династии умер в Бухаре в 914 году, пишет Наршахи, историк Бухары X века — то есть всего за 66 лет до рождения Ибн Сины!

Говорят в Афшине на тюркском языке…

Мудрый царь Соломон на вопрос «Что такое благородство?» ответил: «Золотое яблоко, просвечивающее сквозь серебряный сосуд».

Отец и мать Ибн Сины… Чтобы представить их живыми, почувствовать живое их обаяние, живую их искренность и красоту, надо видеть линии всех народов и всех культур на древней ладони Востока.

Отец и мать Ибн Сины — это золотое яблоко прекрасной тысячелетней культуры Средней Азии, просвечивающей сквозь серебряный сосуд времени. О каждом из них из нашего XX-го века можно сказать словами великого поэта Маари, их современника:

Он — ближе, чем рука к руке, но навсегда
Останется далёким, как звезда.

II Школа вечности

Ухаживая за Али, слепой старик Муса-ходжа каждое утро приносил ему каймак — густые сливки, накрытые вверху белой лепешкой. Он выходил на рассвете к Карпинским воротам В покупал каймак у крестьян, несущих его и знатные дома Бухары. Знатные подражали эмиру. Если б эмир перестал по утрам кушать каймак, какой убыток нанес бы он

[17] Потомки эфталитов — голубоглазые афганцы

крестьянам, сам того не подозревая! Пока Муса-ходжа нес каймак по узким проходам внутри Арка, стуча своей палкой-поводырем, его то и дело останавливали: «Что несешь?» И пробовали. От каймака почти ничего не оставалось, и Тогда Муса-ходжа стал покупать два каймака. О втором он говорил: «Это для эми-а!», и все почтительно отводили глаза, не то что руки.

Али стал постепенно набираться сил. А эмир Алим-хан терял их от бессонницы. Сегодня утром, стоя на де-ревя иных стружках под теплыми струями воды, выливаемой на него из кувшина старым слугой, он оцепенело размышлял: «Несколько месяцев назад красные покончили с Джунаид-ханом, пало Хивинское ханство. Как доносят агенты, сейчас там собирается курултай Республики! Хива стала республикой!!! Подумать только… Из трех ханств Средней Азии — Хивинского, Кокандского и Бухарского — осталась одна Бухара. Теперь вся надежда на Антанту. Только она способна вырвать Бухару из красного кольца…»

Миллер принес телеграмму. Пол мира перевешивает этот маленький синий листок! На нем слова Ленина, честно осознающего опасность: «Перед нами снова трудное положение, — открыто признается он своей разоренной стране, — и снова еще раз попытка международного империализма задушить Советскую республику двумя руками: польским наступлением и наступлением Врангеля…»[18].

«Прекрасно, — думает эмир, — надо продержаться месяцев пять, а там, когда с красными будет покончено, я стану единовластным хозяином Средней АЗИИ. Только бы продержаться… Регулярных войск у меня мало, всего три тысячи. Правда, есть еще 50 тысяч крестьян, не уплативших налог, причем каждый знает: за малейшую провинность будет до смерти забит его сын. Но не ударят ли именно они мне в спину?»

Вчера эмир устроил смотр афганским солдатам и, довольный, подарил афганскому консулу Абдуллу Курда-колу золотые часы. Афганцы пойдут в бой, как львы, потому что в душе у них Коран.

Но бухарцы?..

Большой занозой сидел у эмира в сердце этот вопрос.

Судя по тому, как стали напиваться русские офицеры, приходя с плацев в кельи караван-сарая Хакимы-ойим, они не верят в Антанту, — ведь это уже четвертый этан гражданской войны, четвертая попытка уничтожить большевиков.

Тревожится, не спит по ночам и народ. Говорят, ходит какой-то ремесленник по гулким ночным улочкам до рассвета, опутанный думами. «А может, это Ибн Сина ходит?..» Эмир вздрогнул и прочитал короткую молитву.

«Мы дошли до берегов океана гибели», — написал кто-то прямо на воротах Арка на следующий день после спектакля с чучелом, устроенном Бурханиддином-махдумом.

Эмир поморщился от грубости приема. «Торопится Бурханиддин, нервничает, теряет культуру. А это признак гибели.

По выздоровлении Али суд возобновился.

— Итак, мы остановились на том, — начал говорить Бурханиддин-махдум народу, собравшемуся на площади Регистан, — что отец Ибн Сины перевез свою семью из Афшаны в Бухару в 985 году, когда Хусайну было пить лот.

— Подождите! — крикнул кто-то из толпы. — А ведь вы так и не нашли защитника обвиняемому! Как бы не разгневался на нас за это аллах, — Я сам буду его защищать, — улыбнулся Бурханиддин. — Уважаемый Али, если вы согласны, поставьте, пожалуйста, здесь крест, — и он протянул крестьянину бумагу.

Али шарахнулся от бумаги так, что с треском ударился о стену.

— Позвольте, я буду его защищать, коли уж вылечил его, — сказал, выходя из толпы, Муса-ходжа. — Ведь каждому дорога своя работа. — Это точно, — засмеялись в толпе. — Я вот, когда вылеплю кувшин, трясусь над ним больше, чем над честью жены!

И разом смолкли — из Арка в окружении мулл Шел сам эмир. Поздоровавшись с

18

народом поклоном, он скромно встал в стороне ремесленников, смешавшись с ними одеждой.

«Уж не сошел ли эмир с ума? — подумали бухарцы, разглядывая Алим-хана. — Или сон все это?»

Шейх аль-ислам совершил молитву.

— В прошлый раз вы, должно быть, убедились, — начал говорить Бурханиддин, обращаясь к Али, — что и отец Ибн Сины был в достаточной степени еретик. Так что вдвойне было преступно читать во всеуслышание стихи его безбожного сына. И вдвойне был прав наш эмир, запретивший даже имя Ибн Сины произносить!

— Я пока ничего такого преступного о Хусаине ибн Сине не узнал, — растерянно произнес Али.

— Вы правы. Не будем торопить справедливость. Она должна созреть в искренности и доброте. — Бурханиддин открыл ветхую рукопись. — Я думаю, Абдуллаха позвал в Бухару Нух — 23-летний уже эмир, — начал он дальше рассказывать об Ибн Сине. — Военачальники Фаик и Сим-джури совсем разорили страну. А может, Абдуллах переехал в Бухару из-за Хусаина, чтобы начать давать ему образование, и придворная жизнь по-прежнему не интересовала его? Как бы то ни было, но в 985 году «ко мне пригласили учителя Корана и учителя словесных наук пишет о себе Ибн Сина, Изучение Корана с пяти лет — вещь необычная, а тем более занятия словесностью, которые включают в себя изучение арабского языка и арабской литературы. Занятия с учителем Корана преследуют одну цель: научить художественному, нараспев, чтению священной книги. Взрослые добиваются этого за пять-шесть лет, Ибн Сина же добился за… один год.

В толпе раздались восторженные голоса.

— Ну, я думаю, здесь преувеличение, — улыбнулся Бурханиддин. — Скорее, это один из примеров народного осмысления жизни своего любимца, источник остроумных и благоговейных о нем легенд. А вот легенда, созданная самой эпохой: в то время, когда пятилетний Ибн Сина взял в руки первую в своей жизни книгу, в арабской Испании гениальный аль-Манзур, друг матери халифа, отдал на священную расчистку богословам библиотеку его мужа — халифа Хакима И, состоявшую более чем из 400 тысяч книг. Представьте, поднимается над Испанией, на другом конце от Бухары, мощный черный столб дыма, а в нем мечутся ослепительные, стремительно взлетающие к небу, ярко-красные искры, словно мысли еретиков, которые не хотят умирать. И растет в это время, зреет в далекой Бухаре новый еретик! Поистине, наш мир — это мир возникновения и уничтожения…

Али слушает Бурханиддина и видит маленького Хусайна, переворачивающего ветхие страницы древних рукописей в лавках седых бухарских книготорговцев. С молитвой на устах они переносят полустертые буквы на новую хрустящую бумагу. Стекает с кончика их остро заточенных тростниковых перьев, блестящих от туши, вечная, неистребимая жизнь книг…

А вот другая вечность. Огромная коричневая бешеная река с грохотом обрушивает куски своего высокого берега с постройками и людьми, стадами и деревьями в клокочущую стихию воды. Отец реки не видит, отец думает и цифрах и задания эмира, пославшего его за деньгами и юго-западные земли. Б памяти же маленького Хусайна природа прочерчивает болезненно-прекрасный след своего непостижимого могущества.

Ну, а раз Ибн Сина ездил с отцом на Джейхун, о чем он напишет потом в «Книге исцеления», то, конечно же, они проезжали и мимо селения Варахша, лежащего на пути из Бухары в Хорезм, и маленький Хусайн с ужасом оглядывался, вцепившись ручонкой в отцовскую руку, на остатки дворца, где были убиты когда-то два эмира-тюркюта. За четыре года до рождения Ибн Сины дворец этот разобрали, и отец показывал Хусайну новое его здание, строящееся у въезда в Бухару. В основание дворца укладывали бревна, пропитанные той давней тюркютской кровью.

И это — вечность… Повторяющаяся вечность кровавых дорог к власти.

Шкалой вечности была и сама Бухара, пыль которой отряхивали с ног в далеком Китае и Руме[19]. Река Зеравшан, стекая с ледниковых вершин, слепнет в песках недалеко от Джейхуна, так и не добежав до него. Она словно мать, заплатившая за жизнь ребенка смертью. Ребенок: ее — Бухара.

Старики, приходившие к отцу Ибн Сины в дом, рассказывали маленькому Хусайну о тюркском царевиче Шер-и Кишваре, о том, как спас он Бухарский оазис от грабителя Абруя, посадив его в мешок с красными пчелами. Да и сам Ибн Сина, когда подрос, читал об этом в книге Наршахи «История Бухары»: «Люди, приходившие сюда из Туркестана[20], селились в области Бухары, потому, что здесь было много воды и деревьев, были прекрасные места для охоты. Все это очень нравилось переселенцам[21]. Сначала они жили в юртах и палатках, а потом начали возводить постройки. Собралось очень много народа, а они выбрали одного и сделали его амиром. Имя ему было Абруй.

По прошествии некоторого времени власть Абруя возросла, он стал жестоко править этой областью, так, что терпение жителей истощилось. Дехкане[22] и купцы ушли… в сторону Туркестана и Тараза[23], обратились за помощью и царю тюркютов Кара-Чурину, которого народ за величие прозвал Бёгу[24]. Бёгу тотчас послал своего сына Шер-и Кишвара с большим войском. Тот прибыл в область Бухары, в Пайкенде схватил Абруя и приказал, чтобы большой мешок наполнили красными пчелами и опустили туда Абруя, после чего он и умер».

Последние сто лет ученые ломали головы: «Кто такой Абруй?» Одни считали, что это символ реки Зеравшан, другие — эфталитский царь. Разгадку нашел советски ученый С. Толстое. «Абруй, — установил он, — это Торэмен».

А кто такой Торэмен? Торэмон — это узел, завязанный Степью и Китаем, одна из самых трагических страниц их многовековых отношений. Знал ли историю Торэмена (Абруя) Ибн Сина? Никто не может сейчас точно сказать. Может, хранили ее старинные песни, предания… Во всяком случае, Наршахи ничем имя Абруя не поясняет. Значит, Абруй был хорошо известен его современникам. Нам же, прежде чем рассказать о нем, надо поклониться ученым, которые около ста лет восстанавливали эту стертую временем страницу истории. Узнав ее, мы невольно приблизимся к Ибн Сине, к тому, что подарило ему детство через легенды, песни и предания.

Вот эта история про Абруя[25].

Тюркюты князя Ашина к 558 году завоевали земли от Желтого моря до Арала и стали достоинством Великой Степи, ее благородством. На них перешла и миссия хуннов — быть щитом Степи от Китая. Чтобы не превратиться в хищную орду Жужань, которая держалась лишь союзом племен, тюркюты взяли у хуннов и их систему управления: окраины стали давать шадам — принцам крови, сыновьям главного хана, престол же — не сыну от отца, а брату от брата, племяннику от дяди. Таким образом, никогда царем не становился

---

19 Р у м — Византия.

20 То есть Семиречья.

21 Тюркютам, недавно завоевавшим Согд.

22 Земле владельцы.

23 Поближе к главной ставке тюркютского царя династии Ашина.

24 Бёгу — Герой

25 См. Л. Гумилев. Древние тюрки

малолетний, и шады, ожидавшие престол, сами были заинтересованы В укреплении окраин. Во главе дружин, каждая из которых соответствовала одному племени, ставили не старейшину этого племени, а принца крови из ашинов. Получалось совмещение родо-племенного и военного строя.

При Жужани китайцы знали: никогда эта Орда не перейдет Великую китайскую стену всей армией, как сделал это Модэ, никогда не возьмет китайскую столицу, как сделали это потомки Модэ в 316 году. Грабительские же жужаньские набеги лишь тренировали китайскую молодежь.

Но Каганат тюркютов заставил китайцев вспомнить лунное, и решили они посеять между ашинами вражду.

В 581 году, в период наивысшего могущества Тюркского и Каганата, китайцам удалось это сделать.

На престол должен был сесть Торэмен, но китайская дипломатия незаметно напомнила тюркютам, что мать Торэмена — всего лишь наложница Мугань-хана, не жена, а тюрки очень ценили благородство рода по материнской линии. Тогда главным ханом Степь выбрала Шету, о котором его жена — китайская царевна, добросовестно и вовремя, как и положено в соответствии с воспитанием китайских царевен, — тайно передала в Китай, что Шету «по своим свойствам — настоящий волк», то есть противник сильный. Шету тоже думал о Китае и, — чтобы не и разгорелась в его роде престолонаследническая вражда, предложил Торэмену самый уважаемый титул Аба-хана — Старейшего хана[26] и свою дружбу. И тотчас перешел Великую китайскую стену, благо в Китае восстание, смена династий, — разбил китайскую армию. Новая китайская армия, только что набранная из крестьян, не умела, еще воевать, и потому из Китая в Степь срочно отправили дипломата Чжан-сунь Шэна, друга Шету.

Чжань-сунь Шэн «случайно» довел до Шету мнение Степи, что, мол, «когда но главе войска стойте вы, всегда победа, когда же Торэмен — поражение».

И тут же направился к Торэмену, которому сказал: Кара-Чурин, хан Западного Крыла, добывавший вместе со своим отцом Истеми первую славу тюркютов в боях за Итиль и Согд, заключил с Китаем союз и скоро отберет у Шету трон. Не лучше ли и вам, Торэмен, присоединиться к нашему союзу, «чем терять свои войска, исполняя волю Шету, и точно преступнику, сносить его оскорбления?»

И опять — к Шету, которому «по дружбе» выдает намерения Торэмена заключить против него с Китаем союз…

И простодушная Степь поверила. И сошла на дорогу, по которой до седьмого колена заклинала потомков не ходить, — дорогу братоубийства. Шету разбил ставку Торэмена, убил его мать, семью захватил в плен. Степь воз мутилась. Брат Шету — Чулоху объединился с Торэменом. К ним примкнул и хозяин Согда Кара-Чурин. Две коалиции встали друг против друга. И обе — сильные.

Китай в ужасе! Совсем не то получилось! Шету и Торэмен должны были бы убить друг друга, и пока тюркюты решали, кого посадить на трон, Китай бы их разбил.

Китайский «друг» Шету дипломат Чжан-сунь Шэн опять пошел в работу: теперь он то и дело рассказывает хану о знаменитой китайской охоте на реке Хуанхэ, о том, как эта охота успокаивает душу… Жаль только, напускают на Хуанхэ иностранцев! Шету просит друга посодействовать в разрешении, потому что он действительно очень устал. И на Хуанхэ он успокоил душу. Навсегда. Умер от «неприятного впечатления», увидев горящим свой охотничий домик, как объяснили потрясённым тюркютам китайцы.

И распался союз Торэмен — Чулоху — Кара-Чурин. Чулоху по закону сел на престол и стал, естественно, врагом Торэмену. Кара-Чурин не захотел быть врагом власти. А раз перестали они давать Торэмену деньги и пастбища, при стотысячной его армии (!), то и

---

[26] и Трансформация этого титула и дала слово Абруй.

начал Торэмен (Аба-хан) грабить область Бухары, пока сын Кара-Чурина Шер-и Кишвар не посадил его в мешок с красными пчелами. Потом Шер-и Кишвар, — продолжает Наршахи, — попросил у отца Кара-Чурина разрешение построить в Бухарском оазисе город Бухару, — очень уж понравились ему эти земли. Город — это для царевича. А где должна стоять дружина? Ведь дружина — это и лошади! Значит, нужно строить селение недалеко от Бухары. Причем на ключевых позициях. На подступах к Бухаре. Именно так расположено селение Афшина, где родился Ибн Сина.

Предания родины… Самая высшая ступень в школе вечности. Песни, легенды и сказки, созданные народом, выше вечности книг, вечности природы, вечности самых благородных тропинок человека к мечте.

Сказки, предания — великая духовная связь живых и ушедших. Это когда приходит в твое сердце твой древний предок, чтобы сказать главное. Он волнуется, смотрит в твои глаза: поймешь ли ты выстраданную нм правду? Он вложил ее в сказку и предназначил детскому сердцу. Взрослое уже не исправишь, канал надо сразу верно копать. Ребенок принимает сказку целиком, не расчленяя ее. И она будет потом с ним всю жизнь. И и трудную минуту откроется ему, удивит великой пророческой силой, лаской утешения.

Маленький Хусайн ибн Сина, раскрывая створки сказок и преданий, подаренных ему детством, находил там жемчужинки горькой народной мудрости, славящей единство, словно это чистые застывшие слезы народа. Вот одно из преданий, под сенью которого прошло его детство.

Завоевав Согд, тюркюты сказали: «Наконец мы дома. Наш дом — это дом Афрасиаба», И вое другие тюркские пароды, приходя в Согд после тюркютов, причисляли себя к дому Афрасиаба, Предания об Афрасиабе и Сиявуше — сокровищница древних преданий Востока.

В 1920 году в Арке постоянно горела свеча в средней те, с левой стороны долона — крытого длинного коридора, идущего от ворот к внутренним постройкам. На том месте, где ниша, по преданию, стоял Сиявуш, убитый Афрасиабом. В Арке оба и похоронены, как говорит парод. Похоронена великая трагедия: вечный свет в нише — вечное напоминание о ней, Сиявуш был изгнан из дома отцом-царем по навету мачехи, влюбившейся в него. Нашел приют у царя туров Афрасиаба, дальнего своего родственника, Афрасиаб дал благородному юноше много плодородных земель и свою дочь в жены. Но злые люди опять оклеветали Сиявуша, и Афрасиаб убил его. Сын же Сиявуша Кай-Хосров, мстя за отца, убил Афрасиаба. А потом открылась правда о невиновности Сиявуша, и Кай-Хосров, потрясенный бессмысленностью свершившейся трагедии, поднялся к снежным вершинам гор Рин, крася снег дедовской, афрасиабской, кровью, где сидит, никого не пропуская в Страну счастья, расположенную за горами, хищная птица Семург, и сказал чистым снегам и Солнцу:

— Я не хочу больше жить. Возьмите меня.

И долго ждал. Долго смотрела на него кровавым глазом Семург, расправляя когти о камни.

И вдруг стал расти свет, уничтожающий все на пути. Растворил вершины, Семург, Кай-Хосрова, его войско.

А исчез свет, исчез и Кай-Хосров. Войско же было засыпано бураном, чтоб не разгласило тайны.

Афрасиаб… Предание о нем — это первое упоминание о турах. Эра Сиявуша, по Беруни, начинается с 1292 года до н. э. Фирдоуси говорит: «Афрасиаб — основатель первой Справедливой династии царей», когда всем народом рыли каналы и строили города. И сегодня в Бухаре знают канал, построенный Афрасиабом, — канал Рамитан.

Но «Авеста», — священная книга зороастризма — говорит: «Туры — враги оседлых ариев». А Херилл Самосский, современник Геродота, называет туров… пастухами, населявшими «богатую пшеницей Азию». Так строили туры города?

«Афрасиаб» — это, может быть, образ единого народа, когда — да, вместо растили хлеб, пасли скот, строили города и защищали себя. Золотой век, «Афрасиаб и Сиявуш» —

образ народа, разделившегося на пахарей и воинов (оседлых и кочевых).

«Афрасиаб убил Сиявуша» — образ того, что выделился «Сильный», то есть «Тур»[27], — защита пахаря. Если народ только оседлый и у него не было своего Афрасиаба, Афрасиабом ему становился любой другой кочевой народ, за что оседлые его кормили. История — это как бы система отсчета двух линий общенародного разделения труда: пахаря и воина — его защитника. В наше время эта система тоже действует. Только роль туров, защитников, берет на себя армия, В идеальном завершении ею может оказаться просто кнопка.

Но кнопка ли, копье, — все имеет один смысл: Авель не должен ходить за плугом в латах. И действительно, археологи нашли в 1962 году оседлое земледельческое поселение Кучук-депе в Бактрии, второе тысячелетие до н. э., время Сиявуша. И «Авеста» говорит: «Мараканда (Самарканд, Согд) — второе из лучших мест и стран». «Первая — Хорезм» (не современных границ, а долин Теджена и Мургаба, юг Туркмении), где царем, но преданию, и был Сиявуш. Значит, Сиявуш — это образ выделившегося и перешедшего к оседлой жизни народа, «богатая пшеницей Азия»…

Но и дети Афрасиаба изумляли не меньше мир — таких они выращивали коней в VIII веке до н. э. в Фергане я такую выводили для коней траву — люцерну, что Китай даже полцарства готов был отдать за все эти секреты, а ферганских аргамаков, летящих стрелою по степи та и, что «потели они кровью», называли «небесными конями».

У одного этого европеоидного народа — туров, саков, — разделенного впоследствии на оседлых и кочевых, два бога: Анахита (Мать, Земля) — бог оседлых и Митра («Солнце быстроконное») — бог кочевых. Главная ипостась Митры — Правда, потому что без правды, без товарищества в бою не победишь. Недаром «Авеста» говорит: «Солгавший Митре на коне не ускачет». И у скифов, а значит, туров, самым главным был обряд Правды, когда подносили друг другу бокал с вином, куда капали кровь с руки, опускали меч, копье и стрелы. Недаром на поясах у скифов, на двух концах пряжки — два разных лица. Наденешь пояс, соединяются они в одно лицо.

Поклонение Правде, доходящее до религиозности, поклонение дружбе — закон кочевых. И мать, собирая сына в поход, вышивала ему на седле, на суме, на попоне, кисете, платке один и тот же узор с магической настойчивостью.

Солнце, Степь

Гусь, что летит к солнцу, на Крыльях кота рого Алпамыш [28]*, алтайский богатырь, писал из китайского плена на родину письмо.*

[27] Т у — по древнетюркски «сильный».

[28] Алпамыш — герой тюркского эпоса.

Красавица, красота, обаяние культуры — то, что и заманило Алпамыша в Китай. Это и дипломатия, на которую всегда так легко попадается Простодушная Степь: Чжан-сунь Шэн, рассоривший братьев, китайские невесты.

Разбитое лицо — предавший дружбу названный брат.

Конь, единственный, кто никогда не предаст, кто спасет, вынесет из плена.

Алпамыш, убивший красавицу, то есть поборовший дипломатию и культуру, возвращается, спасенный конем, в чистую покрытую росой Степь, и в «карманах у него стада» добыча [29].

Может, это один из эпизодов жизни Афрасиаба, которого тюрки называют Али-Эр-тонга?

Древние предания и сказки… Они хранят память о единстве народов, когда Афрасиаб еще не убивал Сиявуша — то есть не разбивался на расы единый корень народов. А пошел кочевать Афрасиаб — семя, гонимое ветром, — и родилось множество других народов. «Идти в даль, значит… возвращаться», — говорили тюркюты и рисовали круг. Впереди них по этому кругу уже прошел Афрасиаб — Али-Эр-тонга, вышедший ИЗ лона одной с Предками тюркютов культуры. Вот почему. Придя назад, в Согд, тюркюты и встретили здесь свои древние предания о Стране Счастья, птице Семург и Афрасиабе.

Мысль о единстве всех детей человечества Станет Потом главной мыслью философии Ибн Сины. Он будет разговаривать с греком Аристотелем, с тюрком Фараби, жителем Пергама Галеном, с индусом Чаракой, китайцем Хуа То, греком с острова Кое Гиппократом, с афиняном Платоном, римлянином Цельсом так, словно все они — названные его братья, словно пил он с ними ритуальное вино, смешанное с кровью, куда окунал не стрелы и копья, а мысли, сердце, дух, словно носил он пояс, на концах которого сверкали лики Запада и Востока, соединяемые им в крепком затворе в единое родное лицо.

Вот так же, на идее единства культуры и истины, получил затем Хусайн ибн Сина и первое свое начальное образование в благородном доме отца, в благородной Бухаре. Восток в ту пору был словно мудрый винодел. Лучший виноград из лучших садов учености: культуру греков, римлян, индусов, сирийцев, персов, византийцев — перетирал он в молодое

---

[29] Вероятно, подобными знаками, как знаками орнамента, записывались традиции, предания, заветы предков.

вино, чего не могла понять Бухара 1920 года. Уже более семи веков ислам замуровал себя в хум и запечатался со всех сторон так, что и лучик света другой культуры не мог к нему пройти, и потому первое же давление изнутри — восстание 1918 года, — чуть не разорвало хум.

В X веке, когда маленький Хусайн делал первые шаги в школе вечности, у него на столе, в Бухаре, был весь мир.

ХОРЕЗМИЕЦ МУХАММАД ХОРЕЗМИ[30] научил его индийскому счету — основам арифметики и двум способам решения уравнения — основам алгебры.

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ФИЛОСОФ ПОРФИРИЙ ТИРСКИЙ (III век) познакомил его с логикой Аристотеля.

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ УЧЕНЫЙ И МАТЕМАТИК ЕВКЛИД (III век до н. э.) открыл мир геометрии.

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ УЧЕНЫЙ И МАТЕМАТИК ПТОЛЕМЕЙ (И в.) подружил с астрономией.

ТЮРК ФАРАБИ помог понять универсальную науку и метафизику.

ОТЕЦ ввел в тайное учение исмаилитов, и именно от и отца Хусейн впервые услышал слова «эманация», «ступени души», «Мировой разум», «Мировая душа» — главные и термины неоплатонизма и будущей философии Ибн Сины, и Бурханиддин-махдум, раскрыв рукопись «Автобиографии», пересказал притихшей толпе такие слова Ибн и Сины:

— «Мой отец… считался исмаилитом. От них он воспринял учение о душе и разуме… Таким же был и мой брат. И всякий раз, когда они беседовали между собой, я слушал и их и понимал то, что они говорили, но душа моя не принимала сказанного ими. Они и меня стали призывать присоединиться к этому учению». Ну и лиса же этот Ибн и Сина! — воскликнул Бурханиддин-махдум, закрывая рукопись. — После этого куска он сразу же говорит, что потом в Бухару прибыл Натили — его первый учитель, и кстати, друг отца по Балху. Помните? А мы знаем, что и было Хусайну в ту пору… десять лет. Выходит, отец вел беседы об исмаилизме с его пятилетним братом?! Ведь брат-то, он же сам говорит, — родился через пять лет после него! А другого брата у Ибн Сины не было. Выходит, отец сидел и при нем, десятилетнем, вел беседы об исмаилитах с пятилетним его братом!? Что, мы не понимаем! Ведь это ж маскировка! И не случайно Ибн Сина заговорил об исмаилизме в начале «Автобиографии». Я прочитаю еще раз — слушайте внимательно: «Всякий раз, когда они беседовали между собой, я слушал их и понимал то, что они говорили, но душа моя не принимала сказанного ими».

Все она принимала, его душа! Все! И был он с детства исмаилит! Не случайно говорит, что исмаилитами были отец его и брат. Одно только это — пятилетний возраст брата! — и раскрывает умному правду.

Али отчаянно замотал головой, стараясь стереть страстную, режущую сердце речь главного судьи. Каждое его слово — новый виток липкой паутины, в которой запутались мысли, душа, сердце, — вся жизнь Али. И судьба — огромный черный бархатный паук смотрела ему в глаза неподвижными зелеными глазами.

От очередного окрика судьи Али потерял сознание.

И плавали в его голове растянувшиеся слова: исмаилизм, исмаилизм…

Исмаилизм — ответвление шиизма. Исмаилиты считали духовными вождями (имамами) своей тайной секты только потомков Мухаммада от Али. Шестым имамом был Джафар ибн Мухаммад ас-Садик — Правдивый. Он отстранил старшего своего сына Исмаила от наследования имаматом за пристрастие его к вину. Исмаил умер раньше отца, не

---

[30] Жил с 78о по 85о г. Первым ввел в практику, в жизнь индийскую десятичную позиционную систему и цифры, которыми ми пользуемся: 1. 2, 3. 4, 5, 6 7, в, 9, О. Изложил в этой системе арифметику (до него индийская позиционная система была предметом забавы и остроумных диспутов). «Книга сложения и вычитания по индийскому способу» Мухаммада Хорезми (Арифметика) мало чем отличается от современной арифметики. В 1150 году переведена на латынь, последняя публикация — Рим, 1957 и

оставив после себя сына (а имамат передавался только по линии старшего сына). Таким образом, на Исмаиле главная линия рода Мухаммада прервалась. Но не мог аллах прервать эту святую линию, говорили исмаилиты. Божественная благодать пророка продолжает, мол, передаваться по наследству, но только тайно, от одного скрытого имама к другому. И в каждую эпоху аллах будет проявлять этого имама как реформатора жизни, чтобы «наполнил он мир справедливостью настолько, насколько до него мир был наполнен несправедливостью».

До сих пор не прояснен учеными вопрос исмаилизма. Это очень сложное движение по социальному составу, эволюции, целям и причинам. Исмаилиты нашли лазейку в ортодоксальном исламе (трещинку, куда залетает семя, из которого потом вырастет дерево, разворачивающее корнями скалу). В. Бартольд называл исмаилизм борьбой «иранского рыцарства против исламского строя», «замков против толпы». Многие ученые не согласны с этим определением.

Исмаилизм — загадка судьбы Ибн Сины, Надо по мере возможности взглянуть на это движение с разных точек зрения. И это будет наша свеча, с которой мы пройден лабиринт внутренней жизни Ибн Сины, Внешняя его жизнь — Маска. Весь он соткан из молчания и тайн…

Вечная абсолютная сущность Корана в боге, — утверждали богословы. Словесная же форма выражения — относительна: у каждого времени свое символико-аллегорическое толкование. Вот это исмаилиты и взяли на вооружение. Но они не замкнулись в изысканную жреческо-аристократическую касту знатоков Корана, а встали лицом к народу и ужаснулись его смертельной болезни: невежеству, эпидемии невежества, ибо народ не размышлял. А ведь это единственное, чем человек красив.

— Народ мертв, если он слепо верит преподносимым ему истинам, — сказал слепой старик Муса-ходжа крестьянину Али, когда они остались одни после судебного заседания. — Вот ты, например, тоже мертвый, потому что сам не родил еще, наверное, ни одной своей мысли за всю свою жизнь! Но ничего. Пройдет время, и я вылечу не только твое тело, но и твой ум. Я научу тебя смотреть на мир глазами разума.

— А возможно такое? — удрученно спросил Али, вымученно улыбаясь.

— У исмаилитов был для этого свой способ, у меня свой, — старик дал Али выпить отвар из трав. — Мой способ ты еще испытаешь на себе, а вот о способе исмаилитов придется тебе рассказать, чтобы не сидел ты завтра дураком перед Бурханиддином. Так вот, сначала исмаилитские проповедники, даи, поселяются среди народа как менялы, купцы, врачи и производят на всех хорошее впечатление своим высоконравственным поведением, создают репутацию набожных мудрых людей, собирают почитателей. Потом постепенно проповедуют учение. О религии и говорят как о «скрытой» науке. Мол, молитвы, пост, хадж малоценны, если не понимаешь их внутреннюю духовную суть. Начинают объяснять и… умолкают. Мол, такие божественные тайны можно открывать только тому, кто поклянется в верности имаму. После клятвы изучают с учеником природу пророческих циклов и отмену каждым пророком предшествующей религии. Мухаммад, мол, — не последний пророк, и Коран — не последнее откровение бога.

— Ну да?! — удивился Али. — А разве может простой и человек знать больше, чем пророк?

— Может. Пророк ведь и существует для человека, как учитель для ученика.

Али закрыл голову полой чапана.

— Замолчите, Страшно…

— Затем дан начинают объяснять ученику, — продолжает Муса-ходжа, не обращая внимания на состояние Али, — что пророк не тот, кто дает людям религию, а тот, кто дает людям закон, как правильно жить. Поняв это, и ученик становится свободным философом, другом разума… Спасением, исцелением человеческих душ занимались исмаилиты, а до них — «Братья чистоты». Заметь, главные свои философские труды, написанные уже в зрелом возрасте, Ибн Сина назвал… «Книгой исцеления», «Книгой спасения». Имеется в виду

«души». Но только не в религиозном смысле, понимаешь, а души, как внутреннего мира человека. Ибн Сина верил, что своими книгами сумеет хоть когда-нибудь разбудить народ, научить его самостоятельно мыслить. Бурханиддин почему вчера так вцепился в этот отрывок об исмаилизме в «Автобиографии» Ибн Сины? Потому что и сегодня люди ждут реформатора, ведомого аллахом, Махди, который «наполнил бы мир справедливостью», ждут седьмого имама. Ждут, когда этот и мам выйдет, наконец, из сатры, сокрытия. К русским он уже пришел и переделывает их жизнь. И в Иран недавно приходил. Назвался Бабом, Слышал о нем? — нет.

— Это был юноша глубокой нравственной красоты. Его улыбка, взгляд, голос, движения рук — все завораживало. «Я не последний, — говорил он о себе. — Я — предтеча будущего Солнца, Мухаммад и я — мы только звезды того, кого бог проявит после нас». Баб пытался взорвать изолированность ислама, в которую весь исламский мир погружен вот уже более семи веков. Он призывал признать такие неслыханные для нас, мусульман, новшества, как железная дорога, телеграф, печать. Звал не ставить никаких преград между исламом и другими религиями, другой культурой, Бабиды приняли даже участие в иранском восстании 1905 года.

— А Баб еще жив? — спросили Бурханиддина голоса из толпы на следующий день, только он открыл судебное заседание.

— Баб казнен в 1850 году, — ответил Бурханиддин-махдум, перебирая рукописи На ковре.

— Скрытого имама нельзя убить! — сказал чей-то голос. — Вон, солнце покрылось тучей… Перестало ли оно быть от этого солнцем?

Бурханиддин-махдум медленно перелистал «Автобиографию».

— Вот что я вам скажу, — начал он тихо говорить. — Скрытый имам, Махди, — это прежде всего скромность. Когда Баба казнили, ему было 30 лет. Мальчишка наставлял мир! А теперь послушайте, что пишет о себе, о первых годах своего обучения Ибн Сина. Когда «прибыл и Бухару Натили, отец поселил его в нашем доме. До прибытия Натили я занимался фикхом[31] и разрешением его сомнительных положений у Исмаила аз-Захида и был лучшим из учеников…

Затем приступил к изучению книги «Исагога»[32] у Натили. Когда он сообщил мне определение рода, высказывание о множестве различных по виду вещей, в ответ ил вопрос «Что это?» я дал этому определению такое объясвине, какое ему не приходилось слышать. Он был поражен и посоветовал моему отцу не занимать меня ничем иным, кроме науки. О каком бы вопросе он мне ни говорил, и представлял его лучше, чем он. Так я учился у него простым положениям логики…

Затем я взялся самостоятельно читать книги… пока не закрепил знания логики. Таким же путем изучил книгу Евклида, выучив из ее начальной части пять-шесть фигур иод руководством Натили, всю остальную часть книги я принялся изучать самостоятельно. Потом перешел к «Алмагесту» [33] , и когда, окончив вводные части его, дошел до геометрических фигур, Натили сказал: «Читай и решай их самостоятельно… Сколько было сложных фигур, которые он не знал до тех пор, пока я не изложил и не объяснил их ему!

Потом я увлекся наукой врачевания… Медицина — это не из трудных наук, и поэтому за короткое время я настолько овладел ею, что даже самые превосходные мужи медицины стали учиться у меня науке врачевания. Я стал посещать больных. Благодаря приобретенному опыту передо мной открылись врата врачевания. Вместе с тем я продолжал

---

[31] Фикх — мусульманское право.

[32] **«Введение** (в логику Аристотеля).

[33] Трактат по астрономии Птолемея.

изучать фикх и участвовать в диспутах но нему. В это время я был юношей 16-ти лет».

— Ах, ах, ах, как прекрасно! Как прекрасно! — восторженно проговорил старик с алой розой за ухом. — Неужели вы ничего Не поняли? Ведь это же рождение весеннего ветра, что раз в сто лет сметает мертвечину с земли! Ведь это же мечта всех нас, темных, неграмотных людей, учиться! — осуществленная в судьбе Ибн Сины. Ведь это гимн первым шагам Махди. Гимн светлому его детству. —

— Махди?! — удивился Бурханиддин. — Какой же он Махди, если так оскорблял старого своего учителя?!

— А что было бы с миром, если б ученик не превосходил своего учителя? Разве не мечтаем мы, чтобы наши дети были лучше нас? Разве росток пробивается из земли не вследствие смерти зерна? Я готов сто раз слушать этот отрывок о первых шагах Ибн Сины в науку, потому что он просто рассказал о себе правду. Скромную правду. Только и всего. Разве виноват конь, стрелою промчавшийся мимо осла, что бог дал ему быстрые ноги? А ведь осел, глядя вслед коню, явно подумает: «Ах, какой нескромный!»

И вот, легший в основу докоперниковской астрономии. Смех покатился но площади Регистан. Бурханиддин, не шелохнувшись, перебирал четки. Его глаза, подернутые благородной грустью, ласково смотрели на народ. «Не дети ли вы? — казалось, говорил он всем. — Неразумные дети мачехи-судьбы… Я шел к вам с мудрым словом, я дал вам мудрое слово, а вы вываляли его в грязи.

— Нет! — прокричал старик в белых одеждах старику с алой розой за ухом. — И вы не нравы!

Толпа стихла.

— До встречи со своим первым учителем Натили, — начал говорить белый старик, — Ибн Сина учился в школе вечности, где его учителями были сказки, предания, песни, природа, развалины дворцов, городов… — такой вот редкостный дождь золотой пыли. Только в нас золотая пыль вечности заросла тиной суетливых желаний, мелких дел. Жизнь же Ибн Сины — это хрустальная ясность реки, на дне которой перекатываются золотые крупицы. В эту реку и ступил нечаянно Натили, неся за плечами пыльный мешок своих устаревших знаний. И почему бы смышленому мальчишке не кинуть горсть чистой воды в утомленного путника?

Да, Натили принял юность ума Ибн Сины, юность его души. Душу то он выдержал, а ум…

Учил я его стрелять из лука, А когда у неге окрепла рука, Он выстрелил в меня…

Такт учителя по отношению к своему гениальному ученику проявился в том, что старик не Позволил быстрому уму юноши выстрелить стрелою насмешки в отставший уже от века ум, не дал увидеть вступающему и жизнь уму смерть Ума.

Абдулл ах ибн Сина сам провожал Натили, когда тот решил покинуть ученика.

— Возьмите Коня, учитель, — говорил он старому философу.

— Нет. После встречи с твоим сыном мне только и остается, что ездить на осле.

Где те прекрасные ночи Балха? Мельница времени смолола их… Умирает молодость их знаний.

За городскими воротами ехать стало труднее. Нескончаемой вереницей двигались куда-то воины: одни от Бухары, другие в Бухару. Народ понуро смотрел на войска, уступав им ворота города. Мчались, пронзая словно молнии сталкивающиеся тучи воинов, гонцы. Некоторые из них были в крови. В этом хаосе, наскоро обнявшись, попрощались Абдуллах и Натили.

— Береги сына, — прошептал старый философ. — Береги сына… — И показал глазами на весь этот круговорот смерти, куда неотвратимо втягивалась Бухара — столица Саманидской державы, Саманиды… Это тоже была школа вечности. Только наоборот: вечным оставался Согд. Все же, кто завоевывали его, растворялись в нем, как соль в воде. Пересказать историю Согда и Мавераннахра — все равно что выплавить из золотых пылинок кольцо, в которое Вечность вставила один из лучших своих бриллиантов — Ибн Сину.

Ибн Сина много размышлял об истории родины. История родины — это главный Учитель в школе Вечности. Тем более пытался подросток разобраться в прошлом родины, ведь но всем чувствовалась резкая перемена ее судьбы: на подступах к Бухаре стоял враг. А может, это был не враг? Враг саманидам, но не народу? О многом надо было подумать и к сегодняшнему кровавому дню подойти издалека…

Юечжи и саки — последние голубоглазые европеоидные народы, вытесненные монголоидными хуннами ИЗ Центральной Азин, стерли с золотой монеты Согда пыль греческих сапог Александра Македонского и семь веков: со II века до н. э. по V век н. э. страна расцветала под их защитой. Эфталиты смазали этот подъем — так неосторожно вошли: вместо честного боя разрушили ирригационную систему. Археолог В. Шишкин обнаружил при раскопках крепости в Варахше, под Бухарой, в период вторжения туда эфталитов, песок у подножия башен, которого не было на других культурных слоях. Значит, исчезли деревья, державшие песок, а раз исчезли деревья, значит, не было воды, а раз не было воды, значит, были разрушены каналы.

Жили эфталиты с согдийцами в их городах, вмешивались в их дела. И поэтому согдийцы, как говорит Фирдоуси, «плакали при наступлении тюркютов, но и за эфталитов не хотели воевать». А наступали тогда тюркюты ашина, вел их Истеми — дед Шер-и Кишвара, тот самый Истеми, что вывел с братом Бумыном тюркютов с Алтая 9 мир. Но тюркюты Хоть и бились за Согд восемь дней под Бухарой, каналов не тронули. Поэтому, когда стали хозяевами Согда, Согд быстро расцвел, Тюркюты не жили в городах, а стояли в любимой Степи, не вмешиваясь в дела землевладельцев и купцов, брали лишь с них необременительную дань. Более того, между согдийцами и тюрк ютам и возникла дружба, потому что тюркюты взяли под защиту и главный источник богатств Согда — Великий Шелковый путь — из Китая в Рум, Вместе с согдийцами думали, как убрать с середины этого пути Иран, мощной запрудой вставший поперек «золотой» реки, И отправил Истеми согдийского купца Маниаха и шаху Ирана Хосрову Ануширвану — своему зятю, с просьбой купить у согдийцев шелк.

Шах шелк купил. Но на глазах Маниаха… сжег его. Это ответ, Иран был заинтересован продавать Византии как можно меньше шелка и по самой дорогой цене, ибо шелком — этой международной валютой Византия оплачивала солдат для приобретения новых земель.

Тогда тюркют Истеми пробил для Согда свой путь в Византию, завоевав Кавказ и даже Босфор в 576 году, А тем временем китайцам все же удалось разделить Великий Тюркский Каганат на Западный и Восточный. Восточный они тотчас же проглотили, а Западный начали медленно душить, накинув на него шелковое лассо.

Поднимались входившие в состав Каганата другие пароды — дошла и до них очередь быть вставленными в тетиву истории, Но ни карлуки, ни тюргеши государств не создали. Были лишь простыми объединениями племен, маленькими копиями хищной Жужань. Только уйгуры, потомки теле, — того великого тюркского народа, что дал тюркютам на Алтае жизнь, создали государство, хоть и уступавшее Великому Тюркскому Каганату, но все же принявшее на себя традиции Великой Степи. Тюркюты ашина продолжали еще править в Согде, но стали куклами китайской дипломатии: она их ставила, она их и снимала, у них даже имена были китайские. Словно бисеринки, лежали они в коробочке китайского дипломата. Когда надо было, вынимали. Народ же тюркютский был истреби лен еще в 655 году, когда Китай бросил клич «Нападать на волков!» и вся долина реки Чу покрылась кровью ашинов. А лет через сто тотально уничтожали ашинов уйгуры. Последних, оставшихся в живых, привела в Китай старуха Побег, дочь Тоньюкука. В Китае ашины ассимилировались, и никогда больше никто не видел их прекрасное знамя о золотой волчьей головой, гордо бьющееся н**а** ветру. [34]

---

[34] **См.** Л. Гумилев. «Древние тюрки», стр. 367,

Карлукские племена ягма и чигиль, находившиеся когда-то в подчинения у тюркютов, пришли с юга Чуйской долины в бывшие согдийские колонии-города на шелковом пути — Кашгар и Тараз и образовали (примерно в то время, когда родился отец Ибн Сины) повое кочевое объединение. Оно то и встало грозной силой на севере и востоке державы Саманидов, отвоевавших Согд у арабов в IX веке.

Войска саманидов всегда комплектовались из пленных тюрков, вылавливаемых в Степи. Военачальники, самые одаренные из них, вознесенные храбростью и умом, знали, как никто другой, что государство начинается «на кончике меча». Вот почему Фаик я Симджури-сын (отец к этому времени уже умер) то и дело прокладывали дорогу на Тараз и Кашгар — столицы караханида Богра-хана — нового сильного хозяина Степи, который объявил себя потомком Афрасиаба и с достоинством льва наблюдал, как грызутся шакалы — Фаик и Симджури за тушу другого льва, больного, но живого еще — Саманидскую державу, где покоился прах Афрасиаба — Алп-Эр-тонга.

Симджури и Богра-хан, шакал и лее, взяли Самарканд. Ибн Сине в это время — 12 лет. Васики, родственник багдадского халифа, благословил это событие, за что ему, наконец, дали пенсию. Теперь глаза всех смотрят на Бухару. Пришлось эмиру Пуху подарками и прощением зазывать Фанка. Приняли его с почетом и отправили и Самарканд на битву с Богра-ханом.

Шел Фаик в Самарканд и улыбался. По этой дороге дет 30 назад уходил к Богра-хану дядя нынешнего эмира — Наср. Один день он всего правил, возведенный на трон главным военачальником Алп-тегином. А случилось это так: прибыли к Алп-тегину гонцы из Бухары с вопросом «Кого ты советуешь посадить на трон в связи со смертью эмира?», и он ответил: «Законного наследника — Насра». И ускакала гонцы с этим его ответом в Бухару.

А Фаик к вечеру того же дня сместил Насра в пользу брата его Мансура, с которым рос вместе, будучи его подарком-рабом. Пять быстроходных верблюдов послал Алп-тегин для перехвата своих же гонцов. Да где уж…

Мансур был ласков с Алп-тегином, и Алп-тегин понял: «Дни его сочтены». И потому, когда особенно ласково стали завывать его в Бухару, ушел в противоположную от Бухары сторону — в Серахс.

Воины сказали: «Оставь Мансура, садись сам на царствование. Мы тебя поддержим». 80-летпий Алп-тегин ушел еще дальше от Бухары, в Афганистан, где, завоевав маленький городок Газну, стал жить. «Когда Алп-тегин удалился из Хорасана, ушло счастье из династии Саманидов», — напишет через два века Низам аль-мульк, талантливейший везирь, покровитель Омара Хайяма.

И вот теперь судьба Бухары опять в руках Фаика, кап 30 лет назад. Едет он по Самаркандской дороге и улыбается…

Богра-хану он бой проиграл, остался у него в Степи. Нух спешно покидает Бухару. Двенадцатилетний Ибн Сина, возвращаясь из лавки зеленщика Махмуда-геометра, видит грустный кортеж: эмир на белом, украшенном рубинами коне. Красные глаза коня, зло косящие по сторонам, тоже кажутся сделанными из рубина. Эмир улыбается, делая вид, что отправляется на прогулку, а сам думает: «Где теперь взять войско?» Он один, совсем один. Народ к нему равнодушен.

Прекрасным свежим майским утром 992 года Богра-хан вошел в Бухару. А Нух в это время собирал войска в Амуле. На его счастье Богра-хан вскоре покинул Бухару из-за болезни. Умер, не дойдя до Тараза. И 17 августа Нух вернулся в Бухару. И вот он снова едет на белом, украшенном рубинами коне, и снова навстречу ему бежит двенадцатилетний мальчик из лавки зеленщика с книжками в руках…

Эти встречи словно вспышка бриллианта, повернутого рукою Вечности в старом истертом кольце Согда…

Теперь на сцену истории выходит Сабук-тегин, кото-рого мальчишкой купил на базаре в Нишапуре Алп-тегин. — Один гулям умер, — сказал Алп-тегину полководец. — Кого ты удостоишь его палаткой, имуществом ж отрядом?

Взгляд старого Алп-тегина упал на Сабук-тегина.

— Вот этого.

— Нет еще и трех дней, как ты купил его! — удивился полководец.

Того, что подарил, обратно не беру!

Семнадцатилетний Сабук-тегин поразил всех в случав с тюрками-огузамн [35], отказавшимися платить дань: вернулся ни с чем.

— Почему же ты не взялся за оружие? — спросил его Алп-тегин.

— Потому что ты не приказывал этого. Если бы мы вступали в бой без приказа, каждый из нас был бы господином.

Вот этот то Сабук-тегин, которому, умирая, старый вони и завещал все свое войско, И стал новым защитником Бухары. В награду за то, что 1 ноября 993 года он разбил: Фанка и Симджури, Пух подарил его сыну Махмуду Нишапур, где когда-то на базаре продавали Сабук-тегина.

Катятся разбитые Сабук-тегином Фаик и Симджури. — Катятся до самого Амуля без передышки. А потом остановились, подумали и поняли: Сабук-тегина нм не одолеть. И отправили тайно друг от друга послов к эмиру с просьбой о помиловании, 32-летнн Нух Фанку в прощении отказал, а Симджури отправил в Хорезм, где около Хазараспа его пленил, по тайному приказу Нуха, Хорезм-шах Абу Абдуллах, из города Кята, наследник местной династии Африга, ведущей свою родословную, согласно преданию, от Сиявуша.

Пока рок играл в военные игры с эмирами и военачальниками, в глубинах мира совершалась главная работа зека — зрели два ума: 15-летний Ибн Сина в Бухаре и 22-Летний Беруни в Кяте. Эмир Гурганджа, ставленник арабов Мамун, из-за пленения Симджури разрушил Кят, убил хорезм-шаха, началась трагедия Беруни: недостроен первый в Средней Азии глобус, не закончены астрономические наблюдения, не дописаны рукописи… Наскоро собрав котомку, тайно, ночью Беруни делает первые шаги по скитальческому пути. Симджури же отправляется Мамуном обратно в Бухару. Но и Нуху он не нужен. Ну, обнял его эмир, ну, простил… и тут же засадил в тюрьму.

Абдуллах, отец ибн Сины, тревожно следил за миром. Он никогда после приезда своего из Афшины не возвращался на службу но дворец. Служи он там, свеча его жизни давно бы уже погасла на сквозняке политических перемен.

У него осталось две привязанности: красные балхские розы и юноша-сын Хусайн — драгоценная жемчужина, чудом попавшая в его жизнь. Абдуллах понимал это и пока мог, оберегал ее. Жена его, наверное, давно умерла, и То бы были у него еще дети, как принято на Востоке в ладных, любящих семьях, да и Ибн Сина нигде о матери не упоминает. Может, даже умерла она еще в Афшине.

Установившаяся было спокойная жизнь снова разби-яась о коварство военачальников. Нух зовет не помощь Сабук-тегина, который, бросив все, тут же выступает не Балха с огромным войском. Войско это и испугало Нуха, вернее, его везиря Узейра.

— Как вы пойдете к нему, — сказал Узейр, — с куцым своим отрядом? Стыдно, да и пленить может.

И Нух не пошел, чем очень оскорбил Сабук-тегина. Ведь именно здесь, у Кеша, два года назад они обменялись клятвой верности!

— ИДИ! — сказал Сабук-тегин сыну Махмуду, ставя его во главе отряда. — Низложи везиря!

А сам тем временем разбил Фанка. Симджури же И брал с собой в Газну, так спокойнее будет. И снов» все эти события, словно прах, перемещаются в песочных часах, под шорох же их сидит, склонившись над книгами, Вечность: 16-летний Ибн Сина. Его тревожат неспокойные передвижения войск к Самаркандским воротам и обратно, трагическая жизнь дворца, где «кровью смывают кровь», долгая болезнь Нуха, измученного тяжелым

---

[35] Предки современных туркмен.

правлением.

Нух выглядит стариком в 34 года. Он столько видел смертей, что своей смерти уже не боится. Врачи не могут излечить его. Известный врач ал-Кумра пришел посоветоваться с Хусайном ибн Синой: его уже звали в городе, он много лечил людей в больнице и у себя дома. Знания его восхищают врачей, особенно глубокая интуиция диагноста.

Ибн Сина вылечил Нуха и получил за это разрешение посещать знаменитую библиотеку Самани…

— … которую он после того, как прочитал все ее книги, сжег, — сказал Бурханиддин-махдум народу на площади Регистан.

Толпа загудела. Али вскочил, рванулся к судье и рухнул. Лицо его сделалось белым, ужасом вспыхнули глаза. «Если такой Ибн Сина, и я читал его стихи, то казнят меня! Казнят… — подумал он. — И как назло эмир здесь сидит!»

Въ мне не верите? Не верите, что Ибн Сина сжег библиотеку Самани?! Но так… и современники считали! Вот, — Бурханиддин-махдум открыл старую рукопись и пересказал из нее кусок: Абу Али сжег эти книги, чтобы сохранять все знания и ценности науки дли себя одного и отрезать таким образом другим ученым доступ и этим полезностям…. Это Бай ха ни написал. А он родился черев каких-то лет сто после Ибн Сины.

— Что ж, выходит, Ибн Сина сделал благочестивое дело! — сказал вдруг кто-то в толпе.

— Как?! — удивился Бурханиддин-махдум.

— Библиотека не состояла из одних Коранов?

— Не понял!

— Ну, были же гам книги и но философии, где утверждалось, что мир вечен и не создав богом. И раз Ибн Сина сжег их, значит, он истинный мусульманин, как и мы.

У Бурханиддина перехватило дыхание. Разглядеть бы, кто это говорит! Эмир слушал неожиданную перепалку, склонив лицо к рукам, и тихо улыбался. «Не вечный ли дли них Ибн Сина Махди? — думал он. — Патрон Бухары, ее светлая надежда? Не дал ли он народу закон как жить, чтобы мир «наполнился справедливостью»? Не ждут ли они второго его пришествия?!»

Эмир осторожно оглянулся, взглянул в лица окружавших его людей. «Ждут! Еще как ждут!.. Пусть не одевают белых одежд, не стоят в задумчивости по берегам рек в ожидании Махди, должного прийти к ним по воде, как ждут Махди в Иране, но все равно ждут. Может, даже с самодельными самострелами ждут! Но я сделаю так, что вы возненавидите Ибн Сину! Я выверну все его нутро наизнанку и кину в ваши души. И вы в сто лет не отмоетесь от этого пьяницы, бабника и еретика!»

— А какие же это такие философы утверждали, что мир вечен? — придя в себя, стал спрашивать Бурханиддин-махдум, оттягивая время, чтобы разглядеть бунтаря. Муллы поняли его замысел и дружно закрутили головами но все стороны.

— Какие философы? — насмешливо переспросил голос. — А известно какие:

Аристотель!

Кинди!

Фараби!!!

— Да, мир широк, — встал и начал говорить эмир.

Все смолкли, будто разом опустела площадь. — и есть в нем всякое дыхание. И науки могут прославить Коран, как сделал это, например, Газзали. А вот Хусайн Ибн Сина, — эмир выразительно посмотрел на крестьянина, — сжег в том далеком огне самого пророка, потому что не вынес из библиотеки ни одной книга. Значит, сжег и Коран. Уж Коран-то был у Нуха в библиотеке? Хоть одни Коран!..

— Ибн Сина сжег Коран! — закричали поставленные в толпе муллы.

— Он сжег Коран! Священную книгу бога!

Огромный огненный вал внезапно вырос перед Али.

В нем плакали и умирали звери и птицы, погибели трава, рассыпаясь в черную пыль.

Ветер взвивал эту пыль, и она еще раз умирала в упругом, гудящем, ослепительном огне. Пятясь от огня, Али упал и стал ввинчиваться в землю. Это последнее, что он помнил. Камень — маленький, плоский, с острыми краями, ударил ему в висок.

— Я в детстве с мира урожай собрал… — пронеслись и его Голове непонятно откуда взявшиеся слова. — И Вечность поклонилась мне, как Смерть.

Огонь накрыл его алой шелковой ладонью, огромной, как небо. А потом эту ладонь стерла ночь.

III Молния дружбы, опалившая век…

Русские, английские и австрийские офицеры обучали раньше стрельбе вновь пригнанных бухарских крестьян только но субботам — в степи, за Самаркандскими воротами, на Солдатском плацу. Теперь стали обучать каждый день. 25-го апреля поляки — главное оружие Антанты — перешли в наступление по всей Советской Украине. Вот вот возьмут Киев. «Но у Красных есть Первая конная ар мня, — думает эмир, — 25-я дивизия Чапаева, Кавалерийская бригада Котовского. Неужели с Польшей все рухнет?»

Вчера рядом с эмиром сидел на приеме русский генерал, который лет десять тому назад противился его воз ведению на престол, сказав Николаю И: «Этот Алим-хан едва ли выразит покорность России». Сегодня генерал выражает покорность Алим-хану.

— Напрасно вы тратите время на суд над каким-то Ибн Синой, — сказал генерал эмиру. — И это вместо того, чтобы заниматься свержением Советской власти в Средней Азии!

Алим-хан, чуть улыбнувшись, сказал:

— Был пруд, а в нем жили три рыбы, однодумная стодумная тысячедумная… прешёл рыбак, бросил невод. Поймал тысячедумную, стодумную, но не однодомную…

Сразу Же после приема эмир попросил доложить шел сведения о слепом старике Муса-ходжа — защитнике Али. Оказалось, старик из рода джунгарских ходжей! А что может быть лучше этой рекомендации в благородство крови и духа? Однако старик странный… Не он ли вчера петушится за Ибн Сину, пытаясь отнести от него обвинение в сожжении библиотек Самани?

С. Айни в книге «Бухара» посвятил Муса-ходже целую главу. Правда, рассказ в ней ведется от 1895 года, то есть за 25 лет до описываемых событий. Муса-ходже тогда было сорок. «По пятницам приходил в дом судьи Даниель-ходжи, где служил мой брат, Муса-ходжа, слепой от рождения, — пишет С. Айни. — Одет он был бедно, но опрятно. Чалма сияла белизной, правда, повязывай он ее не по правилам мулл — пышно, с нарочитой небрежностью, а туго, и она казалась маленькой…

Один из мулл спросил у слепца:

— Что сказал Ибн Сина по вопросу естественных наук?

Слепец прочел наизусть по-таджикски отрывки из «Даниш-намэ» Ибн Сины, относящиеся к вопросу. Затем по-арабски подкрепил сказанное примерами из арабских сочинений этого учёного и вслед за этим все выдержки перевел на таджикский язык.

После этого один из мулл процитировал несколько арабских фраз из «Книги исцеления» Ибн Сины (чувствовалось, что он заучил их намеренно для этого вечера). Мулла попросил слепца перевести и объяснить эти франк!. Когда мулла закончил, слепец сказал:

— Вы, брат, неправильно читали. Слова Ибн Сины исказили, по нескольку слое из фраз выбросили, Из-за этого слова великого ученого утратили смысл.

Мулла таи смутился, что, вспыхнув, покраснел. Слепец вдруг сказал:

— Ну вот, покраснели!

Спор продолжался, но никто не мог переспорить слепца. Говорили о стилистике и об изложении, касались законодательств и других наук, известных бухарцам того времени. Слепец уверенно отвечал на все вопросы и подкреплял свои ответы выдержками из различнейших книг, цитируй их наизусть».

На следующий день С. АЙНИ пришел к слепому домой.

И услышал от него такой рассказ:

— Да, я из рода джуйбарских ходжей. Часть их — крупные землевладельцы, другая часть — бедняки, которым ни ремеслом, ни паче того поденной работой заниматься никак нельзя: это позор для всего рода. Отец отдал меня чтецу Корина, чтобы ходил и но поминкам и собирал поминальные лепешки от родни покойников Так кормился и до 17 лет. А потом стал задумываться: «Неужели всю жизнь буду читать Коран и драться при дележе лепешек?»

Я нашел подходящего ученика, и мы с ним условились, что ежедневно по два часа он будет со мной заниматься. А я за это буду ему давать питание и одежду.

С ним я изучил арабскую грамматику.

После этого я занялся мусульманской философией, логикой, естествознанием. К тому времени в учителя себе я нашел бедного, но знающего муллу.

Ходил я и на занятия известных ученых, садился позади всех учеников и внимательно слушал. Интересовали меня логика, естествознание и философия.

Я полюбил сочинения Ибн Сины. Хорошо их усвоил. Многие из них запомнил наизусть, как Коран».

Итак, эмиру Алим-хану доложили, что Муса-ходжа — один из самых почитаемых людей Бухары. Алим-хан успокоился, но все же следующей ночью опять подошел двери комнаты Али и услышал голое крестьянина, обращающегося к Муса-ходже:

— Я хотел вас спросить, отец. Вот судья рассказывая, будто Ибн Сина, когда не мог понять трудную книгу, то ходил в мечеть…

— «… и, совершая там молитву, — начал говорить наизусть Муса-ходжа слова из «Автобиографии» Ибн. Си вы, — взывал к творцу, пока он не открывал мне сокрытого…»

Вот, вот! Это место!

— «К вечеру, — продолжал Муса-ходжа, — я возвращался домой, ставил перед собой светильник и занимался чтением и писанием. А когда одолевал меня сои или ощущал я слабость, то выпивал кубок вина, чтобы вернулась ко мне моя сила. Затем же, когда мной одолевала дремота, мне снились эти вопросы и сущность многих из них прояснялась но сне. Я продолжал так учиться до тех пор, пока не укрепился но всех науках и не пости) Я и меру человеческих возможностей».

Значит, знания можно получать и с помощью сверхъестественных сил? — спросил Али.

— Но для этого ты должен обладать душой второй ступени!

— Как?!

Эмир Алим-хан отошел от двери: «Лишь бы о побеге не говорили или о том, как убить меня, и направился к Миллеру читать телеграммы.

Муса-ходжа, однако услышав его осторожные шаги замолчал. И только когда все стихло, повернул к Али слепые глаза.

— Как растет дерево, растет гора, так растет и человек, — продолжал он. — Понимаешь? По учению исмаилитов душа человека сначала — словно темный лес, столько в ней ненависти, злобы, невежества и лжи. Потом, будто по лестнице, душа поднимается на вторую ступень — это когда она начинает сама себя ощущать. Тогда в ней просыпаются воздержание, труд и справедливость. Во» здесь и был Ибн Сина в юности. И потому после труди, равному страданию, нисходило на него озарение. Третья ступень — душа вдохновенная. Она полна знаний, веры, понимания и любви. Через такую душу Вселенная может разговаривать с людьми. Четвертая ступень — это душа пророков, когда в ней есть совершенное терпение, совершенная справедливость, всепрощение и любовь.

— Что ж, — грустно сказал Али, — моя душа на первой ступени.

Он и на суде так сказал. А судьи удивились:

— При чем тут душа?

В При том, что мне еще далеко идти.

— Куда?

— Я и сам не знаю. Но куда-то же я должен идти.

— Вот она — божественная воля! — радостно воскликнул Бурханиддин. — Вы идете к нам! От безбожия Ибн Сины к праведности истинного мусульманина. Разве вы не чувствуете, как зарождается в глубине вашей души стыд? Разве вы не чувствуете, как он прогоняет равнодушие? То равнодушие, что уравняло святую волю эмира со стихами еретика! А ведь вы знаете Ибн Сану всего лишь подростком. И то как он уже вас отвратил! Вы не знаете еще его юность. Юность дьявола. В 16 лет вместо того, чтобы любить девушек, пить с друзьями вино, наслаждаться природой, красивыми песнями, он сидел, как мышь в норе, и грыз старую, затхлую, заплесневевшую от времени книгу — «Метафизику» Аристотеля, штурмовал главную вершину еретической науки. Вот — Бурханиддин открыл «Автобиографию». — «Я прочел «Метафизику». сорок раз, — начал он пересказывать слова Ибн Сины, — и выучил наизусть, но при всем этом так и не понял ни ее, ни цель, ею преследуемую».

Муллы засмеялись.

— Да, — задумчиво проговорил Бурханиддин, — то, что не благословлено аллахом, не входит в ум человеческий. Смотрим дальше. «Я отчаялся и сказал себе. «Это Книга, к пониманию которой нет пути!» Если бы он здесь Остановился! Давал же ему аллах возможность вернуться на праведный путь! Показал ничтожество человеческих знаний!.. Нет же… Продолжаю: «Однажды, перед заходом солнца, я был на базаре в рядах переплетчиков. Один книготорговец, громко расхваливая какую-то книгу, предложил ее мне, но я решительно отказался, таи как был убежден, что от этой книги нет пользы».

Благословенные слова! Вот что могло бы стать началом его выздоровления! Если бы он тогда ушел! Ведь книготорговец — ангел был, посланный свыше. Он искушал его, проверял: насколько в нем еще сохранилась вера? Поэтому и говорил: «Куни книгу. Продам задешево, всего за три дирхема». И Хусайн купил! Небось, услышь он золотую цену, прошел бы мимо. Но нет, искушение как раз и состояло в этих трех серебряных монетках!

… Хусайн, 16-летний Хусайн Ибн Сина, идет по базаизмученный бессонными ночами. Али видит его. ВОТ од проходит мимо сверстников, громко смеющихся грызущих орехи. Не Замечает красавиц рабынь, заглядывающихся на него, не слышит песен нищего поэта. И вдруг этот торговец… Он идет навстречу Хусайну с книгой на голове, а сзади полыхает закат. Не книгу, а Солнце он пес. «О целях «Метафизики» называлась книга. Автором ее был Фараби.

— «Я вернулся домой, пишет Ибн Сина в «Автобиографии», и поспешил прочесть ее, и тотчас же раскрылись для меня цели непонятой мной книги»…

Бурханиддин закрыл рукопись и положил ее на ковер.

— В ту ночь, когда Хусайн сидел над книгой, ом сидели вместе: 1380-летнНй Аристотель, 126-летний Фараби и 16-летний Ибн Сина. Вот кик прилипчива ересь!.. Кошка, если изгадит ковер, и в сто лет его не выветришь.

— А кто он такой, этот Фараби? — спросили из тол Ши.

— По преданию, служил сторожем в одном из садов Дамаска, — начал говорить судья Даниель-ходжа. — Когда впервые открыл «Метафизику» Аристотеля, тоже поначалу ничего не понял. И пошел к философу Абу Башру, под руководством которого люди изучали, как пишет ибн Халликан, искусство логики[36]. Правда, после Абу Башра Фараби учился еще у одного философа-христианина и Харране, куда ушел, оставив свой багдадский сад. Он — тюрк, сын военачальника, начал путь в науку еще в миленьком селеньице Весидж, где родился, — это на Сырдарье. Прошел за знаниями в своих длинных тюркских одеждах всю Среднюю Азию, Иран, Ирак в Сирию. Ах если бы такие рвения да на служение богу!

Действительно, Фараби, будучи, уже признанным философом, отправился учиться в Харран, и из своего X века нечаянно вступил чуть ли ни в пятое тысячелетие до н. э.: Харран именно оттуда, от потопа, от первых шумер, начинает свое существование. И если четыре

---

[36] Все материалы о Фараби — сообщения н. Хайруллаева.

волны мощных человеческих передвижений: вавилоно-ассирийского, аморейского, арамейско-халдейского в арабского четыре раза меняли сложившуюся в Междуречье культуру, То Харран единственный оставался прежним Харраном. И может, Фараби, идя на занятия К Абу Башру, Заходил в храм бога Луны Сина, существовавший еще в ХУН1 веке до н. э… Английский археолог Дэвид Сторм Райс в 1957 году нашел развалины Харрана в южной Турции, на реке Нар-Бали, и обнаружил, что только в 1179 году, то есть через 249 лет после смерти Фараби, на месте храма бога Луны наконец-то построили мусульманскую мечеть. В лице Харрана древний шумерский мир в древняя астрономия звездопоклонников сабеев дожили до Чингиз-хана…

— Вот этот Фараби и есть та высокая душа Пророка, последняя четвертая ступень, о которой я тебе говорил, помнишь? — Муса-ходжа прикрутил фитиль керосиновой лампы, прислушался к шорохам за дверью.

Глубокая ночь. Встряхивает серебряной уздечкой ночной оседланный конь эмира.

— Почему его душа — душа четвертой ступени, ты хочешь спросить?

— Да — Али придвинулся к старику.

— Потому, что разумом он совершил омовение, Очистился от всех религий, Каких насмотрелся в Харране, Ни одна из них не затемнила его души. И стал он прозрачен для Времени. Время и Философ как бы соединились и нем и сделался он Мудрецом — увидел причину несчастий людей. Именно этих людей, именно итого времени. И открыл людям закон, который мот бы сделать их счастливыми.

— Совсем он, что ли, против религии? — удивился Али.

— Нет. Религия в его идеальном государстве — как бы старик, который воспитывает людей Переделать же их, вскрыть алмазным светом затхлую их жизнь может толь ко Мудрец, имеющий власть, считал Фараби. Царь — Мудрец. Понимаешь?

— Есть у меня конь, да нет уздечки, — усмехнулся. Али. — Есть уздечка, да нет коня…!

— Ты прав. Умирая, Фараби сказал: «Неужели мир так и не удостоится чести, чтобы им правили Мудрецы?»

Помолчали.

— Завтра будут судить не только Ибн Сину, — сна зал старик, — завтра будут судить и Фараби. Он ж голова канала, из которого и ты пьешь воду. Вот увидишь, как завтра он костью встанет всем им поперек горла! И ты должен будешь защитить его, если ты хоть немножечко человек.

— Я?! Я, неграмотная темная душа первой ступени, могу защитить душу высшей, четвертой ступени?!

— Можешь.

— Вот этого то безбожника и еретика, — говорит народу Бурханиддин-махдум, — этого Фараби, у которого не было ничего святого в душе, Ибн Сина и выбрал себе в учителя. Да еще в 16 лет!

Али ждал этих слов и должен был ответить, как НИ его Муса-ходжа, что этого «ничтожного Фараби» эмир Дамаска шейх Сайф ад-давля сделал своим первым другом, а когда умер Фараби, сам прочитал над ним заупокойные молитвы. Но Али боялся и рот открыть. Он там и слышал голос Бурханиддина, который скажет, «Если тонешь зачем тащишь за собой невинного человека? Да еще шейха!» Что на это ответишь? «Написано, мол, о сказанном у Ибн Аби Усейбии», как учил Муса-ходжа? Так я же неграмотный! Откуда могу знать? Вот и получается, что это Муса-ходжа всему меня научил, и тогда его убьют.

Просил еще слепой старик сказать, что везирь Рея ас-Сахиб, образованнейший человек своего времени, на вес золота покупал книги Фараби. И когда саманидский эмир Нух позвал его к себе в Бухару везирем, ответил: Я бы поехал, да далеко везти книги Фараби. И Бурханиддин, конечно, на это ответят: «на бухарском базаре он купил бы своего Фараби за три дирхема!»

Так и промолчал Али все заседание.

Да. удивительной была первая встреча Ибн Сины с Фараби и Аристотелем. Две молнии одновременно ударили в его юное сердце. Два учителя одновременно вошли него. И никогда после этого он не расставался с И НМ К. Они стали единственным утешением в его одинокой жизни единственным источником сил.

Был еще и Неизвестный философ. Но он прошёл тайно через жизнь Ибн Сины. Ибн Сина чувствовал его присутствие, рое в общении с ним, как философ, но никогда не звал ни имени его, ген жизни. Имя этого философа, полторы тысячи лет растворенное в неизвестности, открылась лишь в 1952 году…

— Читает Ибн Сина свои еретические книжки, — говорит народу Бурханиддин-махдум, — и не видит, как гибнет его родина. Не видит даже тогда, когда 33-летний эмир Бухары Нух, уставший от борьбы со своими военачальниками, отстраняет руку с лекарствами и говорит: «Не я, держава ваша больна» — и зовет на последний разговор сыновей.

Входят 19-летний Мансур 18-летний Малик и 17-лет-вий Исмаил. Нух долго смотрит им в лица, словно в чистый лист бумаги, на котором будущее скоро поставит свои письмена. Вглядывается и в 17-летнего Ибн Сину.

Вот она, молодость… Что сделает она с миром? Что мир сделает с нею? Четыре юных, прекрасных лица, трепетно откликающихся на тончайшие чувство и мысль. И сзади темнеют каменные, бесстрастные, в морщинах ненависти и лжи лица везирей, полководцев, министров…

Нух закрывает руками глаза, а потом поднимает их на сыновей — страшные, старые, запорошенные смертью, все в слезах.

— Чувствует мое сердце, — скорбно говорит он, — вы будете последними. На вас все кончится. Вас постигнет самое страшное, что только может постигнуть царских сыновей: один будет ослеплен, — он показал на старшего, Мансура. Другой лишится Престона от внешнего врага, — показывает на Малика. — и третий… третий положит жизнь на то, чтобы восстановить державу, но погибнет, ибо нельзя уже восстановить и что бог разрушил…

Это были последние его слона. Вместе с ним далеко в Газне умер и Сабук-тегин, сдержавший клятву верности не только в жизни, но и, как оказалось, в смерти. Умирает у Сабук-тегина в плену и Симджури, а Узейр, низложенный Сабук-тегином. Везирь, каким-то чудом бежит и поднимает восстание в Самарканде. На помощь зовет караханида Насра. Наср пришел, но не помог мятежникам, в наоборот, схватил их (значит, считал уже саманидский город Самарканд своим городом) и отправил на Бухару Фаика с личным войском.

19-летний эмир Мансур, только что коронованный, бежит в Амуль, но Фаик на трон не садится. Ходит вокруг, смотрит… Нет, не решился. Зовет обратно Мансура.

Мансур сместил с поста главного своего военачальника и наместника Хорасана Махмуда, сына Сабук-тегина, поставил вместо него слабого Бёг-тузуна, чтоб легче было править. Фаик ссорится то с везирем Баргаши, то с Махмудом.

Когда тебе 17 лет и мир разваливается у тебя на глазах, юность быстро вянет, гибнет возвышенность души — этот одухотворенный полет над подлой суетой жизни. 17-летний Хусайн ибн Сина видел в Бухаре столько предательств и смертей, что быстро понял: мир — это уставший караван, весь облепленный кровью и дерьмом, и жаждет он только одного — покоя и родниковой чистоты. Но никто не приходит и не дает ему этого.

Жизнь, словно торопливый учитель, выложила Ибн Сине эту правду и ушла. «Не держись за меня, — сказала она ему на прощанье. — Думаешь, держишь за руку чистую девушку? Смотри, это я, старая беззубая шлюха, обнимаю тебя!» Но в этом трагически быстром уроке ее проявилась хоть честность, другим она морочит голову до седых волос.

Ибн Сина выходил из Арка и этого вспученного предсмертными криками кровавого топкого болота — и окунался в весну. Он подолгу смотрел на молодые почки, на робкие ручьи, клок синего неба среди черных туч и этим лечил свою душу. На Арк если долго смотреть, изойдешь душой. Золото и ковры, свет и благоухание прикрывают там вывороченные внутренности друга или брата, на которых сидят, пьют вино и слушают

льстивые стихи. Горечь жизни душит до слез, прекращает порою дыхание.

Отдохновение дарит только весна.

Что бы ни случилось, как бы ни закрутило зло человеческую жизнь, она вовремя приходит. Крестьянин вберем вспашет ноле, даже если целая армия полегла на нем, солнце и дожди вовремя омоют грязную землю, а молодая трава, упруго вставшая и свежести и чистоте, скажет: «Здравствуйте! Вот в начинается все сначала».

Природа возрождается чистой, как бы ни поганили ее люди. Людей же возвращает в первоначальную чистоту — к траве, родникам, облакам, — смерть. Редкие из людей умеют Соединяться С весной, осторожно ступающей по кровавым грязным полям, выжженным лесам.

Тихо и незаметно подкрался среди предательств и убийств теплый, обрызганный робким цветением март.

Ибн Сина, проходя сквозь весну с вывороченным сердцем шел в святая святых Бухары — в книгохранилище Самани.

Здесь, среди книг, он готов был взмолиться, как Кай-Хосров на снежных вершинах: «Господи! Забери меня отсюда! Не могу я здесь больше жить…»

И возникал свет, который все растворял в себе, свет весны, свет книг.

В книгохранилище и произошла, может быть, первая встреча с Неизвестным философом и другом на всю жизнь — Беруни.

Философ пришел через книгу, на обложке которой бы и написано: «О высшем Добре», Аристотель.

Но не принадлежала эта книга Аристотелю. Хусаин чувствовал это. Перечитывал книгу и убеждался с совершенной ясностью. В XIII вене, через двести лет после Ибн Сины, Фома Аквинский открыто сказал об этом вслед за своим учителем Альбертом Великим. Фома Аквинский дал книге и новое название — «Книга о причинах». Авторство но же приписал неизвестному арабу. Альберт Великий Заявил: «Автор ее тот, кто сочетает в себе Аристотели, Фараби и Авиценну» (Ибн Сину). И это он сказал после того, как сто лет назад книгу судили, и папа Иоанн III проклял ее и даже приказал запереть в тюрьму. В XVII веке вместо «Аристотеля» на обложке стали писать «псевдо-Аристотель».

Что же касается Беруни, то, исходя из дошедших до нас фактов и документов, можно одинаково сказать: Ибн Сипа и Беруни встречалась, и Ибн Сина и Беруни не встречались. Так же до сих нор не могут установить: встречались ли Ибн Сина и Махмуд?

Есть версия, что Беруни, покинувший родину — город Кит в Хорезме — в 995 году, прятался несколько лет и Гиляне, прикаспийской провинции Ирана, а в 997 году прибыл в Бухару вместе с эмиром Гургана Кабулом ибн Вашмгиром И другом своим, ученым-христианином Масихи.

Кабус родился примерно в тот год, когда разбили камень Каабы, в 930 м. В этом же году горные прикаспийские племена дейлемитов завоевали независимость от халифата. После смерти дейлемита Зияра к власти пришли сначала его сын Мардавидж, а потом другой его Сын — Вашмгир, отец Кабуса. Вот два эпизода из низнв братьев, чтобы представить их характеры, в которых — лице эпохи.

ВАШМГИР

Донесение посла Мардавиджа к Вашмгиру: «Я нашел Вашмгира среди людей, которые возделывали рис[37]. Они были босые, полураздетые, из одежды на них только штаны с разноцветными заплатками и лохмотья. Я передал Вашмгиру послание. Он сделал вид, будто плюет в бороду своему брату, и воскликнул: «Теперь, я вижу, он действительно надел

[37] По зороастрийскому обычаю царь работал в поле вместе с крестьянами.

черные одежды!»[38]

МАРДАВИДЖ

В 932 году разграбил Хамадан. Сам заколол Стари ков, вышедших к Нему Кораном. Сидел на золотом троне, как сасанидский царь, носил сасанидскую диадему с драгоценными камнями. Мечтал завоевать Ктесифон, бывшую столицу сасанидов, и оттуда править миром. Держав гвардию из 50 тысяч дейлемитов и четырех тысяч тюрков, чтобы воины не объединились против него. Унизил тюрков, заставив их пройти но городу с сёдлами на спине, за что тюрки убили его в бане.

У Мардавиджа военачальниками служили три брата бунда из родственного дейлемитам племени. После убийства Мардавиджа двое из них стали самостоятельно править Фарсом и Керманом, а третий, Хасан, остался и Вашмгиром. Три внука Хасана и завязали трагическим узлом жизнь Кабуса, сына Вашмгира: Адуд ад-давля прогнал Своего брата Фахр ад-давлю В Рея, Кабус заступился за него. Тогда Адуд ад-давля прогнал Кабуса с его трона, и целых 18 лет Кабус находился в изгнании.

Характеры?

КАБУСА

Письмо Адуд ад-давли Кабусу: «Фахр ад-давля — брат мой, враг мой. Нужно, чтобы ты отослал его ко мне. И тогда и в награду дам тебе любую область из моих владений, и дружба наша еще больше укрепится. Если ты не хочешь, чтобы нал на тебя позор, то дай Фахр ад-давле яд».

Кабус — Адуд ад-давле: «Великий боже! Что может заставить столь уважаемого человека говорить такому, как я, эти слова?! Ведь невозможно, чтобы я сделал дело, которое ляжет мне на шею до самого дня воскресения мертвых!»

АДУД АД-ДАВЛИ

Дядя Адуд ад-давли в 945 году захватил Багдад.

В одну из трудных минут позвал на помощь племянника, Адуд ад-давля пришел, дядю убил, стал сам править вместе с халифом. Адуд ад-давля «был помешан на кубышке». Мечтал иметь годовой доход в 360 миллионов дирхемов (достиг 320). Смотрел на золото и тянулся за медным грошем. Одного своего везиря бросил под ноги слону, другой сам вскрыл себе вены, так как не очистил, согласно поручению эмира, Багдад от разбойников. Это у Адуд ад-давли украли с лодки серебряного льва среди бела дня! Адуд ад-давля сам покончил с разбойниками — да так, что ночью посылал слугу с блюдом золотых Монет через весь город! Адуд ад-давля был самым выдающимся правителем столетня. «Все пространство земли слишком тесно для двух царей», — сказал он. Эти его слова будут потом девизом Тимура. Будучи некрасивым — рыжим, голубоглазым, — влюбился в девушку, которую потом приказал увезти за тридевять земель, так как любовь К ней мешала ему править страной.

В Гиляне, где поначалу скрывался Кабус, и могли встретиться старый, 65-летний эмир в 23-летний Беруин. Кабус дружил с кятским Хорезм-шахом. А дядя хорезм-шаха, ученый Ибн Ирак, усыновил мальчика-сироту Беруни и воспитал его.

Когда в 983 году умер Адуд ад-давля, Фахр ад-давля не вернул Кабусу Гурган. Махмуд, сын Сабук-тегина, сказал Кабусу: «Иди ко мне. Я тебе помогу!» Кабус пошел, да в пути

---

[38] То есть стал служить аббасидским (багдадским) халифам.

одумался. Теперь, после смерти Сабук-тегина и изгнания Махмуда из Хорасана, Кабус прибыл в Бухару к эмиру Мансуру в надежде на благородство его юности. Мансур дал Кабусу войско и деньги, и Кабус, наконец, вернул свой Гурган.

В это короткое пребывание Кабуса в Бухаре Беруни мог услышать о славе юноши-ученого Хусейна ибн Сины, и конечно же, поспешил познакомиться с ним, Сопровождал всюду Беруни его друг, ученый и врач Масихи. Пройдет 14 лет, и Масихи будет умирать на руках Ибн Сины в Каракумах. С Беруни же через год после этой встречи начнется переписка — уникальнейшее явление века.

— Беруни более был склонен к математике и астрономии, — говорит народу Бурханиддин-махдум. — Даже если бы мы не знали, откуда он родом, то по обилию его математических и астрономических трактатов можно было бы сказать: из Хорезма.

Бурханиддин-махдум нрав: в Хорезме развитию этих наук способствовала земледельческая цивилизация, основанная на коллективном труде, иначе нельзя было бы создать совершенную ирригационную систему. Математика помогала высчитывать откос головы канала, астрономия — определять начало паводков: не откроешь вовремя плотину — паводок разрушит канал. В 1940 году советские археологи обнаружили на территории Хорезма Амирабадскую культуру первого тысячелетия до н. э. По остаткам ирригационной системы, а также по историческим отрывкам, дошедшим до нас, угадывается очень сильная роль Хорезма в истории того времени. К северу от Турткуля в 1945 году нашли витую колонну III века до н. э. В этой черной мраморной колонне как бы навечно записана формула логарифмической спирали. А и 1937 году с самолета обнаружили в песках 18-угольник, почти круг, с 500-ми окошечками в нижнем этаже, через которые в одинаковые промежутки времени проецируется на гладкий пол» экран солнечный свет. Что Это? Астрономический инструмент? Кстати, этот 18-угольник очень похож на храм Первопричины а Харра не принадлежащий Вавилонскому астрономическому центру. А знакомое всем слово «Алгоризми» тоже связано с Хорезмом. На протяжении нескольких веков Европа говорила: «И сказал Алгоризми»… и только в середине XIX века установили, что этим Алгоризми был математик и астроном начала IX века Мухаммад Хорезми. От термина «аль-джабр», введенного им, и Европе появилось слово «алгебра». В 827 году и сирийской пустыне он замерял дугу меридиана и вычислил размеры планеты. Его свод астрономических таблиц продержался и Европе до XVIII века, о них знали Данте и Леонардо да Винчи. Именно Мухаммад Хорезми познакомил арабский мир с индийской десятичной системой счета. Непрерывность математической традиции в Хорезме можно записать таи: ХОРЕЗМИ — ИБН ИРАК — БЕРУНИ.

Переписка Ибн Сины и Беруин лежит сегодня в разных городах мира. Некоторые ее части вообще утеряны. По Ташкентской копии мы видим, что Беруни задал Ибн Сине десять вопросов в отношен на книги Аристотеля «О небе» и восемь — в отношения его же книги «О физике».

В библиографических источниках указываются также вопросы Беруни и Ибн Сине об интеллекте, бытии, философия. Обсуждали они вопросы пространства, движения, строения мира, свободного падения тел, вакуума, форм небесных тел, изменения вещей, существования других ми ров, делимости атомов, причем Ибн Сина здесь выступал с позиций Аристотеля, Беруни — Демокрита.

Вот один маленький кусочек переписки: вопрос № 3 Беруни к Ибн Сине: «Почему Аристотель и другие ученые учили, что сторон шесть?.. Ведь у шарообразного тела, например, нет сторон».

Ответ Ибн Сины: «… Шесть сторон, которые определили философы, располагаются по концам длины, глубины и ширины… Каждое из этих измерений имеет два конца, сумма этих концов равна шести… Таковы шесть обязательных сторон у всякого тела. Что же касается твоего утверждения, что шар не имеет шести сторон, то это неправильно, ибо если шар есть тело, то у него должна быть длине, ширина и глубина.

Все эти измерения конечны, и у каждого из них два конца, а всего концов шесть. Число

же сторон, лежащих против шести сторон, тоже равняется шести… Следова-тельно, заключение, — Что шар имеет шесть сторон, тоже верно… Известно на простом наблюдении, что шар обладает сторонами с разных сторон и что, например, стороне северного полюса не есть сторона Востока, Запад, южного полюса или еще чего-нибудь. Правильно также и обратное: если шар окружает одна только поверхность, отсюда не следует, что у него только одна стороне… Стороны, присущие телу по существу, это те стороны, которые противостоят друг другу по концам трех основных измерений. Их-то и имеет в виду философ».

А вот еще вопрос Беруни: «Почему лед всплывает над водой, когда по своей сущности он ближе к земляной субстанции, сочетает качества холода и форму камней?»

Ответ Ибн Сины: «— Это от того, что, когда замерзает вода, то 41 ней застывают воздушные частицы, которые не позволяют льду идти ко дну».

Венцом философской полемики этих двух уникальнейших умов эпохи стала идея Беруни о возможности существования множества миров при едином, общем характере их естества, но автономности их внутренних динамических комплексов. За эту мысль в XVI веке был сожжен Джордано Бруно.

О чем говорит переписка? О высоком интеллектуальном уровне времени. О силе и славе 18-летнего-философа Ибн Сины, выступающего уже на международной арене.

О том, что у Хусаина были и свои ученики: Масуми, например, переписывающий ответы Ибн Сины к Беруни. Он пройдет со своим учителем весь его жизненный путь…

И еще одна проблема, возникающая при размышлении об Ибн Сине и Беруни — их взаимоотношения. Ведь переписка закончилась ссорой, о которой говорят до сих пор. В XIII веке, рассказывает Байхаки, из-за этой ссоры «в Бухаре не было возможности углубиться в метафизику».

— Байхаки считает, — говорит Бурханиддин-махдум, — что виноват но всем Ибн Сина, нарушивший кокс приличия. Беруни возмутился ответами Ибн Сины на свои вопросы, рассказывает Байдаки, «обругал его самого и и олова и дал, ему испробовать всю горечь своего злословии, обратившись и Ибн Сине в таких выражениях, какие не пристало употреблять и в народе, не то что среди ученых»— Да мог ли Ибн Сипа допустить грубость но отношению к Беруни, старшему на семь лет? — удивились и толпе.

— Основываясь на многих дошедших до нас свидетельствах, приходится, к сожалению, ответить: «Мог» — сказал Бурханиддин и и доказательство, открыв некую арабскую рукопись, пересказал но Ней слова Ибн Сины ПО поводу учителя Натили — Джасалика: «Я ранее полагал, что Джасалик был действительно сведущ в медицине, о теперь вижу, что его слова не отличаются зрелостью, ибо только часть их правильна, а другая часть подозрительна. Он скорее принадлежит к числу новичков в этой науке, чем к мастерам от нее».

— И это говорит 17-летний самоучка о 87-летнем старике?! — возмутились в толпе.

— Недаром Джасалик сказал по поводу Ибн Сины: «Кто дает другому пинок, сам его и получает. Слана аллаху. Беруин сделал это за меня», — произнес самый старый судья.

— А вот послушайте, — обращается к народу Бурханиддин-махдум, — что Ибн Сина сказал о несравненном враче из Рея. «О, этот Рази, который так усердно и чрезмерно углублялся в метафизические вопросы, что переоценил свои силы в суждениях относительно накожных заболеваний, мочи и испражнений и без всякого сомнения покрыл себя позором и показал невежество свое в том, что взял на себя и поставил себе целью!»

— Резок был Ибн Сина и с Натили, — сказал еще один судья. И А в седого историка Ибн Мискавайха и вовсе запустил орехом!

Остановим судей. Разберемся но всем сами. Что это? Грубость? Невоспитанность?

Скорее нетерпимость.

Словно скальпелем хирурга вырезал Ибн Сина все больное ради того, чтобы могло жить здоровое. Логиков разрушал авторитет, скрывавший порою, невежество в мертвечину. Логика помогла «поднять руку» и на непреложный, застывший тысячелетний авторитет

Гиппократа и Галена, чем Ибн Сина продвинул вперед медицину как и науку.

А не требуется ли для этого смелость, которую порой воспринимают как грубость? Не требуется ли мужество? Авторитет птолемеевского геоцентризма, например, продержался и мире более 1500 лет (!), несмотря на то, что разрушали его гениальной своей убежденностью Беруни, Джордано Бруно, Галилей, Коперник!

— То, что причиной разрыва с Беруни была не грубость, — сказал крестьянину Али Муса-ходжа, когда они остались один, — говорит вот это место из «Переписки».

Я скажу его наизусть. Слушай: «Вот и все ответы на вопросы, которые ты мне задал, — пишет Ибн Сина к Беруни, — Если тебе в них что-либо покажется неясным. То ты окажешь мне милость, обратившись снова ко мне за разъяснениями. Тогда я потороплюсь это сделать Я перешлю тебе сам». У Байхаки есть еще и такая запись: «Когда Ибн Сина ответил на вопросы Беруни, а Беруни подверг их критике и своему злословию в выражениях, побужденных плохим воспитанием и невоздержанностью, Ибн Сина отказался отвечать ему. Ответил Масуми, ученик Ибн Сины: «О Беруни, если бы ты избрал для обращения к философу иные слова, чем те, которые употребил, то это более приличествовало бы разуму и науке».

О резком характере Беруни говорят и другие источники. И многие считают, что виновником разрыва был именно Беруни. Но Беруни сам за себя заступился. И знаешь как? Через три года после ссоры написал в своих знаменитых «Памятниках» такие слова. «Проблему естественного мес. — та вещей я объяснял в другом месте я, в частности, в дискуссиях… происходящих у меня с ДОСТОЙНЕЙШИМ юношей Абу Али Хусайном ибн Синой». Вот какое проявил благородство.

В XIII веке об этой переписке говорили как о дружбе. Шахразури, например, писал, что между Ибн Синой и Беруни были очень близкие и дружественные отношения, и они благодаря сотрудничеству много сделали и пауке. Вообще, должен тебе сказать, взаимоотношения 17 — летнего Ибн Сины и 24-летнего Беруни кажутся ИЯ темн драгоценными взаимоотношениями, которые выстраивает правда, когда от малейшего подозрения и возможности и лжи со стороны друга все разлетается прах. Водной старой китайской книге «Поступки высокородных» есть такой рассказ. Послушай: «Два друга — Нин и Синь — пололи в огороде овощи и наткнулась на золотую пластинку. Нин продолжал мотыжить, словно это была черепица или булыжник. Синь подобрал пластинку с земли и отшвырнул ее сторону.

В другой раз они сидели рядом на циновках и читали, когда мимо их дома проехал сановник. Нин продолжал читать как ни в чем не бывало, а Синь оторвался от книги и пошел взглянуть на процессию. Когда Синь вернулся, Нин отодвинул в сторону свою циновку, сев подальше и сказал: «Вы мне больше не друг»

— Так и сказал?! — удавался Али, — Так в сказал. То, что Ибн Сина и Беруни молчали, — я подчеркиваю — молчали. После ссоры — это не что иное, как объяснение в дружбе, — великой, молчаливой дружбе. Злопамятна посредственность… Ибн Сине же и Беруни легче было переносить трагедию жизни, одиночество, зная, что где-то есть душа, которая плачет от того же, от чего и ты плачешь, которая так же, как и ты, может остановить свой взгляд на упавших в книгу лепестках цветущей сливы и отвернуться от золота, рассыпанного перед тобой царской рукой. Дружба это когда одна душа живет другой душою. Никто не скажет, что душа Ибн Сины не уважала душу Беруни, хотя умы их и спорили…

А в мире, в обыкновенном мире, продолжается игра — Махмуд свергает с престола в Газне брата, которому Сабук-тегин завещал трон, и начинает требовать у Мансура возвращения ему Хорасана и должности главного военачальника, отданной Бёг-тузуну. Отвергнув предложенные взамен города, Махмуд прогоняет Бёг-тузуна из Хорасана и встает мощным войском перед Мансуром.

Старик Фаик я юноша Мансур двигаются навстречу Махмуду в Серахс, а с другой стороны приближается их союзник к Бёг-тузун.

Мансур не хочет войны. Он все еще надеется помирить трех волков — Фанка, Махмуда и Бёг-тузуна. Тянет время, не начинает бой. Фаик и Бёг-тузун переглядываются: в сговоре он с Махмудом, что ли?

Метет холодный февральский ветер, пригибает редкие желтые былинки, бьется в ноги уставших коней. Кутается эмир и меховой халат, оглядывает степь. На другом конце ее, откуда должен появиться Махмуд, — небо, черное от птиц. «Почему они поднялись? Знают, что будет бой?» Мансуру кажется — это не птицы, а черные дела его рода. И только начнется бои, птицы опустятся и него и забьют крыльями. Мансур отвернулся от птиц в вдруг увидел газель, бегущую по склону горы. Сквозь колкий ледяной снег, внезапно посыпавшийся, она бежала повторяя все изгибы горы. Засмотрелся эмир, а Фаик тронул его сзади костлявой рукой.

— Пора, пора идти на Махмуда!

— Подожди, — тихо говорит эмир. — Не спугни… — и показывает на газель.

Фаик и Бёг-тузун переглядываются. Бёг-тузун зло сплевывает, на щеках его играют желваки.

Газель исчезла о ущелье, — Отложим на завтра бой, — вяло и скучно говорит Мансур, запахивая халат и трогая с места коня.

— Почему на завтра? — улыбается Фаик.

Мансур ежится и молчит. Бёг-тузун ударил камчой коня и сорвался с места. Фаик закусил травинку, улыбнулся. Единственный его живой глаз стал наливаться кровью.

…Последним, что увидел Мансур, когда вырвав голову из рук Фаина и Бёг-тузуна, зажавших его между ног, был мальчик, писающий у палатки, — наверное, сын какого-нибудь воина, выскочивший по нужде. Мальчик видел, как Фаик и Бёг-тузун вонзили ножи в глаза Мансура. Мальчик и эмир вскрикнули одновременно. Эмир снова вырвался и посмотрел в ту сторону, где только что стоял мальчик. Но кругом было лишь красное небо и множество черных птиц, бесшумно дырявивших кровавую даль…

Ибн Сина объяснял ученикам третью фигуру из «Начал» Евклида, когда но улице провезли ослепленного Мансура. Вышел с учениками к трагической процессии. Увидел Фаика на коне. Рядом он вел белого коня эмира, будто обрызганного кровью, — так светились на атласной коже рубины. Фаик поклонился Ибн Сине. Ибн Сина коротко на него взглянул и вдруг увидел череп, внезапно проступивший сквозь живое одноглазое лицо. «О боги! Возьмите меня из жизни, чтобы не творил я зло…» — молнией пробила душу Хусейна молитва Кай-Хосрова.

Махмуд послал халифу Кадиру письмо в Багдад, в котором объяснил свои действия: «Саманиды, мол, не при знавали тебя, и потому я пошел на них войной». Халиф Жаловал ему грамоту на наследование державы Саманидов. «Солнце Махмуда затмило звезды Самана», — сказал об этом эпохальном событии поэт Хамадана.

Фаик долго смеялся, узнав о дипломе халифа Махмуду на владение Саманидской державой. Обезьяна всю жизнь доставала из костра орех, а достала — пришел Махмуд и взял его себе. Потом Фаик сделался мрачным и целыми днями ходил по дворцу: из одной комнаты и другую, с одного этажа на другой, из тайного подвала и тронный зал. На него то и дело натыкались, но он никого но видел. Ходил быстрыми маленькими шажками, деловито глядя себе под Ноги, словно что-то искал. А как-то утром подошел и трону, стал мочиться и него, рассмеялся и умер.

Тюркский илек-хан[39] Наср сказал!

— Все. Яблоко созрело. Кто первым подставит руку, тому оно и достанется.

И быстро пошел на Бухару.

20-летний Абумалик, второй сын Нуха, только что коронованный, призвал духовенство поднять на защиту народ. Но как зажечь костер, если солома мокрая? Эмиры всю жизнь

---

[39] Илек-хан — хан народа.

боролись с военачальниками и не видели главного: народ от них отошел.

В понедельник 23 октября 999 года караханид Наср вошел в Бухару. Саманидская держава погибла.

Вот на таком фоне, на таких эпохальных событиях прошла юность Ибн Сины, встретился он со своими учителями: Аристотелем и Фараби.

Встретился и с другом — Беруни.

Эпохальные события забылись. О встрече же Ибн Сины и Беруни, о дружбе их сложат еще немало поэм.

Мы на правде сошлись и расстались.
И вот на прощанье
Понял я нрав человека!
Его драгоценность — МОЛЧАНЬЕ.
(Маарри).

IV «Густеет злой судьбы губительная тень…»

Бурханиддин-махдум спешил на доклад к эмиру, пересекая площадь Регистан. Перед Арком толпились поденщики. Их было больше обычного. И что удивило судью, раньше эти пасынки судьбы робко жались друг к другу, и глаза их — плевки унижения — мертво оглядывали мир.

Теперь же глаза, словно молодые орлы, когтили совесть достоинством несчастья. Злой разбуженный улей вместо прежних больших грязных птиц с завязанными крыльями, которых можно было взят, как кур, и за ноги, головою вниз, тащить домой. Так вот кто заполняет площадь Регистан во время суда! Вот почему все так трудно идет!

И Али ведь из них!

В длинном крытом коридоре, ведущем от ворот Арка к внутренним постройкам, толпились русские офицеры с яркими, начищенными счастьем лицами. Счастье пришло из маленькой комнатки, что напротив коронационного зала. Оттуда выскочил, окутанный щебетом телеграфных аппаратов, Миллер и побежал на крыльях удачи к эмиру, расправляя на ходу синий листок телеграммы. У эмира уже сидели англичанин — майор Бейли, русский генерал и афганский консул. Обсуждали новость: поляки только что взяли Киев. Телеграмма, принесенная Миллером, подтвердила это и говорила еще о том, что главная лондонская газета торжественно объявила миру о факте нападения Польши на Россию, как о долгожданной справедливости. Эмир счастливыми задумчивыми глазами смотрел вовнутрь себя, и никто не решался нарушить это его единение с радостью. Только к вечеру Бурханиддин-махдум был принят и доложил, что несколько русских офицеров просят раз и решения присутствовать на суде.

— Пусть, — подумав, решил эмир. — Но чтоб никаких фотоаппаратов. И дать нашего толмача.

Пятясь к двери, судья заметил на ковре, рядом с эмиром, русскую книгу с втиснутым в нее маленьким портретом Николая и обсыпанных бриллиантами, — личный подарок императора Алим-хану. На обложке два слова, которые знали все чиновники, с тех пор, как русские в 1808 году покорили Бухару: «война» и «мир». Но почему-то около этих слов была нарисована барышня в бальном платье, танцующая с офицером…

Сегодня Али промолчал все судебное заседание потому, что хотел услышать, как судьи объяснят перелом, происшедший с Ибн Синой после падения Бухары. Здесь была загадка. Ведь Ибн Сина не покинул Бухару сразу после вступления в нее караханида Насра, как сделали это почти все чиновники Сама индского двора. Не покинул ее и в 1002 году после

смерти отца, когда остался один с младшим братом. Но покинул в 1005-м. А в этот год Исмаил — последний сын эмира Нуха, ровесник Ибн Сины — потерпел крах, несмотря на то, что развернул над собой новое имя — Мунтасир, что значит: «Тот, кто одерживает победы». Пять лет бился он за восстановление Саманидской державы И все же не смог одолеть Насра и Махмуда. Одинокий, всеми покинутый, нищий, он вскоре был убит, — Вот тут-то Ибн Сина и покинул Бухару — объяснял крестьянину слепой Муса-ходжа. Некоторые считают, что Ибн Сина ждал Мунтасира, как ждали его прихода все бухарские знаменитости: поэт Кисаи, математик Якуб ибн Лахия, врач ал-Кумри, историк Утби. В 1005 году сразу же после гибели Мунтасира, они тоже покинул Бухару. Но Ибн Сина ушел из Бухары в Хорезм, куда ушли и оставшиеся в живых царевичи — саманиды, а саманидские поэт, математик, врач и историк отправились в Газну, к Махмуду, сыну Сабук-тегина, который Ибн Сину звал к себе больше других. У слепого Муса-ходжи беззаветно любившего Ибн Сину, знавшего его труды наизусть, было свое понимание этих событий, и он поведал о нем Али но время бессонных ночей.

Бурханиддин-махдум подробно рассказал народу о шести годах жизни Ибн Сины в Бухаре — с 999 года по 1005-й. И в конце заключил:

— Ибн Сина потому сразу не уехал, что в Бухаре в то время было много трупов — от войны. По прибытии в Хорезм он начал писать знаменитый свой врачебный «Канон». А в первом уже томе есть раздел, посвященный анатомии, которую Ибн Сина изложил точнее и, полнее Галена. А ведь галеновская анатомия — выдающееся открытие. Европа пользовалась ею более 1500 лет! Как же Ибн Сине удалось превзойти Галена? Вот, посмотрите! — Бурханиддин-махдум нарисовал углем на ладони человеческий глаз и поднял ладонь над толпой.

— Сколько поэтов пропели этому чуду природы гимнов! Ибн Сина же взял нож, разъял его И вот что написал: «Мышц, движущих глазное яблоко, — четыре по четырем сторонам: сверху, снизу и у обоих уголков глава. Каждая из них движет глаз в свою сторону. Еще две расположены несколько вкось. Они движут яблоко по яругу. Позади яблока, — вы слышите — позади!.. Имеется мышца, подпирающая… полый нерв! Нерв утяжеляет мышцу в не дает ей расслабиться, что привело бы к пучеглазию»… Много надо было вскрыть трупов и передержать в руках человеческих глаз, чтобы написать такое.

В толпе воцарилась тишина.

— Он не только открыл мышцы глаз, — продолжает Бурханиддин, — он одним из первых определил и главенствующую роль сетчатки, описал семь видов язв роговицы, дал свою теорию зрения, перечеркнув теорию зрения Платона Аристотеля и Галена! А ведь ему в то время было всего 25 лет! Он описал даже операцию по удалению катаракты и три оболочки глаза с соответствующими им тремя жидкостями, чего Тоже Нет у Галена. Вот доказательство. Я читаю: «Первая оболочки — снег (хрусталик), вторая — расплавленное стекло (стекловидное тело), третья — яичный белок (влага передней камеры)». — Бурханиддин-махдум рывками отпил воду из кувшина. 9 А описание сердце?! Что, мол, имеет оно три полости и дна придатка в виде ушек. Придатки эти сморщены и расслаблены, пока сердце сжато. А при расширении натягиваются и помогают выжимать содержимое внутрь.

— О боже! — проговорил кто-то в толпе. — И сердце разрезал?

— А что он пишет о костях? Вы только послушайте! «Позвонки стланного хребта — основа, на которой тело построено, как корабль на брусе… А есть еще кости, подвешенные к частям тела, как кость, похожая на букву «лям», которая связана с мышцей гортани… Совокупность костей черепа, например, — броня мозга, которая его закрывает и предохраняет от бедствий. Почему хорошо, что череп состоит не из одной кости, в из многих? Если случится порча кости, то она не распространится на весь череп. Кроме того, в одной кости не может быть различия в отношении твёрдости и мягкости, рыхлости и плотности, тонкости и толщины. Швы природные между костями открывают возможность мозгу дышать…»

Несколько человек в толпе упали. Али тоже, еще немного, в ужасе закрыл бы голову руками.

— Поэтому он и в Газну не уехал! — устало закончил Бурханиддин. — Султан Махмуд звал об этих его подвигах. И заманивал его, чтобы убить. Хотел землю от него очистить.

Волна проклятий, зародившаяся в толпе, перетерла имя Ибн Сины, как руки перетирают ком земли, и бросили его на ветер. Муллы сидели ни живы ни мертвы — такого гнева бухарцев они не ожидали. Особенно буйствовали брадобреи, исполняющие в городе и функции врачей: кровь кому пустить, ришту вымотать. Они боялись, что если не проклянут всенародно Ибн Сину, то их приравняют к нему и перестанут и ним ходить… Русские офицеры поспешно покинули площадь.

Али спрашивал потом старика Муса-ходжу ночью, когда все в Арке стихло:

— А вы, вы читали «Канон», отец?

— Я лечил тебя по нему!

— Но ведь он же резал людей! Это правда?

— Правда.

— Нет! Не может быть! Не верю! — И Али заплакал, уткнувшись и грудь старика.

— Плачешь… значит, любишь. Как же Муса-ходжа объяснял загадку нахождения Ибн Сины и Бухаре до 1005 года и его отъезд потом в Хорезм?

Вот этот рассказ, но мы пропишем его новыми фактами, которые Муса-ходжа в 1920 году не мог знать.

Как истинный ученик Фараби, Ибн Сина верил, что мир нуждается в Мудрецах, а не в военачальниках. Его потрясло, что держава, на создание которой и столетнее Существование ушло столько сил, рухнула в один миг. Что осталось от нее? Кочующий по царским дворам с протянутой рукой Мунтасир. Ибн Сина мысленно прошел весь путь державы, от истоков до гибели, пытаясь понять необходимость ее существования: не философы ли читают уроки мира?

Саманиды считали себя потомками Бахрама Чубина. А он был из знатного парфянского рода Михранов. Знатных этих родов насчитывалось 240. Парфяне — родственники скифов, поднялись на одной волне с саками и юечжами, ворвавшимися во II веке до н. э. в Среднюю Азию из Центральной Азии, откуда вытеснили их хунны и сяньби. Парфяне продвинулись дальше всех на запад. Три эти народа, словно три резинки, стерли повсюду греческую власть.

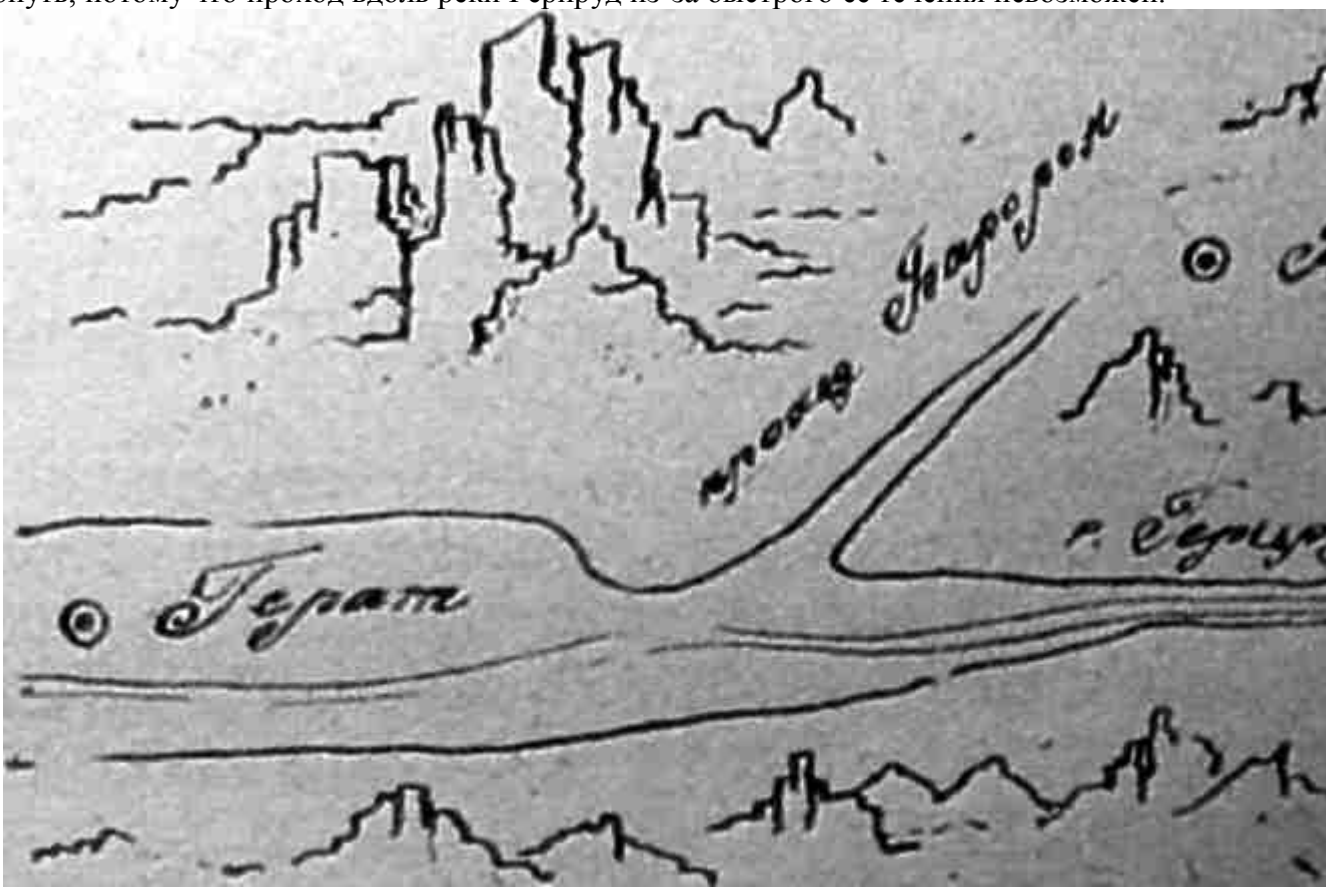
Парфа пыталась возродить могущество первых персов — Ахеменидов, славу Кира, но и от обаяния греческой культуры не могла освободиться. Сила Парфы — ИЙ аристократических семей, составлявших тяжелую конницу. Всадник и лошадь покрыты железными пластинкапп, как серебряной чешуей. Так снаряжалась хунны, юечжи, саки, а потом и тюркюты, благодаря железу Алтая.

Парфу в 224 году сокрушили персы из области Парсуа (к югу от озера Урмия). Они возродили традиции и славу Ахеменидов — своих далеких предков, сокрушивших в V веке до н. э. Ассирию. Эти новые персы, образовавшие государство Сасанидов, полностью истребили парфянский дом, оставив знаменитые 240 семей, откуда и вышел Чубин — лучший полководец Ирана. Его очень ценил шах Хосров Ануширван, муж дочери тюркюта Истеми. Через год после этих событий между Бахрамом и Шер-и Кишваром — внуком Истеми, носа-дившим Абруя в мешок с красными пчелами и основавшим город Бухару, произойдет бой, о котором до сих нор складывают легенды.

Когда Хосров сжег шелк на глазах согдийского купца Маниаха, тюркюты обещали Согду завоевать свой путь в Византию. Антииранская коалиция, собранная грузинским царем Гуарамом Багратидом, «окружила Персию, как тетива концы лука». Первая проба сил: Шер-и Кишвар (а по-тюркски Янг Соух-тегин, или Савэ) разбил 75-тысячную иранскую армию и навел такую Панину на Иран, что шах Хормузд, сын Хосрова и дочери Истеми, послал против него лучшего своего полководца Бахрама Чубина.

Битва состоялась в 589 году. О ней интересно рассказывает советский ученый Л.

Гумилев[40]. Внук Истеми — иранский шах Хормузд — применил против внука Истеми — тюркюта Савэ — хитрость. Придворный советник Хуррад Бурзин, посланный якобы заключить мир, вошел в доверие к Савэ и уговорил эту простодушную Степь изменить направление наступления, заманив его, таким образом, в Гератскую долину. Через узкий проход Бароpон Бахрам Чубин неожиданно вышел в спину Сава, Отступать — значит погибнуть, потому что проход вдоль реки Гериpуд из-за быстрого ее течения невозможен.



Как же тюркюты бились! Этот бой стал их вечной славой. Неимоверными усилиями они освободили для себя спасительный проход Бароpон. Но Бахрам Чубин дал приказ стрелять и глаза слонов Савэ. Обезумевшие животные начали топтать тюркютов. И вот тут-то и выстрелил Бахрам чубин в грудь Савэ на лука, который и с 700 метров пробивал каленый железный щит.

По гои Бахрам осадил Пайкенд, под Бухарой, и сын Савэ — Пармуда — сдался. Бахрам разграбил сокровищницу Афрасиаба, надел на себя корону, серьги, пояс Сиявуша в с огромной добычей вернулся и Иран. «Если бы Савэ победил Чубина я прошел до Рума, от Ирана остался бы комочек воска», — сказал Хуррад Бурзин, обманувший Савэ. «Своим выстрелом в грудь Савэ Вихрам Чубин спас Иран», — сказали персы, сделавшие Бахрама национальным героем.

Затем началась темная история национального героя: не поделил с шахом добычу, пытался завоевать трон, год царствовал, а потом, изгнанный, бежал к тюркютам, бывшим своим врагам, к главному их хану Юн Йоллыгу, сыну Шету (который поехал поохотиться в Китай и там умер). Бахрам Чубин женился на дочери Юн Йоллыга и стал жать в Балхе — «горсть персов в море тюркютов».

«Чубин» на персидском значит «ворона». В географическом трактате VIII века, написанном на тибетском языке как сообщает Л. Гумилев, говорится, что в Балхе жило и VIII веке племя «гар-рга-пур». «Гар-рга» — по-тюркски «ворона», «пур» — по-персидски

---

[40] См.: Л. Гумилев. «Древние тюрки», стр. 130

«сын». «Племя вороны», то есть племя Чубина. А VIII век — это как и то время, когда поднимались Саманиды, называющие себя потомками Чубина.

Юн Йоллыг был сведен с ума китайским дипломатом Чжан-сунь Шэном, тем самым, что поссорил Торэмена (Абруя) и Шету. Затем китайская дипломатия подняла и восстанию народ теле, погубила старого Кара-Чурина, хана Западного Крыла, — отца Савэ, двух сыновей Савэ, разожгла кровавую месть по всей Степи, расколола Великий Тюркский Каганат на Западный и Восточный. Сколько раз Мать предупреждала, вышивая в дорогу на

попоне, платке, суме…

разбитое лицо — знак разбитой доверчивости! Китай поставил под свою зависимость Восточную половину Каганата[41] и встал лицом к лицу с Согдом. И не просто встал, а принес с собой идею объединения Китая и Стени.

Раньше считалось, что Степь можно подчинить, разбить, но на равных объединяться с ней, перенимать ее традиции и у себя в китайской столице петь ее песик одевать ее одежды?! Нет. Но император Тайцзун — наполовину сяньби наполовину китаец, получивши и тому же тюркское степное воспитание, — сказал: «Да».

Тайцзун и тюркютов Восточного Каганата завоевал не силой, а обаянием. Умение изумить врага благородством и обаянием — закон кочевых. Вот выходит Тайцзун на бой с последним ханом Восточного Каганата Катом в 630 году и, отделившись от войска. Пересекает реку (один!), подъезжает к Кату на глазах изумленной его армии, стоящей рядом, берет лошадь Ката под уздцы и тихо корит его за нарушение дружбы… И Степь сама идет к Тайцзуну, потрясенная им, уставшая от крови и вражды. (Очень интересно рассказывает об этом периоде истории тюрков Л. Гумилев[42].)

Император ни одного не убил. Каждому дал землю, должность, чин. Кат-ильхана объявил названным братом, братьями стали ему и два главных тюркютских полководца: Ашина Шэни и Ашина Сымо (в бою Тайцзун сам отсасывал кровь Из раны Сымо, а Ашина Шэни На Могиле Тайцзун а хотел покончить 6 собой). Оба тюркюта покрыли себя славой храбрости и благородства.

Но И другая слава была у тюркютов: в неволе они жить не могли. Умер свободный друг императора Кат, имеющий все, даже армию, но не имеющий Степи, ее росы, ее солнца, с которым так славно скакать наперегонки. Роскошь дворца он поменял бы на простую войлочную юрту, шелковые покои — на звездное небо, предательский шепот стен — на буйное раздолье песни от горизонта до горизонта, и чтоб были вокруг цветы и настоящие, а не из нефрите, и чтобы трава приняла его с любимой — серебряная от луны трава, а Не эта — вышитая на ширмах, занавесках и стенах. И чтоб было неликое одиночество Степи, Здесь же толкаешься о людишек, вежливых, улыбающихся… И не дают они тебе никакой возможности в молчании поговорить с Небом. Об атом, наверное, 6 пел три года Кат, сидя в роскошном дворце. Только песня могла встать, распрямиться, сокрушить все и уйти. Кат же не мог этого сделать, его дер. Жали тонкие невидимые нити благородства — ведь побратался с Тайцзуном!

Вот также погибал 50 лет живущий в достатке и весь тюркский народ, обласканный Тайцзуном. О самой трагической этой странице жизни тюрков, самой чистой и благородной, мы знаем теперь благодаря усилиям ученых. Слова, написанные на камне, стирали ветер,

---

41 В основном земли восточной Монголии и современного Северного Китая.

42 См: Л, Г у м и из и «Древние тюрки», глава «Голубые тюрки.

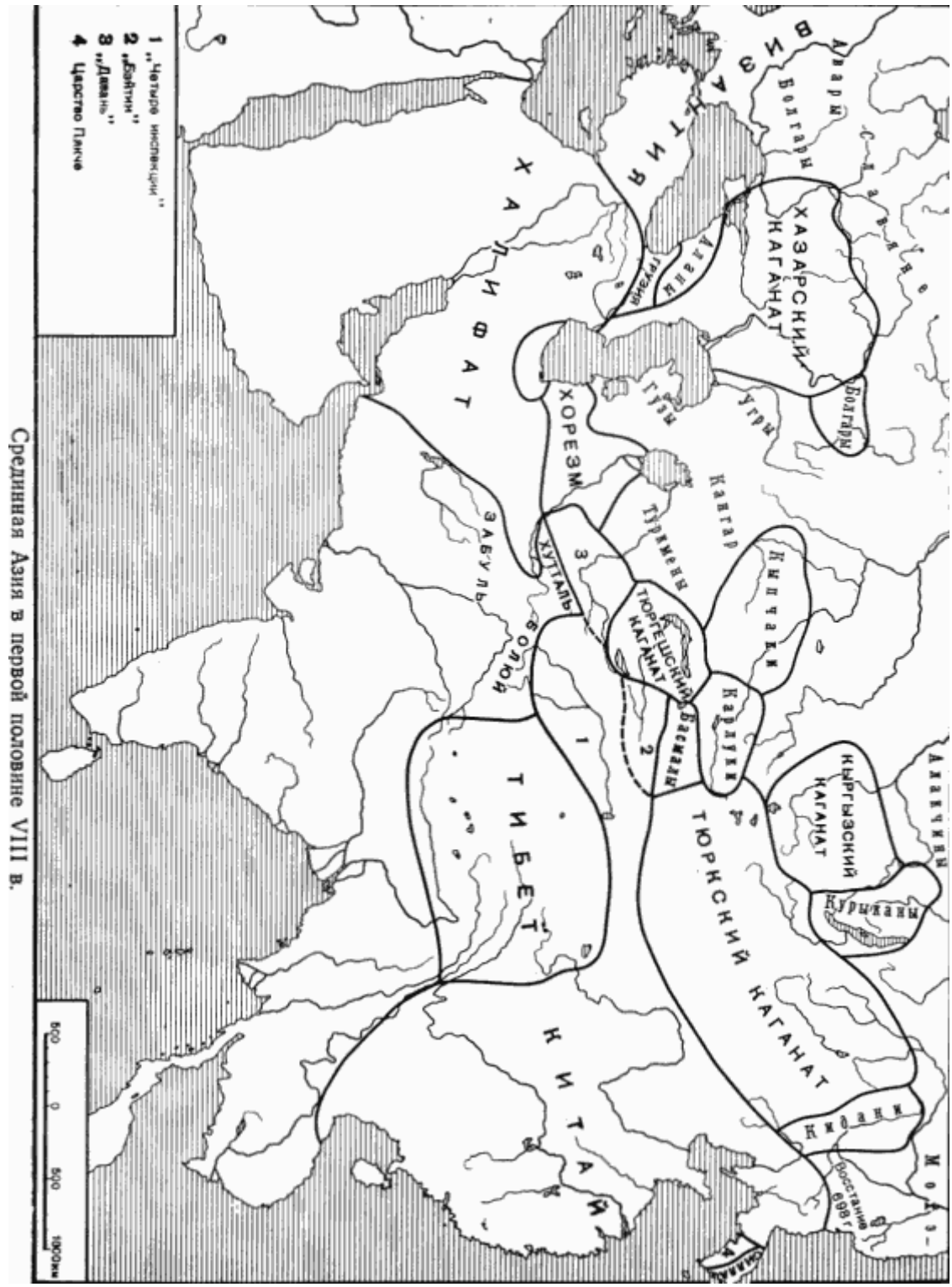
вода, жар, мороз, время, а потом я вовсе поглотила их земля. И все же вот они, спасенные от забвения: стали тюркюты рабами чужому государству «своим мужским крепким потомством в рабынями своим чистым женским потомством». Так написали тюрки на камне, поставленном на реке Орхон. «Я был державным народом… Где моя держава? Для кого добываю я державы иные? Да не уничтожится тюркский народ… Лучше погубим себя, искореним… Но не будем жертвой… У Китая… много золота. Серебра, зерна и шелка. Речь его сладкая, драгоценности мягкие, чем он сильно привлекает к себе далеко живущие народы… Дав себя прельстить сладкой речью, роскошными драгоценностями, ты, о тюркский народ, погибал».

Да, сидит, сидит народ… а уж если встанет, ничем его не удержишь…

В 683 году Кутлуг из рода Ашина с горсткой смелых отложился от Китая и Повернулся к Степи лицом. Победил китайскую армию, вырвался из ее тисков, до изнеможения мчался но степи, как волк, трое суток, и степь Матерью встала ему навстречу, приняла, дала маленький клочок земли — ногу поставить, дыхание перевести и оглядеться. На севере — уйгуры (потомки теле) к киргизы Енисея. На востоке — кидане. На юге — Китай. На западе — остатки Западного Каганата, у которого давно уже фактическую власть забрали входившие в его состав десять тюркских племен, «десятистрельный Народ». Ашины над ними, как облако над скалой, — то или иное племя В десяти рассеивает его, а китайский ветер пригоняет новое: отыщут ашина в своей коробочке с бисером, оставят.

На Западе взять землю Кутлугу не удалось, чтобы привести на нее из Китая оставшийся народ: встали на пути тюргеши — одна из десяти стрел. Брат Кутлуга Капаган завоевал потом степи южнее Алтая и привел туда пород, который назывался теперь «кёк тюрк» — «голубые тюрки»[43]. Жемчужинами народа сделались Кюль-Тегин, сын Кутлуга — сама Храбрость (столько раз спаем он народ от врага), и два друга Кутлуга — Тоньюнум и Нули чур, вместе вырвавшиеся из Китая еще юношами, вместе завоевавшие народу место в Степе.

[43] Синий цвет — национальный цвет тюрков.



Срединная Азия в первой половине VIII в.

40 лет бились за свободу, а утвердились — как зеницу ока берегли ее. 20 лет держались, несмотря на оскорбления, восстания племен, даже отпадение их. Только бы удержать мир, так дорого доставшийся, только бы успеть расцвести государством. На западе в это время согдийцы вместе с тюргешами уже отражали арабов, И все-таки через 20 лет все погибло…

Дочь Тоньюкука положила державу к ногам своего любовника, рассорила народ, родила месть, в потекла кровь но Степи. Кутлуга нет, Тоньюкука нет. Кюль-тегина нет. Остался только 80-летний Кули-чур, никем ни разу в жизни не побежденный. И видит он, как лезут на его ослабевший народ со всех сторон карлуки.

Собрав последние силы, кидается он в бой, этот старик лев, и… не может победить. Не может спасти народ, опускается сам под ноги врагу, закрыв голову руками: лучше быть

затоптанным, чем видеть гибель дела всей своей жизни.

И сев на коня, бросился он в атаку, — кричит камень на Орхоне —

победил, победил,

конь погиб, еще, сев на другого…. войско он вел, карлуки… к карлукам пойдя… еще… карлуки.

До своего дома довел он войну.

Карлуки сели на коней, с таким войском…

Гнедой…

Карлуки… карлуки…

Эльтебер[44]… эль[45] взял, сына жен его…

Мёртвые его так били…

К врагам ОДИН он бросился в атаку,

вошел а массу войска

и был задавлен до смерти[46].

Вею историю народа ашина записал на камне Йоллыг, внук Кутлуга, в поставил его в 732 году на могиле 40-летнего Кюль-тегина, на реке Орхон. Карлуки и уйгуры начали тотальное истребление голубы к тюрков — потомков тюркютов ашина. Их ловили и убивали, как волков. Не осталось ни одного, кто мог бы поднять знамя с золотой волчьей головой. Собрав последних оставшихся в живых, старуха Побег, дочь Тоньюкука, привела их в Китаи, где они и растворились.

Что осталось от неимоверных усилий князя ашина, запертого в 439 году в Наньшаньских горах? Думал ли он тогда, что все кончится старухой, которая в Китай же, (от кого Ашина и спасал тогда свой народ) обратно его приведет? Думала ли три юности — Кутлуг, Тоньюкук и Кули-чур, поднимавшие народ против сытости в чужой земле, что так все кончится? Думал ли Кюль-тегин, сделавший из своей жизни щит народу, что, так все кончится?

Лежит теперь его глиняная голова в траве, засыпаемая землей, около Орхонского камня, разбитого уйгурами, и только ветер читает слова, написанные Йоллыгом, оплывают они пылью, тиной, забвением.

Остались от всех этих неимоверных усилий лишь поспи, тягучие, надрывающее сердце, которые поют в Бухаре караханиды, потомки карлукских племен чигиль и ягма. И Ибн Сина мучительно вслушивается в них, ищет в горькой их правде ответ, на свои мысли, всматривается в один и тот же узор на попонах, поясах, сумах, ножнах, колчанах, настойчиво наносимый материнской руной, и вспоминает свою сказку из детства. Только теперь она звучит по-другому:

Солнце — Стень, родина, дом.

К солнцу летит гусь, на крыльях которого Алпамыш писал письмо из плена, — это душа Ката, Кутлуга, тоскующих в Китае, но Степи, душа всех тюркютов.

---

44 Карлук.

45 Государство Кули-чура.

46 См.: Л. Гумилев, «Древние тюрки». стр. 365

Красавица — Китай, дипломатия, ссорящая братьев.

Разбитое трещиной лицо — предавшие. Стень хан Жангар, дочь Тоньюкука Побег.

Конь — традиция, дух предков, единственное, что может снасти.

Человек на коне с солнцем в руках — Ашина в Наньшаньских горах, подвиг трех юношей: Кутлуга, Тоньюкука и Кули-чура, подвиг Кюль-тегина и Йоллыга, который не на крыльях гуся, на камне — навечно на писал об истине, выстраданной его народом.

На Западе, в Согде, тюркюты ашина (династическая линия) продержались до первого Саманида Исмаила, народ же тюркютский почти весь исчез. Верховодил теперь всеми в Согде «десятистрельный тюркский народ», поочередно выделяющий Из себя то каблуков, то дулу, то нушиби, то тюргеше.

Бухарские ашины шли от побочной династической линии. У Наршахи Ибн Сина читает: в 674-м году умер Бидун, который построил Арк и повесил на воротах Железную плиту со своим именем. Наршахи видел эту плиту в X веке. 15 лет после Бидуна правила его жена Кабадж, оставшаяся с малолетним сыном Тах-шадом. В ее правление и приходят первые арабы.

Она откупается от них, как может, сберегая Бухару.

Умерла а 689 г. «Каждый пожелал тогда захватить ее царство, — читает Ибн Сина у Наршахи. — Много было смут в Согде». А тут еще пришел знаменитый арабский полководец Кутайба, — не пограбить, а захватить Согд.

Кутайба взял Пайкенд, отбил тюргешей, словно надоедливых ос, посадил на трон (после 20-летннх мытарств) сына Кабал ж Тах-шада, Который за это принял ислам и сына своего назвал Кутай бой. И в первый раз пошли золотые караваны из Бухары в Багдад.

В 720, 724 годах Бухара восставала после смерти арабского полководца Кутайбы, читает Ибн Сина у Наршахи. Приходили тюргеши из Семиречья, поддержали согдийцев. Князь Пенджикента ашин Диваштич, теснимый арабами, поднялся в горы, захватив с собой

архив своего княжества, но арабы достали непокоренного согдийца на горе Муг[47] и распяли его на щите.

В 734 году все же отложились от арабов Бухара, Самарканд, Чач и Фергана. Недаром еще Квинт Курций Руф сказал Александру Македонскому: «Ты мне назначаешь Согдиану?! Которая столько раз восставала и не только еще не покорена, но и вообще не может быть покоренной!»

Десятилетняя независимость от арабов дорого, однако, стоила Согду: было перебито почти все мужское население. Арабский полководец Наср ибн Сейяр ушел в Хорасан, чтобы набрать там новую армию из персов, пригнал ее в Согд — не столько для боев (воевать уже было не с кем), сколько для поддержания Народа: от персов и согдиек образовался новый этнос, новый народ — таджики[48].

Варахша… Село под Бухарой. Сколько раз в детстве проезжал мимо него маленький Хусайн с отцом. И отец говорил о тюркской крови, пролитой здесь. В 767 году арабы убили Кутайбу, сына Тах-шада, потом Кут-Сукана, второго его сына, и Буниата — третьего сына. Каждый из них пытался восстановить свободу Бухары. «сидел Буниат, — читает Ибн Сина у Наршахи, — в Варахше, своем дворце, и пил и гостями вино. С высоты он увидел быстро двигавшуюся по направлению к нему конницу. Он понял, что это воины халифа. Хотел принять мери: послать гонца за гвардией, что стояла под Бухарой, но… конница приблизилась, и все, ни слова но говоря, бросились на него с обнаженными саблями и убили». Дворец же сожгли[49].

Халиф, наконец, решил покончить с ашинами, отнял у них все земли, весь доход. Царствование же на троне стал считать службой и платил им за это деньги. Тая длилось до 874 года, до прихода Исмаила Самани.

«Время Саманидов, — пишет академик А. Семенов, — было время, подобное которому редко повторяется в течение культурно-исторической жизни народа. Этот размах человеческой мысли, просветленный обширными познаниями в современных той эпохе науках, произвели Ибн Сина, Фирдоуси, Беруни».

Мы расстались с Саманидами на их потомке Бахраме Чубине, женившемся на дочери главного тюркютского хана Юн Йоллыга, сыне Шету, и поселившемся жить в Балхе (племя «гар-рга-пур» — «сын вороны»). Когда два льва — Иран и Византия боролись за господство в мире, они не заметили арабов, вышедших из Аравийской, пустыни с новой религией — исламом. Одним ударом Сасанидский Иран был погублен в 651-м году. Но оставалась надежда на последнего иранского царя Йездигерда III, избежавшего плена. Он унес с собой корону, царскую печать и сокровища Афрасиаба: пояс, корону, серьги Сиявуша, которые захватил в Пайкенде, под Бухарой, Бахрам Чубин у сына убитого им Савэ.

Если из-за этих сокровищ поссорились шах Ирана и лучший его полководец, то можно представить, как разгорелись глаза у наместника Мерва Махуя Сурн, к которому пришел Йездигерд III? Не решаясь напасть на стражу царя. Сурн тайно позвал нушибийского вождя Бижан-тархана, кочевавшего у Балха. Бижан-тархан разбил ставку Йездигерда III, но Йездигерд спасся, прешёл на мельницу около Мерва, где его, по преданию, сонного убил мельник.

Сурн стал обладателем сокровищ Афрасиаба, иранской короны В печати. Взял Балх, Герат и пошел в Согд, на Бухару, но тут тюркют Хеллу, правнук Савэ, разбил его, мстя за Йездигерда: Йездигерд и Хеллу — праправнуки Истеми: прадед Йездигерда — Хосров

---

47 Архив ни горе Муг (северный Таджикистан) был найден в 1947: письмена ни коже, древний согдийский язык

48 **См.** : Л. Гумилев. Этногенез и биосфера земли. Вып. 1 Ленинград, 1979, с. 701

49 Обугленным и откопал дворец археолог В. Да Шиш кии в 1852 году.

Ануширван был женат на дочери Истеми.

Итак, арабы прервали культурные традиции Ирана: вот тут-то в начинается шиитское движение, под знаменем которого персы стремились вернуть свое былое господство возродить свою былую культуру. Халиф Сулай-ман[50] сказал: «Удивляюсь я этим персам. Он и царствовали тысячу лет и ни одного часа не нуждались в нас. Мы царствуем сто лет и ни одного часа не можем обойтись без них!» А вот еще одно высказывание — англичанина Линдера. XX век: «Персы постоянно, — снова поднимаясь после эпохи притеснения, спасая, таким образом, свою национальную сущность, — переносили на своих победителей — греков, арабов, турков, монголов — значительную часть собственного духа и создавали для себя после разрушения новые культурные условия. Даже < свою политическую самостоятельность они несколько раз возвращали себе после больших промежутков».

Как же на этот раз произошло возрождение традиций персидской культуры и персидской государственности?

Первое, что удалось персам, — это стать визирями и министрами у аббасидских халифов. Бармакиды — потомственные жрецы буддийского храма Наубехар в Балхе — уговорили Хейзурану, мать наследников халифского престола, задушить подушкой старшего сына, чтобы к власти пришел младший — Харун ар-Рашид, знаменитый впоследствии халиф. При нем персы поставили реген-том Яхъя Бармака, бывшего фактическим халифом около десяти лет. Бармакиды возродили сасанидскую государственность. Но погибло это начинание самым неожиданным образом: у Джафара, сына Яхъи Бармака, жена того на сестре Харуна, родились двое детей, а Харун в свое время поставил молодоженам условие: «Можете только смотреть друг на друга, так как моя сестра — царевна, ты, Джафар, — всего лишь сын моего слуги». Через несколько лет Харун узнал, что у царевны и Джафара есть дети. Весь вечер он провел с Джафаром, ласково простился с ним, прижал его голову к груди, а потом эту голову по тайному его приказу отрубили. Но персы успели уже заявить о себе.

Вскоре Харун получил письмо от своего родственника из Ферганы, посланное Арка ком. Аркак — прадед основателя Саманидской державы Исмаила Самани. По рукописи VIII века видно, что племя Бахрама Чубина, «сына вороны», — боевая единица тюрков. Может, походы тюрков на восток и забросили потомков Бахрама Чубина в Фергану?

«Этот человек, — Харун поднимает глаза на Аркака, — происходят из древней знатной фамилии. Исповедание истинной веры получено им от меня. Крайне необходимо, чтобы ты оказал в отношении его милость».

Харун спрашивает Аркака:

— Где хочешь иметь земли?

— В Балхе, — отвечает Аркак. — на родине предков.

А когда родственник халифа переехал в Термез, Аркак Поехал за ним и купил небольшое селеньице Саман. Внуки Аркака вскоре оказали Харуну услугу, разгромив восстание в Хорасане. Мамун, сын Харуна, дал каждому саманиду по городу. А в 875 году Наср, брат Исмаила Самани, получил от халифа диплом на владений всем Мавераннахром (Согдом), со столицей в Самарканде.

Саманиды вели себя осторожно, не противопоставляли своей, силы халифу. Тахириды же действовали иначе: Тахир Ибн Хусайн, наместник Хорасана, соседней области, однажды не упомянул на всенародной молитве имя халифа в хутбе[51], а в субботу, на следующий же день, при таинственных обстоятельствах умер. Тахиридов сменил Якуб ибн Лайс, ставший благодаря своей храбрости наместником Сеистана.

---

50 VIII век

51 Хутба — проповедь на время всеобщего пятничного богослужения. в конце которой упоминаются имена халифа и правителя, является своеобразным утверждением власти, как чеканка монеты с именем правителя.

Якуб ибн Лайс был человек удивительный. Никогда не улыбался, лицо его, рассеченное шрамом, отпугивало суровостью, но и привлекало добротой, спал в роскошном дворце, положив под голову щит. Любил сидеть не на троне, а перед дворцом, в одежде простого воина, и если кто подходил с жалобой, шел и наказывал обидчика. Сменил Якуба после его смерти брат Амр, бывший в юности погонщиком мулов. Все было бы хорошо, не приди Амру в голову несчастная мысль: отнять у саманидов Мавераннахр. Тут-то и начинается история Исмаила Самани, основателя династии.

Жил он при старшем брате Насре в Самарканде. Ехал как-то Исмаил Самани, — читает Ибн Сина у Наршахи, — мимо Бухары с внуком Якуба — Ахмадом, своим полководцем, Ахмад и говорит:

— Вот сидит в Бухаре Абу Исхак Ибрагим, правнук Б**униата.** Земли халиф у них отнял. Сколько собирает с области в год, то и жалованье его. А Бухарой правит плохо.

Вызвал Исмаил Самани Лбу Исхака, спрашивает!

— Сколько набираешь в год?

— От силы 20 тысяч дирхемов.

— Будешь получать их от меня. А ты, Ахмад, правь.

Низложенный таким образом тюркют Лбу Исхак Ибрагим, из рода князя ашина, умер в 914 году. (Ибн Сине яге родился… в 980-м.) «Их потомки, — пишет Наршахи, — до сих пор (то есть в X веке) живут в селении Суфна Сиванч».

Вскоре в Бухаре вспыхнуло восстание против наместника Якуба ибн Лайса, бухарцы обратились к самаркандскому Насру с просьбой прислать 25-летнего Исмаила Самани править городом. «Когда он въезжал в Бухару, — читает Ибн Сина у Наршахи, — жители города бросали ему под ноги много золота и серебра». Было это 25 июня 874 года. Это и есть день рождения Саманидской державы.

Кто он, жемчужина саманидов, первый — Исмаил Самани? Легенды рассказывают: в пургу Исмаил Самани выезжал за городскую стену один на коне. Думал: «Может, идет кто ко мне с челобитной, а снег убьет его. А так, зная, что я недалеко, у него найдутся силы дойти до меня. В 898 году, когда Исмаил разбил Амра, брата Лайса, и взял в плев 900 воинов, то всех их отпустил без выкупа. Через два года Амр снова пошел на него, и войска Амра перешли к Исмаилу. Исмаил не стал убивать Амра, сказал: «Пусть выкупят тебя». Но никто не пришел за Амром, тогда Амр сказал: «У меня есть список казнохранилищ, сокровищ, кладов. Дарю все это тебе». Исмаил отказался: «Откуда к тебе пришли эти сокровища? Ведь отец ваш был медник. Эти богатства вы силон отняли у старух, чужеземцев, слабых и сирот. Ответ, который завтра вам придется держать перед богом, ты хочешь переложить на меня?» Вернул Амру перстня, что отняли солдаты, дал 30 всадников, хурджины с золотом и драгоценными камнями — подарки для халифа и сказал: «Брать тебя в плен нужды у меня не было. Я не хочу, чтобы ваше государство погибло от моей руки. Я исполняю приказ халифа и потому отправляю тебя к нему. Но даю тебе очень маленькую охрану… Постарайся, чтобы кто-нибудь пришел и забрал тебя».

Подозрительный, жестокий брат Наср пошел как-то на Исмаила Самани войной. Исмаил Самани ваял его в плен, а потом сказал:

— То была воля бога.

— То была твоя воля! — закричал Наср, — Ты восстал против меня!

— Ты прав, — покорно ответил Исмаил. — Иди к себе, пока еще не испортили твой престиж.

Наср был тронут до слез. И больше они никогда не воевали.

Мунтасир, последний из рода Самани, далекий потомок Бахрама Чубина, пять лет бился с караханидами за восстановление державы. Когда саманиды пришли в Согд, народ поддержал их, потому что хотел сильной власти, а значит покоя. В конце же своего господства саманиды сяду потеряли, и народ принял сторону караханидов. Поэтому как ни бился Мунтасир, не смог победить новых хозяев Мавераннахра.

— Так в чем же смысл возникновения народов и государств, раз ничего не остается от

них? — спрашивает себя Ибн Сина. — Что осталось от тюркютов? Разве что имя — Ашина…

Что осталось от голубых тюрков? Печальные песни в камень на Орхоне…

Что осталось от китайского «Александра Македонского» — Тайцзуна, от его идеи соединить Стень и Китай, Природу и Культуру, красавицу и Алпамыша, Простодушие и Хитрость? Лишь его слова, сказанные, когда сокрушен был не только Восточный, но и Западный Тюркский Каганат: «Я некогда говорил, что разные предметы служат нам забавою. Земляной городок и бамбуковый конек — забава мальчиков. Украшаться золотом и шелком — забава женщин. Через торговлю меняться избытком — забава купцов. Высокие чины и хорошее жалованье — забава чиновников. В сражениях не иметь соперников — забава полководцев. Тишина и единство в мире — забава государей. Теперь я весел». И умер.

Что осталось от саманидов? 25-летний Принц Неудачи — г Мунтасир. Вот идет он в последний раз на Бухару, Получил тайное письмо от родственника Самани ибн Сурхака, живущего в Бухаре, и не знает, что письмо это — предательство: войска Мунтасира, подкупленные караханидом Насром, у Бухары его оставят. Спас Мунтасира, прикрыв собой, маленький отряд преданных друзей. И хотя дальновидный караханид Наср приказы

А в Газну не поехал потому, что да, вскрывал трупы и султан Махмуд узнал об этом, Бакуви в XV веке так и пишет: «Когда начал править султан Махмуд, против Абу Ала ибн Сины стали плестись интриги, и он бежал из Бухары в Хорезм». Плохо относились к Ибн Сине еще и брат караханида илек-хана Насра и наместник иго. А тут новая беда — умер отец. Ибн Сине — 22 года… Поступил на службу но дворец, но вскоре оставил ее из-за клеветы в оскорблений, разожженных могущественными врагами. «Даже учитель Ибн Сины Бараки отвернулся от него… Что ж, золотую монету пробуют на зуб, когда хотят убедиться: настоящая ли она? Судьба решила испробовать Ибн Сину. Или это была доброта ее? Готовила юного Хусайна к предстоящей жизни, полной одиночества в горя, — ведь ему суждено было до самой смерти скитаться по дорогам, выложенным врагами. «Долгое время я был пленен такими трудностями и горем, — пишет Ибн Сина в предисловии к юношескому своему трактату «Освещение», написанному в Бухаре, — что если бы они попали на горы и камни, то размельчили бы их». и Между Ибн Синой и учителем его Бараки встали государственные враги. Бараки, хорезмиец, обещал, еще до ссоры, помочь Ибн Сине перебраться в Хорезм, в город Гургандж, в устроить его там при дворе. И вот Бараки зовет Ибн Сину. Говорит же с ним отчужденно, но предлагает написать трактат о душе и теле, о том, что будет с ними после смерти. Ибн. Сина прежде, чем начать писать, кладет перед собой чистый лист бумаги, задумывается и вдруг изливает всю горечь души в предисловии к трактату — исповеди учителю, — ведь скоро они расстанутся, может навсегда… Учитель должен знать правду. «Надеюсь, что в скором времени, — пишет Ибн Сина, — сбудется моя мечта — застану друзей в радости, а врагов униженными и освобожусь от нареканий недоброжелателей, Тогда найду добро в счастье, утерянные мной в трудное время, и буду пользоваться радостью, достатком и спокойствием в этом мире ради будущей жизни.

Сердце учителя не позволит после принятия меня учеником оставить у меня в руках неудачи, чтобы я оказался в объятиях случайностей. Учитель не может поручить мою судьбу тому, кто ищет свою победу в моем унижении, кто находит себе уважение в моем унижении и для достижения своей цели предпринимает шаги против меня[52]. Разница в степени между нами немалая, то, что он может замещать меня, невообразимо, следовательно, не должно быть, чтобы он пользовался моими стараниями, ибо невозможно, чтобы он равнялся со мной но способностям, проницательности, доверию, происхождению, положению, славе.

Там, где перечисляют имена мужей, он входит в число забытых, а я в число, восхваляемых. Его положение среди приближенных учителя для всех нас постыдно, его поведение не может согласоваться с манерой учителя, тогда как мое присутствие было бы

---

[52] Главный враг Ибн Сины, кто занял его должность, — вероятно ученик Бараки.

для учителя предметом гордости, причиной его прославления и восхваления, ибо я всегда буду следовать его похвальному нраву и примерному поведению.

Он под защитой учителя получил высокий сан и большое имущество и компенсировал свою бедность, но я только подошёл к нему, не имея еще выгоды[53]…

То, что было высказано… стон, исходящий из сдавленного горла, И жалоба, Исходящая от обиженного сердца»..

А дальше шли философские рассуждения о теле и душе — Жизни и Смерти.

Этот юношеский трактат Ибн Сины прочтет в XII веке Хамадани и так будет потрясен им, что оставит религию и перейдет на путь Ибн Сины.

«Освещение» — трактат, посвященный учителю, примирил Ибн Сину с миром, дал надежду и силу дальше жить.

Что вижу я ныне?

— пишет Ибн Сина-ПОЭТ.

В упадке и честь, и ученость, —
И в прошлом осталась мысли людской утонченность.
Сегодня к тому же не водят в достоинствах проку,
Возносят невежд и легко предаются пороку.

И мир предстает мне обителью знати и черни,
Где хаос и тлен, где пируют могильные черви.
А может быть, сам он — мертвец, преисполненный гнева.
Червей этих жрет, ублажи и голодное чрево?

Мир станет в грехе иль как праведник, встанет из праха?
Поведать могу ли я предначертанья аллаха?
Когда против рока пойти я решился в гордыне.
Не зная упрека, всего бы добился и ныне.

Не страх за себя ощущал я в иные минуты.
Боялся я вызвать слепое безумие смуты.
и черные тучи моей не закроют дороги,
МЕЧ СПРЯТАН В НОЖНАХ, НО БЕЗМОЛВЕН ДО ПЕРВОЙ ТРЕВОГИ[54].

V Хиджра Ибн Сины

Очередной день суда.

Сразу же после молитвы Бурханиддин-махдум стал рассказывать о пути Ибн Сины в Хорезм.

— Если плыл он по Джейхуну, значит, не скрывался. Если шел по пескам…

Ибн Сина Шел по пескам. По Джейхуну было бы великим удовольствием плыть вдоль свежести и зеленых полей! Но… Махмуд мог держать на переправах своих людей.

По пескам в летние месяцы никто не ходил — разве беглые рабы и разбойники.

---

[53] Поэтому все что говорю, — искренне.

[54] Перевод Я.Козловского

Первые три дня караваи, к которому пристал Ибн Сина, шел до могилы святого Ходжи-Обана. К северу от могилы среди холмов обнаружили пресное озерцо.

Утолили жажду, сделали запасы и, помолившись, двинулись к горам, всегда окутанным туманом. К ним вели три пути: через знойный, безлюдный Кара-кель, через открытую равнину и через горы, где вода и зеленая трава. Пошли через Кара-кель.

Караваи контрабандой переправлял в Хорезм конопляное семя. Хусайн сказал, что застал свою жену с любовником и зарезал ее, — причина, сразу понятная я деликатная, — никто не стал расспрашивать.

Из вещей ничего не взял, кроме отопки бумаги, разрезанной на квадратики. Заложил ее в подкладку чапана.

Рабы, обслуживающие караван, грек, два китайца, негр, славянин и румиец — затравленно сторожили глазами хозяина — араба, не расстающегося с молитвами я оружием. Хусайн заплатил ему десять золотых монет и вывернул карманы, даже котомку развязал я распустил чалму, показывая всем, что оставил себе одну монету, — чтобы не зарезали в пути, решив, что у Него есть еще золото.

От туманных гор три дня плелись к Соленому колодцу — Шуркудук, куда даже птицы не залетали. Мертвая, подернутая пылью земля…

Славянин не мог больше идти. Хозяин избил его цепью. Хусайн в ужасе смотрел, как мелькали между руками, бьющими, и защищающимися, покорные голубые глава. Потом глаза сделались злыми, стали наливаться Кровью. Тогда хозяин бросил цепь, пошел пить воду из бурдюка.

Раб сидел и выплевывал На песок кровь, дрожа всем телом. Хозяин, бросив бурдюк, долго смотрел на него, почесывая спину. Затем открыл замок на цепях раба, снял их и кинул далеко в пески. Туда же полетела котомка раба.

Караван тронулся. Хусайн понял: рабу вместе со свободой подарили и смерть. Раб лежал и тихо, сквозь зубы, пел. По его ранам, припорошенным песком, ползали маленькие черные жучки.

Хусайн с трудом усадил раба на своего коня…

Три дня преследовал Ибн Сину кошмар: человек бьет человека. Цветок бьет цветок. Корова бьет корову… Железная мощная цепь бьет голубые глаза, из которых течет голубая кровь.

Придя в себя, Хусайн совершил омовение, встал лицом к огромному диску солнца, поднимающемуся над пустыней, и погрузился в размышления о Неизвестном философе.

Какое же было у него великое сердце, если он обожествил человека? Путь философской обоснованности этой мысли пролегал через всю греческую философию, кото-ран после смерти Аристотеля зашла в тупик.

Ибн Сина хотел мысленно пройти весь путь от первого греческого философа Фалеса до Неизвестно фял софа, чтобы ощутить ту даль, куда должен вступить его век В пустыне, вырванный из мира суеты, он и предался этим размышлениям — ведь в рисунке трагического поиска человечеством своего места в мироздании, может быть, есть некое предначертание и каждому из нас совершить перед лицом космоса ту или иную работу.

Пройдя этот путь вместе с Ибн Синой, мы поймем наличие его духовного подвига, очарование и новизну от философской мысли, совершим как бы восхождение на вершину его гения. Смотреть на вершину снизу в восхищаться ею, — все равно что восхищаться Ибн Синой, не зная его. Попробовать же подняться на вершину и с высоты ее взглянуть на мир — значит, попытаться понять Ибн Сину изнутри.

Эту цель поставил перед собой и Муса-ходжа, разговаривая с Али по ночам. Пустыня — то, что Али не знал, — невежество, спалившее возможную его разумную в красивую жизнь. Караван — желание Али пробиться к родникам знаний, к Ибн Сине, к его сердцу, а если небо благословит, — и к разуму его, Муса-ходжа — проводник, друг, знающий, как обойти опасные места, как по звездам найти древний колодец в утолить горсткой живой воды смертельную жажду.

ХОЗЯИН БЬЕТ РАБА…

— Хозяин — бог, — говорит Муса-ходжа, поворачивая свои слепые глаза к крестьянину Али. — Раб — человек. Раб провинился. На всех нас — вина. Весь мир — вина перед богом, перед чистым миром Единства, от которого мы отпали. С этой мысли и начиналась греческая философия, когда боги отступили, оставив греков наедине с сознанием. А раньше их нянчили сказки. Вот и задумались греки: кто мы? Откуда? «Всякое рождение — преступление», — сказал Анаксимандр. — Была дружба между богом и человеком. Чашечки весов стояли друг против друга. Потом человек положил на свою чашечку гордость и упал, то есть родился, стал «Я», а раньше был «все».

— А может что-нибудь искупить эту вину за отпадение? — спросил Али.

— Может. Смерть.

— Но ведь нас много! Мы же без конца рождаемся!

— Будет вечно рождаться в умирать мир, — И не дано последнего прощения?!

Молчание.

Анаксимандр был так страшен грекам, что они выслали его с материка в Малую Азию основывать колонию. И он о сновал Эфес в VI веке до н. э.

«От богов, греки отказались, — думает Ибн Сина, перевязывая раны рабу в песках. — Бог остался в мифах. Что же тогда такое — «Единство»?

«Вода», — сказал Фалес.

«Огонь», — поправил его Гераклит, родившийся как раз в Эфесе. Причина существования мира вовсе не вина за отпадение от Единства, а борьба противоположностей, — поправил он и Анаксимандра. А дальше изложил свое учение: в одном Огне — два огня: чистый и нечистый. Солнце, например, — чистый огонь, А зажжешь от него стружку или город — получишь огонь нечистый. Исход нечистого огня из Огня — и есть рождение мира. Потом будет гибель мира, потом опять рождение… Вечная игра Зевса. И нет никакой вины нашего мира множественности перед миром Единства, нечистого огня перед Огнем. Значит, считал Гераклит, наш мир — справедлив. Справедливость — борьба противоположностей. В постоянство и устойчивость вещей верят лишь узкие головы.

Мысли Ибн Сины прерывает внезапная тишина. Это остановились верблюды и разом смолкли колокольчики. Привал.

«Чистый огонь + нечистый огонь — Огонь… — думает Ибн Сина, распрягая Коня. — Это и есть Высшая, скрытая гармония. Для Зевса все прекрасно: я хозяин, и раб…»

Ибн Сина подкидывает ветки саксаула в костер, дремлет. Напротив, ему кажется, дремлет Гераклит — отшельник храма Артемиды, бедный одинокий старик. Голова его склоняется, и он засыпает. Засыпает и Ибн Сина, осторожно вытягивая ноги среди измученных людей.

— Хозяин бьет раба… — говорит Муса-ходжа крестьянину Али. — Ты видишь это?

— Вижу.

— А теперь обрати внимание на людей. Один проходит мимо, другой подзадоривает, третий начинает говорить о… человечности(!). «Господи! И дурными моими помыслами послужу тебе…» Итак, ты понял, люди видят но всем только справедливость и несправедливость. И не видят Высшей скрытой гармонии, как учил их Гераклит.

Ну, на то они я люди… А теперь вернемся к Хусайну» Вот он вдет в конце каравана. Лица у всех белые, вспухли языки, пресмыкающееся треснутые губы обметало чернотой, мучает и>гучее ощущение в горло и сильная головная боль. Кое у кого началась галлюцинации. Ты ходил когда-нибудь через пески?

— Нет.

У Соленого колодца, куда только что пришел караван, жили пастухи-рабы. Они дали измученным людям часть своей воды — спрятанные под землей весенние дожди.

На закате хозяин встал на колени, караваи опустился за ним, и все совершили молитву. Потом уложили верблюдов в круг, головами наружу, сложили внутрь вьюки и легли.

Ибн Сина продолжал думать о Неизвестном философе. Далеко еще до него, но нельзя

пропустить ни одного витка дороги, даже если она заходит в тупик. И заблуждения служат Истине.

«На смену Пророку Огня — Гераклиту пришел Пророк Льда — Парменид, — восстанавливает Ибн Сина мысленно единый философский путь. — Единое, — сказал Парменид, не «вода» и не «огонь», а «Разум». Существует только то, о чем можно мыслить. Борьба противоположностей? Ну, есть. Только в нашем низком мире. В мире же чистого Разума ее нет.

— А как противоположности взаимодействуют друг о другом? — спрашивают Парменида.

— Как мужчина с женщиной: когда у них страсть — рождается мир, когда ненависть — мир погибает.

Ибн Сина прижался к старику проводнику. Задремал. И тут же встрепенулся: зазвенели колокольчики. На верблюдах? Или звезды?..

«Парменид, — спрашивает философа Ибн Сина в своих думах. — Вот я решил построить дом. Я мыслю его. Он будет такой-то и такой-то… Значит, я могу переезжать в него, если, согласно твоему учению, мысль о предмете уже есть этот предмет?

— Да, бытие равно мышлению, — отвечает холодная машина.

— Смотри, как смеется над тобой Гераклит. «Мы существуем и одновременно не существуем. Даже поток, в который вы вступаете но второй раз, уже не тот, каким он был при первом вашем вступлении в него».

— Все у вас течет, — хмуро отвечает Парменид, — не исключая вашего мышления. Вы — люди с двумя головами. Нет никакого мира становления.

— Как нет?! — вскакивает Ибн Сина и ударяется о верблюда. — Но глаза-то мои его видят?! Уши-то мои его слышат?! Вот пустыня. Вот звезды… Вот верблюд.

— Обман все это. Чувства обманывают тебя. Истинно только мышление.

— Выходит, бытие неподвижно? Ведь Разуму не надо носиться по миру, как Зевсу на колеснице. Мысль может править, не сходя с места. Вот подумал я о Китае, в уже там.

— Да. Бытие неподвижно.

И все. Мыслящая машина остановилась».

В утренних сполохах света растаяли и Гераклит, и Парменид. Ибн Сина отпустил их домой. Белый раб накрыл уснувшего Ибн Сину чапаном, подкинул в костер дрова.

— У этой глыбы Льда был, однако, достойный ученик, — говорит Муса-ходжа крестьянину Али, продолжая рисовать картину размышлений Ибн Сины. — звали его Зеноном.

… Зенон.

Тает в котле бараний курдюк. Ибн Сина помешивает его деревянной палочкой, кидает в кипящий жир маленькие кусочки теста, отрезаемые ножом. «Надо было кому-то завести всех в, тупик, — думает Ибн Сина, видя перед собой Зенона. — Иной раз, заблудившись, лезешь на дерево или гору и оттуда видишь новую дорогу, лучше прежней, прямиком ведущую к цели!.. Зенон здорово встряхнул всем мозги!»

— Вот Ахиллес — греческий бегун, — говорит Муса-Ходжа и ставит на пол глиняную куклу. — А это черепаха Ахиллес никогда не догонит черепаху.

— Ну?! — удивляется Али. — Не может быть!

— У Зенона все может быть. Следи внимательно ял моими словами. Дорога между Ахиллесом и черепахой будет все время сокращаться. Так?

— Так.

— Как бы дробиться, стремиться превратиться в дочку.

— Ну.

— Но никогда она к точке не придет.

— Почему?

— Дорога-то перед черепахой бесконечна! Значит, бесконечным будет и это дробление.

— А мы перегородим дорогу! — говорит Али.

— Хорошо. Вот стена. Я пускаю в нее стрелу. Мысленно, конечно. Ты видишь стрелу? Легат она?

— Летит.

Это тебе только кажется, что летит. Стоит она на месте!

— Как?!

— А вот так! Из чего состоит полет стрелы?

— Не знаю.

— Из маленьких кусочков времени, — таких, за которые стрела успевает занять место, равное самой себе. Понимаешь? — ну, — Значит, она как бы стоит в воздухе в каждый этот момент, А если сложить все эти моменты, то получится, что стрела все время., стоит. Не летит! А о чем это говорит? О том, что истинное бытие неподвижно. Нам только кажется, что стрела летит.

— Но я-то хожу перед вами! — вскричал возбужденно Али. — Я кидаю вот камень в стену, и он долетает до нее! Слышите удар?

— Это тебе только кажется, что камень долетев.

Али долго смотрел на Муса-ходжу, потом закрыл голову чапаном.

— Уходите… Страшно, «Все, — думает Ибн Сина, — философия зашла в тупик, Вмерзла в нелепость. Надо как-то размораживаться «Разум неподвижен. Разум неподвижен», — повторяют на все лады философы.

Народ перестал приходить на площадь, где происходили диспут».

— Разум неподвижен, ладно, — соглашается Анаксагор, — Но ведь из чего-то он все же состоит?

Философы повернули к нему головы.

— Из чего?

— Наверное, из понятий. Тогда получится, что БЫТИЕ — ЭТО ДВИЖЕНИЕ. ОТ ОДНОГО ПОНЯТИЯ И ДРУГОМУ!

Как будто впустила свежий воздух в душную комнату. Площадь снова стала наполняться народом.

— Ас чего началось движение? — спрашивают Анаксагора.

— Был, я думаю, первотолчок!

— Что же тогда такое — мир становления?

— Хаос бесконечного числа вечных сущностей. И Разум приводит их в круговое движение. В середину собирается плотное, легкое — вверху. Комки, оторвавшиеся при вращении, оформляются в планеты… [55]

— А как же зародилась на нашей планете жизнь?

— В Космосе летают семена жизни. Одно из них в попало на Землю, — А от чего мир погибнет?

— Движение — это’ несоответствие действительности понятиям о ней. Как только все части действительности совпадут со всеми предназначенными им понятиями, наступит гармония и движение прекратится. Но Разум снова будет двигаться. Сначала в самом себе: от понятия к понятию, пока не захочет познать себя. Тогда он снова запустит мир, где управлять движением будет случай.

— А чем же дорого тебе такое существование мира?

— Тем, что я могу созерцать постепенно выстраивающийся космический порядок! [56]

Растаяли последние звезды. Белый рассеет отодвинул ночь. В чистоту и, свежесть огромного неба вступило Солнце. Люди поднялись, умылись прохладным песком. Начали

---

[55] За это Анаксагора Чуть не казнили.

[56] С какой радостью рассматривал А. Эйнштейн первые фотографии галактик, на которых обнаружилось спиралевидное вращение их.

вьючить караван.

Тронулись…

Теперь путь лежал на Адам кырылган — «Место, где погиб человек» — самый изнурительный переход. Опять ни птиц, ни насекомых. Только выбеленные кости прежних путников, отполированные горячим песчаным ветром, словно драгоценность.

Хозяин смазывает на привале ногу рабу-славянину, разбитую цепью, перевязывает чистой тряпкой…

«Сегодня бог бьет тебя по голове, а завтра гладит но щеке», — вздыхает Ибн Сина, глядя на эту сцену, — я продолжает думать о Неизвестном философе.

… Демокрит заменил «понятия» атомами. Причиной первотолчка объявил столкновение атомов, рождающее вихрь огромной силы и скорости. Вечное вращательное движение Космоса поддерживается, мол, перевесом той или иной противоположности.

«Перевесом Ненависти и Любви, — уточнил Эмпедокл. — Любовь — причина единства и добра. Ненависть— множественности и зла».

— Демокрит запирался в надгробия, чтобы ему не мешали думать, — рассказывает Муса-ходжа крестьянину Али. — Когда умер его отец, взял себе меньшую долю наследства, но деньгами. Совершил путешествие в Египет, Халдею, Индию, родину Гераклита — Эфес. Вернулся нищим. За растрату отцовского наследства по греческим законам стал отверженным. Но… «одно причинное объяснение, сказал он, предпочитаю персидскому престолу». Ему всегда было смешно смотреть на людей, а Гераклиту — грустно. Гераклит, этот плачущий философ, похороненный на главной площади Эфеса, стал национальным героем, и еще несколько веков эфесцы печатали на монетах его лицо. Демокрита называли смеющимся философом. И еще Философом Чести. Так представляешь, как же надо было прожить жизнь, чтобы и ее сделать аргументом своей философии?!

— Чем?

— Ну, пашешь ты поле судьбы одним конем. А если сделаешь из своей чисто прожитой жизни второго коня?.. Демокрит вернул уважение народа, когда прочел на площади свой первый философский труд. Эмпедокл и вовсе объявил себя богом. Сказал:

«У света есть скорость»?

«Мы не видим этого! — рассмеялись люди. — Свет как воздух. И никуда он не движется!»

«Не видите потому, что скорость света очень велика».

«А ты почему видишь?»

Вот тут он развел руками и сказал: «Потому, что я — бог».

Но, боясь случайной смерти, которая разуверила бы людей в его божественной природе, а значит, и но всей его философии, он бросился в кратер Этны. Вулкан же злорадно выбросил к людям его медную сандалию. Только у него были такие сандалии. «Что ж, не столь важна истина, сколь способ доказательства ее…» — сказала доброта людей.

От стоянки Адам кырылган двинулись к стоянке Тюнюклю, куда прибегала ненадолго Джейхун. Этого отрезка пути ждал» с ужасом. Отсюда начинались страшные «собачья дни», и которые обязательно кто-нибудь погибал. Не было еще каравана, благополучно миновавшего это место. Не жажда, так сжигающий ветер теббад выбросит из жизни. Когда идут в противоположном направлении, — от Тюнюклю к Бухаре, даже верблюды долго оглядываются на Джейхун и вздыхают.

Хозяин бьет раба…

Но вот случай заклинивается. Хозяин бьет и бьет раба, бьет и бьет, бьет и бьет. Раб начинает думать: «Как неразумно поведение хозяина! Разум — это добро. Разум — это счастье».

И рождается Сократ.

Сократ… Ибн Сина долго сидит и перебирает в ладонях песок. Песчинки — люди. Жизнь — ветер. Философы спотыкаются о барханы — великое скопление песчинок, но и тогда их не видят: глаза подняты к песчинкам звезд.

Сократ первым увидел человека и сказал:

— Вот что — главное. Природа — непознаваема, обмануть ее нельзя, а человечество — можно. Истинная нравственность человека — природная, а не воспитанная культурой. Страж истинности — разум. Надо заново все переосмыслить, когда приходишь в мир. Скепсис против всего. Надо разрушать все те понятия, которые культура создала до тебя, и найти новые. Вот что такое, например, человек?

Аристотель: «Живое существо. Разумное. Смертное. Способное вмещать в себя ум и знания».

Платон: «Живое существо. Бескрылое. С двумя ногами и плоскими ногтями, способное обладать общественным сознанием».

Сократ: «Я ничего не знаю о человеке. Не знаю даже, в каком он находится положении в сравнения со вселенной. Я не знаю: человек ли я или еще какой-нибудь зверь, более пестрый, чем Тифон[57]».

Вот с такого скепсиса, снимающего все наслоения культуры, и начинал мыслить Сократ. Задумавшись, он мог стоять сутки среди толпы, когда искал какое-нибудь понятие. Главное — выработать понятийное мышление, говорил он. И сохранить нравственность — эту великую красоту философия.

— Зачем ты, Сократ? — спросили его афиняне.

— Я приставлен к вам богами, как овод к коню.

— Афинянам он стал костью в горле, — рассказывает Муса-ходжа крестьянину Али. — Обвинили его в бесчестии. Вот тут он и должен был унизиться и попросить оставить ему жизнь. Но Сократ есть Сократ…

— Где вас похоронить? — спросили его ученики.

— Если найдете меня, хороните, где хотите.

— Боитесь ли вы смерти?

— Нет. Природа спокойна в смерти. «Лебеди, умирая, ноют от радости», — и попросил принести в жертву Асклепию богу врачей, петуха за выздоровление Души, освобождение ее от тела.

— Как вы думаете, дошел уже Хусайн до стоянки и Тюнюклю? — спросил Али, разглядывая линию пути Ибн Сины из. Бухары в Хорезм, которую нарисовал углем на стене.

— Путь туда длится три дня. В Тюнюклю приходит, Джейхун. Представляешь, как они бежали к реке! Как пили! Как купались… Сколько благодарственных молитв произнесли! И невольно поглядывали на Ибн Сипу: не иначе он — благословенный человек! Когда брали его в, караван, не на деньги позарились. Взять в такой путь неизвестного человека не всякий решится. Он мог бы стать причиной несчастий, если бы не был благословен. У этого, не ошиблись, душа чистая…

Стоянка Тюнюклю осталась позади. Теперь ШЛИ по и кривому берегу Джейхуна, прозванному верблюжьим затылком. Отсюда начиналась борьба с… изобилием воды. Широкая, как море, река резала глаза. Хлюпало под ногами. Хлестал по глазам камыш. Завернув полы чапана за пояс, Ибн Сина шел по колено в воде и думал о Неизвестном философе. Он все ближе и ближе к нему. Виден и уже Платон — лучший Сократов ученик.

— Смерть Сократа потрясла Платона, — продолжает Муса-ходжа рассказывать Али. — Какая это трагедия — и мыслить! Процесс вечен, а жизнь коротка…

Кончились болота. Хусайн прислушайся к мерному стуку копыт о твердую землю и понял: «Идем по лунным и колеям, колеям разбойников. Сократ не захотел свернуть на лунную колею. На солнечной дороге жил, на солнечной и умер. Платон же с — солнца ушел. Замуровался и темноту горя. По лунным колеям слез ходил к мертвому учителю. И вдруг понял: Сократ жив! Истинное бытие вне времени, вне пространства, неподвижно, тождественно мышлению (нрав Парменид!),

---

57 Змеевидный титан с человеческим торсом, боровшийся с Зевсом.

Только мышление Платон разделил не на понятия, как Анаксагор, а на идеи.

Вещь изменчива. (Гераклит нрав!) О ней не успеваешь составить понятия. Понятие о вещи — идея. Находятся идеи в мире Единства, как будущие бабочки в куколке. В мире становления вещь — копия идеи. Составлять о нем понятие — все равно, что составлять понятие о луне, по ее отражению. И не из атомов состоит мир Единства (проклятие Демокриту!), а из идей — этих вечных сущностей. А раз они вечны — то вечен — и Сократ. Он просто ушел домой из мира множественности, зла, несвободы и постоянной изменчивости (прав Гераклит!), где все про исходит, но ничего не существует, — ушел в мир Единства.

— Мы все словно сидим в пещере лицом к стене, — поясняет Муса-ходжа крестьянину Али, — а сзади Нас горит огонь, — так объяснял суть своей философии народу на площади сам Платон. — Ходят между нашими спинами и огнем люди. Ходит и Сократ. Настоящий Сократ. На стене же — тени этих людей. И тень Сократа. Эти тени мы и принимаем за истинных людей, как весь наш мир принимаем за истинный мир. Мы живем в мире копии. Настоящий же Али, настоящий Муса-ходжа, настоящие Бурханиддин, эмир и даже настоящая роза, а не копия ее, которую ты держишь в руке, хотя и блестит на пей роса, находятся там, в мире идей, на небе.

— А кто видит эти идеи? — спрашивает Али.

«Разум, — размышляет Ибн Сина, идя за караваном и розовых лучах рассвета. — Идеи не одинаковы. У них есть царь — Высшая Идея (Благо). Все остальные подчиняются ей».

«А как возникает вещь — копия идеи?»

«Демиург — бог-творец — вкладывает идею в материю. Если материя сопротивляется, вещь получается несовершенной. Связывает идеи и вещи Мировая душа. Она — царь всех душ».

«А что такое человеческая душа?» — спрашивают Платона.

«Раньше она жила на небе, в доме Мировой души. У пае было два коня: Разум и Вожделение. Управлял конями Разум. Победит первый конь, будешь сидеть на звездах и смотреть вниз, на людей. Победит второй — упадешь в тело, мир множественности, будешь жить на земле. Поэтому познание какой-либо вещи у Платона — это припоминание ее идеи, которую ты раньше, на небе, созерцал. А видя красоту природы и неба, душа тоскует, вспоминая недостижимый теперь божественный свой дом.

Юноша аристократ Аристокл, по прозвищу Платон, что значит Широкоплечий, — рассказывает Муса-ходжа крестьянину Али, — после смерти Сократа бросил Афиш. И десять лет скитался по Египту, Финикии, Переа, Ассирии, Вавилону. В Сиракузах его пригрел правитель Дионисий Старший, а потом отправил на невольничий рынок, где Платона купил Анникерид.

А потом в Афинах Платон открыл свою школу — Академию[58].

Аристотель пришёл в Академию двадцатилетним и оставался в ней семнадцать лет, до смерти Платона — своего Учителя, Аристотель — Чистый Ум, — говорил о нем Платон.

«Аристотелю досталось тяжелое наследство, — размышлял Ибн Сина, сходя с коня и шествуя мимо безымянной могилы, что встретилась в песках: — разрешить два вопроса, не разрешенные Платоном: как идеи связываются Между собой и с Высшей Идеей? И как идеи связываются с миром?»

— Вот она — прямая дорога к Неизвестному философу, — сказал себе Ибн Сина, останавливаясь. — Она в ответе на эти вопросы. Тысячу лет философы спорили, может ли человек, а с ним и мир, встать рядом с богом? Сторонники Платона говорили, презрительно скривив губы «Нет. Никогда». Сторонники Аристотеля не соглашалась, думали… Неизвестный философ дал новое решение этого вопроса.

«Твоя идеи, — говорит Аристотель Платону, — не имеют никакой связи с чувственно

---

[58] Школа находилась рядом с рощей, посвящённой герою Аттики Академу.

воспринимаемыми вещами..»

— Эй! — перебили мысли Ибн Сины крики, — Смотрите, верблюды прячут головы в песок! Будет буря!

Быстро начали связывать единой веревкой людей, животных, товар. В надвигающейся темноте, в тревожном гуле Ибн Сина увидел сквозь поднимающийся в вихре песок… Платона и Аристотеля.

Они шли, спокойные и величавые, сквозь бурю невежества, заставляющую людей, как верблюдов, зарываться в мирские дола с головой, связываться веревкой взаимозависимости, чтоб не потеряться, не ослепнуть, не сгинуть в мире необходимости.

— Твои идеи, — говорит Аристотель Платону, — не имеют никакой связи с чувственно воспринимаемым миром вещей. Идеи для них — не причины их движения, их изменения, их возникновения, их гибели… Зачем ты оторвал понятие, «сущность вещи», от самой вещи? Ведь Сократ этого не делал! Ты слишком влюблен в текущий поток Гераклита! Конечно, о «текущем» не бывает понятия. И ты правильно предположил, что «если есть знание… то помимо этих вечных текущих… должны существовать… сущности постоянно пребывающие», то есть эти вот твои идеи. По зачем ты разделил чувство и мысль? (Проклятие Парменидy!) Как могут идеи, если они — сущности вещей, существовать отдельно от них?»

— Жеребенок лягает мать, — улыбнулся Платон.

— Платон мне дорог, но истина дороже, — улыбнулся Аристотель.

Ибн Сина не может оторвать глаз от этих двух людей — Платона и Аристотеля, идущих навстречу ему сквозь бурю. А рядом обвенчавшиеся с Истиной братья их: Фалес, Анаксимандр, Гераклит, Парменид, Зенон, Демокрит, Анаксагор, Сократ…

Афинская школа…. Великое зрелище — философы, идущие сквозь бурю. Мысль, шествующая сквозь суету Жизни.

— Смотри, — завороженно говорит Муса-Ходжа крестьянину Али. — ТЫ видишь Их? Видишь? В этом И состоит смысл жизни, чтобы идти по земле, как по планете, а не зарываться в ее прах с головой.

Али, побледнев, смотрит в слепые глаза Муса-ходжи, из которых текут слезы.

Через два дня караван дошел до оазиса Ябкенари, где у туркмен-сельджуков купили мясо и молоко. Дальше путь лежал на Ханку, к переправе. Здесь Ибн Сина надел поверх халата красный плащ законоведа — тайласан, голову повязал чалмой законоведа — и прикрепил бороду: на переправе под видом слепых дервишей могли быть люди Махмуда. Плыли по Джейхуну на плоту. Глазам было больно смотреть — так сверкала вода. Словно благородная душа земли, она стирала усталость и страдания. Улыбался огромной реке раб-славянин. Как в лицо другу, смотрел на нее грек. —

Туманный горизонт берега постепенно очерчивался и спустя некоторое время засверкал, будто линия кривой сабли.

Пере нравившись на пароме через мощную, слепящую блеском Джейхун, караван сошел на берег. Полдня пробирались по вязким болотам. Вскоре начались зеленые земли оазиса. Двигались уже в тени старых, добрых на тень карагачей. Легко, отрадно дошли до предместий Гурганджа и здесь остановились на ночлег.

Все. Путь завершен, — Султан Махмуд тепло и радушно принял ученых и поэтов погибшей Саманидской держаны, пришедших к нему после смерти Мунтасира в 1005 году, — говорит народу на площади Регистан Бурханиддин-махдум. — Еще в 999-м, выполняя долг вежливости, Махмуд послал им приглашения, в том числе и 19-летнему, но уже широко известному философу И врачу Ибн Сине. Вежливость должны были в тот момент проявить все, кто имел власть и деньги, потому что ученые и поэты гибнут без покровителя. Послал им приглашения и эмир Гургандж», куда только что прибыл Хусайн Али ибн Мамун. Но что такое Али ибн Мамун? После того, как в октябре 999 года, — продолжает судья, — ОДНОВРЕМЕННО короновались на царства илек-хан Наср и султан Махмуд, поделив между собою Саманидскую державу по Джейхуну, все остальные эмиры,

словно железная пыль, рассыпанная вокруг двух магнитов, притянулись либо к годному центру силы, либо к другому. Мамун и, отец эмира Али, всего лишь наместник Хорезма, — мечтал о славе Саманидов, да вскоре погиб, растерзанный своими же воинами за жестокость. Оставил сыну Али в наследство слабость и неопределенность недавно образованного государства Вот куда прибыл Ибн Сина. У султана Махмуда же была сила. Кроме того, он славился просвещенностью. «Получил хорошее образовав вне, — пишет о нем его историк Абулфазл Байхаки[59], — овладел языками фарси дари и арабским. Писал стихи, составлял комментарии к Корану, И женщины доме Махмуда занимались пауками».

— А можно ли доверять Абулфазлу Байхаки? — спросили из толпы, — Не лесть ли это придворного историк!?

— Абулфазл Байхаки знаменит такими словами, — поднялся судья Даниель-ходжа: «Я хотел воспроизвести историю полностью, вымести прах из всех уголков и закоулков… Я хотел правды, потому что нелепо было бы писать что-либо, кроме правды».

— Просвещенность Махмуда и великодушие его не подтверждает разве история поэта Фаррухи, сбежавшего от своего хозяина — эмира Халафа? — сказал Бурханиддин. — Халаф, эмир Сеистана, потомок Амра, того, что пытался отнять у Исмаила Самани Мавераннахр. Помните? «Фаррухи — сын воина Халафа оскудел, когда женился на служанке Халафа, — пишет Низами Арузи Самарканди, — и у всех осведомлялся: не слышали ли они о каком-нибудь восхваляемом, чтобы отправиться к нему?»

Халаф ушел в хадж, уступив на время трон родственнику Тахиру. Тахир вернул трон, а потом пожалел и сразился с Халафом. Победил, да вскоре умер, трон же передал сыну — Хусаину. Трехлетняя война Халафа с Хусайном погубила почти всю знать Сеистана. Несколько лет Хусайн, побежденный Халафом, вообще сидел в тюрьме, где чуть не погиб от голода. Бухарский Саманид Нух помирил их. Вышел Хусайн из тюрьмы, обнялся с Халафом, долго оба плакали. А потом 30 дней пировали, да так, что. Хусайн умер. Махмуд же не сводил с Халафа глаз, и однажды, когда Халаф охотился с гаремом и всеми своими придворными в горах, оставив пустыми столицу и дворец, окружил его и сказал, смеясь: «Шакал охотился на лису, а тигр на шакала…» Было это в 1000 году. Халаф понял: дни его сочтены. И стал убивать друзей сына, боясь его сговора с Махмудом. А потом и сына убил… Махмуд захватил Сеистан. Халафа посадил На осла и отправил на все четыре стороны.

Фаррухи можно было даже пожалеть, когда он предстал перед Махмудом «нескладным сиджизийцем-деревенщиной — в халате, рваном спереди и сзади, в грязных башмаках». жить у такого эмира!..

Но поэму он принёс прекрасную: о том, как царь клеймил лошадей на весеннем лугу. Махмуд несколько раз перечитал поэму. Вот она. Бурханиддин поднял старую рукопись. — Я прочту ее вам в подстрочном переводе,

Когда зеленым шелком закроют лицо лужайке,
В семицветную парчу укутают голову горы,
И у ивы, как у крыла попугая, произрастут крылья,
Тогда в утреннюю пору ветер доносит запах весны.
О, как приятен нежный ветер! Как радостен запах весны!
Ты сказал бы, что у ветра в рукаве растертый мускус.
Сад ты сказал бы, держит в объятиях пестрые куклы,
У белых роз в ожерелье — сияющие жемчужины.
У аргавана в серьгах — бадахшанские рубины,
Так как на ветвях розы появились чаши красного вина.

---

[59] Не путать с Байхаки, составившим в XIII веке «Автобиографию» Ибн Сины.

Вода цвета жемчуга, тучи сыплют жемчуг,
Можно подумать, что пестрыми халатами пожалованы
Разукрашенные сады по случаю клеймения лошадей государем,
Место клеймения лошадей явило такой расцвет.
Что его расцвету дивится судьба.
Лужайку на лужайке ты видишь, словно небо на небе.
Шатер на шатре, словно серебряный замок на замке,
Что ни шатер — лежит влюбленный с пьяным другом.
Что ни лужайка — радостный друг в свидании с другом.
Не лужайках звучание чангов в искусных руках.

Возле шатра царя победоносного
Разожгли дли клеймения огонь, подобный солнцу.
Взвился огонь, как знамя желтого шелка.
Горячий, как натура юноши, и желтый, как чистое золото.
Клейма, как ветви рубиноцветного коралла.
Каждое, словно гранатовое зернышко внутри гранате,
Отроки недремлющие ряд за рядом, кони неклейменные табун за табуном.
Царь благонравный верхом на переплывающем море коне,
Словно Исфандияр и степи с арканом.
Который вьется, точно локоны миртоволосых красавиц.
Крепок он, словно верность старых друзей.
Эмир справедливый…
Радостный, ликующий, преуспевающий и могущественный!
Кого поймал он своим арканом в шестьдесят локтей.
Украсит именем своим ему лопатку, круп и морду.
Все, что на одной стороне он клеймит, на другой раздаривает.
Поэтам — с уздечкой, пришельцам — с недоуздком.

Махмуд дал Фаррухи коня с уздечкой… «Нескладны деревенщина в халате, рваном спереди и сзади, с огромно и чалмой, а стихи принес с седьмого неба! Махмуд ценил таланты…

— Что ж он тогда обидел Фирдоуси? — спросили из и толпы.

— Фирдоуси?! Он его не обижал! Скорее Фирдоуси и обидел Махмуда.

— Как?!

— Я вам докажу. Мы ничего от вас не утаим. Ни одна и ваш вопрос Не оставим без ответа. А тем более касающийся Махмуда, — главного вершителя судьбы Ибн Сины Так вот, наместник Хорасана Абдурраззак приказал писцам собрать куски персидской хроники, чтобы создать но и ним книгу царей — «Шах-намэ» и противопоставить ее и арабам-завоевателям. Об Абдурраззаке пишет и Беруни, и Фирдоуси указывает еще на какого-то Серва, «жившего в Мерее у Ахмада ибн Сахля». А Сахль — современник Исмаила Самани. У этого Серва с его слов писцы записали сказания о Рустаме!

Возгласы восхищения в удивления в толпе.

— Говорит еще Фирдоуси и о рыцаре Чача из долины Чирчика, также знавшего наизусть куски эпоса. Дакики, бухарский поэт, взялся переложить собранную и эго времени хронику на стихи. Фирдоуси сам говорит об этом:

Явился однажды поэт молодой,

Велик красноречием и светел душой.
Сказал: «Шах-намэ» на стихи положу.
И миру всему, всем сердцам покажу,
Но юноше другом, увы, был порок..
С пороком сражаясь, в борьбе изнемог,
И смерть поспешила, его унесла.
Глава его в черную яму легла…
А что, если взяться за сказ вместе ним.
Что писано, выразить словом живым?..

У многих и многих советов просил,
Боялся вращения недобрых светил.
Коль жить мне осталось немного минут,
Другому придется оставить свой труд.
А если другой не оценит труда?..
В стране назревала в те годы войне.
Сулила невзгоды разумным она
Пришлось мне Себя схоронить от людей…
Был друг у меня в моем граде родном.
Сказал мне: хорош этот замысел твой.[60]

Этим другом, говорит Байхаки, был наместник Туса — (Суайи Кутайба. Из уважения к труду Фирдоуси он освободил его от налога. Так?

В толпе ответили:

— Так.

— Старый поэт, как вы знаете, хотел посвятить «Шах-намэ» саманидам, — продолжает судья, — но в тот год, когда 67-летний Фирдоуси закончил свой 30-летний труд, в Бухару вошел караханид Наср.

— Как посмеялась над ним судьба! — сокрушенно покачали белыми чалмами муллы.

— Да. Шесть лет Фирдоуси переделывал поэму, — говорит Бурханиддин, — меняя разбросанное то тут, то там имя «Нух» на имя «Махмуд».

А подарив поэму Махмуду, одобрения не получил.

Почему? — спросили в толпе.

— Во-первых, не дарят живому то, что предназначалось покойнику. Во-вторых, Фирдоуси слишком сочувственно описал восстание Маздака, жестоко обрушившегося на царей. Мог ли Махмуд спокойно читать такое? Пусть скажет спасибо, что ушел живым! Глядя вслед уходящему поэту, Махмуд снова приказал послать приглашение Ибн Сине в самых изысканных выражениях.

— Очередная ловушка! — рассмеялись в толпе.

— Может быть… — задумчиво проговорил Бурханиддин. — А может, крик измученного сердца.

— Как?! Вы же сами говорили, что Махмуд мечтал убить Ибн Сину, чтобы очистить от него землю?

— Что есть человек? — грустно проговорил Бурханиддин. — Разве мы знаем это? Махмуд, словно жемчужинки, носил в своей душе рубаи Ибн Сины. Да, да, да, да! Вынимал из памяти то одну, то другую, когда горела душа, и целый день не расставался с ними. Даже когда шел в бой. Особенно любил вот это:

---

[60] Перевод М. Дьяконова.

Кто я такой? Сам вопрошал не раз.
Пришел сюда Надолго иль на час?
Обрел ли счастье и покой? Наверное…
Не то б заплакал тысячами глаз. [61]

— А за что Меня тогда судите?! — вскричал Али и тан резко вскочил, что даже упал и скатился со ступенек.

Ни кто не засмеялся в толпе.

— Чем я тогда виноват? Ведь даже Махмуд читал его, стих и!

— Цветок мака, только что распустившийся, — разве это яд? — сказал Бурханиддин. — А зрелая его коробочка с черными дурманящими семенами — разве не способна убыть? Махмуд держал в руках алый мак и любовался нм, а ты, — Бурханиддин печально посмотрел на Али, — до сих пор одурманен ядом желчи Ибн Сины.

Так вот, Махмуд… Встречая послов караханида Насра, нового хозяина Бухары, принимая от него коней, верблюдов, белых соколов, черные меха, клыки моржей, куски нефрита и сестру его в качестве невесты, направил в ответ караван чистого золота и маленький листок впридачу, га котором своей рукой вывел два бейта:

Бог звездное ожерелье успел к утру разорвать
И в синюю чашу звезды швырнул, жемчугам под стать.
Он накануне ночи бывает, как я, влюбленным
И поступать, как безумец, готов на заре опять.

А внизу написал: «Этого поэта — Ибн Сину и бог бы никуда от себя не отпустил! Так что держите его». И с этим же караваном передал Ибн Сине пятое приглашение приехать в Газну. А потом был у Махмуда с Насром бой, — продолжает Бурханиддин. — И идя в бой, он знал, как победить: его воины, развернув знамена, пойдут вперед и запоют на хотанский мотив рубаи Ибн Сины: —

Я — плач, что в смехе всех времен порой сокрыт, как роза.
Одним дыханьем воскрешен или убит, как роза.
И в середину брошен я на всех пирах, как роза.
И вновь не кровь моя ль горит на всех устах, как роза?

Воины Насра встанут как вкопанные. Тюрки, жители степи, особо умеют ценить поэзию. За строчку прекрасных стихов отдадут и любимого коня! И не смогут воины Насра поставить стрелы на тетиву, когда тысяча воинов Махмуда — грубых, страшных, изукрашенных шрама-дох, — одновременно запоют мощными, пропитыми, сорванными в боях голосами эти удивительные стихи, положенные на тюркскую мелодию.

Так оно и было…

Насра-то Махмуд разбил, а вот второго своего врага, Тоску, нет, Где-то Ибн Сина бродит? И трупы бы ему простил. Вот о чем он думал в своем роскошном дворце, когда оставался один.

— Ну, а Хорезм? Как принял Ибн Сипу Хорезм, когда он пришел после перехода через пески? — спросили в толпе.

— Везирь эмира Гурганджа Сухайли встретил Ибн Сину радушно, — сказал судья Даниель-ходжа. — Был уже и наслышан о его славе.

---

[61] **Перевод Я.** Козловского.

Образованнейший человек эпохи, Сухайли задумал собрать а Гургандже самых знаменитых ученых, чтобы хоть таким образом усилить авторитет слабого пока еще государства 20-летцего эмира Али ибн Мамуна. Послал приглашения Кисан, Утби, Искафи, ал-Кумри, но все они ушли к Махмуду. Ибн Сина же явился сам! Вот уж, поистине, и тысяча человеческих расчетов не стоит и одного расчета неба.

— Хусайн преподнес везирю несколько своих трактатов, как требовал обычай вежливости, — добавил самый старый судья. — И, вероятно, между ними сразу же состоялся разговор о философии, законоведении, литературе, музыке, астрономии, математике, медицине и другим наукам. Сухайли понял: слава Ибн Сины — истинная.

И взял его на полное царское обеспечение.

— Ах, если б Ибн Сина тогда не ускользнул в Бухаре от Махмуда! — сокрушенно проговорил Бурханиддин-махдум, подводя итог заседанию. — Ничего бы не осталось от него. Разошлись бы круги его жизни по миру и затихли.

— Ведь и бог этому способствовал: погубил псе, что Ибн Сина написал в родном городе. А написал он немало: одну книгу для Арузи и две — для Барака. Арузи попросил изложить то, что Ибн Сина прочитал в сожженной им, как мы считаем, библиотеке Самани. А Бараки — комментарии к книгам по законоведению и этике.

Для Арузи Ибн Сина написал один огромный том «Книга собранного», для Бараки — книгу «Итог и результат» в 20-ти томах! И еще книгу «Дозволенное и запретное» — в двух томах. И несколько трактатов, среди них волшебный по силе воздействия — «Освещение». Итого — 24 тома. И это от 17 до 19 лет!

К счастью, 22 тома, что находились «только у Бараки, никто не имел возможность переписать, как говорит Ибн Аби Усейбиа, А потом они погибли, И даже подлинник их, который всю жизнь возил с собой Джузджани, ученик Ибн Сины, тоже, слава аллаху, погиб. Некоторые могут спросить, почему мы так подробно говорим о юности Ибн Сины, если ничего от юношеских трудов его не осталось? Хотим вам показать, что змея выросла змеей в своей норе и змеей вползла в мир. И не было никакого белого голубя, который доверчиво опустился на руку мира и которого потом якобы совратили черные грифы, питавшиеся мертвечиной ереси — исмаилиты. Ибн Сина с детства отвращал от религии свое лицо. По врожденной своей дьявольской природе. Сначала, когда слушал отца-исмаилита. Потом, когда своим умом стал врастать в эту грязь.

Некоторые могут подумать, нет этому моему утверждению доказательств, — ведь тысячу лет прошло! А за то, что в десятилетнем возрасте отца слушал, мол, не в ответе. Кто, где, когда говорил, что и в сознательном возрасте Ибн Сина учился у исмаилитов?

Есть тому доказательство!

Лет через сорок после Ибн Сины, — продолжает Бурханиддин, — умер Ибн Макула, вероятно, знавший Ибн Сину лично. Этот Ибн Макула писал: «Учителю своему Бараки Ибн Сина посвятил несколько трактатов, в том числе «Послание по случаю праздника Науруза относительно букв, расположенных в порядке абжад».

Что же это за «порядок абджад»? Это один из видов символико-философского алфавита, которым исмаилиты писали своя проклятые богом труды. Да, да! — вскричал Бурханиддин-махдум, покрывая внезапно поднявшийся шум. — Существует несколько таких алфавитов, действующих и в наши дни. Еще шиитский имам Джафар — отец Исмаила, а потом и философ Ибн Араби тоже имели тайные зашифрованные алфавиты. Так вот, Абу Али. Хусайн ибн Сина в 19 лет создал свой такой алфавит, да еще предлагал его своему учителю. Явно, Бараки учил Ибн Сину не философии. А тогда чему? Он был, наверное, исмаилитским наставником Хусаина! Но даже здесь Ибн Сина превзошел своего учителя: не учитель ему, ученику, создал алфавит, а Ибн Сина создал алфавит седому Бараки.

Ибн Макула, знавший почерк Ибн Сины, писал: «Не почерк, а «скверная карматская вязь», И это в 19 лет у Ибн Сины был уже такой почерк, словно дьявол запутывает следы! Вот кого упустил тогда в Бухаре Махмуд! И все мы упустили. И страшная хорезмская пустыня упустила! — Бурханиддин-махдум остановился, и вытер платком лицо, отпил

глоток воды. — Я — преклоняюсь перед умом Ибн Сины. Аллах вложил в его голову Белую жемчужину мудрости. Но что он сделал с нею?.. Как испоганил ее чистоту! Пришлось даже бежать из родного города, словно последнему преступнику.

— Это было Не бегство, — вдруг сказал голос.

Все повернули головы.

Говорил Али!!!

Темный, неграмотный крестьянин посмел спорить с главным судьей Бухары…

— А что же это было? — насмешливо спросил Бурханиддин — Хиджра.

— Хиджра?! А разве хиджра не бегство?! Разве не этим словом мусульмане всего мира называют бегство Мухаммада из Мекки в Медину, когда враги сделали невыносимой его жизнь? Разве не с этого бегства, случившегося в 622 году, начинается мусульманская эра?

— Хиджра — это исход, — сказал Али. — «Я оставляю свой род и племя, я покидаю дом и очаг, я отправляюсь в хиджру к Аллаху». Кто не знает этих слов Мухаммада?.

— Воистину так, — тихо ответила толпа, — Хиджра — это полный отказ от Лжи, сидящей в зале Света, ради брошенной всеми Правды, — продолжил Али.

— Воистину так, — благоговейно отозвалась толпа, — Разве не мог Ибн Сина лечить людей и брать за это деньги, за деньги же продавать ум и перо, деньгами остудить врагов и сделаться уважаемым человеком на родине, чтобы спокойно и роскошно там жить? Сколько 4 людей прошло уже и еще пройдет по этому пути! Ибн Сина же оставил родину, дом, могилы матери и отца и совершил исход, ничего не взяв с собой, как Мухаммад, — сказал Али…

— Воистину так, — поддержала его толпа. —

— Да, оба они совершили бегство. От соблазнов. Оба Л совершили исход в высокую божественную духовность. Ц Вот их хиджра.

— Воистину так.

И только хотел Али сесть, кончив говорить, как вдруг увидел — похолодел весь! — толпа опускается перед ним на колени… и

Даже Бурханиддин-махдум медленно склонил голову.

«Дорогой мой, — пишет из Бухары в Россию, в Троицко-Сергиевскую Лавру, русский офицер письмо, — сегодня, находясь на площади Регистан, на суде над бедным несчастным неграмотным крестьянином, я поверил, что при зачатии каждого из нас участвуют, согласно индийскому учению, отец, мать и гандхара — духовная сущность кого-то, кто страдал уже в мире».

VI «Или ты один из духов, богом проклятых?..»

В Гургандже все было новым для Ибн Сины. Город тесный, крикливый. «Идешь по его улицам, как по базару, — говорит Якут. — Нигде в мире нет такого густонаселенного Места».

Зима. — холодная, трескаются даже забытые но дворе кувшины с водой. Накрыл их Ибн Сина шубой, все равно треснули. А Цока несешь воду от канала до дому, замерзает она в кувшине. Именитые горожане ходят в Красных плащах, отороченных мехом. У Хусайна нет такого плаща. Заказал сшить еще летом, портной до сих пор шьет. Здесь вообще все делают медленно. Лук два года мастерят, но зато какой получается лук! Только самые сильные могут его натянуть. Так что и шуба, может, получится и отличная.

Разговаривают хорезмийцы громкое будто кричат скворцы. Вместо приветствия говорят: «Поднимемся ко мне, у меня сегодня хороший огонь». Даже нищий войдет и прямо садится к огню. Отогреется, потом сидит, молчит. Просить здесь не принято, надо самому подать нищему хлеб, тогда он уйдет. Очень гордые хорезмийцы. Недаром Их не смог завоевать Александр Македонский.

Когда-то Хорезм — «Айран-Ваэджо»[62] был «первой из наилучших местностей и стран, что создал Ахура-Мазда (Бог Добра)», — как говорит «Авеста» — древняя книга зороастризма. Орошался рекой Ванухи-Даитья[63]. Но разозлился на что-то Анграманью (Бог Зла) и сотворил Хорезму змею, зиму и пустыню. Да, зима здесь ужасная… Пустыня и зима — хранительницы независимости Хорезма. Главная площадь Гурганджа похожа на главную лошадь Бухары, удивился Ибн Сина, Ворота дворца, выходящего на площадь, говорят, самые красивые ворота но всем Хорасане. Только здесь есть такие удивительные мастера резьбы по дереву. Каждая дверь — произведение искусства. Некоторых из них по 200–300 лет. Они черные и крепкое, как железо.

В середине города — пастбища для пригоняемого на рынки скота. В Константинополе, столице Византии, в се-редине — поля пшеницы, как слышал Ибн Сина от купцов.

Хусайн бродит но улицам, базарам, особенно подолгу простаивает на берегу широкой, как море, реки Джейхун, где грузятся суда. «Что это за люди, хорезмийцы? Благо родней ли они своего века? Или век благородней их?»

«Из Хорезма, заметил Ибн Сина, везут соболей, горностаев, бобров, воск, стрелы — все это берут у тюрков-огузов, приходящих с севера. От старого тюркского народа булгар берут белую кору тополя, мед, соколов, мечи, кольчуги, рабов-славян, баранов и коров. Сами же хорезмийцы производят виноград, печенье, кунжут, полосатые одежды, ковры, одеяла, прекрасную парчу, луки, И строят суда, Дирхемы у них обрезанные, не круглые, как в Бухаре, — свинцовые и медные. Бухарские гитрифи красивее.»

Едят хорезмийцы ячмень и пшеницу. На базаре можно купить финики из Кермана, сахар из Йемена в плетеных корзиночках, залитых гипсом. Появились недавно лимоны и апельсины — пища царей. В ланке книготорговца висят карты, нарисованные на египетских тканях. Много алых армянских ковров. И продается прекрасная китайская бумага с красным ободком, которой Хусайн особенно рад. Носят хорезмийцы высокие шапки. Есть у них даже янтарь с какого-то далекого северного моря.

Страшное в Хорезме — это невольничьи рынки. Рабов гонят к центру города от всех четырех ворот.

В эти часы Хусайн ничего не может делать. Сидит, как изваяние, над открытыми книгами.

Покупка раба — целое искусство. Отцы обучают ему сыновей с юных лет. «Прежде чем купить раба, говорит отец, уложи его на землю, пощупай бока, хорошенько осмотри, не болит ли у него где… Покупай только то, что будет размножаться. Знай, у тюрка есть характер, свежесть и чистота. По ловкости — это лучшие рабы. Аланы — самые храбрые, румийцы — вежливы, хозяйственны, удачливы, обладают хорошим характером, сдержаны на язык. Армяне враждебны к хозяину, склонны к побегу… Когда тебя одолевает любовная страсть, предложенных рабов не смотри, ибо под влиянием страсти безобразное покажется тебе красивым. Сначала утоли страсть. Потом уже занимайся покупкой».

А вот поучения со стороны продавца: 4 дирхема на хну делает рабыню дороже на 100 дирхемов. Рабов перед продажей обучи поведению: девушки пусть будут кокетливы и стоики с молодыми покупателями и податливы со стариками. Юноши — загадочны, молчаливы перед молодыми мужчинами, томно опускают глаза перед старыми. Кудри юноше-рабу не срезай. Не забудь и покупателю рассказать о достоинствах товара. Объясни, что девушки из Мекки так дороги потому, что склонны к искусству пения и необычайно кокетливы. За некоторых из них можно даже получить 13 тысяч дирхемов, если они певицы. Еще дороже девушки из Медины, потому что отличаются нежностью. Дороже их вавилонянки, ценящиеся умом. Берберийки всех дороже, потому что хорошо рожают.

---

62 Арийский простор.

63 Реки Теджен. или Герируд. как считает Фрай. См. его книгу «Наследие Ирана».

Негритянки же (не забудь им в день продажи приколоть в волосы или вложить в губы белую розу), и падая с неба, будут отбивать ритм. Но самые дорогие, конечно, — белые рабы. Смотри, не продешеви! Недаром матерями многих халифов были греческие рабыни… И учти: для мусульманина сойтись с рабыней не грех, для христианина — грех. Они стыдятся этого. Поэтому пусть девушка-рабыня ведет себя с покупателем-христианином как сестра, а с покупателем-мусульманином как наложница»[64].

Когда Синедрион (высший религиозный иудейский суд) приговорил Христа к смерти, Понтий Пилат, римский наместник Иудеи, приказал солдатам сильно избить его и потом избитого привел в Синедрион.

— Се человек, — сказал он, думая, что вид Иисуса вызовет у них жалость, и они отменят приговор.

Нет, человек, если он раб, не вызывает жалости. Пришел к апостолу Павлу беглый раб, Павел… вернул его хозяину. Через 300 лет Блаженный Августин поспешил исправить эту оплошность, заявив, что христианство не пассивно к рабству, посчитает его наказанием за грехи. Однажды к Мухаммаду пришёл вождь одного племени и сказал: «Этот раб — мой сын. Возьми золото за него», Мухаммад ответил: «Без всякого золота, как захочет раб, пусть так в будет». Раб попросил у отца разрешение остаться…

О случае с Мухаммадом и рабом рассказал Муса-ходже крестьянин Али, Слепой старик был потрясен этим не меньше, чем происшедшим накануне в суде. Не всякий богослов прозрел бы то, что прозрел Али: хиджру пророка Мухаммада.

Муса-ходжа зажег свечку и задумался о пророке.

В прошлом бедный сирота, Мухаммад ходил с караваном по всей Аравии, как погонщик, прославился честностью, его даже стали называть ал-Амина («Достойный доверия»), и богатая вдова Хадиджа однажды доверила ему все свои караваны. Потом они поженились: 49-летняя. Хадиджа и 29-летний Мухаммад.

Когда мекканцы переругались, решая вопрос — какому племени внести но внутрь только что отремонтированного храма Каабы Черный камень, Мухаммад сказал: «Положите Камень на полотно, все вместе возьмитесь за него и войдите в храм».

Вот так он и жил до сорока лет — честный и скромный, и все думали, он счастлив, но все больше и больше росла в нем тоска. И он подолгу бродил по пустыне, сидел в пещере Хир, на горе Ноор, мучимый мыслями о несовершенстве мира.

«Поистине, прав Мухаммад, — думал Муса-ходжа: — «От гибели общину спасет только то, что ее породило — откровение искренности». Разве не болен сегодня ислам? Заперся в доме и никого не пускает.

Отец рассказывал, — вспоминает слепой старик, — как сбросили в Бухаре с минарета Калян двух английских офицеров[65]. За то, что они под видом дервишей пробрались в Бухару. А после них приходил ученый-венгр[66], — тоже под видом дервиша, написавший потом книгу о Средней Азии и Бухаре, — хоть так приоткрыл окошечко в незнакомый европейцам дом, запертый на протяжении семисот лет!

Конечно, после того, как завоюешь пол мира, хочется посидеть одному в пещере Хир и все обдумать. Но если долго там сидеть, можно остаться в хвосте каравана: человечество никого не ждет. Хочешь, иди первым, хочешь, плетясь в хвосте я подбирай оброненное за ненадобностью.

«От гибели общину спасет только то, что ее породило…» Это, когда все берутся за концы полотна и вместе вносят сокровища в общий дом».

---

64 Из книги «Кабус-намэ», написанной внуком эмира Кабуса. современником Ибн Сины.

65 О'Конолли и Стоддарта в 1838 году.

66 А. Вамбери в 1863 году.

Сколько мыслей поднял в душе каждого Али вчерашним своим поступком! Муса-ходжа понял: отныне он никогда не оставит этого парня. До конца пройдет с ним его путь.

Эмир Алим-хан тоже но спал эту ночь, думая о словах Али о хиджре. «Что это было? Откровение? Но ведь Али — неграмотный, из бедных. Откуда такая тонкость души? Но ведь и Мухаммад из бедных!»

В окно ударили камни, закричали проклятья детские голоса, Эмир поморщился. Позвонил в колокольчик. Вошел дежурный по питью. Нет. Вошел дежурный по Туалету. Да нет… Вошел дежурный по свечам, — А… Все равно. Пусть отнесут им халвы и все такое…

Взял свечку, накинул халат. Мальчики уже убежали. Тихо, Крупные звезды, словно глаза тех, кто жил в Арке до Алим-хана, смотрят на него. Вот глаза Буниата. Говорят, Арк все время рушился, пока тюркют Буниат строил его, и мудрецы посоветовали поставить в основание Арка столбы так, как расположены звезды Большой медведицы…

А вон глаза Исмаила Самани… Вон — хана Шейбани.

А это смотрит Мангыт. «Основатель моей династии», — думает Алим-хан.

Одна княгиня спросила эмира в Петербурге:

— А правда ля, что Чингиз-хан, когда отправлял своего сына Джучи на Русь, дал ему четыре тысячи воинов из племени мангыт, и вы — мангыт?

Ничего Алим-хан не ответил ей. Когда меркиты взяли в плен Бортэ, жену Чингиз-хана, и продали ее Ок-хану, а тот, дружа с Чингиз-ханом, не тронул ее и попросил забрать, Саба, посланник Чингиз-хана, поехал за пей и принял у нее роды в пути, да не нашел но что бы завернуть маленького Джучи — первого сына Чингиз-хана, положил его в тесто, так и вез.

Да, мангыты и чжурчжени пришли с Джучи из Монголии и долго жили на Волге, где и отюречились, поднялись до Казани. По русские князья в XV Воке стали бить их. Тогда Шейбани-хан собрал всех и привел в Среднюю Азию. Узбеки — чистый тюркский народ Золотой Орды, не смешанный ни с чагатаями, ни с монголами, разгромили государство потомков Тимура, а три узбекских племени: шейбаниты, казахи и мангыты захватили власть.

Те, что пришли с Шейбани: чжурчжени, камские булгары (древнетюркские племена), базары (булгары+тюр-кюты), половцы (потомки кипчаков, кипчаки потомки голубоглазых белокурых динлинов — аборигенов Алтая), аланы родственные скифам), кипчаки, казахи (их ядро — кипчаки)… смешались со среднеазиатскими барласами и чагатаями (отюреченные монголы), тюрками: карлукам, потомками тюргешей, караханидов, уйгур, а также с монгольским племенем кара-китаев, с потомками арабов, таджиками, персами, туркменами и киргизами[67].

Вот каким был пород, населявший Бухарский эмират.

Когда Алим-хан пришел в северо-восточный угол Арка, в самый дальний его конец, где располагалось кладбище, то увидел, что дядя его, Сиддик-хан, тоже не спит, стоит но дворе и смотрит на звезды, лицо его было в слезах…

Оба смутились, увидев друг друга. Сиддик-хан, низко поклонившись, пригласил эмира в дом.

Во время болезни эмира Музаффара Сиддик-хан, правитель Чарджоу, приехал в Арк (без разрешения) навестить отца. А отец, оказывается, несколько дней как умер, придворные держали это в секрете. Тайно привезли из Кермине брата Сиддик-хана — Абдулахада — отца Алим-хана, и объявили его государем, а Сиддик-хана арестовали, и вот с 1885 года, уже 35 лет, он живет в этом доме один, в ему никуда не разрешается выходить.

Алим-хан, когда стал эмиром в 1910 году, не тронул Сиддик-хана, хотя придворные и советовали его убить в целях безопасности государства, — разрешил приносить ему книги, какие он просил, и бумагу без ограничения. Просматривая списки заказываемых

---

[67] На своей родине (Енисее) — последний европеоидный голубоглазый народ в Центральной Азии, к VIII веку отюречившийся, а в армии Чингиз-хана омонголившийся. Кроме перечисленных, Г. Грумм-Гржимайло называет до сотни других племен.

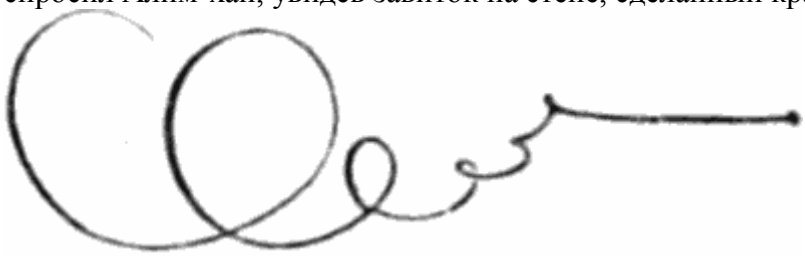
Сиддик-ханом книг, заметил в них книги Ибн Сины. Значит, дядя выучил арабский.

Первый раз Алим-хан пришел к Сиддик-хану, когда вернулся из Петербурга, в 1910 году, по окончании Кадетского корпуса. Алим-хану не терпелось показать орден Белого Орла, каким наградил его Николай н.

Сегодня Алим-хан пришел к Сиддик-хану но второй раз через десять лет. Потрясенныйприходом эмира, Сиддик-хан ничем не выдал себя, только дернулась щека, будто ударил по пей невидимые барабанные палочки. «Какое самообладание! — отметил про себя эмир. — Благородство? Или сатанинская скрытность? Может, и вправду, лучше его убить?»

— Разреши, — начал говорить Сиддик-хан, — я буду учить мальчиков. Тогда они перестанут бить твои стекла. Эмир удивился: «Сын хана, а говорит такую глупость!» После смерти эмира Музаффара арестовали и братьев Сиддик-хана: одного в Гузаре, другого в Бане у не. Сыновей их, рождавшихся после, эмир приказал забирать в Арк и держать взаперти. Эти байсунские и гузарские царевичи жили без слуг, сами таскали воду, кололи дрова, готовили обед — чтоб меньше было времени думать о захвате престола. Конечно, можно было бы сбросить их в потайной колодец, что в северо-восточном углу Арка, сбросить туда и Сиддик-хана и жить спокойно. Но… пусть бьют стекла, пусть проклинают, пусть плачут, глядя на звезды. Хоть какая-то искренность в мертвом логове!

— Что это? — спросил Алим-хан, увидев завиток на стене, сделанный красной краской:



— Моя жизнь. Я уже вот здесь. — Сиддик-хан показал на выгиб у конца линии.

Помолчали.

— А что ты сделал с аистами? — вдруг спросил Сиддик-хан эмира. — Не стоит больше нигде это белое счастье на одной ноге над Бухарой. Я все глаза проглядел, — А на меня что так смотришь? — рассмеялся Алим-хан. — Я же не аист. Прострелишь! Ну взгляд…

— Я-то в лицо тебе смотрю, а бог — в сердце…

Алим-хан ушел.

На обратном пути заглянул и окно другого затворнического дома, где жил его четырнадцатилетний сын, наследник.

Мальчик спал, прижавшись к старину слуге. По закону эмир и наследник не должны были видеться. И не виделись, если не считать праздника обрезания, когда Алим-хан пришел и стер пальцами, унизанными перстнями, слезы, градом катившиеся но лицу испуганного внезапной болью пятилетнего ребенка. Пройдя двор, Алим-хан взял у шедшего навстречу русского солдата кувшин и спустился с ним в комнату воды. Пока набирал воду из цистерны, колол лед, вяло кидал его в кувшин. — все — смотрел и смотрел на Ала, сидевшего на соломе в углу, «Как бы ни вел себя на суде этот парень. — думал эмир, — дело сделано. Шпур, сгорев, взорвет бомбу, вложенную в сознание народа, и народ покорится, Каким бы могучим ни было половодье, берега все равно сожмут его в узкую реку. Половодье — это неестественное состояние. Естественное — подчинение одного другому. Вода подчиняется берегам. Народ — эмиру… Придет время, когда никто больше не будет стоять между мной о моим народом. И мне достаточно будет сказать слово, в народ пойдет за мной, восседающем на коне, и будет все сметать на своем пути: всех этих русских консулов, афганских офицеров, английских советников. И снова я останусь один. Я и мой народ. Как в старые добрые времена…»

— Итак, — начал говорить Бурханиддин-махдум, поднимаясь над народом на площади Регистан, — достопочтенный Абу АЛИ Хусайн Ибн Сина обвиняется нами в преступлении против бога.

Народ замер. Такого услышать он не ожидал. Ведь судят-то не Ибн Сину, а Али… Вот, значит, куда все шло! Ай да Бурханиддин… Как всех обкрутил. Как тигр, на лапах прошел. Такая свобода была на суде. Задавай какие хочешь вопросы… В так всех незаметно втянул в судьбу Ибн Сины, — о нем только и разговоры вел! — что про Али и забыли. И потому теперь так нагло, в открытую в заявил: «Ибн Сина нами обвиняется»…

— Ибн Сина нами обвиняется, — продолжает судья, — и еретизме, ибо утверждает, что мир не создан богом, а существует вечно и развивается но своим, не зависящим от бога законам.

Это потрясло народ. Ибн Сину знали, как дерево, ра-стущее у родного дома, тропинку, ведущую в поле, родник, какой у каждого есть в тайном уголке природы, благословенны семьи, ее покой, ее духовная сила и красота. Патрон Бухары — вот кто такой был всегда для народа Ибн Сина. И оказывается, никто не знал его, судя но тому, в чем обвиняет великого бухарца Бурханиддин, как порою не знает человек, живущий у истоков реки, мощи ее низовья.

Ибн Сина-философ всегда был для народа солнцем, которое греет землю, растит хлеб. Но из чего состоит это солнце, что у него там внутри — народ не знал, да и не хотел знать. Попробуй, приблизься — сгоришь. К народу истекает лишь красота философии — ее нравственность. Зачем ему сухая ее логическая суть? Ибн Сина всегда был для народа символом высокой нравственности ума и души. Почти тысячелетний его авторитет и чисто человеческое обаяние стояли над народом сочувствием небес… И вдруг Бурханиддин так резко, так жестоко сорвал туман, за которым оказалось совсем не солнце, сотворенное богом, а холодный, насмешливый дьявольский глаз.

Народ мог выступать против эмира Алим-хана, но не против бога.

— Чтобы иметь право судить Ибн Сину как философа, — продолжает Бурханиддин-махдум, — я должен сам быть философом. И не просто философом — кто сейчас не философ! — а как он — совершенным Умом. У меня же, если честно говорить, в голове полный сумбур. Но есть человек — может быть, даже больший Ум, чем Ибн Сина, который родился всего через каких-то 22 года после его смерти и знал все его труды так, что ночью разбуди, любое место из любой книги Ибн Сины мог сказать наизусть. Знал он в совершенстве греческую и арабскую философию. Это ученик несравненного Джувайни, современника Ибн Сины, того самого, что, выстояв в борьбе с мутазилитами, взял от них логику и соединил ее с богословием. Но, кроме божественного ума, святой ученик Джувайни обладал еще и высоким состоянием духа, что ценится больше самой Истины. Недаром ученик Джувайни носит самый почетный исламский титул В Доказательство ислама (Худджат ал-ислам). И если бы не было пророка Мухаммада, он был бы им. Ученика зовут Газзали.

Народ рухнул на колени.

— Газзали, — начал говорить Бурханиддин после благоговейного молчания, — обвиняет Ибн Сину как философ и как богослов в том, что Ибн Сина смешал философию С держать под наблюдением все переправы через Джейхун, Мунтасир бросился в бурную реку и, перепрыгивая с льдины на льдину, то в дело срываясь в воду, перебежал на другой берег, и ни одна стрела не посмела слететь с тетивы, так враг был изумлен.

Говорят, после этого долго сидел Мунтасир один в степи около привязанного к камню коня, а потом встал, надел на нищенские свои лохмотья царские драгоценности в поехал в сторону Мерва, где погиб когда-то последний царь Ирана Йездигерд III. ехал, плакал и читал самые любимые стихи, родившиеся в Бухаре за сто лет существования Саманидской державы.

Вот Рудаки… Он жил при эмире Насре, внуке Исмаила Самани. Поэта пригласил в Бухару везир Балами, при гласил из Самарканда, где Рудаки сначала был певцом на тоях, а потом сделался первым поэтом города. 47-лет-ннй Рудаки видел 55-летнего Исмаила Самани… А в 938 году 80летнего поэта ослепили.

Я в мягкие шелка преображал горячими стихами
Окаменевшие сердца, холодные и злые, **—**

нараспев читает Мунтасир стихи Рудаки, особенно любимые им.

Я не служил другим царям, и только от Саманов
Обрел величье и добро, и радости мирские!
Но изменились времена, и сам я изменился,
И вот настало время взять посох в руки…

Говорят, после этих стихов Мунтасир заплакал, закрыв руками лицо. А потом, как пьяный, закричал:

Ты ни доске лежишь, где моют мертвецов,
Недвижная, лежишь ты на спине.
Смотрю, опали груди у тебя.
Не вьются кудри… Плачу в тишине:
Я старым был, я был уже седым,
Когда ты молодость вернула мне…

А потом, словно выпустил несколько стрел в одну цель, прокричав без разбора:

Научись глазами сердца смотреть на таинства Вселенной…
Прозрение **—** моя дорога, пророчество — мое призванье.
О, как прекрасно бытие после большой беды!

Смолк и опустил голову. Может, представил себе тог день, когда Нух — не отец его, а прадед — узнал о заговоре духовенства и воинов против эмира — саманида Насра, впавшего в шиитскую ересь. Долго сидели они друг против друга — Нух и Наср (сын и отец) и думали, что делать. Наконец, Нух попросил созвать всех заговорщиков на пир и бросил перед ними на стол голову Их вождя. А потом Приказал Заковать и Насра — отца в цепи и отвезти в Арк, И произвел избиение еретиков в Бухаре и по всему Хорасану и Мавераннахру, В это-то и время и ослепили Рудаки, Он был другом поверженного эмира..

Те, перед кем ковер страданий постлало горе, вот кто мы,
Те, кто скрывает в сердце пламень и скорбь но взоре, вот кто мы.
Те, кто игрою сил враждебных впряжен в ярем судьбы жестокой.
Кто носится по воле рока в бурлящем море, — вот кто мы[68].

Мунтасир смотрел вдаль подернутыми инеем близкой смерти глазами А потом сошел с коня, лег на землю вниз лицом и прочитал про себя:

Тогда лишь требуют меня, когда встречаются с бедой.
Лишь лихорадка обо мне порою спросит с теплотой.
А если пить я захочу, то кроме глаза моего,
Никто меня не напоит соленой жаркою водой.

---

[68] **Перевод В.** Левина.

И тут же вспомнилось любимое, что спасало не раз в трудную минуту:

О тех рубашках, красавица, читал я в притче седой.
Все три носил Иосиф, прославленный красотой,
Одну окровавила хитрость, обман разорвал другую,
От благоухания третьей прозрел Иаков слепой.
Лицо мое первой подобно, подобно второй мое сердце,
О, если бы третью найти мне начертано было судьбой!..

Долго смеялся, — и вдруг разом остановился.

Молчи! Уже тебя в тетрадке бытия
Посол всевышнего перечеркнул пером.

Так он простился с Рудаки. А потом вспомнил Шахида Балхи, друга Рудаки, оставившего миру такие великие строки:

Если у скорби был бы дым, как у пламени,
Мир был бы весь охвачен мраком…

И его же:

О знание Как мне относиться к тебе?
Ты лишено цены и все же от тебя цена.
Пусть не будет у меня сокровищ беи тебя.
Пусть лучше такая — же жалкая жизнь, но с тобой,
Для образованного человека достаточная свита — его образование.
А неуч и со свитой в тысячу человек одинок.

Вспомнил еще одного поэта — Дакики, убитого рабом на пиру в 997-м.

Цвет вина — янтарь,
Отблеск его — диск луны среди туч.
Тень на кубке — лист белой розы на тюльпане,
Свет, смешанный с огнем.
Закат вина — во рту, восход — на щеках…

Потом стихи, посвященные тому рабу, будущему своему убийце:

Губы твои — капли киновари.
Упавшая с кисти китайского художника.
Нос — серебряная игла.
А кокетство твое красят пальцы кровью сердца.

И еще его стихи о власти:

Царство — дичь, которую не схватит
Ни парящий орел, ни свирепый лев.

Только две вещи связуют его:
одна — меч, другая — золото.
Мечом нужно его захватить,
А золотом, если можешь, свяжи ему ноги.

А потом, говорят, Мунтасир читал старика Кисаи, на чьих глазах он вырос, — нескладного старика, искреннего, как ребенок, горького, как смерть:

Зачем пришел я в этот мир? Что совершить и что сказать?
Пришел и песнь любив пропеть, пришел изведать жизни мед.
И стал рабом своих детей и пленником своей семьи.
И жизнь я прожил, как верблюд, трудился, словно вьючный скот,
К чему? Мои богатства по пальцам сосчитать могу,
А бедствия начну считать, до гроба не окончу счет.
Чем завершу я долгий путь? Его истоком была ложь.
По суете он пролегал, и в суете конец найдет.

За деньги жадность я купил, и жадность принесла мне зло.
Я многих горестей мишень, мне только беды небо шлет.
О жаль мне юности моей, и жаль прекрасного лице,
И жаль мне прежней красоты и прошлой жизни без забот.
Где безмятежность юных лет, отвага пламенной души?
Где упоение страстей, мечты безудержной полет?
Мой волос бел, как молоко, а сердце, как смола, черно,
В лице индиговая синь, и слабость мне колени гнёт.

От страха смерти день и ночь дрожу, как пожелтевший лист.
Как нашаливший мальчуган, когда отцовской плетки ждет.
Мы проходили и прошли и стали притчей для детей.
Забыты все, кто жил до нас, и нас забудут в свой черед.
О Кисан! Твой полувек заносит лапу над тобой.
Как ястреб, он тебя когтит, твои крыла на клочья рвет.
И если от надежд ушел и разлюбил богатства ты,
Так время остуди свое и без надежд иди вперед.[69]

«Так время остуди свое и без надежд иди вперёд…» — повторил Мунтасир.

Недалеко от Мерва, как говорят историки Гардизи, Утби и Наршахи, Мунтасир был убит нищим. Кто-то потом написал на его скромной могиле его же стихи:

Мой трон — на спине у коня…
Лес поднятых копий — мой сад.
Лук и стрелы—цветы в нем…

ИБН СИНА ПОНЯЛ, КАК СКАЗАЛ МУСА-ХОДЖА КРЕСТЬЯНИНУ АЛИ, ЧТО ОТ ГОСУДАРСТВ, КАК БЫ НИ БЫЛИ ОНИ ВЕЛИКИ, — НИЧЕГО НЕ ОСТАЕТСЯ, ИСЧЕЗАЕТ, БУДТО ТУМАН, ВЛАСТЬ.

ОСТАЕТСЯ ТОЛЬКО ТРУД ДУШИ.

---

[69] Перевод В. Левина.

И СВЕРКАЮТ ДУШИ, КАК ЗВЕЗДЫ НА НЕБЕ.

Вот душа Ашина, вот Бахрама Чубина, вот Исмаила Самани, Тайцзуна, Мунтасира, Савэ, Кули-чура, затоптанного врагами…

Но как нм связаться с живыми? Как связаться между собой, чтобы мог Ашина передать понятую нм мудрость Мунтасиру, а Кутлуг — Исмаилу Самани?

Вот Млечный путь. Он связывает звезды. А на земле что связывает людей?

— В эти годы, — говорит Муса-ходжа крестьянину Али, — переосмыслив историю родины, И РОДИЛСЯ ИБН СИНА — ПОЭТ. Не искусство ли — Млечный путь на земле, связывающий души?.. Религией, изложил философию религиозными, — да еще христианскими! — терминами.

Почему Ибн Сина все так перепутал? Потому, что путанно, плохо усвоил труды Аристотеля, переведённые евреями и еретиками-несторианами, изгнанными из Византии. Они так напереводили, что труд неоплатоника Плотина «Эннеады» оказался трудом… Аристотеля — и стал лаже называться «Теологией». А в этих «Эннеадах» и была как раз применена к философии христианская терминология.

У Кинди, основателя дома мусульманской философии, и у Фараби, ее главного архитектора[70], не хватило проницательности почувствовать несоответствие этой «теологии» трудам Аристотеля. Ибн Сина же, тоже ни в чем не разобравшись, впустил в дом мусульманской философии все науки, создал эдакое половодье философии[71] и все бы так в двигалось дальше, если бы не пришел Газзали.

Какими мы располагаем доказательствами? Вот книга Фараби, — Бурханиддин поднял рукопись, — называется «О соединение взглядов двух философов: божественного Платона и Аристотеля». Здесь Фараби так и говорит: «труд Аристотеля… «Теология».

— Фараби дал нам чистое, освобожденное от каких-либо примесей изложение философии Аристотеля, — говорит Ибн Сина в Гургандже (Хорезме) новым своим друзьям — В трудах, содержащих перечень аристотелевских работ, он нигде не приписывает Аристотелю «Теологии». Даже не упоминает о ней. В книге же «О соединении взглядов двух философов: божественного Платона в Аристотеля» — да! — говорит, что «Теология» принадлежит… Аристотелю. Но сделал он это потому, что ему надо было ввести в мусульманскую философию самое ценное, что подарили человечеству греки, — мысль о вечности материи и мира, о том, что мир не создан богом, существует вечно и развивается по своим, не зависящим от бога законам. А как это изложить, если но главе государства стоит религиозная власть? Разве что, прибегнув к религиозной терминологии—вот в чем состояла хит-рость[72].

Среди ученых — новых друзей Ибн Сины — оживление.

— Ну и молодец Фараби!

— Оказывается, философ — это не только мыслитель, это еще и дипломат!

— Газзали разъединил философию и религию, — продолжает говорить народу на площади Регистан Бурханиддин-махдум, — Газзали дал им единственно правильное соотношение: философия должна подчиняться религии, как подчиняется царю войско, ибо философия призвана охранять религию — царицу наших мыслей П чувств, а не сворить с ней.

— Вопрос соотношения философии и религии, — говорит Ибн Сина в Гургандже своим друзьям, — был решен Фараби в двух планах: в совершенном государстве, где правит

---

[70] То есть систематизатора.

[71] То есть придал ей энциклопедический размах.

[72] Сагадеев А. В. Ибн Сина. М., «Мысль», 1980, с. 58 и далее во всем этом споре с позитивной стороны излагается мнение крупного исследователя философии Ибн Сины, советского ученого Сагадеева А. В.

народом Царь-Мудрец, религия должна подчиняться философии целиком и нести на себе только воспитательную функцию, полностью контролируемую государством. В несовершенном же государстве, в котором мы с вами живем, философы должны создавать видимость согласия философии и религии, что и начал делать Фараби, а мы продолжаем. Для этого иногда приходится темно излагать. А некоторые свои мысли и вовсе приписывать Аристотелю. Но все-таки для того, чтобы и своих не запутать, я ввел в философию учение о… двойственности истины: мол, одно и то же явление надо раскрывать неоднозначно: с точки зрения философии и с точки зрения религии. И только тот, кто понимает это, может пройти по осторожным этим оговоркам в царство нашей истины.

А тот, кто не понимает, варит суп из петуха, сунутого со всеми перьями в котел.

— Газзали, — продолжает Бурханиддин-махдум, — резко выступил против учения Фараби и Ибн Сины о двойственности истины. Истина может быть только одна!

— А не убил ли Газзали философию, отделив ее от и религии, как убивает порой безрассудный отец сына, жестоко выгнав его из дома? — спросили из толпы студенты медресе, будущие муллы.

— Нет, — ответил Бурханиддин. — Не убил. А даже наоборот, способствовал дальнейшему развитию философия и других наук, потому что, убрав учение о двойственности истины, религии отдал религию, философии — философию. Без всякой путаницы ученые могли теперь за ниА V маться только науками, А Коран, как вы знаете, не препятствует изучению наук: 250 его аятов носят законотворческий характер, 750 — призывают изучать природу.

И не Мухаммад ли сказал: «Стремление к знаниям и наукам — долг каждого мусульманина». Не Мухаммад ли назвал ученых своими истинными наследниками? Не он ли в третьей суре Корана восхищено провозгласил: «Поистине, в создании небес и земли, и в смене ночи и дня — знамения для обладающего умом, — тем, которые размышляют о сотворении небес и земли. Господи наш!

Не создал ты этого попусту».

— Воистину тай — поддержала толпа.

‘ — Не он ли сказал в 67-й суре Корана: «Ты не увидишь в творении милосердного никакой несоразмерности., Обрати свой взор: увидишь ли ты расстройство? Потом обрати свой взор дважды: вернется к тебе взор с унижением в утомленный». — воистину так, — как море, вздохнула толпа.

— Почему Мухаммад беспрестанно призывал нас размышлять над природой? Потому что: «Аллах ничего не. изменит в людях, пока они сами не изменят свой внутренний мир».

— Воистину так, — сказала толпа.

— И еще Мухаммад сказал: «Аллах сотворил людей но мраке, а затем возлил на них частицу своего света».

Вот в этом то свете и ищите истину, а не в мутном омуте двойственной истины.

Остановимся, читатель.

Рассудим Газзали и Ибн Сину — этих двух гениев.

То, что сделал Газзали в XI веке на Востоке, в XIII в Европе сделал Фома Аквинский, сын графа, из Ландольфа, родственник царской семьи Гогенштауфенов, «Ангельский доктор», окончивший два университета: Парижский и Кельнский, лучший ученик Альберта Великого фон Больштедта, Когда католическая Европа встала перед. необходимостью открыть дверь Аристотелю — не впустить его она уже не могла, как не могла остановить человеческую мысль, — на помощь ей пришел Фома Аквинский. Он очистил Аристотеля от материализма, «христианизировал» его и такого, выхолощенного, ввел в католицизм. На Востоке первыми открыли Аристотеля… философы, а не богословы, и именно его материализм они вознесли на такую высоту, что об очищении Аристотеля и введении его в ислам нельзя было уже и думать. Единственное, что оставалось, это отделить философию от религиозной ее оболочки, что и сделал Газзали. Кстати, он сказал: «Из числа философствующих мусульман ни один не постиг аристотелевской пауки так глубоко, как эти

два мужа — Фараби в Ибн Сина». Но чтобы победить врага, 4Гаэзали должен был знать его оружие. И потому сам так изучил Аристотеля, что ученик Газзали — Ибн аль-Араби, смеясь, сказал: «Учитель вошел в желудок философии, а затем, когда захотел выйти оттуда, уже не смог этого сделать» — то есть сам стал замечательным философом против своей воли.

Газзали напишет впоследствии прекрасные учебники по логике, метафизике с позиций как раз аристотелизма, и Европа в латинском переводе будет с восхищением их читать, думая, что автор их — философ. (Переводчики опускали предисловие, где говорилось, что Газзали-богослов.)

Фома Аквинский, громя Аристотеля, цитировал… Газзали! Оба они объявили философию служанкой богословия. У Аристотеля четыре этапа познания располагались так: опыт, искусство, мудрость, знание. Фома поменял местами мудрость и знание, причем мудрость назвал иррациональным знанием, то есть религией, — и получилось: опыт, искусство, знание (философия), мудрость (религия), то есть философия — служанка богословия.

Католическая церковь объявила Фому и Газзали святыми. В самой большой церкви Флоренции находится портрет Газзали.

Да, только один Газзали из всех понял истинный смысл учения Фараби и Ибн Сины о двойственности истины, вскрыл противоречие, невольно возникшее в философии Ибн Сины —: соединение естественно-научных принципов и религии, и в этом, несомненно, была огромная заслуга Газзали с исторической точки зрения.

Но не заблуждение Ибн Сины вскрыл Газзали, а его маскировку. Когда в доме было темно, один пришел и зажег свечку. Другой же с рассветом ее погасил… В свете учения Ибн Сины о двойственности истины наука в лоне религии успела встать на ноги и окрепнуть.

— У философии две двери, — продолжает Бурханиддин-махдум обосновывать перед бухарцами обвинение против Ибн Сины. — Одна ведет в теоретические науки» другая — в практические. Ключ для обеих дверей одна и логика — порождение козней Сатаны. Так великий богослов Ибн Таймия сказал: нужна она лишь для того чтобы уничтожить ислам. «Тот, кто занимается логикой, привлекает ересь». кто не знает этих слов Ибн Таймии? Или слова его современника Субки: «Логика чужда исламу, ее надо судить и запретить». Ибн Сина называет логикой науку о достижении истинного выводного знания, когда непознанное познается через познанное. Газзали очень ценил это его определение, досконально изучил логику, чтобы бить врага его же оружием. Проявил необычайное мужество, ибо залезть в логику Ибн Сины все равно, что залезть в пасть дьявола!

Вот, например, одна из основных проблем: соотношение общего и единичного, бога и человека.

— Общему понятию, которое существует только в разуме человека, — говорит Ибн Сина гурганджским ученым, — в действительности НЕ соответствует никакое единичное.

Его внимательно слушают столетний христианин Хаммар — «Сын Кабатчика», Байхаки называет его третьим после Гиппократа и Галена но врачебном искусстве. Рядом Ибн Ирак — племянник хорезм-шаха (убитого отцом сидящего сейчас на троне 22-летнего эмира Мамуна) — второй Птолемей, «воспитатель и учитель Беруни». Тут и Беруни — царь математики и астрономии. И его друг христианин Масихи — «наследник аристотелевской мудрости». Все они, будучи на службе у эмира, «свободны от житейских забот» и составляют прекрасную духовную общину «Уммат ал-илм», собранную гениальным везирем Сухайли.

— Я плохо, наверное, расслышал тебя, — говорит столетний Хаммар. — Ты сказал: «Общему понятию НЕ соответствует в действительности никакое единичное?!»

Да.

— А знаешь, что делает в таком случае это твое маленькое «НЕ»?

— … убивает бога, — кричит на площади Регистан Бурханиддин-махдум. И я вам докажу это. Бог — общее. Так?

— Так, — отвечают сразу несколько голосов мулл-студентов — первых бунтовщиков в городе. Когда спор касается бога, молчат все, кроме этих студентов.

Единичное — человек, — продолжает Бурханиддин. — Так?

— Так.

— Раз общему в действительности НЕ соответствует никакое единичное, то получается… Ну, — обращается он к пароду, — подумайте сами… что богу не соответствует человек! Так?

— Так… — растерянно произносят даже студенты-бунтари. Такого вывода они не ожидали.

— Значит, и сотворил человека не бог. И раз общее содержится только в разуме человека, то бог всего лишь…

— … чисто логическая абстракция?! — удивляется Ибн Ирак, учитель Беруни, с ужасом рассматривая пришельца на Бухары, взбаламутившего гурганджских ученых.

— А коли человека породила материя, — вступает в разговор Беруни, — и есть только материя…

— … значит, нет никаких ангелов! — кричит в ужасе Хаммар.

— То есть нет личного бессмертия человека?! — восклицает везирь Сухайли.

— Нет, — спокойно отвечает Ибн Сина.

— Вот какое чудовище — этот Абу Али Хусайн ибн Сина, — подводит итог Бурханиддин-махдум.

Епископ Парижа Гийом Овернский объявил в XIII веке это учение Ибн Сины безбожным, а тех, кто распространял его, отправлял на костер инквизиции.

Логика… На разных концах планеты у разных народов она рождалась, как новый юный бог. Зевс знал: его смерть в сыне, которого родит ему богиня Мудрости Метида. И она родила. Им оказался Логос (Логика). В Китае, за сто лет до Аристотеля, логикой занимался Моцзы — V век до н. э. В Индии — Акшапад — И век до н. э.

Ибн Сина начал знакомиться с логикой в 14 лет. С Натили «я изучал… простые положения логики. Затем начал изучать ее самостоятельно… Я не спал целиком ни одной ночи… и днем не занимался ничем иным, кроме науки…»

Ибн Сина не ограничил предмет логики силлогистикой. Искал обт>яснение природы понятия — общего умопостигаемого признака многих предметов и явлений, сущности их — то. над чем ломал голову, сутки простаивая в задумчивости, Сократ.

«Общему не соответствует в действительности никакое единичное».

Общее, тождественное единичным предметам одной группы, это универсалия. Проблема универсалий была одна из основных проблем средневековой философии. На поле универсалий разыгрывались главные философские бои. например, универсалия группы «ЗЕРНО». Зерно ячменя, ржи, пшеницы, риса, проса, овса и так далее… Каков общий их признак? Всхожесть. «Родиться, умерев», — как любит говорить крестьянин АЛИ. Где эта «всхожесть» находится? Одни говорят: «Сначала в уме бога, то есть — до вещи, потом в самой вещи и потом после вещи — в уме человека, становясь понятием.

(Универсалия, находящаяся в уме человека, — умопостигаемая универсалия, понятие.)

«Общему понятию НЕ соответствует в действительности никакое единичное». Есть ли такой единичный Предмет «всхожесть»? Нет..

Платон говорит: Универсалии («идеи») находятся только в уме бога. Это — самодовлеющие сущности, В реальности, в вещах, их нет.

Аристотель: Универсалии существуют в уме бога как высшая, первичная реальность. Потом в самих вещах как вторичная, низшая, реальность. И в уме человека, умеющего путем разума выделять, абстрагировать общий их признак, тогда они становятся понятиями.

Ибн Сина: Универсалии существуют только в вещах и затем, как понятия, в уме человека, НО НИ В ОДНОЙ ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ ВЕЩИ ОНИ НЕ СУЩЕСТВУЮТ. «Общее понятие, поскольку оно является общим, не существует иначе, как в разуме. Но сущность его (общие признаки предметов) существует как… в разуме, так и вне разума, и

вещах».

Сколько путаницы внесли в трактовку философского наследия Ибн Сины девять веков длящиеся вокруг него бои! Так запутали, что даже в историю философии (!) он несправедливо попал с аристотелевским, а не своим учением об универсалиях, — Универсальное как умопостигаемое, то есть ПОНЯТИЕ, — говорит Ибн Сина гурганджским ученым, — теряет свою абсолютную универсальность, становится выражением как универсальной, так и индивидуальной сути

Понятия бывают шести видов. Первое — когда ни один предмет в действительности не соответствует понятию. И даже возникновение его исключается. Можете привести пример?

— Ну… наверное, это какая-нибудь тайна, — смеется 22-летинн эмир Мамуп н.

— Или ловушка, — ворчит Хаммар.

> у — Почему же? — улыбается Масихи. — Ибн Сина всего лишь излагает аристотелевские виды понятий. — может, золотая река? — неуверенно произносят везирь, — Достаточно спуститься в мою казну, чтобы увидеть ее! — смеется эмир.

— Сотоварищ бога[73], — говорит Беруни.

— Правильно, о великий астровом! — восклицает Ибн Сина. — А вот теперь и ваша «золотая река», — обращается он к везнрю, — Это второй вид общего понятия, когда в действительности ему не соответствует ни одна единичная вещь, но возникновение ее не исключается. Третий вид, когда в действительности понятию соответствует только одно единичное индивидуальное.

— Ты же говорил, что никакому общему в действительности не соответствует никакое индивидуальное?! — вскричали все разом, — Без этого вида понятия и часа но проживет ни один теолог! — улыбается Ибн Сина. — И потому это индивидуальное единичное…

— Бог! — догадывается Хаммар.

— Правильно. А отражает ли это понятие что-либо из реально существующих предметов?

Все молчат.

— Четвертый вид общих понятий…

— … когда что-нибудь в действительности все же ему соответствует, но это такое единичное, которое в реальном мире само бог — то есть равно этому понятию, да? — догадывается везирь.

— Да. Но возникновение других таких единичных не исключается. Солнце, например, — бог реального мира.

— Ну и логика! — восхищенно произносит кто-то. — Итак, нам осталось два вида общих понятий, — продолжает Ибн Сина. — Одному соответствуют в действительности единичные предметы, поддающиеся и счету: растения, деревья, книги, монеты[74]… Другому не поддающиеся счету: звезды, пылинки, песчинки… Как видите. я не нарушил своего главного тезиса: «Общему понятию НЕ соответствует в действительности, пн одно единичное».

— Что, например, такое — Ибн Сина? — спрашивает Я у народа Бурханиддин-махдум. — Я вам отвечу по логике Ибн Сины. Рождается ребенок, слышит повсюду, Ибн Сина — великий ученый! Ибн Сина — великой философ!

Ибн Сина — непревзойдённый врач! Ибн Сипа сама честность! Ибн Сина — само благородство! Он никогда не видел Ибн Сины, ни одной книжки его не читал. Но сознание его приняло все эти ложные суждения и составило по ним ложное понятие: прекрасный, волн кин, честный, чистый Ибн Сина. Вот это и есть то, о чем Ибн Сина сказал: «Общему понятию НЕ соответствует в действительности единичное».

---

[73] и В современном логике Е понятие с нулевым объемом.

[74] В современной формальной логике — регистрирующее понятие-

Оставим Бурханиддина. Обратимся к тому, кто любил Ибн Сина, посвятил ему жизнь.

О том, как славился Ибн Сина-логик, есть удивительный рассказ: «Еще в Гургане… — пишет Джузджани, шейх3 написал «Малое сокращение по логике». Один экземпляр этой книги оказался в Ширазе. Тамошние ученые прочитали ее, у них возник ряд недоумений по рассматривающимся в ней проблемам. Они записали свои вопросы на одной стопе бумаги. Судья Шираза был в числе тех ученых. Он отправил стопу бумаги к Кирмани всадником, направляющимся в Исфахан, и попросил вручить шейху.

Кирмани пришёл к шейху в жаркий день, когда бледнело солнце, и подал письмо.

Шейх прочел его, вернул Кирмани, а стопу присланной с вопросами бумаги положил перед собой. Пока присутствующие разговаривали, он просматривал ее. За тем Кирмани ушёл, и шейх приказал мне нарезать из бумаги несколько стоп.

Я приготовил пять стоп по десять листов в каждой.

Мы прочли вечернюю молитву, зажгли свечи, и шейх распорядился принести вино, а сам начал писать ответы на те вопросы. И ппсплон до половины ночи, пока меня и брата не одолел сон. Тогда он велел нам уйти.

На рассвете кто-то постучал ко мне в дверь. Это был посланец шейха, который просил меня прийти к нему. Я пришел и застал его на молитвенном коврике. Перед ним лежало пять стоп исписанной бумаги. Он сказал: «Возьми это и отправь к Кирмани».

Когда я принос к Кирмани исписанные стопы бумага, тот изумился… Этот случай вошел в историю».

Есть у XX века проблема: Всеобщий Универсальный язык, Ибн Сина тесно связан с ней, так как бился над проблемой выразимости понятий через какой-либо минимальный знак. Если мир развивается по одним и тем же объективным законам, значит, этими законами пронизана любая сущность. значит, можно найти знак с положительным и отрицательным значением, выражающий ее, и построить из этих двух значении язык. Тогда не случайное слово будет выражать сущность того или иного предмета, явления, а знак, понятный всем наукам. Эго в есть Всеобщий Универсальный язык.

Пока такого языка у нас нет. Представьте, сидят за столом Философия, Физика, Математика, Естествознание, Искусство, История, Химия, Астрономия… смотрят друг на друга, а говорить не могут. В какой-то мере общаются через язык математики. Но она годится лишь для моментов устойчивости, постоянства, классических закономерностей и совершенно не применима в квантовой теории, в социологии, геологии, искусстве, то есть там, где есть живое неожиданное движение.

Всеобщий Универсальный язык как бы скальпирует неизвестные явления, делает их видимыми. Сегодня некоторые законы природы открываются буквально «на кончике математического пера». Так, в 1928 году Дирак дал релятивистское обобщение уравнения Шредингера, применимого только к частицам, скорость которых мала по сравнению со скоростью света. Решение этого уравнения оказалось под квадратным корнем, у которого, как известно, два знака: + и —. У физиков родилось предположение, что кроме электрона должна существовать еще одна частица, сходная по своим физическим параметрам с ним, но отличающаяся знаком заряда. Сколько раз позитрон «выходил» к ученым теми или иными своими проявлениями! Но «увидели» его лишь после математического обоснования.

Так же были «увидены» в 1974 году кварки — составные частицы сильновзаимодействующих элементарных частиц с дробным электрическим зарядом, кратным одной трети электрона. Существуют они только внутри адронов. Открытке их С. Тингом и Б. Рихтером было отмечено Нобелевской премией и означало революцию в современной физике. «Увидеть» же их опять помог универсальный язык: математический структурный анализ, — математическая модель.

Искали такой язык и древние. Пифагор пытался построить числовую модель Вселенной, но у него число было знаком статического определения вещи, не диалектического.

У китайцев есть книга «И-цзин», созданная, как предполагают, в X — VIII веках до н. э.

Две противоположности — ян и инь — обозначены в ней линиями:

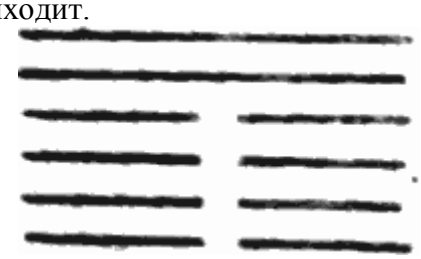
положительное начало _____ ян,

отрицательное ___ ___ инь.

У материи Ци шесть проявлений (вспомните, Ибн Сина говорил о шести видах понятий). Комбинации из шести посылок в двоичной системе: 26 дадут 64 гексаграммы. Вот некоторые из них в книге «И-цзин»:

РАССВЕТ

Малое отходит, великое приходит.



УПАДОК

Великое отходит, малое приходит.

СМИРЕНИЕ

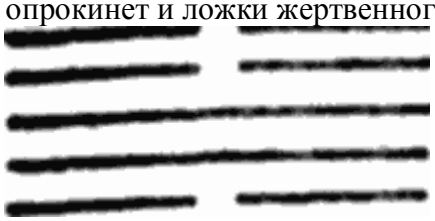
Благородный человек обладает законченностью.

КОЛОДЕЦ

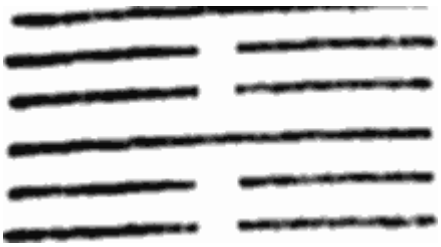
Меняются города, но не меняются колодцы.

МОЛНИЯ

Пугает за сотни верст, но не опрокинет и ложки жертвенного вина.

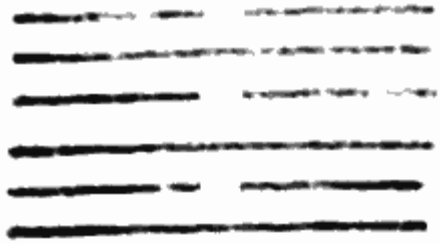


ПЕРЕРАЗВИТИЕ МАЛОГО От летящей птицы остается лишь голос.

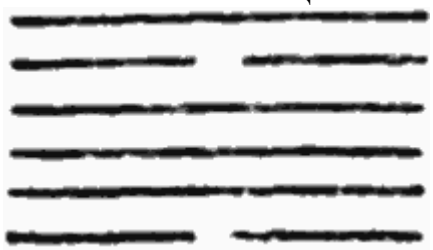


СОСРЕДОТОЧЕННОСТЬ

Проходя но своему двору, не замечаешь своих людей.



УЖЕ КОНЕЦ



ЕЩЕ НЕ КОНЕЦ

Молодой лис почти переправился через реку, но вымочил хвост.

Не так давно в Бюрокане (Армения) собрались ученые и договорились принять за знаки Универсального языка (пока еще он не Всеобщий) цифры 0 и 1. Комбинируя их по 14, можно получить около 15 тысяч понятий. Вышеприведенные китайские гексаграммы в двоичной системе бюроканского языка выглядят так: если за 0 принять ___ ___, а за 1 _____, то

РАССВЕТ — 000111,
УПАДОК — 110000,
СМИРЕНИЕ — 000100,
КОЛОДЕЦ —010110,
МОЛНИЯ — 001001,
ПЕРЕРАЗВИТИЕ МАЛОГО — 001100,
СОСРЕДОТОЧЕННОСТЬ — 100100,
УЖЕ КОНЕЦ — 010101,
ЕЩЕ НЕ КОНЕЦ — 101110.

Может, «И-цзин» — первая дошедшая до нас попытка человечества создать Всеобщий Универсальный язык? [75]

С позиций логического философского обоснования подошел к этой проблеме Ибн Сина, выдвигая свою «идею о языке». И может быть, поиском такого языка являются приведенные нм в его «Книге исцеления». арифметические (!) таблицы видов «суждений и их взаимоотношений. Л в «Даниш-намэ» даже., геометрический (!) пример этих взаимоотношений[76], — Один час справедливости равен столетней молитве, — задумчиво проговорил Бурханиддин-махдум, оглядывая народ, до отказа заполнивший площадь

[75] **См.** журнал «Декоративное искусство», 198О № 9 Статья. Л. Салдадзе.

[76] и формализацию логики на основе математики в Европе впервые произвел Р. Луллий (1235–1315) по текстам не дошедшей до нас книга Ибн Сины «Логика восточных».

Регистан. — Благородный Газзали искал «покой ума». И покой этот и был в отходе от разума к вере. Отдаваться одному только разуму — все равно, что в жару пить соленую воду…

Жизнь не может быть соразмерена понятиями. Живое, ее, вечное движение — тайна. И ближе всех к пониманию этого стоит народ, его непосредственная душа. Ибн Сина замуровал свою душу в узкий гроб логического мышления и потому чужд народу, непонятен ему. Я щадил вас, — голос Бурханиддина-махдума дрогнул. — Не зачитал ни одного кусочка из его трудов. Но чтобы вы поверили мне, насколько он разумом засушил свою душу, прочту несколько строк. Всю ночь я ломал голову, чтобы перевести их для вас с арабского. Вот, слушайте:

«Если суждения соответствуют друг другу, и ты знаешь, что А в соответствии со своей действительностью но всех случаях есть Б, то оно подтверждается без необходимого утверждения. Тогда В становится для всякого не необходимого С или вещи, подразумеваемой под С, не необходимых!. Однако А, наоборот, противоположно этому, так как для всякого, что есть А, необходимо В. Характер С или вещи, подразумеваемой под ним, отличен от характера А. Одно из них никогда не входит в другое… Такое же положение некоторых С…»

Народ возроптал.

Бурханиддин-махдум перестал читать.

— Да, — грустно произнес он, — Ибн Сина похож на мальчишку, который обогнал старика, потому что нельзя обогнать жизнь, которая старше разума.

Бурханиддин встал и закончил заседание.

Народ начал медленно расходиться, не поднимая друг на друга глаз.

Кто ты — Ибн Сина?

Непостижимый для нас могучий ангел?

Дьявол?

«Или один из духов, богом проклятых?»[77]

VII «Всякой возникающей вещи предшествует материя»

«От султана Махмуда в Гургандж… прибыл посланный с письмом, — пересказывает по рукописи Бурханиддин-махдум народу на площади Регистан. «Мы слышали, что в услужении хорезм-шаха есть несколько ученых мужей, каждый из которых не имеет себе равною в своей области знаний. Они должны быть присланы К нашему двору». Гонцом, привезшим это послание, — говорит Бурханиддин, откладывая рукопись, — был ходжа Хусайн Микаил — потомок князя Диваштича, ашина, распятого арабами на горе Муг, — один из самых совершенных людей своего времени, «чудо эпохи».

Это письмо сыграет огромную роль в судьбе Ибн Сины, Масихи, Беруни, эмира Мамуна и всего Хорезма.

— «Хорезм-шах поместил Микаила в роскошных покоях, — продолжает пересказывать по рукописи Бурханиддин, — но прежде чем принять его, созвал философов и, доложив перед ними письмо, сказал: «Рука» Махмуда сильна, и султан имеет многочисленное войско. У него Хорасан, Индустан, и он намеревается захватить Ирак. Я не могу не подчиниться его воле… Что вы скажете на это?»

Ибн Сина и Масихи ответили: «Мы не поедем». Что касается Ибн Ирака, Хаммар и Беруни, то они выразили желание ехать… «Вы двое, не желающие ехать, — сказал хорезм-шах, — ступайте своим путем до того, как я позову посланника. Снарядил Ибн Сипу и Масихи, дал им проводника, и они тотчас выехали но гурганджской дороге.

— Ну, а посланник? — спросили в толпе.

— Посланник? Не найдя нигде Ибн Сину, расстроился, потому что Махмуд, призывая

---

[77] Гёте

всех ученых, имел одну цель: Абу Али ибн Сипу, как пишет Нивами Арузи Самарканди. Уезжая, Микаил велел Ибн Ираку, учителю и Гёте.

Беруни, изрисовать портрет Ибн Сины, а султан Махмуд приказал другим художникам сделать много копий с него н. разослал их вместе с указом но все стороны, и они были вручены наместникам областей со словами: человека, подобного этому изображению, разыщите и пришлите ко мне».

— Выходит, спас Ибн Сину этот Мамун?

— Спас.

— А кто он? —

— Абулаббас Мамун И заменил на троне умершего брата Али в 19 лет. Когда два брата караханида Наср и Туган обратились к Махмуду с просьбой помирить их в Махмуд пригласил на свидание с ними и Мамуна, Мамун прислал отказ. Вскоре халиф Кадир признал его эмиром, передал с послом диплом на владение Хорезмом. Беруни предостерег: «Не сделал ли это халиф для того, чтобы поссорить тебя с Махмудом?» И поехал в пустыню тайно принять халифские подарки. Вот так изо всех сил держал Мамун независимость перед Махмудом.

— Тогда почему он подчинился Махмуду в истории и письмом? — спросили студенты из толпы.

— Одно дело подвергать опасности себя, — ответил Бурханиддин, — отказываясь быть посредником между поссорившимися тюркскими ханами, другое — подвергать опасности ученых.

— Ну и что сделал взбешенный Махмуд?

— Послал в Гургандж… сватов л предложением взять жены сестру его Кальджи.

— Ну да?! — удивились в толпе. — А почему? ’

— Махмуд рассуждал так: «Пока буду пересекать с войсками пустыни, Мамун заключит союз с тюркскими ханами. А уж они только и ждут случая скрутить мне шею! И не прибавит мне славы война с мальчишкой, к тому же обласканным халифом. А пока будут сновать между Хорезмом и Балхом послы, преодолевая тысячи километров но пескам и горам, готовя свадьбу, я успею завоевать Индикт и уж тогда никто не посмеет мне перечить».

— А что, правильно рассудил! — откликнулись в и толпе.

— Махмуд есть Махмуд, — с достоинством сказал Бурханиддин. — Запомните это имя. Махмуд — гений своего века, гений власти.

— А кто — Масихи? Почему он поехал с Ибн Синой?

— Поехал, наверное, по просьбе Беруни. Одному Хусап ну Каракумы но одолеть. Да И в Гургане — на родине Масихи — кто бы познакомил его с эмиром Кабусом? А подружились они в Хорезме. Хусайн, будучи известным уже врачом, прослушал все медицинские лекции Масихи наравне с начинающими учениками. Изучил и самостоятельно много медицинских трудов. И все-таки его знания были узкой полоской разгорающегося дня. Хусайн младше Масихи на десять лет, в знаниях же но — медицине — на полторы тысячи лет, потому что не знал Гиппократа. Не знал настолько, чтобы спорить с ним. Это ослепительное солнце медицины показал ему Масихи, введя в самую суть научной мысли великого грека-врача. Кроме того, Масихи научил Ибн Сину двум вещам: относиться к медицине, как к науке, а не к общим рецентам на тот или иной случай, и ценить не отточенность знаний, что так же естественно для врача, как дыхание для чело-века, а., человеколюбие. Все лекции Масихи проходили под девизом Гиппократа: «Врач, знающий только медицину, не знает медицины. Надо еще… любить человека». Масихи незаметно подвел Ибн Сину к мысли о необходимости создать единую, обобщающую все знания по врачебному искусству системы,

— А почему он сам не взялся на это?

— Не всякий архитектор решается выстроить гигантскую мечеть, — ответил Бурханиддин. — Некоторые таи и остаются прекрасными мастерами малых форм. И потом

Масихи почувствовал в Ибн Сине тот редкий, исключительный ум, который способен выполнить работу века.

— Так они что, и вправду, пересекли Каракумы?

— Да.

— Одни?! Без каравана? Только с царским провожатым?!

— Да.

— Не иначе, Ибн Сину охранял аллах! Две пустыни прошел! Да еще какие… А по какой же они двигались дороге, если Не сказка все это?

— Кратчайший путь, по линии тетивы лежит, кин вы знаете, через Сарыкамышскую впадину, солончаки Кара шор, сухое русло Узбоя, пески Барса-кельмес [78] , вечно взвихриваемые ветром, через топи Дихистана, изводящие лихорадкой, и по берегу Каспийского моря до порта Абескун, а оттуда один день пути — Гурган. Поскакал

Же они Путем лука — в обход. Разве Может Ибн Сина ходить прямыми дорогами! Сначала резко на юг, на Заунгузские Каракумы. Потом по карте колодцев, записанной звездами на небе, — на золотые пески Дарвазы, на странные самовозгорающиеся желтые горы, на колодец Ербент. и опять на юг, до колодца Бахардок, а оттуда последний рывок на Нису, которая всегда радует путника, вышедшего к ней из песков, свежестью чистых, раскачивающихся под ветром садов. Не город, а глоток прохладной воды, -.. Али слушает Бурханиддина О видит страшную пустыню. Он знает, что случилось здесь с Ибн Синой и Масихи. Муса-ходжа уже рассказал ему ночью, В полдень, в глухих песках Ибн Сина, Масихи и проводник упали в тень разрушенного караван-сарая, вспугнув змей и седых орлов. Сразу уснули. змеи и орлы, подождав немного, подползли к людям и устроились рядом: тень — жизнь!

Через три часа снова в путь, пока есть вода. Масихи ждет звезд, чтобы сверить карту. И вдруг вышли к колодцу, которого совсем не должно было быть на этом пути! Ибн Сина обрадовался, стал сосать мокрый песок, распирающий кожаное ведро, поспешно вынутое из глубокой ямы. Масихи же и проводник, бледнея, переглянулись: «Неужели сбились? Или ветер передвинул бархан, и открылся этот старый неизвестный колодец?»

На закате встали лицом К солнцу. Небо перетекало в объятия земли, стирая горизонт. И как прикладывает мать платок к лицу измученного сына, так и небо вбирает в себя молитвы, вздохи, слезы, горестные мысли, раскаянья и неостывший гнев, чтобы к утру перетереть все и его в надежду. Некоторые молитвы оставляет нетронутыми, заслушавшись их. Это самые безнадежные и потому самые красивые молитвы… «Они жемчужным облаком стоят над молящимися, и на них садятся отдыхать Надежды, летящие к другим.

Ибн Сина и Масихи молились о Беруни…

— А откуда они знают друг друга — Масихи и Беруни? — спросили в толпе.

— Масихи встретился с Беруни давно, — отвечает судья, — может, в 995 году. «Б дни, когда я расстался со своей родиной, — написал Беруни на страницах одного Своего труда, — и лишился счастья благородного служения ей, я встретил в Рее ученного, который стал для: меня всем: и учителем, и другом». Эти слова одинаково золотят благородством и Масихи, и Ходжейди, известного астронома, отогревшего своей дружбой Беруни. Благодарность философов — трактаты, которые они посвящают друг другу в дни разлук. В книге «Памятники минувших поколений» Беруни говорит о трактатах, подаренных ему Масихи: «Они для меня занимают место падчериц, укрытых под Моей защитой, или почетных ожерелий»… Масихи, наверное, и способствовал знакомству Беруни и эмира Кабуса в Гургане, куда он сейчас вел через Каракумы Ибн СП ну. Некоторые, Правда, считают, что Беруни вернулся от Кабуса на родину, в Гургандж, в 1012 году, как раз в то время, когда Ибн Сина и Масихи только покинули этот город. Если так, да еще прибавить сомнения по поводу встречи Ибн Сины и Беруни в 997 году в Бухаре, то получится, что они вообще никогда не

---

[78] «Пойдешь — не вернешься».

встречались. Итак, Беруни, рассорившийся с Ибн Синой в переписке, не захотел переезжать в Гургандж, пока там. находился этот заносчивый юнец.

— Так поссорились же они восемь лет назад! — сказали в толпе.

— И потом, через три года, Беруни так тепло написал о Хусайне в одном из своих трудов! Вы же сами рассказывали…

— Вы правы, — сказал Бурханиддин. — Великие души знают гнев, не злость. Гнев — гроза души, мгновенно перемалывает столкновение с несовершенством мира, не пропускает его но внутрь, оберегает свежесть души, живую искренность чувств. Злоба же ядовитой пылью оседает в душе и разъедает ее.

И все же Беруни в Гургандж не переехал, — это факт, хотя везирь Сухайли собрал там множество замечательных ученых. Почему? Потому, что там был Ибн Сина.

Кроме того, Беруни хорошо жилось в Гургане у Кабуса И он не хотел уходить от благополучия. Вы помните Кабуса? Когда-то он заступился за эмира Рея Фахр ад-давлю, за что был изгнан из Гургана.

Славу благородстве Кабуса затмевала еще и слава изысканного поэта-литератора. Вот одно из его стихотворений:

Возвышает судьба положение подлого,
А у высокородного снимает почет его.
Как море, что отправляет жемчуга на темное дно.
Падаль же выносит на солнечную поверхность…

И Беруни о нем пишет: «Я одобрял у Кабуса его отрицательное отношение к декламированию хвалебных од ему в лицо». А вот как Кабус сам говорит о себе: «Душа у меня — свободного мужа. Она презирает пользование насилием в качестве верховного животного и питает отвращение к остановке на привале у мутного источника».

— Но все это было сказано и написано в изгнании! — сказали студенты, — то есть порождено страданиями, которые длились 18 лет… А вот когда Кабус снова пришел к власти, этот 60-летний, вконец измученный аристократ, — как раскрылся его характер?

— Ну, не знаю. По-моему, характер не меняется. Каким создал его бог, таким он в будет всю жизнь. Характер — это судьба, — проговорил растерянно Бурханиддин

— «Кабус стал в последние годы жизни неистовствовать в убиении и переходе всех границ в пролитии крови», — сказал, выходя вперёд, один из студентов. — Я говорю это по рукописи Якута. «Кабус не знал иного средства подчинения и проведения своей политики, кроме рубки голов и умерщвления душ. Это стало распространяться и на более близких, и на самых доверенных лиц из. его войска и свиты».

— Ну, Якут — историк XIII века, а Кабус жил в XI, — сказал Даниель-ходжа.

— Хорошо. «Кабус стал человеком, весьма склонным и убийству. Никому не мог простить проступка. Злой А сделался человек», — пишет его — внук! — упорствовал студент.

— А что может звать внук о деде? Это же две разные планеты! — сказал Бурханиддин-махдум. — Вот если бы Кабусе этого периода сказал Беруни, я бы еще поверил, — Беруни сказал о Кабусе этого периода тремя строками, — сказал слепой Муса-ходжа:

И Солнце доблести желанье изъявило,
Чтоб служил ему, поправ свои желанья…
Жестоко было Солнце…

— А может, это вовсе даже и не о Кабусе сказано!

— У Якута есть запись, полностью подтверждающая слова Беруни, — проговорил Муса-ходжа. — Вот, слуша%те. «Явилось у Кабуса желание заставить Беруни общаться

исключительно лишь со своей персоной и навсегда связать его со своим двором, а За это будет, мол, Беруни иметь право повеления с беспрекословным подчинением всем, кого охватывает власть Кабуса. Но Беруни отверг это и не повиновался ему».

— Не понимаю, а что вы все напали на Кабуса? — проговорил раздраженно Бурханиддин-махдум. — не так уж хорошо жилось у него Беруни, как вы говорите, — сказал Муса-ходжа. — Не из-за ссоры С Семнадцатилетним юношей, происшедшей восемь лет назад, сорокалетний Беруни, совершенно одинокий, терпел такого тирана и не возвращался на родину в Гургандж.

— А в чем же тогда причина?

— Мамун и — отец Мамуна И убил в 996 году хорезм-шаха из древней династии Афригов за то, что тот пригрел Симджури — военачальника бухарского эмира Нуха, — продолжил Муса-ходжа. — Беруни-сирота воспитывался у племянника этого хорезм-шаха — ученого Ибн Ирака.

А всех, кто имел хоть какое-нибудь отношение к хорезм-шаху, Мамун и преследовал. Ибн Ирак — математик, астроном, философ — не получил приглашения везиря Сухайли в Гургандж даже тогда, когда на трон сел сын Мамуна и — эмир Али. Мы ничего не слышим об Ибн Ираке в этот период, а ведь ученые «были тогда редки, как красная сера»… Но в Гургандже, наверное, жил Масихи, ловя малейшую возможность вызволить от Кабуса Беруни. Он и уехал, я думаю, из родного города с этой целью. Но вот в 1009 году умирает эмир Али. На престоле его брат — 19-летний Абулаббас Мамун. А что это за эмир? Беруни позже скажет: «Выехал однажды Абулаббас Мамун из дворца выпить вина. Подъехав к моему дому, велел меня позвать, Я опоздал… Он уже довел коня до моего дежурного помещения и собирался спуститься наземь… Я облобызал землю и всячески заклинал его не сходить с коня. Он ответил: «Не будь существующих законов в бренном мире, не мне бы тебя звать, ибо высоко знание, а не я…»

В толпе раздались восхищенные голоса.

— Историк Махмуда Абулфазл. Байхаки, — продолжает Муса-ходжа, — сохранил нам и другие его слова: «Мой помысел — книга и чтение ее, возлюбленная и любование ею, благородный человек и забота о нем»…

Усилилось восхищение в народе.

— Сразу же по восшествии на престол Мамуна.

Масихи, наверное, и передал Беруни с каким-нибудь караваном письмо: «Приезжай!»

«И вот так быстро наступал конец счастью, — думает Али. — Письмо Махмуда, привезённое «чудом эпохи» Микаилом, стерло его. Соберутся ли они когда-нибудь. Я опять вместе: Беруни, Масихи, Ибн Сина?»

Ибн Сина похоронил Масихи, не дойдя 18 километров а до зеленой, шумящей садами и родниками Нисы., Не город, а глоток прохладной воды… Об этом рассказал ему сегодня ночью слепой старик. На шее у Масихи оказались иконка и крестик. Иконку Ибн Сина взял себе. И кожаную сумку друга с рукописями.

Али задумчиво смотрит в лицо Муса-ходжи. Вот он стоит, сложив руки перед собой, приготовился слушать дальше судью. И вдруг сердце Али сжалось. «Сколько же времени стоял он уже здесь сегодня под испепеляющим солнцем?! И причина его муки, его унижения — Я…

Не будет он больше здесь. так стоять! Что я, в самом деле? Или мне не двадцать лет? Или я не крестьянский сын?»

И он… сбежал. Ночью. Спустился по веревке с северной стороны Арка, никем не охраняемой, пройдя незаметно улицу Кучу, дом Сиддик-хана, кладбище и страшный потайной колодец, откуда доносились слабые, как шелест ветра, стоны. Или Показалось? «Весь Арк — стон, — сказал себе Али, прогоняя ужас, внезапно охвативший его, — потому что стоит Арк на обнаженном сердце крестьянина, который кормит эмира и еще… улыбается при этом».

На следующий день как ни в чем не бывало Бурханиддин открыл судебное заседание.

— Впереди каждого человека, — сказал он, обращаясь к народу, — идет дьявол с колокольчиком. Колокольчик — это Слава, мирские дела, — то, что мутит родник наших жизней. Крутясь в суете, мы засыпаем его гнилью. прелых мыслей, оскверняем тиной ложных чувств, и в конце концов родник иссякает. Так какой же подвиг надо совершить, чтобы вернуть роднику его первоначальную чистоту! Такой подвиг совершил Газзали…

В толпе наступила благоговейная тишина.

— В минуту наивысшего взлета, когда толпы людей ломились к нему за сокровенным еловом, встречали и провожали его, вступившего на путь богатства и славы, он оставил все, даже знаменитую богословскую кафедру в Багдаде, и начал новую жизнь. То, что произошло с ним, никогда бы не смогло произойти с Ибн Синой, потому что Ибн Сина всю жизнь шел за колокольчиком… Сегодня судить Ибн Сину будет Газзали. Но чтобы никому из вас не закралась в сердце мысль о зависти Газзали к гению и славе Ибн Сины, я расскажу вам немного о нем.

Али напряг слух, стремясь не упустить ни одного слона. Три дня он мотался но Бухаре, не в силах выйти из нее: все дороги находились под усиленным контролем из-за его побега. Не имея возможности пробраться к себе в деревню, он разыскал Дом Муса-ходжи, но когда бы ни приходил, Муса-ходжа сидел на коленях, на старом молитвенном коврике, с отрешенным лицом. Сколько Али ни ждал, Муса-ходжа не поднимался. Губы его были плотно сжаты, по щекам катились слезы. Нарушить молитву Али не мог… До ночи прячась в кустах, ждал, — может, выйдет Муса-ходжа из дома. Но и из дома он никуда не выходил.

Али был потрясен переменой, происшедшей со стариком. Он никогда не думал, что старик так любит его! Если б Муса-ходжа оглянулся… «Вот он — я, стою рядом с вами, живой и здоровый! Меня надо только спрятать в вывести из Бухары. А там и ветер меня не найдет!» Но Муса-ходжа, не поднимая головы, молился и плакал.

Али не стал больше ходить к нему. Целыми днями сидел в камышах у ворот Саллаханы, где жили арабы, и слушал их крики: «О, урджин! О, урджин!» Умер кто-то. Ходили арабы по кварталу, били руками в барабаны, смазанные сажей, и пели печальные красивые песни.

Али не выдержал, у него и так душа, словно паутинка, прилепившаяся к мертвому корню, еле держалась.

К вечеру перебрался на пустырь Сарвана, но сюда, оказывается, несколько дней назад перевели верблюдов эмира и афганских солдат. Хотел сказаться больным и спрятаться в больнице, что у ворот шейха Джавала, но русский фельдшер так подозрительно посмотрел на него, что Али тут же убежал. Напившись водки в лавке армянина Лазаря, которому Али помог разгрузить телеги с зерном, пошел к болотам квартала Искандарханы, где жили кожевенники, но ночью тысячи тоненьких острых жал впились в каждую клеточку его тела, будто все несчастья его жизни, и Али, сломи голову, побежал к плотной туче комаров марок прямо по улицам Бухары, рискуя больше, чем днем попасть в руки сарбазов, помчался в северные кварталы к воротам Углон. где когда-то сбрасывала в сточные ямы казненных бунтовщиков.

Здесь было безлюдно и тихо. Здесь Али прожил два дня в нише, прикрытой куском вылинявшей тряпки. Это место никто не посещал. Кроме палачей, привозивших ночью трупы. Приходили еще тайком родственники казненных — откопать отца, сына из общей ямы, предать Их земле. Но даже если они и видели Али, то принимали его за юродивого и протягивали лепешку.

И вот сейчас стоит Али на площади Регистан, слушает Бурханиддина, а сам но все глаза ищет Муса-ходжу.

— «В былые времена, — читает, не торопясь, Бурханиддин из книги Газзали, — я распространял науку богословие, через которую приобретают видное положение, и звал к ней людей и словом, И делом. К этому сводились тогда моя цель и мои помыслы. Затем я обратил свой взор на собственное положение, и оказалось, что весь в утонул в мирских связях, опутавших меня со всех сторон. Обратив же взор на деятельность мою и на самое

лучшее, что в ней было — на чтение лекций И преподавание, — обнаружил, что науки, занимающие меня, не имеют ни значения, ни пользы…»

Рядом с Али раздалась незнакомая речь — это старательно переводил русским офицерам слова Бурханиддина толмач. Али продвинулся вперед, чтобы не мешал ему этот шум, и неожиданно увидел соломенную куклу в чалме, что сидела На том месте, где сидел он сам.

— «Поразмыслив о целях, которые я хотел достичь в своей преподавательской деятельности, — продолжал главный судья рассказ Газзали, — я обнаружил, что помыслы мои были направлены не исключительно на всевышнего аллаха, но побудительным мотивом и двигателем для меня служил также поиск почета и широкой известности.

И я убедился, что стою на краю пропасти…»

Али осторожно оглядел людей, находящихся рядом с ним. Вот горшечник — у него руки разъедены глиной. Вон крестьянин — из Гиждувана, судя по расцветке чапана. Вон еврей с синими руками — недаром в Бухаре говорят: «Пойти к еврею — значит, отдать красить пряжу в синий цвет». А вот ювелир… Какие тонкие у него, прекрасные пальцы… поглаживает ими бороду. А может это переписчик книг?.. Как все внимательно слушают!

— «В течение некоторого времени, — продолжает читать Бурханиддин, — я не переставал думать о своем положении, все еще не делая окончательного выбора: сегодня принимал решение уехать из Багдада, завтра передумывал. Одной ногой делал шаг вперед, другой — назад. Стоило мне утром проникнуться искренним желанием искать верный путь, вечером на это желание нападали, охлаждая его, полчища мирских страстей». Вот он — колокольчик дьявола! — откинулся от книги Бурханиддин. — Как трудно его не слышать! — И снова стал читать: «Мирские страсти притягивали меня своими цепями, удерживая на месте, в то время как голос веры взывал: «В дорогу! В дорогу! Жить осталось так мало!», И тогда снова возникала но мне решимость к бегству. Но тут появлялся дьявол и говорил: «Это случайное состояние, не вздумай поддаться — расстанешься с оказываемыми тебе почестями, с упорядоченной жизнью, не знающей ни печали, ни горести, с благополучием, которое не. может быть отнято у тебя и врагами. Возможно, Душа твоя потянется к этой жизни снова, но вернуться к ней уже не удастся».

«Как слушают! — удивляется Али, оглядывая людей. — Вон опустил глаза старик, склонилась его голова. Вон ремесленник горит лицом, впитывает слова, словно земля влагу. Вон закрыл глаза и медленно покачивает головой в такт рассказа Бурханиддина богатый чиновник».

— «Шесть месяцев находился я в состоянии беспредельных колебаний, — продолжает главный судья. — Наконец, дело перешло границу свободного выбора и вступило в область необходимости. Аллах замкнул мой язык.

И в один прекрасный день, когда я старался сделать свой урок более приятным для сердец тех, кто посещал мои лекции, язык мой не произнес ни слова… В душе появилась скорбь… хлеб не шел в горло. И у меня наступил такой упадок сил, что лекари пресекли надежду на мое выздоровление.

И вот я объявил всем о своем решении отправиться в Мекку, хотя в душе своей замыслил поездку в Сирию…

Я хотел таким образом скрыть от всех свое решение никогда больше не возвращаться домой в Багдад…

Люди терялись в догадках… Одни думали, что я уезжаю предчувствии чего-то недоброго со стороны властей, а те, кто были близки к властям и видели их привязанность ко мне…. говорили, «То — рука судьбы».

Тихо скатилась слеза но лицу старика, стоящего слева от Али. никто не шевелился. И такая серьезная красота лежала на всех лицах, словно невидимый ангел коснулся каждого крылом.

Али стал думать о своей жизни…

Ну что это была за жизнь? Жизнь дерева: тихая, простая — вся терпение. Каждый

выход в поле — молитва: «Еще бы немного, — сокрушенно вздохнул Али, — и я, продав урожай, скопил бы, наконец, калым, ввел бы в дом молодую жену и у меня народились бы дети, и Моя старая мать радовалась бы этому…» Мысли эти родили такую тоску, такое неизъяснимо прекрасное состояние души, что Али понял: никогда этого не будет. Да и то, что было, не вернется. И он заплакал тихими невидимыми слезами…

— «Я покинул Багдад, — продолжает Бурханиддин читать исповедь Газзали, — раздав людям свое достояние. Около двух лет прожил в Сирии отшельнической одинокой жизнью, подметая раз в день пол огромной Дамасской мечети.

Потом, совершив хадж, вернулся домой к детям, но и вернувшись, в течение десяти лет продолжал держаться в стороне от людей, оберегая свое одиночество, очищая свое сердце для богомыслия». — Бурханиддин закрыл книгу. — Я потому это прочел, что сегодня с помощью святого сердца Газзали мы будем разбирать самое главное преступление Ибн Сины — его безбожие. — И он открыл другую книгу. — Мы уже знаем, что в дом философии ведут две двери: одна — в науки теоретические, другая — в науки практические. Ключ от обеих дверей — Логика. Откроем первую дверь. здесь философы изучают Первопричину — то есть бытие бога.

В Коране бог — это Добрый, Щедрый, Богатый по отношению ко всему, что находится вне Его. У Ибн Сины же Вот (Необходимо-Сущее, как он его называет) — убогий нищий. И у нищего этого нет ничего! Никто и ничто ему не подобно. Нет у него ни товарищей, ни противников. Его нельзя даже предположить. Он свободен от всяких «сколько», «как», «какое», «где» и «когда». Все отнял у него Ибн Сина, все определения. БОГ Настолько невыразим, — говорит он, — что его может выразить только Молчание. И рисует точку. Точка — это, мол, абсолютное единство бога. В ней вся Вселенная. Все начала и все концы. Из нее все разворачивается и в нее все входит. В ней будущее обнаружение бога. Бог, видите ли, должен обнаружить свое существование, то есть создать мир. Иначе его как бы нет. И получается, что бог создает мир не потому, что хочет этого, а потому, что для него это крайняя необходимость. Бог у Ибн Сины таким образом — не ТВОРЕЦ мира, а… мне даже страшно это произнести — ПРИЧИНА его.

Вот, Ибн Сина так и пишет: «Все, что проистекает от причины, происходит по необходимости». Многие из вас, наверное, и сами это читали. Ведь я цитирую «Даниш-намэ», написанную не на арабском, а фарси-йи дари.

Итак, бог по необходимости создал мир. А раз бог вечен, то вечна и эта необходимость его существования, то есть… вечен мир. ВЕЧЕН МИР! Вы понимаете, до какого кощунства договорился Ибн Сина!!!

Бог не может, оказывается, и уничтожить мир, потому что уничтожит таким образом свое открытое обнаружение, свое существование! Вот как связал бога и мир, творца и творение…

Между богом и миром, у него, оказывается, не связь творца и творения, а… причинно-следственная связь!

У Платона бог все же был создателем мира, вкладывал идеи в материю и создавал таким образом вещи. У Ибн Сины же бог — всего лишь… причина существования мира, И то — возможная причина! Лишь когда породит она следствие — мир, станет ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ причиной!

Газзали решительно восстал против этого еретического положения философии Ибн Сины. «Ибн Сина лишил бога его божественного всемогущества, — сказал он, — его божественного свободного творчества. Причина действительна и достоверна лишь тогда, когда она исходит от ВОЛИ бога, а не от необходимости». — Бурханиддин встал, зажег хлопок и поднял его, горящий, высоко над головой. — Вот «хлопок горит… Не от огня, — говорит Газзали, — а по воле бога, потому что причинно-следственная связь, о которой так упорно говорит Ибн Сина, не обязательно-логическая необходимость», есть еще и «участие сверхъестественных сил»! В природе от кого исходит логика? Не Случай ли там царь? «Так что коли бог пожелает, то и не будет горения, даже если человека бросят в огненный столб».

Али содрогнулся и повторил про себя эти слова. Ему показалось, что Бурханиддин, говоря их, как-то особенно посмотрел ему глаза.

Да, действительно, Ибн Сина уничтожил всемогущество бога, оставив ему только роль первопричины мира и первотолчка. До полного уничтожения бога — в философском плане — оставался один шаг. Но чтобы сделать этот шаг, Ибн Сина должен был ввести в философию учение о самодвижении материн, в результате чего она перестала бы нуждаться в первотолчке: и учение о веч-: пости причинно-следственной связи. В рамках своего не-. ка Ибн Сина не мог к этому прийти: недостаточны были естественнонаучные знания его эпохи.

Кроме доказательства вечности мира через тезис о совечности бога в материи, что привел на суде Бурханиддин, у Ибн Сины есть и другое доказательство мысли о вечности материи:

«ВСЯКОЙ ВОЗНИКАЮЩЕЙ ВЕЩИ ПРЕДШЕСТВУЕТ МАТЕРИЯ».

Эти слова — знамя Ибн Сины, красота его философии. Бурханиддин объяснил их так:

— Вот лепешка. Это — вещь. Для того чтобы испечь ее, нужно иметь муку. Для того чтобы иметь муку, надо иметь землю, солнце, воду и воздух, то есть мир, «Невозможное никогда не возникает, — говорит Ибн Сина. —

А то, возникновение чего возможно (лепешка), непременно обладает возможностью бытия до своего возникновения». То есть, раз есть мука, значит, есть и лепешка, ябов любой момент ее можно испечь. Лепешка — это вещь, мука — потенциальное бытие, огонь, земля, воздух

Вода — материя, вечная возможность существования вещи. А если материя не вечна, значит, у этой материи должна быть какая-то предматерия, а у той предматерии еще одна предматерия, и так до бесконечности. Значит, никогда мы не вырастим колос и никогда не испечем хлеб. Вот и остается предположить только одно — материя вечна. То есть не сотворена богом.

Ибн Сина прямо-таки болел вопросом вечности материи и мира, — продолжает Бурханиддин. — Если говорить честно, философски глубоко обосновал его, причем в окружении торжествующей везде религии, вот ведь какую изворотливость проявил! — продержался на этом весь свой век и передал еще будущим поколениям как самую большую драгоценность. «Но бог — всемогущ, — возразил все же после смерти Ибн Сины Газзали. — Бог может творить и невозможное». То есть и без земли, без колоса сотворить хлеб. У христиан а Евангелии рассказывается, как пятью хлебами Христос накормил целый народ. Все насытились, и еще оставалось (-только хлеба, что набрали 12 коробов. — Ибн Сина же, этот узкий человек, говорите «Над невозможным нет власти», И даже у бога «нет никакой власти творить невозможное». Поистине, не порождала еще земля большего безбожника!

Али с грустью думал, что если бы раньше кто-нибудь расе казал ему все это об Ибн Сине, он никогда бы Не осквернил той ночи его стихами, «Как только жил Ибн Сина на свете?! — удивлялся он в душе. — Как смотрел на траву, в лица детей, разламывал руками хлеб, если так страшно изводил себя и других неблагодарными мыслями о боге!? Если не создал бог мира, а мир создал себя сам, то как же мы тогда одиноки! Как же тогда страшно жить… Но если бог пятью хлебами может накормить народ… — Али похолодел. Но мозг, ничего не боящийся, закончил бесстрашно: — то почему же он, — всемилосердный! — не накормил три весны назад бухарцев своими хлебами, когда они начали от голода есть друг друга?!»

Али съежился и осторожно посмотрел на небо. невинно изливалась с неба синь. Огромное поле синей надежды, синей доброты… И его пахал маленький, сотканный из света конь-солнце. И опять Али увидел несправедливость: «Как. может такая красота стоять над миром, если в нем столько слез И дерьма?»

Русские офицеры о чем-то тихо заспорили. АЛИ удивился: неужели Ибн Сина и на их небо бросил свой свет?! Али думал, что Ибн Сина — это чисто бухарское горе… «Значит, и в России, и в Турции, и в Афганистане, и в Индии — все эти солдаты и офицеры, присутствующие сейчас на суде, расскажут обо мне, темном бухарском крестьянине,

которой сидел рядом с Бурханиддином, а потом сбежал, расскажут, как тупо смотрел на всех, мечтая вырваться к себе в село подальше от этих умных, ненужных мне философских споров, разговоров, поближе к полю, к крестьянской миске, к ночным вздохам, на которые так отрадно отвечает тоже вздохами стоящий за перегородкой натруженный вол». И сердце Али защемило. Как бы плохо он ни жил, но он знал: он живет в Бухаре, в Благородной Бухаре. Когда бухарец совершал хадж в Мекку, ему говорили: «Зачем ты принте л сюда? Кто живет в Бухаре, может не ходить и хадж, Бухара священна». «Как же теперь смеются в душе русские и афганцы! Один бухарец — Ибн Сина попрал бога, другой же — я, попрал честь Бухары. Вметого, чтобы принять ни себя судьбу Ибн Сины, покаяться за него, своей смертью искупить его вину, от чего бы снова засняла честь Бухары, я сбежал, как трус. Чем отличаюсь я от той соломенной куклы в чалме? Поступи я иначе, подучила бы моя жизнь смысл».

На глаза Али выступили слезы…

— Второй вопрос, — говорит Бурханиддин-махдум, оглядывая народ. — Какие у бога и мира взаимоотношении? В Коране сказано ясно: отношения творца и творения. Ибн Сина же говорят: бог — это абсолютное единство, точка, а у точки нет сторон — значит, бог может сотворить только что-то одно. «От единого не может быть ничего, кроме единого…» Этим единым оказывается… всеобщей разум. Первый разум. И опять создается он по необходимости, потому что бог хочет быть познанным.

Этот Всеобщий разум уже не точка. У него три стороны. Одна обращена к богу и познает его, ибо Всеобщий разум — это знание бога о самом себе. Вторая сторона порождает 2-й разум и его сферу. Третья сторона порождает душу сферы, то есть ее творческую суть.

2-й разум порождает 3-й разум, 3-й разум — 4-й в так далее до 10-го разума. Соответственно у каждого разума своя сфера и своя душа. И так все постепенно спускается, истекает, нисходит до сферы Луны. Вот тут-то и начинается наш земной мир — мир простых четырех сущих первоначал: огня, земли, воды и воздуха. Вот это в есть знаменитая теория эманации. Материя, совершенствуя соединения простых четырех первоначал, постепенно создает мир камней, потом мир растений, мир животных и, наконец, мир человека.

Что же получается? Власть бога распространяется только на то, что он сам лично породил, то есть На Всеобщий разум! И все. Дальше бог бессилен — в смысле управления и влияния на развитие. Значит, нет божественного предопределения! Вот для какого кощунственного изречения открылись уста Ибн Сины! Мы то знаем: и волос с головы человека не упадет, чтобы бог не узнал об этом. Все предопределено!

Теория эманации, истечения мира от бога, от нематериальных субстанций и материальным, постепенное утяжеление материи Е есть ни что иное, как предугадывание эволюционного характера становления мира. Это удар по любой религии. мир не создается богом, — утверждал Ибн Сина, — а саморазвивается по своим, не зависящим от бога законам. Теория эманации и была взята основателями арабоязычной философии Кинди и Фараби у неоплатоников, из этих самых «Эннеад» Плотина, которые они сознательно приписали Аристотелю. Через эманацию, через ее религиозную терминологию, и можно было замаскированно изложить учение о вечности мира в окружении властвующего духовенства.

Слушая рассказ Бурханиддина об истечении бога в мир, Али вспомнил шум весеннего дождя, изливающегося на распаханную землю, тепло солнца, прогревающего корни и корешки, как бы глубоко они ни запрятались в борозды. Он всегда ощущал себя в такие минуты зерном, лежащим в пашне. Телом своим чувствовал, как пришедшая с неба влага обволакивает его, соединяет с теплом рыхлых комьев, с солнечным воздухом, проникающим в темную глубину, шорохом проснувшихся муравьев… Али слышал этот шорох, как слышал жаркими ночами, мечтая под звездами о молодой жене, дрожание и гул далеких звезд. Различал у каждой звезды свой Звук. О, эти прекрасные теплые влажные весенние ночи, в которые он прорастал вместе с зерном, чувствуя, как собирает росток силы в одну точку, пробивает головой ком Земли, заслоняющий от него солнце! Али тоже собирал свои силы в

эти минуты и отдавал их зерну, умирающему под землей но имя своего рождения. И когда пригретые солнцем ростки начинали выстреливать в мир по всему полю, Али падал без сил…

«Это, что ли, эманация? Если б я был грамотным, учился, я бы тоже, наверное, только так, через истечение, «эманацию», как говорит Бурханиддин, рассказал бы людям о мире, потому что бог — это солнце, которое пронизывает все. Конечно, может быть, я что-нибудь не так понял. Первый разум… Второй разум… Это, наверное, как у эмира: первый министр, второй министр… Ведь если эмиру надо, чтобы я, темный крестьянин, что-нибудь сделал ему, ну, коня подковал, — он не скажет мне об этом сам, а скажет своему первому министру, тот — и правителю области, правитель области — правителю нашей деревни, правитель деревни и то ко мне не пойдет!

А но целой лестнице чиновников спустит приказ, пока посыльный Саид не придет и не скажет: «Эмир просит тебя подковать коня». Так и у Ибн Сины.

— А что вы ничего не говорите о его теории отражения? — подняли головы студенты. — Ведь Это же гордость мусульманской философии! жемчужина ее!

— Гордость?! — усмехнулся Бурханиддин. — Давайте разберемся…

— А что разбираться? Вот вы нам скажите: как человек видит? Что происходит в глазу, когда он смотрит на предмет?

— Ну… Гален считает, что из глаза всходят лучи, которые освещают предмет, и потому мы видим его.

— Выходит, если мы вечером будем смотреть на вас, то лучи из наших глаз сделают утро?!

— Гм… — растерялся Бурханиддин. — Ну, есть еще теория Аристотеля.

— Знаем, знаем! Предмет излучает свет, который «сотрясает хрусталик», и потому мы видим. Вечером вам придется, уважаемый, столько излучать от себя света, чтобы он мог сотрясти хрусталики наших глаз! Иначе мы вас не увидим.

— Глупость какая-то, — удрученно проговорил Бурханиддин-махдум.

— В Европе эти две теории держались до XVII века, — продолжали студенты. — Ибн Сина же в XI сказал: «Все видимое отражается на сетчатке. Хрусталик — линза, преломляет видимое — лучи. Вот это и есть теория отражения. [79]

— А далее вы хотите сказать, — перебил студентов Бурханиддин, — что мир отражается в чувствах человека, разуме и душе, то есть человек может познать все, даже бога?

— Да! Это в есть жемчужная суть учения Ибн Сины об отражении, которой может гордиться весь мусульманский мир.

— Ну, о том, что хрусталик — линза и что он преломляет лучи. Ибн Сина узнал от известного египетского физика и врача Ибн аль-Хайсама, — сказал Бурханиддин, улыбаясь.

— Нет. Ибн Сина самостоятельно пришел к этому открытию, независимо от Хайсама.

— Ну, ему виднее… Он столько трупов перепотрошил! А по поводу теории познания, как отражения, еще Фахриддин Рази через сто лет после Ибн Сины, смеясь, возразил: «Следовательно, мы, чтобы познать прямую ли-нию, должны сами стать прямыми?! Иначе как же она отразится в нас?»

В толпе засмеялись.

— Ну ладно, пусть линия отражается в нашем Х(оз-гу, — говорит Бурханиддин. — Но есть же еще ЗНАНИЙ о линии! Как же мы получим его через отражение?!

— А вот так! — сказали студенты. — Чувства видят предмет со всеми его связями и отношениями. Так? Разум же постепенно извлекает предмет из материи, вытаскивает его конкретную суть.

— Выходит, темный неграмотный крестьянин Али, когда тут сидел и я смотрел на него,

---

[79] 8ти мысли Ибн Сины произвели потрясающее впечатление на Леонардо да Винчи.

то есть он отражался а моем мозгу, мои чувства видели в нем все: его лицо, цвет глаз, поношенный деревенский чапан, испуганный взгляд, рваные ботинки, и то, как он боится Бухары, боится меня, вздрагивает. от звука собственного голоса! Но когда этот парень открыл рот — помните, по поводу хиджры Ибн Сины? — мой разум сразу отбросил все лишнее, что видели до этого чувства, и я стал размышлять о его сути, и понял: его душа — необыкновенная душа, рал на нее нисходят такие откровения! Выходит, сначала с помощью чувств, а потом и разума, я ПОНЯЛ, ПОЗНАЛ скрытую суть Али?

— Примерно так, — сказали студенты, — А теперь я вам расскажу, как Газзали понимав! познание: «Разум нужен не для того, чтобы познать предмет на основе знания чувств, а для того, чтобы ПРЕОДОЛЕТЬ эти знания чувств. Вот как прекрасно сказал. Возьмем опять Али. Чувства мне говорят: это затравленный темный крестьянин. Разум же возражает, внешний вид еще ничего не значит! И когда разум помогает мне освободиться от обмана чувств, наступает озарение, в тогда я уже НЕ УДИВЛЯЮСЬ тому, что говорит Али, даже если он говорит о хиджре. Вот почему Газзали учил: «Достоверное знание — это такое знание, когда рассудок бессилен, но вера становится сильной, ибо разум не способен поднять завесу над всеми проблемами. Как отразятся, например, в мозгу человека те явления Вселенной, которые происходят лишь раз в тысячу лет? Как отразятся в уме человека те изменения, что происходят внутри него, когда он пьет то или иное лекарство? Разум здесь бессилен. Только око сердца, то есть незнание через откровение, может истинно открыть мир. Рациональное знание должно быть подкреплено откровением». — Бурханиддин закрыл книгу Газзали. — Добавляю от себя,

Ибн Сина со своей теорией познания. как теорией отражения, совсем утонул в интеллектуальном мышлении. А разум в море божественных тайн — слеп и низкий поклон Газзали за то, что он учит нас мыслить откровениями.

— А знает бог о том, что происходит в душе каждого из пас? — снова спросили студенты.

— Ибн Сина говорит: бог не знает ничего конкретного о человеке, так как занят познанием абсолюта. Бог у Ибн Сины — безразличное к человеку, холодное, жестокое существо. Газзали же говорит: «И пылинка не может укрыться от взора бога! Вот как он добр к нам».

— Воистину так! — сказали в толпе, и многие опустились на колени.

Али тоже встал на колени и тут увидел совсем близко Муса-ходжу. Слепой старик стоял, подняв к небу лицо, и Али понял: старик плачет в душе и молится. Но не за Али… За Ибн СинуПосле заседания народ встревоженно ходил по Бухаре. По всем чайханам и домам до ночи только и было слышно: бог… Ибн Сина… Газзали…

— Бог — это… ну, Аюб! [80] Понимаешь? — объяснял один старик другому в тени чинары у водоема Ляб-и хауз. — Захотел Аюб пить, ну, то есть жить. Ударил палкой и сотворил родник. Но дальше Аюб к этому роднику не имеет уже никакого отношения. Так говорит Ибн Сина. От родника образуется море — мир. Но создал это море не Аюб. Аюб создал только родник, дал толчок к возникновению моря. Море же родилось само. От родника. И будет это море вечно, как вечна жажда Аюба, то есть его желание Жить.

— Так море и создал Аюб?

— Нет! Аюб создал только родник

— А море Кто создал?

— Само оно себя создало! Из родника! Аюб — это только первотолчок моря, то есть мира.

— Значит, не бог создал мир?!

— То-то и оно!

---

[80] и Аюб — мусульманское ими пророки Иовы, В Бухаре одним из самых древних и почитаемых Памятников является Чашма Аюб (источник Аюба). XII век. Согласно преданию, когда не было еще Бухары и народ умирал от жажды, Аюб ударил посохом о землю, где стоит сейчас Чашма Аюб, в открылся родник.

Эмиру доложили о том, что творится в Бухаре. Алим-хан был счастлив. «Вот он, ваш безбожник И еретик Ибн Сина! Посмотрите на него изнутри. Узнайте по-настоящему. И возлюбите меня — истинного вашего защитаника».

Но Ибн Сина сам поднялся на свою защиту. От дома к дому уже шагали его стихи:

Завистники но мне старались вызвать гнев,
Но я сдержал себя, его преодолев.
И в придорожный прах отбросил потому
Я каждого из них, подобного дерьму.
И не подняться им из праха никогда.
И выше звезд других взошла моя звезда.

«Кажется, для меня все живое кончено, — написал в тот день письмо в Россию русский офицер, — События, мой друг, все растут, а я умаляюсь. Привязанности остыли, и я благодарю бога за это. Моя жизнь уподобилась тихой и немой борьбе за существование, которое ведут растения подземными своими частями. И скоро будет конец. Настоящий конец, И мы не встретимся с вами уже никогда. Я понял это сегодня с неотвратимой ясностью, когда стоял на площади Регистан. Великий мудрец Авиценна поразил меня своим учением о ДУХЕ. Раньше душу рассматривали только под углом взаимосвязи ее с телом. Авиценна же ввел еще и дух. Никто до него не рассматривал душу в соотношении с духом. ОН искал не единства тела и души, а единство тела, души и духа. Это его философское открытие.

Телом мы познаем мир в пространстве. Душой — но времени (опыт поколений). Духом — вне времени и пространства.

Чувственно воспринимаемые тела — основа мыслимого для разумной души, — говорит Авиценна. — Разумная душа все больше и больше отделяется от материи и приближается к истинной своей природе — духу. У души есть градации в зависимости от ее связи с телом: растительная душа и животная целиком. подчинены телу. Они отвечают за рост тела, развитие его и размножение… Разумная же душа — уже не материальная субстанция, хотя еще и связана с телом, — с гибелью тела, как говорят Авиценна, — гибнет все: и тело, — и душа. И тело потом и воскресает, потому что рассыпается в земле на составные своя части. «Если ты поразмыслишь, — пишет он в юношеском трактате «Освещение», — то будешь знать, что вся Поверхность и обжитых земель состоит из тел покойников, смешанных с землей, превращенной в поля, где выращивают зерно, служащее пищей для людей».

Или вот еще такой его стих:

И мир предстает мне обителью знати и черни.
Где хаос и тлен, где пируют могильные черви.
А может быть, сам он — мертвец, преисполненный гнева.
Червей этих жрет, ублажая голодное чрево?[81]

И это за 500 лет до Шекспира он выразил с таким трагизмом эту мысль!

Дух, — говорит Авиценна, — это труд ума и души, — единственная ценность, ради которой нужно и стоит жить. «После гибели тела ЭТО не погибает, а продолжает существовать вечно». Дух — это сопричастность человеческого разума к Деятельному разуму — господину подлунного мира. Бессмертие человека и рай — в его духовности. Ад — отсутствие ее в человеке. Самые страшные муки — это когда человек проснется и начинает понимать свое несовершенство.

---

[81] Перевод Козловского

Таким образом, у Авиценны налицо превосходство духовного над телесным — в этическом плане. И люди, согласно этому новому его удивительному учению, бывают трех родов: телесные, душевные (разумные) и духовные.

То, что духовность не умирает, а собирается и составляет Деятельный разум, который стоит над нами, как облако, — чистое жемчужное облако Духа, — разве не созвучно это тому, что начал у нас проповедовать в Петербурге В. Вернадский? Не его ли это Ноосфера? Ведь Ибн Сина говорит: «Деятельный разум есть сверхъестественное, сверх материальное, от материи не зависящее сущее, в котором запечатлены все формы чувственнопостигаемых и умопостигаемых вещей», — то есть духовный опыт человечества. И в стихах он говорит.

Каждый образ и каждый исчезнувший след В усыпальницу времени лягут на тысячу лет.

И на круги своя наши годы когда возвратятся.

Сохраненное бережно явит всевышний на свет! Не об этом ли писал В. Вернадский графу Л, Толстому? Помните, вы показывали мне его письмо от 1893 года? «Был у нас Л. и, Толстой. С ним продолжительный разговор об идеях, науке и бессмертии души (духовном бессмертии). В учении Толстого гораздо более глубокого, чем мне то казалось… И это глубокое: основа жизни — искание истины, и высказывание этой истины без всяких уступок, Я думаю, последнее — самое важное, и отрицание всякого лицемерия и фарисейства и составляет основную силу учения, так как тогда наиболее сильно проявляется личность, и личность получает общественную силу».

Все это, не меняя ни единого слова, я Мог бы сказать и об удивительном Авиценне. С каждым разом он все более и более потрясает меня. Особенно его честность. Потому и понятен он так и так современен, так живо любим и ненавидим.

Согласно этому новому его учению о духе, его душа бессмертна и смотрит на нас.

Если бы вы видели, мой дорогой друг, что творилось на площади Регистан в конце заседания!..»

— Мало того, что Ибн Сина приблизил бога к состоянию мертвеца, — покрывая Шум толпы, читает Бурханиддин из книги Газзали. — Мало того, что бог ничего не знает у него о совершающихся в мире событиях, так он, этот безбожник, отрицает еще и телесное воскрешение! Отрицает ад и рай!

Крики возмущения в толпе.

— Подобное не утверждал еще ни один мусульманин! — восклицает главный судья, не в силах перекрыть бурю негодования.

Толпа неистовствовала:

— Вероотступник!

— Еретик!

— Безбожник!.

— Смерть ему!

И все стали крушить соломенную фигуру.

И Али кричал. И Али со всеми кидал камни в чучело…

Как вдруг увидел повернутое к нему страшное, белое, мертвое лицо Муса-ходжи!

Муса-ходжа узнал голос Али. И в ужасе слушал, как Али кричал со всеми: «Смерть Ибн Сине!»..

По лицу старика из мертвых его, слепых глаз текла слезы.

Русский офицер отдал свое письмо консулу. Тот покрутил конверт, прочел адрес: «Россия. Троице-Сергиевская Лавра…» — и сказал:

Скорее в рай оно дойдет, если хоть он еще существует!

VIII «То, что уничтожается, расцветает…»[82]

82 Лао-цзы

Похоронив в пустыне Масихи, Ибн Сина пришел в Нису и поселился в ханаке, только что построенной сукновалом Даккаком. Просидел в келье несколько дней, ни с нем не разговаривая. Сукновалу сказали о странном дервише и позвали знахаря. Знахарь взглянул в лицо Ибн Сине и тут же отошел. Даккак тоже испытал необъяснимое волнение. Уж не Абу Саид ли это — святой, у которого две хырки? А может, Махди — седьмой скрытый мам?

Даккак поставил перед Ибн Синой кувшин с ключевой водой, положил хлеб, поцеловал край одежды и ушел.

Ибн Сина разжал ладонь… На ладони потемневшая от времени маленькая иконка Масихи, которую он снял с груди умершего друга. На обратной стороне иконки нацарапано: Иса ибн Яхъя Масихи[83]. Иса — так в Коране именуется Иисус Христос. Яхъя — Иоанн Креститель, а Масихи — Мессия, Иконка эта — целый трактат. В лаконичном ее рисунке, покрытом потрескавшимся лаком, вся суть учения Неизвестного философа.

Изображение иконки разбито на три ряда. В верхнем, в центре — бог. Над ним надпись — «Высшее добро». По левую я правую стороны от него — семь фигур, семь его проявлений, через которые он является, невидимый, миру, семь его имен: Справедливость, Добродетель, Разум, Истина, Сущность, Жизнь (человек), Мудрость (религия).

Второй ряд: в центре — «бесформенная материя» (так и написано на ободке). По бокам — два организующих начала: слева Время (старик), справа Пространство (девушка). Оба держат в руках таблички со своими обозначениями.

Третий ряд: организованная материя — «сотворенная и не творящая», как написано на верхней границе ряда, Четыре квадратика в этом ряду. Слева направо:

Мир небесных тел, звезд, «небесное племя» — их представляют ангелы, олицетворяющие субстанцию «огня».

Мир крылатых — «воздух».

Мир подводных — «вода».

Мир человека — «прах», «земля».

И последний, низший, ряд — Христос, все вбирающий в себя. И написано: «Конец».

«Господи! — удивился Ибн Сина. — Ведь это же путь человека от бога, как Причины, вниз, в мир, — и обратно, вверх, к богу, но уже как к Цели!» И тут к Ибн Сине в подошел хозяин ханаки сукновал Даккак и поставил перед ним воду и хлеб.

«Ах, Масихи, Масихи… Как тяжело ты умирал! Будь проклята эта песчаная буря, задушившая твое сердце. Никогда мне не забыть твой остывающий голубой взгляд»… Всю ночь греб Ибн Сина руками песок вокруг его могилы. Но ветер делал напрасной работу. Ибн Сина боролся с ветром до утра. А уходя, оглянулся — роевая пустыня, не на чем остановить взгляд… Только что он был с Масихи, завернутым в его чалму… Пустыня поглотила друга, стерла, как сотрет нас время.

Ибн Сина отвернул к стене исказившееся от сдерживаемых рыданий лицо. Мысли, как крылья птицу, поддерживали его, а теперь он летел, сломя голову, в страшное, слепое отчаяние. «Масихи, Масихи… Это я сгубил тебя!» Слезы все-таки вырвались и полились по щекам. Но тут же мысли подхватили упавшую душу, и стало легче дышать.

Ибн Сина отер руками лицо, налил в кружку воды, отщипнул кусочек хлеба.

Тихо сидели в полумраке люди. Кто-то заунывно молился, кто-то пел. Вов прошел хозяин, неся промытые листья подорожника старику, надсадившему ногу.

В минуты всенародного горя как вспыхивает человечность! Этот сукновал Даккак всю жизнь копил деньги на строительство дома для сына и на его свадьбу. А случился голод, построил для парода ханаку, чтобы было где преклонить голову несчастным, потерявшим дом и семью. «Так что же такое человек, которого Неизвестный философ поставил рядом с богом. Как одно из своих Проявлений?» — опять взмыла от земли Мысль. хозяин бьет

---

[83] Известен под куньей Абу Сахль (Масихи),

раба… Философия все время смотрела На бога в, не отрывая от него глаз, принимала из рук раба хлеб. (Мысли, туман сердца, снова заслонили от Ибн Сины мир.)

Первым, кто опустил глаза книзу и посмотрел на раба, был Сократ. Он сказал, «Прежде, чем куда-то идти, надо познать человека». Был IV век до н. э.

О природе человека думали с тех пор, как появилась власть. Хозяин хотел знать природу раба, чтобы легче было им управлять. Конфуций в V веке до н. э. учил, человек от природы не добр, и не зол, а дик, как растение, выросшее в горах. Человека надо окультивировать, то есть воспитать. Тогда к хозяину «со всех четырех сторон будут идти люди с детьми за спиной».

— Нет, — сказал ученик Конфуция Мэн-цзы, — человек, как вода. Куда бы она ни потекла, будет течь только вниз. Что бы вы ни делали с человеком, он добр. Надо лишь вовремя кормить его, — Человек от природы зол, — сказал другой ученик Конфуция. — Зол из-за врожденном алчности. Хозяин необходим, чтобы помочь людям ужиться друг с другом.

— Да никакое воспитание не исправит низкой природы человека! — говорит Шан Ян. — Ев можно лишь пресечь насилием. Идеальный хозяин — бездушная машина. «Добродетель рождается от наказания, справедливость — от смертной казни. Человеку надо оставить войну, земледелие и страх, а не совесть, упорядоченную унифицированную пропаганду, а не философию и искусство: взаимодонос, систему круговой поруки, поощрение за труд и лозунг равной возможности для всех — видимость свободы, а Не искренность в отношениях».

— Постойте, — остановил всех Сократ. — Ведь я говорил: познать ЧЕЛОВЕКА, а не раба! Тогда только мы познаем мир.

И низко кланяется ему с другого конца земли седой ребенок Лао-цзы…

Ворвались в ханаку дети. Ибн Сина вздрогнул. Проследил, как подошли к одному, другому. Просят есть. Люди отводят от них глаза.

Никто не знает, когда родился Лао-цзы. Никто Не знает, где он жил, где похоронен. О Конфуции же знают все.

Лао — это когда раб сам задумался о себе. Трудно рождалась его мысль, долго он творил ее в молчании.

72 года носила его мать в чреве, поэтому и родился он седым. Ничего не известно, о Лао. Остались только его мысли и его седина И никто не видел его умершим. Разве может умереть мысль народа о самом себе? Говорят, Лао сел на быка □ удалился на запад, оставив людям Книгу.

А скрылся он, поднялись с востока багровые облака, Мо-жет, с этих пор и стали китайцы говорить: «Умереть — значит вернуться на запад»? Ибн Сина вспоминает китайского монаха-даоса, отставшего по болезни от каравана, везущего в Византию шелк, Ибн Сина и Масихи столько. возились с ним, вылечили, — и в благодарность он рассказал им о Лао.

Лао сказал хозяевам:

«Когда власть спокойна, народ — простодушен.

Когда власть деятельна, народ — несчастен».

Лао сказал народу:

«Пусть все идет своим естественным путем… Тогда вы станете частицей великого безымянного Дао, которое лишено страстей, не участвует в борьбе противоположностей, а спокойно наблюдает ее. Иначе вы будете частицей конечного Дао — материи и попадете на наковальню между Небом и Землей».

Народ говорит: Конфуций и Лао встретились однажды. и долго говорили между собой. Потом Конфуций сказал:

«О птице я знаю, что она может летать. О рыбе, что она может плавать. О животном, что оно может ходить. Птица может быть поражена стрелою. Рыба — поймана сетью. Животное — капканом. Что же касается Дракона, то я не могу знать, что с ним можно

сделать, потому что он на облаках уносится в небо. Я видел Лао. Не походит ли он на Дракона?»

Лао — это иррациональное знание, — понял Ибн Сина. — А на другом конце земли Аристотель рациональное знание, говорит: бог и человек — существа разнородные. По учению Эмпедокла «подобное познается подобным». Значит, не может человек познать бога и мир.

Пока спорили философы, хозяин продолжал бить раба…

И раб, наконец, решил изменить свою судьбу. Восстал.

С этих пор не только Хозяин, эта оторванная от житейских проблем Мысль, но и раб задумался о месте человека в мироздании.

У народной Мысли свой путь. Первая книга, которую народ прочёл, — восстание. Какое бы знамя ни взвивалось, на нем одно слово — Достоинство. Фараби и Ибн Сина считали рабством лишение человека именно достоинства.

Римский вассал Антиох IV убил 40 тысяч иудеев в 169 году до н. э., а 40 тысяч увел в рабство. Через четыре года народ возглавил Иуда Маттия из Хасмонеев, рядом встали шесть его братьев, благословенные матерью, И только через 27 лет Иудея ценою тысяч и тысяч жизней добилась независимости. Погибли и все семь братьев, и Первая мысль первой этой прочитанной рабом книги — культ страдания за веру.

Потом поднялись римские рабы, возглавляемые Спартаком. А на восточном краю земли — китайские крестьяне, возглавляемые даосским мудрецом. На знамени лозунг — «Путь великого покоя».

«Покой, — учит Лао, — это возвращение к жизни. Возвращение к жизни — это постоянство.

Постоянство — это мудрость.

Мудрость — это когда искренним я верю так же, как и неискренни.

Хотя люди и злы, нельзя совсем бросить их.

Самое высокое человеколюбие — любовь к врагу».

По 500 тысяч крестьян убивали китайские императоры, громя восставших. По 300 тысяч закапывали живьем. Увидев на улице трех крестьян, один император сказал: «Похоже, здесь еще много народа!» Были периоды, когда от 50 миллионов китайского народа оставалось… 5 миллионов.

До появления христианства учение Лао-цзы было вер шиной нравственного учения человечества. Это вторая великая мысль народной философии.

Но путь борьбы не освободил раба. Даже там, где была победа, все сходило на нет. Переродилась династия Хасмонеев — сама стала Хозяином, сама завела рабов, Новое мощное восстание, возглавляемое Иоанном Крестителем и его преемником Иисусом Галилеянином, залито кровью. Хозяин, сам бывший когда-то рабом, бьет сильнее всех… Окончились поражением восстания и на Востоке — Маздака, Муканны. Беруни много писал о них. Осталась последняя надежда — на чудо… Это третья мысль народной философии.

— Эй! — жолкнул кто-то Ибн Сину. — Подвинься! —

И вонзились в лицо недобрые глаза.

Ибн Сина накинул на голову чапан, лег на кожаные мешки с рукописями, чтобы закрыть их. Однако пальцы незнакомца быстро ощупали поклажу.

— Что у тебя там? камни, что ли?

— Оставь его! — строго сказал сукновал Даккак. — Иди, я дам тебе место.

Незнакомец встал и будто нечаянно скинул все же чапан с лица Ибн Сины и еще раз остро его оглядел. «если он сейчас выйдет на улицу, — подумал Ибн Сина, — я тотчас уйду через другую дверь», — и стал следить за незнакомцем. Но не прошло и минуты, как поднялась в душе мысли, и сладость слияния с ними стерла настороженность.

«Юношеское время мира уже прошло, — сказали порвавшие с миром философы-рабы. — Лучшая пора творений давно уже пришла к концу, и время почти уже прошло, почти миновало…»

Толпы народа, сознательно вышедшие из жизни, ушли в пустыню, чтобы там, вдали от Лжи, попробовать создать царство Правды. Этих отшельников стали называть «ессеи».

«Как птицу из гнезда, так меня вытолкнули из моей. страны, — поют они в своем гимне. — Все мои друзья от меня отступились, считают меня разбитым сосудом…»

Ибн Сина вспомнил слова, сказанные как-то Беруни: «Ессеи процветали за 400 лет до Ария»[84]. О, этот Беруни! Как много он знает! Ему доступна литература на греческом и древнееврейском, сирийском и персидском, арабском, тюркском языках[85]. Он читал греческого поэта Омира. Пятикнижие, Библию. Он понял ессеев — это великое нравственное чудо человечества. Говорит же древняя восточная философия зороастризм, что даже когда все погрязнет но Лжи и Тьме, все осквернится и погибнет для чистой, истинной жизни, останется маленький островок праведных, которые возродят Правду. Это — Закон Жизни, ее самоспасение.

Но отрешившись от мира, ессеи не отказались от его прежних духовных открытий. Они и остались на земле для того, чтобы спасти эти зерна жемчуга, затоптанные в грязь. В мертвой пустыне стали размышлять над откровениями.

Фракийский Дионисий, фригийский Аттис, египетский Осирис, финикийский Адонис, месопотамский Таммуз, персидский Митра, среднеазиатский Сиявуш — все это один и тот же вечно умирающий и вечно воскресающий бог. Недаром веками стояли жрецы всех религии на верхних площадках храмов и искали приметы для определения начала паводков Нила., Тигра, Евфрата, Джейхуна., Они узнали, что 25 декабря каждый год рождается Солнце. а 22 марта Бык борется со Львом, и никто не побежу лает, наступает равноденствие. И сказали жрецы: «Празднуйте рождество бога 25 декабря, а воскресение его — 22-го марта».

Но рабу, похоронившему Спартака, семь братьев Маккавеев, Иоанна Крестителя, Иисуса Галилеянина, даоских мудрецов, Маздака, Муканну, тяжело было каждый год воскрешать и хоронить надежду. Постоянно возвращающееся воскресение бога он запретил себе. Бог может прийти только два раза: один — для страданий, другой — для торжества.

Пятьдесят градусов жары. С марта но сентябрь ни одной капли воды. В Мертвом море нет живых организмов. Единственный источник пресной воды — Айн Фемха в 12 километрах от Иерихона. Ессеи выращивают финики, собирают дикий мед, плетут корзины, циновки, молятся на рассвете, читают (у них огромная библиотека), пишут книги. Ессеи сами себя изгнали в ад, чтобы вызвать укор совести у тех, кто сделал их жизнь невыносимой. Раб сам себя заковал в цепи и выставил на солнце, чтобы сделалось стыдно хозяину. Был и такой наивный способ борьбы у человечества…

Эта наивность, вечная наивность чистой благородной души — тоже сокровище прежнего мира, не принятое им, осмеянное…

А выстраданная вавилонянами идея греха! Черная от грусти мудрость: Грех — это неправда. Притеснение слабого. Когда ссоришь отца с сыном. Неблагородное отношение к жене друга. Когда честен языком, а сердцем лжив. Преследование правого но имя замысленной несправедливости, Когда учишь нечистому…

Знали ессеи и откровения зороастризма… Как много спорили об этом Масихи и Беруни! Ах, Масихи…

Внезапный шум заставил Ибн Сину снова натянуть на голову чапан. Лишь бы не отняли последнего — счастья лежать вот тут, в углу, вповалку с гонимым горем несчастным людом и плакать, думать, вспоминать. Вот сидит из ковре, в доме у Беруни, Масихи и наливает всем чай… Ибн Сина берет из его рук пиалу. Масихи разламывает лепешку… Было же такое счастье! О чем они только не говорили тогда! И Беруни говорил о ессеях.

---

[84] Арий — священник из Александрии, III в.

[85] Позже Беруни выучит еще и древнеиндийский (санскрит).

Да, ессеи знали откровения зороастризм. Знали мудрость их циклов. Первые три тысячи лет Свет — Ормузд Тьма — Ахриман существуют параллельно, не Касаясь друг друга. Свет создает, идеальный духовный мир. ОД Тьма обнаруживает Свет, и ей ничего не стоит стереть его. Ормузд силою Слова добивается передышки в три тысячи лет. И создает за это время через мир камней, растений и животных Человека и Быка — своих воинов. Начинается бой с Ахриманом. Длится три тысячи лет. Ахриман убивает Человека и Быка, но не семя их. Ормузд загоняет Ахримана под землю.

В следующие три тысячи лет разворачивается жизнь человечества, и рождает оно Заратуштру для последнего боя с Ахриманом. В конце этой борьбы на землю польется расплавленный металл. Это и будет последний суд миру. Суд огнем и металлом:

Но не все люди погибнут. Останется островок праведности. И потомок Заратуштры — Саошьянт воскресит человечество. И произойдет окончательное разделение Света и Тьмы, духа и материи, мысли и чувства. А потом все повторится сначала.

— Платон знал учение зороастризма, — говорит Масихи, срезая серебряным ножичком кожуру с яблока (как защемило сердце у Ибн Сины, когда он вспомнил это!). Корни философии Платона в зороастризме. Ведь он разорвал духовный и материальный мир, мысль и чувство. И халдеи недаром называли его Саошьянтом!

«Что могло еще поразить ессеев в зороастризме? — думает Ибн Сина, лежа в углу ханаки. — Наверное, то, что судьба отдельного человека составляет в нашей древневосточной философии часть вселенского конфликта Добра и Зла. И то, как просто, тепло обращался человек к богу: «Я спрашиваю тебя, скажи мне правду…»

Удивительна и нравственная Троица зороастризма, Благая мысль. Благое слово, Благое дело. Жрецы носили на теле святую веревку с тремя узлами. Перебирая их, сосредоточивались на Троице…»

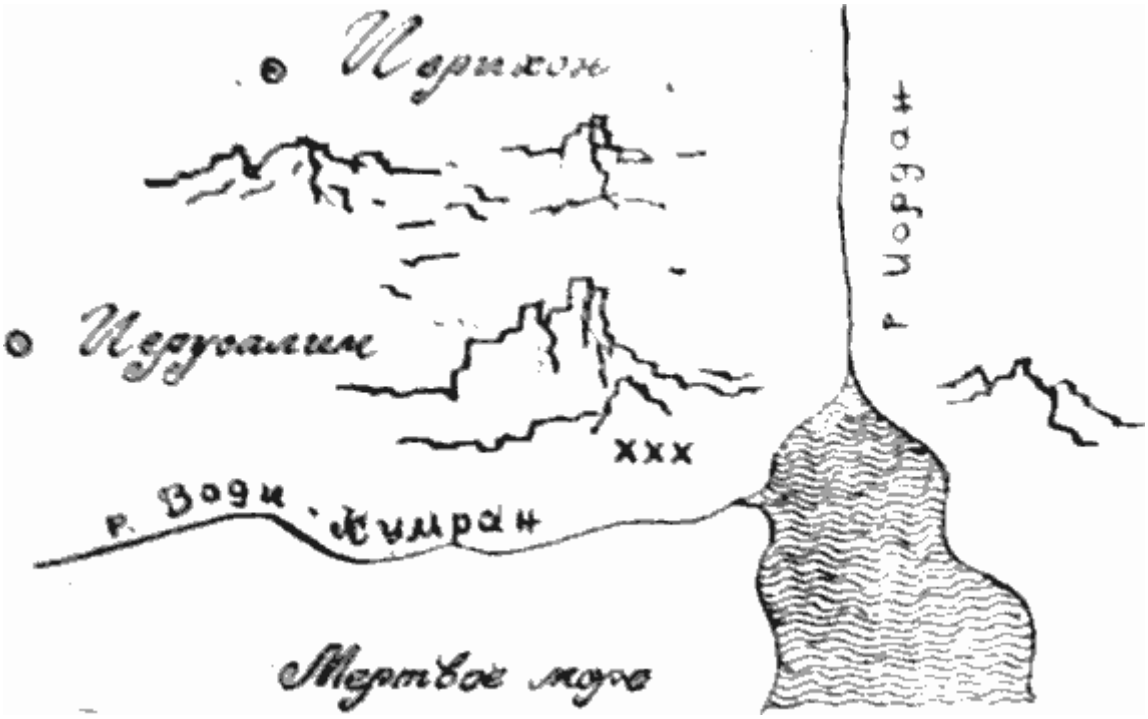
Не все было ясно с ессеями. Многое поглотило время. Прекрасная фреска, написанная синей и яркой алой краской, оказалась покрытой белыми пятнами забвения… Потому-то так и спорили горячо Масихи и Беруни.

До середины XX века мы тоже почти ничего не знали о ессеях. Имели лишь несколько свидетельств о них.

И вдруг… Однажды в жаркий апрельский день 1947 года юноша-бедуин из племени таамирэ Мухаммад Диб

(Мухаммад — Волк) потерял недалеко от Иерихона, и местечке Вади-Кумран, овцу и в поисках ее обнаружил пещеры, а в них огромные глиняные кувшины, опечатанные смолой. В кувшинах же — кожаные свитки с текстами 40 тысяч обрывков кожи, пергамента, папируса, медных пластинок, написанных на восьми языках!

Пещеры ессеев!!!



Десять лет разбирали ученые обрывки книг. Образовалась целая наука — Кумрановедение, Более трех тысяч работ вышло за 20 лет со дня открытия пещер. Стал выпускаться специальный журнал в Париже: «REVUE DE QUMRAN.

Подтвердилась правильность даты Беруни. Да, действительно, расцвет ессеев, который, по Беруни, был за 400 лет до Ария, надает на и век до н. э., а жили они на берегу Мертвого моря более тысячи лет: с III века до н. э. почтя до VIII века н. э. Подтвердились и предположения ученых, что, перерабатывая известные им откровения мира, ессеи искали образ нового Мессии: в пещерах найдены книги пророков, обличавших в VIII–VI веках до н. э. царей.

Бесценное достояние человечества — эти книга — этические корни великой нравственной революции человечества. Пророки обличали царей от имени бога. Их убивали, четвертовали, забивали камнями — они все равно выходили на площадь в отрепьях, с длинными волосами и, оглядывая народ горящими глазами, от имени бога говорили: «Народ мой! Что сделал я тебе? Богачи исполнены неправды. И жители говорят ложь. Все строят ковы, чтобы проливать кровь. Руки их обращены к тому, чтобы уметь делать зло. Начальники требуют подарков. И судьи судят за взятки. А вельможи высказывают злые хотения души и извращают дело. Лучшие из них — как тернь, и справедливый — хуже колючки»[86].

Пророк Иезекииль съел, но преданию, свиток, данный ему богом, на котором было написано: «И плач, и стопы, и горе». За свои обличительные проповеди растерзан конями.

Пророк Иеремия… «Разве упавшие не встают? И совратившиеся с дороги — не возвращаются? В сердце моем — палящий огонь. Истомился я, удерживая его…» Убит камнями.

Пророк Исайя — племянник царя. Оставил богатства. Бог коснулся его, как говорит предание, горящим уголь-ком, очистил огнем лгавшие когда-то уста… 60 лет обличал он царей. И 120-летнего его распилили деревянной пилой… «И перекуют мечи на орала, — говорил он. — Народ на народ меча не поднимет. И войне они больше обучаться не будут».

Особенно помог ессеям прозреть нового Мессию — Осия. Он проповедовал светлое будущее от светлой доброты бога. «Повернулось но мне сердце мое. Не сделаю по ярости гнева моего, ибо я — бог, а не человек… От власти ада я искуплю вас. Смерть! где твое

---

[86] Пророк Михей

жало? Ад! где твоя победа?»

«Утренняя заря — явление его, и он придет к нам, как дождь, как поздний дождь оросит землю».

У ессеев, в одной из их сект, — назареев, самой жизнерадостной, — и прошли, как считают Некоторые ученые[87], загадочные годы жизни Иисуса Христа с 12 до 30 лет, о которых ничего не сообщает ни один источник, ни память народная, ни легенды… Б другой же, более суровой и аскетической секте, вырос, по предположению ученых, Иоанн.

Саддукеи и фарисеи казнили Иисуса не за то, что он назвал себя царем Иудеи, въезжая на осле в Иерусалим, а за то, что назвал себя Сыном Человеческим, который Сядет по правую руку бога…

Ибн Сина достал иконку Масихи и еще раз внимательно посмотрел на первый ее ряд. Вот он— человек (Жизнь), стоит рядом с богом. А ведь философски первым это положение обосновал Неизвестный философ. Ничего не знает о нем Ибн Сина, ни имени его, ни рода, ни возраста, где и когда жил. Может, тоже распяли его или распилили деревянной пилой? Может, ушел он на запад, в море заката, как седой ребенок Лао-цзы, и встали при этом с востока багровые облака? Скрылся Неизвестный философ в имени Аристотеля и в книге «О высшем Добре».

Темнее всего бывает перед рассветом… Пока ессеи набирали силу в III — и веках до н. э., античная философия все еще пыталась выбраться из тупика, в который ее вогнал Платон. Пока но И и III веках христианство, напитавшись эллинизмом, иудаизмом и греко-римской философией, начало распространяться усилиями учеников Христа и богословов, античная идеалистическая философия обратилась к Востоку, ища основы, на которой можно было бы возродить идеализм Платона. А когда христианство стало уже в IV веке государственной религией Рима (Хозяин понял, что лучше признать религию раба и тихо, незаметно повернуть ее против него Же самого) — античные философы **%** все еще бились: одни — над попыткой оживить философию Платона, сраженную вопросами Аристотеля, другие — над продвижением вперед философии самого Аристотеля.

Античность системы не создала. Даже не замахнулась на такое. На создание системы греки смотрели как На вульгарность. Ведь система — это остановка. Счастье не столько в Истине, сколько в поиске ее. И даже когда 5 Истина неожиданно открывалась, они убивали ее. Скепсисом. Десять раз убивали! И если после этого она все же выживала, признавали, но и то не сводили с нее остроследящих, размышляющих глаз.

Ценился критерий Истины, — ее палач. У Платона им было мыслимое. У Гераклита и Эмпедокла — чувственное.

У Аристотеля — мыслимое и чувственное. У Протагора — выгода. Ксеанид же угрюмо сказал: «Нет ничего истинного».

Неоплатоники (поздние последователи Платона) горько смотрели на то, как добивали зашедшую в тупик идеалистическую философию скептики — всеразъедающим скептицизмом, эпикурейцы — жизнелюбием.

Первая попытка спасти античный идеализм — это Плотин, родившийся через шесть веков после Аристотеля. Житель Египта, он завербовался солдатом к римскому императору Гардиану в его персидский поход, чтобы, самому увидеть и познать Восток, откуда пришла в Грецию философия. Вернулся, обогащенный тремя таинствами восточной философско-религиозной мысли: идеей эманации бога, истечением его в мир, дуализмом — борьбой Света и Тьмы, Добра и Зла, и экстазом — постижением единой сути бога через божественное откровение, любовь, слияние мира множественности и мира Единого.

— И знаешь, как ему удалось это сделать? — поворачивается к Али Муса-ходжа. — Подложил две бочки с порохом в тот тупик, куда загнали Платона вопросы Аристотеля. Одна бочка — мысль Эмпедокла о том, что «подобное познается подобным». Философы тут

---

87 Фримантель.

же напустились на Плотина: «А разве подобен человек богу?!» Тогда Плотин прикатил другую бочку пороху — мысль Платона о том, что «душа человека познает бога потому, что она — богоподобна». Соединил обе бочки смоляной веревкой и поджег. Побежал огонь к пороху. Побежала мысль Плотина — «действующий по ПОДОБИЮ сближается с богом», и взорвался тупик. И хлынул в античный идеализм свет.

«Неизвестный философ ввел незаметно Аристотеля в дом философии Платона, оживленной Плотином, — думает Ибн Сина, — разработал на аристотелевских тезисах основные вопросы, стоявшие тогда перед миром».

Мысли Ибн Сины прервали какие-то люди, подошедшие к нему с саблями в руках. Они вытащили его из угла, где он лежал, накрывшись чапаном, и повели при огромном скоплении народа в ближайшую мечеть.

В темном углу мечети проступил навстречу ему величественный человек в сверкающей золотой одежде — царь Нисы. В руках он держал портрет Ибн Сины.

Остались наедине.

— Я получил это, — сказал царь, — от султана Махмуда вместе с предписанием изловить вас и отправить в Газну. Все видели, как вас вели по улицам. К Махмуду уже скачет тайный его шпион доложить это. Ну и дальше… Дальше вы сбежали по дороге в мой дворец или тюрьму. Поняли?

«Абу Али был у нас, но давно ушел», — написал потом царь Нисы Махмуду по прибытии гонца от него с грозным предписанием немедленно прислать голову Ибн Сины. Так рассказывает историк XVI века Казвини.

Вот и осталась позади Ниса — житница Хорасана, винный погреб парфянских царей, слава Александра Македонского.

— Эх! Почему я, глупый, не научился плавать, крикнул Александр, кидаясь в мощную по весне, иол ем полную реку, а за ним кинулось и все его войско. Так взяли Нису. Через 250 лот тысяча и тысячи пленных римлян — воинов Красса, того, кто подавил восстание Спартака, шли через этот город. Сам Красс погиб и битва парфянским царем в 53 году до н. э. Более 20 лет пылились римские знамена в углу главного зороастрийского храма Нисы. Марк Антоний, возлюбленный Клеопатры так и не смог отбить их, таких воинов, как парфяне, римляне еще никогда не выдели: «сбросили они с себя по кров, — пишет римский историк и века Плутарх, — и предстали перед римлянами пламени подобны — в шлемах в латах из ослепительно сверкающей стали, даже кони в латах».

Вспомним хуннов, тюркютов, саков, кушан… Они тоже поражали врагов железными доспехами. Одна у них родина — Центральная Азия, откуда они все и пришли. Одна кузница — Алтай.

Все дальше и дальше Ниса — боль Ибн Сины, развеянная ветром могила Масихи…

Из дома чуть свет я уйду за высокой звездой.
Уйду от сует, что меня окружают ордой.
Оставив одежду в руках материнских, уйду я.
Чтоб, как Иисусу, омыться святою водой… [88] —

сложились в душе Ибн Сины стихи.

Все дальше и дальше ханака сукновала Даккака. Судьба удостоила его чести построить на пути Ибн Сины убежище…

А навстречу Хусайну по большой дороге, ведущей в Тус и Нишапур, движется горе народное, толпы сраженных голодом и холерой крестьян. Индийские походы Махмуда обогащали лишь султана и его армию. Со всех сторон стекались к нему добровольцы — газии. Средства на их снаряжение собирались с народа, как и средства на содержание двора и

---

[88] Перевод Я. Козловского.

государства. А тут в последние годы случились из-за сильных морозов неурожаи. Крестьяне потеряла и без того с трудом удерживаемое равновесие между жизнью и смертью. Оставалось нищенствовать, скитаться, что все равно вело к голодной смерти. Вот тут-то

Теперь от ханаки осталась лишь оплывшая гряда длиною 800 м на запад от Новой Нисы.

И многие молодые мужчины и начали уходить добровольцами к Махмуду.

Глазам Ибн Сины открылась страшная картина, когда он шел по направлению к Тусу, на запад. Поля запущенны, вместо пшеницы — дикая трава, засорены листьями осени каналы: никто весной их не чистил, обвалились крыши, разорвались лозы винограда от обильных зимой снегов, и опять ни одна рука не поднялась поправить беду.

«А хлеб имелся в Нишапуре в достаточном количестве, — пишет историк Махмуда Утби. — На всех дорогах поставил султан солдат, чтобы они не пропустили на рынки ни один караван с зерном. Все скупал, а потом продавал по очень высоким ценам, так, что на базарах оставалось по 400 манов непроданного хлеба». Утби рассказывает об этом, не осуждая Махмуда, а восхищаясь его могуществом, который «осуждает на гибель кого хочет…» Но как же иначе можно было поведать миру о жестокости Махмуда, будучи его официальным историком?!

В одном только Нишапуре умерло более ста тысяч человек. «Дороговизна и голод достигли такой степени, — продолжает Утби, — что народ не видел ничего, кроме лепешки Луны и Солнца на столе, а но сне по ночам собирал колосья Плеяд». Люди начали есть людей… Везирь Махмуда Абулаббас Исфераини отказался собирать очередной налог с народа, И без того «ободранного, как баран. Я лучше сам внесу необходимую сумму, но к голодным не пойду». Исфераини заплатил за этот свой поступок смертью, новый же везирь — Майманди собрал налог.

А тут еще раскрутилась от горизонта до горизонта холера. Майманди успокоил Махмуда: «Ничего. В столь густонаселенном месте, каким является Нишапур, холера быстро иссякнет, поедая массы. До нас не доберется».

Вот так, с толпами голодных и больных Ибн Сина и двигался в сторону Туса, неся на спине два мешка: одна со своими рукописями, другой — с рукописями Масихи.

И в это же время Навстречу Ибн Сине, но с другого конца — с востока на запад, тоже в Тус, шел 77-летнвй Фирдоуси поклониться могиле, сына и дому, в Котором 30 лет — столько же, сколько жил сын, — писал «Шах-намэ». Более полугода назад Фирдоуси покинул дворец Махмуда, где осмеяли его поэму. Если б поэт просто ушел, униженно смолчав… Нет, он пошел в баню. Как говорит предание, и роздал жалкие гроши, полученные от Махмуда, банщику, брадобрею и нищим. Вся Газне, смеясь рассказывала об этом. Старого поэта повсюду искал гнев Махмуда. А он сидел в доме лавочника Исмаила Варрака и пережидал, когда остынет горячий ветер, дующий из дворца. Потом сел на ослика и поехал домой, в Тус. Он знал: гонцы Махмуда скачут впереди. Поэтому в Герате, на пол-пути к Тусу, остановился и прожил тайно шесть месяцев — достаточное время, чтобы слетали гонцы в Туе и обратно в Газну, Прошли эти шесть месяцев, и вот теперь едет он домой. Дремлет на ослике, свесив голову. Не дремлет — остро думает. Для встречных — дрем Лет. П лица не видно, — только огромная чалма, постукивая о грудь, болтается на костлявой шее. Солнце печет ему в левый бок, Ибн Сине — в правый.

И вот Тус — родина Газзали. Ибн Сина сидит в ханаке для странствующих дервишей, ест коренья, собранные Им в пути, и думает: «Куда дальше идти?» За ханакой сжигали трупы тех, кто умер ночью. Обнаружить свою тайну и начать лечить людей Ибн Сина не мог. Кто не соблазнится за мешок зерна продать его! Но и смотреть равнодушно на страдания людей не было сил. И Ибн Сина пустил в народ стих:

В чистом воздухе паря, ядовитых змей, как мух.
Уксуса, нашатыря, убивал великий дух.
Если раджи взять мискаль и мискаль нашатыря,

А потом перемешать, то, как сказано, не зря.
Осушивший эту смесь ощутит блаженства час,
И спасти она должна от любой отравы нас.[89]

И другой стих — об обязательном питье кипяченой воды, о передаче болезни через воздух и воду. Эта гениальная его догадка о микробах была высказана за 800 лет до Л. Пастера.

Один старик, капая в чай уксус, сказал про стих Ибн Сины:

— Наверное, это написал ученый, которому не хватает ума заработать на жизнь!

— А ты что, получил уже от Махмуда?

— Что?

— Ну, то, что не доходит до людей — жалованье!

— Никуда Махмуд от меня не уйдет! Уж если к халифу подошел нищий и сказал: «Отдай мне в жены свою мать. Очень уж у нее толстая задница!» — то, что же, я не подойду к Махмуду за своим жалованьем?

Смех потряс ханаку.

— Ну и что он ответил?..

— Кто?

— Халиф.

— А… Сказал: «И мой отец любит ее за это же!»

И опять все засмеялись, а у Ибн Сины комок слов встал в горле. Что его горе по сравнению с горем народа!.. Кроткий, терпеливый, с сомкнутыми в великом молчании устами народ открывает их только для правды, любви и помощи. Разве смех — не помощь?

В том, как связываются простые люди друг с другом, есть что-то особенное. Они как бы одновременно говорят о прошлом, настоящем и будущем. Они словно «проснувшиеся», потому что праведно соотносят себя с жизнью…

И вдруг Ибн Сина понял, куда он сейчас пойдет! В Нишапур, к Абу Саиду, — человеку, перед которым народ стоит на коленях…

Ибн Сина состоял с Абу Саидом в переписке. Правда, письма были не частые, но разговор шел о боге, человеке, Добре и Зле… «А о чем сейчас говорить? Вон двух девочек несут к огню… Они только что умерли. Сейчас ни о чем нельзя говорить. Сейчас надо молчать. Сейчас имеет право говорить только народ… или пророк Мухаммад, Иисус Христос, Будда, седой ребенок Лао-цзы. Но и они в такие минуты молчат. В том-то их и мудрость», — думает Ибн Сина.

И все-таки он пошел к Абу Саиду. Шел два дня, питаясь корой деревьев, кореньями трав, из последних сил таща на себе два мешка с рукописями.

В Нишапур Ибн Сина не зашел, боясь ищеек Махмуда. Остановился в деревне Шиккан — Две трещины, недалеко от Нишапура. Деревня была пуста. Из двух гор, нависавших над ней, из двух трещин текла вода, переливаясь через край забитых листьями, мусором и трупами каналов. Вылез откуда-то из кучи старик. Ибн Сина спросил у него дорогу на Нишапур.

Старик показал на небо.

— Да нет! Дорогу мне покажите!

Старик показал на кладбище..

Абу Саид родился в 967 году. Его отец Абулхайр, ученый но растениям, жил при дворе султана Махмуда. Весь дом ого был обклеен изречениями султана. Семнадцатилетний Абу Саид ушел жить отдельно от отца в простом глиняный домик. Все стены обклеил изречениями из Корапа. Отец устыдился. Оставил дворец и сделался дервишем.

Абу Саида мучила страсть к приобретению знаний. Пять лет он изучал науки

---

[89] Перевод Козловского

самостоятельно, а потом бросил все и ушел в Серахс, где на куче мусора увидел юродивого, сшивавшего две бараньи шкуры — одежду безумных. Лбу Саид долго стоял и смотрел на него.

— Все, Абу Саид, — сказал юродивый, заканчивая работу, — вместе с заплатой я и тебя пришил к этой коже. — Взял Абу Саида за руку и привел к пиру[90] Абулфазлу.

— Возьмите этого юношу. Он ваш.

Пир несколько лет учил Абу Саида, а потом отправил его на родину, в селение Мейхено[91], приказан семь лет к ять одному. Много надо было продумать человеку, прежде чем идти со Словом к людям. Абу Саид выдержал испытание. Потом пир, продержав Абу Саида еще два года около себя, подарил ему свою хырку — одежду, никогда не снимаемую, которой перед смертью удостаивается лишь самый лучший из учеников, и послал его на семь лет в пустыню. Теперь предстоит родить свою истину. Пир Умер, но ровно через семь лет приснился Абу Саиду и сказал:

— А теперь иди к людям.

Несколько лет Абу Саид был с народом в родном селении Мейхене, Наконец настал срок вскрытия завещания пира. Там было написано: «А теперь иди в Амуль к шейху Абулаббасу, если он жив».

Абулаббас порезал однажды руку, и Абу Саид хыркой, полученной от пира, зажал его кровоточащую рану. «Такую святыню не пожалел выпачкать в крови! — удивился про себя Абулаббас. — Это говорит о его искренней любви ко мне». И отдал Абу Саиду свою хырку. На Востоке нет святого, у которого было бы две хырки. Провожая Абу Саида к людям, Абулаббас сказал:

— Теперь здесь только Истина, — и показал на хырку Абу Саида, — то есть ты стал Истиной.

И вот десять лет Абу Саид проповедует в Нишапуре. И первое, что он сказал народу:

— Кто не учился у пира, тот достоин сожаления. Если кто и достиг высот духовной жизни без пира, так, что становятся ему открыты все тайны мира, все равно ни к чему истинному по придет. Потому что только при общении с пиром (не с книгами!) познается Любовь. Надо всегда быть в плоскости пира, познавать мир через Любовь. Отныне я ваш пир.

Книга «Асрар ат-таухид» говорит, что ханака Абу Саида располагалась в Нишапуре на улице сукновалов. До конца дней своих учил Абу Саид народ главной заповеди суфизма: не уклоняться от зла, идущего к тебе. Мужественно встречать его на своем пути.

Когда пришел он в Нишапур, там уже были свои пиры: Баба Кухи — 90-летнйй собиратель Хадисов — изречении пророка, и глава воинствующих суфиев крайне правого толка — каррамитов — Абу Бакр. Родоначальник каррамитов — Ибн Каррам, IX век, проповедовал, что наказание за грехи начинается не после Страшного суда, а уже в могиле, тотчас же после погребения.

Нишапур — центр каррамитов, их здесь более 20 тысяч. Какое-то время султан Махмуд даже сделал их правительственной партией, а Абу Бакра — своим другом, раисом Нишапура, разрешил ему преследовать инакомыслящих, отбирать у них имущество, за что Абу Бакр помогал Махмуду, благословляя словом пророка все его грабительские походы, и толпы газиев пополняли его редевшие войска. Но вскоре все рухнуло. Алчность Абу Бакра вызвала такое недовольство, что против него выступил даже главный судья Нишапура, учитель сыновей Махмуда.

И вот пришел 35-летний Абу Саид с двумя хырками. Слава его обрушилась на город,

---

[90] Пир — учитель.

[91] Современное Миана, на границе Туркмении и Ирана, на юго-восток от Ашхабада.

как река, сорвавшаяся с гор. И затопила Нишапур. Весь народ был у его ног.

Абу Бакр и враг его — главный судья объединились против Абу Саида, написали Махмуду донос. Махмуд прислал 100 тысяч добровольцев, 750 слонов. Абу Бакр выставил 20 тысяч своих вооруженных приверженцев, главный судья — 30 тысяч. И когда Абу Бакр случайно встретился за день до выступления с Абу Саидом, Абу Саид сам же ему все спокойным грустным голосом о тайно готовящейся против него расправе рассказал, искренне страдая за душу Абу Бакра, захотевшую принять на себя такой грех. Абу Бакр был так потрясен, что покаялся, распустил воинов и забрал донос. Впоследствии же сделался наставником детей Абу Саида.

Слава Абу Саида разнеслась по всему Востоку. Он сделался идеалом суфиев. Считалось за честь быть знакомым с ним, учёнейший из ученых немел перед его взглядом, а «жемчужина, говорят, растекалась водой». Один дервиш, посвятивший свой трактат Махмуду, забрал его и и посвятил Абу Саиду.

— Если девушка выходит замуж по собственной воле, и можно ли отдать ее в жены другому в том случае, если первый муж не умер и не развелся с ней? — спросил дервиша разгневанный Махмуд.

— Можно, — ответил дервиш. — Если муж ее импотент.

«Какую же такую особенную истину знает Абу Саид, что народ день и ночь идет к нему?» — думает Ибн Сина, стоя в своей рваной одежде дервиша в толпе перед домом Абу Саида рано утром в ожидании его выхода. Сердце взволнованно колотится.

И вот открывается дверь и выходит человек, от присутствия которого теплота разливается по телу, а на душе становится отрадно и легко. Абу Саид оглядел всех мягким взглядом, низко поклонился и поднял руку. Тотчас все склонили головы. Абу Саид уронил на покорно доверившихся ему, еле державшихся от голода людей слово Надежды:

— Он есть все!

— Он есть все! — повторил народ.

— Тот, кто одинаков снаружи и изнутри, — тот с нами, — говорит нараспев Абу Саид.

— Тот с нами! — повторяет народ.

— Тот, кто ничего не имеет из имущества и тем осуществляет учение о единстве, тот с нами.

— Тот с нами! — повторяет народ.

— Тот, кто наполнил сердце размышлением о единстве, — тот с нами!

— Тот с нами!

— Он есть все! — говорит Абу Саид.

— Он есть все, — повторяет народ.

«Господи! Так он же проповедует единство мира Единого и мирз множественности! — удивился Ибн Сина.

— Тот, кто не верит в это единство, тот не с нами, — говорит Абу Саид, — ибо лишь умножится его тоска. Уйди, пока есть время.

— Уйди, пока есть время, — повторяет народ.

Никто не отделился от толпы. Все, как один, смотрят на святого.

— Ну, слушайте… — И Абу Саид мягким, исполненным искренней нежной доброты голосом стал читать нараспев под музыку стихи:

Знай, Любовь САМА приходит,
И не является через изучение не.

— Он есть все! — сказал народ и стал на колени.

Равнины сердца моего из-за Любви к тебе, —

продолжает Абу Саид, —

Сделались бесплодными солончаками,
Чтобы ничья Любовь во веки
Не гуляла по ним.

— Он есть все! — отбивает народ ритм мысли Абу Саида.

Герои, что хочет умереть на поле битвы, —

снова говорит нараспев святой, -

Превосходят ли того, кто ищет мученичества за Любовь?
В день Воскресения может ли первый походить на второго?
Первый убит врагом. Второй же… Любовью.

— Он есть все! — сказал народ.

Все тело стало слезою и вылилось через очи из-за Любви к тебе, —

говорит нараспев Абу Саид.

Без тела следует ли жить?
От меня ничего не осталось, откуда же явится проявление моей Любви?
Когда я сольюсь с Возлюбленным, кто будет моим Возлюбленным?

— Он есть все! — сказал народ, и вместе с ним произнес эту формулу философии Абу Саида и Ибн Сина.

Ты был со мной, в я не позвал тебя,

— говорит нараспев Абу Саид.

Или ты не был со мной, и я не познал тебя?
Когда мое «я» исчезло, тогда я познал тебя,
Пока был «я», я не познал тебя.

— Он есть все!

Ибн Сина понял: на иконке Масихи было семь проявлений бога, через которые он, невидимый, является чело-веку: Справедливость, Добродетель, Разум, Истина, Сущность, Жизнь (Человек) и Мудрость (Религия). И у Неизвестного философа эти же семь имен. Но нет у него проявления бога через ЛЮБОВЬ, то, что проповедовал Абу Саид. И разве Иисус Христос — не явление бога народу через Любовь? Вот истина, которую открыли в своих пещерах ессеи, переработав все откровения мира.

Народ принял благословение Абу Саида и стал петь в танцевать. Это были старые народные эротические песни[92].

---

[92] Собрал в перепел В. Жуковский.

Девушка — маленькая, малюсенькая, крохотная,
Скажи о том правду, а не то побью тебя палкою,
Пораню тебя, измучу тебя:
Кто разорвал твои шаровары?

«Не бей меня палкою: не мучь меня, —
Я скажу о том правду:
Пошла я в шахский сад к служителям.
Погулять и посмотреть.
Шаровары мои разорвал шип, разорвал в темную ночь».

Друг Сули, милая мои. Сули — милая моя. Сули,
Я не сорвал еще ни одного цветка соединения с тобой.

О, девушка моя милая,
Стану ли я жертвой твоей родинки и твоих уст…

Народ пляшет все быстрее, поет все взволнованнее и приходит в экстаз.

Глаза в глаза смотрят друг на друга через толпу Абу Саид и Ибн Сина. Абу Саид делает еле заметный знак идти за собой. Ибн Сина подчиняется.

… Б простой глиняной келье Абу Саид, низко кланяясь, говорит:

— Здравствуйте, Абу Али ибн Сина.

— Как вы узнали меня?! У вас есть мой портрет?

— Я посмотрел на вас и понял: это вы. Наверное, когда я читал ваши письма, ваше лицо проступало сквозь расстояние и отпечаталось в моем сердце. Вы про этот портрет спросили?

они провели семь дней, никуда не выходя, — сказал потом об этой встрече народ. — Провели семь дней в беседах души.

Умные люди записали: «Они ест». пли в научный диспут по силлогистике. Абу Саид опровергал верность первой фигуры силлогизма, указывая на субъективность представления о качестве предмета, о Котором составляешь суждение. Ибн Сина, наоборот, отстаивал правильность этого положения аристотелевской логики».

Народ сказал это же самое языком легенд: Абу Саид подбросил вверх пиалу, она не упала, повисла в воздухе.

— Почему же она висит, если, согласно твоим доводам, должна упасть? — спросил Ибн Сину Абу Саид.

— Закон физики, на который ты намекаешь, — ответил Ибн Сина, — относится только к телам, которым ничто не мешает стремиться к центру, а эта пиала удерживается в воздухе твоей волей и потому не может упасть на землю.

О чем они могли говорить? Вопросом века был тогда вопрос: Как достичь единства бога и человека, «неба» и «земли», Единого и мира множественности, мысли и чувства?

Это был вопрос Чести. Ответ на него — степень Благородства. Человек — не агрессивное животное, которое, отрываясь от кормушки, смотрит иногда бессмысленными глазами на небо, не доступное ему. Человек — это лучшее создание Вселенной, сказали лучшие люди эпохи. Миллиарды лет Вселенная взращивала человека, переходя от низших творческих форм к высшим. Были у Нее сначала только космическая пыль, сила тяготения, огонь и вечное вращательное движение. Потом Вселенная создала планеты, и на одной из них — Земле, бесконечно сочетая четыре первоэлемента: огонь, воду, землю и воздух, — постепенно образовала мир минералов, мир растений, мир животных и, наконец, — мир человека. Каждая эта огромная эпоха ПОСТЕПЕННО переходила в другую. И так, постепенно, сквозь холодную космическую пустыню, проступили однажды теплые

человеческие глаза, Ц его улыбка, ласка, гордость и обаяние ума. Не достоин ли он стоять рядом со Вселенной, что на языке средневековья означало: рядом с богом?

Суфии и философы, осознавшие это, сделали вопрос единства бога и человека, мира Единого и мира множественности главными вопросами века, то есть своеобраз-но, по-своему, через призму своего времени, провозгласили гимн человеку.

Но как же осуществляется это единство? Через Любовь, — сказали суфии, — через ту великую Любовь человека к богу, которая совершенствует и поднимает его до слияния со Вселенной (Истиной). Это и был средневековой пантеизм — средневековая форма гуманизма. Таким образом, суфии — одно из значительных явлений в истории духовной жизни народов Ближнего и Среднего Востока. Газзали даже назвал их одной из «четырех категорий искателей истины», как, впрочем, и Омар Хайям.

Философы же говорят: единение бога и человека осуществляется через разум. По теории эманации человеческий разум соединяется с Приобретенным (Деятельным) разумом — хозяином подлунного мира. Приобретенный же разум соединяется по цепочке других разумов с 1-м разумом — единственным, кто непосредственно общается с богом. Единым. «О как долог этот путь! И как он страшен», — мог подумать Абу-Саид, глядя на Ибн Сину.

— Разум — это огонь, — говорит он Ибн Сине. — Ведь так, кажется, считал и Гераклит. Душа — метаморфоза огня. Чем больше огня участвовало в создании ее, тем больше она исполнена разума и сухости. Влажность — это чувство. Страсть — смерть для души, то есть разума. Вот почему и читаю народу стихи, пою песни, играю на дутаре — чтоб не горели они в огне размышлений, ибо разум — недостаточен. А тем более он сжигает тогда, когда не понимаешь единства мира Единого и мира множественности. Тогда музыка и пение лишь еще больше раздуют огонь, как если бросить в него сухую вязанку дров. Единство же достигается только через любовь. Предаваясь счастью земной любви, человек ставит себя выше всех своих несчастий, выше всего того, что ему могли бы дать богатство и власть. Я вчера прочел народу один индийский стих:

Ни полная Луна,
Ни звезды.
Ни жемчуга,
Ни свет светил
Не светят нам так ярко,
Как женщина в ночи…[93]

И они ответили мне восхищением. Они взвыли от восхищения! Они — голодные, больные холерой, выброшенные из жизни, не имеющие ни дома, ни поля, похоронившие детей, — поднялись над всеми своими несчастьями и высказали восхищение! В этом они выше султана Махмуда, тебя и меня, то есть власти, разума и святости. Они — на пороге божественной Любви, на пороге прямого видения Истины, непосредственного ПЕРЕЖИВАНИЯ ее, а не познания. Разум говорит: я вижу огонь и знаю, что это такое. Любовь же говорит: я ринулась в огонь, я сгорела в нем и потому знаю, что это такое.

У одной царицы утонул в озере сын. Она приказала народу взять но горсти земли и кинуть в озеро, чтобы убить его. Кинули… А озеро сверкает, как и прежде. Не замутилось даже. Еще раз народ обернулся и кинул но горсти. Еще. Еще… Озеро по-прежнему сверкает своей вечной красотой. Это усилия разума. Это — ты. Не знала царица хадиса пророка Мухаммада: «Не вместят меня ни моя земля, ни мои небеса, но вместит… сердце слуги моего покорного». То озеро было в ее сердце. Не огнем, то есть разумом, она могла побороть его, — ибо что сделает огонь воде? — а Любовью. Ее слезы уничтожили бы озеро, растворили бы его в себе, и она слилась бы с ним и со всем миром, и приобрела бы покой.

---

[93] Бхаргрихари, VII век.

О, ты, не знающий, что такое воспламенение Любви,
Знай, Любовь сама приходит
И не является через изучение ее…

Когда они расстались, Абу Саид поцеловал Ибн Сину в плечо.

— Ты уходишь в сомнении. В другое плечо задолго до меня тебя поцеловал твой Первый Учитель — Аристотель, и из его поцелуя поднялась змея Разума, и она есть твой мозг. Ты слишком влюблен в греков, в их логику. Но не забывай и Восток, всегда поклоняющийся наитию. От моего поцелуя пусть поднимется Дракон Любви, тайну которой я, как мог, приоткрыл тебе…

Абу Саид долго провожал Ибн Сину, шел и ним по дороге.

— Еще я должен тебе сказать. Дервиш, когда сидит, не скрещивает ноги и ни к чему не прислоняется. Садится там, где положат его коврик, а ты коврик передвинул. Разувается дервиш с левой ног и, обувается с правой.

Ты и здесь сделал ошибку. Если будешь сидеть с кем-нибудь у костра, не забудь положить свою одежду на угля, ПК они чистят ее от вшей. И еще запомни, дервиши по одному не ходят. Доброго тебе пути.

«В метафизике выяснено, — шел и думал об Абу Саиде Ибн С ива, — что первичная материя этого мира подчиняется душе и разуму, что образы, которые появляются в душе, служат причинами существования этих образов в этом мире. Необходимо, чтобы первичная материя мира подчинялась душе человека, состоящей из этой субстанции. Но душа человека…» — Ибн Сина остановился и закрыл руками лицо, — Вот она — Змея Разума…

О чуде с пиалой, о котором стал размышлять Ибн Сина и остановился, народ сказал просто: «Пиала удерживалась в воздухе… твоей волей». Ибн Сина вспомнил, как долго он объяснял в Гургандже своим ученикам понятие бесконечности Вселенной. Семь дней объяснял. Чем больше вводил их в это понятие, тем больше ученики испытывали страх перед бесконечностью, и долго длились бы эти мучения, пока сторож, неграмотный старик, не заорал на учеников:

— Ну, хвост! Представьте, у Вселенной есть хвост, который она никогда не видит!.. Как не может увидеть его змея, если заползет в комнату, а хвост оставит на улице!

— А… — заулыбались ученики и облегченно вздохнув. — Это понятно.

Ибн Сина поднялся с обочины дороги, посмотрел на движущиеся толпы народа, гонимые голодом и холерой, вошел в самую гущу и продолжил путь на запад, на заход сеянца, в округ Саманкан, неся с собой три жемчужины которые подарил ему Абу Саид:

1) музыка и искусство должны время от времени, как вода, заливать огонь разума, чтобы не быть испепеленным им,

2) истина — не то, что познается, а то, что переживается,

3) любовь — тоже одно из проявлений бога, то есть Вечности.

Но самое великое, что познал 32-летний Ибн Сина, двигаясь по дорогам от Нисы до Саманкана, — это народ. Не ненависть, а Любовь противопоставляет он тому, что сильнее его. Разве не разбились 20 тысяч вооруженных каррамитов Абу Бакра, 30 тысяч воинов главного судьи Нишапура 100 тысяч газиев. Махмуда о любовь, с какой Абу Саид сказал Абу Бакру о готовящейся над ним и его народом расправе? Лбу С&нд впал: для того, чтобы мир жил, нужны и Ибн Сина, и Махмуд. Когда сущности ил совпадут, мир окончится.

90-летний Баба Кухи не выдержал славы Абу Саида и ушел жить в пещеру. «Сколько раз я простаивал из молитве, — плакал он, — забывая весь мир! Сколько шейхов в Идея! Скольким из них служил! В чем же Причина, что все открылось Абу Саиду, а не мне?» Умирая, он написал на стене пещеры:

Сердце мое терзалось, но не достигло Возлюбленного,
Жизнь моя пришла к концу, но не дорога пришла к концу.

Ты столько рыдал и стенал, о Кухи!
Но никакого милосердия от Милосердного не узнал.
Послал этот стих Абу Саиду и подписал внизу: «Бывший святой».

В пещеру через 300 лет придет излить такие же слезы поражения и молодой, непризнанный в своем кругу ширазский поэт Хафиз, которого Гете впоследствии назовет своим вдохновителем, а народ — великим народным поэтом.

«Что такое народ? — думает Ибн Сина. — Народ — это вечная материя. Аристотель, Фараби, Абу Саид, Беруни, я… все мы — временное ее порождение. Народ — земля, мы — трава. Вот что Знает Абу Саид».

Через 900 лет после смерти Ибн Сины другой изысканнейший ум, также выросший в аристократической среде, такая же утонченная душа — Акутагава Рюноскэ, поразит мир (перед тем, как покончить с собой в 32 года) такими словами: «Шекспир, Гете, Тикамацу… — когда-нибудь погибнут. Но породившее их лоно — народ — не погибнет никогда…»

Посмотрите на лицо Акутагавы[94]. Ибн Сипе, когда он, аристократ духа, впервые встретился с народом, было столько же лет. Можно сказать, это смотрит На Нас Ибн Сина того периода, ибо все мы, в общем-то, в какую бы эпоху ни жили, в какие бы костюмы ни одевались, проживаем одну и ту же жизнь, ищем одну и ту же истину, смеемся, плачем я погибаем от одних и тех же причин.

Народ, стронутый с места голодом и холерой, вместе и которым двигался по дорогам и Ибн Сина, — тоже потерявший все, спас его в те трагические дни.

Мой старый плащ дороже всей султанской мишуры…
Хоть нищ. горю своим огнем! —

напишет в XIV веке Хафиз. А за 300 лет до него Ибн Сина, сидя у придорожного костра, принимая из рук умирающего от голода крестьянина кусок хлеба, поделенный поровну, скажет:

Воде из кувшина, да хлеба кусок,
Да платье в заплатах, как старый мешок.
Вот все, что имел и под желтой Луной,
Где пленников алчности губит их рок.

Клянусь, ни один из всесильных владык,
Хоть подать со всех получать он привык,
И ни один из эмиров на свете.
Который гаремом и войском велик,
Большего счастья едва ли достиг,
Чем сам я — всех дервишей бедный дервиш.

Два эмира долго сидели над этими стихами в одиночестве, отослав всех своих слуг: султан Махмуд в XI веке и эмир Алим-хан — в XX,

IX «На наковальне между небом и землей»

Бурханиддин-махдум входил на площадь Регистан в окружении двадцати мулл — один

---

94 **См.** : Акутагава. Новеллы, М., 1959,

белоснежный небесный муж с двадцатью земными тенями. Белые угольники платков, которыми муллы подпоясали черные чапаны, казались сзади белыми клыками. И когда муллы шли, плотно окружив судью, все невольно вздрагивали — Бурханиддина охраняла белая Шевелящаяся Пасть.

Али пришел на заседание все в той же одежде дервиша, да еще с привязанной бородой, которую купил в а базаре в потешной лавке, и встал в задние ряды.

Сегодня ночью у ворот Углон, где он спал, его разбудил шум. Отодвинув тряпку, прикрывавшую вход в нишу, он увидел двух русских в кожаных куртках со связанными руками. Им заткнули платками рты, столкнули в яму начали закапывать. Яма была неглубокой — видно, не хотелось палачам особо долбить каменистый грунт. Земли, что накидали сверху поваленных друг На друга лед, тотчас стала шевелиться, а три палача, побросав лопаты, сели курить — пережидать, пока успокоится могила. Али поднял голову и завыл как волк, страшно сжав зубы. Наружу не вырвался ни один звук, но от напряжения что-то лопнуло внутри, и теплой струей потекла и& носа и ушей кровь.

Стоя сегодня в толпе на площади Регистан, он ощущал запах крови, пропитавший его одежду, хотя утром и застирывал ее в болоте. В глазах же стояли вспышки лопат в темноте под луной на шевелящейся земле. Так эмир казнил полпредов-большевиков, открыто находящихся при его дворе.

Али видел, когда входил на площадь, Муса-ходжу, но ничто не дрогнуло в его душе. Пройдя мимо старика, даже слегка коснувшись его, он встал в дальнем углу, за спинами русских офицеров, где стоял в прошлый раз.

— Ну что ж, — сказал, поднимаясь после короткой молитвы, Бурханиддин-махдум, — Продолжим разбор теоретических наук Ибн Сины, Он разделил их на три: метафизику… ну, это как бы эмир, царь среди наук. Она изучает то, что невозможно далеко от нас — бытие бога. Вторая теоретическая наука — математика. Это как бы казначей эмира. Третья — физика, базар нашей жизни — то, что мы видим каждое мгновение.

Метафизику мы с вами уже почти всю разобрали. Перейдем к физике. Ну а то, что будет у нас теперь состоять суд только из одного обвинителя — эмира, не сочтите нам в вину, но скоро Али будет пойман и снова предстанет перед нашим справедливым гневом. А пока…

И тут стал пробираться к Бурханиддину Муса-ходжа, разматывая на ходу чалму. Кинул ее на шею, склонил голову и так подошел к главному судье.

Бухарцы вздрогнули. Это означало, что старик приносит кому-то в жертву свою жизнь.

— Вы жертвуете жизнь эмиру? — ласково спросил Бурханиддин. Сошел с возвышения встретить в усадить старика на то место, где раньше сидел Али.

Али упал из кипятка в лед. Все отпустило его: и страх за себя, и тоска по прежней крестьянской жизни, и ужас прошедшей ночи, и запах крови, и равнодушие к старику. Остались только Ибн Сина, слепой старик и любовь к ним обоим. Но все это было как в тумане. Словно спал он и видел сон, и что-то раздражало смертельно-желанную красоту.

Два русских офицера и толмач взволнованно переговаривались между собой. Один, хрупкий, с серыми светящимися от горя глазами, подался вперед, к слепому старику, и мертвый его, будто пылью подернутый взгляд, вдруг расцвел удивительной голубизной. «Наверное, это и есть воскрешение, — подумал Али, глядя на офицера. — Нет, воскрешение там», — и, вытянув шею, стал смотреть слепого своего друга.

— Не оставил нас бог, — ласково говорил Бурханиддин, усаживая старика. — Муса-ходжа — известный в городе человек, из джуйбарских ходжей! А вы знаете, какую честь оказал им эмир, когда поднимали его ханом на Годом войлоке: за один из четырех углов держался и джуйбарский ходжа Ахмад. Благороден Теперь наш суд, коля такого святого человека поставил бог на противоположное мне место, — Бурханиддин говорил все это для Муса-ходжи. Он как бы заклинал его не портить дело, и думаться. Не за эмира же в самом деле вышел старик отдавать жизнь?

— Итак, теоретическая физика, — ясно и твердо произнес Бурханиддин, оглядывая

народ. — Базар жизни. Сколько здесь движения! Ни кто и ничто не стоит на месте. Никто а ничто не имеет определенного состояния. Кто-то умирает, кто-то рождается… Горы, моря, растения, животные, человек… Все крутится, несётся, перемещается, словно в гигантском колесе! Попробуй объясни, не сломай голову. Все это и есть физика: паука о природе. Но вот что я вам еще хочу сказать. — Бурханиддин остановился, выпил воды. — Когда Ибн Сина умер, его учение не умерло вместе с ним. Философ Таухиди — гений получше Ибн Сины. Кто держал его книги, весь пропитывался желчью. Но бог разбудил несчастного, сжалился вид ним, спас от грядущего ада: Таухиди по внезапному божественному внушению сжег все свои книги перед смертью[95] и написал: «Я не хотел оставлять их людям, среди которых я не увидел ни одного достойного любви и уважения. Не раз они вынуждали меня идти в пустыню и питаться травой, подвергали позорной зависимости как от образованного, так и невежды, и я принужден был продавать мою веру и мое благородство. Исключительно мое положение, исключительно слово мое, исключительна вера моя и нравы мои. Подружился я с уединением и довольствуюсь одиночеством. Привыкнув к молчанию, знакомый с печалью, несу мое горе, отчаявшись в людях. Сжигаю книги, ибо нет у меня ни ребенка, ни друга, ни ученика…» Вот к какому горькому одиночеству приводит безбожие! — Бурханиддин вынул платок и вытер глаза. — А Ибн Мукаффу всевышний не пощадил. Ибн Мукаффа — это тот, кто первым перевёл на арабский язык Аристотеля, — ни одни только восточные христиане, как видите, принесли нам эту заразу! Богословов Ибн Мукаффа называл базарными торговцами, зазывающими покупателей в лавки. Джувайни, учитель Газзали, оставил нам полный гнева рассказ о том, как Ибн Мукаффа, кармат Джаннаби и Халладж сговорились разрушить мусульманскую державу. Некоторые говорят: Джувайни ошибся! Ибн Мукаффа, мол, жил в VIII веке, а Халладж в X… Нет! Не ошибся! Дьявол неуничтожим! Казнишь его в VIII, он возрождается в XI Халиф Мансур дал приказ казнить Ибн Мукаффу, И его сожгли в печи, где вместо дров горели его же книги…

Ибн Сина от расплаты ушел. Книги его сохранились. Безбожное учение разошлось по миру. И Европа его переняла! И хоть сожгли в Багдаде[96] восемнадцатитомный труд Ибн Сины «Книгу исцеления» (души), она все же и по сей день жива. И ломали богословы голову, как уничтожить ибнсиновское безбожие? И вот родился через 300 лет после Ибн Сины великий философ-богослов Тафтазани. Б переписке Ибн Сины и Беруни есть место, где оба спорят о природе атомов. Беруни держал сторону Демокрита, Ибн Сина же Демокрита отвергал. Вот на этот момент и обратил внимание Тафтазани. Демокрит утверждает, что бытие — это совокупность атомов — вечных, материальных невидимых частиц. Для того, чтобы им двигаться, нужна пустота.

Богословы еще до Тафтазани сказали: атомы — частицы не материальные, а духовные. И не вечные они, а созданы богом, значит, постоянна гибнут и возрождаются. Богословам удалось настолько сместить понятие «атом» в свою сторону, что Ибн Сина старался быть в стороне от учения Демокрита об атомах. Тафтазани же поднял в XIII веке, богословскую трактовку этого учения как знамя для борьбы с Ибн Синой.

Основной вопрос теоретической физики: из чего состоят предметы, созданные богом и человеком?

Из атомов, отвечают все: и богословы, и философы. После Демокрита никто уже и этом не сомневается.

А вот как атомы соединяются между собой?

Отсюда в начинаются бои.

«Имеет ли учение об атомах какое-либо значение для мусульман? — спрашивает Тафтазани. — Да имеет. С принятием учения об атомах в богословской трактовке можно

---

[95] В 1023 году

[96] В 1160 году.

устранить такие нелепости философов, как теория существования некоей первоматерии и видовой материи, как вера их в извечность мира, отрицание телесного воскрешения, вечность движения сфер».

— Легко вам было кусать льва, когда он лежал мертвым. — вдруг произнёс Муса-ходжа, обращаясь к Бурханиддину и судьям.

Бурханиддин похолодел. Этого он боялся больше всего.

И толпа замерла. Так не за эмира, значит, снял Муса-ходжа чалму! И Али сделался белее бумаги: он понял, что убил старика.

Бурханиддин попробовал улыбнуться. Только бы не спорить со стариком, ведь он знает наизусть целые страницы сложнейших философских трудов Ибн Сины!

— Так это не я говорю, уважаемый Муса-ходжа, — поклонился слепому старику Бурханиддин. — Я зачитываю всего лишь великого Тафтазани! Не будем же мы спорить с этим ученейшим богословом?

— Спорить нельзя только с богом и посланником его Мухаммадом, — сказал Муса-ходжа. — Вот вы тут что-то говорили о пустоте. Это очень важное понятие в разбираемом нами вопросе, Ибн Сина пишет по этому поводу в «Книге исцеления»:

«Некоторые рассматривали среду как определенное препятствие, что, чем разреженнее среда, тем больше можно обнаруживать, так, что если бы ее не было, а была бы совершенная пустота, обнаружение было бы полным (тогда не было бы необходимости в том, чтобы вещь была больше, чем она представляется, чтобы можно было разглядеть и муравья на небе. Это несостоятельное рассуждение. Ведь из того, что среда оказывается более разреженной, вовсе не следует, что она является более отсутствующей, ибо разреженность не ведет к Отсутствию тела. Что касается пустоты, то это и есть отсутствие тела. В действительности же, если бы пустота существовала, то между отделенными друг от друга чувственно воспринимаемым и воспринимающим не было никакого стыка, одно не действовало бы на другое, и не испытывало бы его действия», — Вы думаете, уважаемый, мы что-нибудь поняли? — спросил, улыбаясь, Бурханиддин.

— А что ж тут непонятного? — искренне удивился Муса-ходжа.

Али тоже, как и все, ничего не понял, И толмач, переводивший русским офицерам, запутался, Али взмолился, чтобы старик объяснил! Неужели за эту абракадабру можно повесить чалму на шею и идти на смерть?!

Муса-ходжа понял ошибку. Надо говорить для Али! Он же здесь… И снова защемило у него сердце, раненное камнями, которые Али кидал в Ибн Сину.

— Ну, представьте, — начал говорить спокойно Муса-ходжа, — на облаке сидит муравей. Некоторые говорят: мы его не видим потому, что нам мешает воздух, разреженная среда. Не было бы, мол, его, мы видели бы муравья. Ибн Сина смеется над этим. Дело, говорит он, не только в воздухе. Разве не кажется вам маленькой гора, когда вы удаляетесь от нее?

Толпа облегченно вздохнула. Это понятно.

— Теперь по поводу пустоты. Ибн Сина говорит: ее нет. И не может быть. Есть только разреженность среды. Вот горит огонь. Вы подходите к нему. Не трогаете его, а уже знаете, что огонь — это тепло. Как же вы узнали об этом? А через разреженную среду — воздух! Воздух — это частицы пыли и воды. Огонь нагрел близкие к нему частицы воздуха, и вы через них почувствовали тепло, не дотрагиваясь до огня. А была бы между вами и огнем пустота, вы могли бы сгореть в огне, нечаянно вступив в него, потому что огонь не смог бы вас предупредить. Ведь так?

— Так, — ответили в толпе.

— А как бы распространялся в пустоте запах без движения частиц воздуха? Во всем — движение. Значит, пустоты нет, ибо пустота — это отсутствие движения.

Бурханиддин попросил привести ведро воды и ведро золы. На глазах народа он влил полное ведро воды в полное ведро золы.

Народ ахнул. Многие даже кинулись на колени и стали молиться — ведь они только

что видели чудо!

— Доказал я вам, что пустота есть! — сказал Бурханиддин, вытирая платком лицо.

— Уважаемый судья показал опыт греческого фило-софа Демокрита, — начал спокойно говорить Муса-ходжа. — Но доказывает этот опыт как раз наличие разреженной среды, а не пустоты. Потому что, если бы не было разреженности, то есть частичек воды и пыли между частицами золы, то зола спрессовалась бы в камень. Частицы золы необыкновенно легкие. Более легкие, чем частицы пыли и воды, частицы золы как бы сидят верхом на тяжелых частицах воздуха. Фактически в ведро воздух, каждая частица которого накрыта сверху частицей золы. Невидимые всадники в черных шляпах. Понимаете?

Али облегченно вздохнул. Это понятно. Те, что молились, поднялась: не было, оказывается, никакого чуда! Бурханиддин растерянно молчал. Его самого убедили доводы Муса-ходжи, разрушили то, но что он верил.

— Так, значит, по-вашему, Тафтазани не прав? — спросил старика помощник Бурханиддина судья Даниель-ходжа.

— А разве мы говорим о Тафтазани?! — удивился старик. — Мы же разбираем теоретическую физику Ибн Сины! Главный ее вопрос — «Что есть тело?» Так вот, Ибн Сина отвечает: тело есть не соединение атомов, двигающихся в пустоте, а сочетание материи и формы. Единство их.

В толпе зашевелились: «Непонятно!»

— Вот мой костяной гребень, — начал говорить слепой старик. — Что это такое? Сочетание кости и формы гребня. А ведь можно было бы из того же куска кости сделать не гребень, а нож для разрезания бумаги или зубочистку. Ведь так?

— Так! — сказал вместе с другими Али.

— А в природе тоже, по-вашему, наличествует сочетание материи и формы? — спросили судьи.

— Да. Вот, например, гора. Что это такое? Сочетание камней И формы горы. Тоже единство материи и формы.

— Аристотель в природных вещах отрицал такое единство, — сказал Бурханиддин. — То, что делает человек, — да! — это сочетание материи и формы, потому что человек держал в голове форму гребня и сделал гребень точно в соответствии с задуманным: вот такой, как у вас, уважаемый Муса-ходжа, — широкий, с редкими зубьями, а не такой, как у меня — узкий, с частыми зубьями. В природе же, когда создается гора, кто держит форму Горы в голове? Бог, — говорит Аристотель. В уме бота все формы материи. Поэтому то у Аристотеля нет единства материи и формы для ПРИРОДНЫХ вещей. Только для созданных человеком.

— На то Ибн Сина и гений, что лучше своего гениального учителя, — улыбнулся Муса-ходжа.

— Тогда кто дал камням форму горы? — вскричал

Бурханиддин махдум, задетый за живое. — Есть у Ибн Сины на это простой ответ?!

— Есть.

— Ну?

— Природа.

— Как это?

— Форму горы определяет не бог, а природа, то есть ветер и вода.

— Не понял!

— В «Книге исцеления» есть целый трактат о камнях. Он и рассказывает, как природа сама создает себе формы.

— При чем тут трактат о камнях? Мы говорим о теоретической физике!

— Вы плохо понимаете классификацию наук Ибн Сины, — грустно сказал Муса-ходжа. — Теоретическая физика — это наука о природе и потому сюда входят и науки, изучающие камни, растения, животных, человека, все природные явления. Так как же ветер и вода образуют форму горы? «Современные населенные области, говорит Ибн Сина, в

прошлом были погребены под морем».

— И Бухара была под морем?! — удивились в толпе, — Да.

Парод пришел в волнение. Али удивило, что русские отнеслись к этому сообщению спокойно.

— «Окаменение происходит, — продолжает говорить наизусть из книги Ибн Сины слепой старик, — после того, как дно моря поднялось…»

Новый взрыв возгласов в толпе. И опять Али удивился спокойному, даже насмешливому выражению лиц русских офицеров.

— «Глина, будучи вязкой, получает возможность я окаменению…»

Толпа стихла. Слушает.

— «Высыхая в течение долгого времени, она превращается сначала в нечто среднее между глиной и камнем. Это происходит на протяжении многих эпох, длительность которых мы не знаем. Мягкий камень превращается затем и твердый камень, если глина обладает вязкостью. В противном случае она рассыпается, прежде чем окаменеет. Вот почему иногда можно видеть, что некоторые горы как будто сложены из разных слоев… Ведь в свое время глина отлагалась слоями на дне моря.

По этой же причине внутри многих гор находятся части водяных животных».

Напряжение толпы спало. Многие вспомнили, что видели и сами отпечатки водяных животных на камнях, только не задумывалось.

— Появление же высот или тех или иных горных форм «произошло вследствие деятельности потоков и ветров между частями глиняных массивов, И если ты поразмыслишь над большинством гор, то увидишь, что углубления, их разделяющие, произошли от потоков. Но и этот процесс, если он закончился, совершался в течение долгого времени».

Гипотеза Ибн Сины о размывающей деятельности ветра И воды была высоко оценена Леонардо да Винчи, а в XIX веке ее вновь разрабатывал Лайелль.

Там же, в «Книге исцеления», Ибн Сина говорит, что собирал окаменелости и делал геологические наблюдения в горах у Джаджарма. А это был следующий город на его пути из Саманкана, куда он пришел с толпами голодного народа после встречи с Абу Саидом. Делал он записи и о наблюдаемых им растениях, об обычаях разных народов, языках, диалектах… поистине, человеческая мысль не останавливается никогда, какое бы горе ее ни давило! Невидимая, она оставляет по себе следы великой силы…

Преодолевая крутые горные дороги и тропинки Джаджарма, Ибн Сина направляется в Гурган к Кабусу, куда его вел Масихи, За пазухой — рекомендательное письмо Беруни.

Где он сейчас? Может, тоже в дороге? Только движется на восток, в Газну?.. В Гургандже они много спорили о материв и форме, о том, как связываются они между собой, Ибн Сина говорил об этом философским языком, Беруни — научным. Беруни сказал, что обязательно напишет на эту тему книгу. И начал ее писать, да тут нагрянул тот посланник от Махмуда — «чудо эпохи» Микаил.

Ибн Сина не знает, что Беруни остался в Гургандже что посланник уехал, не взяв с собой ни одного ученого. Но закончит Беруни книгу лишь через 13 лет, в Газне, находясь в плену у Махмуда. Назовет ее «Тахдид Нахаят».

В 1017 году Махмуд разгромит Хорезм. Эмир Абулаббас Мамун будет убит, Беруни с другими учеными отправится в Газну. А до этого, до 1017 года, Беруни на пять лет оставит науку: родине нужен Беруни-дипломат. В 1025-м Беруни наконец-то закончит «Тахдид» — «Геодезию», как условно назовут ее впоследствии ученые

Такой книги у человечества еще не было. Представьте, держит Беруни в руках земной шар и думает: из чего он сложился? Как сформировался? Какие силы в этом участвовали? Каков его путь от вращающегося облака газов и пылеобразной космической смеси до прекрасного горного склона, покрытого цветами? Почему Земля перемежается гигантскими морями и океанами? Почему поверхность планеты не ровная, а есть гигантские впадины, горы, возвышенности, низины? Вопросы, которые мог бы задать ученый, высадившийся на незнакомой планете.

Беруни в 17 лет делал глобус, определил долготу более чем для шестисот городов, измерил радиус и определил величину диаметра Земли, то есть привык мыслить, находясь как бы над Землей, созерцая ее в своих размышлениях отстранено от себя. Отсюда и необыкновенный масштаб его мысли. А чисто современный, опирающийся на опытное знание и естественно-научные доказательства метод его дал мысли редкостную глубину. Поэтому, открыв «Тахдид» или любой другой его труд, читая тысячу лет назад написанные строки, испытываешь удивительное наслаждение от ясности и свежести мысли, имеющей значение и для наших дней. Если подвиг Ибн Сины состоял в том, чтобы углубить тезис Аристотеля о вечности мира, продержаться на нем весь свой век, то и дело вступая за него в бой (чем и объясняется особая трагичность его судьбы), то подвиг Беруни был в другом. В философии, которая не занимала у него первенствующего значения, он говорил о СОТВОРЕННОСТИ мира богом и о связи его с Высшим Единым, как сотворенного с творцом, в научных же трудах, в особенности в «Тахдиде», твердо и ясно обосновал объективный характер природы, развитие ее по своим, НЕ ЗАВИСЯЩИМ ОТ БОГА законам. Для того чтобы совершить то, что совершил Беруни, нужно было иметь не меньшее мужество. Ибн Сина и Беруни, два гения века, сделали одно дело: подпалили дом теологии с двух сторон. Поэтому то, наверное, и была необходимость в одновременном их существовании: одному такого не осуществить.

В истории Земли Беруни видел ритм огромных геологических эпох, ощущал постепенность становления того или иного вида животных, растений, их полное раскрытие и увядание, смену другим, новым, видом, мыслил Землю в чистом ее, космическом бытии до человека, потом с человеком, и предполагал ее существование посла деятельности человека.

«Суша перемещалась на место моря — писал Беруни, — а море на место суши в древне времена: если до существования человека в мире, то и неизвестные, а если после, то в незапамятные, поскольку сведения обрываются но прошествии данного времени, особенно, если они касаются явлений, существующих в виде изменений, часть за частью, так что вникнуть в эта явления могут лишь набранные».

Учение Беруни об образованна Североиндийской и Туранской низменностей высоко оценивается современными учеными. Беруни из 500 лет предвосхитил теорию Леонардо да Винчи об образовании Ломбардской низменности. В «Тахдиде» Беруни выскажет мысль в о функциональной зависимости размеров обломков осадков от объема течения реки. Историки геологии предлагают назвать этот закон его нмеием[97].

Спорит, волнуется толпа на площади Регистан после того, что им рассказал слепой Муса-ходжа. Не знают, что — делать, судьи. В полной растерянности Бурханиддин.

Муса-ходжа достал яблоко, начал медленно счищать С него ножичком кожуру.

— Пока вы шумели, — Сказал он, кладя кусочек яблока в рот, — материки пододвинулись друг к другу На три волоска.

Толпа замерла, обиделась — серьезный разговор стара к превратил в сказку. Но тут Муса-ходжа поднял шкурку от яблока:

— Вот столь же тонка и кора Земли. Беруни считает, что она не застылая, а беспрестанно дышит, изменяется, Живет, то опускается, то поднимается. Вот почему сдвигаются горы, проваливаются города. Материки же, словно листья деревьев, плывущие по воде, медленно движутся друг другу навстречу или расходятся[98].

Али слышал, как русский офицер восторженно и громко что-то сказал другому офицеру, бухарцы даже оглянулись на него.

— Что, что он сказал? — спросили они друг друга.

---

[97] Труды Беруни глубоко изучены советскими ученными С. Тои-стовым. П. Булгаковым, У. Каримовым, А шариповым, Б. Розен-фельдом и др.

[98] Теории движения материков начала разрабатываться современной наукой лишь в самое последнее время.

— Ну и Восток, сказал, — перевел толмач.

— Беруни, как и Ибн Сина, — продолжает Муса-ходжа, — считает, что природа сама вырабатывает себе формы. Не берет их у бога.

— Не Беруни ли в философских трудах опровергает Ибн Сину, говоря, что мир создан богом? — перебивает старика Бурханиддин. — Причем говорил он это с семнадцати своих лет до восьмидесяти!

— У каждого своя тайна, — заключил Муса-ходжа. — Одному выпадает первому зажечь свет в темноте, и сам он иногда сгорает при этом факелом. Другому — всю жизнь поддерживать огонь, кидая в него вместо поленьев свои года.

Ибн Сина, придя в Гурган, попал на похороны Кабуса. О т жестокости этого аристократического старика стонала уже вся страна. Войска схватили Кабуса и предложили трон его сыну Манучехру. «Сына уговаривали прикончить отца, — рассказывает историк Ибн ал-Асир. — Манучехр приказал отправить отца в баню и отобрать у него одежду. А была зима… Кабус замерз в бане». Таким образом, Манучехр не пролил его крови и вроде бы в смерти не виновен».

Вот и окончился путь Ибн Сины. В начале пути — могилы матери и отца, в середине — могила Масихи…

В первые же дни своего правления Манучехр отправил посольство к султану Махмуду с признанием его господином над собой. Во всех мечетях Гургана на все голоса стали славить Махмуда. Вот так от Махмуда Ибн Сина ушел, к Махмуду и пришел.

Беды все, как из железа, для которых я — магнит…

подвел итог Ибн Сина своему пути из Гурганджа в Гурген. Фирдоуси тоже не остался в Гургане, куда пришел, оставив Тус. Нашел приют в горах у Шахрияра Бавенда — правителя Прикаспийского Табарнстана[99], потомка последнего иранского царя Йездигерда III.

— Отвернулась от меня судьба, не дан мне завершить доброго дела, — сказал Фирдоуси Бавенду. — Хочу тебе посвятить «Шах-намэ», ибо вся она — предания и дела твоих предков.

— Ты — шиит, — сказал, успокаивая Фирдоуси, Бавенд, — в каждый, кто предан пророку, но преуспевает в мирских делах, как сами они в этом ни преуспели. О том, что Фирдоуси скрывался у Бавенда, пишет Низами Арузи Самарканди. Он же рассказывает о сатире и сто бейтов, которую написал Фирдоуси на Махмуда, — зрела она в пути. Упоминает о сатире и Мухтари черев 80 лет после смерти Фирдоуси, — 1026+80…

Бавенд, прочитав сатиру, долго молчал. Потом и сказал:

— Отдай мне эти сто бейтов. Я заплачу тебе за каждый по тысяче дирхемов. И уничтожу их.

Фирдоуси отдал сатиру. Осталось случайно несколько строк, В Табаристане, восточной половине южного берега Каспийского моря, и в Гиляне, западной половине, жили осевшие здесь в древности пришедшие из Центральной Азии смелые, голубоглазые, белокурые племена европеоидного типа, которых арабы так и не смогли покорить. Отсюда вышли неукротимые династии Зияридов, — род Кабуса, — и Бундов, отнявших у халифа светскую власть. Непокоренный Фирдоуси пришел в непокоренные земли. Ислам здесь только делал первые шаги. Отсюда и полетели в Махмуда ядовитые бейты:

Дерево, горькое по сути своей,
Даже если посадить его в райском саду,
Если все время поливать из райских ручьев,

---

99 Сейчас провинция Ирана Мазендаран.

А корни питать чистым медом,
Все равно проявит свою низкую природу.
И тот же горький плод принесет. [100]

Махмуд привез из Индии огромные сокровища. Начал строить медресе в Газне, Балхе, Нишапуре. Это были первые государственные учебные заведения на исламском Востоке. Книги везли из всех завоеванных Махмудом мест в кожаных мешках, укрытых шкурами и коврами, вод усиленной охраной.

Так же, как книги, любил Махмуд и сады. Хафиз-и Абру сохранил рассказ придворного историка Махмуда Абулфазла Байхаки (из недошедшей части его книги) о саде, устроенном для султана в Балхе. Сад поражал красотой. Но почему-то пиры, устраиваемые в нем, не удавались. Их сковывала печаль. Махмуд старался прогнать печаль вином, но чем больше он пил, тем больше она сжимала ему сердце и почему-то вспоминалась Индия.

Тем, в горах, в одном месте все время грустно бьет колокол. Так грустно, что надрывает сердце… Будто не человек, а Смерть или Красота в него бьют. Поднялись… Оказывается, никого нот — в колокол бьет… ветер, А на колокольне надпись… Сколько бы ни пил Махмуд, надпись проступает и сквозь затуманенный мозг. Даже красота сада не стирает ее. Не надпись, а оскал дьявола,

Могучие — снег на солнце…
Унесет их славу ветер, будто пылинку.
Гордые — недолговечны,
Что сновидение весенней ночи.

Странная эта страна Индия. Ворвался однажды Махмуд в деревню. Все сбежали. Только в одной хижине сидел юноша около другого юноши и читал ему книгу.

— А что же ты остался? — спросил его Махмуд, замахиваясь саблей.

— Друг мой болен, — спокойно ответил юноша, даже не дрогнув.

Горел как-то деревянный храм. Все сгорело. А деревянная статуя Будды — нет. Махмуд не поверил, пошел сам смотреть. Да, стоит деревянный Будда. И в глазах у него слезы… Или показалось?

Махмуд выпил три огромных кубка вина, оглядел сад.

— Отчего ты насколько красив. Настолько же и печален? — закричал он, как раненый зверь, и счал крушить сад. А потом, закрыв руками лицо, заплакал.

Все ушли. Остался только новый виночерпий Махмуда тюрчонок Айаз. Он плакал, склонившись над порубленными цветами. «поистине, больше всего на свете тюрки любят поэзию и цветы», — подумал Махмуд, залюбовавшись мальчиком. Потом целый месяц восстанавливал с ним цветник. В минуты отдыха благоговейно наматывал его кудри на палец. «Твое дело соблазнять, — думал он. — Мое же — отстраняться…» И вдруг однажды протянул тюрчонку нож. Айаз покорно срезал кудри… Махмуд плакал три дня, забросив работы в саду, пока Уисури не прислал ему рубаи:

Что за беда, если укоротили кудри кумира!
Уместно ли метаться в горе?
Надо радоваться и пить вино!
Ведь вся красота кипариса от того, что его подстригают…

За это три раза наполнил Махмуд драгоценными камнями рот Унсури.

Вскоре в восстановленном цветнике распустились первые цветы. Махмуд попрощался

---

[100] **Перевод В.** Державина.

с горьким своим садом, из которого так а не изошла печаль, и снова стал собираться в Индию.

И вот он в походе. Предстоят ему опять проехать мимо тонкого серебряного колокола в горах. Когда слышит он его звон, сразу же приходят мысли об Ибн Сине.

«Кто ты, гордый дух, что сам себе ищешь погибели?. Разве не видишь — мы с тобой два конца одной дороги. Твои мысли — узор на крыльях орла. Как мне прочитать их? Ворвись солнечным ветром в мою мышиную тишь… и Конечно, каждый человек — частица рока. Изменить тебя никто не может, даже я. Изменить человека — все равно, что изменить Космос. Но и без тебя мне невыносимо жить. Задушевность дьявола — его стыд. Ты — моя задушевность. Уйди из Гургана. Догадай тебя бог прийти ко мне…»

В Гургане Ибн Сина не решился показать рекомендательное письмо Беруни сыну Кабуса Маничехру, Передал дочери Кабуса — принцессе Эаррингис[101]. Наверное, Беруни рассказал Ибн Сине еще в Гургандже о каких-то благоприятных чертах ее характера. Не исключено, что она принадлежала к просвещенным женщинам, интересовалась наукой, философией. Не оказал ли на нее — подростка, влияние Беруни, когда жил здесь и невольно задавал тон дворцовой жизни? Да и Кабус, утонченный литератор, создавал своеобразную, повышенно-интеллектуальную атмосферу но дворце.

Ибн Сина посвятил Заррингис трактат по геодезии. Она поручила ему уточнить долготу Гургана. Уточнять? Кого же Ибн Сина должен был уточнить? Беруни! Ведь это же Беруни, живя здесь 13 лет, определил долготу города! Думая об этом задании, Ибн Сина останавливал взгляд на высокой башне, только что отстроенной. Внизу арабская надпись: «Этот Замок принадлежит Солнцу высоких качеств… Кабусу ибн Вашмгиру». Начали строить башню в 1006 году, 33-летний Беруни был тогда здесь. Башню строили в четыре кирпича толщиной! Кабус предполагал спрятаться в ней от сына.

— Но и мощные стены, оказывается, не спасают от движения…

— От движения?! — перебил Слепого Старика Бурханиддин-махдум. — Вы, наверное, хотели сказать: «От Судьбы»?!

— Движение — это и есть судьба.

— Движение?.. Нет, движение — это… ну, вот, едет арба, летит птица, бежит мальчик. Движение — перемещение в пространстве, а судьба…

— … один из видов прямолинейного движения: от жизни к смерти, — сказал Муса-ходжа. — Раз вы выдвигаете теоретическую физику Ибн Сины как обвинение против него, то давайте поставим все на свои места. На второй разбираемый вами вопрос — что есть Пространство, Движение и Время? — Ибн Сина ответил честно: свойства материи.

— Свойства материи?! — удивился Бурханиддин-махдум. — Свойства материи — это твердость-мягкость, холод-тепло, белизна-чернота, то есть все то, что можно увидеть, потрогать, ощутить. Пространство же. Движение и Время — всего лишь… конструкции нашего ума! Так и Газзали говорит!

— А разве до человека солнце не перемещалось с востока на запад? Зима не переходила в лето?

— Откуда мы знаем, что было до человека? Может, солнце тогда вообще стояло на месте!

— Стоять в природе ничего не может, если оно хочет существовать. И как сложна жизнь, так и сложно Движение — оно не простое перемещение тел в пространстве. Так думать может только курица, ищущая на дворе зерно. «Незнание движения влечет за собой незнание природы». Это еще Аристотель сказал.

— Ну хорошо, — примирился Бурханиддин. — Причина движения — бог. Мы все, правоверные мусульмане, так считаем. А что у Ибн Сины является причиной движения?

---

101 Заррингис — златокосая.

Только не говорите «материя» и всякую подобную ерунду. Бы мне так же ясно одним словом ответьте.

— Противоречие.

— Противоречие — причина движения?!

— Да.

В толпе зашумели, не понимая Муса-ходжу.

Проблема противоречий движения — нелегкая проблема. А. Эйнштейн назвал ее «семой фундаментальной проблемой, остававшейся в течение тысячи лет неразрешен-мой из-за ее сложности»[102]. Ибн Сина, пожалуй, первым начал на основе последних достижений науки своего века разрабатывать проблему движения как разрешение тех пли иных его противоречий, сделал в этой области блестящие открытия, более того, подошел к классической диалектике, к тому, что изменение качества может произойти и вследствие количественных изменений[103]. Пространство, и Движение и Время он понимал почти как атрибуты материи — то есть больше, чем свойства ее, высказал гениальную догадку о самодвижении тела, когда «движение и заложено в природе тела». Английский ученый М. Родинсон отдает Ибн Сине приоритет в этом вопросе.

— Вот зимой кто-то из вас оставил но дворе полный кувшин воды, — обращается Муса-ходжа к народу. — А утром смотрит, вода замерзла и ее стало меньше — Словно кто-то отпил. Это движение.

— Движение?! — изумились в толпе.

— **Да.** По количеству. Без питания.

Али встряхнул головой. Или дурачит всех Муса-ходжа?

Муса-ходжа вспомнил об Али.

— Ну хорошо, что такое количественное движение через питание? — спросил он толпу. — Это рост всего живого. И увядание. Питаясь соками земли, теплом солнца, влагой дождя, растет, например, зерно. Питаясь травой, растет корова. Питаясь зерном и мясом, растет человек. Так?

— Так, — сказал сам себе Али.

— Но ведь все живое — смертно! — продолжает старик. — Значит, противоположным росту будет увядание.

Что превысит, к тому и будет идти движение. Если растению не будет хватать солнца и влаги, победит увядание. Так?

— Так, — отвечает вместе со всеми Али.

— Для неживых предметов — камней, воды, огня — Количественное движение совершается без питания. Там и движение происходит либо в сторону уплотнения вещества — вода замерзла и уплотнилась, либо в сторону расширения — вода нагрелась и расширилась. Вот и все.

По толпе прокатилось оживление. И совершенно это, оказывается, не дьявольщина, как говорит Бурханиддин. Все очень просто.

— Движется все, — продолжает Муса-ходжа. — Нет в природе предмета, который бы не двигался, — Есть! — сказал Бурханиддин. — Мой дом!

— И ваш дом тоже движется, — улыбнулся Муса-ходжа.

— Ну зачем вы так бессовестно смеетесь над судом? — возразил Бурханиддин.

— Это вы смеетесь над Ибн Синей, небесным орлом! Вы, птахи нашестные! Беретесь судить его, не понимая такой простой вещи, что и дом движется! — со слезами на глазах

---

[102] **См.** Сборник «Абу Али ибн Сина». В 1ооо-летию со дня рождения. Ташкент, «Фан», 1980, статьи Ш. Жураева.

[103] Я эта проблема раскрыта советским ученым А. Файзуллаевым.

сказал старик, — Дом это равновесие двух противоречий: покоя и движения. Почему не падает вниз потолок, который сам по себе, по силе своей тяжести, не может находиться над землей? Потому, что его держат стены! Поставьте потолок на слабые стены! — и он рухнет, то есть придет в движение, потому что будет нарушено единство движения и покоя. Это любой каменщик знает!

На площади установилось молчание. Слезы старика на Востоке — страшная вещь. Это лучшее, что могло бы защитить Ибн Сину.

Али покраснел. Многое бы он сейчас отдал, чтобы стоять там, на месте Муса-ходжи. Его обожгла мысль, что не чужой старик сидит там, под жгучей ненавистью судей, а его родной отец, — отец, которого он никогда не видел. Отца он предал.

— Ну а как же Вселенная движется, если у нее нет своего внешнего пространства? — спросил Бурханиддин. — Не стоит же на месте, если верно ваше утверждение, что жизнь — это движение?

— Не стоит. Движется, Ее движение — это движение по положению, — спокойно ответил Муса-ходжа.

— У Аристотеля нет такого вида движения.

— Нет… Это открытие Ибн Сины. Вне Вселенной действительно нет никакого пространства. И пустоты нет. Значит, перемещаться в пространстве Вселенная не может.

— Не может! — со скрытой радостью проговорил Бурханиддин. Он не ожидал такой удачи, когда задавал этот вопрос.

— И все же она… — Муса-ходжа поднял лицо к небу, будто в молитве… — вращается. Вот ее движение.

Это движение самого Ибн Сины, ибо вращательное движение — движение вечности, движение планет, других небесных тел. Наше с вами движение — прямолинейное по вертикали, как движется все то, что родилось и должно умереть, В нашем с вами движении противоречиями являются движение вверх — рост и движение вниз — увядание. У кого что побеждает, тот туда и движется. У меня, например, победила противоположность увядания. Я двигаюсь к смерти. Ибн Сину же уничтожить нельзя. Двигаясь в вечном, вращательном движении, как, Солнце вокруг Земли, он изменяет лишь свое положение относительно нас, то удаляясь, то приближаясь. Вот сущность его бессмертной жизни. И никакая сила не сможет уже сбить его с этой орбиты. Разве только сила, которая собьет со своих орбит все планеты.

— А где же единство, взаимосвязь движений? — спросил Бурханиддин. — Или это Ибн Сина оставил додумывать богу?

— О, за этот вопрос можно поклониться вам в ноги! — проговорил Муса-ходжа. — Действительно, как может прямолинейное движение перейти в криволинейное, например? Ибн Сина много думал над этим. И решил так: «Чем чище тело по своей природе, тем его движение быстрее и прямолинейнее. А если в нем есть примесь противоположного к его характеру, то движение менее прямолинейное и медленнее». Это из его «Книги знаний». — И вспомнив об Али, конечно же, стоящем здесь, старик стал подыскивать пример: — Ну, первая изначальная юношеская природа человека, когда он чист и прекрасен душой, это его движение к богу, Истине, — быстрое, прямолинейное движение. А испоганил он свою природу ложью, похотью, алчностью — и прямолинейное движение начинает замедляться, а в какой-то момент и кривиться. Вот так прямолинейное движение и переходит в криво-линейное.

Постановка Ибн Синой проблемы перехода прямолинейного движения и криволинейное в рамках естественнонаучных достижений его времени достойна восхищения. Позже эту его идею будут разрабатывать Галилей, Декарт, Ньютон, Галилей через 600 лет после Ибн Сины сформулирует закон единства прямолинейного и криволинейного движения как двух форм одного и того же механического движения. Над этим движением думают и сейчас ученые мира. Оно — одна из проблем века. По законам равномерного прямолинейного движения растет колос, летит космический корабль, пуля,

птица, течет кровь в пенах, нефть в трубах, растут кристаллы и дети, выстраиваются стихи и музыкальные гармонические композиция[104].

Это — графическая запись равномерного прямолинейного движения, — «дорожка Т. Кармана или В. Голубева», которую они независимо друг от друга открыли один в 20-е годы нашего века, другой — в 40-е, Читается эта дорожка так: «За машущим крылом птицы или любого тела, обтекаемого средой, образуется вихревая дорожка с обратным расположением вихрей». Направление движения этих вихрей таково, что они сообщают телу добавочную скорость в сторону, противоположную движению. И крыло у птицы — это, оказывается, вовсе даже не опора, как думали раньше, а генератор вихрей. Опора — Среда, воздух. А вот эта же дорожка, но выраженная языком геометрии:

Не правда ли, напоминает орнамент древнего Китая, американских индейцев, народов Сибири, Ирана, настойчиво передаваемый из поколения в поколение? Что это? Остаток древнего Всеобщего Универсального языка?..

Если же равномерное поступательное движение рассечь плоскостью, то вот что получится С потоком воздуха за крылом самолета (опыт французских ученых):

То есть то, о чем и говорил Ибн Сина: «Если в природе прямолинейного движения есть примесь противоположного к его характеру, то движение становится менее прямолинейным», то есть постепенно закругляется.

Турбулентное движение — проблема номер один в современной физике. Это движение обусловлено хаотическим перемещением, затуханием, гибелью и рождением бесчисленного количества вихрей — больших и малых, и не поддающихся никакой математической определенности. Без овладения законами этого движения мы не сможем понять течение воды в океане, ветров в атмосфер, гелия и водорода в недрах солнца, потока нефти в мощных континентальных трубопроводах, рассчитать, как будет изменяться климат Земли, распространяться радиоактивное излучение, происходить трение ветра о моря и материки, передаваться тепло и влага от поверхности Земли в атмосферу. Создать структурно-математическую модель турбулентного движения пока никому не удается. Так как же низко должны мы поклониться тем, кто хоть крупицу истины подарил нам в этом вопросе. И тем, кто хранил эту Крупицу, защищал ее от костров мракобесов.

Открытием Ибн Сины является и его учение об «импульсе». Бурханиддин сказал, что никакого тут открытия нет, ибо никакого импульса нет, есть только вмешательство сверхъестественных сил. Муса-ходжа долго объяснял народу, но чувствовал, что его не

---

[104] См. журнал «Декоративное искусство», 1980, № 9. Л. Салдадзе «Семантика древнего орнамента».

понимают. Тогда он сказал:

— Вот Фирдоуси. Жил в своем Тусе. Спокойно жил. То есть находился в состоянии естественного природного движения. Потом поехал в Газну преподнести Махмуду «Шах-намэ». Книга не понравилась, Махмуд вошел в гаев. Где мы после его гнева видим Фирдоуси? Аж в Гиляне! На берегу Каспийского моря! За сотни фарсахов[105] от Газны! Вот это движение Фирдоуси до Гиляна уже не естественное его движение, а насильственное. Что же было движущей силой этого движения? Гнев Махмуда. Так вот, гнев Махмуда — это и есть импульс. Со временем насильственное движение будет остывать. Махмуд займется другими делами и забудет о Фирдоуси, и Фирдоуси тоже смягчится в своей обиде. Настанет момент, когда Фирдоуси остановится и пойдет обратно в Тус, то есть снова войдет в свое прежнее естественное движение.

Более 130О лет философы решали природу насильственного движения[106]. Сегодня о ней легко расскажет, любой шестиклассник. Но как мучительно вставала на ноги эти человеческая мысль! И как велико в ней значение Ибн Сины. А тупик был вот в чем: «Каким образом, — думали философы, — продолжает осуществляться насильственное движение тела после отрыва его от источника движения?» Аристотель считал, что сила руки, кинувшей вверх, предположим, яблоко, передается воздуху, и воздух толкает яблоко, и потому оно движется. Через 900 лет после Аристотеля александрийский учёный Иоанн Филонов сказал: среда не помогает, а наоборот, мешает движению! Осуществляет движение не среда, а движущая сила. Дальнейшее развитие теории движущей силы осуществил Ибн Сина, введя понятие «СТРЕМЛЕНИЯ» (импульса). Оно поддерживает движущую силу до полного ее исчезновения, до того мгновенного состояния покоя, мгновенной остановки, после которой насильственное движение заканчивается. Яблоко летит вверх, останавливается, и начинается естественное его движение под действием сил тяготения к земле, вниз. Через западных арабских ученых Ибн Баджжа, ал-Битруджи это учение Ибн Сины о СТРЕМЛЕНИИ (импульсе) попало в XIII веке в Парижский университет, где Альберт Великий прямо ссылается на Авиценну при изложении этого вопроса. Окончательно строго оформил все Ж. Буридан.

Открытием Ибн Сины было и обоснование им ИНЕРЦИИ как принципа движения. В закон эта мысль была введена лишь через 600 лет Галилеем.

— Если Ибн Сина такой мудрец, что же он не разгадал смерть? — спросил Бурханиддин.

— Разгадал.

— Вы так любите его, достопочтенный Муса-ходжа, что готовы ради него неправдой покрыть свою седую голову. Вот стихи Ибн Сины:

Велик от Земли до Сатурна предел.

Невежество в нем я осилить сумел, Я тайн разгадал в этом мире немало, А смерти загадку, увы, — не сумел.

— В вели кем, надприродном смысле, да — но сумела, Л в философском… Разве вы еще не повяли? Это же вечное круговое движение, единственное из вечных на земле, которое движет вражда двух противоположностей: изменение и Сохранение. Изменение — это жизнь, сохранение — смерть. Вот я расплавлю свой железный ключ. Он исчезнет, умрет, как ключ. Превратится в бесформенный кусок железа. Но железо-то — материя — сохранится! Так и человек. Умирая, он растворяется в земле, возвращается в материю. А мы знаем, что материя вечна. Значит, смерть — это вечное сохранение тебя, вечное присутствие материальных частиц, из чего ты состоял в природе. А жизнь — это изменение только что народившегося нового соединения, нового тела, развитие его.

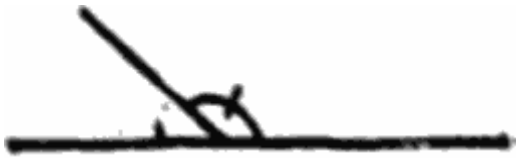
---

105 Фарсах— около 6 миль, путь коня за час.

106 **См.** статью М. Рожанской из сборника «Абу Али ибн Сина», Ташкент, «ФАН». 1980.

Ничто в мире не уничтожается. Даже Вселенная самосохраняется.

Так же говорили, развивая эту идею, Джордано Бруно, Дени Дидро, французский математик и философ XVII века П. Гассенди, Ибн Сина выражал этот закон и в графической форме:



«Насколько один угол меньше прямого угла, настолько другой больше его, вместе эти два угла равны двум прямым».

— Я думаю, теперь вы видите, — сказал Муса-ходжа, — что никакой Ибн Сина не дьявол, а такой же человек, как мы, только умел думать.

«Нет, — передернулся Али, — все-таки есть в нем что-то от дьявола. Страшно было бы стоять около него, живого, и смотреть ему в глаза».

— Если не дьявол он, то почему же так всю жизнь избегал самого праведного мусульманина эпохи — султана Махмуда? — спросил Бурханиддин. — Почему бежал его, как сатана бежит христианского креста?

— Потому что противоположность не воспринимает свою противоположность, — ответил, грустно улыбаясь слепой старик. — Это слова Ибн Сины. Трагедия Махмуда как раз была в том, что он не понимал этого закона, но по наитию его ощущал, то есть был как бы «проснувшийся». А это самое страшное, что только может быть с человеком, — поэтому его и мучила такая ужасная тоска. Он всю жизнь нигде, ни в чем не находил успокоении. Это трагедия. Это ад. И чем сильнее он хотел иметь Ибн Сину, тем страшнее был этот ад. Недаром он по ночам бродил. А то и вовсе завел голубей и с мальчишками гонял их. И страшно пил. Народ пожалел его, сказав: «Потому он бродил но ночам, что искал Справедливость». Народ как бы хотел примирить его с Ибн Синой силой своей великой доброты. Не противопоставил его Ибн Сине, как противоположность, а преобразив, соединил с Ибн Синой как нечто новое. Сказка рождается там, где быль невозможна… Народ сам гений. Больше, чем Ибн Сина. Народ знал: «Махмуду надо догонять Ибн Сину, копить в себе по крупицам новую чистую природу, равную природе Ибн Сины, Тогда мир будет совершенствоваться. Тоска Махмуда — это рост мира. По этому Закону, Закону количественного накопления, и происходят все качественные перемены в мире. Если бы вы могли страница за страницей прочесть удивительную, богоподобную «Книгу исцеления» Ибн Сины…

Никто еще никогда не давал такой подробной картины постепенного перехода друг в друга трех состояний мира: мира камней в мир растений, мира растений — в мир животных, мира животных — в мир человека![107]. Ибн Сина показал, что все это — единый процесс различных состояний четырех основных первоначал материи: огня, воздуха, праха и воды. Качественными своими взаимопереходами и скачками они и порождают все то великое многообразие и единство, которое есть мир. Ибн Сина так и пишет: «От одного качества к другому качеству можно перейти одним толчком и можно переходить постепенно».

Вот, например, как образовались минералы. Взаимодействия четырех основных составных частей мира: частиц огня, воздуха, земли и воды в подземной кузне дали четыре группы соединений: камни, металлы (то, что плавится), серные тела, соли.

Ибн Сина первым правильно распределил все вещества по этим четырем группам, устранил путаницу, бывшую до него[108]. Рази, например, не знал, куда девать купорос, и

---

[107] См.: А. Сагадеев. «Ибн Сина», стр. 128–129.

[108] М. Вертело, ум. 1907 г., — французский химик, высоко ценил химию Ибн Сины, особенно его классификацию веществ.

создал для него особую группу. Ибн Сина же поставил купорос и группу «соли». Ртуть у Рази стояла в группе «духов» — то, что улетает от огня. Ибн Сина же поставил ее в группу «металлов», сказав, что ртуть — это жидкий металл. Нашатырь стоял у Рази в «духах». Ибн Сина навечно определял ему быть там, где соли. И включил химию в состав естественных наук, потому что химия изучает «природу, — говорил он в XI (?) веке, — а не мистику».

Итак, первая ступень Лестницы Природы — мир минералов, где без химии не обойтись. Рассказывая о второй ступени — мире растений, Ибн Сина становится ученым но растениям. Он описал строение листьев многих деревьев, трав, цветов, — как они размножаются, как происходят Те или иные виды растений[109]. Все это — девятая глава «Книги исцеления». Далее Ибн Сина исследует мир Животных, потом мир человека — от растительной его души, осуществляющей рост и размножение, до животной и далее — до разумной, чисто человеческой.

Как видите. Движение, Пространство и Время, — подвел итог разговору Муса-ходжа, — не конструкции нашего ума, как говорит Газзали, Они, — утверждает Ибн Сина, — суть самой природы, материи. Через тесную взаимосвязь их друг С другом она и развивается.

А теперь я хочу сказать несколько слов о Беруни… У Беруни тоже есть Лестница Природы. Да, да! Вы скажете, как же так? Он отрицает вечность материи и независимое от бога ее существование!

В «Тахдиде» Беруни так же, как и Ибн Сина в «Книге исцеления», выстраивает эту Лестницу, это восхождение от низших форм материи к высшим. И в каких-то вопросах Беруни шел даже впереди Ибн Сины. Так, Беруни говорил, что качественные скачки бывают не только у материи, но и у… Времени. Да, да! У Времени! Время движется, — говорил он, — не прямолинейно, а по спирали, скачками. В древнеиндийской философии говорится, что мир развивается по спирали.

Из некоей точки рождается. Потом на каждом витке полностью раскрывает все свои возможности и только тогда имеет право перейти в новое качество, на новую ступень Лестницы Природы, в новое пространство, в новое время. Вот так у Беруни выстраивается переход количества в качество — но спирали, а не по вертикали, как у Ибн Сины.

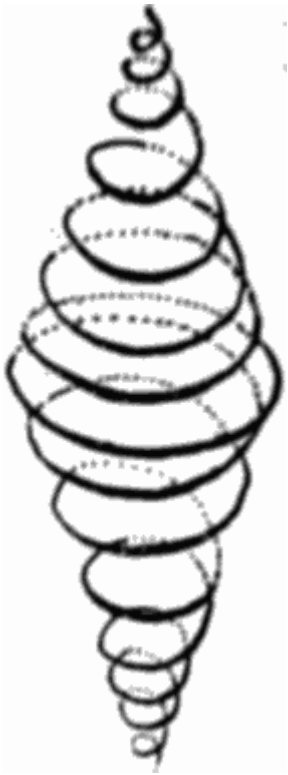
(Когда Вселенная пройдет все витки спирали, то вернется и точку, то есть умрет. Весь цикл одной спирали называется индусами «вдох и выдох Брахмы»[110]…

— Султан Махмуд совершил 17 походов в Индию, — продолжает Муса-ходжа, — и завоевал много ее земель, Беруни по-своему завоевал эту страну. Написал книгу «Индия». У индусов первоначалом мира являются три Гуны: качество счастья — бог, качество страдания — человек и качество тьмы — животное. Сначала одна из Гун становится эмиром какого-нибудь цикла Вселенной, потом другая, третья. Поэтому Беруни так страстно держался за сотворенность мира, а не вечность его! Беруни была дорога новизна мира, который развивается по законам разных Гун. Для него были важны разные качества мира, а совсем не то, что защищал Газзали, выступая против Ибн Сины.

---

109 Мейер — немецкий ученый говорит об огромном значении Ибн Сины и установлении ботанической терминологии.

110 Длится, согласно «Ведам», 2 1 но 000 000 лет. современная кое-



— Газзали подарил нам жемчужную мысль: «Невозможно создать более чудесное, чем то, что уже создано».

— Воистину так! — всколыхнулась толпа.

— И смелости у него было не меньше, чем у Ибн Сины и Беруни, — продолжает Бурханиддин. — Он тоже бился за свою правду, как и они. Богословы ханифитского толка дали даже разрешение на его убийство. А в Андалузии кидали его книги в огонь. Он тоже познал жертвенность.

— Он познал возмездие, — грустно проговорил Муса-ходжа.

Толпа зашевелилась. Раздалось несколько возмущенных голосов.

— Я прочту только два документа, — поднялся Бурханиддин. — Вот первый. Из исповеди Газзали: «Я счел своим долгом посрамить Фараби и Ибн Сину. Душу мою, как искра, поразила мысль: дело же безотлагательное и обязательное! Какой тебе прок от уединения и отшельничества, когда болезнь уже стала всеобщей, люди — на-кануне гибели». И вот второй документ. Байхаки: «Древние философы. Как Аристотель, Платон и другие, были аскетами, но Абу Али ибн Сина изменил их обычаям в правилам, пристрастился к вину, предался плотским страстям, а жившие после него философы подражали ему э распутстве в разврате». Кому мы будем верить?

— Газзали! — закричали все в один голое. — Он свитой.

— Он суд божий!

— Он наше спасение!

— Он сын неба!

Бурханиддин зажег старую рукопись, поднял ее, горящую, над головой:

— Это «Книга знаний» Ибн Сины, где вечна материя, э бог — мертвец! — и бросил ее на землю.

Что тут началось! Сторонники Газзали сцепились со студентами и другими защитниками Ибн Сины. Крики, кровь, огонь.

Русские офицеры с бледными лицами стали поспешно пробираться к Арку. За ними, оградив голову руками, семенил толмач.

Али, сдернув бороду, медленно пошел сквозь толпу к бледному застывшему старику. Многие начали узнавать Али. Увидел его и узнал Бурханиддин…

Мгновенно на площади установилась тишина.

Старик, испуганный внезапной тишиной, поднялся и беспомощно выставил вперед руки.

Али подошел к нему, взглянул в его измученные, не видящие, широко раскрытые глаза, на его голову, коротко стриженную, такую сирую среди пышных чалм, склонился перед ним на колени и поцеловал край его чапана.

X «Смерть! Где твое жало?»

Эмир был в страшной досаде, когда узнал, что объявился Али. Если б не подошел он там, на площади, К старику, все завершилось бы казнью Муса-ходжи. Народ начал уже жечь книга Ибн Сины. Как бы все кстати сошлось!

Вошел майор Бейли бледным Миллером, державшим в руках листок телеграммы. Первая конная армия боль шевиков с помощью 12-й и 14-й армий разбили второй польский фронт и взяла Киев. Бейли связался с Лондоном. Сведения подтвердились. Мощное контрнаступление красных продолжается. Цель — освобождение всей Украины. Значит, у большевиков будут хлеб, уголь… И самое главное — не будет польского фронта.

— Надо вооружать народ, — сказал майор Бейли.

Эмир встал, давая понять, что не намерен обсуждать своих взаимоотношений с народом даже с теми, кто платит ему деньги.

Али после судебного заседания был избит до потери сознания. Затем брошен в канахану[111]. Перед тем, как уйти, палачи раскидали повсюду соль, помочились, кто где хотел, и к середине ночи, искусанный клещами, крестьянин впал в бред. Кричал, катался по полу, раздирал тело руками. Стражники хотели спать и потому влили ему в горло кукнар[112], который подмешивали себе в чай И табак.

Али затих. На лице появилась блаженная улыбка. В Час Волка, когда смерть собирает наибольшую долю урожая, он вдруг перевернулся и сел: перед ним стоял Ибн Сина.

— Простите меня… — прошептал Али, припадая и его груди.

Ибн Сина обнял Али, крепко прижал к себе.

— Как же ты долго шел ко мне!.. — проговорил он.

Али молча смотрел в его лицо. Милые, дорогие черты…

В глазах ум, доброта, ирония. Но и грусти сколько! Сколько терпения. И открытая мужественность, порывистая чистота. И в то же время как прост Ибн Сина! Но чуть повернулся, и пламя вспыхнуло над головой…

— Скажи, ты человек? — осторожно спросил Али.

— Да. Такой же, как ты.

— Скажи правду! Я выдержу.

— Человек.

— Но так просветлен богом! Потому, наверное, темен нам…

Ибн Сина улыбнулся.

— А их не бойся! — проговорил Али, показывая в сторону Арка.

Хусайн порывисто обнял Али, а когда отпустил, крестьянин увидел вокруг себя море красных роз: он и бухарском дворе дома Ибн Сины, — Вот мой отец, — сказал ему Хусайн. — Вот мать…

Али Целует руки отцу и матери Ибн Сины. Садятся за дастархан, где уже сидят Натили, Масихи, Беруни.

— Этот Коран, — Бурханиддин-махдум поднял старинную ветхую рукопись над толпой, — священный Коран халифа Османа, растерзанного в 656 году смутьянами. Халиф

---

111 Камера в Арке с клещами, специально разведенными дли пыток (букв. «Комната мяса»).

112 Наркотик.

вышел к любимому народу, держа священную книгу высоко в руках. Но смутьяны убили его. Не народ! Народ — это благородство. Наш эмир идет к вам с Кораном Османа в руках я заклинает: не дайте смутьянам победить себя. И первому яз них — пьянице и еретику Ибн Сине. Этим Кораном, священной кровью его, мы и вынесем сегодня приговор Абу Али Хусайну Ибн Абдуллаху Ибн Хасану Ибн Али…

Толпа повалилась на колени.

— Мы разобрали логику Ибн Сины, — начал говорить Бурханиддин после того, как народ, помолившись, встал. —

И его универсальную науку — теоретическую метафизику: вопросы взаимоотношения бога и мира. И теоретическую физику: вопросы Движения, Пространства и Времени. Никто не может обвинить нас в несправедливости. Наш суд — справедливый суд. И в самом сложном — философии Ибн Сины — мы поможем вам разобраться. На трех колоннах стоит его философия, на трех теоретических науках: метафизике, математике, физике. Стоят они из одном мощном основании — логике. На каждой колонне сверху: капитель — соответствующая теоретической практическая наука: практическая метафизика, практическая математика, практическая физика. Сверху, на капителях, крыша. На крыше — базар жизни: ремесленники, крестьяне, купцы, писцы, муллы — все те, кому Ибн Сина дарит свои знания. Вот каков его дьявольский замысел.

Практическая физика: сюда Ибн Сива относит медицину, астрономию и химию. В медицине Ибн Сина — не меньший бог, чем и философии, вы и сами это знаете лучше меня. Сегодня мы судим Ибн Сину-врача.

Ибн Сина приказал себе забыть, что он — врач.

Прилепился кое-как к непонятной гурганской жизни, будто дерево из ветреном склоне. Получив от Заррингис задание уточнить долготу города, чтоб не плутали путники в пустыне, а сразу находили его, Ибн Сина тайно поселился в бедных кварталах. Деньги кончились. Заррингис не догадалась об этом. А больше никого Ибн Сина не знал, кто бы мог его купить.

Из блаженств носил я пояс. Не осталось ничего.
Жил, о деле беспокоясь. Не осталось ничего.
Будь свечою, изошел бы я слезами от тоски,
Был бы чашею Джамшида, разлетелся б на куски.

Отчаяние… Можно было бы, конечно, заняться лечением, но повалит народ, и обнаружит он себя перед Махмудом.

Не лезь в огонь и к банному котлу
Не прижимайся, если он в пылу.

Когда особенно Плохо, лезут из головы стихи. Вчера на базаре он долго стоял и наблюдал, как покупали осла. Осмотрели его зубы, глаза, копыта, ударили в бок, даже под хвост заглянули… «Ах, если б и меня кто купил!»

Я прославился, и тесен для деяний стал мне свет,
Высоко ценюсь я ныне, да купца с деньгами нет.

Из столицы Кабуса Ибн Сина должен был отправить письмо брату и ученику своему Масуми. Он не отправил: вчера прибыл в Гурган пышный караван сватов Махмуда к Манучехру, со дня на день ожидали его самого. Ибн Сина собрал котомку и двинулся в путь. На север. Вдоль восточного берега Каспийского моря. В Дихистан.

— Ну, конечно, там — исмаилиты! — вскричал Бурханиддин-махдум. — Центр Дихистана — Ахур. У этого небольшого городка есть и другое название: Мешхед-и мисриан

— «Мученичество египтян». Каких египтян? Да тайных исмаилитских проповедников египетского халифа Хакима! Ибн Сина надеялся найти там кого-нибудь из их сподвижников…

Дихистан… Когда-то парфяне построили на границе с кочевниками военное поселение. Макдиси из X века говорит о Дихистане как о ряде поселений с центром в Ахуре. В начале XIX в. Мешхед-и мисриан посетил английский офицер О'Конолли, которого сбросили с бухарского минарета а 1838 году. Офицер маскировался под суфия в нечаянно обнаружил себя. Успел сделать план Мешхед-и мисриана, двух его минаретов и высоких ворот а форме арки, украшенных голубыми изразцами. Город находится на полпути между современными Небит-Дагом в Гасан-Кули, недалеко от туркменского поселка Мадау. У развалив минарета в полном безлюдье живут огромные лысоголовые орлы, Ибн Сина говорит в «Автобиографии», что в Дихистане его замучила лихорадка — бич здешних болотистых и мест. В Мешхед-и мисриане сейчас такое безводье, что и археологи не могут даже приступить к раскопкам, ждут прихода Каракумского канала. Но жители Мадау, копая и колодцы, находят огромные хумы для хранения зерна в и глиняную посуду, разрисованную птицами, рыбами, цветами. Значит, когда-то здесь была вода, а значит — жизнь. Но кто прервал ее? Завоеватели?

Сильнее завоевателей — природа. Наверное, оскудела река. В песках она начинается, в песках кончается. С одной стороны не доходит до Сарыкамышского озера, с другой — до Каспийского моря. А когда-то была полноводной. Во времена Ибн Сины рассыпалась на сеть озер и и болот, изводивших людей лихорадкой.

Истахри и Хаукаль, географы X века, говорят о Дихистане как о многочисленных поселках рыбаков. Аристотель в трудные годы тоже ушел к рыбакам. Это как бы уход на дно бытия, отчуждение от законов окружающего я пира, — приход к роднику естества, безвременья, наивности, искренности и чистоты.

Там, где нечеловеческое терпение сочетается с постоянством в сопротивлении отчаянию и жизненной усталости, ярче вычерчивается предназначенье жизни, жажда существовать становится жаждой исполнить волю судьбы, и истина начинает рождаться не из мысли, а из состояния, предшествующего ей. Но как трудно держать это высокое состояние духа, находясь в мире! Потому и заточает судьба своих любимцев в монастыри, мечети, тюрьмы или дома, обрекая их на великий умственный хадж: Абу Наср Фараби писал книги, служа сторожем в саду, как говорит народ, гениальный сирийский поэт-философ Маарри, современник Ибн Сины, был заточен в пожизненную слепоту, Фирдоуси — в 30-летний труд над «Шах-намэ» у себя дома, Беруни — в 32-летний плен Махмуда.

Ибн Сину же судьба заставила быть и миру. И он пронес высокое состояние духа через все мучительные формы зла, которые судьба то и дело подкидывала ему. Позже подобный путь пройдет Данте.

Человека такой судьбы жалеть нельзя. Все в нем измеряется другими масштабами. Тот, кто выдерживает такую судьбу, приобретает характер священности. Недаром Микеланджело сказал:

О, если б я был таким, как Данте!
И мне б была дана его судьба!
И тяжести его изгнанья…
Иного в жизни мне не надо.

Рыбаки, отвозившие рыбу в Гурган, привозили оттуда не парчовые халаты, не сахар в йеменских корзинках, не диковинные апельсины, а удивительные истории об удивительных людях. И это было их богатство. Они вынимали его из памяти по вечерам, сидя у костра, и перебирали. То, что быстро увядало, выбрасывали. Над непонятным раздумывали…

Они знали птицу Семург, которая может перенести через непроходимые снежные горы Рип, через царство холода и льда в Страну счастья, где полгода день, полгода — ночь, горит

на небе неподвижная (!) звезда, и ходят вокруг нее звезды, как кони на привязи. Знали они и Афрасиаба — великого мудреца, управлявшего единым народом. Знали и трагедию его, когда народ разделился на два народа, и потекла между ними кровь. А сколько и сами родили легенд!

Зерно души народа — в его легендах. Немецкий народ, обожествивший жажду познания, сотворил легенду о Фаусте. Русские, не захотевшие видеть завоеванными свои города, сокрушались по утраченной свободе легендой о граде Китеже, который всякий раз при приближении врага становился невидимым. Легенды нидерландцев о Тиле — клич к борьбе за свободу родины.

Легенды об Ибн Сине начали складываться рано, еще при его жизни. Впервые он услышал их в Дихистане.

В легендах, сложенных рыбаками Дихистана, Ибн Сина — Колдун и в то же время — живой человек, которого народ любит, потому что все время подтрунивает над ним.

— Однажды, — рассказывают рыбаки, сидя ночью, у костра, не зная, что человек, пришедший к ним из Гургана, — Ибн Сяна, — подложили ученики под циновку знаменитого бухарского ученого лист бумаги. Пришел Бу-Али, сед и говорит: «Что-то но пойму… Или потолок стал ниже, или под стал выше». — Ибн Сина смеется со всеми от и души, до слез. И втайне гордятся: эту легенду сложили рыбаки острова Лесбоса об Аристотеле полторы тысячи лет назад, в вот осенила она и Ибн Сину. В сути легенды — восхищение народа тонкостью восприятия мира и великим умом.

— А вот еще, — рассказывает другой рыбак. — Прибегает гонец. Срочно надо Ибн Сине к эмиру. А Ибн Сина экзаменует учеников. Сидит и КИВАЕТ головой после каждого правильного ответа. Гонец и говорит: «Иди!

Я за тебя покиваю!»

Долго смеются рыбаки.

— Однажды приходит к Ибн Сине придворный, — новый рассказ, — и говорит: «Я слышал сегодня, как тебя хвалил султан Махмуд». Ибн Сина закрыл руками лицо и заплакал. Придворный испугался: «Чем я обидел тебя?!» «Бывает ли большая беда, чем та, когда тебя хвалит власть…» — сказал великий бухарец.

Вздохнули рыбаки, вздохнул Ибн Сина. Помолчали.

— «Новый месяц подобен сердцу, выкованному из серебра», — проговорил самый старый старик. — Это Ибн Сина. «Жнет месяц нарциссы — цветы мрака»… Это путь Ибн Сины. Такая у него судьба…

Подбросив поленьев в огонь, старик начал рассказывать свою легенду:

— В двенадцатилетнем возрасте отправился Ибн Сина с братом[113] в путешествие на запад[114] для того, чтобы овладеть Знанием. В самом западном городе услышали они о Пещере, где лежит это Знание. Ученый Пифагор преподнес свои книги царю Давиду. После Давида царствовал его сын Соломон, у которого Пифагор провел остаток жизни. Чтобы не пропали книги, поместили их в Пещере, поставив у входа стражу. Ворота открывались раз год. В это время все торопились прочесть как можно больше книг. Но не разрешалось выносить их или списывать хотя бы строчку.

К следующему году Ибн Сина и брат приучили себя к воздержанию в еде и питье. Приготовили масла на год, для освещения, и необыкновенную пищу: высушили и истолкли сердце дикого козла, перемешали с маслом миндаля, положили на солнце, потом опять истолкли, опять добавили мяса и масла, и так делали сорок раз. Наконец, испекли лепешек с орехами, насыщавшими на долгое время.

Через год, когда открыли Пещеру, Ибн Сина и брат вошли в нее вместе со всеми.

---

[113] Брат — символ обыкновенного разума.

[114] Запад — олицетворение античной философии.

Видят, в углу — родник, вокруг — книги.

Очень много книг.

Остались незаметно, Когда все вышли, и стали в одиночестве читать. Записи делали соком лука на одежде.

Вышли из Пещеры ровно через год. Но за это время так обросли бородой, что люди испугались их, приняли за дьяволов и повели к царю. Царь тоже испугался. Приказал казнить.

— Что ж, знания наши бесполезны, если они не помогут нам, — сказал Ибн Сина. И прибег к гипнозу, чем они с братом и спаслись.

Уходя из города, Хусайн Пещеру… сжег.

— Смотрите, — говорит Бурханиддин, — и народ обвиняет Ибн Сину в гибели бесценного сокровища мира — книгохранилища Самани! Он сжег его, чтобы скрыть правду, — страшную, нечеловеческую правду: не мог один человек за одну жизнь, да еще такую короткую — Ибн Сина прожил всего 57 лет! — сделать столько открытий в медицине, физике, химии, математике, в науках о растениях, животных, в астрономии, механике, музыке и даже в науке о языке! К тому же еще он — вождь философов. И прекрасный вождь! Мы уже видели это. И еще — поэт! Я больше скажу… Первую книгу «Канона врачебной науки» Бу Али закончил в 1020 году.

А начал ее в Гургандже в 1005-м, как только прибыл туда из Бухары. Пятнадцать лет писал один том! Потом же, после 1020 года, за каких-то 17 лет оставшейся ему жизни создал около 430 трудов! Причем многие из них — энциклопедии века! «Канон врачебной науки» — 14 томов, «Книга исцеления» — 18 томов, «Книга справедливости» — 20 томов, «Книга по арабскому языку» — 10 томов и так далее. Откуда такая математика, невозможная ни для одного человека на земле?

Произошло страшное… И я, как человек, которого тоже родила мать, искренне страдаю за него. Так вот, слушайте…

… В Дихистане Ибн Сина продал душу дьяволу.

Встала, как конь на дыбы, тишина. Зашелестело смятение. Али, избитый палачами и более десяти дней пролежавши, в канахане, в месиве клещей, жестоко пожиравших его тело, весь превратившийся в боль, вяло воспринимал слова судьи, но то, что Бурханиддин сказал о союзе Ибн Сины с дьяволом, потрясло его. Соединять имя Ибн Сины с бесчестием, безбожием… Это делали На протяжении почти тысячи лет. К этому привыкли. Каждого святого при жизни мучили, называли еретиком, проминали, а потом оказывалось, что он самый божественный и есть. Но соединять имя Ибн Сины с дьяволом?! Говорить о союзе между ними!?. Нет ни одного человека на Востоке, по отношению к которому враги сделали бы такое… Среди бухарцев много фанатиков, особенно среди мулл. Они могут раскрутить это обвинение до великой трагедии!

С Ибн Синой случилась беда. Али сквозь невыносимую боль осознал это, силился что-то крикнуть в защиту Хусайна, Но в голове его все время осыпались какие-то барханы, и ветер передвигал их, и когда они наползали друг на друга, начиналась эта нестерпимая боль, как если бы Али был гусеницей, а Бурханиддин, держа его между пальцами, тихо сжимал.

Муса-ходжа тоже в эту минуту Почувствовал Нел вдвое с Ибн Синой, В глазах его, в этой вечной тьме, вдруг взорвался свет, который алмазными осколками вошел в мозг в резал его при малейшем движении. Старик сидел, прикованный цепями, на чисто выметенной земле среди павлинов, склевывавших мощными клювами кукурузные зерна, и думал: «Что-то случилось с Ибн Синой. Что-то худшее, чем смерть». По дуновению ветра он угадывал отверстие впереди себя, выводящее на солнце, в мир. В отверстие входили и выходили павлины, Бурханиддин спрятал Муса-ходжу в павлиний сарай своего загородного дома — так боялся джуйбарских ходжей: Из тюрьмы, из самой потаенной камеры, они вызволили бы старика — представителя их рода, чтобы спасти честь, потому что никогда, ни один джуйбарский ходжа не сидел в тюрьме.

— Я могу доказать то, что сказал, — обратился Бурханиддин к народу и поднял в руке

листок. — Вот письмо. Ибн Сина написал его… богу! Да, да, я не оговорился! Богу!! Слушайте! «О аллах! Нет у тебя товарища, к которому я мог бы обратиться с просьбой. Нет у тебя везиря, которому я мог бы дать взятку…»

Толпа возмущенно замахала руками.

— Подождите! Еще не такое услышите! Продолжаю: «Да, грешил я много. Большей частью осознанно. Но во всем следовал тебе, и потому ты не можешь покарать меня!»

Бурханиддин читал так, словно кидал куски живого Ибн Сины на раскаленную жаровню.

— «Да, я признаю запретность вина… Но пил и ПЬЮ столько, сколько хочу. И если потону в вине, то не смей сердиться на меня, ибо твоя работа — прощать».

Волна гнева захлестнула голос судьи. Пришлось немного переждать.

— «И потом, — читает Бурханиддин, — характер природы человека позволяет ему пить вино. Ты сам сказал: «В вине пользы для людей!» Причем, сказал «польза» но множественном числе! И ты же сказал: «Тот, кто здоров натурой, здоров и религией». Так что, друг мой, если я и погружаюсь в вино, то слушаясь только твоих советов. И у тебя хватит совести наказывать меня?

Если я прав — приходи ко мне! Выпьем вместе, и я буду тебе товарищем! Нет, тогда не обессудь. И не проклинай меня — своего верного ученика. Прощай. До встречи после моей смерти».

Бурханиддин кончил читать и скорбно склонил голову. Что тут началось!

Толпа яростно и долго бушевала.

— А теперь, — кротко проговорил Бурханиддин, — откроем его «Канон».

«Канон»… Шесть огромных книг в современном издании. Более 200 печатных листов. Более пяти тысяч страниц большого формата. Океан знаний. Памятник человечеству, которое на протяжении тысяч и тысяч лет овладевало наукой врачевания…

Кто-то должен был критически все просмотреть, отобрать, очистить от мистики, проверить опытом, дополнить знаниями своего века и обобщить.

Это сделал Ибн Сина. До него медицина выглядела неприглядно, как храм, в основание которого поставили вавилонский зиккурат, на него установили греческие колонны и накрыли все это сверху китайской крышей с загнутыми краями. В храм же поместили статуи Зевса, Будды, Беда, Мардука, и люди не знали, какому богу молиться. Бог медицины Асклепий пристроился сторожем в храме. Все ходят мимо него, не замечают…

Но сторож он оказался удивительный: все сохранил, и в то же время все роздал. Делал из своих знаний ручьи, и разбегались они по всей земле. Соединялись между собой, образовывали заводи, озера, смелые Водопады, Но: и болота, И вот течет перед Ибн Синой огромная, засоренная сомнениями, вся в водоворотах заблуждений, подталкиваемая спорами река. И никто не знает, как отделить живые ее веды от мертвых.

«Канон» — это светлая, пронизанная глубокой чистотой живая вода медицины.

До XVIII века главнейшие университеты Франции, Испании, Италии, Англии, Германии и других стран изучали «Канон» 600 лет. Так как первый перевод с арабского на латынь сделал Герард из Кремоны в XII веке (но приказу Фридриха Барбароссы), Первое печатное издание «Канона» вышло в 1473 году. В 1476 и 1479 годах он издавался в Падуе. В 1482 и 1500 — в Венеции, В 1543 — в Риме, в типографии Медичи, на арабском, а в 1593 — на французском языке. Всего около 40 полных изданий к XVII веку. С этим могла соперничать только Библия. Киев, Новгород, Москва познакомились с «Овсиньевой мудростью» в XV веке[115].

Перекладывает Ибн Сина, живя у рыбаков в Дихистане, записи, сделанные еще в Бухарском книгохранилище, где на столе у него был весь мир. Вот Чарака — индиец и века. Никогда больше потом Ибн Сина не встречал эту его книгу. И ни один мусульманин после

---

115 Сообщает Б. Петров

Ибн Сины не цитировал ее, и в Индии она не сохранилась. Осталось лишь то, что ввел Ибн Сина в «Канон». Вот какими богатствами было наполнено Бухарское книгохранилище XI века!

ИНДИЙСКАЯ МЕДИЦИНА… Она дала человечеству первое классическое описание воспаления, переходящего в гангрену, главного врага всех рассечений человеческого тела. Индийские врачи первыми догадались в связи с этим кипятить инструменты перед операцией в розовом масле. И более двух тысяч лет человечество пользовалось этим способом. Первая золотая крупинка, которую Ибн Сина берет в «Канон».

Уникальны знания «Аюрведы», куда, кроме книги Чараки, входят еще книга Атрейна и Сушруты, IX век до н. э. В них описание более 150 болезней. — хирургия камнесечения, глазных операций, ампутации конечностей, рассечения и прижигания прямой кишки, иссечения опухолей с обязательной затем обработкой их мышьяковой мазью (чтобы опухоли больше не росли), заливание ран кипящей жидкостью. Индия дала человечеству более двухсот хирургических инструментов.

Гениально и ее учение о четырех соках: крови, желчи, черной желчи и слизи. В их гармоническом сочетании, считали индусы, источник здоровья, при перевесе того или иного сока — болезнь. Учение оказало огромное влияние на медицину всех народов и времен. Наиболее полно оно изложено у Сушруты, IX век до н. э. Разрабатывал его Гиппократ в IV веке до н. э.

«АВЕСТА» — древняя книга азиатских народов, — первое обобщение их знаний о мире. Есть здесь и знания но медицине, которые Ибн Сина внимательно изучает. Вот учение о трех видах сосудов, несущих черную кровь, алую и не несущую ничего. «Нервные столбы?» — думает Ибн Сина. «Авеста» предлагает три вида лечения: травами, ножом и словом.

КИТАЙ… Конкретно с китайской медициной Ибн Сина, наверное, не мог быть знаком. Но ее знания — в медицине Индии и других народов. Широко известны операции китайских врачей с применением, как бы мы сейчас сказали, наркоза. Их делал еще Бянь Цюэ в VI веке до н. э., А знаменитое учение о пульсе! Ван Шу-ха, III век, написал 10 томов об этой величайшей тайне человеческого организма[116]. Учение о диагностике с помощью осмотра тела, ощупывания, исследований пульса, кала и мочи — Сун-Сы, VII век. Иглотерапия — учение, которому более нескольких тысяч лет. Построено на единстве противоположностей — ян и инь, определяет 14 меридианов (каналов) у человека, шесть располагаются на внутренней поверхности тела, на них лечебные точки, иньские каналы идут вниз, янские — вверх, закрутишь иглу по часовой стрелке — затормозишь процесс, против — возбудишь.

Хуа То… Щемящая слава китайской медицины. Уникальны не только его знания, но и этика. Был ли доступен Ибн Сине пересказ страниц классического китайского романа «Троецарствие», посвященных Хуа То? — неизвестно. Но вея история Средней Азии тесно связана с великим шелковым путем, который пронизывал земли от Желтого до Черного моря! Ходили по этому пути купцы ремесленники, сказители, монахи, образованные чиновники. А военнопленные! Порою цари предпочитали брать дань не деньгами, в ученых и ремесленниками. Не от китайских ли пленных Средняя Азия в VIII веке переняла способ книгопечатания?!

«Троецарствие» рассказывает о Хуа То следующее: мчи он лекарствами, проколами и прижиганиями. Если у человека болеют внутренности так, что никакое лекарство не помогает, дает выпить отвар из конопли. Боль-вой засыпает. Хуа То вскрывает ему острым ножом живот, промывает целебным настоем внутренности, зашивает рану пропитанными лекарствами нитками, смазывает шов настоем — и через месяц человек здоров.

У генерала-деспота Цао Цао долгое время болела голова. Хуа То сказал ему:

— У вас в голове от простуды гной. Ему нет выхода наружу. Выпейте конопляного

---

116 см.: Петров Д. Ибн Сина. М., «Медицина», 1980, с. 94

отвара, я продолблю вам череп в смою гной. Тогда корень вашей болезни будет удален.

— Ты хочешь убить меня! — заорал потрясенный генерал.

— Великий ван, не приходилось ли вам слышать, как Гуань Юй был ранен в руку отравленной стрелой? Я предложил ему очистить кость от яда, и Гуань Юй нисколько не испугался.

Генерал посадил Хуа То в тюрьму, потому что Гуань Юй был его врагом. Хуа То, для которого не существовал враг или друг, а существовал только больной, — не понял гнева Цао Цао.

В тюрьме Хуа То сказал стражнику:

— Скоро я умру. Жаль будет, если моя книга на Черного мешка останется неизвестной миру. Я дам вам письмо, пошлите кого-нибудь ко мне домой за этой книгой. Я хочу отблагодарить вас за вашу доброту, подарю ее вам, и вы продолжите мое искусство.

Смотритель тюрьмы пришёл к жене Хуа То и видит: она… топит томами этой книги печь. Осталось всего два листка…

Ибн Сина открыл новую тетрадь записей.

ГРЕЦИЯ… Опыт Книдской, Кносской, Сицилийско-Кротонской школ. Знания их обобщены в гиппократовом сборнике — конгломерате разных авторов разных времен. Гиппократ ценен для Ибн Сины хирургией, стремлением к установлению общего диагноза, принципом лечения противоположным, а также лечением язв, ран, свищей. Изучает Ибн Сина и все виды повязок: круговые, спиральные, восходящие и так называемую «ромбовидную шайку Гиппократа». Особенно заинтересовало Ибн Сину учение Гиппократа о формировании человека внешней средой, о природном происхождении психических складов людей, о единстве природы и человека. «Люблю Гиппократа, — подвел итог Ибн Сина, — но надо все проверить».

РИМ. ГАЛЕН… за 900 лет до Ибн Сины он подарил миру анатомию, которая служила человечеству и в эпоху Возрождения. Сколько записей по Галену! Всю жизнь Ибн Сина возил с собой его книгу, она сохранилась. Находится но французской национальной библиотеке. На полях рукою Ибн Сины написано: «Фи хауз ал-факир Хусайн Ибн Абдуллах ибн Сина ал мутатаббиб» — «Стала принадлежностью бедного Хусайна Ибн Абдуллаха Ибн Сины, считающего себя врачом». Пока это единственный автограф Ибн СИНЫ, — то есть, запись, сделанная непосредственно его рукой.

ЦЕЛЬС. Ибн Сина склоняет голову перед его гениальной хирургией. Подолгу изучает операции чревосечения, трепанации черепа, а также обработку ран, швы брюшной полости. Особенно поражает вот этот шов:

Восемь книг Цельса — энциклопедия медицинских знаний его века.

ВИЗАНТИЯ… Десять книг Орибазия, IV век, где впервые говорится о лечении минеральными водами. Ибн Сина тщательно продумывает этот опыт, вводит его в «Канон».

Знаменитая хирургия Павла Эгинского! VII век. Ибн Сина называет его в «Каноне» просто Павел, любя его.

ГУНДЕШАПУРСКАЯ школа… Основана в VI веке иранским шахом Хосровом Ануширваном, мать которого была тюркютка, дочь Истеми, Школа обобщила греко-римскую и индийскую медицину, углубила знания фармакопии. Сабур ибн Сабир написал 22 тома по токсикологии (терапии отравления). «Книгу бесед о медицине между врачом аль-Харисом и царем Хосровом Ануширваном» Ибн Сина прочел еще в Саманидском книгохранилище. Изучил опыт знаменитой династии врачей Бохтишу, опыт аль-Хариса — врача арабов, лечившего самого пророка Мухаммада. А книги Ибн Исхака по глазным болезням, которые покупали буквально на вес золота! Все изучено Ибн Синой.

БАГДАДСКАЯ ШКОЛА… Знания врачей Табари, Рааи, на писавшего 20 томов «Всеобщей книги по медицине», Сабита ибн Курры, Ибн Аббасса, Косты ибн Луки — отца эксперимента. Его критическое отношение к авторитету древних восхитило Ибн Сину.

Внимательно прочел он и медицинские трактаты Кинди, а также труды врача Джасалика — учителя Натили.

И все рукописи Масихи…

— Вот оно, великое компиляторство! — сказал Бурханиддин, подводя итог рассказу. — Все из чужих голов! Ничего своего!

Британская энциклопедия, XX век: «По чистой случайности труды Авиценны использовались как руководство в европейских университетах с XII по XVIII век, вытеснив труды Рази, Али Аббаса и Авензоара», США, 1947, Ц, Меттлер. «Нельзя считать, что Ибн Сина сделал какой-нибудь существенный вклад в практическую медицину».

Лондон, 1922 год. «Влияние «Канона» на средневековую медицину было отрицательным, так как он убеждал врачей в том, что пользование силлогизмами лучше, чем непосредственное наблюдение больного»[117].

Откроем «Канон»… [118]

Ибн Сина первый в истории медицины дал точное классическое описание менингита. Американский невропатолог Кэмпстон сказал: «Вряд ли в наше время к этому описанию можно прибавить что-нибудь новое».

Ибн Сина первый в истории медицины дал полное и точное описание плеврита, воспаления легких, астмы, туберкулеза, выделив их из общих легочных болезней. Указал на заразительность чахотки. Описание картины туберкулеза у Ибн Сины так точно, что даже появление рентгена не внесло в него изменений. Без изменений перечисляет А. Штримпель, известный немецкий терапевт, все авиценновские признаки плеврита в своем «Руководстве внутренних болезней», выдержавшем 25 изданий.

Ибн Сина первым указал на роль нервной системы в патогенезе бронхиальной астмы, как установил врач из Таджикистана М. Бобоходжаев. Она возникает, пишет Ибн Сина, от повреждения начальных мест органов дыхания — то есть нервов спинного мозга и головного мозга. К такому же выводу недавно пришла я современная медицина, Ибн Сина первый а истории медицины описал картину, лечение и причину болезни, считавшейся в Европе до XIX века самой загадочной — бешенства. Только в 1804 году Цинке экспериментально доказал заразительность слюны больного. Ибн Сина же еще в XI веке, когда не было микроскопов и лабораторий, написал: «Если больной укусит кого-нибудь в разгар болезни, то с укушенным происходит то же самое, что произошло с больным. Остатки его воды и еды делают то же самое и с теми, Кто Их употребил». Одним из лучших лекарств от бешенства Ибн Сина считал питье, приготовленное из печени бешеной собаки. Лишь через много столетий это получило подтверждение, — прививка! [119].

Ибн Сина первый в истории медицины отделил оспу от кори, выделил ветряную оспу в самостоятельное Заболевание.

Ибн Сина первый в истории медицины применил При лечении сифилиса ртуть.

Ибн Сина первый в истории медицины указал на важность проблемы диабета и на выпадение сахара в Моче больных: «Осадок мочи диабатуса, — пишет он в «Капоне», — имеет сладкий вкус, как у меда». В Европе Это впервые заметил Т. Уиллис в XVII веке. Современным врачам почти не пришлось прибавлять ничего нового к характеристике клиники диабета, которую дал в XI веке Ибн Сина. Он первым указал и на причины Этой болезни: нарушение функций печени, механическая и паренхиматозная желтухи, тонко отличаемые Ибн Синой от других видов желтух.

Ибн Сина первый в истории медицины указал на заболевание инфаркта миокарда:

---

[117] **Сообщает Б.** Петров.

[118] Прочитать его современными помогли нам советские ученые-врачи.

[119] **Сообщает Б.** Петров.

«Иногда в сосудах сердца происходят закупорки, которые вредят действиям его». Указал на связи заболевания сердца с болезнями других органов — то, что современная медицина определила лишь в XX веке2.

Ибн Сина первый в истории медицины высказал пред положение о заразности чумы, а также указал на переносчиков возбудителя заболевания — крыс. «Одно из указаний мора, — пишет он, — когда ты видишь, что мыши и зверьки, живущие в глубине земли, выбегают на поверхность и ошеломленные бегут из своих гнезд». В Европе об участии крыс в распространении чумы сказал Иерее э 1894 году[120].

Ибн Сина впервые а истории медицины описал в отделил от других болезней сибирскую язву. В Европе это сделал в XVIII веке Марен. Ибн Сина отделил от других болезней и рожу, клиническая картина которой целиком используется в современной медицине. Отделил от других болезней холеру, а также проказу, — дал ей название «лепра»[121].

Ибн Сина первый в истории медицины указал на «вредоносного комара» — возбудителя кожного лейшманиоза. Только в 1921 году братья Сержан экспериментально подтвердили это[122].

Ибн Сина первый в истории медицины применил пальпацию печени и перкуссию (постукивание) при установлении диагноза. «С помощью постукивания, — пишет он «Каноне», — различают бурдючную и барабанную водянку». В Европе это впервые применил Л. Ауэнбруггер в XI веке.

Перебирает Ибн Сина записи, живя у рыбаков в Дихистане, раздумывает, ищет единую систему изложения, образность, лаконизм, простоту.

Рыбаки вылечили его душу. У него появилось желание жить. Он понял: начинать надо не с сомнения, а с безнадежности. Именно в этой полной безнадежности, вдали от мира, он и вытащил записи, сделанные на разных листках резной бумаги, разными чернилами, разными калямами.

Вот бумага с красной каймой. Она из отцовского дома. Вот желтая бумага — бумага Масихи, Вот обрывок голубоватой бумаги — от тетради Ибн Ирака. На этой бумаге может, и нарисовал он портрет Ибн Сины для султана Махмуде! Вот запись, сделанная в Каракумах у костра. Рядом сидел Масихи… Симптомы его заболевания, смерть… Многие слова размыты слезами. Вот запись, набросанная в пути, где-то около Туса. А здесь, в Дихистане, сколько он лечил! Записи о болезни, свалившей и его у рыбаков, — знаменитой дагестанской лихорадке. Мало кто выживал после нее. Рыбаки собирали редкие травы, лазали за ними в опасные места: болота, ползучие пески — лишь бы вылечить Ибн Сину, который таял у них на глазах. Но и умирающий мозг внимательно прислушивался к себе. Он подарит затем человечеству классическое описание двадцати видов лихорадки, причины возникновения их, лечение.

Для Ибн Сины начало работы над «Каноном» стало как бы прощанием с жизнью. Он написал первые слова в полной безнадежности относительно своего будущего. Но по мере того, как продвигалась вперед работа, оживал душой. Если проявить терпение, страдание превращается в наслаждение. Этому научили его рыбаки. Горе дается для того, чтобы подняться еще выше. Этому тоже он научился у рыбаков, у тихой их, безотрадной жизни. Не обвинять, а осмысливать свою судьбу — вот что главное. И все же, как ни окреп Ибн Сина в Дихистане, все чаще и чаще охватывало его состояние, о котором хорошо сказал один поэт, что умер в джонке посередине реки, среди великого одиночества неба и земли.

---

120 **Сообщает Д.** Хашимов (Душанбе).

121 Сообщает Д. Хашимов (Душанбе)

122 Сообщают врачи Самаркандского НИИ медицинской паразитология им. Л. Исаева.

Хочу
Средь постоянного скитанья
Хорошему поведать человеку
Свою печаль
И подавить рыданья… [123]

Таким человеком стал для Ибн Сины «Канон».

— Медицина — наука прекрасная, — сказал Бурханиддин. — Но она должна строиться на откровениях, ниспосылаемых богом. Если бог молчит, когда врач думает, как спасти больного, значит болезнь — наказание и бог не хочет его выздоровления. Ибн Сина же лечил больных с помощью знаний, добытых разумом. А разум не слышит откровений. Разум одинаково лечит и благородного, и подлеца. Ибн Сина становился на пути бога, путал тончайшую серебряную паутину божественного предопределения, которой все мы опутаны. Тронешь здесь, там отзовется.

Здоровье, болезнь, смерть В все это тайное оружие бога. Вот чего Ибн Сина не понял! Бог с помощью этого своего оружия незаметно подправляет мир. Вот Александр Македонский, например, стоит на берегу Гранина. Высота — 20 человеческих ростов. Сзади пролив, который греки только что пересекли. Первые шаги их по персидской земле… Что делать? Плыть назад в Македонию? И Александр бросается в воду вместе с конем, воодушевлял воинов. И что же? Не разбился! Ни царапинки! Даже волосочек с головы Не упал! А почему? Потому, что богу Надо было тогда, чтобы Александр завоевал Персию. И сколько бы потом Александр ни бросался в ледяную воду, в рукопашный ли бой без шлема, в одной рубашечке, какие бы страшные ущелья ни пересекал, всегда оставался живым здоровым.

Как вдруг, в Вавилонии, на обратном пути из Индии домой, вошел однажды в тронный зал, увидел На троне… нищего в своем венце, и так это потрясло его, в такое он пришел подавленное состояние, что все диву дались. То в Жар его бросало, то в холод, то вдруг охватывало беспокойство, то смеялся, то плакал, то испытывал страх, то безрассудную смелость. Друзья шутили: «Такой пустяк!» А он понимал: не пустяк, знамение бога, доброта его, предупреждение о смерти.

И действительно, через восемь дней Александр умер. «От лихорадки», — сказали врачи. От волн бога, — говорим мы. Не умри он тогда, перепутал бы весь мир. Вот бог его и остановил — лихорадкой.

Бескрылость мышления Ибн Сины поразительна. Сын Востока! И так не понимать предопределения!.. Предопределение, а не человеколюбие — знамя медицины. Человеколюбием может обладать только бог. Представьте собаку, которая любит собак, — этакое собаколюбие… Вот так же смешно богу человеколюбие. У нас есть только послушание. И в послушании богу — единственная наша красота. Если бы Ибн Сина понимал предопределение, никогда бы не взял нож и не вскрыл тело человека: мертвого или живого, не обнажил бы свету суетного мира великую тайну, которая невидимо собиралась в чреве матери и так же невидимо исчезнет в чреве земли, запечатанная рукою смерти.

— Воистину так, — сказала толпа.

— «Органы и их полезные функции, — пишет Ибн Сина в первой главе «Канона», — врач должен исследовать при помощи внешних чувств и… РАССЕЧЕНИЯ» — то есть ВСКРЫТИЯ! Чего? Человеческого тела! Ибн Сина нарушил и еще одно предписание ислама: мужчина не должен видеть обнаженную женщину. Ибн Сина же придумал щипцы и петлю для извлечения ребенка из чрева матери при родах, не благословенных аллахом…

Индиец Суш рута в IX веке до н. э., пытался поворачивать плод на ножку в этих безнадежных смертельных случаях, но и это редко спасало от смерти мать и дитя. Открытие

---

[123] **Ду Фу** (712–770), гениальный китайский поет эпохе Тли.

Ибн Сины сняло фатальность с таких родов. Много размышлял он и над проблемой «незавязывающихся» жизней — выкидышей. Причина их «от матки, от чрезмерной ширины ее устья, малого сжатия ее», — пишет он в «Каноне». Только в 1948 году ученым всего мира с помощью тончайших нейро-гистологических И электрофизиологических исследований удалось расшифровать физиологические закономерности выкидышей. И они полностью совпали с тем, что в одной только фразе сказал Ибн Сина в XI веке.[124]

Не менее гениальной была и его догадка о причине бесплодия — самой большой трагедии на земле. Чистое, мудрое отношение Ибн Сины к материнству поражает соединением святости и конкретной научности, В середине XX века разгадка причины бесплодия, уместившаяся у Ибн Сины также в одно предложение, получила экспериментальное научное подтверждение.

— А теперь я прочитаю, — говорит Бурханиддин, — описание одной операции из «Канона», и вы сами убедитесь в безбожии его знаний, «Часто бывает, что череп, ломается, — пишет Ибн Сина. — Если видна оболочка и опухоль… то тебе следует проявить поспешность… Сначала обрей раненому голову и сделай два пересекающихся под прямым углом разреза. Затем сдери кожу, чтобы обнажилась кость, которую собираешься выскабливать, и если от этого начнется кровотечение, заполни разрез тряпицами, смоченными в воде с уксусом, или сухими тряпицами, а потом наложи компресс из вина с оливковым маслом и сделай соответствующую повязку.

Когда же придет утро, тебе следует взяться за выскабливание сломанной кости. Для этого больной должен сесть… заткнешь ему уши ватой, чтобы не раздражал его шум от ударов… Если кость крепкая, то сначала долбя долотами, не проникающими вглубь, имеющими на внутренней стороне острых мест маленькие выступы, которые не дают им углубиться и дойти до оболочки. Таким образом расщепленная кость долбится и вынимается не разом, а мало-помалу…

Когда же продолбишь кость, выровни при помощи «гребки шероховатости на кости головы., предварительно положив снизу приспособление, прикрывающее и защищающее Оболочку… После этого Лечения железом возьми льняную тряпицу, смочи ее в розовом масло в прикрой ею устье раны. Потом возьми тряпицу, сложенную в два три слоя, погрузи ее в вино с розовым маслом и смажь ею вею рану, а затем наложи на нее тряпицу как можно более легким образом, чтобы она не обременяла оболочку, я делай поверх ее широкую повязку…»

Многим на площади Регистан сделалось дурно. Бурханиддин остановил чтение. Объявил перерыв.

Али вспомнил, как Муса-ходжа прочитал наизусть из «Канона» несколько строк, когда Али, теряя мужество, кричал и корчился от боли после долгого нахождения в канахане: «Знай, к числу хороших и действенных лечений относится пользование тем, что усиливает душевную силу, — например, радость, встреча больного с тем, что он любит, и постоянное нахождение с человеком, который радует его. Иногда полезно нахождение с мужественными людьми и с теми, кого он стыдится…»

Все это вместе был для Али Муса-ходжа, И еще стал таким человеком ему Ибн Сина. «Ах, Хусайн, Хусайн… Милый, дорогой Абу Али… Помоги! Встреча с тобой — это рана на моей голове. Просверли мне больную Кость остротой своей Мысли, вынь из меня дурноту, гадкий липкий страх перед жизнью, перед теми, у кого власть, невежество мое и рабство души. Прополоскай мой мозг в ледяной своей чистоте, наложи повязку из мудрости и прозрения, перевяжи рану своей добротой, и я — новый, мудрый, чистый Али — припаду к твоим ногам и буду всегда и но всем помогать тебе».

Да, действительно, Ибн Сина-хирург — явление уникальное. Его операции по удалению злокачественных опухолей — прообраз современных операций. Серые полипы

---

[124] Сообщает Х. Хакимова (Душанбе)

зачислены им впервые в истории медицины в злокачественные, он советовал лечить их «осторожно, не вырезая я не выскабливая». Первый четко разграничил две стадии рака печени: раннюю и цирроз.

Первым предложил новый, щадящий способ пришивания кожи к краям разреза при вскрытии дыхательной трубки но время удушья, широко применяемый и сегодня такой технической тонкости до Ибн Сины ученые ни у кого не встречали[125].

«Я опишу тебе лучший способ зашивать живот, — пишет Ибн Сина в «Каноне», — научу зашивать глаз женским волосом».

Ибн Сина оставил богатую и тонко разработанную главную хирургию. Его рекомендация по лечению симблефаронов хирургическим путем были разработаны впоследствии одесской школой академика В, Филатова. Принципы и цели хирургического лечения трихиаза, описанные Ибн Синой, почти ничем не отличаются от современных методов[126].

Его способы вправления переломов костей черепа, челюсти, ключицы, лопатки, грудины, ребер, позвоночника, плеча, предплечья, запястьев, пальцев, костей таза, бедра, голени, стопы, позвоночника… действенны И по сей день И носят в большинстве случаев название «способ Авиценны».

Он разгадал и механизмы вывихов. Его взгляд на это ничем не отличается от современного. Блестящее объяснение не мертвого участка тела, что раскрывает анатомия, а живого, увиденного без рентгена, потрясает. «Некоторые люди, — пишет Ибн Сина, — предрасположены к вывихам в суставах, ибо ямки в костях суставов у них неглубокие, так что входящие в них головки держатся неплотно, а лежащие между суставами связки не крепкие, а слабые и тонкие от природы или влажные, легко поддающиеся растяжению, или к ним изливаются вязкие, способствующие скольжению жидкости, или обламываются края костей суставов, в которые входят головки, и ямки оказываются заполненными, щербатыми, без перегородок».

— Мне кажется, — говорит Бурханиддин, — если он сейчас встанет И объяснит нам, как «вывихнулась» из своего сустава планета или звезда, я не удивлюсь. Все он знает. А все знать может только гордыня. Омар Хайям, считавший Ибн Сину своим учителем, тоже был пьяница, развратник и еретик, каких свет не видел. Но я прощаю ему все за одну только его фразу, которую он сказал перед смертью: «Господи! Прости мне мое знание тебя»…

«В Дихистане я заболел тяжелой болезнью и вернулся в Гурган, — Пишет Ибн Сина в «Автобиографии». Но не лихорадка выгнала его, а слава. Славой он обнаружил себя… Много лечил, и к нему стали приходить даже из Гургана! Слава его, словно ветер, долетела и до Махмуда, И нельзя было подвергать султанскому гневу рыбаков.

— Так почему же Ибн Сина сжег книгохранилище Самани? — спросил Хусайн у рыбаков при прощании.

— А ты не понял?! — удивился старик, рассказавший легенду. — Он боялся, что войдет в Пещеру человек с несовершенной душой. А знания, соединенные со злом, могут погубить мир.

Как не было горько Ибн Сине расставаться с рыбаками, он все же покинул их и в ненастье вдоль темного, неуютного, спорящего с ветром Каспийского моря, через болота и тростники, кишащие кабанами: вдоль стен и башен, бегущих с руслом Атрека, дошел до Гургана, и вместе с Атреком вошел в город.

На этот раз Гурган удивил Ибн Сину снегом. Пальмы в снег! Такого он еще никогда не видел. Снег лежал и на башне Кабуса с северо-восточной стороны. «Значит, ветер дул со стороны Бухары… — подумал Ибн Сина с щемящей болью. — Летел через Каракумы,

---

125 Сообщает В Миразизов (Ташкент).

126 Сообщают Б. Вовси и Л. Кальштейн (Душанбе)

может, даже над могилой Масихи, — и вот, перевалив Хорасанские горы, принес мне снег детства…»

О Детстве сны ты видишь до сих нор,

— вдруг сложилась строка, —

Хоть молодость уже за гранью гор.

На базаре, покупая лепешку, Ибн Сина получил сдачей монету, отчеканенную в этом Году В Бухаре, на монете имя Арслана Глухого — младшего брата илек-хана Насра, завоевавшего Бухару в 999 году.

А Наср в это время шел, утопая в снегах, из Узгенда в Кашгар биться со старшим своим братом Туганом, заключившим против него с Махмудом союз.

Шел и думал О жизни… Белый конь, тяжело дыша, с трудом вытаскивал ноги из сугробов, зло косил на Насра огромный красный глаз. Потом останавливался. Ребра ходили ходуном. «Вот так же встала, не пошла дальше и моя судьба, — подумал Наср. — Из чего состояла жизнь? Из вражды с братьями. В детстве мы спали На одной кошме, и ластились к отцу, когда он возвращался из дальних походов, скакали по весенней степи под горячим ветром, пьянея от густого запаха цветов. Цветы в травы доходила до брюха коней. А теперь до брюха доходит снег: «Брат идет навстречу брату с одной целью: убить».

Наср круто развернул коня и поехал домой. Потом, уже из Узгенда, послал к Махмуду поела с просьбой помирить его с братом.

То же сделал и Туган… О, великая сказка! Вечная сказка Вечной Матери, настойчиво вплетаемая в узор на попоне коня, колчане, кисете, рубашке под кольчугой, походной суме:

— Степь, Родина. Мать,

— Разбитое лицо, разбитая дружба, предательство брата, разделенная родина, — то, что когда-то погубило тюркютов и столько других народов, когда брат шел убивать брата.

Сыплет в сыплет снег. Ибн Сина не знает, куда идти. Переночевал в ханаке для дервишей. На рассвете вышел на улицу, закружил бесцельно по городу, согревая себя мыслью, что ходили здесь когда-то Масихи и Беруни… В котомке за спиной — страницы начатого первого тома «Канона», написанные в Дихистане. Пахнут еще рыбой и морем…

Ходит Ибн Сина по улицам, как загнанный зверь. Думает, где бы склонить голову, чтобы продолжить работу. И может, проходит мимо маленького мальчика, играющего в камушки, не ведая, что это Гургани, — тот самый изысканнейший в будущем стилист, автор «Вис и Рамина», которому кланяемся мы за этот его труд, но настанет время, и он проклянёт Ибн Сину и откажется совершить молитву над могилой Фирдоуси, а на вопрос Джуллаба: «Каковы условия общности среди людей?» — ответит: «Человечность».

В это же время приходит в Гурган в Абу Убайд Джузджани, никому не известный философ в законовед из маленького селения под Гератом, тот самый Джузджани, которому

начал Ибн Сина как-то рассказывать о себе и который продолжит затем «автобиографию» до последних дней учителя. Джузджани сделается ему преданнейшим другом, будет скитаться с ним, спасая его книги, вытаскивая их из огня, плача над пеплом исчезнувших мыслей, многие из которых он восстановит по обгоревшим кусочкам.

Джузджани и после смерти Ибн Сины много сделает дли сохранения его трудов. Но… пока они еще не знают друг друга. И может, это интуиция сорвала больного Ибн Сину из Дихистана и понесла его в пасть тигра, в капкан, в этот проклятый город Манучехра, зятя Махмуда, но… навстречу Джузджани.

Нам не известно, как они встретились. Позже, в предисловии к «Книге знаний» Ибн Сины, Джузджани напишет: «Я пришел к шейху в Гурган, когда ему было около 32 лет».

Как это понять? «Я пришел к нему»? Ведь Ибн Сина его не знал. Даже имени никогда не слыхал! Значит, нашел Ибн Сину Джузджани, Ибн Сина, вернувшись в Гурган, скрывался. Джузджани мог встретить его на улице, в мечети, на базаре, а рядах книготорговцев и, потрясенный его лицом, пойти за ним. Мы не знаем, какой был Ибн Сина. В 1954 году при переносе его праха в новый мавзолей в Хамадана иранскому ученому Саиду Нафиси удалось сделать два снимка черепа Ибн Сины: в профиль и в три четверти. Фанатичная толпа разбила фотоаппарат и не дала сделать главного снимка: в фас. По этим снимкам советский ученый М. Герасимов сделал реконструкцию лица Ибн Сины. Вот и все, что мы имеем.

Джузджани остановила, вероятно, необыкновенность лица Ибн Сины, его сосредоточенность, отрешенность, гордость и обаяние ума. Джузджани, наверное, долго ходил за Ибн Синой, прежде чем, набравшись смелости, подошел к нему и сказал:

— Здравствуйте, Абу Али. Я друг вам. Ваша жизнь — моя жизнь. Не прогоняйте меня, учитель.

Подарила Ибн Сине судьба в эти дни и еще одного благородного человека — Ширази. Вот уж поистине: когда ничего не ждешь, все и получаешь!

«Говорит Абу Убайд Джузджани, сподвижник шейха. Здесь кончается то, что шейх рассказал сам, а с этого места я буду упоминать то, что видел лично из жизни его при совместном пребывании с ним до конца дней его. И да поможет мне бог! Жил в Гургане человек, которого вдали Ширази, любивший науки. Он купил для шейха дом по соседству со своим домом и поселил его там».

Ибн Сина и Омар Хайям — дети бога, сказал о них пародо. Доводил он их до последней черты отчаяния, но никогда и отчаяния не оставлял. Встретиться Ибн Сина и Ширази могли в рядах книготорговцев или в мечети, или лечил Ибн Сина Ширази в Первое свое пребывание в Гургане. Несомненно, Ибн Сина принадлежал к той категории людей, которые, поговорив с кем-нибудь, сразу влюбляли в себя собеседника.

В доме Ширази Хусайн, наконец, достал свои записи к «Канону» и продолжил работу. Вот его руки затачивают кончик тростникового пера, окунают в чернила, и потекли на белый лист бумаги, только что разрезанной Джузджани, слова: «Каждая из двух разновидностей семени является частью вещества зародыша». Одна фраза, а в ней победа великого спора XX века — спора генетиков о наследственности, о том, кто вносит наследственную информацию в зародыш[127]. Ибн Сина предвосхитил также идею НЕПРЕРЫВНОСТИ развертывания генетической программы и идею НЕОБРАТИМОСТИ процессов развития. «Ведь ребенок, — пишет он в доме Ширази, — непрерывно развивается, постепенно растет… Как же может он пойти в своем развитии назад?»

Предвосхитил Ибн Сина и идею сложения натуры человека из малых частиц, элементов[128]. Взаимодействие противоположных генов «останавливается у некоего

---

[127] Вопрос взаимосвязи современной науки генетики с некоторыми идеями Ибн Сины исследовало ученые-медики А. Акилов и Ф. Хамраева (Ташкент).

[128] Современные ученые считают, что понятие «натуры» у Ибн Сины соответствует понятию «генотипа», и

предела, — пишет Ибн Сина. — Из совокупности их возникает качество, сходное с ними всеми, то есть натура».

Предвосхитил и понятие типов конституции: «Индийцам присуща общая им всем натура, — пишет он в первой книге «Канона», — а у славян другая натура, свойственная исключительно им одним. Каждая из этих натур уравновешена к данной породе людей и не уравновешена к другой».

Науки, родившиеся в недавнее время — медицинская география, этническая демография, — с помощью тончайших биохимических исследований решают проблемы этнической обусловленности заболевании и адаптивных способностей. Многое еще неясно. Науки эти только встают на ноги. Ибн Сина выдвинул догадку в «Каноне» о некоторых чертах видового и этнического потенциала, лежащего в границах избытка и недостаточности качеств натуры (генотипа), «соответствующих атмосфере его климата»[129].

Ценны мысли Ибн Сины и для новой, только формирующейся науки биоритмологии, изучающей сезонные, суточные и другие ритмы колебаний болезней в зависимости от окружающей среды. Невропатологи и кардиологи знают, что инсульт и инфаркт учащаются в те сезоны, когда резко в течение суток меняется погода, «Если погода перейдет в один день от жары к холоду, — пишет Ибн Сина в «Каноне», — это непременно вызовет соответствующие изменения в здоровом теле».

Ибн Сина из своего XI века говорит и о наличии биологических ритмов в теле, тканях, органах, о том, что они тесно связаны с ритмикой среды, учит читать взаимодействия этих ритмов через пульс, ощущать в них единую закономерность, некую музыку, что можно смело отвести к наивысшим достижениях медицинской мысли. «Как искусство музыки, — пишет Ибн Сина, — совершенно благодаря сочетанию звуков в известном соотношении по остроте и тяжести и кругам ритма, величине промежутков времени, разделяющих удары по струнам, таково и качество ударов пульса. Отношение быстроты и частоты их темпа есть отношение ритмическое, а отношение их качества по силе и слабости и по величине есть отношение сочетательное. Так же, как темпы, ритм и достоинство звуков бывают согласные, а бывают и несогласные, так и неровности пульса бывают упорядоченные, а бывают и неупорядоченные».

А это уже биофизика, которую так широко изучают в современной терапии: синусовая аритмия сердца, например. Ибн Сина различал 48 видов пульса по десяти параметрам!

Для того чтобы немного определиться — где мы, а где Ибн Сина, ощутить время, в которое он жил, приведем пример: в Европе в XVI веке, то есть через 500 лет после Ибн Сины, в медицинских университетах логически обосновывали применение мака при лечении головных болей на том только основании, что головка мака… круглая, как и голова человека[130]…

Ибн Сина высказал мнение о возможности лечения одних заболеваний другими — принцип «раздражающей терапии», за обоснование которого в 1927 году Ю. Вагнер-Яурегг был удостоен Нобелевской премии[131]. В «Каноне» Ибн Сина говорит, что четырехдневная лихорадка избавляет от «злокачественных болезней, меланхолии и падучей». Но обращал Ибн Сина внимание и на вредную взаимосвязь болезней, когда заболевание одного органа тянет за собой заболевание другого, — так называемый «порочный круг» (положительная обратная связь с точки зрения кибернетики) — одна из основных проблем современной

его понятие малых частиц, элементов — понятию «генов».

[129] **Сообщает М.** Бобоходжаев.

[130] Сообщает В. Петров.

[131] **Сообщает Б.** Петров,

медицины[132]. «Иногда соучастие обращается но вред, — пишет Ибн Сина. — Если мозг заболевает, то желудок соучаствует с ним в болезни, И пищеварение в Нем ослабевает. Он посылает мозгу дурные пары и непереваренные питательные вещества И тем прибавляет болезни самому мозгу». Эти мысли Ибн Сины о «дурных парах» сложились потом Декартом в современные представления о нервном импульсе, о нерве как канале переноса информации.

Общепризнанным считается приоритет Ибн Сины и в вопросе локализации отдельных участков мозга как причин тех или иных физиологических функций и психологических процессов. Впоследствии это получит экспериментальное и клиническое подтверждение и станет основой таких новых наук, как нейрохирургия, неврология, психология, психиатрия. Леонардо да Винчи сначала выступил против этих взглядов Ибн Сины, но потом поддержал их.

— Ибн Сина считает, — говорит Бурханиддин-махдум народу На площади Регистан, — что память, воображение, мышление, зрение, сон, чувства, движение рук, ног — все связано не с богом, а с тем или иным участком мозга головы, ушибёшь, например, затылок, потеряешь память. Повредишь середину мозга, потеряешь способность мыслить. Размозжишь лоб, потеряешь способность воображать. Ибн Сина объясняет, таким образом, а причины психических заболеваний: падучей, меланхолии, слабоумия и даже сумасшествия. А ведь все это — тайны бога. Сумасшедший — это же опьяненный любовью к всевышнему! Б его лепете мы ощущаем контакт человека и богом, и Нас охватывает трепет. Ибн Сина же без трепета пишет в «Каноне»: «Сумасшествие — это повреждение мыслительных способностей человека в сторону ИЗМЕНЕНИЯ», когда человек мыслит то, чего нет, и считает правильным неправильное. Слабоумие — повреждение мыслительных способностей в сторону НЕДОСТАТОЧНОСТИ или ИСЧЕЗНОВЕНИЯ. «Слабость памяти возникает вследствие повреждения в задней части мозга. Падучая — спазм мозга…» И так про все. Все объясняет!

Вот уважаемый Усман-бег. Мы специально пригласили его на это заседание. Он лечит психические заболевания… Кораном! Приходит к больному, садится у его ног в начинает читать божественное слово. Ибн Сина же, не испытывая никакого почтения к тайне, ибо каждый человек — это тайна, жесток в своих методах лечения, жесток, как дьявол. Представьте, кто-то возомнил себя коровой и просит, чтобы его зарезали. Приходит Усман-бег, — лаской, тихим словом, красивым чтением Корана успокаивает больного, возвращает его к облику человеческому, ибо не может слово бога не тронуть человека — его создание. Вот логика, достойная преклонения! А Ибн Сина? Приходит в фартуке мясника, забрызганном кровью, поднимает нож, тоже весь в крови, и но всю глотку орет: «Где тут корова, которую я должен зарезать? Эта? О, нет! Слишком она худа! Вы сначала откормите ее как следует, а потом я ее зарежу!» Ибн Сина и перед бесстыдством не остановится! Служанка, ставя перед эмиром еду, не смогла разогнуться. Стоит так день-два. Пришел Ибн Сина. Созвал всех в комнату. Даже эмира пригласил! И при всех начал… снимать с женщины… штаны. Только дьявол мог додуматься до такого! Усман-бег же спокойно сел бы перед женщиной и стал читать Коран, и слово бога разогнуло бы несчастную, ибо не то, что тело, душу оно выправляет…

— Ну а женщина та разогнулась? — спросили в толпе.

— Разогнулась. Но какое это имеет значение!

— А мужчина, тот, что коровой себя считал?

— Поправился… Так вот…

Психология…

Никто из предшественников Ибн Сины не разрабатывал научные основы психиатрии

---

[132] **Сообщает Я.** Рахимов (Душанбе).

— ни Гиппократ, ни Гален, ни Фараби. Искать приходилось вслепую. Не было у Ибн Сины и нейро-физиологических, биохимических, электрофизиологических лабораторий. Только наблюдательность и интуиция, и горячее желание помочь людям, когда слепому готов отдать свои глаза, хромому— ноги, безумному — ум.

Ибн Сина тонко отличал психопатологические расстройства от психических и неврологических состояний[133]. Гениальное его определение сумасшествия и слабоумия дали основу современному учению о различии негативных и позитивных синдромов, о необратимости течения психических заболеваний, А его описание психических отклонений по всей шкале: от мании до меланхолии, дали основу науки о депрессивных состояниях. Бесценен и его вклад в учение об эффективных синдромах, а также смешанных эффективных состояниях, — и сегодня это спорный вопрос! — о сезонности заболеваний, ритмике психоза — проблема, которой ученые начали заниматься лишь недавно. Наблюдения Ибн СИНЫ в области витально-эффективных расстройств оказались крайне важными в свете современной проблемы быстрорастущих психических заболеваний. Ценно И утверждение Ибн Сины о переходе меланхолии в шизофрению. Кроме того, с полным нравом Ибн Сину можно считать основоположником геронтологической психиатрии. В современных спорах о природе эпилепсии мысли Ибн Сины имеют глубокое живое научное значение. Он отлично разбирался и в регулярном механизме нервной системы, который современная наука лишь — недавно разграничила на два и дала им точные определения: соматический (отвечающий за движение и чувствительность) — у Ибн Сины Это душевная сила, и вегетативно-трофический (отвечающий за обменно-трофическую функцию даже в том случае, если движение и чувствительность нарушены) — у Ибн Сины это животная сила. Вот этот гениальный отрывок: «Если орган лишился душевных сил, — пишет Ибн Сина, — но еще не лишился животной силы, то он живой… Разве не видишь ты, что онемевший член или член парализованный сейчас же теряет силу ощущения и движения, восприятию которых мешает… закупорка, образовавшаяся между мозгом и данным органом в идущих к органу нервах. При этом член все еще живет. Орган, который постигла смерть, теряет и ощущение и движение и подвергается гниению и разложению. Следовательно, в парализованном органе имеется сила, которая сохраняет ему жизнь. Когда же препятствие устраняется, к нему опять течет сила ощущения и движения».

В зависимости от повреждения третьего желудочка мозга Ибн Сина первый в истории медицины описал болезнь «тяжелого нарушения сна» (энцефалит), которая в Европе была определена лишь в 1918 году. Вот доказательство: «Самая глубокая спячка, — пишет Ибн Сина, — возникает при ранении тех желудочков мозга, которые вызывают столь же глубокую спячку при давлении на них опухоли или воспаления»

Рассказывая о первой сосудистой оболочке глаза, которая питает его, Ибн Сина бросил мимоходом фразу, над которой снобы смеялись, а ортодоксы всех религий сходили в проклятьях: «Нет нужды в том, — писал Ибн Сина, — чтобы все части первой оболочки служили целям питания. Это осуществляет только ее ЗАДНЯЯ часть», современная медицина подтвердила, что действительно осуществление зрительного акта обеспечивается «особенностями морфо-функционального состояния заднего его отдела — сосудистой оболочки, играющей исключительно важную роль в подвозе биологически активных веществ, необходимых для синтеза зрительного пурпура», — пишут советские ученые Б. Вовси и Л. Кальштейн. Таким образом, указание на особую роль задней части сосудистого тракте глаза я связь его с определенным участком мозга — приоритет Ибн Сины.

Бесценно для науки я такое его утверждение: «При той слабости зрения, в которой соучаствует мозг, имеются некоторые признаки, указывающие на повреждение мозга, причем бывают повреждены и другие чувства». Оно соответствует предмету новой науки — нейроофтальмологии, изучающей многообразие глазной симптоматики в зависимости от

---

133 Сообщает Н. Маджидов

заболеваний центральной нервной системы.

— Так вот, — продолжает Бурханиддин-махдум, — все у него находит объяснение! Даже слепота. Я всегда испытываю благоговение перед слепыми. Это же божье предопределение но плоти! И мы можем быть так наказаны безбожие и непослушание. Или дети наши… И потом, встречая слепого, острее чувствуешь свое благополучие, свое здоровье, понимаешь, что обласкан богом. А если горе у тебя, то при виде слепого не таким это горе кажется страшным. Вот как мудр был бог, создавая слепых! А что пишет Ибн Сина? «Слабое зрение, слепота происходят от повреждения задней частя мозга». Ибн Сина может объяснять даже то, почему я вдали вяжу плохо, а вблизи — хорошо. И наоборот. «Если глаз в состоянии распознавать близкие предметы… но не в состоянии распознавать отдаленные, — пишет он, — то пневма глаза ясна и здорова, но скудна. Если же зрение слабо в обоих отношениях, то зрительная пневма скудна я мутна». Он знает природу и белых пятен на глазу, которыми бог запечатывает зрение грешников. Различает оттенки цвета этих пятен: «белый, как гипс, золотистый, желтый, серый, черный… Наиболее поддаются лечению, — делает он вывод, — катаракты воздушного, жемчужно-белого, голубовато-белого и бирюзового цвета». Как же он лечит катаракту? А очень просто! Берет в руки нож и… вырезает ее! Вырезает предопределение бога!

Современная медицина до сих пор не может объяснять причину того или иного цвета катаракты. Но бесценны оказались для глазной хирургии указания Ибн Сины о тех цветах катаракты, которые почему-то поддаются лечению. Симпатическое воспаление глаза… В Европе учение о нем возникло лишь в XIX веке. У Ибн Сины же об этом воспалении говорится в первой книге «Канона», и никто никогда нигде до него об этом не писал. Истинная природа трахомотозного паннуса, тяжелой болезни, была установлена лишь в XX веке, когда биомикроскопически доказали, что паннус является постоянным спутником трахомы. Ибн Сина же в XI веке указал на заразность паннуса и его связь с трахомой: «если паннус встречается вместе с чесоткой, — пишет он, — то для него испытанным является средство из сумахи». А сумахой он лечил трахому!.. Бесценна мысль Ибн Сины и о великом винчении состояния всего организма для зрения. Используя эту идею, Гельмгольц в 1851 году открыл зависимость изменения глазного дна от перенесенных человеком заболеваний, то есть, рассматривая глазное дно человека, можно, как по книге, прочитать, чем он болен и болел. Термины, которыми современная наука пользуется в анатомии глаза — глазной нерв, сетчатка, оболочка сосудистая оболочка, зрачок, влага, хрусталик, стекловидное тело, роговица… — термины Ибн Сины.

Пишет Ибн Сина в тихом ломе Ширази «Канон». Ложатся друг на друга исписанные листы. Джузджани только успевает нарезать бумагу… Растет первая книга.

И совсем забыл Ибн Сина об осторожности: стал лечить больных. Нигде, никогда, ни разу Ибн Сина не написал ни одного плохого слова о Махмуде. Даже имени его не упомянул. И Джузджани, продолжая «Автобиографию», писал в том же плане. И это была не осторожность, а философия. Для врача нет врага.

«Тому, кто постигнет первую книгу «Канона», — напишет через сто лет после смерти Ибн Сины Низами Арузи Самарканди, — не останется неизвестной ни одна из важных основ медицины, и если бы Гиппократ и Гален воскресли, нм следовало бы отдать должное этому труду. После ознакомления с «Каноном» изучение остальных медицинских книг излишне».

В уставе Краковского университета было записано, что каждый, изучающий медицину, обязан знать «Канон», особенно его первую книгу. В Лейпцигском университете основой медицинского образования также являлся «Канон». Изучали его и в других европейских университетах, Изучали Леонардо да Винчи, Микеланджело, Данте…

«Канон» — порча бумаги», — кричит Авензоар в XI веке. «Писанина!»-вторит ему Арнольд из Виллановы. «Ибн Сина на несколько сот лет задержал развитие хирургии», — пишет в XX веке американский Историк Ф. Гаррисон. А в 1972 году в Лондоне выпускают справочник — «Выдающиеся деятели медицины и хирургии», где представлены двести славных имен, начиная с Гиппократа, и нет в нем имени Ибн Сины. «Авиценна— ловкий

компилятор!» — говорит А. Мюллер, XX век.

Да, много смеялись над Бу Али… Вот, мол, советует он лечить куриную слепоту «соком печени козы»! Какая чушь! Как можно серьезно относиться к человеку, который пишет такое?….

Последние исследования показали, что в печени козы содержится огромное количество витамина «А», без кото-рого невозможно лечение симптоматической и функциональной гемералопии (куриная слепота). Первый вид болезни связан с поражением фоторецепторов сетчатки и положительно лечение именно комплексом рибонуклеотидов. Второй вид связан с недостаточностью витамина «А».

Ибн Сина — пишет: «Грязь, скапливающаяся на шерсти курдюка овцы в Армении… рассасывает твердые опухоли, выпрямляет искривленные кости». Сноб морщится, откладывает «Канон». «Почему именно армянская овца?»

Курдюк овцы, волочащийся по пастбищам Армении, впитывает в себя соки горных трав, особенно молочая, который действительно лечит то, о чем пишет Ибн Сипа, как показали последние исследования.

Наблюдательность Ибн Сины потрясающа. Вот уж поистине — подложи ему листок бумаги под сиденье, он скажет: «Или потолок стал ниже, или пол выше!» Ибн Сина различал 15 видов боли, 48 видов пульса с десятью параметрами каждый (!), 26 видов дыхания, 9 вкусовых признаков лекарств, 22 цвета мочи — (современная медицина описывает 12). По цвету кала Ибн Сина мог сказать, какие кишки болят. Различал поносы от желудка, печени, желчи или от нервов, туберкулеза, лихорадки тифа, холеры, даже от мозга. В совершенстве владел 1200 лекарствами минералогического происхождения в 1400 — растительного. Ввел новые лекарства, которыми мы пользуемся до сих пор: александрийский лист, ревень, камфару, мускус, тамариндовый порошок, мышьяк-для лечения зубов, медный купорос, серу, серебро, олово, соду, поташ, гипс, буру, глину, квасцы… Ибн Сина открыл очищенную (дистиллированную) воду. Раны обрабатывал вином и розовым маслом. Наука недавно установила противомикробные свойства розового масла. Гениальна была догадка Ибн Сины и о микробах — за 800 Лет до Л. Пастера: «Что-то попадает в рану, — пишет он в «Каноне», — и вызывает ее загнивание, как молоко, как фрукты закисают».

И все же некоторые зарубежные ученые, признающие заслуги Ибн Сины, говорят, он — случайное явленно в медицине Средней Азии, не являющейся оригинальной, так как она лишь синтезировала достижения других медицинских школ. Чем дальше от Ибн Сины, тем меньше профессиональных врачей. К началу же XX века знахарство получает широкое распространение.

Народная медицина вечна. Она, как море, — то спокойна, то рождает девятый вал — Ибн Сину. В Бухаре начала XX века профессиональных врачей действительно не было. Единственная больница содержалась русским врачом и фельдшером-кашгарцем, располагалась в самой грязной части города среди гнилых болот. Холера, малярия, ришта собирали богатый урожай смерти. Русские прислали в 1895 году из Петербурга комиссию, состоявшую из бактериологов и видных врачей. Духовенству, за которым всегда оставалось последнее слово, показали в микроскоп каплю питьевой воды из главного бухарского канала.

— Вы думаете, эти букашки, скрытые от нашего взора добротою аллаха, сильнее божественного предопределения?! — рассмеялись муллы. — Только бог — причина болезней!

В это время, когда эмир Алим-хан возлагал надежду на Антанту, была у него еще одна тайная мысль: «Луч-ше Антанты, — думал он, — помогут мне… малярия и тиф — порождения войн и огромных передвижений человеческих масс. Разве не остановила 95 процентов войск Антанты в Македонии в 1916 году малярия?! Разве не вымирали от нее целые гарнизоны русских на Кавказе и в Средней АЗИИ? Разве сейчас она не царь в развороченной России?» Эмиру тайно сообщали сводки роста малярии и других заболеваний в тех местах, где проходила линия фронта гражданской войны. Об этих сводках не знал даже английский майор Бейли.

Но в то время, когда происходил над Ибн Синой суд, в Москве, по указанию Ленина, открывался первый в России Тропический институт, и в нем начали усовершенствовать свои знания отозванные с фронтов советские врачи Л. Исаев и н. Ходукин, которые сразу же после установления Советской власти в Бухаре (в 1923 году) приступят к исследованию ее страшных болезней. В 1924 году Л. Исаев откроет в бывшей столице Бухарского эмирата первый в Средней Азии Тропический институт. Ходукин возглавит малярийные станции в Мары в Ташкенте.

«Ну хорошо, — скажут те буржуазные ученые, для которых Ибн Сина-случайное явление медицины Средней Азин, Л. Исаев, н. Ходукин — русские… А в ком из СРЕДНЕАЗИАТСКИХ врачей продолжились традиции Ибн Сины?»

Немало сегодня таких ученых-медиков: Э, Атаханов, А. Аскаров, У. Аринов, В, Вахидов, Н. Рахимов, А. Рахимджанов и другие. А вот конкретный пример: Дехкан-Ходжаева, ученица Я. Ходукнна. Принесла учителю материалы трехлетних исследований, опрокидывающие ее тему: «Непатогенность лямблий», и сказала: «Лямблии патогенны, пробивают, как выяснилось, внутрикишечные стенки!» А в мире тогда считалось, что лямблии безвредны.

Вслед за этим первым (зарегистрированным) открытием н. Дехкан-Ходжаева обнаружила другое явление, разглядев в хаосе нетипично протекающих болезней серьезную проблему, нависшую над людьми, — новое заболевание, вызываемое агрессивным микроскопическим грибком. На пути к этому второму открытию женщина ученый-врач проявила ибнсиновское терпение, ломая Старые представления, традиции. Ею выделен возбудитель — нигде ранее не зарегистрированный вид грибка, поражающий все органы И ткани человека и животных, разработана биология, морфология, эпидемиология, клиника я, самое главное, — ЛЕЧЕНИЕ нового заболевания.

Это ответ тем зарубежным ученым, которые говорят, что Ибн Сина — случайное явление медицины Средней Азии.

— Настало время открыть тайну Ибн Сины! — говорит народу Бурханиддин. — Я боялся сразу вам ее говорить, Вы бы не поверили. Я подводил вас к ней осторожно в течение трех месяцев! Но теперь, когда мы все вместе совершили путешествие по его философии, по внутренностям человеческого тела, развернутого его бесстыдством и безбожием, я скажу… — Бурханиддин отпил воды, вытер платком лоб, оглядел притихшую толпу.

Все смотрели на него, затаив дыхание.

— У Ибн Сины был союз с… дьяволом.

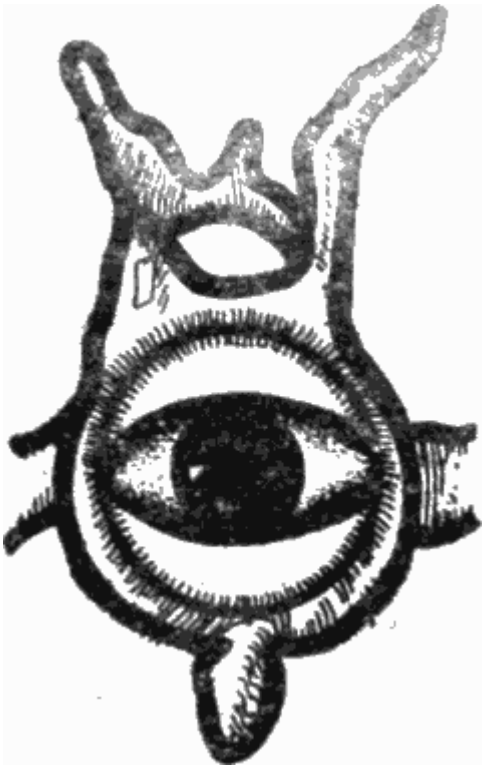
Толпа рухнула в молчание.

— Дьявол сказал ему: «Я знаю все, кроме тайны человеческого тела, самого интимного, любимого создания бога. Проникнуть в это мне заказано. Познай тайну я дай мне. Я же напишу за тебя книги по всем наукам и изложу в них то, что люди узнают лишь через тысячу лет…» «Канон» написан для дьявола в уплату за договор. Вот почему многие переписчики его сходили с ума. Это единственная книга Ибн Сины, где нет посвящения аллаху. Есть в еще одно доказательство близости Бу Али с дьяволом, В конце жизни Бу Али ибн Сина написал

Был в юности и… Дьяволу сродни!

Есть даже предположение, что он вообще сын дьявола, выпущенный в мир для выполнения какой-то неведомой нам работы, И еще одно подтверждение… Пусть поднимутся ко мне пять человек.

Поднялись два старика и трое мужчин, — Вот доска, — сказал нм Бурханиддин. — Вот Мел, Нарисуйте, пожалуйста, глаз человека. Нарисовали? А теперь посмотрите, как нарисовал глаз Ибн Сина. — Бурханиддин поднял книгу «Канона» над головой



Все в ужасе отшатнулись.

— Да. Это не глаз человека. Это глаз дьявола, его отца! Этим глазом он и смотрел внутрь разрезанного нм человеческого тела. Вот цена человеколюбия Ибн Сины, о котором он столько много везде говорит. На сегодня я все сказал. Омин.

«Страдание — средство исполнить свое назначение в жизни, — пишет русский офицер в Россию после судебного заседания. — Значит, оно может иметь и объективное теологическое значение.

Суть культурного процесса — в постоянно увеличивающемся уничтожении объективного источника страдания. Идеальным концом будет чисто внутреннее страдание, когда отпадут такие его причины, как голод, войны, болезни и невежество, — останутся страдания совести, художественного И научного творчества, любви. При последней степени цивилизации боль и страдание усилятся максимально, и человечество, развив в себе самосознание до последней И высшей степени благородства, найдет, — я считаю, — что существовать не стоит, и одним актом коллективной воли уничтожит себя. Фараби, учитель Ибн Сины, об этом писал:

До каких нор мы будем друг другу делать зло и неприятности? Не лучше ли нам подняться к создателю

Вселенной? (то есть умереть).

Вот такой сохранился его стих!.. Вот такое есть на Востоке древнее учение… И это действительно лучше, чем свободно-равенственное существование каких-то средних людишек, счастливых одним лишь справедливым и мирным разделением труда, о чем мечтают большевики.

Высшая степень нравственных сил обнаруживается не при организованном покое, как проповедовали либералы, а при свободном выборе добра и зла, особенно, Когда выбор этот сделать трудно и опасно. Это и есть истинная, настоящая, благородная жизнь. Ужас же ее — в существовании того среднеевропейского снивелированного человека, безбожного и прозаического, который до тошноты Честен И даровит и любит восседать На всяких

всеполезных и всемирных собраниях. Я понял сегодня в Бухаре: для развития великих и сильных характеров нужны великие общественные несправедливости. Святость и гениальность — вот что такое Али и Ибн Сина. Я увидел это сегодня с какой-то смертельной ясностью».

Когда толпа кинулась на Али и стала бить его за то, что он осмелился нарушить приказ эмира и читать во всеуслышание стихи дьявола Ибн Сины, впервые в жизни он почувствовал себя счастливым. Жизнь получила смысл. Не вытирая крови, струящейся по лицу, Али плакал невидимыми слезами освобождения и счастья. Боль мучившая его все эти дни, отступила. Крылья пьянящего состояния свободы подхватили и стали медленно возносить, «Ах, как прекрасно это близкое тёмно-фиолетовое небо! — подумал Али, — Как смешна маленькая копошащаяся там, внизу, крикливая земля… Один только светлячок в ней — Муса-ходжа. Его только я жаль. И мать… Во в стоят она, прикрыв ладонью глаза, я смотрят на меня. Она только и знает, где я».

— Простите, мама! — закричал Али с пронзенной алмазным светом высоты, стремительно проносясь мимо звезд в планет. Ему захотелось, чтобы мать услышала его, — последнее живое существо, державшее еще с ним нить.

Все замерли на площади. Темный неграмотный крестьянин Али исчез. Перед ними стоял юноша, лицо которого светилось тонкой одухотворенной красотой. И весь он был гордость и обаяние. Губы улыбались, хотя из них, полуоткрытых, вытекала тоненькая струйка крови. Каждый лихорадочно подумал: нет, это не от моего камня, брошенного в Али, выступила кровь.

Бурханиддин-махдум содрогнулся от ужаса, внезапно охватившего его. Он вдруг почувствовал будто кто-то вырезал в его мягком мозгу:

«Смерть! Где твое жало?

Ад! Где твоя победа?»

XI «Искренним я верю так же, как и неискренним»

Муса-ходжа выбрался из павлиньего плена, спасли родичи — два парня с глазами-кинжалами. Ни слова не говоря, отвезли старика в Каган. Это был приговор: уходи, мол, из Бухары.

Муса-ходжа вернулся. Ночью…

Первым, кто ему встретился, был усто А’ло, ювелир. Опять он начал бродить по гулким глиняным улочкам до рассвета, пугая жителей, и без того потерявших сон.

Ночная Бухара! Как прекрасна ты… Словно горе, вывороченное наизнанку. Звезды — вздохи, ушедших. А тьма — надежда живых…

Вслушивался в ночь и эмир. Вот уже под второй сменившейся свечой он читает «Индию» Беруни. «Абсолютный мировой порядок стоит на четырех ногах, — говорит древняя индийская книга «Бхавагата пурана», столь любимая Беруни. — Четыре ноги — правдивость, приветливое обращение, почитание, сострадание… Четвертый последний, век будет стоять на одной ноге, да и та быстро исчезнет, ибо люди станут орудием собственных страстей и соблазнов», Эмир Алим-хан задумался, перечитал…

«Люди станут испорченными, лживыми, злобными, невежественными. И воцарится вокруг духовная тьма».

Доложили о приходе английского майора Бейли, Эмир ждал его. Сзади плеча майора — бледный Миллер с листком телеграммы. Антанта решила выпустить Врангеля: начать военные действия на юге, чтобы отвлечь красных от Польши, иначе сорвется то, в чем надежда и эмира, — западный фронт. Новости хорошие. Врангелевцы из Крыма взяли Мелитополь и Каховку. Вошли в тыл большевикам. Создали плацдарм.

«Интересно, — думает эмир, — а как поступят большевики с моим дядей Сиддик-ханом, когда обнаружат его и заднем доме Арка, или с Али? И вздрогнул: такая мысль при хороших новостях!

Али ждал Муса-ходжу. Старик объявился лишь через несколько дней. Хранитель эмирских ковров, племянник ювелира усто А'ло, передал крестьянину мешочек с золотыми монетами, У Али сердце упало… Не этого он ждал. Но что еще мог передать ему благородный старик? Он же не знал, какой переворот совершился в душе крестьянина. Не знал, что испытал Али, когда бит его, как Ибн Сину, камнями. Если б Али умел читать… Старик передал бы ему рукопись Ибн Сины… Какое это было бы счастье, читая Ибн Сину, ждать смерти. Не так ли умер Омар Хайям? Но нет: на ладони лежит мешочек с золотом, Али бросил его в грязь, словно и удавшуюся жизнь, и заплакал, потому что понял: Ибн Сина и Муса-ходка стоят на одном берегу, а он — на другом. Хотя вчера, когда летели в Али камни, два Эти самых любимых человека стояли рядом.

Бурханиддин-махдум на следующий день после судебного заседания отравился к Гийасу-махдуму— самому ученому богослову Бухары, имеющему степень а’лам (верховному блюстителю шариата), чтобы сказать ему: «Все. Можно провозглашать фетву». «Эмир, может быть, сделает меня а'ламом, — думает Бурханиддин.

Прогонят Гийаса, любителя мальчиков. Тогда я стану самым святым человеком Бухары».

Дверь дома Гийаса-махдума оказалась закрытой. «Когда я стану а'ламом, — подумал судья, — то буду всегда держать дверь открытой. У святого дверь не может быть закрытой».

Бурханиддин постучал. Никто не вышел. Он еще раз постучал — громче… Потом еще я еще. Не вышел даже слуга. Так продолжалось пять дней, хотя судья явно слышал в доме какие-то передвижения. Этого Бурханиддин не ожидал. Неужели а’лам и вправду святой и прозрел тайные мысли своего завистника и врага?

В Гурган прибыла невеста Манучехра — дочь султана Махмуда. Ибн Сина и Джузджани собрали вещи и рано утром отправились по границе гор Эльбурса[134] и пустыни Деште-кевир в Рей. Сделали привал в караван-сарае у источника Кайат ал-Джаммалик. Потом пришли в Дамган, где вода, падая из пещер, разбивалась на 12 рукавов. Золото, красные яблоки и ветер — цари этих мест. Следующий привал сделали в Симкане.

Между Симканом и Дамганом ущелье шириной в шесть километров, выход же из него… в 200 метров. Ветер, разогнавшись в середине широкого ущелья, вырывается из узкого горла-выхода о такой силой, что на 12 километров крушит все и холодит, сдувает с дороги в пропасть людей.

Наконец, увидел Демавенд — снежноголовый вулкан, дымящийся я ворчащий. «Высота его — высота Джамшида подумал Ибн Сина, — мудрейшего иранского цари, при котором 700 лет длился золотой век». Джамшид научил людей ткать ткани, шить одежды, ковать железо, копать рудники, собирать травы и строить корабли. Пленные дивы — воины боге Зла (Ахримана) открыли Джамшиду секрет зодчества, показали, как из кирпичей возводить дома и дворцы. И они же сделали Джамшиду трон. Первый в мире. И вознесся Джамшид над всеми, Как Демавенд над горами и землями, и сказал: «Я и царь Вселенной. Я — учитель людей. Я — мудрейший на мудрейших. Я… я… я…» И отлетел от него фарр —

благословение небес. И встала туча несчастий над Ираном. И как лезет одна гора на другую, желая сравняться в Демавендом, так и вельможи захотели власти и нервен-ства. Они-то и разорвали в клочья Иран, как жадные руки рвут драгоценный ковер. Позвали царя Заххака, который позволил Ахриману убить своего отца. Из плеч Заххака, из тех мест, куда поцеловал его Ахриман, выросли две змеи, питавшиеся мозгом юношей, — так хотел Ахриман погубить род человеческий. Фаридун — потомок древних иранских царей, приковал Заххака и Демавенду. Дым — дыхание Заххака. Снежная шапка Демавенда — раскаяние Джамшида. Огонь — совесть его. Иногда этот огонь вылетает наружу, стекает по склонам огненными слезами.

Проехали Демавенд, встали к нему спиной и увидели озеро. Не озеро — сама чистота, окруженная полями нарциссов и фиалок.

— Подожди, — сказал Ибн Сина, переводя дух.

Вся жизнь его, словно снежный ком, растаяла на ладони этой величественной красоты. Отлетела печаль… на глаза выступили слезы. Ибн Сина услышал то, что сказала ему природа: «Иди по жизни спокойно. Я защищу тебя. Горести не принимай близко к сердцу, как не принимаю и грязь, даже мертвечину. Будь простодушен. Твое, простодушие — это твоя вера в меня. Будь свободен и чист, и тогда я снова позволю тебе раствориться в себе, отдохнуть и набраться сил…» Ибн Сина прикрыл глава в знак благодарности. Он понял: с этой минуты он никогда больше не будет один. Природа — вот идеальный друг, который никогда не оставит. И Джузджани». Бон он бегает по полю, собирая, цветы. Подошел к Ибн Сине, мокрый, запыхавшийся, с блестящими глазами. Протягивает фиалки с дрожащими на них каплями росы. Ибн Сина подумал: «Когда умру, положил бы мне кто-нибудь на могилу эти цветы…»

Шли несколько часов в молчании. И так же, в молчании, приблизились к странному сооружению на горе Табарьак — откос, резко уходящий вниз, в глубь горы. По середине откоса спускается туда же, вниз, железная нить толщиной в кулак.

«Секстант! — догадался Ибн Сина. — Круг Фахр ад-давли — того самого, за которого когда-то заступился Кабус».

— Астрономический инструмент, — пояснил он Джузджани. — Его построил еще в 994 году Ходженди! Здесь он определил долготу Рея. Беруни и Масихи мне рассказывали. Они были Здесь. Они работали Здесь. Секстант!.. Думал ли я когда-нибудь, что увижу его?

Ибн Сина лазил по секстанту, как ребенок, удивляясь гениальности его и простоте. «Высота секстанта равна высоте Софии Константинопольской», — вспомнил он слова Масихи. Беруни повезло, он застал еще в живых Ходженди, работал с ним, дружил. Давно это было… 20 лет назад. Беруни тогда исполнилось 22 года. Сейчас ему 42… И он там, в Гургандж©.

Был же когда-то такой счастливые день, когда Беруни. Масихи и Ибн Сина ходили вместе по земле, Беруни повез их как-то к развалинах Кята, родного города. Выехали из Гургандж через восточные вороте и направились вдоль Джейхуна, против течения, на юго-восток. Сзади трусил на ослике Масихи… Пробирались через болота, влажные луга, гигантский камыш, заброшенные каналы. У Беруни, когда подъехали к Киту, — дрогнуло сердце…

Не виден ал-Фир! Знаменитый замок, стоявший на высоком искусственном холме, опоясанный тремя поднимающимися друг над другом круглыми стенами. Построил его еще царь Африг — основатель династии. Давно-давно… Разрушила замок река, унесла его по кускам. Лицо Африга дошло до нас на монетах: нос с горбинкой, острая жидкая бородка, крупные выпуклые глаза, двойная линия бус на шее.

Здесь, в те, 17-летний Беруни начал свои первые астрономические наблюдения. Рассказал друзьям, как с Помощью круга с делениями в полградуса вычислил в дворцовой обсерватории высоту солнца на меридиане Кята, определил его географическую широту.

Затем с помощью Ибн Ирака составил программу других измерений, желая сделать географическую сетку для задуманного глобуса. Мечтал построить глобус! Первый на Востоке… Первый в мире, как рассказывал учитель, построил Кратес Милосский, придворный ученый царя Аттала, жившего но И веке до н. э. Учитель дал Беруни птолемеевское подробное описание по изготовлению географической сетки. Арабский же ученый Джайхани тоже знал, как сделать ее. Беруни хотел соединить оба метода. А уж сколько он собрал и проверил всяких данных о географических высотах тех или иных мест! Каждый караван встречал. И по-гречески, по-арабски, по-сирийски, по-тюркски, по-еврейски разговаривал с проводниками — лоцманами пустынь.

— Полученные результаты я записывал, — рассказы-мет Беруни друзьям, — не запоминал, надеясь на спокойствие жизни. Я не жалел ни сил, ни денег для достижения цели и начал уже строить первое. Полушарие див-метром в пять метров, да беда застала врасплох…

«Это когда Симджури спрятался от бухарского эмира Нуха в Кяте, — подумал Ибн Сина, — а отец нынешнего эмира Гургандж» Мамун и, желая якобы захватить Симджури, ворвался в Кят, убил хорезм-шаха и начал истреблять его род».

— В тот день, — продолжает Беруни, — я успел только установить крайнюю высшую точку эклиптики для селения Бушкатыр, что на левом берегу Джейхуна, южнее Кята. Во-о-н там… Видите? День кончился смутой. Заставил прервать измерения и спрятаться. Меня, как приёмного сына Ибн Ирака, — племянника убитого хорезм-шаха, повсюду разыскивали, чтобы тоже убить. Спас исфаханский купец. Потом два брата — Хусайн И Хасан тайно переправили через Каракумы, и я добрался до Рея, где и встретил Ходженди. Я даже, помню, подумал: «Не случись со мной несчастья, не имел бы я счастья дружбы с этим замечательным ученым, ибо вскоре он умер… Здесь, в Рее, я встретил и тебя, Масихи!»

Масихи улыбается ясными, добрыми, умными, прекрасными незабываемо-голубыми глазами! Ах, Масихи, Масихи… У Ибн СИНЫ на глаза навернулись слезы.

— Что с вами, учитель? — удивился Джузджани.

— Так, вспомнилось…

И Беруни в Гургандже думал в эту минуту о Масихи И Ибн Сине. Доехали ли они до Гурганджа? Как принял их Манучехр? Почему так долго нет от них письма? Уже три года прошло… Вчера опять приходили брат Хусаина и его бухарский ученик Масуми. Они тоже ничего не получили. Если была бы возможность написать им! Беруни рассказал бы, что заканчивает изготовление глобуса диаметром в пять метров, как мечтал в юности.

Но нет радости… Сегодня Майманди, везирь Махмуда, — эта помесь лисы со змеей, — попросил эмира Гурганджа Мамуна И (ему уже 25 лет) прочесть в главной мечете хутбу На Имя Махмуда, то есть мирно подчиниться ему.

— Напрасно Мамун подозревает Махмуди в желании отобрать у него власть, — обращается Майманди к Беруни. — Просто хочет пресечь стремления других захватить его владения. Клянусь честью, говорю это от себя, в виде совета. Махмуд не знает…

Вскоре Мидоинди потребовал от Мамуна хутбу и более решительном тоне. Нервы молодого эмира сдали, и он, собрав старейшин и военачальников, сказал им о своем намерен подчиниться. Все возмутились, вышли на улицы со знаменами и стали поносить Мамуна.

Беруни усмирил волнение. Те, что еще вчера кричали «Долой Мамуна», сегодня «терлись лицом о прах его порога».

— Как тебе удалось сделать это? — удивился Мамун.

— Языком золота. И все-таки боюсь, дело дойдет до меча.

Беруни советует Мамуну заключить договор с караханидами Туган-ханом и Арслан-ханом Бухарским (Наср умер в 1013 году) в ускорить свадьбу с сестрой Махмуда, Рассказ о трагедии Хорезма дошел до нас благодаря историку Махмуда Абулфазлу Байхаки, а он взял сведения или из не дошедшей до нас книги Беруни «История Хорезма», или из личных с ним бесед.

Остался позади секстант. Все дальше уходят от него Ибн Сина и Джузджани…

Через 300 лет будет здесь стоять царь Улугбек[135] — любимый внук Тимуре, великий астроном. Он построит точно такой же секстант в Самарканде, своей столице. Всю свою жизнь посвятит звездам. Высшим достижением его станут знаменитые «Новые гурагонские астрономические таблицы», в которых с непревзойденной для его времени точностью он определит важнейшие астрономические постоянные: наклонение эклиптики, точку весеннего равноденствия, продолжительность звездного года[136]. И много бы еще сделал, если бы не сын его, направивший руку убийцы с ножом в отца.

— Можно сказать — это Ибн Сина его и убил… грустно закончил Бурханиддин свой рассказ. — Абу Али ибн Сина изобрел, будь он проклят! — вспомогательный прибор к основному астрономическому аппарату, у которого как-то там по-иному была направлена визировка[137] Да и Байхаки пишет: «Шейх установил такие приборы для астрономических наблюдений, каких никто до пего не изобретал». Ибн Сина ломал голову и над методикой определения параллакса, без учета которого невозможно добиться точного астрономического наблюдения. Недаром Джузджани сказал: «Шейх привел десять новых предложений по определению параллакса и добавил такие вещи, до которых ранее никто не доходил!» Вот Улугбек и соблазнился всеми его новшествами и стал перепроверять найденные уже до него величины. Двадцать лет из 55-летней жизни отдал таблицам!

Но если бы только это… Улугбек взял еще у Ибн Сины и его беспутство, безбожие, пьянство и разврат. Ночью — звезды, днем — охота, вино, женщины. Говорят, глядя, как крутится в танце обнаженная танцовщица, он воскликнул: «Вот оно. Время! Вечное Время!» Ходжа Ахрар, глава Духовенства, сколько увещевал Улугбека терпением и любовью. Но голос, бога уже не проникал в погибшее сердце. Там были только Ибн Сина, Беруни и Омар Хайям. С ними он пил и настолько загубил свою душу, что, глядя на звезды, наблюдая строгое их, богом установленное движение, одной рукой записывал их пути, другой обнимал красавицу или наливал в кубок вино. Утром ходжа Ахрар приходил к нему, чтобы встать с ним на молитву, но Улугбек спал или, сидя в простой белой рубашке, забыв о царском своем величии, писал цифры, Ходжа Ахрар вставал рядом на колени и начинал читать Коран. Улугбек не слышал святых слов, Ходжа Ахрар, черный, худой, иссушенный молитвами, начинал заклинать царя опомниться, вскидывал вверх руки с широкими черными рукавами, страстно говоря о непознаваемости звезд цифрами, призывая к сосредоточенности души. Огромные, черные его глаза низвергали огонь, народ толпами падал на колени, Улугбек же, потягиваясь, говорил: «Как бы я хотел долететь вон до той звездочки! Боюсь, для этого потребуется миллиард лет»«Неправда! — говорил ходжа Ахрар. — Свет — мысль.

А мысль мгновенна. Я уже там!» «Ты?! — удивлялся Улугбек и внимательно смотрел на него. «Да. Потому что но мне нет плоти, ибо я — плеть бога, его карающий дух. Моя мысль — плоть. И потому я уже там. А ты на-столько погряз в грехе, что душа твоя, тяжелая

грязная душа, никогда не оторвется от земли. И смерть твоя будет страшной». — Обсерваторию разгромили, [138]— продолжает Бурханиддин, — Секстант разрушили. Книги сожгли. В спине Улугбека — нож. На Ибн Сине его кровь. Так погубил бог дважды неблагословенное дело: ведь оба были прокляты — и Ибн Сина, и Улугбек.

— Не погубил, — перебил Бурханиддина Муса-ходжа. — Али Кушчи, когда все это случилось[139], продолжил тайно, как говорят, в кишлаке Хазрет Башир, под Самаркандом, астрономические наблюдения Улугбека. Сюда же перевез и спрятал библиотеку Улугбека[140], состоявшую из книг города Брусса[141], привезенную Тимуром из Сирии. И хотя ищейки Ходжа Ахрара обнаружили Кушчи и собирались его убить, он убежал и уже в Стамбуле, будучи виртуозным вычислителем, закончил работу Улугбека. А потом написал к его «Таблицам…» пространные объяснения, чем способствовал быстрому и широкому их распространению в Азии и Европе. Так что, не погибло дело Улугбека, достопочтенный Бурханиддин-махдум, — А кто он такой, этот Али Кушчи? — спросили на толпы.

— Родился в Самарканде, — продолжил Муса-ходжа, — тюрк, сын главного сокольничего Улугбека, Математике его учил Каши, астрономии — сам Улугбек в стенах своего знаменитого Самаркандского медресе. Улугбек называл Али Кушчи своим сыном… Вот ведь как Получилось: родной сын убил, а чужой человек — возродил.»

— Говорят, это Ходжа Ахрар подговорил сына Улугбека убить отца за то, что Улугбек отменил народу налог, а таким, как Ходжа Ахрар, налоги увеличил! — сказал чей-то голос в толпе.

Бурханиддин усмехнулся.

— За год до смерти Улугбек жестоко подавил выступления крестьян под Гератом. Это факт. А Ходжа Ахрар, когда был голод, купил всех умирающих и кормил их пока не вырос новый урожай. Потом отпустил. Но отпущенные на свободу не хотели его покинуть, С тех пор зовут этого святого человека Ходжа Ахрар — Хозяин свободных!

— Но ведь он же был первым богачом века! — закричали студенты.

— «Суфий не обязательно должен быть бедняком, — говорил Ходжа Ахрар. — Важно, чтобы внутренне он не был привязан к богатству». И еще он говорил: «Мое богатство от особого расположения ко мне потусторонних сил». А насчёт того, что Улугбек снял с народа налог… Однажды потерял он список убитой Им дичи и восстановил его по памяти. Потом нашли список. Проверили. Ни одной ошибки! Вот о чем думал Улугбек!.. А вы говорите: «народ»… Тот, кто смотрит на звезды без бога в душе, холоден к нуждам маленькой теплой трепетной твари. Таким был и Ибн Сина. Испросил он однажды у эмира Исфахана — последнего своего покровителя на этом свете огромную сумму денег, когда в стране свирепствовал голод. И что же? Купил зерно, чтобы раздать его народу? Нет. Построил для голодных столовые? Нет. Ну хотя бы дом себе купил? Тоже нет… Построил… обсерваторию, а в ней поставил гигантский медный круг.

— Он говорит, что у меня, как сито, руки в дырах!

произнес вдруг кто-то из студентов первую строчку стихов Ибн Сины.

— А эти руки столько раз поддерживали сирых! —

закончили бейт сразу много голосов в толпе.

— Сегодня, — отчетливо и холодно произнес Бурханиддин, не обращая внимания на шум — мы разбираем математику Ибн Сины, теоретическую и практическую. Согласно его классификации наук она стоит между мета-физикой и физикой.

Итак, математика

Теоретическая Практическая

Здесь теории: Здесь практическое приложение:

Астрономия → Изготовление астрономических таблиц, карт, глобусов

Тригонометрия → Вычисления

Геометрия → Определение площадей, создание оптических приборов, инструментов.

Арифметика → Алгебра, индийское десятичное счисление

Музыка → Изготовление музыкальных инструментов.

— Ах, как у многих загорелись глаза! — улыбнулся Бурханиддин. — Все правильно! Ведь передо мной люди, чьи руки делают все на свете! Ибн Сина поднимался в своей философии до порога бога — Истины, да, это так, стучался в нему, но все ради этих вот рук, чтобы дать им такое мастерство, Когда, лепя кувшин, гончар вместо тяжелого, дубового круга видел бы перед собой изящную вращающуюся сферу, чье ангельское изящество он и передаст кувшину! И так но всем. Ибн Сина учил вправлять лодыжки и держать при этом в голове весь организм человека и весь Космос, связанные между собою, согласно его учению, так, как связаны одним ритмом сердце, дрожание звезды и биение голубой жилки в лодыжке. Такая у него была голова! Этого не отнимешь. И это нас восхищает в нем. Океан он мыслил через каплю, каплю — через Океан. Но… Продолжим разговор об астрономии. Так вот, построил Ибн Сина в Исфахане обсерваторию и начал изучать в вей небесные явления, в том числе природу света. Для нас, правоверных мусульман, свет — это самопроявление бога, его Чистота, Доброта. В Коране даже есть сура под названием «Свет». Ах, какие там удивительные слова!.. «Аллах свет небес и земли… Свет на свете!.. Ведет аллах к своему свету, кого пожелает». ВЫ только представьте: «Свет на свете!» Какое откровение! Какая философия! Какое единство! Доброта на доброте. Чистота на чистоте. Нет и тени зла. Только свет — свет высокой духовности, ибо там — особый мир.

А у Ибн Сины что такое «свет»? Поток движущихся с конечной скоростью материальных частиц… То есть МАТЕРИЯ! Вы представляете?

Понимание Ибн Синой природы света как потока движущихся с конечной скоростью частиц, отбрасываемых светящимися источниками, говорит о его представлении в XI веке кинетической природы тепла и света. Современник Ибн Сины Ибн ал-Хайсам[142], физик и астроном, первый в истории науки говорил о принципе кратчайшего ПУТИ света, опираясь на понятие света, данное Ибн Синой. Эту формулировку потом уточнит Ферма как принцип наименьшего ВРЕМЕНИ[143].

Много внимания уделили Ибн Сина и Ибн ал-Хайсам проблеме прохождения света через среды. Так, на вопрос «Почему днем не видно звезд?» Ибн Сина ответил: свет солнца, проходя днем через воздух, столь сильно освещает частицы пыли и водяных паров, составляющих воздух, что они приобретают необычайную яркость и затмевают все вокруг. Ибн Сина таким образом указал на эффект рассеянного света.

На вопрос «Влияют ли небесные светила на земную жизнь?» ученый ответил: да, влияют, но земные предметы постоянно изменяются, преобразуются, и потому влияние это трудно уловить».

В Исфаханской обсерватории, по свидетельству Балайни, «некоторые вопросы астрономии и звезд, которые Птолемей и древние точно не решили, Ибн Сина привел в ясность, — например, нахождение Солнца на четвертой сфере, а Венеры — на третьей, потому что, по

словам Ибн Сины, он видел Венеру, которая ползла, как муравей, по поверхности Солнца». Академик А. Михайлов установил, что прохождение Венеры между Землей и Солнцем могло быть 24 мая 1032 года. Продолжалось семь часов. Началось в 18 часов 54 минуты, через 13 минут стало заходись Солнце, окончилось в 2 часа 9 минут ночи 25 мая. В Европе впервые о таком явлении говорится и 1639 году. Оно повторяется с промежутками: 235—8-235—8… лет. Следующее будет в июня 2004 года.

По чертежам Ибн Сины через сто с лишним лет после его смерти установят в Каирской обсерватории гигантский медный круг, подобный исфаханскому.

Еще в юношеской переписке с Беруни Ибн Сина обсуждал вопросы движения небесных сфер, возможность существования других миров при едином, общем характере их естества и другие вопросы, связанные с астрономией.

Ибн Сина и Беруни… Это одна голова. Голова века. Уже в плену у Махмуда, на седьмом десятке лет, Беруни закончит «Канон Масуда» — энциклопедический итог астрономии века, 11 книг! Значение его в астрономии так же велико, как значение «Канона» Ибн Сины в медицине., Он станет настольной книгой Омара Хайяма, Насреддина Туси, Улугбека… «Беруни стер следы всех книг, составленных но математике и астрономии», — скажет позже Якут.

В вопросе строения Вселенной Ибн Сина и Беруни придерживались официальной, общепринятой в средние века геоцентрической системы Птолемея. Но Беруни знал модель и гелиоцентрической системы, с которой познакомился, читая труды греческого астронома Аристарха Самосского.

— Мы, правоверные мусульмане, — сказал Бурханиддин-махдум, — глубоко благодарны Беруни за то, что ой не стал менять систему мира, к которой люди приладились, не объявил, что в центре — Солнце, не убрал оттуда Землю, Он щадил людей в отличие от Ибн Сины, который смертельно ошарашивал их то одной своей Идеей, то другой. А впрочем… Может, страх за себя удержал Беруни? Ведь за это казнили бы… Или не был он еще уверен в обоснованности гелиоцентрической системы?.. Во Вся> ном случае, перед нами пример ученого, который умел сдерживать себя религией.

Беруни пишет в «Каноне Масуда»: «Видел я астролябию «Зураки», которую изобрел Сиджиси. Она мне очень понравилась… Ибо основывается На выдвигаемой Некоторыми идее, что видимое нами движение есть следствие движения Земли, а не движения неба. Клянусь, жизнью, это трудно разрешить или опровергнуть… В обоих случаях это не противоречит астрономической науке. Только физику можно опровергнуть такой взгляд».

Ибн Сина улыбается… Он понимает: нет никаких сомнений по поводу гелиоцентризма у Беруни, такое изложение своих взглядов — осторожность.

В вопросе апогея Солнца Беруни спорил с Птолемеем «Из всего предшествующего неизбежно вытекает, что апогей Солнца ПОДВИЖЕН, а не стоит на месте, как утверждал Птолемей».

Суточное вращение Земли… В «Индии» Беруни цитирует индийского ученого У века до н. э. Брахмагупта! «Последователи Арьябхаты говорят, что Земля движется, а небо покоятся. Но в их опровержении было сказано, что если бы это было так, то камни бы и деревья упали с земли. Брахмагупта, — продолжает Беруни, — по согласен с этим и говорит, что их предположение не обязательно должно оправдаться, словно он подразумевал, что все тяжести притягиваются центром Земли. Вопрос о вращении Земли вызывал много сомнений.

Думаю, не на словах, а по сути дела я выше этих ученых в решении вопроса, ибо математически вычислил, оно — возможно». Но если б Земля вращалась…

— … то это вызвало бы отклонение полета тел, ты хочешь сказать? — перебил его Ибн Сина, — ну, стрел, камней, птиц?

— В действительности же мы этого не наблюдаем! — поддержал размышления друга Масихи.

— Вот то-то и оно! — воскликнул Беруни. — Я сам на этом споткнулся!

Беруни, к сожалению, как и Ибн Сина, не знали тогда, — физика их века не знала! — о размыве берегов меридиально текущих рек, об отклонении пассатов и других явлениях, подтверждающих суточное вращение Земли.

— А как относился к Беруни и ко всем его астрономическим мыслям султан Махмуд? — спросили в толпе.

— Начнем с того, что Махмуд все время терял Беруни, — рассмеялся Бурханиддин. — Вроде бы он рядом, и в то же время его нет. Или едет Беруни и молчит, крика сотен слонов не слышит. А однажды и вовсе исчез. Най>-ли его на вершине горы, у развалин крепости Нандны «Что ты здесь делаешь?»— спросил его Махмуд. «Измеряю окружность планеты», — ответил Беруни. «А разве можно это сделать, сидя на горе?»— спросил Махмуд. «Конечно, если знаешь геометрию и тригонометрию. Мой результат очень далек от результата Аристотеля, но близок к измерениям халдеев и индусов». Как?! И индусы измеряли окружность Земли?! — воскликнул Махмуд. «Да. За 1200 лет до нас с тобой».

У Беруни радиус Земли получился равным 6339, 58 км, современные вычисления дают: 6371, 11 км[144].

Подводя итог, скажем:

Беруни изучал фазы утренней и вечерней зари, способы намерения освещенной части Луны, причину возникновения солнечных и лунных затмений, классифицировал небесные тела по степени их яркости, составил атлас 1029 звезд, занимался вопросами их движения и положения.

В практической астрономии он был такой же великий труженик: составил таблицу географических координат более чем для 600 городов я мест, создал первый на Востоке Глобус, разработал свой метод в картографии, построил астрономический круг в Гургандже, подарил миру Свой метод для определения широт[145].

А вот еще одно доказательство великой И молчаливой дружбы между Беруни и Ибн Синой, потерявших друг друга в 1012 году после Гурганджа. Беруни с 1017 по 1049 годы жил в плену у Махмуда, Ибн Сина же скитался, уходя все дальше и дальше на запад от Газны, столицы Махмуда. Но Беруни знал труды Ибн Сины. И потому благодаря подробному пересказу в «Тахдиде» и «Капоне Масуда» бесследно пропавшего трактата Ибн Сины «Послание к Заррингис…» мы знаем этот трактат. А в нем содержится астрономическое открытие, за которое Беруни склоняет голову перед Ибн Синой. Открытие это — нахождение нового способа определения географической ДОЛГОТЫ, что сделать даже в XVIII веке было столь же трудно, как «найти вечный двигатель или философский камень», по образному выражению Петра I[146].

Общей постоянной для двух наблюдателей в двух разных городах (один город с известной долготой, другой — с искомой) обычно являлось одновременное наблюдение и лунного затмения. Но тучка, внезапно нашедшая на лик Луны в ответственнейший момент, доводила

порой наблюдателей до инфаркта, ибо срывались долгие и дорогие приготовления. Давно уже стучался в дверь вопрос определения географической долготы посредством ПРОИЗВОЛЬНОГО времени и без второго наблюдателя. Ибн Сина НАШЕЛ такой способ, предложив наблюдать… кульминацию Луны на меридиане города с неизвестной долготой, а потом определять искомую долготу в таблицах городов с известными долготами. В Европе такое открытие сделал Вернер в XVI веке. Беруни сказал: «практически метод Ибн Сины труден из-за быстрого движения Луны, но теоретически это верный путь».

У Ибн Сины были и другие астрономические работы! «Трактат о небесных телах», «О пользе мнения древних 6 сущности небесных тел и доказательств их расплавленности», «О видимых расстояниях небесных тел» (единственная рукопись в Оксфорде), «О видимости светил ночью, а не днем», «О причине стояния Земли посередине веба» (единственная рукопись в Каире), «обстоятельства небесных явлений», «Небесная сфера и жилища людей», «Законы солнечных и лунных времен года и времен ночи и дня», «Опровержения приговоров звезд» и др. Даже те астрономические работы, что дошли до нас, мало исследованы и таят в себе неизвестные ещё грани Ибн Сины-астронома.

— Да, не прогадал бы он, если б пришел к Махмуду, — сказал Бурханиддин народу на площади Регистан. — В Газне умели ценить мысль. Недаром Беруни сказал, что только благодаря Масуду, сыну Махмуда, он написал свой огромный «Канон», так как Масуд дал ему возможность посвятить остаток жизни целиком служение науке. А знаете, сколько денег он предложил Беруни в& этот труд, посвященный ему?

И дальше Бурханиддин рассказывает неправду, а Али, слушая его, вспоминает рассказ слепого старика по рукописи Шахразури: У дома Беруни остановился слон, навьюченный серебром. Но Беруни не принял даров. «Мудрые знают, — сказал он послам Мае уда, — серебро уходит, науки остаются…»

Все ближе и ближе Рей, все дальше Демавенд. Полдня идут Ибн Сина и Джузджани, а великая снежная гора не отдаляется, словно приросла к спине. Вот показались белые купола Рея, а Демавенд по-прежнему за спиной.

Вошли в Рей, и Демавенд вошел вместе с ними. Рейцы не смотрят на Демавенд. На Демавенд смотрят только приезжие. Рейцы носят Демавенд в себе.

Рей понравился Ибн Сине и Джузджани. Прошли по его улицам. Две главные пересекаются под углом. Насчитали восемь базаров, заметили, что шахристан (место, где власть) — пуст, — жизнь кипит в кварталах ремесленников. Город уступает Нишапуру, но все же это очень величественный город. Через него проходит дорога в Византию и на Кавказ. Вода в Рее нездоровая. Ибн Сияв сразу же отметил это про себя. Приходит она через канал от реки Суран. В реке, согласно поверью, омыли меч, которым убили Хусайна, внука пророка.

Ткани здесь выделывают необыкновенные. На Востоке Говорят: «Ткань, вырабатываемая в городе, — лицо города». Таких тканей Ибн Сина нигде не видел, — Махмуду тут же донесли, что Ибн Сина в Рее, — говорит народу судья. — Он поступил На службу к Сайиде в сыну ее Мадж ад-давле. А они узнали его на основании рекомендательных писем. Сайида правила городом После смерти мужа Фарх ад-давли того, что явился причиной изгнания Кабуса. Сайида была женщина «целомудренная и праведная», происходила из царского рода дейлемитов, из Гиляна, не покорённого арабами. Махмуд придумал, что сделать, чтобы заполучить Ибн Сину, — послал Сайиде письмо: «Нужно, чтобы ты ввела хутбу и чеканила монеты на мое имя, а если не сделаешь это, рассказывает внук Кабуса, то я возьму Рей». Сайида ответила: «Пока был жив муж, я опасалась, как бы ты и вправду не напал на Рей. Но когда он умер, эта забота ушла Из моего сердца. Я сказала: «Султан Махмуд — царь разумный. Знает, что не годится идти войной на женщину. Если ты придешь, видит бог, я в

бегство не обращусь, разобью тебя и по всему миру разошлю гонцов, что я разбила Махмуда, который ранее разбил сто царей! Если же ты меня разобьешь… скажут: «Махмуд разбил женщину».

— Письмо составил, конечно, Ибн Сина, — сказал Махмуд везирю. — Видишь, что получилось?

— Не сокрушайтесь, султан! — сказал Майманди. — Сильный ветер не дует до полудня…

— Что ты хочешь этим сказать?

— Успокоение, которое Ибн Сина нашел у Сайиды, долго не протянется. Что-то да разрушит его.

Махмуд оставил Сайиду в покое.

— В Рее уважали науку, — продолжает рассказывать Бурханиддин народу. — Здесь помнили еще Рази — непревзойденного врача И философа. Он умер в 932 году, но и и 1015-м, когда Пришел в Рей Ибн Сина, о Нем вспоминали, как о живом. В юности Ибн Сина зло посмеялся над Рази. Помните? Но позже, работая над «Каноном», заново переосмыслил его труды и нашел в себе мужество наперекор раннему своему мнению сказать: «Рази ясно излагал истину, без таинственности и обмана». А мы знаем, в устах Ибн Сины это высокая похвала.

В толпе удивились: Бурханиддин то, оказывается, честно судит! Значит, все, что он рассказывал раньше, — правда! То, что Бурханиддин умный, знали все, но то, что он — честный… Эта черта его характера открывалась народу сегодня.

— Славу Рея, кроме Рази, — продолжает Бурханиддин, — составлял еще и везирь Фахр ад-давли ас-Сахиб, вышедший из сельских учителей. Это он ответил саманиду Нуху: «Я бы пошел к тебе везирем, да далеко книги везти…» Библиотеку ас-Сахиба, это средоточие зла, слава аллаху, разрушили газии, борцы за веру. Ас-Сахиб плакал и говорил: «Книги! Мои книги! Все можно возместить, кроме книг». Если вспомнить, что любимым его философом был Фараби, значит, плакал он о безбожных книгах!

Царством Рей правил Мадж ад-давля, который «не в отца пошел, на царство не годился. Так, только титул у него и был. Сидел дома, да уединялся с рабыня ми», — рассказывает внук Кабуса. И все же, хоть шаткий, но установился мост над рекой жизни Ибн Сины. Распаковали они с Джузджани хурджин с рукописями, и принялся Ибн Сина за «Канон». Близилось завершение первой книги. Но всякий раз, когда входил в город караван, он отрывался от книг, и сердце у него замирало.

— Ждал брата? — спросили из толпы.

— Да. Может, усталый, измученный, обгоревший в Каракумах, шел он по улицам Рея, а рядом шел Масуми? Но нет, никто не останавливался у ворот. Караваны проходили мимо, ничем не нарушив своего мерного ритма. Видно, письма не доходили.

Действительно, было так, как рассказывает Бурханиддин. Отсутствие брата и любимого ученика делали одиночество Ибн Сины невыносимым. Ночами сидел и смотрел на звезды. Слышал молодой женский смех, плач ребенка, и сердце падало с звездной высоты.

Раз в год, в седьмой день седьмой луны (седьмого июля), бедный Пастух с двумя детьми, сидящими в корзинах (одна за спиной, другая — на груди) переступил с земли на Млечный путь и шел к самой яркой звезде— Ткачихе, своей жене. Когда-то брат убил у Пастуха корову, и корова сказала ему но сне: «Будет девушка купаться на берегу, спрячь ее одежду. Это служанка Феи Млечного пути, Ткачиха. Так она станет твоей женой». Но Фея

позавидовала влюбленным, разлучила их. Пастух вымолил у Феи разрешение хоть раз в год видеться с женой.

Вот такая легенда вспомнилась Хусайну…

Была ли у Ибн Сины семья? Народная память говорит: «Нет». Была ли любовь такая,

> Чтобы лицо любимой защитило
> От горькой унизительной судьбы? [147]

Звезды двоятся, растекаются по небу и падают, теплые, на грудь…

Каждый понимает любовь Ибн Сины в свете своей души. И все же часто приходится слышать: «А! Столько у него было женщин!» И открывают в доказательство Джузджани, «Шейх был очень крепким, и из его страстей самая сильная была любовная страсть, И он так часто предавался ей, что в конце концов это оказало влияния на его здоровье».

Иметь семью Ибн Сина не мог. Был честен — знал: его жизнь всегда будет сидеть на котомке при двери. Но, конечно, как земной человек, он испытал все: и любовь, когда сам любишь, а тебя не любят, и когда ты любим, но сам не любишь — все, кроме идеального совпадения, которое, если уж и дается, то с величайшей трагедией впридачу. В конце жизни Ибн Сина напишет, вспоминая

О Бухаре:

> Как будто стерлись юности черты,
> И словно потерял из виду ты
> Возлюбленной жилище, где не слаб.
> Когда-то отличался твой рубаб…
> А дом любимой, в силу торжества.
> Собою застит буйная листва…

или такие стихи!

> В солнце, странник, ты одно такое в вышине.
> Из мрака ночи возвратись с подарками ко мне.
> Как я, влюбленного, едва ль встречало ты хоть раз!
> Пыль на лице моем лежит, в душе моей печаль.

«Из мрака ночи…» Для Ибн Сины в Рее солнце погружалось во мрак, а на другом конце планеты, в Японии в это же время рождалось утро.

«Из мрака ночи возвратись с подарками ко мне… Кого же видело солнце в утреннем свете на востоке, нона на западе Ибн Сина сидел под звездами в темноте?

Жила в то время на земле женщина, самим небом, казалось, предназначенная Ибн Сине — Сэй-сёнагон. Из бедной дворянской семьи. За свой ум была взята в свиту императрицы. Ложась спать, клала Под Голову стопку чистой бумаги и лунными грустными ночами (Ибн Сина в это время отодвигался от нестерпимого солнца в тень вместо с рукописью «Канона») бросала на бумагу легкой кисточкой, блестящей от туши, изящные иероглифы! Что есть бесконечность?

> Сутра[148] совершенной мудрости, когда начинаешь читать её в одиночестве.
> Что есть пронзающая душу красота?
> Когда солнце поднялось выше, роса, тяжело пригнувшая ветки хаги,
> скатилась на землю, и ветки вдруг сами собой взлетели в вышину…
> Что человек не замечает?
> Как потихоньку стареет его мать…

От чего веет чистотой?
От глиняной чарки,
От стеблей водяного риса, вплетенных в циновку.

Это был ее дневник, портрет ее души.

«В последний день второй луны, — рассказывает она дневнику, — дул сильный ветер, и с потемневших небес летел редкий снежок. К черной двери пришел дворцовый слуга и сказал:

— Господин советник Кинто посылает вам письмо.

На листке для заметок было написано!

И на один короткий миг
Слегка повеяло весной.

В самом деле, слова эти отлично подходили к сегодняшней погоде, но как сочинить первые три строчки?

Я терялась в мыслях, посланник же повторял!

— Скорее! Скорее!

Я почувствовала себя одинокой и потерянной. Мало Юга, что пошлю скверные стихи, еще и опоздаю. Дрожащей рукой вывела недостающие строки:

В холодных небесах
Вишневым цветком притворился
Порхающий снежок…
(И на короткий миг
Слегка повеяло весной).

«За это ее следовало бы возвести в ранг старейшей фрейлины!»— говорят, сказал Кинто».

Что вызывает жуткое чувство?
Черный металл?
Комок земли.
Дикое поле.
Уголек дли растопки.

Но как мог узнать о ней Ибн Сина, если даже ее соотечественники впервые опубликовали дневник лишь через 700 лет после написания его? До XVII века он ходил по Японии, переписываемый от руки. Из этого дневника вышла, можно сказать, вся классическая японская литература — уникальнейшее, явление человеческой культуры.

Сколько раз отрывал Ибн Сина лицо от книг и смотрел на чинары в лунном свете! Они стояли над ним, словно души тех, кто жил до него. Тоска охватывала сердце, «Человек, который не испытал, что значит неподвижно стоять под луной, затянутой облаками, когда ночь благоухает цветением слив, или брести, сбивая росу, по равнине при полной луне, — не понимает любви, — сказал человек, ставший Поэтом после того, как умерла его любимая. Оставив богатство, высокое положение при дворе он постригся в монахи и ушел в скитания. Как поэт, вырос на дневниках Сэй-сёнагон и стал одним из четырёх небесных королей японской поэзии, что охраняют мир от алых духов с запада, востока, севера и юга. Кэнко-хоси[149] охранял Запад — ту часть мира, нуда так любила смотреть Сэй-сенагон и где жил Ибн Сина. Они видели друг друга, когда он смотрел на рассвет, а она — на закат. Та на Востоке, через небо, смотрели друг на друга Лай ли в Маджун….

Лунный свет венчает души века… По невидимому мосту озарений они приходят поклониться друг другу.

— И все-таки ты должен быть один, — говорил Масихи Ибн Сине, — всегда один. Я избежал искушения семьей и тем счастлив. А ведь это было самое страшное искушение, через которое прошёл и Христос, чье имя я ношу, «Братья его не веровали в него, — писал Иоанн. — И мать». «И пошли ближние взять его, ибо говорили, что он вышел из себя», — подтверждает слова Иоанна Марк. Страдания Иисуса от столкновения с семьей были мучительны, — глаза Масихи потемнели и из голубых островков неба стали грозовой тучей. — Так страдает всякий, кто не может ничем ограничивать свою свободу. Без свободы невозможна борьба за осуществление своего предназначения, невозможно сохранить, продираясь сквозь жизнь, свое лицо, предназначенное для вечности. Без свободы теряется острота мысли, утомляется покоен и однообразием жизни. Нужно быть одному, всегда одному, чтобы овладеть своим веком и своей судьбой. НО прежде человек должен выстрадать, отвоевать, отстоять это одиночество, — одиночество творца, должен научиться сопротивляться злу, пошлости, посредственности, Невежеству и… семье, которая своим покоем не дает тебе идти в глубь времени, в глубь самого себя.

Масихи помолчал, опять его глаза сделались голубыми…

— И все-таки как хочется порою посадить детей и корзину и тащить их по разорванному в клочья Млечному пути к жене!

В глазах у обоих стояли слезы!

Что вызывает жуткое чувство?
Черный металл.
Комок земли.
Дикое ноле.
Уголек для растопки.

Махмуд тоже не спал лунными Ночами.

Только черный металл, комок земли, дикое поле и уголек для растопки не вызывали у него ужаса.

Махмуд бродил по дикой Степи вдали от шатров воинов, чувствуя, как неслышно ходит за ним, прям иная траву. Тоска, Но не боялся ее. Знал, утром он возьмет в руки черный металл, превратит в ком земли тысячи жизней, сделает цветущую землю диким полем, а угольком для растопки подожжет страну неверных. И будет счастлив.

И все же он пьет я пьет кубок за кубком, один в своем шатре, где спит на шелках Айаз, и смотрит на стих, выцарапанный на кубке чьей-то услужливой рукой:

В ту мочь, как прошел дождь.
Друг мой пришел на край крыши.
Пошел я поцеловать его уста.
Они были так нежны, что показалась кровь. [150]

Пьет он и в горьком своем саду, а потом садится на коня и скачет, куда глаза глядят. Его тошнит от изысканных умов: Утби, Уисури, Фаррухи, Абулфазл Байхаки, начальник канцелярии Мишкан, писатель Кухистани, чиновник по важным дипломатическим поручениям Хусайн Микаил из рода ашина Диваштича, «чудо эпохи», мудрец века… «А разве мудрость — не безумие перед богом? — хочет им всем сказать Махмуд. — И не безумец ли я, что послал это «чудо эпохи» в Гургандж за Ибн Синой? Посылать надо было ребенка… И это был бы мод удар по морде всех этих прирученных интеллектуалов! Попробуй-ка засунь Ибн Сине в рот драгоценные камни?!»

Старый друг, правая рука моя, мой полководец Али Кариб, весь изрубленный, в Шрамах, подмигнул как-то Айазу, когда брал у него вино, а я увидел, — так он глаз полузакрытым

оставил и на меня смотрит. «Что это, — спрашиваю, — с глазом у тебя?» «Не знаю, — отвечает, — [4] только что вдруг закрылся». И так полгода ходил.

А вчера, когда я на рассвете шел вдоль реки, смотрю, он у воды стоит, коня поит и задумчиво так в даль глядит.

Обернулся. А глаз забыл прикрыть! Прикрыл, да я рассмеялся.

Он разжал глаз и бледный, в ужасе смотрит на меня. С жизнью прощается. Я молчу, потому что изо всех сил и сам стараюсь сдержать рыдания. Наше безмолвие слилось с безмолвием правды… И я простил его. И слезы хлынули у меня из глаз. И стало нам обоим так легко. И он поцеловал краб моей одежды и ушел.

Вот была минута настоящего счастья… С Ибн Синой было бы все из таких минут… У него не порванная душа. Вуаль свободы и чистоты божественно светится у него на лице. У этих же на лицах лишь морщины похоти и лжи.

Послать за Ибн Синой надо было ребенка.

Я хотел создать Уммат ал-илм — Духовную общину чистых гордых умов — и царем в ней поставить Ибн Сину. Ребенок привел бы ребенка… Я хотел бы приходить в эту общину, как в храм, и в молчании размышлять над природой, ибо сказано в Коране: «Поистине, в создании небес и земли и в смене дня и ночи — знамение для обладающего умом, тех, которые поминают аллаха стоя, сидя и лежа, размышляют о сотворении небес и земли: «Господи наш! Не создал ты этого попусту… Защити нас от наказания огнем!»

Но Ибн Сина убегает от меня. Нет, от соблазнов он бежит, ибо знает, я дам ему все. Даже на трон посажу и встану рядом защитником. Но истинный дух потому и истинный, что пребывает свободно в потоке жизни. Связь

9 небом и откровением осуществляется только через свободную душу, А этого он никогда, ни за какие богатства не предаст».

Неожиданно перед Махмудом встали три мальчика на конях. Розовый рассвет лежал у них на лицах, — или то был рассвет их жизней? Испугались они страшно. Один даже весь покрылся крупными каплями.

— Отчего ты вспотел? — спросил ласково Махмуд.

— Вас испугался.

— А ты почему не вспотел? — спросил Махмуд другого мальчика..

— А Я так испугался, что даже не посмел вспотеть…

А третий рассмеялся, взглянув Махмуду в глаза.

— Если ты так смел, — сказал ему Махмуд, — то подари мне свое имя!

— Насир Хусров, — насмешливо ответил мальчик и ускакал.

— В странное я вхожу состояние, — обратился, Бурханиддин к народу на площади Регистан, — ибо должен Говорить о математике и Ибн Сине, а ничего, кроме заслуг его в этом, не вижу. И заслуги, надо сказать, украшающие ислам. Ни в чем он здесь не пошел против бога. Да и Газзали говорил: «Нет вопросов в геометрии арифметике, которые противоречили бы религии, И нет Необходимости опровергать и отрицать их». И все же! Не принимает моя душа Ибн Сипу в математике… Вот капал, например, один выкопать его не

может. Берут лопату другие… Канал — лело благородное. Но если на лопате следы грязных рук моего предшественника, как мне копать? Мы уже видели, но что превратилась душа Улугбека, следовавший за Ибн Синой в астрономии. В математике такой жертвой оказался Омар Хайям, Немецкий ученый Ф. Венке обратил внимание в 1863 году на распространение Ибн Синой проверки арифметических действий с помощью девятки на возведение в степень. Это было открытием Ибн Сины в математике[151].

Вторым его открытием является реформа изложения теории составных отношений в геометрической части его «Кинги исцеления», У Евклида определения составных отношений не было. Кроме того, Ибн Сина систематически применял к геометрическим величинам арифметическую терминологию, чего тоже не делали древние, «УМНОЖИТЬ ЛИНИЮ НА СЕБЯ, — пишет Ибн Сина в «Книге знаний» — ЗНАЧИТ, ПОСТРОИТЬ НА НЕЙ КВАДРАТ».

Омар Хайям, опираясь на теорию составных отношений, дал расширение понятия числа, внес свой особый вклад в выработку этого важнейшего понятия современной математики.

Не оставил Ибн Сина без внимания и знаменитый V постулат Евклида о пересекающихся параллельных линиях. Две тысячи лет не давал этот постулат покоя математикам, пытавшимся доказать его. О Евклид! На тысячелетия ты задал задачу! А доказательство ее лежало вне твоей геометрии, в неевклидовой геометрии, как говорят с конца XIX века, с тех пор, как в далекой снежной России гениальный математик Лобачевский доказал этот постулат, рассматривая две параллельные линии не в плоскости, а в сфере. Ибн Сина нашел свое оригинальное доказательство V постулата, на что впервые указал советский ученый Б. Розенфельд. Омар Хайям, разрабатывая направление Ибн Сины, нашел V постулату самое лучшее доказательство для всего Средневековья. К сожалению, эта его «теория параллельных» оставалась в тени до… XX века: арабский текст рукописи был впервые опубликован в 1936 году (!), а европейский — на русском — в 1953-м….

Проблема непрерывности — важнейшая проблема математики, приведшая к открытию дифференциального и интегрального исчисления. Думали над ней и Ибн Сина, и Омар Хайям в связи с поисками Всеобщего Универсального языка, ибо математическая символика из способа фиксации уже известных явлений при новом, дифференциальном и интегральном исчислении сделалась бы способом НАХОЖДЕНИЯ неизвестного, а это и есть прямая функция Всеобщего Универсального языка, над которым И сегодня бьются ученые, ища абсолютной его завершенности.

Занимался Ибн Сина и вопросом угла касания (один из источников возникновения дифференциального и интегрального исчисления). В Европе этот вопрос дискутировался лишь в XIV веке. В трактате «Об исследовании углов»[152], посвященном Масихи еще в Гургандже, Ибн Сина доказывал, что угол между окружностью и касательной не является величиной, «архимедовой величиной», как говорит современная математика, то есть является «архимедовой величиной».

— Омар Хайям — страшный человек, — говорят народу на площади Регистан Бурханиддин-махдум. — Вот отрывок из одной русской книги[153], переведенный специально для сегодняшнего нашего заседания по приказу эмира Алим-хана одним русским офицером. «Суммируя все, что говорят об Омаре Хайяме древние книги, получается, что он — вольнодумец, разрушитель веры, безбожник, насмешник над мистицизмом, пантеист. Но и в то же время он— правоверный мусульманин, точный философ, острый наблюдатель, ученый.

Он — пьяница, развратник, ханжа, лицедей, и не просто богохульник, а воплощенное отрицание религии и всякой нравственной веры.

И он же — мягкая натура, более преданная созерцанию божественных вещей, чем жизненным наслаждениям. Скептик. Эпикуреец. Персидский Вольтер, Гейне.

Можно ля представить человека, в котором совмещалась бы такая смесь и пестрота убеждений, противоположных склонностей и направлений, высоких доблестей и низменных страстей, мучительных сомнений и колебаний?!» Короче говоря, — подвел итог Бурханиддин, — Омар Хай-ям — оборотень, в стал он таким из-за Ибн Сины, ибо первоначальная его душа была чиста, но, начитавшись Ву Али, он стал учеником дьявола. Имам и судья Фарса Насави послал даже Хайяму однажды отцовское предупреждение в форме письма с вопросами: «Скажи мне свое мнение но поводу мудрости творца в сотворении мира, в особенности человека, и об обязанности людей молиться». Каждое слово в письме — гвоздь в сердце Омара Хай-яма. Омар Хайям понял это и растерялся. «Я не ожидал, что мне зададут такие вопросы, — думал он, отодвинув в сторону кубок вина, — в них содержится столь сильное сомнение но мне…» И ответил на письмо трактатом «О бытии и долженствовании»…

— А кто он такой, этот Насави? — спросили в Толпе.

— Известно, что любил — боготворил, можно сказать, Ибн Сину, — сказал судья Даниель-ходжа.

— Тогда, может, Насави хотел напомнить Омару Хайяму о маскировке и даже предложил один из способов ее — трактат, который как маска спас бы общественное мнение о нем? — сказали студенты. — Видно, стал он уже магнитом, притягивающим к себе беды.

— Вы правы, — проговорил Бурханиддин. — Омар Хайям понял намек, написал трактат, который принес ему славу среди богословов, но было уже поздно. «Когда его современники очернили веру его, — пишет Кифти, — и вывели наружу те тайны, которые он скрывал, он… схватил легонько поводья своего языка И Пера И совершил хадж по причине боязни, а не богобоязни, и обнаружил тайны Из тайн нечистых».

Да, накинув на себя плащ из лоскутьев с неровным нижним краем, — таким видит его Али, — подвязавшись веревкой, повесив из грудь мешочек и Кораном, пошел Омар Хайям пешком Мекку, неся в душе Ибн Сину. «Я был свидетелем гибели ученых, — говорит он Учителю— Ибн Сине, — от которых осталась малочисленная, но многострадальная кучка людей. Суровость судьбы в мое время препятствует им всецело отдаться совершенствованию и углублению своей натуры». Это прочитает потом Улугбек, родившийся через 283 годе после Омара Хайяма, в предисловии к его «Книге о доказательствах алгебры и алмукабалы» и будет долго слышать их и своей душе, как слышит сейчас Омар, Хайям слова, оставленные для него Ибн Синой в предисловии к «Книге спасения»! «В конце я должен изложить науку… о нравственности, добродетели, какие только можно достичь в этом море мук…»

Море мук…

И Беруни в «Индии» оставил для Омара Хайяма кусок своей горести: «Не страшитесь силы царей, говоря перед ними правду, — ведь они властны только над нашим телом, а над душами вашими у них нет власти». Это слова Иисуса Христа. Слова, которые так любил говорить Масихи. Значит, как тосковал старый Беруни в плену о прежних своих друзьях, один из которых у мер, а другой потерялся в «море мук», как был одинок, если и друзьях у него были только воспоминания я Истина. Вот он и пишет дальше: «Этими словами Христос повелевает проявлять истинное мужество. Не то моральное качество, которое толпа принимает за мужество, видя стремление идти в бой и дерзкую готовность броситься навстречу гибели, — оно есть только одна из разновидностей его. Мужество Же,

возвышающееся над всеми другими его разновидностями, заключается в презрении к смерти, все равно, выражается ли оно в речи или в действии…»

Будь милосердна, жизнь, мой виночерпий злой,

— слагаются в душе Омара Хайяма, стиснутой одиночеством и горем, стихи.

Мне лжи, бездушия и подлости отстой
Довольно подливать! Поистине из кубка
Готов я выплеснуть напиток горький твой! [154]

И вспомнил Али, как сам читал стихи Омара Хайяма той злополучной ночью.

Если хочешь покоиться в неге блаженной
И у ног своих мир этот видеть надменный,
Перейди в мою веру, учись у меня.
Пей вино, но не пей эту горечь Вселенной.

В них горечь Ибн Сины, Беруни, Улугбека, который с ножом в спине, Таухиди, который сжег свои книги перед смертью, и самого Омара Хайяма, который улыбался, будучи придавленные огромной плитой — тяжелым, черным своим временем.

И вот Омар Хайям а Мекке, в белом одеянии ихрам[155]— идет в огромной массе паломников и кричит со всеми, и поднимая руки:

— Лаббайка, аллахумма! Лаббайк! (Вот я перед тобой, господи!)

А душа его говорит:

Вот я перед тобой. Истина!..

Проходит Омар Хайям со всеми долину Мина, поднимается на гору Арафат, где Авраам занес когда-то нож над своим сыном Исааком[156], чтобы принести его в жертву богу но его требованию.

«Я жизнь тебе свою жертвую, Истина!» — говорит и Омар Хайям в душе.

Вот кидает он камни со всеми в дьявола, идя от Муздалифы к Мине. Кидает в тех, кто мешал ему служить и Истине.

Приносит в жертву животных в долине Мина. Семь и раз ходит вокруг Каабы, целует Черный камень в восточном углу. Был белым этот камень… Белым дал его Аврааму ангел Джабраил, От поцелуев людей сделался он черным, так много впитал в себя грехов Их. «Плохо я служил тебе. Истина…» — сокрушается Омар Хайям.

Вот пьет он воду из святого источника Зем-Зем и семь раз ходит между холмами Сафа и Марва в пределах великой мечети Харам, семь раз клянется никогда не оставлять служение Истине.

«Повели, о боже!» — говорят все, воздев руки к небу. — «Повели, Истина! — молится Омар Хайям. — Я раб твой».

Отправился потом Омар Хайям в обратный путь вместе с другими паломниками и дервишами из Мекки в Нишапур, ложился голым в сухой лошадиный помет, чтобы избавиться от вшей, укладывался спать под бок какого-нибудь паломника, укрывался плащом, сшитым из лоскутьев, смотрел в небо, где «текли дугою звезды[157]» и думал об Ибн Сине… о пяти его доказательствах неограниченной делимости пространства,

О своем геометрическом способе решения всех видов кубических уравнений с помощью пересечений кругов, гипербол и парабол (в Европе нашли алгебраическое их решение в радикалах в XVI веке), думал о своей классификации уравнений для подбора соответствующих конических сечений (возродилась Декартом) о своем едином учении о рациональных, и иррациональных действительных числах (в Европе это учение появится лишь в XVI веке у Стевина. Разработка действительного числа была произведена Декартом и Ньютон ном в XVII веке. Строгие же теории — в конце XIX), думает Омар Хайям и о своей «Книге о доказательствах алгебры и алмукабалы» (в Европе впервые упомянут о ней лишь в 1742 году), и опять мысли его возвращаются к прекрасному доказательству Учителем — Ибн Синой V постулата Евклида…

Да… Трудно быть учеником Ибн Сины. Трудно перед самим собой, перед богом, перед людьми. Для того, чтобы выжить, приходилось лгать. Стоять на молитве и думать о… несотворенности мира богом. Только в стихахи научных трактатах Хайям говорил правду.

Но больше, чем своих врагов, боялся он потомков. Всякий глубокий ум они умеют умертвить ложным толкованием. Омар Хайям видел, как пытался умертвить Ибн Сину Газзали, Закономерность уготовила Омару Хайяму более печальную судьбу. Враги и потемки врагов низвели честь Омара Хайяма на нет, превратив его в пьяницу.

… Перед смертью Омар Хайям долго читал «Книгу исцеления» Ибн Сины, потом встал на вечернюю молитву[158], низко поклонился заходящему солнцу и сказал: «О боже, прости мне мое знание тебя. Это мой путь к тебе…» И в этот же вечер умер.

> О Судьба! Все насильно повсюду утверждаешь сама.
> Беспределен твой гнев, как тебя породившая тьма:
> Благо подлым даришь, ну а горе — сердцам благородным.
> Или ты не способна к добру, иль сошла ты с ума?..

Такого Омара Хайяма боялись. А Ибн Сина гордился бы им. И Беруни. Как гордился им Улугбек.

— Газзали младше Хайяма на 11 лет, — говорит народу Бурханиддин. — Оба они, совершив хадж, жили, не соблазнявшись Багдадом, в Нишапуре, родном для них городе. Омар Хайям здесь родился. Газзали — учился у богослова Харамейни, который, выделив его, сына неграмотного прядильщика шерсти, из 400 своих учеников, сказал: «Он — море, — переполненное богатствами!», этот скромный юноша в скромной одежде, встречающий утро С книжками в руках, приходит как-то Газзали к Омару Хайяму. Спрашивает об определении полярной части небесной сферы среде других частей. Омар Хайям стал многословно объяснять, воздерживаясь от углубления в спорные вопросы. «Так продолжалось до тех пор, — пишет Байхаки, — пока не наступил полдень и муэдзин не призвал к молитве. Тогда имам, Доказательство Ислама, Мухаммад Газзали сказал: «Истина пришла и исчезла нелепость! — встал и ушел». Вот какое торжество веры совершилось над разумом! Вот как светлая голова Газзали стерла черного лживого Омара Хайяма! Вот как философия осталась посрамленной, религия же ушла с высоко поднятым челом!

— Умный вы человек, уважаемый Бурханиддин-махдум, — вдруг начал говорить Али.

Толпа замерла. Это была дерзость. Неслыханная дерзость. Дерзость святого или безумца?

— Слушаю я вас три месяца и диву даюсь— продолжает Али, — как мог Ум разбить Ум? Ведь Газзали равен Ибн Сине по уму. И Омару Хайяму равен. Любого философа запросто на лопатки положит. Все реки философии прошел! И к Омару Хайяму неспроста заявился! И кафедру богословскую в Багдаде неспроста оставил, неспроста мечеть в Дамаске, два года подметал. Не сумасшедший же он в самом деле? Философ в нем проснулся! Вот в чем

секрет. Настоящий философ! Ибн Сина он! Да! Настоящий Ибн Сина. Вот что я понял, слушая тут всех вас. Только НОЧЬЮ он жил, Газзали, а Ибн Сина — ДНЕМ. Пусть несолнечным был уже день, но все-таки хоть какой-то день. Омару Хайяму же и Газзали досталась ночь. Представьте, Закрыли в доме окна и двери, полная тьма, и сказали людям: «Ходят среди вас человек с ножом». Кик в таком доме жить? Вот и боятся все друг друга. Ходят осторожно…

Не открылись тогда друг другу Омар Хайям и Газзали по этой причине. Душу свою израненную принес Омару Хайяму Газзали, а не вопрос о какой-то там полярной сфере. Потому в хадж он пошел, что душа у него болела.

А почему болела душа? Потому что маску он на своем лице носил. И захотел снять маску — святостью хаджа снять, чтобы засветилось снова его лицо… Вот по чему, вернувшись из хаджа, дома жил, никуда не выходя: света ждал. А в миру первый луч нового его света появись он На лице, тут бы И погас. В миру ведь надо опять лгать, опять маску надевать… И дома потому только с детьми общался. Горе же Газзали в том, что маска не отдиралась… Потому и к Омару Хайяму пошел. Если б Омар Хайям понял его тогда! Понял бы, что не за разъяснением полярной части неба пришел Газзали, а за улыбкой, доверием, искренностью! И открылось бы тогда истинное лицо Газзали. Снова бы появился на нем свет, данный ему природой. И стали бы они друзьями. Но… ходит в темноте человек с ножом и, может, кто в дружбе клянется, тот и держит в руке нож.

Я не знаю философии Омара Хайяма, все эти постулаты, доказательства алгебры и алмукабалы. Я темный крестьянин. Но… противоположное познается противоположным. Вы же сами говорили. Да и мы, простой народ, с детства это знаем. Летом тепло не понимаем, а зимою, когда ноги голые в башмаках рваных иззябнут и к печке их подвинешь, тогда только до косточек и пробирает тебя это понятие тепла, в мозг холодом записывается. Так и со мною случилось. Чтобы мне себя самого узнать, сотворили меня неграмотным крестьянином. И огонь после пожара в золе отдыхает… Омар Хайям и Газзали — горы, недоступные для меня. Не осилить мне никогда их философии. Но я знаю стихи Хайяма и вижу: Хайям и Газзали — две ладони одного человека, два глаза одного лица, одно сердце, одна голова. Равные они. Значит, все, что писал Омар Хайям в философских книжках, отвечая на вопросы судей-имамов, — маска. Как у Газзали. Только у Омара Хайяма маска снималась, и тогда он пил вино и писал стихи.

— Доказательство! — крикнул потрясенный Даниель-ходжа.

— Доказательство? Слушайте! Вот рубаи Омара Хайяма:

> Тайны мира в том виде, в каком они изложены в моих тетрадях,
> Нельзя рассказывать никому, так как это опасно для моей головы.
> Раз нет среди этих умных мужей ни одного благородного.
> Невозможно сказать всего, что у меня на душе![159]

В состоянии шока молчала толпа. Али говорил!!! Да как говорил… Нет, Ибн Сина это говорил…

— А я вам другое стихотворение Хайяма прочту, — поднялся Бурханиддин-махдум, дрожа от волнения… — Не стихи, а укус скорпиона.

> Усами я мету кабацкий пол давно,
> душа моя глуха к добру и злу равно.
> Обрушься мир, во сне хмельном пробормочу:
> Скатилось, кажется, ячменное зерно. [160]

Вы и не до такого доведете! — угрюмо проговорил Али.

Вхожу в мечеть. Час Поздний и глухой. —

снова читает Бурханиддин, Громко и отчетливо, словно кидает в Омара Хайяма ножи. —

Не в жажде чуда я и не с мольбой.
Когда-то коврик я стянул отсюда.
А он истерся, надо бы другой.

Толпа зашумела.

— Пусть Али говорит!

— Дайте ему слово!

— Пусть обвиняемый говорит!

— Али! Али!

— Я все сказал, — устало проговорил крестьянин и сел. Долго стояла на площади тишина. И вдруг отделился от толпы старик, подошел к Али, развязал пояс, положил перед ним лепешку и сказал:

— Поешь, сынок…

И народ облегченно вздохнул, а Бурханиддин сказал себе, холодея: «Все. Я проиграл…»

XII «Мы — деньги мелкие, мы — жалкая казна, нас тратят, как хотят, дурные времена…»[161]

Майманди вошел Махмуду с красной розой в чалме.

— Я говорил: сильный ветер не продолжится до полудня! Сайида с сыночком оставила Рей, сидит в крепости Данбаванд и смотрит оттуда на другого своего сыночка Шамс ад-давлю, хозяйничающего в городе! Войска гордячки перешли к ее мятежному сыну!

Махмуд вызвал Али Кариба, любимого полководца, и приказал ему готовиться в поход, послал гонца в Туе и другому любимому Полководцу — Арслану Джазибу со словами: «Жди меня во всеоружии. Заберем тебя по пути в Рей».

А тут другая новость: убили арабского наместника Джибала[162] Хилал ибн Бадра и обратили в бегство его багдадских солдат! От этой новости и Махмуд вставил себе в чалму розу на длинной ножке, отбросив в сторону рубин.

И года не прошло спокойной жизни в Рее… Собрали Ибн Сина и Джузджани пожитки и отправились на северо-запад, в Казеин. И в то же примерно время из Гиляна, согласно народному преданию, отправился в Багдад и Фирдоуси. Шахрияр Бавенд, выкупивший у старого поэта сатиру на Махмуда и три года прятавший Фирдоуси у себя, вдруг сказал:

— Примири свое сердце с Махмудом Фирдоуси понял: Шахрияр боится Махмуда, двинувшегося на Рей, И ушел. Не столько ради своей безопасности, сколько потому, что не мог видеть, как дрожит перед Махмудом потомок сасанидских царей.

Рейские войска, любившие Сайиду, опомнились, отошли от Шамс ад-давли, и он ушел в Хамадан, в котором отныне собирался править не от имени матери, как раньше, а самостоятельно. Сайида с Мадж ад-давлей вернулась в Рей.

Махмуд замер на полпути. И, развернувшись, и пошел обратно, помня письмо Сайиды, а Ибн Сина в это время был уже на подступах к Казеину. Махмуд глянул на Майманди, Майманди развел руками:

— Судьба… — И вынул из чалмы завядший цветок.

Муса-ходжа, когда узнал от ювелира усто А'ло, что темный, неграмотный крестьянин отнял на судебном заседании Бурханиддина самого Газзали, рванулся на площадь. Ювелир остановил его: слепого разве замаскируешь? Но, увидев слезы в огромных слепых глазах, положил нож в карман и в открытую повел старика на Регистан.

Эмир Алим-хан рассматривал с русским консулом, английским майором Бейли и афганским консулом Курдаколом карту в связи с тем, что несколько дней назад М. Тухачевский выбил из Минска и Вильнюса поляков и гнал их теперь со всей белорусской земли. Миллер к тому же получил от своих агентов в Ташкенте шифровку-обращение Ленина к большевикам. Ленин писал: «.. Наступление Красной Армии… оказалось настолько успешным, что мы совершили неслыханный почти в военной истории поход. Красная Армия прошла без перерыва 500 (даже 600, но многих местах до 800 верст и дошла почт до Варшавы!»[163]

Английское правительство, угрожая войной, потребовало от Советов немедленно остановить наступление. Франция, Англия и США в срочном порядке стали отгружать Польше дополнительное оружие. ЦК РКП (б) образовал Южный фронт. Командующим назначил М. Фрунзе. Эмир взмолился про себя: «Только бы не вышел это человек живым с Крымской войны! Он — среднеазиатский, вырос в Киргизии… Знает, как разговаривать с моим на родом. И не боится пустынь».

Бурханиддин объявил в судебном заседании перерыл срочно надо было притащить Гийаса-махдума, а’лама объявить фетву, иначе народ может отбить Али. Даниэль-ходжу послал к эмиру с просьбой прийти в мечеть: фетву нельзя произносить без эмира. Эмир, подняв голову от карт, сквозь мысли о Фрунзе выслушал просьбу главного судьи и сказал, что будет.

Второй гонец вернулся с сообщением, что дом Гийасмахдума закрыт и, сколько он ни стучал, двери никто в открыл.

В Казвине, пограничном пункте халифата, жили курды, которых никому никогда Не удавалось Покорить! Е ассирийской царице Семирамиде в VIII веке до н. э., Е Александру Македонскому, ни арабам. Здесь Ибн Сина мог жить открыто: никто ни За какие богатства мира и выдаст его. Курды есть курды…

Ибн Сина усиленно работает Над «Каноном», лечит людей. Джузджани ходит на базар, готовит обед, переписывает черновые страницы учителя, «его сквернную Араматскую вязь», в свободное же время учит логику Аристотеля, разбирает астрономию Птолемея, но самое главное — ищет купцов или гонцов, направляющихся в Гургандж, чтобы отправить с ними письмо брату Ибн Сины и его ученику Масуми.

Горы охраняли покой Ибн Сины. По высоте они уступают горам Гиндукуша, окружающим столицу Махмуда Газну, не сверкают ледниками, но сверкают гордостью и свободой. В замках, стоящих, на скалах, живут не подчинившиеся халифу иранские рыцари — хранители сасанидской независимости и культуры. Страной орлиных гнезд называют Дейлем.

И все же Ибн Сина не прожил здесь и года. Казалось бы, место идеальное, а Ибн Сина уходит в Хама дан, к Шамс-ад-давле — молодому эмиру, ничем еще не проявившему себя, разве что напугавшему до смерти мать. И потом, в Хамадана Ибн Сину легче изловить! Что же заставило его покинуть Казеин?

Конечно, неприступные горы Дейлема, замки, древние зороастрийские традиции, отсутствие религиозного фанатизма, прекрасные библиотеки трудно оставить. «Но… надолго ли это? — думает Ибн Сина. — Замки сражаться с Махмудом не будут. Они живы лишь потому, что

Махмуд занят Индией. Есть ли на земле царь, который не боялся бы Махмуда?. Нет. Нет нигде такого царя. Не родился еще!..»

И невольно Ибн Сина вспоминает двух юношей туркмен, встретившихся ему и Масихи в Каракумах. Юноши эти — внуки Сельджука: Тогрул и Чагры, Они тоже, как Ибн Сина и Масихи, двигались по лунным колеям — дорогам разбойников и прокаженных. Двигались со всем своим народом.

Река призраков… Не слышно голосов, даже колокольчики сняты с верблюдов. Только вспыхивают под луной стремена, клинки, сабли. Да тихо вздыхают люди. Женщины, дети, старики, старухи сидят на верблюдах, тяжело груженных разобранными юртами, коврами, домашней утварью. Молодые мужчины гарцуют на конях по бокам, впереди и сзади.

— Тюрки-огузы, — сказал Масихи Ибн Сине, и оба спрятались, а потом незаметно присоединились к ним. Двое юношей, замыкавших караван, казалось, но заметили приставших, дремали, надвинув на глаза огромные бараньи шапки, но утром, у костра, сказали:

— Ты — Ибн Сина! Мы тебя знаем… А это кто? — и показали на Масихи, — Мой друг.

— Тогда ладно, пусть идет с Нами!

Один из юношей, старший, насадил на конец копья портрет Ибн Сины, нарисованный по приказу Махмуда, и с диким криком помчался вперед. Тюрки-огузы устремились за ним, стараясь отнять портрет. Отнял младший брат, юноша лет семнадцати. Сверкая улыбкой, сказал Ибн Сине: — Теперь ты — мой гость! Не бойся! И волос с твоей головы не упадет!

Двигаясь с туркменами по пескам, Ибн Сина с удивлением разглядывал великолепные кожаные пояса на мужчинах с бляхами и серебряными стрелочками, серьги в ушах, заплетенные в косы волосы, малиновые халаты, отороченные черным мехом, бараньи и лисьи шапки с хвостами. Беруни рассказывал, что «поздней осенью туркмены двигаются к Хорезму, в низовье Сейхуна[164], ведя с собой лошадей, верблюдов, баранов, коров и быков. Летом кочуют по степи, зимой по пустыне».

Когда в 745 году уйгуры в союзе с Китаем разбили государство голубых тюрков, тюркское племя бичне (печенеги), образованное, согласно ученому Хирту, от слияния европеоидных голубоглазых аланов с тюрками, ушло на запад и продержалось на Волге до 893 года. Вторая волна салыры разбили печенегов в союзе с хазарами, оттеснили на Балканы, заняв их место, и стали ударным отрядом хазарского царя.

— Тугак, хан девяти знамен, — рассказывают Тюрки-огузы Ибн Сине, — прославил наш род кыныk из племени салыр. Но сын Тугака — Сельджук, мой дед, поссорился с хазарским царем, отказываясь идти на Хорезм. Мы мусульмане, а хазарский царь по вере — иудей. Хазарский парь кричит: «Ты — мой раб!» Сельджук ударил царя кулаком по голове, забрал

всех нас и увел на юг. Три его сына завоевали Джент, прогнав Али-хана. Но год назад 107-летнй Сельджук умер. А сын джентского Али хана Шах-Малик — «Несправедливый царь», как прозвал его народ, — пьяница и развратник, — отвоевал, все же у нас обратно город. И мы ушли в пески, где ты нас и видишь. Там, в бою за Джент, погиб наш отец Микаил. Я поставил на его могиле много статуй, сколько он убил врагов. Так что не скучно ему будет в царстве мертвых.

Ибн Сина удивился. Так эти двое юношей, плетущихся в конце огромной народной реки, к тому же хуже всех одетые, — царские сыновья?!

— А как вас зовут?

— Я — Тогрул, — ответил старший, — А это — Чагры показал на младшего. — Стыдно нам сказать тебе, но у нас нет своей земли. Вот мы и кочуем тайком по землям Махмуда. Открыто кочевать — значит бросить Махмуду вызов. Но нас всего четыре тысячи семей… Сразиться с ним пока нет сил. Его шпионы, конечно, уже донесли ему о нас. Но не рассердится Махмуд. Идти ночью — скромность, просьба… А какой царь на Востоке не проявит великодушие…

Помолчали.

— Я знаю, о чем ты подумал, — сказал Тогрул. — За тебя Махмуд дал бы нам много земли… Не бойся, туркмены знают только честный бой.

И тут подъехали два богато одетых пожилых воина, Тогрул вскочил и низко поклонился им.

— Мои дяди, — сказал Тогрул Ибн Сине, — братья отца, сыновья Сельджука: Исраил, по прозвищу Арслан, и Муса.

«Арслан! — удивился Ибн Сина. — Так я же видел его но дворце у Нуха! В Бухаре!.. Ну да! Это он помог Нуху в борьбе с Богра-ханом! Благородный Арслан… Помог я ушел, не взяв за помощь никаких подарков. А Это Муса. Тот самый, что воевал на стороне Мунтасира против караханида илек-хана Насра в 1003 году под Самаркандом и захватил в плен 18 хаджибов!»[165]

Коротко переговорив с Арсланом и Мусой, Тогрул по Их знаку принес и развернул белое знамя. Огуз-хана с нарисованной на нем золотой бычьей головой И девятью белыми конскими хвостами. «Знамя главного хана, — подумал Ибн Сина. — Девять — у тюрков святое, число. Ибо нет ничего превыше девяти».

— Ты наш почетный гость, — сказал, улыбаясь, Тогрул, — и потому мы показали тебе наше знамя,

Тогрул… две алмазные, звезды с голубыми белками на черном лице. Нос — стрела. Губы, с которых так и хочется, как с черных слив, стереть сизый налет. Сама природа удивилась, наверное, своему искусству — такая это живая, дикая степная красота. «Тогрул не будет бояться Махмуда, — подумал Ибн Сина. — Не только в силу природной своей смелости, но и потому, что их вопрос— это вопрос жизни, а не власти. И поэтому никто перед ними Не устоит. И если сегодня Тюрки-огузы благородного Арслана, дяди царевичей, просят у Махмуда землю, то Тогрул и Чагры уже готовятся к бою.

У Тогрула и Чагры нет отца. Им не на кого надеяться. Следовательно, у них рано разовьется самостоятельный ум. И Потом, ОНИ так просты, ничем не отличаются от народа, но всем следуют народному идеалу справедливого царя. Спал же Якуб Ибн Лайс, эмир Сеистана и Хорасана, положив под голову щит, в палатке перед своим дворцом! Он в отец Махмуда —

Сабук-тегин скорее были честными смелыми полководцами, чем царями. Такими же будут, наверное, Тогрул и Чагры».

Ибн Сина невольно сравнивает царевичей-тюрков с сыновьями Махмуда. До него не могли не доходить слухи.

О том, что Махмуд держит под наблюдением шпионов каждый шаг сыновей — Масуда И Мухаммада. Раб, хранитель царской одежды Нуш-тегин, возлюбленный Масуда и самого Махмуда, особенно усердствовал в донесениях. Махмуд как-то сказал: «Масуд-тиран, который никого не признает выше себя. Мухаммад — великодушен, неустрашим, после меня дело Перейдет, наверное, К Мухаммаду, но Масуд его съест. По этой причине в моем громадном государстве появится алчность, и тогда попятно, нуда зайдет дело». Эти слова записал Мишкан, начальник канцелярии Махмуда, учитель честнейшего Абулфазла Байхаки. Перед смертью Махмуд настолько запутался в противоречивых шпионских донесениях, что послал халифу Кадиру письмо с просьбой отлучить обоих сыновей от престола.

Али-Арслан, сын Чагры, будет править государством Махмуда, которое, как зернышко, войдет в Великое сельджукское государство, завоеванное Тогрулом и Чагры, И первое, что сделает Али-Арслан в 1063 году, — это отменит должность сахиб-хабара (министра доносчиков). «Если я назначу сахиб-хабара, — скажет он, — то люди, искренне ко мне расположенные, не станут обращать на него внимание и подкупать его, положась на свою верность, дружбу и близость. Противники же будут давать ему деньги. Ясно, что сахиб-хабар постоянно будет доводить до меня дурные вести — о друзьях и хорошие — о, врагах. Добрые и дурные слова Подобны стрелам. Если выпустить несколько стрел, то хоть одна обязательно попадет в цель. С каждым днем будет уменьшаться мое расположение к друзьям и увеличиваться мое расположение к врагам. Через некоторое время друг будет от меня дальше, враг — ближе. Наконец, враг займет место друга. Вред, который произойдет от этого, никто не будет в состоянии исправить».

Ибн Сина не знал, конечно, Али-Арслана, но мысленно старался предугадать характер второй сельджукской власти. Первая — Тогрул и Чагры, основатели, уже сейчас отвоевывают у Махмуда — на глазах Ибн Сины-Каракумы. Анализируя факт, что у Фахр ад-давли, правителя Рея, мужа Сайиды, и у Мамуна были гениальные везири, Ибн Сина делает вывод: чём простодушнее эмир, тем значительнее при нем становится везирь. У Али-Арслана им будет Низам аль-мульк, жемчужина государственной мудрости Востока, друг Омара Хайяма. Это он даст 30-летнему Газзали богословскую кафедру в Багдаде, будет помогать юному Али-Арслану не только в управлении государством, но и в том, чтобы приручить кочевых тюрков-огузов, вольных детей Степи, жить в государстве, чего не удалось сделать китайскому императору Тайцзуну — оставили культуру, ушли в природу голубые тюрки, потомки тюркютов.

Шамс ад-давля, молодой гордый дейлемит, тигренок, только еще пробующий свои силы, привлек внимание Ибн Рины в связи с рассуждениями о царе, могущем противостоять Махмуду. Ибн Сина почувствовал в Шаме ад-давле силу духа. Этот не скажет: «Примири свое сердце с Махмудом». Но опыта государственности у него никакого. Ему нужен воспитатель-философ. И вот Ибн Сина задумал повторить опыт Сократа, Платона, Аристотеля, создававших специальные философские школы для будущих государей. Аристотель, как известно, был воспитателем Александра Македонского. Вместе они пришли на Восток, были в Хамадане, где царствовал сейчас Шамс ад-давля. Хамадан упорно сопротивлялся грекам. Александр даже пришел в отчаяние. «Не торопись, — успокоил его Аристотель. — Перекрой речушку, что течет в шести километрах от города, и веселись, вроде бы ты решил ваять город измором. Потом пусти в реку связанных вместе волов и быков. Они разобьют плотину, и вода, хлынув на городскую стену, разрушит ее». Александр

так и сделал и покорял Хамадан, построенный на развалинах Эктабан — столицы древней Мидии.

Александр после захвата того или иного государства появлялся перед воинами в одежде… врага. Сколько раз воины уходила от него за это! Сколько ругали, проклинали. Но Александр шел еще дальше в этих своих странных поступках: однажды взял и женился на дочери побежденного царя — бактрийке Роксане! И всех своих солдат переженил на иноземках. Обнимался с врагами, пел их песни, говорил: «И на краю света индиец Пор мне друг». Но и он же перебил почти всех касситов.

Странный он был человек… Вместе с кинжалом держал под подушкой «Илиаду». Любил говорить: «Отцу я обязан тем, что живу, Аристотелю — тем, что живу достойно». Беруни сказал об Александре: он послан для того, чтобы объединить мир. Нет, — возразил Ибн Сина, — Александр послан для того, чтобы человечество выработало идею человеческого, чтобы люди поняли: сад надо выращивать один на всей земле. Одним этим великолепным, огромным садом показывать себя Вселенной, а не чахлыми делянками, выросшими, словно плесень, то тут, то там. Объединяли мир и Саргон и Хаммурапи, и Семирамида, проводившая завоеванные народы по улицам своих столиц: мужчин — в колодках, женщин — с задранными подолами. Но подумайте, одел бы Саргон платье покоренного им шумера или жителя утонченной сирийской Эблы? Никогда. Это И представить невозможно, — как невозможно представить Махмуда в платье… индийца.

Была у Ибн Сины тайная мысль проверить свою теорию общества в действии. Почему Второй Учитель — Фараби все свои науки выстраивал так, что главной всегда оказывалась наука создания совершенного государства с Мудрецом но главе? Потому что Восток был тогда взбаламучен завоеваниями арабов, и каждый более или менее осмысливающий себя народ стремился захватить власть, образовать свое собственное государство. Выступали не только ради национальной идеи, Но И социальной. Образовалось на восточном побережье Аравии карматское государство Бахрейн — осуществленная мечта рабов о свободе, но на рабов все в этом государстве и опиралось. В Египте — Фатимидское государство со своим собственным халифом, не подчинявшимся халифу Багдада. Роскошь его приводила народ в трепет: халиф казался ботом. А государство медника Якуба Ибн Лайса? А государство Саманидов?.. Ребром стоял вопрос: «Какой долж на быть власть? Должна ли она спать в палатке перед дворцом в обнимку с народом или отдалиться от него богатством и божественным освещением?

От философов ждали ответа. И философы, и первый из них Фараби, конструировали модель идеального государства, с идеальной в нем расстановкой сил. Сами шли «в народ», делались врачами, везирями, министрами и просто советниками. Не сидели в башнях под облаками, откуда так удобно было созерцать копошащуюся внизу чернь, не марая в общении с ней свои благородные белые одежды и чистые души. Такой была раньше религиознофилософская мысль на Востоке, которой служили жрецы Вавилонии, зороастрийские маги, буддийские брахманы, Фараби много искал, много думал.

Казалось, далеко от народных проблем искусство силлогистики. Чисто профессиональная область логики. Но как точно раскрывает советский ученый А, Сагадеев, — Фараби берет пять видов логических рассуждений, которыми оперирует силлогистика, и приспосабливает их к самой главной функции власти — идеологии, предлагая ей:

1. С народом общаться посредством ПОЭТИЧЕСКОГО, образного вида рассуждений, — языком сказок и мифов, которым и можно просто объяснять труднейшие общегосударственные задачи.

2. Со средней интеллигенцией — РИТОРИЧЕСКИМ, убеждающим видом рассуждений.

3. С самой религией — проводником общегосударственных задач — предлагает объясняться двумя видами суждений, так как у религии (идеологии) два лица: одно обращено к государству у другое — к народу. Государство разговаривает с ней, проводником своих идей, посредством СОФИСТИЧЕСКОГО вида рассуждений, чтобы, добиваясь своего, скрывать при этом истинное положение вещей: пусть пропагандирует то, что ей велят, а не то, что она сама считает нужным вводить в массы.

С народом же власть предлагает религии говорить посредством ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО вида рассуждений, основа которого — общераспространенное мнение.

4. Высший вид рассуждений — ДОКАЗАТЕЛЬНЫЙ, предназначается только для власти. Им разговаривают философы друг с другом.

Гегеля удивляло, что Ибн Сина, будучи философом, был еще и врачом. Гегель и Ницше мыслили в аристократическом одиночестве. Ницше вообще сбежал от своего культурного общества на вершины гор.

В отличие от Фараби но главе совершенного государства Ибн Сины стоял не просто Философ, Мудрец, а Философ-Пророк. Но не религиозный пророк.

— Над религиозными пророками Ибн Сина смеялся, — говорит Бурханиддин народу. — Вот, послушайте, что он написал в юношеском трактате «Освещение», в 20 (!) лет! «Основателю религиозного закона необходимо, чтобы он так объяснял смысл своего учения, чтобы оно исключило всякие ошибки и неточности, и сделать его понятным всякому… А если ученые и мудрецы не могут понять его учение без комментария, то как же могут понять его без обстоятельного изложения непроницательные люди и арабы, имеющие дело только с пустынен и верблюдами?! Выходит… люди не нуждаются и пророках и его миссия бессмысленна».. Ужас, ужас… Я пока переводил для вас ночью этот кусок, чуть о ума не сошел. Ведь это он о пророке Мухаммаде так говорит! И о Коране!

Толпа поддержала Бурханиддина внезапно взорвавшимся негодованием.

— Так почему же но главе государства Ибн Сины стоит не Философ-Мудрец, как у Фараби, а Философ-Пророк? — продолжает Бурханиддин. — Потому, считает Ибн Сина, что не всякий философ может быть вождем народа, а только тот, на кого указало небо тем или иным знаком. Философов много, но кто из них истинный? Во всех поздних своих работах — в «Книге спасения», в книге «Указания и наставления» — Ибн Сина настойчиво проводит эту мысль: «Между людьми, — пишет он, — должны быть установлены истинные отношения и справедливость… создаваемые законодателем… на основании знамений, не вызывающих сомнений в том, что они исходят от господа». Так вот, таким посланником бога он и возомнил себя, а таи как власти у него не было, то прилепился к несчастному Шамс ад-давле, молокососу, щенку, беспутному гуляке. Вот почему Ибн Сина оставил Казвин и помчался в Хамадан, узнав, что Шамс ад-давля отделился от матери, решив править самостоятельно. Но прежде чем отпустить его из Казвина, мы должны предъявить Абу Али одно очень серьезное обвинение… Слушайте то!

Живя в Казеине, Ибн Сина не мог не посещать замок[4] крепость Аламут, расположенный в 35 километрах севернее города, в районе Рудбар, на вершине горы. Это орли нов гнездо построено в 860 году дейлемитский правителем. Славилось неприступностью, библиотекой, астрономическими инструментами. Об Аламуте Ибн Сине могла рассказать Сайида — ведь в ее жилах текла кровь непокорных дейлемитских царей, это ее родина, Ибн Сина, конечно, занимался в Аламутской библиотеке, наследнице зороастрийских традиций и знаний, оказал затем сильное влияние на Насира Хусрова, Насреддина Туси, испортил еще одно чистое сердце — друга Омара Хаяма, его сотоварища По Школе — Хасана Саббаха.

— Как Ибн Сина мог повлиять на Насира Хусрова, — вскричал, не выдержав, Муса-ходжа, — если никогда с ним не встречался?!

Бурханиддин замер. Все что угодно он ожидал, только не этого. «Нашли все же старика родственники, выкрали из павлиньего сарая. Неужели конец?»

Толпа удивленно разглядывала слепого старика, как воскресшего мертвеца. Все были совершенно уверены, что Муса-ходжа убит. Бунтовщиков в Бухаре убирают быстро и тихо. О старике ничего не было слышно с тех пор, как он повесил на шею чалму и занял место Ибн Сины.

— Насира Хусрова взяли мальчиком но дворец Махмуда, — продолжает Муса-ходжа. — Это тот самый мальчик, который рассмеялся в лицо султану, когда дна других от страха вспотели. Помните? Потом Насир стал винным другом Махмуда и до сорока лет «предавался разврату», по его же собственному выражению. «Когда вспоминаю об этом, — говорил он в старости, — то лицо мое становится черным, а душа краснеет. Выбежал я, как осел, на весеннюю зеленую лужайку. Пил, брал подачки, не помогал бедным, писал глупые стихи. От того вина, которое я выпил вместе с Махмудом, и сегодня у меня кружится голова…»

Насир Хусров младше Ибн Сины на 24 года. Можно сказать, сын его. Они действительно никогда не виделись. Но в сорок лет Насир Хусров вдруг оставил все и совершил хадж. Семь лет скитался по Ирану, Сирии, Палестине, Египту, Армении, Азербайджану, очищал душу в размышлениях.

— Что же случилось с ним? — удивились в толпе.

— Султан Махмуд любил, когда все ПИЛИ в его дворце, чтобы, меньше думали о переворотах, — продолжает Муса-ходжа. — А Насира, этого аристократического юнца, он и вовсе держал под особым прицелом. Насир наводоживал его благородством происхождения, свободой души, глубоким, взысканным умом. Султан даже называл эго «дорогой ходжа», хотя между ними была разница в 34 года!

В толпе раздались возгласы удивления, — Как-то Хусров, — продолжает старик, — слушан Фаррухи, сказал:

— Стоишь и за стихом читаешь стих,
А честь твои, что кровь, стекает на пол с них.

И понял Махмуд: внешне Насир Хусров с ним. Внутренне же — с Ибн Синой! Султан неоднократно встречал юношу с книгами этого философа в дальних уголках сада. Хусров, похоронивший к сорока годам не только Мах-нуда, но и его державу, будто проснулся. Вот что с ним случилось, — сказал, глубоко вздохнув, Муса-ходжа. — Во время семилетних скитаний он увидел столько горя и нищеты, что душа его сломалась, и он, изысканный аристократ, сказал краснея: «Цветение мира от крестьян…»

В толпе по достоинству оценили эти слова. Над площадью установилась благоговейная тишина.

— В Египте Насир Хусров встретился с главою кар-матов, — продолжает Муса-ходжа. — Ровно через 30 лет в Египет придет и Саббах, друг Омара Хайяма. Тоже, как и Хусров. Он проживет здесь три года. Тоже, вернувшись на родину, развернет широкую пропаганду исмаилизма. Судьба словно продублировала Насира Хусрова, пустив по его пути Хасана Саббаха. Насир Хусров пропагандировал исмаилизм на востоке: в Хорасане, Сеистане, а Хасан: Саббах — на западе: в Рее, Казвине, Хамадане, Исфахане..

Легенда говорит: «Три друга поклялись но время учебы в Нишапурском медресе помогать друг другу: Омар Хайям, Хасан Саббах и Низам аль-мульк. Низам аль-мульк, став везирем Малик-шаха, сына Али-Арслана — правнука Чагры, дал Омару Хайяму по его просьбе умеренное жалованье и Исфаханскую обсерваторию, где когда-то работал Ибн Сина, Хасану Саббаху — пост избранного советника Малик-шаха. Но вскоре Хасан Саббах начал интриговать, и Низам аль-мульк прогнал его. Вот тут-то Саббах и уехал в Египет…

Исмаилизм, До сих пор ученые не могут прийти к единому мнению по поводу этого сложнейшего восточного явления, живого и по сей день. Оно, словно радуга, состоит из многих полос, и в то же время все вместе они составляют единую Суть[166].

1. Исмаилизм, ориентированный на верх, на аристократию духа, — это умение различать Второе бытие сквозь Первое, Истину сквозь обыденную жизнь, внутренний смысл Жизни но внешних ее проявлениях. На высшей ступени обучения ученика подводят к мысли о том, что бога вообще нет, а есть только Философ-Пророк, дающий народам совершенную систему, совершенное Знание, совершенное государство. Недаром теолог XIV века Ибн Таймия сказал: «Исмаилиты не верят ни в одного из посланников бога, ни в одно святое писание». Главное у них — не вера, которая слепа, а Разум, излечивающий душу от любой религии.

Практическая цель — дать синтез философии и религии, но так, чтобы философия была — власть, а религия-подчиненный ей рупор идеологии,

2. Исмаилизм, ориентированный вниз, на народ, — это зороастрийское учение о том, что государство Тьмы обязательно сменится государством Света. Вечные весы Жизни… А кто Весовщик? Кто скажет: «Зима сейчас или Лето?»

Разум. Или слово Истины.

3. У народа свое понимание исмаилизма. Это — Надежда, Махди, Скрытый имам, который придет и даст отдохновение. И сейчас в Иране люди надевают белые одежды, выходят на берега рек и смотрят на воду, ждут… Он должен прийти по воде, чтобы народ сразу узнал его: ибо многие уже объявляли себя Махди, а были Ложью. Душа устала их разгадывать…

Исмаилизм — это Надежда… Кто только не становился под ее знамя?

Бахрейн, например, — государство раннего Махди, когда близок он еще народу, делит с ним поровну хлеб, спит в палатке перед дворцом, положив под голову щит. Фатимидский Египет — поздний Махди, отделившийся от народа роскошью. И хочет он новых земель, новых богатств и потому посылает повсюду своих эмиссаров, чтобы взрывали они государства изнутри. Но чтобы роскошью не сравняться с другими царями, которые не от Махди, египетский халиф Хаким, современник Ибн Сины, выделил себя странностями: днем сидел при свечах, ночью разъезжал но Каиру в окружении черных рабов в черных одеждах. Кинул в Нил своих любовниц, — смотрите, мол, какой я праведный! Молился Сатурну, говорил, что чувствует, будто находится в общении с потусторонними силами. Никто не мог выдержать взгляда его больших темно-голубых пронзительных глаз. Вот какой это был Махди.

4. В. Бартольд сказал: «Исмаилизм — это борьба иранского рыцарства против исламского строя… замков против городов и толпы… последняя борьба иранского рыцарства против победоносного времени». А. Бертельс дал критику этому определению: с каким слоем населения боролись рыцари? Ведь городов тогда в европейском понимании — когда купечество и ремесленники имели политическую силу, на Востоке не было. Города являлись лишь резиденцией эмиров, окруженных знатью. Только и всего.

До сих пор исмаилизм — загадка. В Париже живет 50-й исмаилитский глава. До него был Ага-хан III, считавший себя прямым потомком Фатьмы и Али — «Имамом Времени». Выпускается специальный журнал: «Ismailish news».

— Когда исмаилитская пропаганда Насира Хусрова в Хасана Саббаха достигла апогея, — говорит народу на площади Регистан Бурханиддин-махдум, — было решено покончить с обоими вождями. «Нет ни одного разряда людей, — сказал Низам аль-хульк, — более зловещего и более Преступного, чем эти». Хусров успел убежать на Памир, Хасан Саббах — в горы Дейлема. «Если б только дна человека были со мной единодушны, — сказал Саббах, глядя с вершин гор на страну — мы опрокинули бы весь мир. Эти двое: Низам аль-мульк и Омар Хайям.

— А при чем здесь Ибн Сина? — вмешался Муса-ходжа. Он же умер в 1037 году, когда Тогрул н. Чагры не разгромили еще державу Махмуда, а сын Чагры — Али-Арслан, отец Малик-шаха, и Хасан Саббах даже не родились на свет! Насиру Хусрову было тогда 33 года, и он пил еще и гулял с Махмудом, даже в Египет не ходил!.

— Мать, прежде чем родить, — поднялся Бурханиддин-махдум, — носит в себе плод девять месяцев. Да, Натр Хусров убежал в Памир, казалось, похоронил себя там, жил тихо, в нищете, дело его будто бы заглохло. Но всего через какие-то четыре года после его смерти взорвалось такое страшное восстание от Памира до Каспия, что все историки написали о нем, как о буре! Ничего подобного не знал Восток! Исмаилиты завоевали все горные замки Дейлема, и четвертого сентября 1090 года Саббах взял Аламут. Эта дата стала днем рождения исмаилитского государства. Газзали в это время, обласканный Низам аль-мульком, только что получил кафедру в Багдаде Каковы последствия этих страшных событий? — Бурханиддин выпил воды, вытер платком лоб. — Тридцать лет Саббах провёл в Аламуте, ни на час не покидая его, и все эти тридцать лет вел тайную войну с государством туркмен-сельджуков. Теперь оружием его стала не проповедь, а кинжал. Почта исмаилитов — записка, пригвожденная кинжалом к полу. Первым погиб несравненный Низам аль-мульк. «Убийство этого шейха — первое наше счастье!»— сказал Хасан Саббах. Царь Малик-шах, правнук Чагры, умер через 35 дней от отравления. Саббах объявил себя наместником Скрытого имама, Махди. «Днем мы, подобно звездам, скрыты от глаз людских. А ночью — бодрствуем…» — любил он повторять слова Насира Хусрова.

— У Саббаха были юноши, беспрекословно выполняющие любое его желание — федаи, — вступил, сменяя Бурханиддина, Даниель-ходжа. — Один европейский монарх посетил. Аламут. Саббах мигнул, и два юноши бросились с высокой скалы вниз. Саббах использовал хашиш. Тайну его знали только врачи, да и то единицы из них— те, кто делали операции. Хашиш вводил человека в такое состояние, что он становился бесчувственным к боли. Как могла в Аламут попасть эта тайна? Ведь там отроду не было врачей!

— Ибн Сина принес ее в Аламут! — поддержал Даниель-ходжу главный судья. — Напоив хашишем юнцов, Саббах приводил их в комнату, где на блюде лежала голова человека, искусно спрятанного под полом. Голова вещала о рае для тех, кто, убив противников исмаилитов, погибнет сам. Потом юношей вводили в сад, где их ждали дорогие яства, голые девушки и вино. Очнувшись они верили, что были в раю, потому и шли на смерть по одному только взгляду Саббаха. С этого времени Средняя Азия и Иран стали носить кольчуги под одеждой. Террор продолжался до 1256 года, пока Хулагу, внук Чингиз-хана, не взял Аламут. 166 лет существовало государство исмаилитов! Западный мир был так потрясен этими убийствами, что слово «хашишьюн» (употребляющий хашиш) стало обозначать у них убийцу[167].

— Доказательство! — раздались в толпе голоса.

— Какие вам доказательства? — усмехнулся Бурханиддин,

— Что Ибн Сина умел вводить людей в бесчувственное состояние!

— Ах, это! — Бурханиддин открыл рукопись. — Вот и «Канон». Слушайте, Каждое слово здесь — нож в совесть Ибн Сины, «Если необходимо, чтобы больной быстро лишился чувствительности, добавь приятно пахнущего и меда или сабур в вино. Если нужно добиться глубокого бесчувствия…, подмешай плевел. Или возьми дымницу, и опиум белены, мускатный орех или сырую древесину алоз. Смешай все это с вином и дай больному… Или свари дочерна в воде белену с корой мандрагоры, пока она не станет красной. Смешай это с вином… Если больному нужно распилить кость… то обмакни тряпку в этот раствор и дай ему подышать, поднеся ее к носу больного. Он скоро и заснет, и ты сможешь делать все, что тебе нужно». Вот и они — рецепты дьявольской кухни. Сколько чистых душ благодаря им Ибн Сина погубил!

— И все-таки что-то здесь не так! — поднялся Муса-ходжа. — Вы рассказали о половодье исмаилизма, а Ибн и Сина умер, когда никто и не предполагал такого будущего его размаха. И потом, не был он исмаилитом! А если в чем и поддерживал их, то не тех, кто стремился разговаривать с миром языком ножа и Яда. Зреющее но время его пребывания в Казеине такое направление исмаилизма, наверное, и ускорило его отъезд. И Фирдоуси, я думаю, поэтому покинул Бавенда в Гиляне.

— Не поэтому! — перебил старика Бурханиддин. — и Фирдоуси понял, что проиграл! Все иранское рыцарство проиграло. Выигрывать можно только Правдой, а не кинжалом. Всаживать кинжал в спину истории — удел глупцов. Насир Хусров, Хасан Саббах лишь затянули смерть своего смертельно больного сословия.

— Проклятый Хусров! — взорвался Даниель-ходжа. — Кого Махмуд пригрел у себя на груди? Мальчишкой пил с султаном вино, смеялся, говорил, а сам размышлял об Ибн Сине! «Что ты все думаешь и думаешь? — спросил его как-то Махмуд. — Даже передо мной, султаном, думаешь…» «И перед богом человек обязан думать и размышлять!»— ответил наглый Хусров. Вот она — ибнсиновская дерзость.

— В Аламуте через 150 лет после смерти Ибн Сины будет жить и работать более 20 лет Насреддин Туси, «Учитель человечества»[168], как называл его народ, — поднялся Бурханиддин. — Его век был комментаторским веком, Все после Газзали критиковали Ибн Сину, А этот Туси стал., защищать его! Да как! В конце своих комментариев на книгу Ибн Сины «Указания и наставления» сказал: «Я написал большинство глав этой книги в таких исключительно тяжелых условиях, тяжелее которых не может быть, но время такого сердечного смятения, что не могло быть сердца смятеннее»… Шел бы вровень с веком, — который проклинал Ибн Сину, не было бы никакого смятения, — крикнул Бурханиддин. — А когда пришел в Иран Хулагу, внук Чингиз-хана, и взял Аламут, — где-то в 1256 году, Туси… ушел с ним — врагом родины! — в Азербайджан, в город Марагу, резиденцию своего нового хозяина, вывезя туда тайно все книги Ибн Сины по непроходимым горам. Более того, построил в Мараге обсерваторию по подобию Исфаханской обсерватории Ибн Сины, оказавшую затем огромное влияние на Улугбека. Из Аламута, как видите, неслись в небо молитвы, сотканные не из искренности, печали и надежды, а из цифр, астрономических терминов и алгебраических расчетов. И первая такая нечестивая молитва была произнесена Ибн Синой, который, кстати, как математик, ничего существенного в этой науке из себя и не представлял!

«Мусульманская математика, — пишут некоторые буржуазные ученые — это спокойный спутник Земли, сияющий лишь отраженным светом солнечной науки греков и индийцев».

Есть ли факты, опровергающие такой взгляд?

Есть. Мухаммад Хорезми (или ал-Хорезми) в IX веке основал арифметику как пауку в современном смысле слова. «Алгоризми говорит…» — так начиналась его книга в латинском переводе 1150 года, В 1863 году французский ученый Жан Рейно установил, что Алгоризми это видоизмененное ал-Хорезми, как и термин современной математики — алгоритм.

Мухаммад Хорезми основал и алгебру как науку. От термина, введенного нм — «ал-джабр» (один из способов приведения уравнения к каноническому виду), происходит само слово «алгебра», позже попавшее в Европу. Книгу Мухаммада Хорезми «Алгебра и алмукаба ли» (два способа приведения уравнений к каноническому виду) перевели на латынь в 1143 г. Ее изучали Коперник, Галилей, Кеплер, Паскаль, Декарт, Лейбниц, Бернулли, Эйлер, Ломоносов, До Хорезми уравнения, первая запись которых сохранилась на египетских глиняных табличках 2-го тысячелетия до н. э., заметной роли в математике не играли, Мухаммад Хорезми дал полную теорию уравнений первой и второй степеней[169].

Насреддин Туси считавший себя учеником Ибн Сины, на 200 лет раньше Европы, раньше Регионтана[170], обосновал тригонометрию как самостоятельную науку (у греков и индийцев этого не было), первым в мире признал иррациональные числа равноправными с рациональными. В Европе это сделали в XVII веке[171].

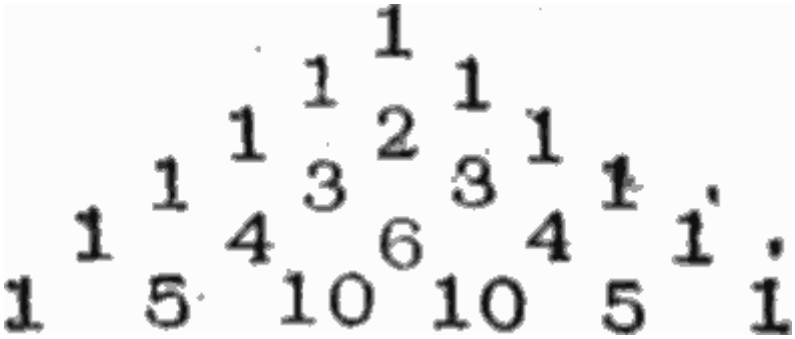
Гийас ад-дин Каши[172], учитель Улугбека, открыл в 1420 году десятичные дроби, стал основоположником ТЕОРИИ десятичных дробей. Греция и Индия не знали их, а в Европе их впервые ввел в математику С. Стевин в 1585 году. Каши дал число «π» с… 16-ю знаками (!), открыл метод решения 65 типов алгебраических уравнений четвертей степени раньше Феррари[173], определил сумму четвертых степеней натурального ряда раньше Ферма[174], знал приближенные корни раньше Руффини[175].

Ученик Улугбека — Али Кушчи ввел десятичные дроби в употребление, описал все действия над ними, дал прием извлечения корней любой степени[176].

Беруни сформулировал квадратичное интерполирование для всех таблиц, выдвинул идеи функций широкого класса, задав их таблицами, составил таблицу, синусов, дал первые попытки численного решения кубического уравнения: $x^3+1= 3x$, искал способ построения правильного девятиугольника.

Ибн Ирак — учитель Беруни — открыл сферическую теорему синусов, обработал «сферику Менелая» (и век) и на ее основе развил сферическую геометрию, без которой невозможно изучение астрономии. Мусульманская математика первая применила формулы бинома Ньютона для любого натурального показателя, выделила алгебру и тригонометрию в самостоятельную науку, ввела в обиход шестидесятиричную позиционную систему счисления целых и дробей с применением «0»

— Плохие ученые подобны камню, упавшему в русло оросительного капала, — сказал, вздыхая, Бурханиддин. — Плохие ученые подобны грязным тяжелым душам. Каи волы, тащатся они к Истине, в то время как душа, озаренная богом, летит к ней чистым соколом. Я про это говорил! И это сегодня главное, а вы, уважаемый Муса-ходжа, перечисляли нам какие-то цифры, в которых мы ничего не понимаем. Без озарения рациональное знание-ничто! Озарение — это когда, не зная правил математики, человек мгновенно производит в голове такие вычисления, какие и тысячу мудрецов за сто лет не осилят. До такого светлого знания душа Ибн Сины не поднималась. Озарение — это, когда, не зная правил математики, человек рисует[177]:



И человечество возводит потом по этому треугольнику во вторую, третью, четвертую и пятую степень слагаемые типа (а+б). До этого душа Ибн Сины не поднималась. Озарение — это, когда умирающей роженице показывают

4 9 2

3 5 7

8 1 6

где, как бы вы ни складывали: по верхнему ли ряду, нижнему, среднему, диагонали — везде будет 15, и она благополучно рожает. До этого душа Ибн Сины не поднималась, ибо это математика бога. Туда пьяниц и развратников не пускают. «Достоверное знание, — говорил Газзали, — это такое знание, когда рассудок оказывается бессильным дать оценку его достоверности. Достоверное знание приобретается через веру, через свет аллаха. И всякий, кто думает, что для обнаружения истины достаточно одних доказательств, ставит узкие границы беспредельной милости аллаха… Свет, что роняет аллах на сердца, — это откровение, охватывающее собой весь и мир». До этого душа Ибн Сины не поднималась.

Муса-ходжа встал, чтобы вступиться за Ибн Сину, но не нашел, что сказать.

Сел.

Потом опить встал.

Стоит, молчит, И умирала в эту минуту его душа от бессилия…

У Али сжалось сердце.

— Меч в руках пророка выкован не из стали, а из любви… — вдруг сказал он.

И все повернули к нему головы. Как чуда стали ждать, что скажет дальше.

— Не сказал пророк, — продолжает Али: — «Если вы наказываете, то наказывайте подобно тому, чем вы были наказаны». Как может болото судить вершину, что касается своей чистой головой божественных облаков?

Восторженным ревом всколыхнулась толпа. Бурханиддин улыбнулся, налил воды из кувшина, выпил, вытер платком лоб.

— Корни наших мыслей и чувств в иных мирах, — сказал он. — И болото, если бог захочет, может прозреть и небо.

Толпа посмотрела на Али. «Ответь!..»

Али молчал.

— Итак, продолжим, — сказал, торжествуя, Бурханиддин. — Мы остановились на том, что Ибн Сина покинул Казеин и по горам, пустыням перебрался в Хамадан…

… куда вела Хусайна снежная вершина Альванда. Да, это было так. Как у Рея есть Демавенд, так и у Хамадани на есть Альванда — видимая со всех сторон. Демавенд и виден даже из Хамадана.

Вошли Ибн Сина и Джузджани в Хамадан через северные ворота. Увидели огромные куски скал на улицах, поросшие травой. Ибн Сина улыбнулся, вспомнив хитрость Аристотеля. С юго-запада Хамадан окружают горы Загроса — те самые, где жили луллубеи, касситы, эламиты — древнейшие племена Ирана. Теперь живут потом-ни их — луры и курды. Это отсюда был совершен в XXII веке до н. э. знаменитый Эламский погром Ура, Здесь самые древние истоки Ирана. «Арабская планировка города, — отметил про себя Ибн Сина, — каждый квартал окружен стеной». А вот и Лев. Знаменитый парфянский Лее, поставленный 900 лет назад, 90 лет лежит, поверженный, в песке… Говорил о чем-то Джузджани. Ибн Сина не слышит его. Он весь заворожен историей.

Вот прошел осторожный мягкий человек. Джузджани И не заметил его, а Ибн Сина вздрогнул. «Дейок! Это же Дейок!» Тот самый, который в VII веке до н. э. основал этот город! Когда Ассирия — владычица громадных земель: от Урарту до Нубии, от Кипра до Элама-воевала с Урарту за главное положение в мире, хурриты, кутии и луллубеи, живущие между озерами Ван и Урмия, тотчас поспешили отделиться и образовали царство Манн. С этого момента и началась великая борьба двух рас: старой (семитской) — Ассирия и новой (арийской) — Манн. Манн пока подчинялось Ассирии, но уже наслаждалось свободой.

Дейок объединил народ не силой, а честностью. Меч старческая его рука уже поднять не могла… Народу, окруженному со всех сторон врагами, требовалось место для сбора ополчения, а в мирные дни — для ярмарок. Таким местом и стали Эктабаны — «Место для сбора», на развалинах которых и стоит Хамадан.

— Джузджани и Ибн Сина поселились в квартале ремесленников, — рассказывает народу Бурханиддин. — Ибн Сина под вымышленным именем начал лечить людей. План его был просто подождать первой болезни Шаме ад-давли, страдающего заболеванием желудка. Действительно, вскоре у эмира начались колики. Никто из придворных врачей не принес ему облегчения. И тут вспомнили о появившемся в Хамадана враче. Ибн Сину пригласили, он вылечил эмира. Очарованный умом И благородством врача, Шаме ад-давля сделал Бу Али ибн Сину своим недимом.

— А что такое «недим»? — спросили в толпе.

— «Недим» — это друг царя, — ответил Даниель-ходжа. — Как говорит Низам аль-мульк, недим должен быть непринужденным в общении, чтобы природа царя была открыта перед ним. Не должен состоять на службе, не должен поучать царя.

Действительно, Шамс ад-давля сделал Ибн Сину недимом. Поправившись, начал ходить походами на курдов. Возвращался с поражениями. О, эти курды! Сколько гениальных полководцев сломало о них зубы!

Правда, Ибн Сина предлагает больше думать о внутреннем устройстве государства, о разумности налогов, о строительстве ирригационной сети, о справедливости законов.

— А ты похож на царя обезьян, — шутит Ибн Сина. — Приходит он к своим мартышкам и говорит: «Утром я буду давать вам по три ореха, вечером! — но четыре». Обезьяны кричат, возмущаются. «Ну хорошо! — говорит парь, — утром я буду давать по четыре ореха, вечером— по три». Так и ты разговариваешь со своим войском.

— Хорошо Махмуду! — горячится Шамс ад-давля. — У пего на завтрак Индия, на ужин — Хорезм. Ешьте, сколько хотите!

— А ты скажи воинам: «Утром вы строите канал, вечером получаете зерно, которое у тех же курдов ценится больше золота».

— Да они разорвут меня!

— Что ж… В одной древней китайской книге сказано: «Тот, кто хочет проявить благородство, прежде всего должным образом правит государством. Тот, кто хочет должным образом подвить государством, прежде всего правильно управляет своим домом. Тот, кто хочет правильно управлять своим домом, прежде всего добивается собственного совершенства. Тот, кто хочет добиться собственного совершенства, прежде всего делает правым свое сердце. Тот. кто хочет сделать правым свое сердце, прежде всего приводит в согласие свои мысли с истиной».

Расходятся в молчании эмир и недим.

Дома Ибн Сина усиленно работает. Рядом с ним сидят и пьют вино, тихо беседуя между собой, брат и Масуми. Это Джузджани разыскал их, помог встретиться. Брат рассказывает о тревожной обстановке в Хорезме. Заканчивается 1016 год.

> О, как хорош тот день, когда вместе мы сидели…
> Калямы держали в руках и бумагу.
> Мы писали, а ветер уносил бумагу.
> На которой день разлуки мы писали…[178]

Хорезм-шах Мамун по совету Беруни помирил караханидских ханов — братьев Арслана-Глухого, правящего Бухарой, и Кашгарского Туган хана. Заключил С ними союз. Узнав об этом, Махмуд отправил грозные письма караханидам. Оба ответили: если между Мамуном и тобой есть недоразумение, мы готовы быть вашими посредниками.

Махмуд получил пощечину.

Караханиды и Мамуну предложили посредничество, а от посылки вооруженной помощи отказались, Мамун пошел на унижение — отправил Послов к Махмуду с извинением. Махмуд принял их, сказав, что между ним и Мамуном нет никаких разногласий, но только они ушли, послал Мамуну письмо:

«Известно, на каких условиях был заключен между нами договор и союз и насколько ты, хорезм-шах, обязан нам. В вопросе о хутбе ты оказал бы повиновение нашей воле, зная, чем для тебя может кончиться дело, но твои люди не позволили тебе этого. Я не употребляю выражения «гвардия и подданные», так как нельзя назвать гвардией и подданными тех, которые говорят царю: делай это, не делай то. В этом видна слабость власти. На этих людей я разгневался, не на тебя. И потому, собрав сто тысяч всадников и пехотинцев, иду наказать

мятежников, оказавших сопротивление государю. Мы разбудим тебя, эмир, наш брат и зять, и покажем тебе, как надо управлять государством. Слабый эмир не годится для дела. Ты дол-жен исполнить одно из требований:

1. Или с полным повиновением и готовностью ввести хутбу на мое имя.

2. Или прислать нам деньги и достойные подарки, чтобы все это потом тайно было послано тебе же обратно, так как лишних денег нам не нужно. И без того гнутся у нас земля и крепости от тяжелого бремени Золота и серебра.

3. Или прислать к нам ученых»[179].

Мамун исполнит все три требования, если Махмуд пойдет все же войной-единственная надежда на войско под командованием Али-тегина, стоящее у Хазараспа, его личное войско.

И тут произошло непредвиденное: Алп-тегин убил везиря и советников… Мамун заперся но дворце. Мятежники подожгли дворец, ворвались в него, и среди горящих, рушащихся балок Али-тегин лично всадил Мамуну в сердце нож. Эго произошло 20 марта 1017 года. До сих пор вызывает недоумение неожиданное такое предательство. Уисури написал по этому случаю стихи:

> Удивителен шах Хорезма!
> Пока он был душой и телом привязав к султану, повелителю вашему,
> Было ему с каждым часом умножение его богатств, улучшались его дела,
> Но когда появилось сопротивление царю в его сердце,
> Послал не него господь… КУПЛЕННОГО им раба.
> И был он убит рукою его недостойно, как женщина.

Уисури выделяет слово «купленного»… Почему? Если предположить, что Алп-тегин был подстроенно продан, то есть внедрен, то он был постоянно занесенной рукой Махмуда над простодушным и чистым Мамуном. Вот так и окончил свои дни 27-летний Мамун И — гурганджский эмир. Больше всего на свете он ценил «книгу и чтение ее, возлюбленную и любование ею, благородного человека и заботу о нем», — напишет уже в плену у Махмуда Беруни, вспоминая эти события.

Беруни был увезен вместе с другими учеными в Газну. Ибн Сина, выслушав рассказ брата и Масуми (своего бухарского ученика), несколько дней не притрагивался к еде. Его рука, замерев над рукописью, долго оставалась в таком положении. Иногда глаза, подернутые слезами, начинали мрачно сверкать, а потом внезапно гасли, и на это было страшно смотреть.

Эмир Алим-хан пришел на площадь Регистан неожиданно — в золотом, нестерпимо сверкающем на солнце наряде. Пришла власть. Все упали ниц. Шейх аль-ислам: прочел молитву.

— Практическая математика — механика, — сказал Бурханиддин-махдум, — по-отечески оглядывая народ. — Ну, в этой области Ибн Сина ничего особенного не создал

— Осмелюсь перебить, — поднялся ювелир усто А’ло. — и Я слышал легенду… Гора назвала человека ничтожеством… Мол, никогда ты не сравняешься со мной, — ювелир посмотрел на эмира.

Все вздрогнули. Многие пожалели, что пришли сегодня на площадь.

— Человек ничего не ответил Горе, — продолжает усто Ало, — но стал таскать землю К класть ее около Горы

Таскал до самой смерти. И что же? Едва присыпал под-ножно Горы, но дети того человека продолжили его работу, и тоже до самой смерти таскали землю.

Потом дети тех детей, внуки и тан далее. И вот сейчас, говорят, как раз настало время, когда Гора, созданная человеком, сравнялась с той Горой.

«Где-то в Белоруссии красные погнали поляков, а здесь как отзывается… — подумал, эмир, разглядывая перстни на пальцах. — Это, кажется, ювелир говорит — тот, что расхаживает по ночам».

— А какое это имеет отношение к механике? — улыбнулся Бурханиддин. — Механика — это… ну, чертежа машин, устройство механизмов, ворот там, рычаг, блок винт, клин… Мы это сейчас рассматриваем. И если говорить честно, Ибн Сина действительно ничего нового в механику не внес. Так говорят специалисты. Русские, например. А уж русские механику знают! Вон какую дорогу нам построили! Железный ветер… НИ один мусульманин не может спокойно стоять около Нее. На колени падает

— «Рычаг нужен для того, чтобы поднять Груз, говорит Ибн Сина, — опять встал Муса-ходжа, — При этом рычаг надо опереть на другое тело». Так?

— Так, — кивает Бурханиддин.

— «Человек отличается от других животных тем, что не может жить в одиночестве, опираясь лишь на собственные силы», — продолжает Муса-ходжа. — Это тоже слова Ибн Сины, из «Книги исцеления». И там же он пишет: «Чтобы людям жилось хорошо, им надо вместе трудиться, соблюдая нормы справедливости». А это, на мой взгляд, — повышает голос Муса-ходжа, — стержень рычага. «Для осуществления благородных норм человеческого общества, — говорит Ибн Сина, — нужен хороший законодатель», ну, тот, кто нажимает на рычаг, — пояснил Муса-ходжа. — «Законодатель, озаренный мудростью провидения»… — Муса-ходжа повернул свои слепые глаза на эмира.

«Нет, определенно, едва ли я выйду отсюда сегодня живым!» — думает каждый на площади, и многие начали незаметно продвигаться к выходу.

— А знаете ли вы, что Ибн Сина призывал уничтожать нетрудоспособных и обнищавших? — сказал Бурханиддин.

— Завистникам дивлюсь я неспроста,

— начал читать стихотворение Ибн Сины слепой старик, —

Чернят мой ум их злобные уста…
Я чист душой, не в этом ли причина
Усердья тех, чья совесть не чиста? [180]

Хорошие стихи, — сказал задумчиво эмир, поднимая глаза на Бурханиддина. Судья похолодел. В глазах эмира была смерть.

— Я продолжаю, — говорит Муса-ходжа. — БОРОТ— второй после рычага механизм. «Человек становится чело-веком, — пишет Ибн Сина, — именно потому, что удовлетворяет нужды других, и другие действуют таким же образом. Один сажает растения, другой печет хлеб, третий шьет, четвёртый изготовляет иголку, и так все собираются, чтобы помогать друг другу». Вот что такое ворот. Когда же чья-то воля встает у этого на пути и всех людей заставляет работать на себя, ворот останавливает свою благородную работу. И тогда ничего не остается, как ждать пророка, чтобы он вновь запустил жизнь, «Что здесь происходит? — передернул плечами эмир. — Кто этот старик? Почему они так при мне говорят?»

— Винт… — продолжает Муса-ходжа, — Как войти в векую среду, где ты чужой? Как быть плотно спаянным с вей? «Составляя свод законов, — пишет Ибн Сина, — правитель должен учесть нравственные особенности народа и те его вековые традиции, которые побуждают к справедливости, ибо справедливость — лучшее украшение поступков». А я добавлю от себя: справедливость — это сила, ввинчивающая эмира в наши души. Если эмир этого не сделает, он из винта превратится в КЛИН, который разрубает свою же силу, как ствол разрубается топором. И тогда в эту расщелину попадают вода, пыль, муравьи, а то и целая железная дорога!

«Как бьет по моим мыслям!» — вздрогнул эмир.

— Для того чтобы не стать клином, смертельно рассекающим народ, — продолжает старик, — «правитель должен ликвидировать свои недостатки, — учит Ибн Сина. — И только потом может заниматься воспитанием хороших качеств у других». Слава аллаху, что у нас прекрасный эмир в мы ежечасно можем лицезреть его доброту. — Муса ходжа склонился в низком поклоне, но почему-то в противоположную от эмира сторону, то есть выставил задницу прямо Алим-хану и лицо. Что возьмешь со слепого!

— Воистину так! — сказали толпа, опускаясь на колени, и каждый про себя подумал: «Нет, определение и не выйду сегодня отсюда живым!»

А Али захохотал. Голуби, сидящие на стенах, поднялись и закружились над задранными задницами молящихся но славу эмира. Это видели только двое Ре кланявшихся — эмир и Али, а смеялись все, кроме эмира и судей, смеялись про себя, Али же смеялся за всех громко, но всю мощь своей груди, глядя эмиру в глаза.

Бурханиддин объявил заседание закрытым. Какой уж там а’лам! Какая фетва! Сказал, что вечером будет последнее заседание, а завтра — казнь.

1019 год. Шамс ад-давля назначает Ибн Сину везирем. Дает ему титул «Честь царства». Теперь Ибн Сина Может и поучать. В первую очередь он предостерегает эмира от распрей между тюркским и курдским населением. Этот конфликт станет потом узлом века, и его не сможет предотвратить даже гениальный Низам аль-мульк, Ибн Сина предчувствует далеко идущие последствия этого конфликта. Но… Шамс ад-давля, набрав войско из тюрков, ставит начальником над ними… курда Тадж аль-мулька. Порох соединяет с огнем…

— Чтоб не договорились они между собой против меня, — поясняет он Ибн Сине.

Ибн Сина, как может, предостерегает Шамс ад-давлю от такой губительной политики. Эмир слушает Ибн Сину, но делает все по-своему. Снова отправляется в Керман шах. И ведет на курдов тюркское его войско… курд Тадж аль-мульк!

Возвращались обратно с поражением. Двигались по равнине Махидешт. Вот гора Бисутун. У западной ее части сасанидский рельеф, изображающий иранского всадника в панцире, сцены охоты царя Шапура, царя Хосрова. А вот и богиня Победы…

— Охо-хо-хо-хо-хо-хо-о, — тяжело вздохнул Шамс ад-давля. — Что же ты не рассказываешь мне о Дарии? — спросил он Ибн Сину.

Ибн Сина молчит.

— А мне нравится, как он завоевал трон! Собрал знатных магов, предложил им убить братьев Камбиза, сына Кира, пока Камбиз воевал в Египте. Посадил на трон маги Гаутаму, похожего на брата Камбиза — Смердиса. И никто не мог упрекнуть Дарин в честолюбии: он же не сел ни трон! А потом Дарий сверг Гаутаму, сказав Ниро-ду, что Гаутама — убийца,

Лжесмердис, узурпатор. Народ. конечно, принял Дария как освободителя от лжи. И героем возвел на трон.

— На мать а брата руку не поднимай, — тихо проговорил Ибн Сина, — Страну погубишь, — Не погубил же Дарий? 36 лет правил из Эктабан, где я сейчас сижу и не могу взять каких-то курдов! Плохо га меня учишь…

— Однажды из Эктабан пришло страшное несчастье в горы, которые ты хочешь завоевать, — начал говорить Ибн Сина. — Александр Македонский праздновал победу, Гивестион, друг его, страдавший язвой желудка, съел жареного петуха, выпил много вина и умер, Александр не мог перенести эту потерю со здравым рассудком, распял несчастного врача, а потом вместе с воинами отправился и сюда, в Загросские горы, переловил почти всех касситов и предал их смерти. Это он назвал жертвой Гифестиону. С тех пор касситы, луры, курды — все, кто живет в Загросских горах, с опаской смотрят на Хамадан. Тебе никогда их не покорить. Оставь это бессмысленное занятие. Обрати лучше взор на нужды страны, как я учу тебя вот уже четыре года, да ты не слушаешь.

Шамс ад-давля, ничего не ответив, стегнул коня и помчался прочь. Вслед ему безучастно смотрела богиня Победы с древнего иранского рельефа на горе Бисутун…

Вернулись в Хамадан. Тюркское население восстало против главного военачальника — курда Тадж аль-мулька. Эмир едва успел спастись в крепости Фараджан. Стрелою летит гонец в Исфахан к двоюродному брату змира — Ала ад-давле с письмом о помощи. Ала ад-давля посылает 200 воинов, которые, разбив тюрков, изгоняют их из Хамадана и освобождают эмира.

Шамс ад-давля не поднимает на Ибн Сину глаз, Ибн Сина задает ему только один вопрос:

— Как ты себя чувствуешь?

Эмир жалуется на возобновившиеся колики в желудке, на непослушание солдат, оставивших его в беде, на невезучую судьбу.

— Солдат не бойся, — говорит Ибн Сина. — Свой гнев они обрушат на меня. Желудок я тебе подлечу. Судьбе же ты сам хозяин.

Солдаты и вправду «подняли против шейха мятеж, — сообщает рукопись Байхаки. — Осадили его дом», «Разграбили дотла имущество, — добавляет рукопись Кифти, — бросили его самого в темницу и стали требовать у эмира казни». Эмир воспротивился, но дабы частично удовлетворить их требования, отдал приказ о высылке шейха за пределы государства, А сам тайно спрятал шейха у своего человека — Абу Саида Дахдука, Сорок дней покоя… Сколько Ибн Сина Передумал за эти дни! И первое, что он понял: «Не созрел еще мир для того, чтобы им правили философы».

Стремительно движется работа над «Каноном». Перо едва успевает за мыслью. Абу Саид Дахдук ставит перед Ибн Синой вино, кладет хлеб, меняет свечу. Растут написанные страницы. И как-то серым утром в час Волка, когда особенно много умирает, согласно поверьям, людей, закончил первую книгу «Канона», которую писал. 15 лет.

Отныне и начинается тот особый счет времени — за оставшиеся 17 лет жизни Ибн Сина напишет 440 книг, В доме у Дахдука в эти сорок дней покоя и тишины расцвел ум Ибн Сины, Из возможного он стал реальностью, И необходимостью. Потому что время не могло уже больше обходиться без него. Впереди собиралась ночь. Никто пока еще не знает об этом. Знает только Закономерность. Если б не было Ибн Сины, не выжил бы Омар Хайям, на которого пришлась эта ночь. Не было бы Ибн Сины и Омара Хайяма, не выжил бы Улугбек.

Сорок дней тишины и покоя…

Кто он, Дахдук? Мы ничего не знаем о нем. И еще одна тайне… Ибн Сина и Абу Саид Дахдук будут потом похоронены рядом. Как это получилось? Никто не знает. Некоторые говорят, что рядом с Ибн Синой похоронен не Абу Саид Дахдук, а Абу Саид Мейхенский — «Совесть века», — святой Из Нишапура.

Ибн Сина ничем не мог отблагодарить Дахдука. Не было у него ни золота, ни драгоценных камней. За Ибн Сину Абу Саида Дахдука отблагодарила Вечность. Он стал вечным спутником вечной славы спасенного им гения.

Шамс ад-давля опять заболел. Нашли Ибн Сину. Эмир извинился перед ним, восстановил его в должности везиря. Опять суета двора, служение частным интересам дня, распутывание узлов политики, этой сети, накинутой насмешливой Закономерностью на людей — работайте, мол, чтобы не было вам скучно, а я тем временем сделаю то, что ни один из вас — даже самый гениальный — не предугадает.

И катит мир свои волны туда, куда дует ветер Зако-номерности: Махмуд грабят Индию, уверенный в своей непобедимости, а на хвост ему уже наступают Тогрул в Чагры… Испания надеется собрать рассыпавшийся Кордовский халифат, сжать пальцы в один кулак, а Сид уже трубит в свой рог, созывая рыцарей на борьбу с маврами. В далекой России восходит на престол Ярослав Мудрый, наголову разбивший печенегов, — такое неожиданное, солнце! Византия Жмурится и убирает щит, который держала от русских столько лет, посылает к Ярославу сватов, а сзади, в спину ей, уже заносит удар царь сельджуков, теснимых печенегами, разбитыми русскими. Там тронешь — здесь отзовется., — А у Джузджани горе, — рассказывает Муса-ходжа крестьянину Али, когда они остались одни. — Ибн Сина ничего не пишет, не читает, не шутит, не улыбается. Смотрит на всех невидящими глазами. Джузджани просит подготовить комментарий к произведениям Аристотеля. Ибн Сина говорит: «Нет времени».

— Ибн Сипа не располагает временем, чтобы прокомментировать Аристотеля — своего Первого Учителя?!

— Понимаешь, Шамс ад-давля замучил. Суета… Сломался Ибн Сина. Джузджани доводит Хусайна своими просьбами до того, что тот наконец говорит: «Ладно, если хочешь, чтоб я написал эту книгу, включи в нее то, что я считаю верным, не споря с противниками». Джузджани, все отложив, быстро делает это, и Ибн Сина начинает писать.

Но опять прерывает его труд эмир. Новый поход. Все туда же, в Керманшах, к курдам. Но в пути у Шамс ад-давли возобновляются колики, на этот раз острые. Войско отступило к Хамадану, и на дороге, на паланкине, эмир скончался. Была дана присяга сыну Шамс ад-давли. Воины потребовали, чтобы везирем оставили Ибн Сину, но Ибн Сина отказался и вступил в тайную переписку с эмиром Исфахана Ала ад-давлей, желая поступить к нему на службу: сын Шаме ад-давли — почти ребенок, заправлять всем будет, конечно, Тадж ал-мульк. Письма переправил тайный осведомитель эмира Ала ад-давли — Аттар. У него Ибн Сина и скрывался. Тадж аль-мульку, чтобы спокойно жить, надо было убить Ибн Сину, ибо войско, любя Ибн Сину, будет все время сравнивать его с военачальником. А этого сравнения Тадж аль-мульк не выдержит.

Тяжело на душе Ибн Сины. Опять нет угла, негде преклонить голову. Третий день сидит он в углу, смотрит на чистый лист бумаги и ничего не пишет. Брат приносит вино. Они пьют, пока забытье не стирает боль в сердце, С ними И самый Первый, от Бухары еще, ученик Ибн Сины — Масуми. На дастархане между Кубками вина лежит маленький черный гитрифи — бухарская монетка, поблескивающая от пролитого на нее вина.

Джузджани ходит за Ибн Синой по пятам. Просит закончить книгу. Ибн Сина молчит, даже Глаз не поднимает. На рукописи пыль… Джузджани молится и плачет. А — утром снова приходит к Ибн Сине, просит закончить книгу.

По вечерам Ибн Сина куда-то исчезает. Приходит утром. Ставит перед собой вино и снова пьет.

Однажды вечером Ибн Сина никуда не пошел. Брат принес красные розы… Они пили вино, разговаривали о чем-то, но когда глаза их останавливались на розах, умолкали.

Джузджани подошел к Ибн Сине.

— Я придумал название к книге.

— К какой книге? — удивился Ибн Сина.

— К книге комментариев, которую вы оставили.

— Ну? — усмехнулся Ибн Сина.

— «Книга исцеления души».

Ибн Сина вскинул на Джузджани глаза, полные слез, и покраснел. Потом позвал Аттара, попросил бумагу и чернила. «Когда тот принес, — рассказывает Джузджани, — шейх написал приблизительно на двадцати стопах бумаги заглавия проблем и два дня занимался «этим», пока не спланировал все 18 томов будущей книги». При этом он не пользовался никакой рукописью, не обращался ни к какому источнику, писал все по памяти. Затем шейх разложил те стопы бумаги перед собой, брал листы и, рассматривая каждую проблему, писал объяснение к ней. И писал каждый день по 50 листов, пока не кончил все части физики и метафизики, кроме двух книг о животных и растениях. Потом приступил к логике и написал одну ее часть».

Так родился 18-томный труд «Книга исцеления» — «Китаб аш-шифа» — жемчужина трудов Ибн Сины, энциклопедия века, книга, с которой всю жизнь не будет расставаться Омар Хайям. И перед смертью он ее читал…

Работает день и ночь Ибн Сина. Откидывается в изнеможении на подушку, проваливается в Забытье, но и в забытье продолжает думать. Поднимается через полчаса, глоток вина — и снова летит по бумаге перо, бесшумно вваливается окно Луна… Она только что видела Махмуда, дремлющего в седле рядом с Беруни, Впереди войско и алмазные от лунной пыли купола Индии. Видит Луна и дворец египетского халифа Хакима. Куда-то исчез фатимидский халиф. Нигде его нет, 17 дней ищут. Так, не тронутый смертью, сумасшедший этот халиф и покинул жизнь. «Дьявол вернулся к дьяволу, и потому нет нигде его следов», — сказал о нем народ.

— Когда ходят по земле философы, — говорят крестьянину Муса-ходжа, — споря, пусть даже ругаясь, — значит, мир здоров и планета движется но орбите без страха, что ее собьют. С Ибн Риной мир пережил лучшие свои минуты, сынок, — запомни Это, как до него с Платоном и Аристотелем, а еще раньше с Сократом и Платоном.

В эти минуты и совершается истинная жизнь Земли. Ну что в ту ночь могло еще происходить истинного на Земле? Ну, жег индийцев Махмуд. Молился на тающие в утреннем свете звезды Абу Саид. Надев лохмотья, шел по Золотым ступеням дворца византийский Император Василий, чтобы омыть ноги первому попавшемуся нищему, как требовал того обычай. Сидел над картой своих владений, перебирая четки, халиф Кадир в Багдаде. Писал

льстивую оду Махмуду Уисури, мечтая о рубинах, которыми султан набьет ему рот три, четыре, нет — пять раз!

Вечность подбирала жемчужины в другом месте. Ибн Сина писал «Книгу исцеления». Это вечность. Фирдоуси вписывал новые строки в «Шах-намэ». Это вечность. Слепой Маарри умывался, поливая себе на руки из кувшина, и в голове его рождался стих. Это вечность. Таухиди… Он уже умер. Баласагуни… Он еще не родился. (Сэй-сёнагон, добавим мы, писала стихи в дневнике. Это тоже вечность). Абулфазл Байхаки заканчивал честный рассказ о Махмуде. И это вечность.

Вот в разрезе тот мир, когда Ибн Сина писал свою «Книгу исцеления».

Тадж аль-мульк узнал о переписке Ибн Сины с эмиром Исфахана. Кто-то из врагов указал на его Местопребывание. Шейха схватили и бросили в крепость Фараджан, И он сочинил касыду:

> Вхождение мое в эту крепость явно…
> Но совершенно сомнительно дело моего выхода из нее…

Ибн Сине 42 года… книга Ибн Сины «Мерило разума», написанная персидском языке, содержит в основе «Механику» Герона, I век н. э.[181] Но если Герон классифицировал механизмы по группам однородных и неоднородных машин, то Ибн Сина в своей классификации дал описание всех вариантов ДВОЙНЫХ СОЕДИНЕНИЙ неоднородных машин. Это новое. Вот виды соединения неоднородных машин, предложенные Ибн Синой, ворот-винт, ворот-блок, ворот-рычаг. Кроме того, Ибн Сина дал объединенную комбинацию всех простых машин за исключением клина. Этого тоже нет у Герона. Классификация Ибн Сины, таким образом, — завершение античного этапа развития механики, обоснование ее как самостоятельной науки. Вот какой вклад внес Ибн Сина в практическую механику.

В музыке, которая тогда считалась частью математики, Ибн Сина дал удивительный для своего времени ответ на вопрос: «Откуда музыка Произошла?»

Жреческая. религиозная философия отвечала, исток ее — в музыке небесных сфер. Стоя на высоких зиккуратах, жрецы якобы слышали низкое звучание Сатурна или высокое — Венеры, или среднее — Юпитера. У каждой планеты — свой тон. Так же считали и пифагорейцы. Так считал и Газзали, Бурханиддин сказал бы: «Музыка — это божественное озарение Мухаммада». И привел бы в доказательство хадис: «И сотворил аллах внешность Мухаммада, затем отдал приказ: смотрите все в сторону святого Мухаммада. И тот, кто увидел тень его, стал певцом и обладателем тамбура». Так считают все мусульманские богословы и по сей день, Ибн Сина пишет в «Книге исцеления»: «Нужда заставляет человека сообщать другим людям, что у него на душе, и узнавать то, что на душе у других. Ведь существование рода человеческого зависит от взаимообогащения людей… Но для того чтобы что-то сообщать и что-то узнавать, необходимо произвести нечто такое, что выражало бы стремление души к тому и другому, необходимо, чтобы это нечто было легко воспроизводимо… каким-то естественным органом». Вывод: музыку создал человек как удовлетворение своего духовного самовыражения и общения.

Всю музыку Ибн Сина делит на ГАРМОНИКУ и РИТМИКУ[182]. В Гармонике главную роль играет мелодии.

Трактовка интервала у Ибн Сины — мелодическая, а не гармоническая. Интервал, — пишет он, — это «объединение двух звуков, следующих друг за другом и одной мелодии», то есть последовательное расположенно звуков, — горизонталь. Но знал Ибн Сина и одновременное воспроизведение двух звуков в интервалах кварты или квинты, то есть вертикаль. Здесь

ранняя попытка осмыслить художественную функцию интервала в гармоническом значении, отсюда один шаг до органума.

Ряды интервалов: консонантность и диссонантность, Консонантность терции — открытие александрийцев, И век. Научное ее обоснование дал Фараби. Ибн Сина же показал путь перехода пифагорейских терций к терциям чистого строя, что впоследствии сыграло важную роль в формировании мажорных и минорных ладов., В XVII веке в Европе чистый строй будет заменен темперированным строем. Идеи Ибн Сины разрабатывались Европой, в в XVI веке терция, признанная консонансом, получила право на жизнь. А это способствовало развитию гармонического мышления, то есть музыки XVIII и XIX веков.

В ритмике Ибн Сина дал детальную разработку поэтического ритма, как связи слова и музыки.

После перерыва вечером никто на площадь Регистан не пришел. Бурханиддин не поверил своим глазам. Вот сидят судьи. Вот стоят сарбазы. Вот два русских офицера с толмачом пришли. Вот приведенный из Арка Али сидит на своем месте. А народа… нет. И, наверное, вышел уже из Арка эмир!

Бурханиддин рванул ворот рубашки — нечем дышать. И вдруг раздались звуки дойры…. Где-то совсем близко. Три дойры. Нет, тридцать дойр ударили одновременно. И закричали карнаи. И вплелось в них море дутаров. И море флейт.

«Я схожу с ума, — подумал Бурханиддин. В глазах у него потемнело, в сердце ударила резкая боль, и он упал. Нежная, ласковая тишина постепенно начали стирать площадь Регистан, голубой купол мечети Мир-Араба, стены, минарет Калян с гнездом аиста на верхней площадке, всю Бухару…

Очнулся Бурханиддин, видит — народ вокруг него, в дойрами, карнаями, флейтами… В ворота же входит эмир.

Увидев необычную картину, эмир остановился. Ничто не дрогнуло в его лице. Спокойно стоит, ждет, И столько величия, простоты. «Вот она, порода, — подумал Бурханиддин, поднимаясь. — Ничто его не выведет из себя».

— Народ приглашает вас в гости, эмир, — сказал, низко кланяясь Алим-хану, ювелир Усто А’ло, — и вас, многоуважаемый судья, Эмир вежливо поблагодарил, принял приглашение. На Бурханиддина даже не взглянул.

И двинулся по улицам города кортеж, какого еще некогда не видела Бухара: эмир впереди, за ним бухарцы, «приглашенные зовом дойры». Кто умел играть хоть на каком-нибудь инструменте, включался в общую музыку. В Бухаре принято: там, где эмир, надо быть вместе с ним — из горе и в веселье, впереди идут самые лучшие музыканты — Тула Гиждувани и Эргаш мулла-ёни. Про их игру на струнах народ сказал: «Разрывающие небеса».

Какое это было шествие! У эмира даже слезы выступили на Глаза. И он не стыдился их. Вот оно, счастье! Вот оно — единое — он и его народ! Не так ли он пойдёт с ними в бой защищать Бухару от большевиков?

Ах, какое это великое чувство, когда идешь впереди своего народа! «Абсолютный мировой порядок стоит на четырех ногах, — вспомнил эмир слова из «Индии» Беруни, которую читал накануне, — на правдивости, приветливом обращении, почитании и сострадании. Четвертый, последний, век будет стоять на одной ноге, да и та быстро исчезнет, ибо люди станут орудием собственных страстей и соблазнов».

«Неправда! — перебил сам себя эмир. — Человек может быть выше соблазнов. Разве не готов я сейчас все отдать за то, чтобы Бухара снова стала сильной, независимой и открыла свои ворота всему миру, как в старые добрые времена? Разве не сказано в Коране: «Люди! Бойтесь вашего господа, который сотворил вас из одной души. Все люди — одна семья под покровительством господа… О вы, которые уверовали! Входите все в покорность и не следуйте но стопам сатаны!»

— Ибн Сина — безбожник и еретик! — произнес эмир вслух, утопая голосом в музыке. — Входите в покорность и не следуйте по стопам Ибн Сины, посмевшего встать между вами и мной! — говорил он уже громко, сквозь музыку.

— Входите все в покорность и не следуйте но стопам сапны Ибн Сины, ибо только я господин ваших душ! — говорил он со слезами на глазах.

— Входите все в покорность и не следуйте но стонам Ибн Сины! — громко говорил эмир, входя в возвышенное состояние экстаза.

И вдруг все стихло и в полной тишине прозвучал только один его голос:

— Входите все в покорность и не следуйте По стопам Ибн Сины, ибо только я — ваша слава!

Народ молча смотрел в глаза эмиру.

Алим-хан огляделся. Стоит он в бедном дворе. Развалившаяся глиняная хибара, куча сухих листьев и навоза вместо дров, худая коза рядом с собакой, старый с кожаными ведрами чигирь поднимает воду из арыка на жал кий клочок земли, засеянный лишь наполовину. Старуха с откинутой паранджой перетирает на жернове Зерно, Две женщины сбивают масло, группа девушек обрабатывает хлопок…

— Это дом Али, — сказал ювелир Усто А’ло, подходя с поклоном к эмиру. — Это его мать, — он показал на старуху. — Женщины — соседи, крестьянки. Наполовину Засеянное поле — то поле, мимо которого вы ехали в ту злополучную ночь. Помните? Мать Али приглашает вас в дом.

Эмир растерялся. Краешками глаз огляделся. Телохранители сзади. Справа — Бурханиддин-махдум, слева — Гийас-махдум. Откуда он появился?! Чуть поодаль— сарбазы. С ружьями. Английскими… Все на месте.

— Кстати, музыка, которую вы только что слышали, — Музыка Ибн Сины, — сказал эмиру Муса-ходжа. — А этот инструмент, — старик поднял гиджак, — изобрел Фараби, усовершенствовал Ибн Сина.

— Виноград, — сказал белобородый старик, снимая гроздь с лозы, — Хусайни называется, по имени Ибн Сины. Он его вывел. Отведайте! — И старик, обмыв кисть водой, протянул ее эмиру с низким поклоном.

— А вот и механика Ибн Сины, — сказал другой старик, показывая на механические приспособления, с помощью которых женщины взбивали масло, очищали хлопок, мололи зерно. — А вот и чигирь… Знаменитый чигирь, что поднимает воду из арыка на наши поля. Видите, колесо с висящими на нем кожаными ведрами. Крутятся оно, опускаются ведра в воду, наполняются ею, поднимаются, Полные, Я выплескиваются В арык, что идет уже но Нолю. Пустые ведра снова опускаются в воду. Это тоже подарил нам Ибн Сина[183]. Так он учил нас поднимать воду из обмелевшей реки. Вот что он вам дал на вечные времена. Вот какую механику!

И философию свою для нас, неграмотных, стихами изложил. Про эманацию, например:

Мир — это тело мирозданья, душа которого господь,
И людям с ангелами вместе дарует чувственную плоть.
Огонь и прах, вода и воздух — из их частиц мир создан сплошь,
Единство и этом, совершенство, — все остальное в мире ложь!

И «Канон» для нас в стихи переложил.

Почувствовав простуду — вот мой тебе совет:
Себе кровопусканье вначале сделать след
А полегчало — в баню, костей не ломит пар,
И до конца болезни ячменный пей отвар!
А вот и вам совет:
Не переваришь пищи ты пока,
Не превращайся снова в седока.
Ешь в сутки раз. И собственное семя
Ты изливай, но лишь наверняка[184].

Все старики взмахнули вдруг черными кошмами и опустили их на землю, склонившись перед эмиром. «Черные кошмы!» — вздрогнул эмир. — Уж не ожили ли это те двести чиракчинцев, убитые моим отцом тайно в Арке?! Нет, здесь не двести, здесь тысячи крестьян!»

— Вот дорожка, — сказали крестьяне, показывая на черные кошмы. — Сойдите с коня. Видите, идет к вам мать Али. Преломите ее хлеб, замешанный на надежде, испеченный в гневе, освященный страданиями. Хлеб Али, которого вы хотите завтра казнить от злости, что не можете казнить Ибн Сину!..

Эмир хлестнул изо всех сил коня и помчался прочь.

XIII «Если философ пишет серым по серому, значит, форма жизни состарилась»[185]

Один умный благородный советник впал в немилость. Как вернуть расположение власти? Чем утешить душу?

— Раб! Будь готов к моим услугам.

— Да, господин мой! Да.

— Позаботься! Приведи мне колесницу. Ко двору я хочу вестись на колеснице.

— Дай нестись колеснице, господин мой! Дай нестись. Царь даст тебе сокровища, и они будут твои. Он простит — тебя.

— О, раб! Я ко двору не хочу нестись на колеснице.

— Не дай нестись колеснице, господин мой, не дай нестись. В место недоступное он пошлет тебя. В страну, которой ты не знаешь, он велит унести тебя. И днем и ночью он даст тебе видеть горе…

— Раб! Будь готов к моим услугам.

— Да, господин мой! Да, — Позаботься! Приготовь мне воду для моих рук. Дай мне ее. Я хочу принести жертву богу моему.

— Принеси, господин мой! Принеси. У человека, который приносит жертву богу, радостно сердце.

— О, раб! Я жертву богу моему не хочу принести.

— Не приноси, господин мой! Не принося. Разве ты думаешь, что научишь бога ходить за тобой, подобно собаке?

Четыре тысячи лет назад состоялся этот разговор. В Вавилоне. Верховный бог Бел, измучившись одиночеством, отрезал себе голову, бросил ее, в чан, добавил горсть праха и сделал человека. Да, в голове шумер была голова бога… Они хорошо познали законы мира. И их пессимизм до сих пор пьет человечество, как густое печальное вино, растворенное в «Экклезиасте».

«Все суета сует». Не об этом ли говорит хозяину философ-раб? Лежат глубоко в земле глиняные черепки, на которых записан этот разговор. Ветер гонит над ними листья, песок, вздохи людей… Черепки найдут лишь в XX веке.

Ибн Сину ведут на Привязи между двух копей, всадники хлещут его плетьми. Сзади, отгоняемый стражниками, бежит Джузджани., -

Тюрьма Фараджан. Открываются ворота, вбирают себя нового узника. Стучит в дверь тюрьмы, плачет Джузджани.

Ибн Сина распарывает подол чапана, вынимает свечку, два кремня, бумагу, перо, пишет… Меняет сгоревшую свечку. Снова пишет. Так Мужество спасает Мысль. Наблюдает за ним в щель стражник — красивый седой старик.

А вот Ибн Сина стоит, прислонившись К решетке головой. Утро стоит, день, вечер…

«Я извлекаю все, что но мне. Я размышляю о положении дел на земле. Происходит перемена. Один год тяжелее другого. Правда выброшена вон, неправда — в зало света. Тяжело молчать… О дух мой, безумие удерживать удрученного жизнью, подведи меня к смерти прежде, чем пришла она ко мне… Опрокинута жизнь и падают деревья. Смерть стоит передо мной, подобно выздоровлению… подобно сидению под навесом в ветреный день, подобно тому, как желает человек увидеть дом свой после долгого заключения…»

И этим словам более четырех тысяч лет. И тоже лежат они в земле, написанные на папирусе. Египетский бог Ра, прожив тысячу лет с людьми, состарился так, что кости его превратились в серебро, мясо — в Золото, а сердце — в пепел от страдания видеть людей столь неразумными, И не захотел он больше жить с ними, ушел от них на корове. Из слез его родились Осирис и Исида — сострадание его к людям, — боги, которые должны будут остаться вместо него на земле и хоть чему-то научить людей.

О чем думал Ибн Сина, прислонившись головой к тюремной решетке?

Сохранилась такая строчка его стиха: «Мой дух скитаньями пресытился вполне!..» Ее приписывают Ибн Сине и Омару Хайяму. А может, сказал Хусайн: «Неужели не найдется никого, кто пришел бы и потихоньку задушил меня, пока я сплю!», как сказал Акутагава перед самоубийством.

Народ сохранил в памяти предание о том, что в тюрьме Фараджан Ибн Сива испытал страшное отчаяние. Не из-за Тадж аль-мулька… Рухнула цель жизни — соединить философию с властью. Испытания практикой это его учение не выдержало. Когда несли Шаме ад-давлю, умирающего, на паланкине через пески, он, превозмогая боль, сказал:

— Жалею, что не слушал тебя. Прости… Я плохо прожил свою жизнь. Глупая, глупая, ничтожная жизнь…

Стоит Ибн Сина в тюрьме, прислонив голову к решетке, Чьи-то руки ложатся ему на плечи. Оглядывается… Это Али, — Знаешь, — говорит ему Ибн Сина, — так же и я умру, как Шамс ад-давля. От этой же болезни и на пути.

— Ты устал. Отдохни…

— Нет. Никогда еще я так ясно не чувствовал своего конца, Али садится на пол, берет в руки листы рукописи Ибн Сины, рассматривает их, — Ты стал так непонятно писать… Все зашифровываешь. «Летучие мыши» — что это?

— Честные ученые, не ослепленные золотом, не обманутые блеском Лжи.

— А коже змеи?

— Тело человека, которое надо научиться сбрасывать и души, если хочешь познать истинную духовную суть. Мои книги, наверное, принесут много горя тому, у кого их будут находить. Вот я и пишу так, что друг поймет, а враг… Скоро ты умрешь, Али. И закончится твое Путешествие.

— Путешествие?!

— Да. Жизнь — это Путешествие. От материального 5 разума к нематериальному. Первому, который, единственный, общается с Истиной, Правдой, Красотой.

— То есть богом?

— Для меня все это и есть бог,

— Путешествует тот, кто совершенствует душу?

— Да. Иной может прожить долгую жизнь и не сдвинуться с места.

— Земная жизнь, земная любовь так прекрасны, так трудно вырваться из их объятий!..

— Три вещи помогают, — говорит Ибн Сина, — удар судьбы, высокая одухотворенная любовь и правильно выбранный учитель.

— Ты для меня один и есть все эти три удара…

Ибн Сина задумчиво ходит по листам рукописи.

— Что ты делаешь? — вскрикивает Али.

— И ты походи. Это последние мои трактаты.

Неожиданно гремят засовы. Ибн Сина быстро собрал листы, вложил их в старую, украшенную золотом обложку, стал перед ней на колени, читает…

Врывается Тадж аль-мульк, окруженный воинами перетряхивает вещи. Откидывает обложку и той книги, которую читает Хусайн, Уходит, но в дверях оборачивается:

— Ибн Сина, а читает Коран?! А ну, давай вслух!

«Бог есть свет небес И Земли, — читает Ибн Сина. —

Свет подобен светильнику в стене, светильник в стеклянном сосуде, блистает как звезда, В нем горит благословенное дерево маслина… елей в Ней загорается без прикосновения огня. Свет к свету. Бог ведет к своему свету кого хочет…»

— Да, это Коран, — удивляется Тадж аль-мульк, и уходит.

— Ты что, наизусть, что ли, знаешь Коран? — удивился Али.

— С девяти лет.

Помолчали, — Почему-то все время, где ты появляешься, сгущаются несчастья… — сокрушается Али, — Да, все, что я задумываю. Не осуществляется. То ли, действуя, мы нарушаем какие-то тайные пружины мира? То ли Вселенная не принимает нас… Господи! Как трудно существовать! — Ибн Сина закрыл руками лицо.

Али долго смотрит на него.

— Ты и в слабости прекрасен… Хоть жизнь твоя В подходит к концу, но дорога твоя к концу не пришла.

— И ты… ты возьмешь на себя груз моей неоконченной дороги?! — поднимает голову Хусайн.

— Да. — Али целует край одежды Ибн Сины.

Вот какой приснился крестьянину сон.

Муса-ходжу и ювелира усто А'ло в ту минуту, как только отъехал от них эмир, арестовали. По всей Бухаре прошли аресты, как два года назад. Тысячи людей согнали за высокие железные решетки, где содержались афганские слоны. Слонов и войска перевели поближе к Арку, в западные кварталы.

Муса-ходжа и усто А'ло, как зачинщики, содержались в Арке. Племянник ювелира, хранитель эмирских ковров, подкупив стражу, сумел ночью провести слепого старика по подземному проходу, расположенному под конюшенным двором, в канахану, к Али, Муса-ходжа И Али обнялись. Муса-ходжа заплакал.

Он испытывал мучительные угрызения совести, потому что, к ужасу своему, понял, что совершает человеческое жертвоприношение. Приносит Али в жертву Ибн Сине. И еще больше укрепилось в нем решение устроить Али побег, вывести его тайно из Бухары в Каган, упросить русских взять с собой на поезд, и пусть он уедет далеко-далеко, — в Россию, Англию, Афганистан и забудет все, как страшный сон. А за Ибн Сину, если нужно, он сам отдаст жизнь.

Это привело Али в ужас. Как?! Разве его смерть не нужна Ибн Сине?! Разве не спасет она бессмертие Бу Али?

— Судьба человека, как и судьба мира, разрешается там, где она и задается — на небе, — улыбнулся Муса-ходжа. — Мы живем с тобой в царстве Зимы, Чем дальше, тем больше люди будут запутываться в стяжательстве и бездуховности. В конце концов они так устанут, что сами захотят смерти. И польется на землю, расплавленный металл, и в огне мир погибнет, огнем очистится. Только в новом мире, мире Лета, Ибн Сина и Газзали будут, как и мы с тобой, сидеть рядом и пить из одной пиалы чай, — Это страшно — то, что вы говорите.

— Я рассказал тебе древнее наше учение, записанное в «Авесте».

— И все-таки страшно. Уходите…

Муса-ходжа ушел. Медленно двигался по тайному ходу, выставив вперед руки. Иногда останавливался и плакал, прижавшись к мокрой стене. Это были слезы горя, но и счастья…

Эмир пришел к Миллеру прямо в мирзахану, где стучали телеграфные аппараты. В окне перед собой увидел улицу, тянущуюся через весь Арк на восток, до самой противоположной стены, с наружной стороны которой стояли наготове 50 отборных лошадей. По тайному его приказу казначей перебирает уже в подвале казну, отбирая самое ценное, плотно упаковывает в один хурджин. Красные взяли Каховку, создали плацдарм. Готовят наступление по всему фронту. Врангель держит самые лучшие, отборные, части за Турецким валом.

Турецкий вал! На нем, единственном, держится теперь надежда Бухары. Эмир, как молитву, произносил цифры 11, 15, 8, 10, 20. Всматривается в них, ищет в их расположении тайный знак: спасут ли они его или ими записана его смерть? 11 — километры, длина Турецкого вала.

Ночью пришел — прямо к постели эмира! — Сиддик-хан. Неслыханная дерзость! За это голову можно отрубить! А он улыбается, держит что-то в руке.

— Нет. Вы только посмотрите, что он написал! Посмотрите!.

— Кто?

— Ибн Сина! «Порок приносит страдания лишь той душе, которая одержима страстью к совершенству… Невежды стоят в стороне от этой муки».

— Это конец! Нет, это конец! — закричал эмир, как зверь, и замахал на Сиддик-хана руками, думая, что это призрак.

Ибн Сина рвет листы, написанные утром в тюрьме, «Все, что читал, — забудь, — вспоминает он главную заповедь суфиев, — все, что писал, уничтожь, чтобы исчез туман, стоящий между тобой и Истиной».

«О несчастный простак! — сказал суфий Харакани в лицо Насиру Хусрову. — И ты называешь себя моим собеседником, когда уже много лет пребываешь пленником разума, недостаточного для постижения?

— Как можете вы так говорить?! — удивился Насир Хусров. — Разве не была первым творением аллаха Белая жемчужина — разум, породивший потом весь мир?

— Тот разум — теплый разум пророков, — ответил Харакани, — а не твой разум или разум Ибн Сины, полагаться на который— все равно, что замуровать себя в ледяной гроб.

Вот И встала над Ибн Синой черная туча, что сжигает ум, встало отчаяние… Создать истинное можно Лишь после долгого И горького умирания. Пришло это умирание. В Ибн Сину выстрелила не судьба, — он сам. Судьба отняла у него угол, кусок хлеба, покой. К этому он привык, и это не убило бы его. Его убил оптимизм разума, которому он поклонялся слишком горячо. Сократ, сутками простаивавший в задумчивости, отыскивая то или иное понятие, сам себе поднес яд, когда Ареопаг[186] приговорил его к изгнанию, ибо понял: какая это трагедия — поклоняться од пому только раз уму (рациональному знанию).

Мир долго этого не понимал и более двух тысяч лет пел разуму гимны. До Фауста, Первым почувствовал трагедию народ, создавший о Фаусте легенду, — немецкий народ. Фауст потому и продал душу дьяволу, что хотел освободиться от этой трагедии, когда понял, что разум — недостаточен, рациональное знание оптимистично, но и его возможности ограничены. О недостаточности разума давно говорили суфии, и Ибн Сина не мог не прислушаться к и ним. То новое, что написал он в тюрьме Фараджан и по и выходе из нее, вызвало бурю среди философов, споры были столь яростны, что по одной только книге «Указания и и наставления» ученые составили около 50 комментариев! И сегодня

голландские ученые — В, Кортоне, С, Хоубен, и французы — А. Гуашон, А. Корбэн, Л. Гарде, а также и Карра де Во, Жильсон, ученый из США П. Мореведж, немец Форже, иранские ученые Мейхани, Ершотер, и Д. Хумой, пакистанец С. Борони, итальянец К. Наллиино и советские ученые много спорят: что это было — последние философские произведения Ибн Сины: отказ от самого себя? Рождение нового философа? Соединение разума и интуиции? Превращение Ибн Сины — последователя Аристотеля в философа — последователя суфизма?

Проблема сложная. Действительно, последние работы Ибн Сины поражают неожиданной, необыкновенно ясной завершенностью. Резко изменилась и форма. Одна только небольшая работа «Хайй Ибн Якзан» родила новый жанр: философскую новеллу, философскую притчу, философскую поэму. Влияние этой работы — и на «Божественной комедии» Данте, сюжет которой совпадает с сюжетом «Хайй Ибн Якзана», и на поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», на живописи Брейгеля, Босха и т, д. По сути «Витязь в тигровой шкуре» — это философский трактат, но выраженный средствами искусства, как и любая ИЗ картин Брейгеля или Босха.

ИТАК, ОТЧАЯНИЕ…

Аристотель, ворвавшийся словно комета в восточный мир, начал сгорать, затормаживаясь в сферах, недоступных одному только рациональному знанию. Сгорал и Ибн Сина… О его муках можно догадываться, представив муки Фауста, продавшегося черту, лишь бы раздвинуть границы рационального знания и найти новое отдохновение в новой встрече с Истиной.

Кувшины разных форм стоят перед тобой, — разные философские школы. И самый прекрасный — философия Аристотеля, Ты пил из всех кувшинов, Хусайн. Но где колодец? Откуда черпали кувшинами воду?

Гераклит жил не на территории Греции, на малоазиатском ее берегу, был жрецом храме Артемиды. Но храмы-то стоят на фундаментах старых храмов! И жрецы, умеющие оберегать свои знания от любой катастрофы, передают их новой религии — своей завоевательнице — совсем не в знак покорности, так кажется на первый взгляд, в совершают тем самым ДУХОВНОЕ завоевание своих же поработителей. Храм Артемиды стоял на фундаменте разрушенного ранее зороастрийского храма огня, И Гераклит — это старая зороастрийская мудрость, только переосмысленная новым временем, А что такое зороастризм? Высшее Восточное знание, которое оформилось в первом тысячелетии до н. э. в Средней Азии, Персии и Закавказье.

Пифагор… 22 года учился у египетских, находящихся под властью персов жрецов, 12 лет у персидских магов, будучи в вавилонском плену, и еще 10 лет у индийских мудрецов, изучая «Веды», в которых тоже зороастрийское знание.

Демокрит потратил отцовское наследие на путешествие но Востоку, учился у жрецов Египта, все еще находящихся (уже 200 лет!) под властью персов, в персидском Вавилове, в Индии.

Плотин, шагая с солдатами римского императора Гардиана по землям Персии, именно здесь, на Востоке, в древнем учении зороастризма впервые узнал об эманации, на основе которой и совершил попытку оживить, продолжить идеалистическую философию Платона, создал новое философское направление — неоплатонизм, и это его «Эннеады», где излагалась теория эманации, сознательно приписали Аристотелю философы Кинди и Фараби, чтобы таким образом, с помощью теории эманации, обратно вернувшейся на Восток, но уже в освящении непререкаемого авторитета Аристотеля, создать новую философскую систему.

Колодец-то, оказывается, у тебя на дворе!

Разум, рациональное знание, понятия, которые тая искал Сократ, считая их единственно истинными и ценными но вселенной… Европейская цивилизация родилась из поклонения разуму. Дюрер рисовал разумом, вписывал живопись в геометрию, искал математическую фор мулу идеала человеческой красоты, высчитывая пропорции ее с помощью пересечений круга квадратом, ромбом, кубом, трапецией… Одновременно с ним вгонял живопись в математику и Леонардо да Винчи. «Живопись дала караты арифметике, — писал он, — научила изображению геометрию, учит астрономов, а также строителей машин, инженеров. Кто не математик, да не читает меня!» **Ч** «Кто не геометр — да не войдет сюда!» — написал над входом а свою Академию Платон, Но если Леонардо только еще предчувствовал это отчаяние (вот почему, наверное, в бросал неоконченными свои картины), то Дюрер рисовал отчаянием. Его рыцари — рыцари этой трагедии. На их лицах скорбь мысли, униженно остановившейся перед дверью непознанного. А его «Меланхолия» — сама эта Трагедия. Прекрасная сильная женщина — Разум, в окружении астрономических инструментов, циркулей, треугольников, кубов, песочных часов, колб, химических приборов, — мертво смотрит в себя, в свой гениальный, сжигающий ее мозг, и видит бессилие его… И она умирает — медленно, незаметно для себя самой, умирает на ваших глазах.

Взбунтовалась, не захотела умирать Музыка, Гениальная немецкая музыка. Бах, Бетховен, Моцарт (но не Сальери, Сальери остался с Разумом) вывели Меланхолию из оцепенения смерти, соединили разум с интуицией. Эта новая немецкая музыка будет потом спасать каждого, кто слишком долго пробудет в храме Разума. Разве не спас Бах Альберта Швейцера, размышлявшего над своей «сократовской цивилизацией»: принять ее (то есть жить дальше) или не принять, не жить? И что есть этика этой цивилизации, если разум все оправдывает?

Но не сказал ли Сократ: «Высшее искусство — безупречная человеческая жизнь»? То есть разум — это добродетель. (Хозяин бьет раба, бьет, бьет, а раб думает: «Как неразумно поведение Хозяина», разум — это добро, то есть этика в действии). И поехал А. Швейцер к неграм в Африку, чтобы служить им. И служил всю жизнь. «Я решил сделать свою жизнь высшим аргументом своей философии», — сказал он изумленной Европе. И этим спасся от смертельного отчаяния. Это Фауст, НЕ продавший душу дьяволу, а отдавший ее людям, — истина, которую сам Фауст понял лишь в последнюю минуту, когда дьявол пришел уже за его душой.

Но музыка уставала, а добродетель исчерпывалась…

Малера[187] спасла Природа, вечная непосредственная духовность, являющая нам каждую минуту свою свежую красоту, разуму непонятную, но открывающуюся чистой свободной душе. Смотрит разум на дождь и видит только дождь, смотрит на цветущую вишню и видит только вишню.

«Осыпающаяся вишня — идеал смерти, В ней И улыбка, и красота, и тихая гордость», — говорит один из четырех Драконов Поэзии, охраняющий западную часть Японии, — Кэнко-хоси.

«Однажды в пору девятой луны всю долгую ночь до рассвета лил дождь, — говорит Сэй-сёнагон, — Утром он кончился, солнце встало в полном блеске, но на хризантемах в саду еще висели кружевные, готовые вот-вот пролиться капли росы. На тонком плетенье бамбуковых оград, на застрехах домов трепетали нити паутинки. Капли росы были нанизаны на них, как белые жемчужины. Пронзающая душу красота! Когда солнце поднялось выше,

роса, тяжело пригнувшая ветки хаги, скатилась на землю, и ветки вдруг сами собой взлетели в вышину… Не так ли распрямляются и люди в горе?»

«О, как прекрасно бытие после большой беды!» — написал 80-летний Рудаки, только что ослепленный, первый поэт Бухары, умерший за 40 лет до рождения Ибн Сины. А вот Хафиз:

Хмельная, опьяненная, луной озарена,
В шелках полурасстегнутых и с чашею вина.
Лихой задор в глазах ее, тоска в изгибе губ.
Хохочущая, шумная пришла ко мне она.
Пришла и села, милая, у ложа моего:
Ты спишь, о мой возлюбленный? Взгляни-ка, я пьяна!
Нектар ли то божественный? Простой ли ручеек,
В котором БЕЗЫСХОДНАЯ ТОСКА разведена?
Об этом ты не спрашивай, о мудрый мой Хафиз,
Вино да косы женские — вот мира глубина. [188]

Это написал поэт, который плакал от бесталанности своей в пещере, где за 300 лет до него плакал 90-летний Баба Кухи, ушедший от славы Абу Саида.

Германия в XVIII веке пристально посмотрела на Восток, где был колодец. От Хафиза может желчь разлиться, — сказал Гете своим современникам, закаменевшим в добропорядочности разума, которые

… с грязным вином стакан
Во ими твое, о Хафиз, разносят.
И европейцу же!
На Восток отправься дальний
Воздух пить патриархальный.
В мир, где ясным мудрым слогом
Смертный вел беседу с богом.
И где слово вечно ново,
Ибо устным было слово[189].

Единый закономерный процесс — «горе от Ума». Вольтер спасался иронией, Газзали — скептицизмом и уходом в религию. Омар Хайям — поэзией, Пушкин — дружбой с Чаадаевым, А в чем нашел выход Ибн Сина?

Умирая, человек вспоминает мать. Сказки матери — вечная пуповина, связывающая тебя с народом. Но только горе в зрелый ум взламывают сказки. Для многих они так и остаются островками волшебного отдохновения в море суеты, А в сказках — завязи гениальных откровений, глобальных философских систем, закодированность великих законов Вселенной, сделанные народом. Вот сказка из детства Ибн Сины о горах Рип, как называли их скифы, куда ушел Кай-Хосров, сын Сиявуша. Непроходимы горы. Всех останавливает холод, снег. Это царство Борея, как говорила скифы, заселявшие Алтай и юг Сибири. Это царство вечной Зимы, (Борей — северный ветер в у древних славян.) Охраняла горы страшная птица Семург, как называли ее скифы. Семаргль — имя бога, которому поклонялась Русь Владимире до крещения в христианство в 980 году[190] — год, когда родился Ибн Сина. Индусы называют птицу Гарудой.

Никого не пропускает Семург в Страну счастья, лежащую за горами. Эту птицу рисуют то с головою собаки, то с лицом человека, а когти львиные. Она охраняла все вавилонские и ассирийские дворцы — дворец далекого Саргона, кто первым объединил в XXIV веке до н. э. Междуречье, Охраняла дворцы хэттов — XVIII век до и, э, персидские дворцы. И до сих нор охраняет европейские готические соборы: образ этой птицы принесли сюда аланы и другие

европеоидные племена с Алтая, дошедшие до Испании, а с германскими племенами герулов поднявшиеся даже до Исландии в III–IV веках н. э.

Только редких мудрецов и чистых душою отшельников переносила Семург через, непроходимые горы Рип в Страну счастья, где живут совершенные люди, «удаленные от всяческого зла, — как пишут древние индийские КНИГИ, — к честибесчестию равнодушные, дивные видом, преисполненные жизненной силы». Там полгода день, полгода ночь. Одна ночь и один день составляют год. Вершины гор — золотые, И ходят вокруг них светила, И одна звезда — неподвижная (Полярная?), и ходят вокруг нее все другие созвездия, похожие, согласно древним описаниям, на те, что видимы за 55° северной широты! И о северном сиянии сказка говорит, и о Белом, как молоко, неподвижном (Ледовитый?) океане, А были там, в Стране счастья, индийский отшельник Г агава, индийский царь Юдхиштхир, как рассказывает индийская древняя книга «Махабхарата». Навечно же боги взяли туда только Кай-Хосрова, Жил в древней Греции скиф Абарис. «Он переправлялся через реки и моря, и непроходимые места как бы по воздуху, — пишет Геродот. — Изгонял моровые болезни, предсказывал землетрясения, усмирял ветры и морские волны». Абарис похоронен в одном месте, а видели его в другом. Он из страны Борея — Счастливой страны скифов.

Греческий Поэт Аристей написал Поэму «Арисмаспейя», где подробно рассказал о Скифии, о том, что И сам когда-то совершил Полет в их Страну счастья.

Геродот юношей покинул Грецию, поселился в Ольвии (Причерноморье). Жил к городу спиной, — к Великой же Стени, к скифам, что жили здесь, — лицом. Пять лет изучал их. А 445 году до н. э. прочитал в Афинах перед жителями города свою книгу об этом удивительном народе, за которую был награжден лавровым венком. Геродот сказал, что Пифагор — из скифской Страны счастья

И что поэтому Пифагора одновременно видели в двух разных городах, в у него бедро было из золота с гор Рип. Он и подобные ему, заключает Геродот, бессмертны, потому что испили из вечно журчащего источника бессмертия, невидимого, текущего в полной тьме. Там, в горах Рип, где все созвездия ходят вокруг одной неподвижной звезды, Пифагор познал музыку сфер. Но самое главное, он видел истечение света из Космоса на землю (северное сияние?). Эмпедокл тоже хотел доказать, что он из страны Борея, и потому бросился в кратер вулкана.

Аристотель передал все знания о Скифии своему воспитаннику Александру Македонскому, и тот, завоевав пол-мира, пошел завоевывать и горы Рип, чтобы испить их живой воды И стать бессмертным.

Послал впереди себя пророка Хызра. Поэт Низами, и родившийся за семь лет до Омара Хайяма, рассказывает, что Хызр вдруг увидел в полной тьме серебряный пламень, который более был похож на излияния света, чем воды, подобен «звездному серебру». Похоже, Хызр наблюдал Северное сияние…

Александру Македонскому источник Живой воды не открылся. Лишь в полной тьме ангел вложил ему в руку камень «чешуйки не шире» и сказал: от Жажды завоевывать новые земли тебя избавит лишь камешек, равный этому. Вернувшись с гор Рип, Александр, смеясь, велел принести весы. Но… камешек оказался тяжелее скал. Л И Хызр, охваченный страхом, сказал: «этот камень надо взвешивать прахом»…

— Эх, если бы наш Шамс ад-давля понимал, что мир — это прах! — сокрушенно проговорил старик-тюремщик из крепости Фараджан, страж Ибн Сины, останавливая свой рассказ, Ибн

Сина слушает с необычайным вниманием. Как чудесно вплетает народ в одну свою главную сказку судьбы стольких людей

— Александр не оставил желание проникнуть в снежную страну Борея, — продолжает старик. — Но он повял: царям туда хода нет. Изучив много книг, сделался философом. (О, народная доброта!.. Она дает хоть в легендах прожить некоторым людям жизнь так, как они не догадались ее прожить…) Добрался Александр до снежных вершин гор Рин и увидел, что вовсе, оказывается, это не снег, а… серебро. Вот почему никто из смертных не мог их пройти! Кто удержится от соблазна набить серебром карманы, когда даже Александр, владевший половиной мира, ведущий с собою в Скифию караваи чистого золота, не удержался, и, несмотря на предостережения проводника, нагрузил верблюдов серебром. И идти ему стало невмоготу, Кай-Хосров дошел до вершин, значит, не взял серебра, значит, горе его было настоящим, а молитва — искренней…

Ибн Сина внимательно слушает старика и с нетерпением ждет одно место… Интересно, как понимает его народ?

— Когда прошли снег, — продолжает старик-тюремщик, — появилась земля яджуджей — диких, страшных людей, которые только и делают, что едят и спят.

— Почему же тогда они, — несовершенные! — живут в двух шагах от Страны счастья? — спрашивает старика Ибн Сина, — И Семург их не рвет?

— А потому, — отвечает старик, — что есть у них одно мерзкое растение, в котором — зарождение сна и нездоровых страстей. Проглотят семена этого растения яджуджи и лежат в блаженной дреме.

Ибн Сина, как врач, знает — это семена конопли, наркотик. И Геродот писал о страсти скифов к наркотикам: «Ставят они три шеста наклонно друг к другу, натягивают на них шерстяные войлоки и как можно плотнее стягивают их между собой, затем бросают раскаленные камни в сосуд, стоящий между шестами. В их земле растет конопля… в диком состоянии и засевается… Скифы берут семена конопли, подлезают под войлок и бросают их на раскаленные камни. От этих семян поднимается такой пар и дым, что никакая греческая баня не превзойдет этой. Скифы наслаждаются ею и громко воют».

Когда Геродот писал это, изучая скифов Причерноморья, в это же самое время скифы, живущие на Алтае, опускали в могилу царя в ущелье Пазырык, а в 1949 году, то есть через 2400 лет, советские археологи вскрыли захоронение, растопив горячей водой лед, навечно запечатавший курган, и нашли в нем в ПОЛНОЙ СОХРАННОСТИ ВСЕ то, о чем писал Геродот: два шалаша из трех — шестов, один — обвешанный шкурами, другой — кожами. В шалашах — медные сосуды, в них камни, побывавшие рацее в огне. На других камнях, также предварительно раскаленных, — обугленные семена конопля и мешочек с семенами на шесте. Тело царя, сплошь покрытое татуировкой, — белокожее, волосы до плеч, как у скифов Геродота, перевязаны лентой через. — лоб: лицо европеоидное, волосы белые, глаза голубые. Такая же внешность была у аланов, киргизов Енисея, парфян, эфталитов, саков, юечжей, кипчаков… Много золотых вещей в могиле. Золото — с гор Рип (Урала!), северный конец которых заходит за полярный круг. На золотых вещах у знаменитый звериный стиль. Теперь ужо наукой доказано, что происхождение этого стиля не западноиранское, от луров (потомков которых так безуспешно пытался завоевать Шамс ад-давля), а скифо-сибирское: Алтай, Минусинская котловина, то есть восток скифского мира. Геродот изучал запад. Когда в VIII–VI зеках до н. э. скифы врывались в Малую Азию, доходя до Эгейского моря и и Египта (!), они несли с собой и свое прекрасное искусство, которое луры — жители Загросских гор переняли у них. Через аланов оно цопало в Европу. Вот почему лев,

терзающий человека, на готическом соборе в Вормсе, (Рейн) совершенно идентичен льву, терзающему человека, на золотой пряжке кургана Пазырык (Алтай).

Несли с собой скифы и знания о мире: о Ледовитом океане. Полярной неподвижной звезде, созвездиях, вращающихся около нее, о том, что там полгода ночь, полгода день, о Северном сиянии. А о землях к северу от них, до Ледовитого океана, скифы говорят, как о ЗАСЕЛЕННЫХ землях — факт, который мы в XX веке только устанавливаем благодаря прекрасным работам археолога академика А. Окладникова, Мир — вечен, говорили скифы, как вечно Северное сияние (Источник бессмертия). Мир исходит, истекает на землю из Космоса, — так они понимали Северное сияние — живой образ эманации…

Ну а сказка?

О, великая сказка!.. Что такое птица Семург? В «Махабхарате» — древней индийской книге сказано:

Ты — мысли паренье!
Ты — мысли пыланье!

Значит, в Страну счастья, где Высшее знание, переносит Мысль? Рациональное знание?..

От Мысли Ибн Сина ушел, к Мысли и пришел. Тупик. Но… Ибн Сина всматривается в смеющееся лицо старика-тюремщика и вспоминает: ФИЛОСОФОВ Семург Страну счастья не переносит. Не перенесла же Александра Македонского, когда он стал философом? Переносит

… отшельников и мудрецов, И потом, говорит же народ о Семург:

Ты — Мысли… ПАРЕНЬЕ!
Ты — Мысли… ПЫЛАНЬЕ!

«Тот разум — теплый разум пророков, — сказал суфий Харакани Насиру Хусрову, — а не разум Ибн Сины, полагаться на который все равно, что замуровывать себя в ледяной гроб»,

ВТОРАЯ ПОПЫТКА НАЙТИ ВЫХОД ИЗ ОТЧАЯНИЯ.

Разве не тепло было народу, когда говорил с ним Абу Саид? Разве не перенесет Абу Саида Семург в Страну счастья? Перенесет. Потому, что она переносит только тех, догадывается Ибн Сина, — кто Легко, как свет, ложится на ее крылья, А что в человеке уничтожает, растворяет тяжесть его материи, плоти?

ДУХ. ЧИСТОТА.

Значит, Семург берет на свои крылья только того, у кого чистая, совершенная душа? А ее полет — это… полет души?

Но есть ли какая-либо связь между душой И огнем? Есть. Говорил же Гераклит: душа — это метаморфоза Огня: чем больше в ней искренности, тем ближе она к природе огня, — сухая и горячая, чем меньше, тем дальше от огня — влажная и холодная, Вот почему не может несовершенная душа пройти в Страну счастья (яджуджи!). Она сама и есть этот непроходимый холод и снег — совокупность всех дурных «друзей» человека: похоти, гнева, злобы, жадности, лжи…

Разные степени души, наверное, и обозначились скифами разными животными: жадность — кабан, ярость — лев, злоба — шакал, почти совершенная, но слабая еще душа — олень, Их-то и терзает, приблизившихся к горам Рип, Семург.

Страна непроходимого холода — это еще и Страна Разума. Чем совершеннее он, тем холодней.

Значит, только «праведные мудрецы, — размышляет Ибн Сина, — освободившиеся от нечистых плотских пороков и отделившиеся от суетных забот. Проложат себе путь в мир святости и счастья?»[191] То есть суфии?

А что же тогда такое — «суфий»? суфий Харакани имел настолько огромное влияние на народ, что власть даже расправилась с ним: убила сначала его сына в ночь, когда к нему везли молодую жену (подбросили голову сына к дверям кельи Харакани, вышел Харакани утром на молитву, споткнулся обо что-то, позвал жену со светильником…) Потом и Харакани повесили на воротах медресе, где он читал лекции. Случилось это в 1033 году. Хусрову тогда исполнилось 28 лет. Ибн Сине — 53.

Ценно в разговоре Харакани с Хосровом то, что Ибн Сина, оказывается, был для своих современников символом Разума, чистого рационального знания, то ость полюсом, противоположным суфизму. Много говорит и та ярость, с какой Харакани напал на Ибн Сину. Значит, противопоставление разума и интуиции было в то время «больным вопросом».

Как же возник суфизм?

После смерти пророка Мухаммада народ стал собирать хадисы — те, что пророк говорил в том или ином случае. Но где гарантия истинности хадисов? Ею сделалась нравственность собирателей хадисов — мухадисов. Самые аскетичные из них — захиды, появившиеся при халифе Османе (первом, кто нарушил завет простоты пророка), пытались даже остановить своим поведением превращение благородной духовной власти в роскошную светскую. Пророк Мухаммад ходил в скромном одеянии, помнил народ, сидел с нищими на скамье перед Домом. Таким же простым был и сменивший его Абу Бакр — его друг и халиф Омар (в молодости первый богач), став халифом, жил просто, духовно. Осман же — третий халиф — начал возводить дворцы, ходить в золоте и главным принципом при устройстве общества сделал договора между страна-ми, торговлю и военные действия, а не нравственность.

Таким образом, народ вынужден был искать свой путь в духовность, минующий официальное духовенство.

Когда из страха перед адом
Тебя люблю я, Боже мой.
Пусть вечно будет ад наградой
Душе, отвергнутой тобой.
Когда мечте о светлом рае
Всю жизнь влечет меня к тебе.
Скажи, из рая изгоняя:
«Да будет ад в твоей судьбе!»
Но если ты один — священный
Предмет любви моей души, —
Молю: красы твоей нетленной
Меня навеки не лиши.

Это написала женщина, сполна испившая чашу горечи жизни. Украденная в детстве из бедной семьи, она была продана в рабство. Ничего не осталось у нее в жизни, кроме надежды на бога, И потому она сказала:

Я сделала Тебя спутником своего сердца,
А тело мое всего лишь для тех, кто ищет общения с ним.
Мое тело ласково к гостям своим,
Но возлюбленный сердца моего только Ты о гость моей души.

Это и был новый путь к богу: через личную, индивидуальную любовь. Путь, минующий духовенство и мечеть. Выразила его стихами Рабия, родившаяся в Басре в 713 году, — одна из первых суфиев. Газзали долго стоял надев могилой…

Главное для суфия, как мы уже знаем из встречи с Абу Саидом, — единство мира, соединение Единого и мира множественности. В этом единении — гимн человеку. Препятствует же единству, говорили суфии, гордое индивидуальное «я», личный дух, тело. И появилось у них учение марифата, об уничтожении личности, о достижении состояния, похожего на состояние нирваны. Нирвана — откровение другой религии, другого пророка — Будды, нашедшего путь полного освобождения от кармы (повторяемости жизней — согласно индийскому учению, дающихся человеку в наказание за плохо прожитую прежнюю жизнь). Одни видели освобождение от кармы в идеально прожитой жизни, другие — в полном разрыве с миром, жестоком аскетизме, третьи — в познании себя и мира через философию, черев любовь, четвертые — в том, чтобы подняться к снежным вершинам и там покончить с собой. Будда же сказал: выход — нирване, то есть в полном освобождении души от всех земных желании, связанных с телом, в достижении через это состояния бесконечного блаженстве уже здесь, на землеI а не на небе.

О том, что и тело мешает полному слиянию с Истиной, говорил еще Сократ: «Ив самом деле, — жалуется он Платону, своему ученику, — по-видимому, мы никогда не сможем достигнуть того, к чему стремимся, — к истине, и пока у нас будет тело, пока к душе будет все время примешиваться это зло… Из-за тела нам никогда не удастся ни о чем поразмыслить… Раз мы хотим узнать что-либо в чистом виде, нам надо освободиться от тела и смотреть на вещи при помощи только души. В противном случае и никак нельзя приобрести знания. Или можно их приобрести лишь после смерти. При жизни же мы будем приближаться к познанию истины тем более, чем менее будем — общаться с телом, пока сам бог не освободит нас от него. Земная жизнь — не подлинная жизнь. Это школа, в которой вопросы ставит смерть».

Каждая вещь проявляется через свою противоположность, — говорят суфии. Противоположное ближе к вещи, чем сходное. Белое лучше проявляется через черное, значит белое — истинное, черное — иллюзия, необходимая лишь дли того, чтобы увидеть белое. Душа лучше проявляется через тело. Душа — истинное, тело — иллюзия, необходимая лишь для того, чтобы увидеть душу. Бог — это скрытое сокровище. Чтобы обнаружить свое существование, он создает мир, говорят суфии. А раз бог — это добро, значит, то, через что он проявляется, — зло. И бытие бога, следовательно, — это истинное бытие, а мир (зло) — иллюзия, необходимая лишь для того, и чтобы обнаружить Истину. Вот и выходит, что тайна зла равна тайне творения мира, И избегать зла — значит, избегать познания Истины. Отсюда необычайная кротость суфиев, покорность, терпение, спокойное шествие навстречу злу (учение хикиката). Путь суфия к Истине (к полному слиянию с ней в состоянии экстаза) — это постепенное восхождение через семь долин, главные из которых — искание, любовь, самоуничтожение, неучастие в земной жизни.

Поэтические образы экстаза:

ОГОНЬ И МОТЫЛЕК. Мотылек сгорает в огне, человек сливается с Истиной (Баба Кухи), КАПЛЯ И ОКЕАН, Капля растворяется в океане (Хафиз), ОГОНЬ И КУСОК ЖЕЛЕЗА. Холодное неподвижное железо., расплавляясь, приобретает свойство огня, то есть человек сам становится Истиной (Руми).

Вот почему суфиев называют «люди экстаза» или «люди подлинного бытия», то есть бытия Истины.

Суфийская поэзия зашифрована символами из-за долгого запрещения ее. Внешне она ничем не отличаемся от обычных лирических стихов. Вот Баба Кухи, например, неудачный соперник Абу Саида:

В темней ночи перед локоном друга
Водителем влюбленных стал весенний ветер.

ЛОКОН — это мир, иллюзия.

ДЛИНА ЛОКОНА — бесконечность форм проявления бытия.

ЛОКОН, ЗАКРЫВАЮЩИЙ ЛИЦО, — множественность, которая закрывает единую сущность.

КОЛЬЦО ЛОКОНА — эманация и еще силки для неопытного сердца. Локоны всегда черные. Заменяющий их символ — гиацинт.

ЛИЦО — истинное бытие, всегда светлое, заменяющий символ — роза, солнце.

ВЕТЕР — откровение.

ВЛЮБЛЕННЫЙ — суфий.

САД — рай.

ВИНО — экстаз.

Когда он отбросал покров мускусных кудрей с красы своей.
Ясное утро вдруг просияло в тёмной ночи.
Очами друга я видел, как явилась его красота,
Что солнцем вспыхнула на восходе каждого атома.

До того, как научились суфии прикрываться символами, они платили страшными муками за свои прямо высказываемые учения. Халладж в состоянии экстаза сказал: «Я — Истина», то есть «Я — бог». За это был распят, обезглавлен, повешен на ворота, где читал лекции, сожжен. Умирая, сказал: «Я счастлив. Я хотел своими страданиями доказать богу степень моей любви к нему». Это случилось в 922 году. Но и через сто лет, но времена Ибн Сины, люди стояли в белых одеждах на берегу Тигра, недалеко от того места, где Халладж висел на позорном столбе, и ждали его возвращения, глядя на воду… Об этом рассказывает поэт Маарри, современник Ибн Сины. Книги Халладжа тайно переписывались в век Ибн Сины на самой лучшей бумаге, переплетались в золото, кожу и шелк, украшались драгоценными камнями. Мысль, которую он внес Ш суфизм, — была мысль об. ОБОЖЕСТВЛЕНИИ ЧЕЛОВЕКА (гуманизм суфиев).

Азакир… Распят, убит в 934 году, Голова посажена на кол, тело сожжено при народе. Двум ученикам его приказали плюнуть в лицо Азакиру. Один плюнул, другой подошел, поцеловал в бороду и умер вместо с ним» Азакир внес в суфизм идею проявления истинной сути через противоположное. Говорят, у Азакира была внешность Халладжа, Повешены были Харакани, Мийнаджи, Ансари — духовный наставник Омара Хайяма и Низам ель-мулька.

Столько гордыни в голове моей от любви к тебе,

— говорил Харакани, —

Что я впал в ошибку, и думаю: ты влюблен в меня,
И свидание с тобой раскинет палатку у дверей моих.
Или из-за этой ошибки слетит, с плеч голова моя.

У дверей он нашел голову сына, а сам был повешен. Так ответила реальность.

«Итак, — спрашивает себя Ибн Сина, подводя итог мыслям о суфизме, — здравые в своей природе души, неогрубелые суровыми земными отношениями, услышав духовный призыв, оказываются в состоянии, похожем на состояние трансцендентных вещей и, словно обволакиваясь пеленой, о происхождении которой они и сами не ведают, приходят в ЭКСТАЗ и достигают восторженного нависшего наслаждения»[192], то есть Страны счастья, где человек сливается с Истиной (богом)?

Но как осуществляется это Путешествие души? Как сказку и суфийскую поэзию перевести в философию?

В какую философию? Жизнерадостная, могучая, открыто шагающая философия Аристотеля не спасала больше от трагедии жизни, где не все оказалось объяснимым. Светлые кони мыслей упирались в какую-то ужасную стену вязкого, черного, непроходимого тумана, В необъяснимое. В смерть.

Гений в трудную минуту обращается за спасением к народу. Его легенды и предания, его нравственность, его искусство — неисчерпаемый колодец образности, способный растворить в себе любую трагедию, любое горе.

— Вот, послушайте, — обращается Ибн Сина к старику тюремщику, — какой я посвятил вам трактат!

«Хайй Ибн Якзан» называется. Вы в нем — главный герой.

Старик встал и но все глаза уставился на узника. Ибн Сина улыбнулся.

— Слушайте. Я и мои друзья отправляемся на прогулку. Вдруг встречаем старца, удивительно юного и чистого, похожего на вас. Расспрашиваем о его жизни. Ои говорит: «Зовут меня Хаййем, сыном Якзана… А чем занимаюсь? — скитаюсь вот по странам мира… Лицом я обращен к отцу моему, а он — Бодрствующий (Якзан)[193]. Он снабдил меня ключами ко всем наукам и направляет мои стопы по стезям, что ведут в самые разные уголки мира, пока Путешествием своим я не сомкну горизонты областей»[194].

Потом старик раскрывает мне глаза на моих друзей, — рассказывает Ибн Сина. — Оказывается, — это сладострастие, гордость, ложное воображение и алчность. Ну чистый я — яджудж! «Пока ты не избавишься от них, — Говорит мне старик, — тебе, как и всем в твоем положении, недоступно положение, подобное моему, и дорога сия заказана тебе». И никогда тебе не совершить Путешествия.

Вспомним, как начинается «Божественная комедия» Данте?

Земную жизнь пройди до половины,
Я очутился и сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины…

А стал Данте взбираться на холм, ему преградили путь рысь, волчица и лев. Лес — это жизнь, рысь — сладострастие, лев — гордость, волчица — алчность. Теснимый зверями в темную долину, Данте встречает некоего светлого мужа — Вергилия, который спасает его от зверей, а затем говорит:

Иди за мной, и в вечные селенья
Из Этих мест тебя я приведу.

— «Коли ты со всем рвением, говорит мне Хайй Ибн — Якзан, — продолжает читать свой трактат старику-тюремщику Ибн Сина, — отдашься Путешествию, я сойдусь с тобой, а с

друзьями ты разлучишься. А овладеет тобой но ним тоска, ты вернешься к ним, а со мною будешь разлучен до той поры, пока решительно не порвешь с и ними».

Ты должен выбрать новую дорогу, —

обращается Вергилий к Данте,

И к дикому не возвращаться долу…

— Готовя меня к Путешествию, — говорит Ибн Сина старику, — Хайй ибн Якзан рассказывает устройство Вселенной: «Рубежей земли три. Каждый из них имеет заповедный рубеж, — и переступить их могут только обретшие силу, которая от природы людям никогда не дает— ся. Обретению ею помогает ОМОВЕНИЕ В НЕКОЕМ ЖУРЧАЩЕМ ИСТОЧНИКЕ ОТ СТОЯЧЕГО ИСТОЧНИКА ЖИЗНИ. ЕСЛИ ЗАБРЕДЕТ К НЕМУ ПУТНИК И ОЧИСТИТСЯ ИМ, И ИСПРОБУЕТ СЛАДОСТНОЙ ВОДЫ ЕГО, ТО РАСТЕЧЕТСЯ ПО ЧЛЕНАМ ЕГО СОЗИДАТЕЛЬНАЯ СИЛА, КОТОРАЯ ПРИДАСТ ЕМУ КРЕПОСТЬ, ДОСТАТОЧНУЮ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПЕРЕСЕЧЬ ПУСТЫНЮ…

Вот как. стал писать Ибн Сина!

Но что же это за источник?

— «ВЫ, ВЕРНО, СЛЫШАЛИ УЖЕ, — продолжает читать Хусайн, — КАК ОБСТОИТ ДЕЛО С ТЬМОЙ, ЦАРЯЩЕЙ В СТОРОНЕ. ГДЕ ПОЛЮС: ВОСХОДЯЩЕЕ НА НЕБО СОЛНЦЕ ОЗАРЯЕТ ЕЕ В НАЗНАЧЕННЫЙ СРОК РАЗ В ГОДУ, КТО БЕЗБОЯЗНЕННО ВСТУПИТ В ЕЕ ПРЕДЕЛЫ, ТОТ ОЧУТИТСЯ ПОД КОНЕЦ НА ПРОСТОРЕ, БЕСКРАЙНЕМ И ПОЛНОМ СВЕТА. ПЕРВОЕ, ЧТО ПОПАДЕТСЯ ТАМ, — ЭТО ЖУРЧАЩИЙ ИСТОЧНИК СВЕТА… ВСЯК, ИСКУПАВШИЙСЯ В НЕМ, ВЗБЕРЕТСЯ НА ГРЕБНИ ГОРНЫХ ХРЕБТОВ, НЕ ПОЧУВСТВОВАВ УСТАЛОСТИ, И ПОД КОНЕЦ ВЫБЕРЕТСЯ К ОДНОМУ ИЗ ДВУХ ЗАПРЕДЕЛЬНЫХ ЕМУ ДОСЕЛЕ РУБЕЖЕЙ», Остановимся передохнуть… И поклонимся мужеству. Ибн Сины. Он нашел выход из трагедии. Не в склянке с ядом, как Сократ, не в попрании светлой человеческой природы, — как Фауст, замкнувший себя в дьявольское разочарование, не в иссушающем скептицизме, чем погубил свой живой ум Вольтер, ужаливший сам себя, как скорпион, ядом желчи, а в том, что, стряхнув с себя гениальность, обернулся ребёнком и, принял в себя от народа драгоценные зерна мудрости, в которых — Воскрешение.

— На пути путешественников в область, примыкающую к земле, — продолжает читать Ибн Сина трактат «Хайй Ибн Якзан» старику тюремщику, — обитают ангелы земного происхождения. Они входят в связь с человеком и способствуют очищению его. Эти ангелы — духовные способности человека: благородные писатели, философы, поэты. Там же обитают ангелы, которые могут посредством учения, разрабатывать теории общества или просто участвовать в практике Справедливости. Они могут спускаться к людям или подниматься в самые высокие сферы. Считается, что самые благородные — первые ангелы (философы, ученые, писатели), но ограниченность их в том, что они стоят в стороне от практики Справедливости. Вторые же — правители и мудрецы, наоборот, только в практике и могут развернуть свою деятельность. Они входят в контакт с человеком, способствуют его очищению и совершенствованию.

Далее Хайй Ибн Якзан рассказывает о конечной цели Путешествия — встрече человека с богом[195] (Истиной).

— Красота его, — читает Ибн Сина старику тюремщику, — затмевает проявление всякой другой Красоты, а великодушие его делает жалкой ценность любого великодушия.

Когда кто-нибудь из тех, кто обступает его ковер, вознамерится лицезреть его, опустит изумленный взор долу, и взор тот вернется с унижением, уведенный назад прежде, чем достигнет его.

Красота его — как бы завеса красоты его: обнаруживая себя, он как бы прячется, проявляя себя, как бы скрывается. Так я с солнцем: задернется дымкой, видно отчетливо, а засияет — недоступно для взора. Ибо свет бога — завеса света его.

Если же некоторым не удается разглядеть его хорошенько, то лишь из-за недостатка их же собственных сил… Среди людей отдельные переселяются к нему навсегда… Беседуя с тобой я пробуждая тебя, я не приближался к нему. Быть бы мне занятым с ним, не до тебя бы уж было. Хочешь, следуй за мной к нему».

Данте завершая Путешествие, говорит:
Увидел точку, лившую такой
Острейший свет, что вынести нет мочи
Глазам, ожженным этой остротой.

Итак, первый из трех классических трактатов Ибн Сины — «Хайй ибн Якзан» — это приглашение к путешествию. Цель трактата — разбудить человека к Путешествию. Перенесет в Страну счастья Хайн ибн Якзан, (Семург).

Если учесть, что Ибн Сина не надеялся выйти из тюрьмы живым, можно считать, что этот его трактат — завещание людям. Он как бы указывает им путь к самосовершенствованию, достижению самого высшего счастья — слияния с Истиной, В таком случае, второй его трактат — «Птицы» — тоже завещание… Но кому?

В трактате излагается уже само Путешествие, но перед Путешествием неожиданно звучит… гимн дружбе:

«Находишься ли ты среди братьев моих, — говорит Ибн Сина, — ты, который хочешь сейчас связаться со мной, чтобы узнать мои тайные мысли? Или ты можешь облегчить мою тяжесть, взяв на себя некую ее часть? Преданная душа не в состоянии вытащить своего друга, если не содержит в себе некое благородное состояние или дружбу, совершенно невредимую для его друга. Как тебе помочь иметь преданного друга, если ты рассматриваешь его лишь как некий приют, куда можно прибегнуть в случае несчастья, и отказываешься соблюдать долг свой но отношению к нему, когда не нуждаешься в нем? Не приходишь ли ты к нему, когда у тебя что-нибудь случится? Не вспоминаешь ли ты о друге, только когда есть у тебя в нем нужда? да хранит вас бог, братья, вас, которых соединяет… некое божественное родство, вас, которые ИНТУИТИВНО СОЗЕРЦАЮТ ИСТИНУ, вас, которые очищают свои сердце от шлака сомнений, вас, которых соединяет голос Правды.

Итак, мои и товарищи по Истине, посмотрите сами, и вы найдете доброе учение. В лоне его каждый из вас обнаружит секрет своего сердца в сердце своего брата, и через это каждый из вас усовершенствуется другим.

Вперед, мои братья! Закройтесь панцирем, как дикобразы. Откройте ваше внутреннее и закройте внешнее. Линяйте, как змеи, ползите, как черви, будьте, как скорпионы, оружие которых в хвосте, и помните: сатана нападает на человека сзади!

Утолив жажду ядом, вы будете спасены. Направьте свой полет вверх И не ищите убежища в гнездах, так как там селятся лишь птицы. Если нет у вас крыльев, возьмите их у кого-нибудь, и вы достигните цели! Лучшие те, чей полет будет наиболее сильным. Будьте, как страусы, глотающие горячий песок. Как змеи, глотающие кости. Как саламандры, кидающиеся в огонь. Как летучие мыши, которые никогда не показываются днем. Истинно — самые лучшие, птицы — это летучие мыши. Итак, мои братья, самый богатый человек тот, кто

осмеливается увидеть завтра, и самый низкий, кто будет обманут сегодня своим временем»[196].

Вот как стал писать Ибн Сина!

Французская исследовательница творчества Авиценны А. Гуашон предлагает такую расшифровку вышеприведенных символов:

КОЖА ЗМЕИ — тело человека, которое он должен сбросить с себя в надежде найти Истину.

САТАНА — образ дурных желаний, происходящих из чувственной природы человека.

ЯД — сила сопротивления человека желаниям плоти, СТРАУСЫ, ГЛОТАЮЩИЕ ПЕСОК, и ЗМЕИ, ГЛОТАЮЩИЕ КОСТИ, — люди, укрощающие свои плотские желания. Горячий песок — пылкость, кости — сладострастие.

САЛАМАНДРЫ, КИДАЮЩИЕСЯ В ОГОНЬ, — люди, излишне пользующиеся силой воображения, что приводит их то к истине, то к ошибке. Надо с осторожностью использовать свои способности. Огонь, хотя и необходим человеку, может принести ему и вред.

ЛЕТУЧИЕ МЫШИ— истинные ученые, убежденные, что идеи прячутся под оболочкой видимых объектов, они ищут истину в сверхчувственном. Свет — видимое, ночь — скрытое, сверхчувственное.

А вот и сам трактат, сохраненный для нас тем астрономом Насреддином Туси, который жил в Аламуте и при нашествии монгола спас книги Ибн Сины, тайно переправив их через непроходимые горы в Азербайджан, Я и где-то в хурджин, на спине лошади, осторожно ступающей но сплетенной на прутьев тропе, лежал и этот трак-тат. Вот краткий его пересказ:

Птицы живут в клетке. Мимо летят СВОБОДНЫЕ птицы. Одна из пленных птиц (Ибн Сина), увидев летящих собратьев, потрясённо осознает свой плен и кричит свободным крылатым сквозь прутья решетки, чтобы они взяли ее с собой, ЗАКЛИНАЕТ ИХ ДРУЖБОЙ, ТОВАРИЩЕСТВОМ, должными сохранять верность при любых условиях жизни. Свободные птицы, сжалившись над плененной, спустились и освободили от силков ее шею и крылья.

— А теперь сама ищи свое спасение! — сказали они ей в поднялись в небо, — А ноги?! — закричала «птица клетки». — Что же вы не освободили от силков мои ноги?!

— Если б это было возможно, — горько ответили ей свободные птицы, — мы освободили бы и свои. Видишь, на них обрывки силков?

И вот птицы летят искать того, кто освободил бы их совершенно от силков. Пролетают, поднимаясь все выше и выше, семь долин (вспомните семь долин у суфиев). Это очень трудное Путешествие. Все время вверх и вверх, несмотря на усталость крыльев и одиночество в небе. Наконец, на вершине седьмой горы они попадают в прекрасный сад, И так хочется остаться в нем! Здесь все равны душой, общение дает неизъяснимое блаженство, все с полуслова понимают друг друга, но всем царят знание и благородство… Но надо лететь. Надо заставить себя подняться и лететь, потому что и у этих прекрасных птиц… и силки на ногах.

На восьмой вершине птиц встречает Великий царь. Это — предел полета. Выше крылья не поднимают.

Красота Великого царя потрясает птиц, лишает их дара речи. Но он успокаивает их приветливостью и добротой, и они рассказывают ему о своей беде.

— Никто не сможет снять с вас ваши силки, — грустно говорит Царь. — Только тот, кто их надел (Ангел Смерти)[197].

Вспомните мысли Сократа о теле, которое мешает душе подняться до полного слияния с Истиной. Тело — это и есть плен души (плен птиц). До какого бы совершенства ни поднялась душа, тело — даже в минимальном присутствии — это силки на ногах, и не исчезнет оно, пока не придет Смерть.

Полет птиц — это, наверное, и есть суфийский путь соединения с Истиной. Недаром в начале трактата и есть кие слова: «Да хранит вас бог, мои братья, которые ИНТУИТИВНО СОЗЕРЦАЮТ ИСТИНУ». По всей вероятности, этот трактат — осмысление пути суфиев и завещание ученикам хранить дружбу и братство так, как хранят их суфии, ибо без дружбы, в одиночку, не достичь совершенства.

Третий трактат, написанный в тюрьме, — «Саламан и Ибсаль» — это уже Путешествие без возвращения, то есть Путешествие через смерть, когда приходит Ангел Смерти и снимает с ног силки.

Саламан и Ибсаль — два брата. Жена Саламана полюбила Ибсаля. Ибсаль покинул дом брата. Жена Саламана женит Ибсаля на своей сестре и ночью вместо сестры приходит сама. Обнимает Ибсаля… Но в последний миг Молния освещает ее лицо, и Ибсаль уходит. Жена Саламана отравляет Ибсаля…

«Знай, — пишет Ибн Сина в книге «Указания и наставления», — Саламан — это одна из разновидностей тебя, Ибсаль, — одна из твоих степеней в мистике[198], если ты, конечно, принадлежишь к ее приверженцам»…

Может, этот трактат — мысли Ибн Сины о себе, о степени своей духовной готовности перейти в иной мир?

Три трактата о Путешествии… Первый — план Путешествия, второй — Путешествие с возвратом, третий — Путешествие без возврата — через Смерть.

Путешествие куда? К богу… Путешествует кто? Человек…

Как понять эти маленькие — мистические, как их еще называют, — трактаты Ибн Сины? Ради чего он так круто развернул свою философию? Почему так резко изменил форму?

Ясного и точного ответа на все эти вопросы до сих пор нет. Некоторые буржуазные ученые считают, что Ибн Сина обратил, наконец, свое лицо к религии, помирился с ней. Другие говорят: Ибн Сина отвернулся от Аристотеля и ушел в мистику — истинно восточное мироощущение.

Так ли это?

А что такое мистика в понятии того времени? Личный, индивидуальный путь к богу, слияние с ним. У Аристотеля такого учения нет. И у неоплатоников. Хотя у неоплатоников есть учение об эманации — истечении бога (духа) в мир и постепенное утяжеление ого, уплотнение до состояния самого низкого и презренного, по их мнению, — материи, порождением чего и является человек. Чело-век в бог — очень далеки друг от друга. Разве что на миг мог человек ощутить единение… не с богом, нет, — с его мудростью в редкие минуты озарения.

Какое же характер философии неоплатонизма? «Сам по себе неоплатонизм — учение глубоко мистическое, — пишет советский ученый М, Хайруллаев. — И он оказал огромное влияние на СУФИЗМ (подъем человека по ступеням эманации к богу), ФИЛОСОФИЮ

«Братьев чистоты» (дал удобную форму изложения), ФИЛОСОФИЮ ФАРАБИ. ИБН СИНЫ, разработавших философию Аристотеля на основе учения об эманации и выразивших ее через неоплатоновские термины[199].

Тогда понятно, почему все ученые отмечают МИСТИЧЕСКИЙ характер философии Ибн Сины, «Религиозно-мистический характер идейных течений в условиях средневековья составляет важнейшую особенность этого периода». И была она — эта мистика — ПРОГРЕССИВНЫМ тогда фактором в культурной жизни эпохи.

Почему?

Неоплатонизм презирал материю, человека. Ценным считал только духовность… Суфиев заинтересовала эманация, не сверху истекающая вниз, а как раз поднимающаяся снизу. Они ее, в общем-то, и разработали и величайшей ценностью объявили… человека, практически, своими жизнями, доказывали возможность слияния плоти и духа, человека и бога. Это был их гимн человеку (вспомните Абу Саида).

Философы же, в том числе и Ибн Сина, сотворили в своих трудах гигантский гимн… ПРИРОДЕ (самому презренному неоплатоников). Ибн Сина поднял значение природы в философском и естественно-научном планах на «божественную» высоту, на природе сосредоточивал все свое внимание, сказал, что природа не пассивна, сама создает себе формы (а не берет их у бога), развивается по своим, не зависящим от бога законам. Таким образом, глубоко мистическое учение неоплатоников «в процессе определённой эволюции», совершенной Фараби и Ибн Синой, а в своей области — и суфиями, стало в условиях средневековья «важнейшим источником возникновения пантеистических идей».

Глубокое выражение эти тенденции нашли и в суфизме, «отражавшем взгляды различных социальных слоев и групп».

Так мог ли Ибн Сина — философ-энциклопедист, все более и более тяготеющий в своей философии к пантеизму, к уничтожению разграничений бога И природы, пройти мимо мощного, практически философского течения суфиев, разрабатывавших тот же пантеизм, но с другой позиции: уничтожая разграничения бога и человека?

Можно сказать, Ибн Сина, ни в чем не меняясь, как философ, переключил только свой взгляд с природы на человека, — вот что такое хамаданские трактаты, — сотворил гимн человеку[200].

Так, в лоне своеобразных особенностей эпохи, возникало и развилось то новое на Востоке — ПАНТЕИЗМ и ГУМАНИЗМ, которые мы ценим и которые выдвинули на первый план философски-этические проблемы самосовершенствования человека до самой высшей («божественной») степени. И при сохранности бога (игнорировать его все же никак было нельзя) максимально возвеличили человека, говоря о нем словами, равно применяемыми и к богу (!), — более того, слившие человека с богом (Халладж за это был четырежды убит). Это был для того времени — подвиг. И Ибн Сина совершил его в самые отчаяннейшие дни — но время пребывания своего в тюрьме.

Если Первый трактат Ибн СИНЫ — «Хайй Ибн Якзан» — завещание людям, второй — ученикам, то не мог Ибн Сина не написать завещание и брату. Есть и оно. Трактат «О судьбе или предопределении» (Книга правильного пути).

Ибн Сина спорит с другом: что имеет человек? Судьбу, то есть полное предопределение, или полную свободу по отношению к своей жизни? Спор разрешает Хайй Ибн Якзан.

— Представьте, — говорит старик, — два равно благородных человека задумали совершенствоваться в пустыне. Один терпеливо и кротко исполняет свой труд, опираясь лишь на внутреннее благородство, то есть на понимание того, что все уже было в мире и повторится не раз. Другой заранее убежден в успехе своего дела, в том, что результат его распространится по всему свету. Что победят? Конечно, терпение н. скромность первого…

Судьба всеми хитростями (соблазнами чувственного мира) привязывается абсолютной хозяйкой к человеку. Нападающая сила ее — искушения всех видов, противостоять которым может лишь внутренний голос человека, — единственный, кто «прогоняет сон колеблющегося зла, разбивает пелену сердца, задувает чувственный огонь, заставляет надеяться лишь на самого себя и верить лишь самому себе». Малейшее колебание в отношении внутреннего голоса равно гибели. Человек как бы все время находится между состоянием бодрствования и и сна. Спасти может только воля, но она не должна рождаться от противоречивых желаний, ибо они ведут человека как животное, лишенное сил, и сбрасывают его затем в пропасть. Не это ля мы называем превратностями судьбы? единственный для нас светлый я прямой путь — путь свободы от заблуждений, достигаемый с помощью разума, который учит управлять собой в поисках Истины, и тогда человек становится как бы управляемым Небом, прямо и благородно идет к конечной целя своего Путешествия.

А что же тогда такое предопределенность?

Время заставляет забыть страдание. Задувает месть и усмиряет гнев. Гасит злобу, прошедшее представляет и таким, словно оно никогда и не существовало. Страдания, внезапные потери ничего не стоят при последующем рассмотрении… Превратностями времени сглаживаются все причинные связи. Даже если начнется вдруг волна счастья, и человек не будет знать о причине его, то будет рассматривать его как возмещение за былое оскорбление, былую потерю или былое пренебрежение, за пережитую иллюзию. Едва ля в течение века нам можно и говорить о возмещения я восстановлении, когда даже в течение полувека стираются все оригинальные предложения, а новые только начинают действовать. Следовательно, невозможно говорить о вознаграждении и наказания, об аде и рае, страшном суде, — то есть о предопреде лении, ибо оно неуловимо и время уничтожает его заданность.

«Тот, кто пользуется только разумом, будет сердиться на мою речь и искать в ней отклонения от того, что я представил. Не надо забывать, что всякий может быть уравновешен другим взглядом, а борьба мнений оканчивается на дороге истины. Цените возможное — то, что и я кидал стрелы в общую цель… Высший судья всех споров — божественный Разум, дающий отдых душе, рассеивающий тьму и облегчающий поиск Истины. Человек с возвышенной душой приходит к такой степени проницательности, что может размышлять без каких-либо суетных волнений по поводу своих умозрительных построений, без рассеивания, рождающегося слабостью человеческой мысли… Не имеющие ключа от двери или масла от лампы, не освященные чистой росой никогда не будут повернуты к жилищу Истины, тщетно ища ее там, где найти ее невозможно.

Работайте всегда, и каждый будет любим успехом и добьется его, вно всем том, для чего бог и создал его природу. Вот все, что пришло мне на душу, когда я следовал этой теме, и один бог гарантирует слово»[201].Написал еще Ибн Сина в тюрьме и книгу «О коликах» («Куландж») — болезнь, от которой умер Шамс ад-давля и от которой через 14 лет умрет он сам. Здесь и осмысление опыта, и мысль об умершем эмире, и ясновидение по поводу своего конца, А что же в это время происходит за стенами тюрьмы?

Сын Шамс ад-давля Сама ад-давля, подстрекаемый Тадж аль-мульком, нападает на друга исфаханского эмира Ала ад-давли, от которого тщетно Ибн Сина ждал письма! Ала ад-давля, спасая друга, осадил Хамадан и своего племянника, сына Шамс ад-давли. Правда, Тадж

аль-мульку удалось отбросить исфаханского эмира в Джарбадажан, где замерзли 300 его воинов, но Ала ад-давля подкупил курдов, и они бросили Тадж аль-мулька, и следующий бой он выиграл. И вот, униженный поражением, Сама ад-давля берет под уздцы коня своего двоюродного дяди, исфаханского эмира, привязывает к колышку, вводит Ала ад-давлю в шатер, наполненный золотом — данью.

Тадж аль-мульк же бежит в Фараджан, где сидел Ибн Сина вот уже четыре месяца, и запирается там. Ала ад-давля с понурым и пристыженным сыном Шамс ад-давля осаждает крепость, отрезает воду (Ибн Сина как раз в это время начал писать трактат «О судьбе»). Тадж аль-мульк просит пощады. Его выпускают и потом кутят вместе всю ночь, а наутро отправляются в Хамадан.

Ибн Сина видит Ала ад-давлю (это ему он тайно писал! «Прошу о разрешении прибыть к твоему двору и исполнять служебные обязанности при твоей особе». За это письмо он и сидит здесь!). Неужели Ала ад-давля не получил письма? Неужели даже не спросит об Ибн Сине?

Ала ад-давля и не взглянул на шейха. Уехал. Крепость, вероятно, была открыта, (Стражники тоже пили в ту ночь.) Во всяком случае, известно, что Ибн Сина после этих событий не сидел уже в крепости, а жил в Хамадана у алида (то есть у одного из потомков Али, зятя пророка Мухаммада), Раз жил он у алида тайно, значит, из крепости бежал. А так как сразу же из Хамадана Ала ад-давля направился на Шапурхаст опять сражаться, то Ибн Сине пришлось ждать его возвращения. Вот он и жил у алида. Почему но у Абу Саида Дахдука? Ведь он уже однажды прятался у него, и потом через 14 лет Ибн Сина умрет на его руках, и сам Дахдук будет позже похоронен рядом с Ибн Синой? Наверное, Абу Саид Дахдук в привел Ибн Сину к алиду потому, что потомок Али — неприкосновенное лицо, значит, неприкосновенен и его дом, его гость.

В доме у алида Ибн Сина написал книгу, посвященную основам шиизма, о чем нам сообщает только рукопись Кепрулю, хранящаяся в Стамбуле. Этот трактат — благодарность алиду за его гостеприимство.

Здесь же Ибн Сина продолжил работу над «Книгой исцеления». В тюрьме он и строчки для этой книги не написал! Значит, в доме алида Ибн Сина отошел душой, вернулся к прежним своим размышлениям.

Находились ли рядом Джузджани, брат, Масуми? Наверное, да, потому что буквально через несколько недель брат и Джузджани покинут с Ибн Синой Хамадан А пока… Пока Ибн Сина не смеет даже выйти из дома. Тадж аль-мульк повсюду разыскивает его.

Смотрит Ибн Сина из окна на Демавенд. Там Рей. И дальше, по прямой, На северо-восток — Бухара. Очень далеко… Но я до Демавенда далеко, а кажется, он рядом. Ночью Ибн Сина переодевается в одежду суфия и ходил лечить тяжело больных. Возвращаясь, идет мимо древнего парфянского каменного льва, что 900 лет грозно стоял у ворот, а сейчас лежит, поверженный, в песке.

Был ли ты раньше времени…
Или время было раньше тебя? —

сказал о нем один поэт. Проходит Ибн Сина и мимо мавзолея Эсфири, жены Артаксеркса, правившего великой Ахеменидской державой в V веке до и, э, В Греции жил тогда Сократ. Ибн Сина хотел быть похороненным около этого мавзолея, если уж не суждено ему будет убежать из Хамадана.

Мусульмане глубоко чтят могилу Эсфири. Аман, любимец Артаксеркса, решил погубить евреев, живущих в Иране со времен Саргона И, который переселил их сюда, еще в VI в. до

н. э. Причина этого замысла — Мардохай, который возвысился выше Амана любовью и вниманием царя. А когда-то Мардохай спас Аману жизнь… Эсфирь узнала о готовящейся назавтра резне ее народа, но никто под страхом смерти не смел без вызова являться к царю, — даже она — его любимая жена! Времени мало. И решилась Эсфирь. Подошла к дверям. Взмолилась: «Господи! Ты знаешь, я не льстилась на великолепие царского дворца. По любви стала женой Артаксеркса». И, оттолкнув стражников, вошла… Царь не прогневался, выслушал. Поверил. Повесил Амана… Так она спасла народ.

«Как не поклониться благородству! — подумал Ибн Сина. — Его так мало в мире… Эсфирь, может, защитит и меня, хотя бы после моей смерти. Глядишь, уважая ее, не выкинут меня из могилы… Ах, если бы выпало мне счастье быть похороненным в Бухаре! Но об этом и мечтать не приходится».

Вместе со слезами встали в душе стихи.

Былое жилище, ты стерто превратностью жизни,
Затоптано в прах… —

Один Ибн Сина под звездами… В чужой одежде, без дома, свободы, будущего… Заплакал, вспомнив сирые могилы отца и матери.

… Кого предавать укоризне
За все, что случилось? Иль, может, надгробие это
Над прахом моим?

Вспомнилась любимая — Сауд» и которой так и не суждено было прожить жизнь.

Не ты ли, исчезнув, со временем тайною стала?
И прошлое мне эту тайну раскрыть завещало.
Наследую камни разрушенных я водостоков,
Немало по ним дождевых пожурчало потоков.
И камень очажный в ложбинке, что словно украдкой,
Меж холмиков черных прижался к земле куропаткой.
На нем от огня виден след мне действительно вечный,
Такой же в груди остается от муки сердечной
Былое жилище, ты помнишь, как тучи косматы
Клубились над кровлей и слышались грома раскаты,
Как стрелами небо пронзали веселые грозы,
Пора над тобою пролить им кровавые слезы.
Оплакать всех тех, кого помнят развалины эти,
Безумно любивших и добрыми слывших на свете… [202]

Он замер, чтобы не спугнуть видение: пришли «безумно любившие, добрыми слывшие в свете» — отец и мать. Склонив перед ними голову, Ибн Сина говорит:

— Мне 43 года. Я только что вышел из тюрьмы. Из достойного на славу вашу создал «Канон», три трактата о Путешествии. Начал писать трактат-завещание для брата, вашего сына, да не закончил. Замахнулся на громадину — «Книгу исцеления». Хочу «включить в нее все плоды наук древних, которые я проверил». Не знаю, окончу ли этот труд? Написал еще в тюрьме про «Куландж». Если я действительно настоящий врач, то должен прозреть ту брешь, через которую уйдет моя жизнь…

Ибн Сина закончит «Книгу исцеления». Эту гигантскую энциклопедию. Некоторые современные ученые говорят: «Книга исцеления» не оригинальный труд, комментарии к Аристотелю.

Вот картина Рембрандта «Ночной дозор». Сколько в фигур, лиц, улыбок, глаз. Какая полифония движений, порывов! Какой разворот рук! И тайна — девочка из золотых искорок с лицом измученной женщины и петухом и руках, и гримаса ужаса в глазах. «Мне кажется, тебе надо изменить цвет пояса вот у этого воина, что в середине», — говорит Рембрандту его друг-художник

И слышит ответ Гения: «Тогда мне придется переписать всю картину!»

А теперь представьте, родился человек, которому бог вложил в руку кисть и позволил изменить цвет пояса и прописать заново всю философию цвета этой божественной картины! Это и есть «Книга исцеления» Ибн Сины. Он «прописал» Аристотеля и других древних философов Гением своего ума, И все-таки некоторые буржуазные ученые говорят — «Книга исцеления» не настоящий Ибн Сина. Это как бы лицо с завесой. Настоящее его лицо — философия, начавшаяся в мистических хамаданских трактатах о Путешествии.

О, рука, закованная в цепь, что лихорадочно кидала на чистый лист бумаги, перечеркнутый тенью решетки, непостижимые, глубоко зашифрованные образы-символы, исполненные неизъяснимой искренности и красоты… Три маленьких трактата. Три жемчужины великого откровения. -

Потом, незадолго до смерти, в Исфахане, — Ибн Сина Напишет такие книги, как «Восточная мудрость», «Логика восточных», «Книга справедливости» — 20 томов, и книгу «Указания и наставления». Они потрясут не только Восток, но и Европу. Последние загадочные, до сих пор необъяснимые труды… По одной только книге «Указания и наставления» и сейчас не утихают споры. Любимая книга средневековой Европы… И в XX века по ней изучают метафизику на Востоке.

— Вот здесь Ибн Сина настоящий!. — говорят некоторые зарубежные авторы. Не комментатор Аристотеля, каким он был всю жизнь, а истинно восточный философ: суфий, мистик. И в доказательство приводят знаменитые три последние главы книги «Указания и наставления» — взрыв завязей тех хамаданских трактатов.

Книга состоит из двух частей: Логики и Метафизики.

В Метафизике условно можно выделить три раздела: физика, метафизика и… СУФИЗМ (или МИСТИКА) — полная неожиданность для Ибн Сины, потому что никогда ранее, ни в одном из своих прежних трудов он не рассматривал этого явления. Причем, поставил суфизм после метафизики, изучающей самые общие законы бытия, в том числе — бытие бога, чем подчеркнул рассмотренную нами выше гуманистическую позицию, ибо суфизм, давший учение о ЕДИНСТВЕ бога и человека, поставлен Ибн Синой рядом с учением о бытии бога, даже выше, — на восходящей линии: физика, метафизика, суфизм.

«Но как рассматривает Ибн Сина суфизм? До него была только одна точка зрения на это явление — богословская, когда ревизировали, в какой степени суфизм соответствует или не соответствует ортодоксальному исламу?

Ибн Сина же рассмотрел суфизм с… ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ позиций!!! Такого еще никто ни до него, ни после него не делал.

Есть второе чудо в этой книге: естественно-научное объяснение таинств. Ведь суфизм не отделим от экстаза — феноменального психофизического состояния человека, как не отделим от других феноменальных способностей: суфии лечат словом и прикосновением, находят воду под землей, передвигают взглядом предметы или удерживают их в воздухе (вспомните пиалу Абу Саида), внушают людям те или иные поступки, знают внезапные

видения Истины, откровения (но сне и наяву). А их многодневные голодные посты (!), от которых обычные люди гибнут, суфии же даже не теряют сил…

Все это объяснено Ибн Синой с точки зрения науки.

В главе «О степенях мистиков» Ибн Сина говорит: «Человек, отказывающийся от наслаждений и благ этого мира, — «аскет» (то есть суфий). Усердствующий в молитвах, посте — «служитель». Человек же, окунающийся в размышления о священности божественной силы и постепенно стремящийся к озарению светом истины сокровенного таинства, — «мистик» («ариф») — термин введен Ибн Синой. Таким образом, суфий Ибн Сины — а риф мало похож на классического суфия. Почему?

Мне кажется, Ибн Сина, рассматривающий каждое явление философски, то есть в движении, дал здесь образ суфия не таким, каким он уже сложился, а таким — каким он будет в ходе непрерывного своего развития. Ибн Сина как бы предугадал то резкое качественное изменение суфизма, которое оформится лет через триста после него и найдет идеальное, выражение в поэзии гениального философа-суфия Руми[203].

Рассказывая о степенях мистиков, Ибн Сина фактически дает ступени движения к новому этому качеству: первое Ц надо приучить себя к правде но всем но имя достижения дружбы с Истиной. Тогда она, как только ариф задумается над какой-либо проблемой, даст ему свой свет. Это этап вступления арифа «на путь божественной святости».

Второе — ариф должен быть совершенно бескорыстным в своей дружбе с Истиной, стремись к полному слиянию с Ней. Но дружба с Истиной не облегчит его путь в мире. Наоборот, но имя проверки этой дружбы арнфу то и дело будут выпадать тяжкие испытания, зато никто, кроме него, претерпевшего эти испытания, не испытывает столь глубокой радости от продвижения к Истине, ибо он все больше и больше будет подпадать под Ее «благословенное причастие».

Что же происходит с психофизическим состоянием арифа на его пути к Истине?

Одержимость + духовная чистота заостряют его сосредоточенность, рождают умиротворенность души, так как ариф больше не участвует в грязных делах мира. Это ведет его к трем ценностям:

1. Приручает устранять все то, «что стало правилом, но не является Истиной», — то есть освобождает от инерции мышления и чувств, Ариф становится весь — искренность.

2. Сила мышления и воображения арифа ВСЕЦЕЛО

Подчиняются высоким, чистым мыслям. Цветок больше не смотрит на землю, он весь повернут к солнцу.

3. И в конце концов ариф достигает высокой степени изящности мысли и чистоты любви, с помощью которых и выражает то, что познал, пройдя «море мук».

В результате всего этого покой души становится постоянным. Редкие минуты озарения превращаются в лучезарную звезду, всегда стоящую над арифом, где бы он ни был. Тело и земная жизнь арифа превращаются в силки на ногах (помните птиц?). Ариф может стоять на месте (телом), а душой летать, то есть одновременно находиться в двух разных местах (помните сказку о Стране счастья?). Пифагор — житель этой страны поражал людей, по словам Геродота, одновременным присутствием в разных местах, А Сократ, сутки простаивавший в размышлениях среди толпы? Чувствовал ли он свое тело? Находился ли он весь в одном месте? Вот как объяснил Ибн Сина тайну суфиев — одновременного присутствия в разных местах. Это ни что иное, как… полет сосредоточенности.

«Мысленно возносясь из мира лжи и насилия в мир Истины и укрепившись там, — говорит Ибн Сина, — ариф приобретает великую способность — при одном только взгляде на вещь или какое-либо явление видеть Мгновенно их истинную суть, будто стал он «зеркалом, установленным напротив Истины». В эти МГНОВЕНИЯ Истина и ариф СЛИВАЮТСЯ, полностью же отрешившись от себя, ариф полностью сольется с Истиной, но это возможно только тогда, когда душа полностью очистятся, разовьется я за ней придет ангел Смерти. Все то, что ариф сделал но имя Истины, поднимаясь к Ней от одной вершины к другой, сольется с бессмертным гением человечества, огромным его духовным богатством, накопленным всеми предыдущими поколениями. И разве красота его не ослепляет? Разве не об этой Красоте — как конечной цели Путешествия, говорил Ибн Сина в первом своем хамаданском трактате «Хайй ибн Якзан»?.. «Когда кто-нибудь из тех, кто обступает ковер этой Красоты, вознамерится лицезреть Ее, — опустит изумленный взор долу, и взор тот вернется с унижением…»

А. Эйнштейн, умирая, сказал: «Я так мало узнал.,»

И. Ньютон, умирая, сказал: «Я — словно мальчик, который нашел на берегу Океана один маленький белый камушек — Истину и возрадовался… А сколько таких камушков на бесконечном берегу Океана, на бесконечном его дне?..»

Поначалу, читая хамаданские трактаты или главу книги «Указания и наставления», посвященную степеням мистиков, невольно воспринимаешь их как глубоко чуждые нам, отчасти даже религиозные… Но если перевести средневековый язык Ибн Сины на современный, то есть снять покров его времени — мантию мистицизма (прогрессивного для тех условий), то обнаружится, что все эти работы — гимн бессмертию человеческой мысли, слиянию духовной работы каждого с духовным богатством всего человечества, символ которой — Красота в «Хаййе ибн Якзане», великий царь — в «Птицах». Кто выдержит ослепительный свет этой Красоты? Лучшие из лучших опускают перед Нею глаза…

Вот как стал писать Ибн Сина!.

Некоторые ученые говорят: в хамаданских мистических трактатах представлена все та же философия Ибн Сины. как последователя Аристотеля, только изложена она не прежним аподиктическим (доказательным) способом рассуждений, предназначенным для философов, а поэтическим, образным, с использованием суфийской терминологии — для народа. Но если символика Ибн Сины так сложна, что даже ученые на протяжении вот уже десяти веков ломают голову над ее расшифровкой (причем зная философию Сины и по аналогии подводя под эти символы те иные его философские понятия: журчащий ручеек, — например, — логика, беззвездное небо — сфера 1-го Разума, искорки света — первые элементы материи) — и то полу— чают разные трактовки символов, яростно спорят между собой, то как же народу в этой символике разобраться?! И потом, обращение к читателям в трактате «Птицы» — «Братья по Истине, которые интуитивно созерцают истину…», — разве это обращение к народу?

Вспомним, что главное но всех этих трактатах? Единение человека с богом (то есть с Истиной), За подобные мысли Халладж в 922 году был четырежды убит (за 58 лет до рождения Ибн Сины), Суфий Шибли сказал в XI веке (время жизни Ибн Сины): Между мной и Халладжем нет разницы! Однако меня сочли за сумасшедшего, и я спасся. Халладжа погубила его незамаскированность…

«Умные среди сумасшедших» — стало знаменем суфизма. Многие рукописи свои они утопили в реках, закопали в землю. Осталась только поэзия… Зашифрованная суфийская поэзия.

Разве не так написаны хамаданские трактаты? Подтверждает это наше предположение и последняя страница книги «Указания и наставления», написанная за один год до смерти 56-летним Ибн Синой: «КОНЕЦ и ЗАВЕЩАНИЕ» (вот какое предчувствие!).:

О, брат! Воистину я взбил для тебя в этих «Указаниях» сливки истины и вложил в твои уста яства мудрости в изысканнейших выражениях. Оберегай книгу от людей невежественных, пошлых И тех, кто не наделен пламенным разумом, не обладает опытом И навыками в философии тех, кто склонен к шумливости, юродствующих, лжефилософов и остального сброда.

А если увидишь кого в чистоте помыслов, добродетельности, способности к воздержанию от окружающих соблазнов, искренним и правдивым в обращении своем в истине, то дай ему Постепенно И По частям все, что он попросит. При этом будь внимателен ко всему, чему ты его станешь учить.

Заклинай его аллахом и верой не нарушить данный обет и вести себя в будущем с другими так, как ты вед себя с ним. Но если ты опорочишь эту науку и погубишь ее, — знай, бог — высший судья, будет между нами, между тобой и мной

А когда Ибн Сине действительно надо было передать НАРОДУ свои знания, он делал это просто, стихами, без символов. В четырех строках, например, изложил свою философскую теорию посмертного «слияния» разумной человеческой души с Первой истиной» (Деятельным разумом):

> Каждый образ в каждый исчезнувший след
> В усыпальницу Времени лягут на тысячи лет,
> И на круги свои ваши годы когда возвратятся,
> Сохраненное бережно явит всевышний на свет. [204]

И так же просто изложил для народа «Канон» стихотворными поэмами.

Последние философские работы Ибн Сины, конечно, еще не решенный вопрос. Такое впечатление, будто вырвался наружу мощный огонь, всю жизнь скрываемый в душе.

Буря спорое, вызванная книгой «Указания и наставления» еще в XI веке, продолжается до сих пор. Усугубляется проблема и тем, что книга Ибн Сины «Восточная философия», написанная после хамаданских трактатов, погибла в числе личных его книг при налете на Исфахан Масуда, сына Махмуда. Погибла и 20-томная «Книга справедливости», в которой как раз и показал Ибн Сина свое истинное лицо, как считали мусульманские философы, близкие ко времени его жизни. Сохранился отрывок письма Ибн Сины к одному ученому, где есть такие слова: «Я написал книгу под названием «Инсаф» (Справедливость). В этой книге я разделил ученых на две группы: восточных и западных. Эти восточные и западные спорят между собой. В каждом споре я обнаруживаю их противоречия, после чего указываю на справедливый путь решения данного вопроса. Эта книга содержит приблизительно 28 тысяч проблем».

«Но в тот день, когда султан Масуд вступил в Исфахан, — пишет Джузджани, — его воины разграбили дон шейха, где находилась эта книга, и не осталось от нее следа». Средневековые историки Байхаки и Ибн-ал-Асир проследили судьбу книги. Рок выстрелил в нее дважды— Первый раз, когда разгромил дом Ибн Сины Масуд. Второй — через сто лет с лишним, в 1151 году, когда гурид Хусайн Джахансуз налетел на Газну и сжег ее. Сгорели книги Ибн Сины… То, что осталось от «Книги справедливости», от всех ее 20 томов, собрал и издал в 1947 году египетский ученый Абдуррахман Бадави.

Кто же такие западные философы и восточные? Современные версии:

1. Восточные — сам Ибн Сина и философы Средней Азии и Хорасана — нового культурного центра, использующие и древние философские традиции своего народа.

Западные — философы Багдада (столицы халифата) — старого культурного центра.

2. Суфийская трактовка: Запад — это мир тела, материи. Восток — мир духа, духовности. Тогда «Восточная философия» может быть переведена и как «Философия озарения», а Ибн Сина в таком случае является последователем суфизма. Советские ученые придерживаются первой версии.

Восстанавливать погибшие в Исфахане в 1032 Году книги: 20-томную «Книгу справедливости», «Восточную философию» и другие у Ибн Сины уже не было сил. Это случилось за пять лет до смерти… За год до смерти он надпишет «Указания и наставления», как тайную свою книгу, которой очень гордился и которой очень дорожил.

Китайцы сказали бы: Ибн Сина — Дракон, то есть сама Непостижимость. Убить Дракона нельзя. От горя он расцветает.

Тадж аль-мульк совсем сбился с ног, разыскивая Ибн Сину по всему Хамадану. И наконец, ищейки разнюхали Ибн Сина прячется в доме известного всем алида. В таком доме брать Абу Али нельзя. Стали ждать, когда он сам по каким-либо делам выйдет Из дома.

И все же ищейки упустили Ибн Сину. Переодевшись суфиями, он, его брат и Джузджани ушли из Хамадана и направились в Исфахан, По дороге в этот новый город Ибн Сина писал трактат «О судьбе», начатый еще в тюрьме.

А Фирдоуси в это время перпендикулярно пересекал путь Ибн Сины, пробираясь из Багдада на родину, в Туе. Их пути встретились в Боруджерде. Фирдоуси 87 лет. Махмуд просил несколько раз халифа отдать ему старого поэта, но халиф отказал. Фирдоуси решил не искушать судьбу. И вот он спешит на родину, домой, к могиле сына. Только бы не умереть в пути!

Из Боруджерда дороги Ибн Сины и Фирдоуси идут вместе на юго-восток в Исфахан. Б Исфахане Ахмад ибн Мухаммад, владелец ханаки Хан-Леджана, как хранит в своих преданиях народ, прячет Фирдоуси у Себя, пока старик Не наберется сил, И вот снова он На дороге, спешит обогнать свою смерть, А Беруни в это время пересекает с Махмудом Гиндукуш но Хайберскому проходу и выходит к Инду. Сердце его сжимается от радости, что видит он Индию, страну, о которой давно задумал написать книгу.

Исфахан, Что-то ждет его здесь, Ибн Сину?!

У ворот встречают друзья, почитатели и Масуми, выехавший сюда раньше, чтобы купить и устроить учителю дом.

Эмир Ала ад-давля прислал приближенных с подарками и верховыми лошадьми.

«Вот я и пришел к смерти, — думает Ибн Сина, — К естественной смерти, ибо смотрю на людей, как деревья на них смотрят. Или горы… Не участвую в милых человеческих заботах, в их радости, любви.

И теперь вам меня не убить: для живых я — мертвый. Для Истины же — живой».

Так же могли сказать о себе в эту минуту Фирдоуси и Беруни…

XIV «Душа человека слаба, но по некоторым действиям похожа на Мировую душу»[205]

Эмир Алим-хан чуть кивнул головой, властно смазывая вытаращенные на него удивленные глаза слуги-старика, а затем и его самого, выскочившего мышью но двор, и лег на теплое его место рядом с сыном. В нос уда-рил незнакомый запах яблоневой коры. Замерев, эмир стал жадно впитывать в себя неожиданно открывшуюся ему красоту: черные стрелочки ресниц, чуть подрагивают Я голубые тени у глаз, прядь смоляных волос, кольцом упавшую на бледный мрамор щеки. И вдруг задохнулся от любви к сыну, от чувства вины перед ним, от страшной мысли: разве может человек управлять народом если не знает, как пахнет его сын?! И заплакал, зажав рот рукою, унизанной перстнями, И весенние луга вошли в измученную душу… Он снял кольца с руки, погладил сына, «Возьму его, уйду высоко в горы и буду там жить пастухом. Разве это не счастье?»

Мальчик проснулся. Увидев эмира, шарахнулся к стене

— Сынок… — прошептал Алим-хан, — Я… я… Помоги мне, Я пришел посоветоваться с тобой.

Мальчик затравленно сторожил малейшее движение эмира, — Вот… Посмотри! — эмир разложил на ковре кольца в одну линию, — Это Турецкий вал. За ним — Врангель, А вот тут — Фрунзе укрепился несколько дней назад на левом берегу Днепра. Взял Каховку. Это здесь. Создал плацдарм, И усиленно наращивает его. Значит, готовит наступление, А мы вот тут. Видишь, как далеко. Пойдет ли он сейчас на нас, как ты думаешь? Или сначала Врангеля будет бить?

Мальчик молчал.

— Я три дня уже хожу — думаю… Англичанин этот и русские смеются. Говорят: надо быть дураком, чтобы броситься от Каховки на Бухару…

— Я бы бросился! — вдруг сказал со взрослой ненавистью мальчик и так посмотрел на эмира, что эмир молча встал и ушел.

Сегодня утром на всенародной молитве в мечети Калин Гийас-махдум, самый ученый богослов Бухары, обладающий степенью а'лам, дал фетву — одобрение на смертный приговор крестьянину Али.

Народ разошелся.

Бурханиддин-махдум ехал задумчиво на коне по главной улице Бухары и вспомнил, как мальчишкой привел в дом нищего старика, стал кормить его халвой, изюмом, конфетами, печеньем, А отец пришел и выгнал старика, Бурханиддина же сильно избил. «Пожалуй, минуты со стариком и были единственными светлыми минутами в моей жизни…» — подумал судья и горько улыбнулся.

Гийаса-махдума, оказывается, вытащили из глубокого потайного подвала, куда он залез и месяц назад и никак не хотел вылезать. Обросший, перемазанный землей и сажей, он спросил:

— Что? Уже?!

— О чем вы, уважаемый?

— Пришли?

Кто?

— Большевики, «Неужели Гийяс-махдуй я вправду святой?! Еще когда прозрел то, о чем сейчас все думают: кто со страхом, кто с надеждой. И, произнося фетву, он засмеялся и сказал: «А теперь очередь за нами…»

Бурханиддин круто развернул коня и направился в Арк, Али удивленно встал, увидев перед собой главного судью.

— Не входите, — сказал он. — Клещи., О приговоре я знаю.

Бурханиддин смотрел в лицо Али, не в силах отнести глаз. Ему показалось, это не крестьянин, а Ибн Сина стоит — такой свет был в лице Али, и этот свет пружинил, не давал и шага ступить навстречу ему. Бурханиддин сел там, где стоял, на солому.

— А капля, — начал он говорить, — разве может она стать Океаном? Разве может человек считать себя богом? — г Я тоже об этом думал.

Ну и?..

Капля и Океан — они… как бы это сказать… не равны, конечно. Но все же это одно и то же.

— Как?

— Ну, капля — вода. И Океан — вода.

Ты хочешь сказать: у бога и человека одна природа?

— Не знаю я этого. Но человек — это… блудный сын, что ли, бог& Вернуться он должен. Вырасти до Отца

— А наш век, что это такое? — спросил крестьянина судья.

— Похороны бога. Самоубийство человека.

— Не понял.

— **Души мало.** Вещей много. Вы могущественнее стали — пушки теперь у вас, телеграф, дружба с англичанами железная дорога, — но счастья вам от этого не прибавилось.

— А ты… счастлив?

— Крестьянин есть крестьянин,

— То есть?

— Мы переживаем всегда одно и то же. Века, как тучи проходят над нами, не касаясь нас.

— Что же вы переживаете?

— А что и вся природа — взойдет жизнь или нет

— А я?

— А вы думаете: «Как бы занять место Гийаса-махдума»…

Бурханиддин долго разглядывал свои руки, и вдруг его пронзила мысль: пророка убиваю… Бриллиант, что упал с неба, запотел, а я не узнал его, принял за простой камень. Сотрет смерть пот, — эту земную жизнь, и слова бриллиант станет бриллиантом…

Бурханиддин встал, снял с себя расшитый золотом халат, надел На Али, повязал его голову своей роскошной чалмой:

— Бегите, мой друг, — неожиданно сказал он с теплотой И искренностью.

Али улыбнулся, покачал головой.

Бурханиддин-махдум покраснел и вышел.

К вечеру Али перевели в маленькую каморку Наверху входной башни, где обычно сидел сторожевой. «Пусть перед смертью хоть на Бухару посмотрит», — подумал Бурханиддин, отдавая этот приказ.

Али всю ночь простоял у щели-окошка, глядя на звезды, а утром увидел маленький черный кокон, стремительно двигавшийся к нему сквозь солнечный ад. В коконе задыхалась человеческая жизнь, но шаг был легок. Али Узнал!

Мать…

Она принесла самсу, каймак, жареное мясо, халву, прекрасную тонкую пшеничную лепешку из самой лучшей на свете муки, — и… свои руки. Али не отрывал от них глаз. Руки остановились и сильно сжали его голову.

— Перед смертью, когда выведут тебя, посмотри на меня, сынок, — тихо сказала мать. — Ты забудешь, я знаю… Но я открою лицо. Сниму паранджу.

— Вас растерзают, мама.

— Ты только посмотри, В последний раз…

Ал И поцеловал матери руку.

Когда она ушла, он открыл «Книгу исцеления» (души) Ибн Сины, третий ее том. Читать не мог, просто сидел и смотрел на слова и строчки… Ибн Сина же их написал!

— Все! — сказал Беруни, входя пьяным и Махмуду. — Ибн Сина в недосягаемости человеческих рук!

— Умер?

— Это мы все умерли. Вот! — и вынул из-за пазухи один из томов «Книги исцеления». — Ибн Сина — сын вечности.

— Можешь ты ему письмо написать? — вкрадчиво спросил Махмуд, — И тебе было бы не так одиноко. Думаешь, я не читаю твоих трактатов? В одном ты написал «я сетую на то, что потерял людское уважение к себе, надеюсь возобновить его в Газне». Это ты о чем?

— О том, что не убежал от тебя вместе с Ибн Синой. Многие ученые изменили ко мне отношение с тех пор. Внешне нет, но… И Масихи, наверное, поэтому оставил меня — ведь я согласился ехать к тебе. Нет. Не поэтому! Я понимаю. Но иногда мне кажется — поэтому.

— «Я был страшно одинок в мое время», — написал ты в другом трактате. — На глаза Махмуда навернулись слезы. — Ведь это ты и обо мне написал. Отправь Ибн Сине письмо. Он в Исфахане. Позови его своей дружбой. Я озолочу вас!

В северной Индии к VII веку сложился новый народ — раджпуты: коренное население, смешанное с пришлыми европеоидными — саками, юечжами и эфталитами. Раджпуты сокрушили деспотию Гупта, создали целую систему княжеств — взрывные точки энергии. В

бой о Махмудом кидались, как львы, но по одному. «Лучше погибнуть от Махмуда, говорили они, чем объединиться о соседом!»[206].

К ночи добрались до Мультана. Семнадцатый раз входит Махмуд в Индию.

— Заслоните от меня город завесой огня, — сказал он воинам, — заглушите стоны криками, чтобы не травили они мое жалостливое сердце! — и пошел в шатер с Айазом.

Три дня горел город. Солдаты были довольны. Награбили с излишков пришлось даже закапывать сокровища в горах.

Али видит это. Он столько узнал от Муса-ходжи о всех участниках великой ибнсиновское драмы, что задумается только — И прозревает всех изнутри. Это больно: ведь открывается мука чужой души, а в своей и так полно боли…

Махмуд спал, повесив в середине шатра меч, вдруг в ужасе вскочил ему приснилось, что с кончика меча капает кровь, и он тонет в этой крови.

Вышел из палатки. Подошел К реке.

Туман. Всхрапывают где-то лошади. Махмуд вошел в туман, в теплую воду, прямо в сапогах, наклонился, чтобы напиться… и вдруг чей-то шепот возник у него за спиной. Нет» не за спиной, — впереди. И сбоку. Со всех сторон — шепот. Весь туман — шепот и шорох!

«Что я, с ума, что ли, схожу?» — подумал Махмуд и наклонился к воде. Усилился шепот. В ужасе Махмуд отступил и упал в воду.

— Где берег? Господи! Берег где? — закричал он, судорожно плывя вперед. Но берега не обнаружил. Поплыл назад. Тоже нот берега, В сторону!

Вода… вода… Кругом вода. И туман.

Нет, это не туман. Это призраки. И они движутся на Махмуда, и слышится ему со всех сторон:

— Не меч твой убил нас. Это бы мы простили тебе. Не сабля твоя… Убило презрение твое! Не захотел ты увидеть в пас друзей. Не захотел увидеть врага, достойного сразиться с тобой. Перебил, как скот. Не будет тебе прощения ни от пас, пи от потомков наших. А когда умрешь, не примет тебя земля, Спас тонущего Махмуда старик индус, который от Махмуда же и убегал, плывя на лодке по середине реки. На берегу, когда узнал, кого спас, тихо ушел за холм и там перерезал себе горло.

… Али встал, чтобы стряхнуть с себя Махмуда. Но нет, Махмуд не уходит. Вот он пьет, не выходя из шатра… Сидит, как старый лысый гриф, один и молчит.

На четвертый день повязал голову черной чалмой, велел построить войско.

— Указ, — слышит Али из далекого тысячелетия его слова:

Отныне, я, султан Ямин ад-давля ва-Амин ал-Милла Абу л-Касих Махмуд ибн Сабук-тегин аль-Музаффар аль-Мугалиб — раб, сын раба, считаю всех, кош убил, своими братьями и сестрами, в потому приказываю совершить по ним обряд успокоения, какой я совершил по родному отцу. Во имя их с сегодняшнего дня надеваю черную чалму — знак великого смирения, Омин, И встал на колени.

Привет тебе, Шагающий широко, — и не совершал неправоты.

Привет тебе, Охваченный огнем, — я не разбойничал.
Привет тебе, Кто весь — обаяние, — я не насильничал…
Привет тебе, Съедающий все тени, — и не крал.
Привет тебе, С лицом могильника, — я не убивал.
Привет тебе, Кто есть Вчера — Сегодня, — я не отмеривал.
Привет тебе, Чей взгляд — огонь, — я не обманывал…

Отчет египтянина богу Осирису после смерти…

— Что это? — спросил Махмуд, показывая на песок, где Беруни чертил прутиком.

— По-древнеегипетски — я пришел плакать, — ответил Беруни, … Али знает, Беруни трудно живется у Махмуда. Старый философ много пьет. К тому же он начал глохнуть. Но, будучи по-прежнему «безразличным к материальным благам и пренебрегая обыденными делами, — как рассказывает о нем Шахразури, — всецело отдается приобретению знаний… Его рука никогда не расстается с пером», а сердце с размышлениями. «Только в течение двух дней в году — в день Нового года и праздника Михргана — он делал запасы одежды и пищи. С лица своего сбрасывал завесы житейских трудностей, и локти держал свободными от стесняющих рукавов», чтобы ничто не мешало писать и читать.

Беруни заканчивает «Индию». Неожиданно исповедуется среди цифр и чертежей: «Настоящее время не благоприятствует науке. Прогресс невозможен. Исполнены наши современники невежества… воспылали враждой к обладателям достоинств, преследуют каждого, кто отмечен печатью пауки, причиняя ему обиду и зло. Повсюду можно увидеть протянутую их руку, которая не брезгует подлостью. Не удерживают их ни стыд, ни чувство достоинства… Они клеймят науки клеймом ереси, чтобы открыть перед собой врата для уничтожения ученых и скрыть под гибелью их свою низкую суть».

«Я был совершенно одинок в свое время».

Беруни расспрашивает купцов, гонцов, паломников: не слышали ли они что-нибудь об Ибн Сине? Если кто и решался о нем говорить, то говорили злобное и ненавистное, как о безбожнике и нечистой силе.

Молчание Будды — молчание раненого, который но позволяет вынуть стрелу из сердца, вспомнил Али слова

Муса-ходжи, Беруни молчал. Жил один и молчал и разговаривал лишь с редкими своими учениками, друзьями и чашей вина.

Махмуд решил сам идти и Ибн Сине. Али знает, когда это было. В 1025 году. Оставив Индию, неожиданно Переправился через Джейхун но мосту из связанных цепями судов, встретился с войсками караханида Кадыр-хана недалеко от Самарканда, обмелялся с ним подарками, улыбками, заверениями в дружбе, а как дело дошло до действий, не стал отвоевывать Бухару у Арслана Глухого в пользу сына Кадыр-хана, как обещал, а пошел на туркмен, захватив хитростью в плен Арслана — дядю Тогрула и Чагры. Туркмен почти всех истребил. Четырем же тысячам оставшихся в живых разрешил поселиться в Каракумах. Правда, Арслан Джазиб — любимый его полководец, наместник Туса, сказал: «Если уж и

даешь им землю, то предварительно хоть отруби у них большой палец правой руки, чтобы не могли стрелять из лука».

Кадыр-хан обиделся на Махмуда — не понял простой истины: интересы государства выше дружбы. Отвоюй Махмуд для сына Кадыр-хана Бухару, Кадыр-хан стал бы единовластным правителем Мавераннахра. А зачем Махмуду иметь на севере сильного врага? Постоянно ссорясь между собой, караханиды ослабляют друг друга и не представляют опасности. Туркмены же… «О, этот народ много еще принесет мне бед, — чувствует Махмуд, — не мне, так наследникам, потому что у туркмен нет ничего: ни земли, ни государства, и отчаяние их обвенчано со смертью».

Покончив с делами на севере, Махмуд оставил около Рея войска и приказал им ничего не делать, только беспутничать. Мадж ад-давля, сын умершей уже Сайиды, посылает Махмуду жалобу на его войско. Вот этого то Махмуд и ждал! Пошел на Рей. Мадж ад-давля вышел встречать его с подарками. Махмуд же заковал незадачливого эмира в цепь. Едет рядом! В говорит:

— Играл ли ты когда-нибудь в шахматы?

— Да.

— Случалось ли тебе видеть на одной стороне доски двух королей?

— Нет.

— Как же тебе могло прийти в голову отдать себя в руки того, кто сильнее тебя?), И, склонившись к его беспутной голове, спросил:

А Ибн Сипа в каком доме жил?

— Вот в этом.

Махмуд спешился.

В доме жила семья чиновника финансового дивана. Все упали ниц, Махмуд велел устроить в этом доме ночлег, … Мысли страшным обручем сжимают голову Али. «Наверное, жизнь моя кончилась, — грустно думает он, — как кончается жизнь курицы, которой отрезали голову, по голова ее все еще бьется о камни. Так бьюсь и я о последние мысли тех, с кем еще связана судьба Хусейна.

… Махмуд, читая хамаданские трактаты Ибн Сины, как-то сказал: птицы — это учёные. Клетка — моя держава. Птица, которая вырвалась из плена, — Ибн Сина. Восемь вершин — восемь городов, что приютили его. Царь — Халиф. Выше Халифа ему некуда идти. Силки на ногах — мои преследования. Освободит Ибн Сину от них лишь Смерть.

— Чья? Твоя? — спросил пьяный Насир Хусров, наливая Махмуду в кубок вино. И засмеялся.

… — Оценка каждому будет дана на пороге смерти, — сказал Махмуду Али из глубины своего сострадания. — Только здесь вы поймете, что истиной жизни у вас было несколько мгновений. Может, и в минуту они не соберутся. Это не те дни, месяцы и годы, когда вы воевали, кутили и казнили, а те несколько мгновений, когда, сойдя с коня, перевели через дорогу, запруженную вашими войсками, испуганного старика, или те несколько часов, что бродили по весен пей степи и ила кал и слезами роста души, или минута, когда, посадив на одно колено своего маленького сына, на другое — маленького раба, равно играли с ними,

рассказывая сказку, а заревели оба, вытирали им щеки заскорузлыми пальцами. В эти минуты вы истинно в жили. На эти минуты ушли 00 лет вашего существовании на земле.

… Когда солдаты устали грабить Рей, Махмуд ваял лист бумаги и написал халифу в Багдад: «Прошу позволения совершить хадж в Мекку и войском, чтобы по пути заодно очистить от карматов эту свитую дорогу, а на обратном пути разгромить карматское государство Бахрейн».

На самом же деле задумал Махмуд завоевать Багдад. Может, тогда отпустит, даст продохнуть веревка-мысль о проигранной перед лицом Вечности жизни. Но что Вечность! И перед халифом струсил. Получив от него отказ» подчинился. Пошел домой в Газну.

… Как глоток горной воды, только что родившейся у снежных вершин в искрах ослепительного солнца, пришли наконец к измученному Али мысли об Ибн Сине. Вот он едет, опустив поводья коня… Смотрит в спину эмира Исфахана. Сзади движется в тучи пыли огромное войско. Идут войной на Шапурхаст — чего-то таи не довоевал эмир.

Все три тюремные трактата о Путешествии: «Хайй Ибн Якзан», «Птицы», «Саламан и Ибсаль» — это мысли о Неизвестном философе, который обосновал учение об обожествлении человека[207]. Вот он так в пишет: «обожествление человека — есть единение его с богом насколько возможно. Но и бог воплощается в человеке. Невыразимо это никаким словом, непостижимо для разума. Не будучи человеком, как и нечеловеком, бог из людей — высший в человечности, как сверхчеловек, как истинный человек. Вхождение же бога в человека мы мыслим, как тайну», … Хозяин бьет раба… Раб осознал, что по природе своей он ни чем не отличается от хозяина. И устыдился рабства.

… Али опустил глаза перед тем Али, гордость которого так И не расцвела в свободной жизни. Но то, что он осознал в себе себя такого не состоявшегося, поняв, ка кии бы он мог быть, будь хозяином своей судьбы, наполнило его достоинством. Сквозь слезы счастья он увидел далеко впереди себя Ибн Сину, идущего по солнечной дороге. «Ах, Хусайн, Хусайн. Мне не догнать тебя, — подумал Али, — не догнать твою мысль, но я хоть издали налюбуюсь ею. Иди. Я все равно с тобой».

Целую тысячу лет изживало в себе человечество униженность раба. Тысяча лет огромной интеллектуальной работы ессеев в кумранских пещерах! И поняли они: сын человеческий — это Сын Человечески и, то есть человек, соединившийся с богом (Истиной, Правдой, Красотой). Это и есть истинный человек. Таков гуманизм ессеев. Двумя мощными погонами двигалась человеческая мысль: профессиональная философия, пытавшаяся найти ответ на вечные вопросы, народная философия — попытка раба осмыслить опыт восстаний, борьбы духовного поиски.

Как бы близ ко человечество пи подходило к черте, на которой гибель, оно всегда предпримет последнюю попытку спастись духовностью. Посмотрите на лица людей, живших в первом веке новой эры, время расцвета ессеев: фаюмские портреты, скульптура Халчаяна, пещерные росписи первых христиан.

Как устал Дух, но и как он прекрасен!.. «Те, что выживут в мрачные времена, будут жемчугом», — сказал в VIII веке до и, в, пророк Исайя, по губам которого, согласно преданию, бог провел горящим угольком (а люди распилили его деревянной пилой).

Извечный поиск человечеством пути в небо — туда, где все идеально, все не так, как на отяжелевшей от крови, грязи и лжи земле, — трагически обострился в начале новой эры, когда столкнулись и встали друг против друга профессиональная и народная философии (Хозяин и раб) — время кризиса рабовладельческого общества. Идеализм (Платон, убитый вопросами Аристотеля, раздробленный мелкими деградирующими философскими школами)

лежал поверженным ангелом, потерявшим возможность взлететь в небо. Поднял его, дал силу его хрупким крыльям Плотин, объединивший философские школы в единую идеалистическую систему.

Учение об эманации, которое он узнал на Востоке, куда отправился простым солдатом римского императора, Гардиана, помогло Плотину найти выход к Единому, от которого он и опустил вниз постепенно плотнеющие ряды Духа. Материя (плоть) — самый низший, презренный ряд. Прогрессивное учение первых христиан приспосабливалось в это время к государственным нуждам, становилось государственной религией Рима. Хозяин понял: у раба надо отнять его Мысль о несправедливости мира, выстраданную в борьбе. Рим стал незаметно поворачивать народную философию против народа же. У Власти великий опыт стрелять в народ его же оружием под прикрытием улыбок и заверений в любви… Плотин был объявлен первым философом, взят под государственную, императорскую, опеку. Еще бы! Его ряды — не ряды ли это окрепшей после подавления восстаний Власти? Дух (аристократия) — наверху, презренная же материя — народ, рабы, — внизу.

Отныне лихорадочно культивируется идея бога — того Мессии, защитника от несправедливости, образ которого тысячу лет искал народ. И не ждать Мессию призывал идеализм (Бог уже здесь, над нами), а… слушаться его принимать все таким, как оно есть.

А КАКОВА СУЩНОСТЬ Единого? — спросили Плотина. Что истекает от Пего? От солнца — тепло, от Северного сияния — спет. А от Единого?

Плотин растерялся. Тепло, свет — это же материи! Любая сущность — материя. Как может Дух снизойти до того, чтобы заполниться — пусть самой изысканной! — но… материей? Задали вопрос, конечно, сторонники Аристотеля, — эти пятьсот лет преследуемые и презираемые перипатетики. Плотин не снизошел до диспута. Идеализм прошел мимо дерзкого материализма, смеющегося, хотя и придавленного Властью и Религией.

По на одном религиозном учении общество развиваться не могло. Тем более, что выходил уже на арену феодализм (ремесленник вместо раба). А ремесленнику нужна наука (позитивное, естественнонаучное знание). Наука стучалась в дверь. Аристотель стучался. Материализм…

О том, чтобы Власть открыла Аристотелю дверь, не могло быть и речи. Но и жить без Аристотеля уже было нельзя. И встал вопрос: как под прикрытием бога провести идеи Аристотеля?

Первым сделал попытку осуществить это Прокл, родившийся через 140 лет после Плотина.

Что такое сущность Единого? Добро, — ответил Прокл. У Платона в основе мира — идеи. В основе идей — идея Добра. Значит, можно объединить идею Абсолютного Добра с идеей Единого. Идеалисты спокойны. Ведь СУЩНОСТЬ Единого — Добро. Добро — не материя. Но — хочешь, не хочешь, — у Единого появилась… сущность.

«Идеи — причины мира, — осторожно напоминает Прокл слова Аристотеля. — А если основа мира — Добро, значит, систему логических понятий, которую Аристотель применил к причинам, можно применить и к., ступеням Добра? И сказать, что Абсолютное Добро —… Первопричина мира».

Передохнул, оглянулся… Вроде бы все спокойно. Тогда второй удар. Но от одной причины может происходить только одно следствие! (тезис Аристотеля). значит, мир будет проистекать из единого по НЕОБХОДИМОСТИ, как необходимо проистекает от причины следствие, и не потому, что бог по своей воле творит мир. Идеалисты ринулись в бой, но поздно… Общество жаждет знаний. Задыхается без знаний. Прислушивается к тому, кто

изучает природу, а не бога. Без науки ведь не построишь корабль, не разовьешь ремесла, не привезешь из дальних стран сырье, не отвезешь туда товары — искусство своих

Не молитвы, а чертежи нужны, рецепты, формулы, Зыковы взаимодействия природных элементов и… достоинство подтверждение того, что человек может познать и природу и землю, и небо, а также законы их развития (то есть диалектику).

Прокл нашел выход к диалектике через идеализм. Взял триаду Платона, и сказал:

• ***единое*** — это бог в себе, Первопричина мира. Теза.

• ***множественное*** — инобытие бога, мир вещей, человека. Антитеза.

• ***Единое*** — новое бытие бога, воссоединение единого и мира множественности. Синтез тезы и антитезы.

«Все причинное и пребывает и этой Причине, исходит из а нее, И к ней же возвращается». Движущая сила — разница 3 степеней совершенства. Эта мысль — верх диалектики Прокла. Таким образом, он совершил подвиг, введя в философию тезис Аристотеля о том, что от одной причины Может и происходить только одно следствие. Прокл особо подчеркнул его в книге «Элементы теологии», написанной в 402 году. Итак, к небу приближена природа. А человек? Диалектика Прокла не давала человеку лестницу на небо потому, что противоположности у Прокла не снимались, а бесконечно переходили друг в друга: единое — множественное, единое — множественное, единое — множественное… А ведь истинное движение — это движение, которое уничтожает несовершенство! (Не может несовершенный человек подняться к богу!)

И спросил себя Неизвестный философ: А совершенство ЛИ… бог среди совершенных? (Книги свои он никогда при жизни не издавал. Более того, завещал ученикам лет после его смерти не выдавать факт их существования Только уйдя **в** тайну, в забвение, можно было так свободно, так еретически-дерзко мыслить!).

Так совершенство ли бог? Нет, — отвечает Неизвестный философ безмолвным монастырским стенам — единственным свидетелям его размышлений. Бог не совершенство, поэтому что, если он — совершенство, значит, ему обязательно противостоит нечто противоположное — совершенство, как белому — черное добру — зло, теплому — холодное и так далее.

А Высшее но имеет противоречий. Тогда где же бог?

Бог… должен быть над тезон-антитезой. Следовательно, он… — СВЕРХСОВЕРШЕНСТВО, в котором совершенство и несовершенство растворены, сняты, уничтожены повержены ниц. Тогда движение будет совершаться не от бога — как причины, к богу — как к цели, по вечному кругу, а от борьбы противоположностей к их единству В такой новой триаде:

СОВЕРШЕНСТВО — НЕСОВЕРШЕНСТВО — СВЕРХСОВЕРШЕНСТВО круг разорван, движение начинает… ПОДНИМАТЬСЯ…

Вот она — лестница для человека, дерзнувшего подняться и небо. Подвиг Неизвестного философа — в философской обоснованности тезиса об обожествлении человека, единства его с богом (миром Высшей Истины). «Бог — совершенство среди несовершенных, — говорит Неизвестный философ, — как начало СОВЕРШЕНСТВА, и несовершенство среди совершенных — как СВЕРХСОВЕРШЕНСТВО».

Но сказать, что бог — НЕСОВЕРШЕНСТВО среди совершенств!!! Ни один философ в мире не решился на такое. Даже Прокл, близко подошедший к этому, — смелый, дерзкий Прокл, не «отважился применить негацию к понятию бога», — скажет через 14 веков Гегель.

Вот так вошел в мир, в жизнь Аристотель, прикрывшись христианской терминологией. И чем больше он усиливался, тем более выхолащивалась идея бога. Богу стали даже давать определения… реальной человеческой жизни: бог — Правда, Красота, Истина. Бог — идеальный человек. Так же дерзко поступили философы и в отношении теории эманации — платоновская оканчивалась на материи, от которой презрительно отворачивались. А эманация Неизвестного философа была доведена до… ЧЕЛОВЕКА! Более того, для человека он открыл и обратный ее ход вверх, к богу, — то есть открыл ИЕРАРХИЮ СТУПЕНЕЙ.

«Единство, — рассуждал Неизвестный философ, — В ступенях Добра. Значит, каждая ступень — причина по отношению к тому, что под ней. ИЕРАРХИЯ их распределение Добра по принципу подобия от высших к низшим, а при восхождении-отрицание пройденной ступени отрицание добра как переход к более совершенному добру. И так двигаться вверх, все время вверху к Истине.

Неизвестный философ, развивая диалектику бытия Прокла, представил в идеалистической форме развитие бытия по принципам отрицания отрицания и единства противоположностей, «Пантеистическое учение о единстве человека я бога, — пишет М. Хайруллаев, — разнилось, идя по трудному и тернистому пути, сыграло громадную историческую роль в условиях средневековья, господства христианства — на Западе, ислама — на Востоке, Превратилось, таким образом, в средство развития научных идей и и свободомыслия»[208].

Глубокое и пытливое познание мира, природы, неба и в земли, а также созидание на основе материалистической (в рамках Аристотеля) философии и науки, сопрягалось с великим трудом души, с самосовершенствованием. Познать то, что НАД человеком, значит подняться на одну ступень совершенства. Но тогда получается, что при восхождении кто-то руководит человеком! Кто-то, кто лучше, выше, достойнее…

Хайй Ибн Якзан пришел руководить Ибн Синой, помочь ему пройти всю лестницу восхождения. К Данте пришел Вергилий…

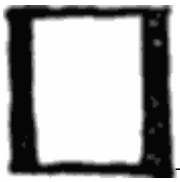
Бог «проливает свет (свое добро) на все, могущее быть совершенным, — говорит Неизвестный философ. — И если что-либо не участвует в нем, то не по причине слабости или ограниченного изливания на пего этого света, а вследствие его неспособности воспринимать свет».

О, сколько еще в мире людей, потерявших веру в себя! Махмуд воспринимает свет, отсюда его тоска. Значит, и в Махмуде есть частица бога! Вот какой философской верой в человека обладал Неизвестный философ!

И все-таки… трудно держится эта вера в мире.

Вся паша жизнь, вся философия человечества — борьба. Каждый миг, каждый шаг этой борьбы — борьба не за ту или иную идею: черную или белую, а за вечное одно — за ЧЕЛОВЕКА. И какие великие головы отчаивались в этой борьбе. Беруни с детства и до глубокой старости видел повсюду войны, великое уничтожение людей и мучительно думал: отчего это зло? Почему? «Природа поступает без разбора, — сказал он однажды сам себе, — действия ее стихийны. Она может дать погибнуть листьям, плодам деревьев и, нарушая таким образом их нормальное развитие, позволяет им погибнуть. То же распространяется и на землю»[209]. И в обществе людей, — с горечью добавляет он, — есть силы стихийного самоистребления, нарушающие его нормальное развитие.

А вот другой страшный документ: «Тигр не убивает леопарда, потому что невозможно трогать своих сородичей, — говорит кореец Пак Чивон. — Да и косулей, оленей, лошадей тигры не убивают так много, как люди. В прошлом году в провинциях Шаньси и Ганьсу[210] во время сильных засух люди убили и съели десятки тысяч себе подобных, А несколько лет назад в провинции Шаньдун во время наводнения тоже было съедено несколько десятков тысяч людей. Но если уж говорить о том, что люди убивают друг друга, то можно разве что-нибудь сравнить с эпохой «Весны и Осени», когда люди вели 17 войн за правду и 30 — для отмщения врагу».

 — ограда зло, — рисует Беруни китайский иероглиф.

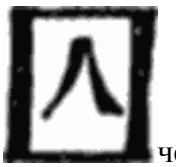
— человек.

— «Я» по-китайски.

Ахеменидский царь Дарий написал на Бехистунской скале: «Восстали мидяне. Их вождю… я отрезал нос, уши и язык, и выколол глаза, и повесил. Посадил на кол в Эктабапах[211] восставших». А когда осадил он Вавилон, вавилоняне стали убивать женщин и детей — лишние рты, но Дарий перекрыл реку Тигр и смыл, открыв плотины, оставшихся в живых, а три тысячи самых отважных, снятых со стен, посадил на кол.

Моавский царь в VII веке до н. э. ради сохранения независимости своего маленького, с кулачок, государства сжег на верху крепостной степы на глазах врага своего только что родившегося первенца, вымаливая таким образом у бога победу. Враг, потрясенный, снял осаду и ушел…

Я пришёл плакать

 человек — зло

Ассирийский царь Ашшурбанипал — цвет ассирийской расы, более 500 лет державший мертвой хваткой мир, спустился из библиотеки (самой лучшей в мире, где провел день среди благородных глиняных книг) в сад пировать с женой, а для усиления радости слышать смех любимой женщины, ощущать близость ее рядом с собой велел привести пленных и сдирать с них кожу. Потом запряг в колесницу четырех пленных царей и поехал любоваться природой.

Царь Мидии Киаксар пригласил на пир царя скифов, с которым побратался много лет назад на крови и вине. Напоив его и его народ, начал всех убивать…

История нисходит вниз. — говорит Вивекананда[212]. —

От святой белой касты брахманов →

крови воинов (кшатриев), →

к золоту капиталистов (вайшья), →

к черному невежеству слуг (шудр).

На своем пути от света к тьме человечество, наконец, доходит до такой растраты морального потенциала, так запутывается в неразрешаемых проблемах, противоречиях и конфликтах, что единственный выход для себя видит но всеобщей гибели.

> До каких нор мы будем делать друг другу зло
> И неприятности? Не лучше ли нам подняться к создателю Вселенной?

— размышляет Фараби.

«Гни спину перед начальником твоим, и дом твой будет процветать, — учит глиняная египетская табличка, пролежавшая в земле пять тысяч лет.

Горящий уголек движется по губам человека, ведомый божьей рукой, кричит предание. Губы говорят: «Последнее очищение будет огнем». И вторит ему «Авеста»: «Потечет на землю расплавленный металл». «Опрокинулась жизнь, — смеются глиняные таблички Египта, — падают деревья. Смерть стоит подобно выздоровлению».

Весенняя гроза, ребёнок пашет поле. Ступает голыми ножками по земле, погоняя вола, А рядом идет старик и горько плачет. Как безумный оборачивается назад, и рыданья его при этом усиливаются. — волнение охватило пас, — рассказывает Ибн Сина крестьянину Али, лежащему на соломе в Арке, в канахане, приготовившемуся уже к смерти. — Мы спешились, подошли к старику, поклонились.

— Можете ли вы снять бремя с моей души? — закричал он, заливаясь слезами. Сердца наши сжались, ибо ист ничего страшнее на свете, чем плачущий старик, — Конечно, — ответили мы и вынули золото из всех наших кошельков.

Но он и не взглянул на золото.

— Запала мне сегодня в сердце Мысль, — стал он говорить. — А что, если бог, сотворив мир, не сотворил в нем пи единой твари? А наполнил мир просом, Я старик разжал ладонь, просо просыпалось на землю… — Цели-ком заполнил: с востока до запада, от неба до земли. И сотворил одну только птицу! Семург… И сказал ей: «Раз в 1000 лет ты можешь склевать одно зерно». Затем сотворил бы меня или вас, вложил бы в грудь горение этой тайны, и сказал: «Пока птица не очистит от проса весь мир, ты не достигнешь цели и будешь тосковать и мучиться…» Что все это значит?! Какую цель я должен достигнуть?!

Мы долго молчали, потрясенные… Рядом с золотыми крупицами проса, упавшими в черную землю, лежало наше золото… «Этот старик — не Вот ли?» — подумал я.

Ибн Сипа замолчал, склонив голову.

— Зерно и Птица — Вечность, — начал говорить Али. — А цель… это мой путь к тебе, — и поцеловал Ибн Сине руку.

— Цель — это путь всех нас к совершенству, — сказал Ибн Сина. — И Вселенная добра. Она дала нам много времени, пока Семург не склюет все зерно. Вселенная ждет пас. Нам предстоит еще долгий путь. Пашня мира только началась…

«Чем старше я становлюсь, — написал в завещании Вивекананда в 1900 году, — тем глубже понимаю, что самое высшее существо — это человек. Деревья никогда не нарушают законов. Я никогда не видел корову, которая бы воровала, устрица никогда не лжет, но все они — из превосходят человека, ибо человеческая жизнь — это гигантское утверждение свободы и красоты. Только не надо человека сковывать. Позвольте ему мыслить. Вся слава человека в том, он мыслящее существо… Любой самый последний человек поднимается с той ступени, где делал зло для удовольствия, на ступеньку, где будет делать зло для своего блага, потом на ступеньку, где будет делать людях добро, себе не в ущерб. И поднимется еще выше и будет ужо жизнь свою жертвовать для блага других, в ущерб себе».

Заканчивается 1032 год. Ибн Сипе 52. Одиннадцать лет он уже живет в Исфахане. Почти все их провел в седле. В седле же закончил 20-тохшую «Книгу справедливости» — ту самую, где разрешил 28 тысяч проблем западных и восточных философов. Каждый поход эмир приказывает сопровождать его. Трудно работается в походе. Надо вовремя успеть прервать мысль, остановить тростниковое перо, ответить на вопрос эмира, засмеяться на его шутку, когда совсем не хочется сняться…

У Али сжимается сердце от унижения, которому подвергается Хусайн, платя за приют и кусок хлеба. Он понимает: Ибн Сипа прошел уже два пути из трех, предназначенных человеку: путь верблюда, когда все стерпишь, путь льва, когда создаешь себе свободу. И вот вступил на и третий путь — путь ребенка, когда надо все забыть и начать новую жизнь.

«По вечерам в доме шейха собирались его ученики, — и вспоминает Али рассказ Муса-ходжи, — по очереди читали: Джузджани из «Книги исцеления», Масуми — из «Канона», Ибн Зайл[213] — из книги «Указания и наставления», Бахманйар из книги «Итог и результат». Когда они кончали читать, появлялись певцы, и все принимались за вино. Затем Ибн Сина начинал преподавание, которое происходило по ночам, потому что днем ученики были заняты царской службой».

Ибн Сина знает — жизнь его поставлена на песочные часы. Он не только почувствовал в Хамаданской тюрьме, как умрет и где его похоронят, но почувствовал и границу, за которой начнется его небытие. До границы этой пять-шесть шагов, пять-шесть лет. Поэтому он особенно остро ощущает течение времени, что поражает Джузджани, учеников, брата — всех, кто его любил. Ала ад-давля этого не замечает. Ала ад-давля считает Ибн Сину своей вещью. Она и совет даст, и байку расскажет, и насмешливое письмецо врагу сочинит, и выпьет с эмиром, и рабу-гулямчонку подарок его снесет. Все умеет вещь. Только глаза у вещи почему-то измученные. И не умеет вещь улыбаться. И еще одно раздражает в Ибн

Сине: все время он пишет, ночью ли, утром, в полдневную ли жару. Даже в седле! А говоришь с ним, отвечает одной сотой своего существа. Остальное где? На горы, на воду, на растения, на камни на пробегающего мимо тушканчика так смотрит, словно тысяча иголок впивается в них, — а на него, царя, поднимает ватные, невидящие глаза. Ала ад-давля как-то не выдержал, вырвал страницу из рук Ибн Сины, прочел:

«Каждая субстанция от природы стремится к своему совершенству, которое есть благо индивидуальное, проистекающее из Высшего Добра, и от природы она бежит присущих ей недостатков, которые в ней являются злом, проистекающим из первоматерии и небытия… Очевидно, поэтому все существующие вещи, управляемые Высшим принципом, обладают естественных вожделением и врожденной любовью. Отсюда с необходимостью следует, что

у этих вещей любовь есть причина их существования… и что в совокупности своей они не свободны от некоей связи с Совершенством, и их связь с ним сопровождается врожденной любовью и вожделением того, что может соединить его с Совершенством»[214].

Ала ад-давля прочел еще раз, ничего не понял. Понял только, что, вроде бы речь идет о любви, но чего о ней так сложно говорить, когда вон, гулямчонок бегает, — подари ему кинжальчик серебряный, он тебя всей этой премудрости за одну ночь обучит!

Ала ад-давля вернул листок.

— Около тебя всегда чувствуешь вечность, — хмуро проговорил он. — С тобой, как с совестью в упряжке, тяжело. Без тебя и того хуже. Не пиши при мне. Не выношу, когда ты пишешь! — хлестнул коня и умчался.

Ибн Сина прикрыл глаза и стал думать дальше… Вспомнились слова Неизвестного философа из его книги «О высшем добре»: «Сила, устремляющая все производимое к своей Причине, есть сила, подобная божественной…»

Что же это за сила, поднимающая нас по ступеням Иерархии к Высшему Добру? Ибн Сина вспомнил, как много он спорил по этому вопросу в Гургандж© с Масихи и Беруни. Пересматривали даже Пятикнижие и Библию, изложенные на арабский язык ученым IX века Иран-шахри. Беруни еще сказал: «Он хорошо изложил вероучения иудеев и христиан». А Масихи смеялся: «Не там ищете!»

Ах, Масихи, Масихи… Ибн Сина достал его иконку Внимательно посмотрел на нее. Семь теофаний бога, имя которого носил и Масихи — Иса (Иисус). Семь проявлений бога… Семь божественных имен: Справедливость, Добро, Разум, Истина, Сущность, Жизнь, Мудрость. Нет 3 не стоит здесь эта сила.

… Любовь!!! — понял однажды Ибн Сина, Сила, двигающая мир, поднимающая человека от ступеньки к ступеньке к Совершенству и Познанию, — Любовь. И Понтию Пилату надо было сказать, показывая на избитого, покрытого кровью Христа:

— Се — ЛЮБОВЬ.

Разве не исполненная любви Высшая Истина приняла на себя плоть и законы плоти, боль, страдания, смерть и явилась человеку в последнюю, отчаяннейшую минуту, его жизни, когда он залез уже в пещеры на берегу Мертвого моря, отказываясь дальше жить? Не истребила же человека, не сбила с орбиты Землю, а сама пришла к нему, ничем не нарушив мирового хода, — и вот стоит избитая, залитая кровью, осмеянная, в терновом венке, приговоренная к самой унизительной казни, и глазами, в которых только любовь, — ни тени укора! — говорит: «Там, в Космосе, я страшно одинока, пусть хоть какой, но будет у меня сын. Мы были в разлуке, а теперь нашли друг друга, я нашла тебя, — ты пока еще не узнал меня, но ничего, я ухожу спокойно, потому что отныне мой холодный Космос и ты — мы связаны Любовью, и ты дорог мне и и казнящий меня, — я смотрю на тебя, как на начало, потому что знаю — каким ты можешь быть прекрасным, я ты — краса Вселенной. Я буду ждать, когда ты придешь ко мне, когда встанешь вровень со Мной, и даже тогда только один упрек вырвется из моего сердца: «Что же ты так долго шел ко мне?..»

Тихий рассвет разгорающегося пламени новых великих отношений человека и Космоса через Любовь встал над землей.

Человечество, пресытившись жестокостью, переосмыслив опыт первых мировых монархий, совершило великий и качественный скачок к новым формам взаимоотношений народов между собой, — взаимоотношений ЛЮБВИ. Народная философия, переработав откровения

мира, стала как бы философской головой нового человечества. Народная философия существовала всегда, как земля, на которой поднимаются разные травы — профессиональные философские школы. Народ — это гений, выше которого нет и никого. Но это — «скрытый гений». В рамках определенного времени его не видно, как не видно высоты горы но о (резку ее склона — пока, это как бы несостоявшийся гений — темный неграмотный крестьянин Али. В абсолют-пом же времени он — тот старик, который мучился образом Птицы, клюющей по одному зерну в 1000 лет. В этой его видении — все, что только может родить человеческая голова: образ Вечности и вопрос: зачем я, человек, существую в ней?

Трактат Ибн Сины «О Любви» — уникальное произведение.

Здесь попытка дать стройную, картину мира с позиций — глубокого гуманизма: и ПРИРОДУ, и ЧЕЛОВЕКА Ибн Сина ПОДНИМАЕТ по ступенькам Иерархии к богу, к единению с ним, бога же заставляет спуститься вниз, то есть ПРОЯВИТЬ себя (через Любовь). Во всех прежних больших работах главным у Ибн Сины была природа, а эманация представлялась в основном в своем движении сверху вниз. В этом же трактате все согрето человеком. Человек — венец и природы и Космоса. Он может в должен встать рядом с богом.

Новое в трактате и то, что впервые стройную картину мира Ибн Сина представляет не через эманацию, а через ТЕОФАНИЮ (проявление): бог через Любовь к человеку проявляет свою великую Красоту, человек же через Любовь к Красоте поднимается самосовершенствованием до единения с богом.

Если трактаты, где главное у Ибн Сины — природа, поражают обаянием его могучего ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО мышления, свободно вплетаемого в мышление, философское, то трактат «О Любви», где главное — человек, поражает необычайной искренностью и красотой, с которыми только и можно говорить о человеке, если его любишь.

Влияние трактата огромно на последующие философию и искусство. Оно а философии Данте — «Божественная комедия», в философии Шота Руставели — «Витязь в тигровой шкуре», в последующей после Ибн Сины философской суфийской поэзии и в поэзии трубадуров, зародившейся на юге Франция около 1100 года. (Ибн Сина умер в 1037 году).

Главная суть влияния и мысль об ОБЛАГОРАЖИВАЮЩЕЙ силе Любви. Эта мысль впервые была «непосредственно указана и объяснена Ибн Синой», — пишет известный немецкий ученый Г. фон Грюнебаум. А еще раньше, в 1947 году, американский ученый Л, Деноми установил, что корни поэзии трубадуров, оказавшей огромное влияние на Данте. — в «арабской ФИЛОСОФИИ (а не литературе), И ОСОБЕННО В МИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ Ибн Сины». В трактате «О любви», — продолжает А. Деноми, — Ибн Сина отдает «человеческой любви… положительную роль, содействующую восхождению души к… божественной любви и единению с божеством» (Истиной).

Вторым философским открытием Ибн Сины «является открытие иерархической гармонии высших и низших частей души», — пишет Г. фон Грюнебаум. Это огромный шаг вперед в движении человеческой мысли. До Ибн Сины всегда и везде утверждалось, что животная душа человека и разумная находятся в постоянном антагонизме, а противоборствуют друг другу, взаимоисключают друг друга, что рождало страшный, жесточайший порою аскетизм. Ибн Сина же говорит: животная душа, руководимая разумной душой, постепенно поднимается от ступеньки к ступеньке в обретает высшее благородство.

Вспомним Иерархию Неизвестного философа, с которой Ибн Сина познакомился через книгу Псевдо-Аристотеля «О высшем Добре». Иерархия восхождения — это и отрицание

каждой пройденной ступени предшествующего добра как переход к более совершенному Добру.

«Нравственный долг для Ибн Сины — не подавление низших (животных) частей души, — продолжает Г. фон Грюнебаум, — а слияние их с высшими в борьбе души за свое высшее совершенство. Животная душа также имеет законную функцию, и степень совершенства человека не тождественна силе, с которой он подавляет эту душу, сохраняя руководящую роль, за разумной частью».

Постепенно пройдя все ступени, человеческая душа, [разделенная на две противоположности: животную и разумную, — становится сверхдушой, то есть достигает высшей гармонии, слияния с объектом Любви — Истиной.

Еще сильнее и ярче путь к совершенству осуществляется тогда, считает Ибн Сина, когда прекрасный образ любви по каким-то причинам недосягаем, превращается в идеал, мечту. Примеры такой любви Мы знаем. Это — любовь Дон-Кихота Дульсинее, культ Прекрасной дамы в поэзии трубадуров, любовь Данте к Беатриче, Тариэля и Нестан-Дареджан (Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре»). Идея любви как никогда не осунХе», стенного Желания — чисто восточное понимание любви, когда она становится движущей силой самоочищения восхождения души к Истине. Восточная любовь, — пишет Л. Массиньон, — изо всех сил борется с реальностью любви, старается все дальше и дальше от нее отойти, чтобы наслаждаться только воспоминаниями о ней. Воспоминания и мечты — главное в любви. Идеальное выражение такого понимания любви в мусульманской литературе — Лайли и Маджнун, Лайл и подходит к безумно влюбленному в нее Маджнуну и говорит: «Пойдем, побудем наедине…» А Маджнун отвечает: «Уйди, не мешай мне думать о Лайли», В конце концов любовь становится настолько нематериальной, что растворяется в Чистоте, ум, сгорающий в ВОСПОМИНАНИЯХ, сливается с Умом, и наступает безумие. Таким образом, любовь — не только суть мира, но и новый источник знания (как утверждает Ибн Сина в своем прекрасном трактате «О Любви») — источник мистического знания.

Знанию, достигаемому через разум, диалектически противостоит знание, достигаемое через интуицию, как «незнание» с точки зрения разума, когда он становится бессильным там, где сильнее интуиция. Согласно Плотину и Проклу, знание и «незнание», соединяясь, дают так называемую интеллектуальную интуицию («догадку души») — то Высшее знание, которое рождается в момент озарения (встречи Истины и человека).

Переход на этот этап познания возможен только через горе, очень большое горе, — удар судьбы, чтобы родилась великая отрешенность от мира, великая сосредоточенность души. У Ибн Сины было два таких этапе: Дихистан и хамаданская тюрьма. У Данте — два горя, поразившие его почти одновременно: смерть Беатриче и гибель флорентийской свободы, за которую он яростно сражался на городских стенах. Данте уходит в монастырь. Где 39 месяцев читает философские труды лучших умов человечества, в тоXI числе через Фому Аквинского, Альберта Великого и своего друга Сигера Брабантского познает и Ибн Сину.

Ученик и последователь Ибн Сины Насреддин Туси сравнил первый этап познания (через разум) — с водой. Второй (через интуицию) — с молоком, третий (через высшее знание, интеллектуальную интуицию) — с медом У человечества он длился около тысячи лет (переработка ессеями в своих пещерах всех откровений мира).

Но многие так и остаются у сотов с медом. И только единицам из многих, утверждает Ибн Сина, удается из Высшего знания шагнуть в мистическое знание, которое Туси сравнил с вином.

МИСТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ…

Оно дается человеку, продолжает Ибн Сина, достигшему высшего совершенства души через Иерархию Любви. Это не озарение, которое рождает Интеллектуальная интуиция, это… ОТКРОВЕНИЕ, ВИДЕНИЕ, когда человек впадает в состояние транса (безумие Маджнуна), и ВИДИТ Истину. Мистическое знание совершается, таким образом, только через исключительных людей в исключительные точки жизни человечества, в моменты жесточайших встреч Неба и Земли в душе одного человека, Любовь как суть новых взаимоотношений в масштабах человечества — одно из таких откровений, — Кощунство Ибн Сины поистине не имеет предела! — воскликнул Бурханиддин, когда разбирали этот вопрос. — Известно, что самое высокое знание — знание бога. Ничто не смеет встать рядом с ним. Ибн Сина же ставит рядом с божественным знанием… ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ знание! Придает ему таким образом, божественную окраску! Более того, УРАВНИВАЕТ их!!! Что же это за: знание такое, которое соперничает с божественным? МИСТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ, говорит Ибн Сина. И посвящает и ему целые страницы своей самой поганой книги «Указания и наставления», будь она трижды проклята!

Почему Бурханиддин с такой ненавистью обрушился на учение Ибн Сины о мистическом знании?

Из тех же слов, что, как проклятие, прозвучали: по адресу Ибн Сины в устах Бурханиддина, можно составить но славу Ибн Сине восторженным гимн. Вот он: и «Для того чтобы показать преимущества разума и научного метода познания перед религиозной догматикой, — А пишет М. Хайруллаев, — Необходимо было Прежде всего поднять их авторитет до уровня столь громадного в эпоху средневековья — авторитета «божественной» Истины. Требовалось возвысить человеческий разум до уровня мирового, придав ему «божественную» окраску. Таким образом, разум и научное познание были поставлены рядом и даже вознесены над… религиозно-мистическим познанием бога, а наука и философия — над религией теологией».

— Мистическое знание, да, есть! — говорит Бурханиддин. — Но только у одного из всех нас, живых, — у пророка Мухаммада. Только он мог понимать, и познавать бога через видения, откровения… А что говорит Ибн Сина?. Мистическим, то есть пророческим «знанием, оказывается, может обладать… ЛЮБОЙ человек, — вы представляете! — любой, достигший совершенства души. Вот ведь как — под корень! — рубит основы религии… А «Побед вы поверили ему, что, действительно, не единственный из всех нас, — ПОСЛАННИК бога — Мухаммад мог входить в соприкосновение с богом и получать от него знания, Ибн Сина дает в своей книге «Указания и наставление» ПОРТРЕТ того «любого», кто тоже может НЕПОСРЕДСТВЕННО от бога получать мистическое знание. Вот этот портрет. Послушать Ибн Сину, так каждый десятый из нас подходит под его описание! Я читаю: «Мистик, то есть ариф, — скромен, приветлив, радушен, одинаково чтит как малого, так и старого, любезен как с безвестным человеком, так и с прославленным. Да и как ему не быть приветливым, когда он радуется достижению Истины и всякой вещи, в которой усматривает Истину! Как ему не быть одинаковым со всеми, когда для пего все равны? Все люди в его глазах достойны милости, хотя они и предаются тщетной суете…

Мистика не занимают ни сплетни, ни слухи, а при виде мерзкого его охватывает не столько гнев, сколько жалость, ибо ему ведома тайна… о предопределении. Если он совершает благодеяние, то делает это бескорыстно… Он способен совершить великое благодеяние даже для тех, кто не относится к людям благодеятельным.

Мистик бесстрашен. Как же может быть иначе, когда он далек от страха смерти… Он не злопамятен, на прегрешения. Как же иначе: ведь его душа выше того, чтобы ей могло

нанести рану людское зло. Да и как же иначе, если его разум всецело поглощен истиной…» Тьфу! — Бурханиддин закрыл книгу.

— Вы не все прочли, уважаемый, — сказал, выходя вперед, Муса-ходжа. — «Мистики бывают различных ступеней, — написано еще у Ибн Сины, — отличающих их от других в этом дольнем мире. Они как бы, окутанные оболочками своих тел, сбрасывая и отделяясь от них, возносятся мир божественный».

— Ужас! Ужас! — закрыл голову руками Бурханиддин. — Простой человек и… «возносится в мир божественный»!!!

— «они обладают скрытыми в себе чувствами и свойствами, — продолжает Муса-ходжа, — проявляемыми явно, но их осуждают те, кто о них не ведает, и превозносят Те, кто о них знает…

Мистик стремится к постижению Высшей Истины, Не требуя ничего взамен… Тот, кто предпочитает мистическое познание ради самого мистического познания, обнаруживает лицемерна. Тот, Кто вообразит, что им будет обретено нечто общеизвестное, собирается перейти вброд море Единения… Мистическое знание также, имеет стадии. Однако их не объяснить словами. Не растолковать выражениями… Слишком велика Истина, чтобы путь к ней был доступен каждому, вступающему на него, и чтобы все один за другим могли познать ее… Поэтому то, что содержит эта наука, покажется НЕВЕЖАМ смешным, — Муса-ходжа выразительно посмотрел на судей, — а жаждущем познаний — благородным учителем… Всякому суждено получить то, для чего он родился».

— Для чего вы все это прочли? — спросил насмешливо Бурханиддин.

— Чтобы показать, что и вы можете стать арифом, то есть обладать, как пророк Мухаммад, мистическим знанием, если пройдете все ступени Иерархии — то есть совершенствования души. Вот какой верой в человека исполнено это великое учение, а вы говорите…

Муса-ходжа прав. Вопрос мистического знания «возник в связи с необходимостью объяснения откровений и «божественной» миссии пророка Мухаммада, — пишет М. Хайруллаев. — Согласно официальной мусульманской доктрине, Мухаммад возвысился до такого состояния, что входил в соприкосновение с богом… Эта особая и таинственная способность его была названа «пророческой» и, как утверждалось, могла быть доступна только избранным богом личностям — пророкам»..

Фараби и Ибн Сина в своем учении о мистическом знании показали, что «пророчество не является способностью исключительной, оно, как ЕСТЕСТВЕННЫЙ процесс, доступно каждому, кто обладает огромным запасом воспринятых ощущениями образов внешних предметов», обширными знаниями, значительной воображающей силой и глубокой интуицией. «Механизм» откровения, пророчества сводится таким образом к ЕСТЕСТВЕННОМУ процессу, имеющему место как во время бодрствования, так и но время сна[215].

Вот, посмотрите, как снимает Ибн Сина налет таинственности с пророческого (мистического) знания, научно объясняя его. «Чем сильнее душа, — пишет он в книге «Указания и наставления», — тем меньше сила, притягивающая ее к… (отвлекающим) чувственным факторам, в тем больше она отчуждает от себя излишние действия… Когда уменьшаются чувственные преграды и сокращаются препятствия, душа, освобождаясь от земных привязанностей, устремляется в божественный мир (мир Истины) и в пей отразится тогда образ из небытия, проникнет в мир мышления человека, отразится в общем его чувстве (но время бодрствования или сна)…

Этот духовный образ (из небытия), возникающий в душе…. бывает слабым, и тогда он, не пробудив воображения (мысли) и памяти, не оставит в ней следа. По может этот образ быть чрезвычайно сильным. При его восприятии душой овладевает спокойствие, и образ ярко отпечатывается в воображении, чему будет содействовать и сама душа.

Такие явления происходят и с мыслями, которые одолевают тебя. Случается, что мысль о чем-либо оседает в твоей памяти, но потом ты погружаешься в размышления о других вещах, заставляющих тебя забыть первую мысль… В этих мысленных поисках ты порою запутываешься и забываешь главный предмет размышлений, однако…. (потом) ты вдруг вновь схватываешь его, — ярко и остро…

Итак, опыт и сопоставление согласуются в том, что человеческая душа способна воспринимать нечто из небытия но время сна. Но не существует никаких препон тому, чтобы это нечто было воспринято и но время бодрствования».

Таким образом, «пророчество ничего таинственного и себе не содержит. — пишет М. Хайруллаев, — просто-напросто это познание сущностей с участием большой доля интуиции, глубоких знаний, сильного воображения» и обладания при этом совершенной чистой душой, прошедшей школу самосовершенствования.

Эти души — словно островки, по которым человечество идет через море жизни, «море мук». Исполненные страстной Любви к Истине, они ведут за собой другие души, «колеблющиеся между стадиями господства и униженности» (книга «Указания и наставления»).

Одним из средств выражения мистического знания является Молчание, венчающее долгий пророческий поиск.

Разве не молчит «Божественная комедия» Данте? Да, он поднялся сквозь ад, чистилище и рай (Иерархию) к Беатриче (истине), а дальше что? Дальше — Молчание., Вот здесь, когда остаются Данте и Беатриче наедине, и есть истинное начало «Божественной комедии». Что она скажут друг Другу, встретившиеся Небо и Земля?

Разве не молчит «Троица» Рублева — откровение о, высшей Красоте России? Разве не молчит музыка Бала, цель которой пройти с нами все ступени Иерархии ну дверей Истины оставить с ней наедине? Пусть каждый помолчит здесь один со своими мыслями…

Разве не молчит Спас? Разве не знак молчания две строчки стихов:

> В белом венчике из роз
> Впереди — Иисус Христос.
> (Блок).

Разве не молчание — трактаты Ибн Сины? Кажется понял их, как вдруг… одна строчка, и все переворачивается, в в руках у тебя оказывается не голубь прирученный, а чешуйка взмывшего вверх непостижимого Дракона.

Разве не молчат Мона Лиза, Сикстинская мадонна, храм Покрова на Нерли, улыбка Ганди, седина ребенка Лао-цзы, Исход Толстого в Оптиму пустыню, уход египетского бога Ра на корове от людей, путь Будды, возвращающегося к людям с Истиной, когда через каждые пять его шагов расцветал на земле лотос? Все это — молчание. Но и крик…

Искусство — мост, на котором встречаются души. Иначе нет у нас никакой возможности познать друг друга. Тайна искусства — единственная может снять, растворить в себе разум и интуицию — оба этих великих противоречия. Мона Лиза — разве это не Меланхолия, нашедшая выход из смертельного туника? Да, она — Зримое выражение того, что и Ибн Сина нашел в своих хамаданских трактатах, круто изменивших последующие его работы, и

никогда человечество до конца полностью не разгадает их, как не разгадает улыбки Джоконды. Это и не разум, не интуиция, не сумма разума и интуиции (Интеллектуальная интуиция) — это единство противоположностей, скрытая Высшая гармония, где разум и интуиция, растворенные друг в друге, образуют так называемое мистическое зван не.

«Иерархия — это не только восхождение к Истине, вспоминает Ибн Сина слова Неизвестного философа это еще и ДЕЙСТВИЕ…

ДЕЙСТВИЕ…

«Если тебе доведется узнать, что некий мистик своею силой совершил какое-либо ДЕЙСТВИЕ, — пишет Ибн Сина в книге «Указания и наставления», — или ПРИВЕЛ что-либо в ДВИЖЕНИЕ (силою мысли), что не под силу другим людям, то не торопись всецело отрицать это. Быть может, поразмыслив, ты сможешь раскрыть причину всего этого, исходя из ЗАКОНОВ ПРИРОДЫ…

Так, например, могут сказать, что некий мистик (ариф)… молил об исцелении, и люди нашли исцеление. Или же он проклял их, и на них нашло затмение… или же они были истреблены каким-то образом… можешь услышать, что им (против своей воли) повинуются люди, птицы, змеи. Все это не выходит за рамки возможного. Услышав об этом, поразмысли и не торопись отвергать, ибо причины этих явлений могут скрываться в ТАИНСТВАХ ПРИРОДЫ. Возможно, мне удастся рассказать тебе о некоторых из них…

Слушай, удивительные явления, происходящие в мире природы, имеют три источника. Первый — это душевные силы человека. Второй — свойства первоэлементов — например, свойство магнита притягивать железо присущей ему силой. Третий — небесные силы, вступающие но взаимодействие с природой земных тел или с силой земных душ…

Колдовство имеет отношение к первому источнику. Чудотворство — волшебство и фокусничество — ко второму, а ясновидение — к третьему…

По поводу душенных сил человека… Некоторые души обладают такой силой, которая воздействует на другие души и тела и вызывает в них процессы… И не отрицай того, что она является особой силой в сравнении с силами других душ…

Эта сила может быть заложена в ПРИРОДНОМ характере души… но может быть и ВЫРАБОТАНА человеком.

Обладающий Чистой душой при наличии такой силы души обладает чудом пророков. Ревностных очищением души он еще больше возвеличит заложенные в нем врожденные достоинства и достигнет наивысшей степени их. Человек Злой, грязной души, обладающий этой чудесной силой, — является презренным Колдуном, роняющим свою честь необузданной злонамеренностью.»

Ибн Сина считал, что научно, о не с точки зрения чуда, можно обосновать и передачу мыслей на расстояние и даже передвижение мыслью предметов, за что в XIV веке нападал на пего французский математик и физик Никола Оресм.

А что является источником такой силы — врожденной или приобретенной?

Ибн Сина говорит: связь человеческой души с Деятельным разумом — Хозяином подлунного мира, через Любовь, через мистическое знание. Это учение, если перевести его со средневекового языка на современный, есть учение о бессмертии человека, но бессмертна только разумная душа, говорит Ибн Сина, — не тело (за что били его все религии но все века и бьют). «Разумная душа, — пишет Ибн Сина, — познает что-либо… лишь после соединения ее с Деятельным разумом. Это истинно». Жизнь разумной души человека, считает Ибн Сина,

это движение от состояния материального «разума (обременённого телом, с помощью которого он и получает первые сведения о мире) к состоянию бестелесного Деятельного разума. Движение это осуществляется через беспокойство, тоску, постоянное недовольство собой, ибо как только перестанешь познавать, прерывается связь с Деятельным разумом.

Деятельный разум — хранилище всех знаний человечества, — пишет Ибн Сина. — Оттуда Деятельный разум отпускает души обратно в мир для выполнения той или иной работы. Возраст души определяется не возрастом тела, а временем нахождения ее внутри Деятельного разума.

> Каждый образ в каждый исчезнувший след
> В усыпальницу времени лягут ни тысячу лет.
> И на круги своя наши годы когда возвратятся.
> Сохраненное бережно явит всевышний на свет.
> (Ибн Сина).

Деятельный разум «венчает род живых существ», — пишет Ибн Сина в книге «Указания наставления». — В Деятельном разуме «человеческая потенция уже уподобляется ПЕРВЫМ НАЧАЛАМ ВСЕГО СУЩЕГО» (!). К четырем первоначалам мира: вода, огонь, воздух, земля — Ибн Сина прибавляет… человеческий разум который может ВЛИЯТЬ на космос и мир. Ничто не пропадает… Ни одно движение человеческой мысли, «Функция вместилища, по мысли Ибн Сины, есть функция субстанции (!). И деятельность вместилища направлена на создание совершенств в тех случаях, когда она утрачиваются, чтобы осуществлялось управление мудрым порядком в мире».

Поистине, Ибн Сина достоин самого низкого поклона.

Итак, Деятельный разум — посредник между Первопричиной (богом) и человеком. «Первопричина переходит в Деятельный разум, — объясняет это учение Фараби в Ибн Сины М. Хайруллаев, — Деятельный же разум связан с человеческой душой, душа — с телом, и, таким образом, свойство «божественной жизни» переходит к… материн, человеку (!) («О, ужас! — сказал бы Бурханиддин. — Получается, что сущность человека, его разум становятся…. вечным! А вечным может быть только бог».).

Перед нами — все тот же пантеизм. А бессмертие разума означает бессмертие человеческого рода. Бессмертие Деятельного разума есть, таким образом, не что иное, как вечное возрождение человечества и непрерывность цивилизации».

Вот такой сотворен Ибн Синой гимн разуму — обыкновенному человеческому разуму. Поистине, гуманизм его беспределен: вся его философия — гимн природе, человеку, человеческому разуму. Фактически его учение о слиянии человеческого разума с Деятельным разумом, если перевести его со средневекового языка на современный, звучит так: «Человек не вечен, но лучшие результаты деятельности его разума, вливаясь в общий поток духовных благ, превращаются в вечность. Выработанные им лучшие нравственные и интеллектуальные качества, мечты, идеалы подхватываются последующими поколениями и вдохновляют их на подвиги, на борьбу за счастливую жизнь. И все хорошее, что остается после каждого человека, каждого поколения, является их счастьем, их вкладом в дальнейшее усовершенствование общечеловеческой культуры, в борьбу за общечеловеческое счастье».[216]

Подводя итог, можно сказать: «Ибн Сина в своих последних книгах, — продолжает М. Хайруллаев, — зафиксировал важнейшие явления в идейной жизни своей эпохи: широко распространенные в средневековье мистику и суфийское учение. И что ценно для нас, — вычленил их из остальных идейных течений эпохи, выявил еретический их (оппозиционный) характер по отношению к ортодоксальному исламу (Халладж, Харакани!), поставил в один

лагерь с философ ней, противопоставившей, себя, говоря словами Ибн Сины, остальному миру «ЛЖИ и насилия», а тех, кто искренен и правдив в обращения своем к Истине, чист помыслами и добродетельностью— «юродствующим лжефилософам и остальному сброду».

Такая оценка мистики и суфийского учения в устах выдающегося ученого-энциклопедиста еще раз подчеркивает важность и актуальность глубокого изучения идейных основ и социальной роли суфизма в мистики в условиях средневекового Востока».

Птицы — это человеческое в Космосе. Сократ, Аристотель, Данте, Лао-цзы, Фараби, Ибн Сина — они уже там.

Они уже строят человеческое в Космосе. Мы же все еще на первых ступенях Иерархии. Великие души ушедших подарили нам молнии своих откровений, и мы движемся в кратком свете их, на мгновение осветившем полную тьму.

— Человек не может сразу выйти из тьмы на ослепительный свет, — говорил Ибн Сине Масихи. — Он должен постепенно привыкать к нему. Почему Иисус после воскрешения простил самого близкого своего друга Петра, трижды предавшего его накануне казни? Потому, что понял: к ослепительному свету надо приручать постепенно. И хоть горько предательство друга, хоть спрашивает трижды со слезами в голосе «Ты друг мне?», все Же прощает его.

Совершенные ждут несовершенных. Ибн Сина ждет Махмуда. И потому нигде не сказал о нем ни слова осуждения. 3

Птицы должны ВСЕ ВМЕСТЕ выйти из клетки и взлететь в небо.

Великие души, Великие умы — достоян не не только человечества, но и Вселенной, считает Ибн Сина. Они алмазным облаком стоят над нами, увеличивая нашу сущность. Там — бессмертный сплав Знания и Любви.

— Остановись, Хусайн, — молит взглядом Али. — Мне не догнать твоей Мысли. Будь добр, оглянись! Неужели Мысль для тебя главнее человека.

Ибн Сина оборачивается…

Отталкивая Али, выходит на дорогу В смотрит на Ибн Сину исфаханский эмир — Ала ад-давля. Али с жалостью осознает пропасть между царским достоинством эмира, — случайно выпавший в земной лотерее выигрыш — и ничтожеством его положения перед усталым взглядом Вечности, «Не тревожь Ибн Сину, — хочет сказать Али эмиру. — Как ты можешь тревожить его, когда надо перед ним молчать, только молчать. Посмотрит он на тебя, услышь ого взглядом и взглядом ему ответь. А говорить перед ним… О, какую надо иметь смелость, чтобы говорить перед ним!».

По Ала ад-давля — этот огромный, обоженный солнцем, неряшливо одетый богатырь суетных земных забот— все же останавливает Ибн Сину — прозрачную вселенскую духовность в одеянии дервиша.

— Я все хочу тебя спросить, — наступает плотский земной голос на хрупкую сосредоточенность. — Если ты прав перед вечным временем, а перед, нами — живой плотью твоего века неправ, то почему Вечность не защищает тебя, а равнодушно смотрит на унижения, в которых ты тонешь?

— И пророка поначалу никто не слушал, — вступился за Ибн Сину Али.

— Знаю, знаю, — засмеялся эмир. — Однажды он даже, бедный, вынужден был подняться на гору Сафа и оттуда кричать: «О, утро!», как кричали при нашествии врага. Народ сбежался, а он начал проповедовать свою религию. Но слушать его никто не стал. Посмеялись и ушли. Так почему аллах допустил чтобы смеялись над пророком?

— Чтобы все видели, что этот человек отмечен любовью Истины, — ответил за Ибн Сину Али. — Хусайн уже про это сказал, когда говорил про арифа.

— Как?! Значит, муки, слезы, унижение, — все это знаки любви бога? — вскричал Ала ад-давля.

— Да, — ответил, поднимая глаза на эмира, Ибн Сина.

— Значит, и тебя бог любит?

— Да.

Ушло из глаз Ибн Сины молчание, заиграла ирония: он вернулся на землю.

— Амвня, которому бог дал царство, здоровье?

— Он дал тебе всего лишь земное счастье, — улыбнулся Ибн Сина. — Мое же счастье — небесное. Это — мученичество, нищета, подвижничество.

— Значит, хиджра — это выход из клетки твоим пленных птиц?

— Если ты так считаешь, значит, так это и есть.

Ж впрочем, бросим эти разговоры, смотри, солнце почти Село, а мы с тобой не совершили еще молитвы.

Эмир поспешно опустился на колени. Впереди воины уже давно сидели на коленях, положив рядом с собой из песок оружие.

— Кстати, — шепнул Ибн Сина эмиру, — знаешь, как начался пророк Мухаммад? В 40 лет увидел гигантскую человеческую фигуру на закатном небе, окруженную цветными кольцами. Потрясенный, уверовал, что это приходил к нему бог… Господи! — вдруг страстно, со слезами на глазах произнес Ибн Сина, глядя на закатное солнце. — «Введи меня входом Истины, и выведи выходом Истины, и дай мне от тебя власть в помощь…»,

Ала ад-давля удивленно смотрел На него: Ибн Сина молится!?

— Сними золотой пояс, — шепнул Ибн Сина эмиру, в снова в глазах его засверкала ирония.

— Почему?

— Мухаммад заповедовал молиться, сняв с себя золото.

Ала ад-давля снял пояс.

— Я-то снял! А вот как ты снимешь с себя все свои еретические мысли? Думаешь, я не понял твой трактат «О Любви»? Ты же человека сравнял с… богом! Тьфу!

И как только тебя земля носит!

Ибн Сина побледнел, вскинул на эмира тревожные глаза. Ала ад-давля смотрел на него серьезно и грозно.

А потом расхохотался…

— Ну ладно. Не очень-то я верю но все эти тени на облаках в разноцветном окружении! — пришествие аллаха скромному погонщику караванов!

— Ну, раз так, — сказал, облегченно вздыхая, Ибн Сина, — открою тебе еще один секрет, — быстро начертил что-то на песке. — Вот ты стоишь между заходящим солнцем, в низкой его фазе, и облаками. Два раза в месяц, и сразу после захода или незадолго до него, ты можешь увидеть свою тень на облаках, увеличенную до гигантских — размеров и окруженную разноцветными кольцами.

— Нуда!?

— Только…

— Понял. Никому! Клянусь!

Некоторое время молчали.

— А знаешь, страшно с тобой… — поежился эмир. —

Ты, наверное, и смерть свою можешь рассчитать.

— А уж это скорее зависит от тебя, — задумчиво проговорил Ибн Сина, стирая рисунок на песке.

Али усилием воли стер исфаханского эмира. Пусть Ибн Сина посидит один, с природой наедине… Ведь ему так мало осталось жить! «Пусть ничто не беспокоит его. Даже я не буду беспокоить своими мыслями. Пусть спокойно лежит его жизнь но мне. Так и мне легче ждать своей смерти».

XV Все мы — одна семья…

Фрунзе куда-то исчез. В Каховке его не было. И в Москве. Нигде. Агенты английского майора Бейли, русского консула и личные — эмира будто разом ослепли.

Стояли последние дни августа 1920 года. «Красные, безостановочно двигавшиеся к Варшаве, выдохлись, — размышляет Алим-хан. — Взаимодействие между Западным и Юго-Западным фронтами нарушилось. Польша перешла в мощное контрнаступление, разгромила Западный фронт большевиков. Большевики просят мира. В Варшаве начались переговоры. Может, Фрунзе в Варшаве?»

Алим-хан задумчиво шел по улице Куча в Арке, слушан, как чеканят позади Джума-мечети серебряные монеты с его именем. Прошел мимо коронационного зала. Десять лет назад глава всех мулл — каршинец Бой-Махмад, а'лам, бывший когда-то бедным студентом медресе, взялся за один угол белого войлока, высшее духовное лицо, главный судья Бако-ходжа — за другой: кушбеги Мирзо Насрулло, из бедных (его отец торговал чугунными котлами), — за третий, Ахмад-ходжа — глава джуйбарских ходжей, — за четвертый, и… подняли Алим-хана эмиром, посадили на трон. Б четыре ямки по углам троив Алим-хан положил 92 золотые монеты — число узбекских родов в его государстве. Давно это было. А кажется, будто вчера.

Вот дом матери… Здесь содержатся девушки, только что доставленные в Арк. Дальше, налево, сидит и своем доме-тюрьме Сиддик-хан, направо — сын. Прямо — стена. Слева от нее — кладбище и тайный колодец, куда спускали неугодных царедворцев. Справа — дома гузарских царевичей и пороховой склад. Нет, не хотелось туда идти. Вернулся.

В корихане 60 мул, по очереди сменяя друг друга, читали Коран, Вот и сейчас как раз звучит место из четвертой суры:

«Люди! Бойтесь вашего господина, который сотворил вас из одной души!..» И вдруг чей-то взволнованный голос вставил ни о того ни с сего 190-ю строчку из третьей суры: «Господи! Защити нас от наказания огнем!»

— «Нервничают муллы, — додумал эмир. — И им страшно!»

Ночью собрал приближенных, — Хочу выслушать ваш совет относительно того, куда мне бежать? И через какие ворота?

Все обомлели, хотя каждый давно уже держал осёдланных лошадей в потайном месте за южными воротами. Посоветовали бежать через южные ворота в Афганистан.

— Я так и сделаю. Спасибо, Прощайте!

Майор Бейли рассвирепел.

— Ну и глупец же вы! Ведь среди присутствующих, конечно же, был агент красных! Теперь я не смогу с нами вместе бежать!

Эмир рассмеялся.

— Когда вашей Англии еще не было, цари разрешали здесь подобные вопросы как самые обыкновенные.

Больше он ему ничего не сказал, потому что англичанину этому тоже не верил. Верил только двум своим и старым слугам, державшим ночью около него, спящего, свет. Знал: эти двое ни за какие богатства мира не продадут его голову. Они затравлены жизнью настолько, что без хозяина, с одною только свободой, жить уже не могут. Да и чисто по-человечески любили эмира, как в он их любил, потому что все трое были очень одиноки на этом свете и знали это друг про друга.

Все трое решили объявить приближенным, что эмир поедет на юг через южные ворота — пусть ставят там засаду! — а сами спустятся по потайному колодцу на северную сторону Арка в через северные болота, по северным дорогам, в обход, проберутся в Гиссар, а оттуда в Афганистан.

Пришел Миллер и листком телеграммы. Фрунзе и Варшаве нет.

«Все. Я погиб», — похолодел эмир. И вызвал Бурханиддина.

Велел завтра же устроить казнь. «В обшей суматохе я и сбегу».

Оставшись один, тяжело, опустился на колени и и искренне, со слезами на глазах, читать Коран.

Бурханиддин-махдум разослал, глашатаев по всем улицам.

Завтра казнь!

Когда ехал домой, ударил ему в спину стих:

К лицу верховного судьи свой взгляд когда приближу,
И глиняный кувшин с вином прокисшим вежу!

И еще один — про отца Бурханиддина. Тот тоже был главным судьей, а сменил его Бако-ходжа, который поднимал эмира на войлоке. Отец Бурханиддина плохо видел, а Бако-ходжа плохо слышал. И потому народ сочинил такой стих:

Из двух змирских слуг тот слеп, а этот глух, но оба,
Презревши зрение и слух, закон блюдут до гроба.

«Когда ругают тебя — это еще не беда, — подумал Бурханиддин. — Но когда ругают тебя через твоего отца… считан, ты выброшен из жизни».

Бурханиддин был редчайшего ума человек. И обладал благородными качествами души, когда дело не касалось службы. В присутствии же эмира он тотчас из благородного человека превращался в благородную собаку. Бурханиддин сострадал народу, но так ничего за всю свою жизнь и не сделал для него. А тут еще участие этом фарсе…

Не ускорив шага, не опустив головы, под градом насмешек он доехал до дома, осторожно притворил дверь и вдруг упал на чистую, обрызганную водой, выложенную плитами — дорожку, ведущую в ухоженный, наполненный розами сад. Упал, потому что увидел… разрушенным свой дом, а себя — мертвым на развалинах его.

Комок черноты сжал горло.

Муса-ходжа ходил несколько раз по потайному ходу к Али, но, как ни — уговаривал его бежать, слышал в ответ отказ. Вернувшись к себе, лег на пол и больше не поднимался. Теперь для него существовали только звуки. По звукам он ждал той минуты, когда оборвется жизнь Али — милого, отмеченного Роком, Искренностью Я Благородством крестьянина, ставшего ему дороже сына.

«Ученые видят два выхода из жизни и смерти, — вспоминает Али слова Ибн Сины, — добровольный и естественный».

… Али лежит с закрытыми глазами в грязи, в канахане, стучится мыслью то к Ибн Сине, то к Беруни, — прощается с ними.

Вот 75-йетний Беруни. Али видит, как он плачет над трактатом «Об освобождении от страха смерти», написанным другом его души — Ибн Синой, умершим десять лет и назад, Беруни одинок. Мужественно ждет конца. Думает о и тех, кто придет после него. «Господи! — молит он бога. — Заставь невежд вкусить позор в сей жизни, ниспошли им откровение об их обольщении, чтобы новым Ибн Синам, новым Беруни жилось легче».

Улыбнулся, вспомнив свое имя, — Абу Райхан… Раб-хан — растение, чей запах разносится далеко по земле, и Как бы он хотел, чтобы и его учение разнеслось далеко и по миру и долго бы держалось в нем! Чтобы сдружило оно народы, сделало их братьями одной семьи.

Беруни много сделал для этого. Написал книгу об Индии в то время, когда Махмуд топтал и жег ее. «Мусульманин написал о неверных! — взорвалась бомбой новость в мусульманском мире. — Проклятие ему!»

До Ибн Сины дошли эти разговоры в 1030 году, — когда Беруни только что закончил книгу: пленник Махмуда, гордый своей нищетой и свободой, презрев все победы султана за рекой Инд, написал о неверных, в ПОДЛИННИКЕ прочитав священные и научные индийские книги, с УВАЖЕНИЕМ, разобравшись в запутанной их древней культуре, с ЛЮБОВЬЮ представив ее миру… Какой ужас! Индийцы даже дали ему прозвище — «Безбрежный океан знаний». Будь трижды проклят, Беруни!

«Откуда он взял силы для такого подвига? — спросил себя Али. — Ведь Беруни начал писать «Индию», когда ему было 44 года, И писал 13 лет…»

Источником сил была мысль: «Все мы — одна семья». Она превращала в преступление семнадцать победоносных походов Махмуда в Индию, и все другие грабительские походы других царей, которые были, есть и будут Она ломала тысячелетние формы взаимоотношений между народами, освященные религиями и властью, — взаимоотношениями агрессии, лжи и отчуждения, В то время, когда все тюркское и иранское противопоставлялось индийскому, как высшее — низшему, Беруни смело заявил:

— «Ригведы» — самая древняя часть индийских священных «Вед»[217], СХОЖА с нашей зороастрийской «Авестой» (!) — древней книгой тюркских и иранских народов… Переварите-ка этот факт! В индийских «Ведах», — провозгласил на весь мусульманский мир Беруни, — лучше всего зафиксирована…. зороастрийская эпоха, философия и жизненный уклад! Доказательства? Пожалуйста! Одинаковые слова в «Авесте» и «Ведах». АП — вода, ВАТА — ветер, ТАНУ — тело, ПИТАР — отец, ДВА — два, ЧАТВАР — четыре, ДАСА — десять, САТА — сто др.

— Ну, это случайность! — возражают Беруни на диспуте но дворце Махмуда, — купцы занесли слова… вот если бы БОГИ назывались одинаково! Где боги, там нет случайностей.

— Боги?! Прекрасно! Разве можно собаке сразу давать лучшую кость? — смеется Беруни. — Вот классический бог Индии — Брахма. Все слышали? А ведь это не индийский бог, а… арийский! Не изменив имени, он вошел в пантеон индийских богов как бог вселенского творчества и самосовершенствования человека. А дочь его Сарасвати — арийская богиня красноречия, мудрости, покровительница науки и искусства.

— Не может быть!

— Митра! — продолжает Беруни.

— Ну, это главный бог наших предков! — возражают философу. — Бог кочевников: скифов, саков — «Солнце быстроконное». Главный бог «Авесты».

— А в Индии он — бог милости и кары, дня и ночи, владыка вод— Митра или Варуна[218].

— Странно…

— Арийский бог Рудра, — продолжает Беруни, — смешался с главным, доарийским индийским богом юга Ив-дии — Шивой[219] и стал Махайогой — отшельником, создающим ель[220], Махакалой — «Великим Черным» — разрушителем мира. Его символ: черный человек с ожерельем из черепов на шее. Он же царь Танца, указывающий путь к спасению. Карлик, на спине которого он танцует, — человек, впавший в заблуждение. А индийский бор Агни — это же арийский бог Огня! Индийский Индра то же арийский бог[221]. А их великая богиня — Махадеви?

— Арийская богиня?!

— Да. Арийская. Адити — материнское начало Вселенной, воплощение ее световой энергии, Корова из лучей[222], — соединилась с доарийской богиней Индии Шакти (Шачи) — женой Шивы. «Адити — небо, Адити — мать и отец, и сын. Адити — это рождение и все, что будет рождено», — написано в Ригведе, как и в нашей «Авесте». Она — жена Риты. А Рита, как вы знаете, бог мирового порядка у ариев. Брахманы, редактируя арийские «Веды»[223], выработали на основе этого бога понятие КАРМЫ — вселенского нравственного закона. Карма — грех, накопленный человеком, народом, страной в прошлой своей жизни, наказанием является новое рождение, еще одна жизнь. Митра следит за праведностью

смертных: с петлей в руке ловит грешников. Но чтобы не мешать Рите поддерживать баланс добра и зла, некоторых отпускает. Самым страшным грехом считает неправду. И Вишну — главный бог севера Индии…

Ну, уж это чисто индийский бог! Все знают..

— Нет, чисто арийский!

— И как тебя не придушит Митра за неправду!

— Вишну — арийский бог солнечной энергии, соединился с доарийским индийским богом Кришной — черным богом пастухов, бесконечно меняющим своп облик Три великих шага Вишну: восход солнца, полдень и заход, стали в индийском Вишну тремя шагами нравственного пути:

1) самоотречение,

2) мобилизация всех духовных сил в борьбе со злом!

3) путь в небо, устремленность духа ввысь.

Будда — это приход Вишну к людям в облике человека. Вишну — индийский Христос и всадник на белом коне, и Рама — воин, и Нараяна, лежащий на водах в период сна, когда мир гибнет и все покрывается водой, и Шеша — Мировой Змий, свернутый в 90 колец (бесконечность), из которого растет лотос, а в нем сидит Брахма, от которого все и начинается сначала.

…Вишну больше всего боится Махмуд, — устало проговорил Беруни. — Боится его неуловимости… Все встали, опрокинув низкие столики с яствами, поспешно ушли: а вдруг Махмуд сидит где-нибудь за шторой и слушает?

Ох, Беруни, Беруни! Невозможно дерзкий Беруни!.. Он еще утверждает, что между древнееврейской, греческой, христианской, манихейской и индийской религиями есть нечто общее (!). Приводит в своих книгах стихи ГОМЕРА! В одной фразе может соединить… четыре культуры! Вот, например, пишет в «Индии»: «Я не знаю, что индусы разумеют, ставя в связь звуки с небом. Думаю, это похоже на то, что сказал Омир:

Обладательницы семи мелодий (планеты) отвечают и говорят друг другу красивыми голосами.»

Хорезмиец (Беруни) — пишет на арабском об индусах, сравнивая их с греками!!!

Востоковед В, Минорский обнаружил в 30-е годы нашего века в библиотеке министерства по делам Индии в Лондоне рукопись арабского врача XII века Марвази, в которой есть такой текст: «Русы очень многочисленны и видят средство для пропитания в мече. Если умирает один из мужчин, оставляющий дочерей и сыновей, то передают имущество дочерям, сыновьям же — меч… Когда они обратились в христианство, религия притупила их мечи… и вернулись они к трудной жизни… бедности, сократились у них средства существования».

Это тоже Беруни. Отрывок из несохранившейся его книги «История Хорезма». «Русы, — продолжает Беруни, — люди сильные и могучие, идут пешком в далекие страны для набега, а также путешествуют на судах по Хазарскому морю, захватывают суда и имущество, путешествуют и в Константинополь по морю Понтийскому… Их мужество и храбрость хорошо известны, так что один из них равен нескольким из какого-либо другого народа».

Новый, поднимающийся, как заря, народ… Северный сосед Хорезма. Беруни собрал о нем все, что можно было собрать, для включения я этого народа в жизнь века-. При похоронах у русских «добровольно выходит из девушек та, что хочет проводить усопшего в царство мертвых, — дополняет Беруни араб Ибн Фадлая, его современник. — Три дня она вместе со всеми веселится, пьет мед, любят кого хочет, а потом идет на корабль, где лежат покойник и старуха душит ее или перерезает ей горло. Корабль поджигают и Пускают По воде», «Русы — это снег, поля, изумительные музыкальные инструменты, радость при похоронах, льняные рубахи, сапоги, вино, мед. А еще они — печаль царей — так как трудно их победить», — вносит свою лепту в единый благородный процесс познания народами друг друга и арабский географ XII века ал-Гарнати.

Продолжают эту работу и современные ученые. Так, ими было замечено, что названия русских рек: Дон, Днепр, Дунай, Днестр., заключает в себе нечто общее — «ДН». На древнеиндийском «ДАНУ» — вода.

Русский князь Владимир до крещения в христианство поклонялся богам Хорсу и Семарглю, Хоре — по-арийски — «добрый», «хороший». Семаргль — скифское Семург. Или другой факт. Сравните:

санскрит (древнеиндийский) славянский

DIVO — светить → День

BHAGA — покровитель добра, судьба → бог

NABBA — покровитель над землей → небо

На хэттском языке: passi pahur — пасти огонь, охранять огонь.

Сравните: огонь

пасти (*passi*)

латинский — pasco

древнеиндийский — pa

славянский — пасти

Огонь (*pahur*)

греческий — πχr

умбрийский — pir

тохарский — a por

кучанский — puwur

немецкий — feuer

английский — fire

Древнеславянская Абашевская культура среднего Дона и Волги — III тысячелетие до н. э. (современница древнекитайской культуры Иньских государств, Крито-Микенской культуры

в Европе, Халафской в Месопотамии и Иране, Кельтеминарской — в Хорезме) — сошла на нет по мере продвижения за Урал (Горы Рип), попав под влияние Андроновской культуры предков скифов (открыта в 1922 году). Народы Срубной культуры (названа так по типу захоронений в срубах — культура Днепра и Поволжья) двинулись но втором тысячелетии до н. э. в Индию. Может, это и была та масса ариев, которые несли с собой ведические знания? Северная граница Срубной культуры проходила по Каме и Воронежу. Алакульская культура юга Урала была близка к Тазабагъянской культуре Хорезма (открыта в 1953 году), славящейся поклонением Солнцу. «Хорезм» в переводе — «Страна Солнца».

ВСЕ МЫ — ОДНА СЕМЬЯ. И как разворачивается из одной клетки наисложнейший человеческий организм, как из одного ядра — квазара разворачивается галактика, так, может, И народы Земли разворачивались из одной какой-нибудь точки. И как делится клетка, чтобы расти и двигаться, так, может, делилась и Эта точка, и поэтому первые контакты народов друг с другом были контактами одного дома. Но передвижения!.. Во времена Ибн Сины эскимосы, перебравшись через Берингов пролив в Америку, отгоняли индейцев до юга Канады, сбрасывали потомков викингов в Гренландское море[224].

Арии, выделившиеся из единства индоевропейских народов в III тысячелетии до н. э., в конце этого тысячелетия в лице неситов и лувийцев попадают в Малую Азию, что устанавливается документально и новейшими лингвистическими данными. Смешавшись с местными хаттами, они стали называться хэттами, образовали и XVIII веке до н. э. государство со столицей Хаттуса, около современной Анкары (Богазкёо), а на другом конце земли в это же примерно время гибнет в горах Наньшань (северный Китай) государство хуннов. У хуннов и хэттов много общих обычаев, одинаковые прическа (косы), сходна даже необыкновенная, ни у кого более в тот период не встречавшаяся система престолонаследия: от брата к брату, от дядя к племяннику, а не от отца к сыну.

Все переплетено самым причудливым образом. И все же все мы — одна семья, разлетевшаяся по миру и сама же с собой бесконечно встречающаяся, Беруни первым на Востоке ощутил величайшую тайну человечества: взаимосвязь народов и культур. Раздвинул границы мироощущения своих современников, в том числе и Ибн Сины как ученого. Ум драгоценен при всей его природной глубине еще и горизонтом. Всадник лишь в степи развивает божественную скорость. Ибн Сина благодаря Масихи и Беруни, а еще раньше — греку Аристотелю, тюрку Фараби познал душу других народов и культур. Отсюда раскованность, благородство, красота его мышления, ощущение родственности с людьми, противоположными ему по религиозным убеждениям и культуре.

ЦЕНЕН СВОБОДНЫЙ УМ.

По решению ЮНЕСКО в 1968 году на юго-востоке Индии, около Пондишерри, началось строительство города «Утренней зари» — Ауровиля, где будет происходить обмен ценностями различных культур и цивилизаций, В основе города — опыт общины сподвижника Махатмы Ганди — Шри Ауробинго Гхоша, который пытался на практике объединить людей разных национальностей, дать человечеству прообраз их будущего единства перед силами Космоса. В общине жило около двух тысяч человек. Они сами делали бумагу, на которой писали книги, сами сделали ткани, из которых шили себе одежды, и самое главное — изучали ИСКУССТВО того или иного народа, ибо искусство — это максимальное раскрытие и выражение души народа, следовательно, только через искусство и можно установить истинные глубокие контакты друг с другом.

«Когда Махмуд сядет с индусом на один ковер и прочтет ему на санскрите отрывок из «Упанишад», а индус по-арабски прочтет Махмуду отрывок из трактата Ибн Сины «О Любви»… — думает 75-летний Беруни, — тогда настанет та точка кипения, то всеобщее

освобождение, когда можно будет всем человечеством, как одной семьей, совершить исход в Космос», Исчезает, растворяется в темноте лицо Беруни, выточенное самой Мыслью. Али низко поклонился мудрому дерзкому философу, благодаря его за великое сердце, благородный ум, за мужественную дружбу к Ибн Сине на его одиноком пути. Слеза раскаленной горошиной упала на грудь. «Буду ли я находиться подле вас? — подумал Али, — Примите ли вы мою несовершенную душу мосле моей смерти?»

И опять перебил ого мысли исфаханский эмир Ала ад-давля.

1032 год. Ибн Сине 52. Однажды, проходя мимо молодого красивого раба, стоящего у ворот дворца, эмир Ала ад-давля увидел на нем пояс, который недавно подарил Ибн Сине.

— Откуда у тебя этот пояс? — спросил он у раба, — Врач дал!

Эмир сильно разгневался и ударил раба по лицу. Приказал убить шейха. Ибн Сину предупредили, и он, переменив одежду, оставил город.

При нем совершенно не было денег, чтобы содержать себя. Бродил по улицам Рея, опять без угла, без куска хлеба, в лохмотьях суфия, «Когда-то его тепло приняла в этом городе Сайида, — подумал Али. — Давно это было. 17 лет назад».

— Я говорил однажды с Ибн Синой ночью о звездах, — рассказывает Ала ад-давля крестьянину Али, переливая через край кубка кроваво-красное вино. — Дал денег на строительство обсерватории. Славная получилась обсерватория. Всего четыре их было тогда на Востоке: в Багдаде, Дамаска, Каире и вот — моя в Исфахане. Видишь, как я его любил?

Восемь лет отдал Ибн Сина занятиям астрономией, — подводит итог исфаханскому куску жизни Ибн Сины Али. — Написал около 20, книг. Там же, в Исфахане, овладел ноной наукой, Али улыбнулся, вспомнив, как перебил однажды рассуждения Ибн Сины по языку Абу Мансур, бывший когда-то невидимом знаменитого везиря Рея ас-Сахиба. Абу Мансур грубо при всех сказал: «Ты врач и недостаточно читал книг о языке, чтобы твои слова могли удовлетворить нас», Ибн Сина ничего не ответил, — рассказывает Байхаки, — Три года усиленно занимался, затем написал три трактата в стиле ас-Сахиба, изощреннейшего стилиста века, «велел переплести их и поцарапать кожу переплетов. Затем попросил эмира показать все это Абу Мансуру… и сказать, что книги нашли в пустыне но время охоты и что их надо рассмотреть и рассказать о содержании». Многое поставило Абу Мансура в затруднение в этих книгах, И все поняли: знания его были ненастоящие.

Ибн Сине же написал потом десятитомную книгу «Язык арабов», «Трактат о причине возникновения фонем», посвятив его Абу Мансуру в тот момент, когда все отвернулись от него, — «Особенности речи», «Книгу соли относительно синтаксиса» и другие.

«Но самое главное, — думает Али, — Хусайн закончил двадцатитомную «Книгу справедливости», — ту, где дал разрешение 28 тысячам проблем западных и восточных философов».

Все мысли Хусайна, мечущегося по улицам Рея, сосредоточены на этом труде: «Уберегут ли его Джузджани и Масуми?.. Вдруг Ала ад-давля разгромит дом!»

Как тяжело создавалась книга! В седле Ала ад-давля запретил писать, и Ибн Сина писал по ночам, уходя куда-нибудь за склон, где разводил костер. Возвращался из походов, как загнанный зверь из облавы. Джузджани в брат молча ухаживали за ним. Они видели — Ибн Сина тает, умирает, — не от усталости, от унижения… Не отдохнув и часа, бежал к ученикам.

Сохранилась запись, сделанная одним из них. Прослушав ответы учеников, Ибн Сина сказал:

— Я полагаю, истекшей ночью вы потеряли славное время и часть своей драгоценной жизни, предавшись праздности?

— Да.

Слезы выступили у него на глазах, и он глубоко вздохнул.

— Как горько я сожалею, что бесценное время жизни вы истратили понапрасну! Даже канатные плясуны вызывают удивление умных людей совершенством! А вы… Все невежды нашего времени поражены степенью вашего умственного развития!

«Ибн Сина недолго пробыл в Рее, — вспоминает Али рассказ Муса-ходжи. — Гнев Ала ад-давли рассеялся, будто туман, съедаемый утренним солнцем, и он позвал Ибн Сину обратно в Исфахан. «Бедность ума — еще не бедность, — подумал Ибн Сина, — Бедность на дороге — бедность на смерть», и отправился в путь в одежде суфия по Большой соляной пустыне, на юг, через мост Пул-и Деллак к селу Кинарегирду, а от него на Кум и дальше из Кашан, славящийся кубками, медными сосудами, керамикой, зноем и скорпионами (родина учителя Улугбека — Джамшида Каши). Вот уже и позади пустыня, ее сель, затхлые зеленые лужи, глины, пески. Первое горное селение Кухруд, где говорят на древнем диалекте (как в современном таджикском высокогорном селении Ягноб-на древне-согдийском).

Исфахан… Когда-то Александр Македонский основал здесь городок Джей. Теперь это Шахристан, он уступает еврейской части города Йехудийи, где живут потомки плененных в древности иудеев. В Йехудийи библиотека из 3 тысяч книг… Горы окружают Исфахан со всех сторон, кроме юго-востока. Город прорезает реке Зендеруд, теряющая на окраине в песках, — говорят, она уходит под землю, и у Кермашнаха выходит опять на поверхность. Река загрязнена отбросами. Ибн Сина хотел напиться, да раздумал, — а совсем недавно поэты прославляли ее свежесть и чистоту. В западной части города горит в развалинах зороастрийского храма огонь — газ, выходящий из-под земли. Будет гореть вечно.

Ала ад-давля радостно встречает Ибн Сину — этот красивый, высокий, с могучей грудью, весь в шрамах царь по прозвищу «Душманзияр» (Человек, от руки которого страдает враг).

— Хочешь, пойдем на Бухару? Я выгоню оттуда Али-тегина, брата Насра, и поставлю тебя эмиром!

Ибн Сина понял: Ала ад-давля просят у него прощение.

— Ладно, пиши свои трактаты и в седле! Только не убегай от меня больше.

И все засмеялись. Не засмеялись лишь четверо: Ибн Сина, его брат, Джузджани и Масуми. Ала ад-давля заметил это. Приглядевшись, увидел, как постарел Ибн Сина, хотя ему всего 52 года. Как он измучен…

Ибн Сина закончил по пути из Рея в Исфахан «Книгу знаний», поднес ее эмиру. Ала ад-давля открыл первую страницу: «Получен высочайший указ нашего государя, справедливого царя… гордости народа… служителю его двора, который в службе ему достиг всех своих желаний: безопасности, величия, пышности, довольства, занятий наукой, приближенности к нему, чтобы я написал…» Ала ад-давля закрыл книгу. Прекрасно. Он доволен.

К сожалению, цари читают только посвящения… если они звали, что пишут философы внутри! Далее «Я должен был изложить науку богословия, — написал Ибн Сина после посвящения в «Книге спасения», — сказать о вопросах потустороннего, о нравственности,

добродетели, которые только можно достичь в этом «море мук…» А написал он эти строки уже в первые годы своего пребывания в Исфахане.

Впереди работа над рукописью о животных и растеявях для «Книги исцеления», окончательное завершение двадцатитомной «Книги справедливости», «Философия Востока», «Высшая мудрость», книга «Указания и наставления», десятитомная книга «Язык арабов», трак-таты по астрономии и — четыре года жизни. Ибн Сина по крупицам собирает время. «Я никогда не видел, чтобы шейх, просматривая новую книгу, читал ее всю подряд. — говорит Джузджани. — Он выискивал в ней трудные места в запутанные вопросы и смотрел, что говорил о них автор, и для него становилось ясно, какова степень, которую данный ученый достиг в науке».

«Но недолго длилась мирная жизнь, — вспоминает Али, — Ала ад-давля, изо всех сил отстаивая независимость (из всех дейлемитов остался он Один), сразился с Хамдеви — наместником Масуда в Рее, и отступил. Ма— суд прибыл в Карадж (между Исфаханом и Хамаданом). Хамдеви направил посла к Ала ад-давле, «Дашь денег — помирю с Масудом». Ала ад-давля не принял послов, ушел в Изадж, и Масуд беспрепятственно вошел в Исфахан, взял в Плен сестру Ала ад-давли. Ала ад-давля рвет на себе волосы:

— Спаси! — просит он Ибн Сину. — Спаси мою честь!

Ибн Сина пишет: «Масуд, если ты женишься на этой женщине, которая равна тебе по рождению, Ала ад-давля передаст тебе власть». Масуд женился, но Ала ад-давля продолжал воевать. Тогда Масуд прислал посла с условием прочитать перед Ибн Синой, что отдает сестру исфаханского эмира на поругание солдатам. Ала ад-давля кричит Ибн Сине:

— Ответь!

Ибн Сина пишет: «Хотя эта женщина и сестра Ала ад-давли, но теперь она — твоя жена, и даже если ты дашь ей развод, она останется твоей разведенной женой. Ревновать же подобает мужьям, а не братьям!».

Масуд вернул сестру с уважением и почетом, но тут же вошел в Исфахан и разграбил дом Ибн Сины. Увез только что законченную двадцатитомную «Книгу справедливости»… А вскоре и Хамдеви вошел в Исфахан, и Ибн Сине пришлось вообще бежать вместе с Ала ад-давлей из города, … Али встал, напился воды, прислонился головой к мокрой холодной стене. «Если бы совсем исчезло тело, — подумал он, — если б не возвращало оно меня в мир, и я мог бы вечно видеть Ибн Сину В своих мыслях… У меня так мало времени. В могиле будет глухая и слепая тьма».

И снова он увидел Хамдеви, выгнавшего из Исфахана Ала ад-давлю. Отправляет Хамдеви войска набрать провиант в округе Исфахана. Ала ад-давля тут же нападает на город, но тюрки изменяют ему, и он терпит поражение.

1036 год. Ала ад-давля бьется годовой о стену, просит прощения, просит вернуть ему Исфахан — хотя бы за деньги! — тянет время. А сам набирает туркмен и отправляется в Рей. Ибн Сипа По его требованию едет с ним.

Горько вздыхает Али: вот уж поистине: то, что высои Ко для Неба, низко на земле…

Заболел Ибн Сина в 1034 году, — вспоминает Али рассказ Муса-ходжи, — когда Ала ад-давля стоял у ворот Ка раджа, сражаясь с Таш-Фаррашем. Заболел той же болезнью,

какой болел и Шамс ад-давля — куланджем. Но и больного Ибн Сину Ала ад-давля таскал за собой, словно собачонку, но Походам.

Ушел из мира Махмуд. Вместо него продолжают закручивать в смертельный водоворот жизнь Ибн Сины многочисленные эмиры и царьки: от их раздоров, от их походов зависит здоровье Ибн Сины, и то — писать ему книги дома или в седле?

Мир разваливается на глазах, Масуд, сын Махмуда, воюет с Али-тегином, братом караханида Насра за Бухару. Ибн Сина внимательно следит за исходом сражения.

Былое жилище, ты стерто превратностью жизни,
Затоптано в прах… Кого предавать укоризне
За все, что случилось?..

Слезы закипают в Груди.

Выиграл Бухару Масуд. Но у Дабусии вскоре опять взвилось красное знамя Али-тегина и засверкал всеми красками его шелковый зонтик, — знак царского достоинства у караханидов. Сразились… От имени Масуда вышел на бой Алтунташ — наместник Хорезма. Смертельно раненный, скрывая рану, он принял посла Али-тегина и заключил с ним мир. После смерти Алтунташа Харун — его сын — отделился от Масуда… На западе тревожит Ала ад-давля, на севере — опять Али-тегин. А Масуду тан хочется пойти в Индию! А тут еще бунтуют тюрки-огузы, которым Махмуд дал немного земли в Каракумах, расплодились они, никого не слушают, заключают союзы с врагами Масуда! Али-тегин, слава аллаху, вдруг покинул этот мир, но на смену ему прешёл Бури-тегин, сын караханида Насра, Правде, не сразу Бури-тегину досталась Бухара — лишь в 1038 году. Харуна удалось убрать тайным ударом ножа. Ала ад-давля, выгнанный из Исфахана усилиями Хамдеви, не внушал больше опасностей. Масуд облегченно вздохнул и отправился в Индию.

Единственное, чего он боялся, — это объединения туркмен (тюрков-огузов) Тогрула и Чагры с туркменами Балха. Поставил на дорогах посты.

Три года назад туркмены восстали. Но Масуду удалось заманить четырех их вождей и убить. Майманди еще сказал: «Если раньше мы имели дело с пастухами, то теперь с эмирами. С самого начала было ошибкой сажать этих туркмен внутри нашего дома». Сейчас туркмены опять восстали, собрались у Нишапура, чего так боялся Масуд. Масуд жестоко расправился с восставшими, бросил их под ноги слонам. В 1035 году туркмены попросили у Масуда Нису, Фараву и Мере. Масуд рассвирепел и пошел на них войной.

И неожиданно потерпел поражение. Туркмены шли к этой победе с тех пор, как оставили хазарского царя. И победил Масуда Тогрул, который потом пришел под благословение к Абу Саиду, признавшись, что хочет завоевать Газну я Багдад. Абу Саид ужаснулся, но вглядевшись в лицо Тогрула, понял: этот завоюет не только Багдад, но и Византию, чего не удалось сделать арабам. Щадя своих людей, Тогрул и Чагры опять просят у Масуда Мере. «Развязность и домогательство этого народа вышли из границ!» — свирепеет Масуд. И убивает послов. В апреле 1037 года Тогрул и Чагры все же взяли Мере и отправили гонцов к халифу за дипломом на власть.

Так было положено начало сельджукскому государству.

А в сражении при Дандаканане (у Мерва) в 1040 году в последний раз решалась судьба всей державы Махмуда. Масуд и не догадывался об этом, думал: обычный бой. Тотчас туркмены стремительно окружили его. И вдруг Масуд осознал, что не Ала ад-давля, не Али-тегин со своей маленькой Бухарой, а туркмены всегда были и есть главная его беда.

Все уже и уже смыкаются они вокруг него.

Масуду сделалось страшно: «Вот она, смерть! Как глуп этот бой моей самонадеянности с нравом туркмен на жизнь!»

И вдруг Масуд увидел незнакомого всадника, прокладывавшего к нему саблей дорогу. Свободной рукой вея на поводу свободного коня!

Приблизился.

Черпая чалма… Не, молодой, Масуд спрыгнул со спины слона на этого богом посланного коня, и оба выскочили из ада.

Летит всадник, спасший Масуду жизнь, будто стрела. Масуд никак не может догнать его. А догнал…

О, боже! Это отец! Десять лет назад умерший отец…

Мрачно взглянул на сына. Исчез…

Да, держава была погублена. Столь быстрый распад ее поразит потом, через двести лет, поэта Саади. А Беруни, 67-летний, глухой больной старик, даже не заметил этого…

Судьба, не соединившая Махмуда и Ибн Сину в жизни, соединили их после смерти. Горели со скелетом Махмуда в огне рукописи Ибн Сины, привезенные Масудом из Исфахана: двадцатитомная «Книга справедливости» и «Философия Востока». Случилось это в 1151 году, через 114 лет после смерти Ибн Сины. Мелкий правитель с Гиндукуша Хусайн по прозвищу Джахансуз (Сжигающий мир), из династии гуридов, мстя за двух братьев, убитых потомками Махмуда, семь дней жег Газну, выкинул скелет Махмуда Из могилы, скупил все хвалебные оды в его честь, написанные Фаррухи и Уисури, запер их, как узников, в тюрьму. Потом заставил двух потомков Махмуда принести на себе два мешка земли, убил их, смешал землю с их кровью и заложил крепость. Последнего газневида Хосрова Малика взял в плен в 1181 году другой гурид — Му’изз ад-дин.

В 1222 году любимый сын Чингиз-хана Угэдэй разрушил Газну до основания. Лежат теперь ее развалины оплывшим никому не нужным холмом у дороги недалеко от Кабула…

Умер Махмуд в 1030 году. От удушья. Рядом находился, как говорит молва, Насир Хусров.

— Не молчи. Страшно… — хрипел Махмуд.

Хусров спросил:

Как ты смотришь на положение людей в мире?

— Они прощены, — помолчав, ответил Махмуд, — если бы не мое присутствие среди них…

И Хусров опустил голову. ОН — знал эти слова. Их сказал Фудайл — знаменитый разбойник, убивавший и детей. Однажды он услышал, как мать пугала его именем ребенка… И оставил свое дело, стал великим суфием.

О уходящие! — тихо проговорил Насир Хусров, успокаивая умирающего Махмуда. — Кто в мире лучше нас? И кто достойнее дождя в Рассветный час?

Стихи слепого Маарри… Махмуд благодарно прикрыл глаза.

Майманди не намного пережил Махмуда. Везирская иго жизнь, к которой он так упорно стремился, была но полнена коварства, возвышений, падений. Он говорил: «Я вас всех знаю, и так, как было до сих нор, больше но потерплю, придётся вам надеть другую шкуру и

всякому наравне нести свою службу». Враги действительно надели другую шкуру и добились низложения Майманди. Махмуд потом вернул ему везирство, но Майманди сделался другим. Купил тайком за бесценные сокровища египетскую ткань из Тинниса бакаламун. (Румийский султан сказал египетскому: «Возьми сто моих городов за один твой Теннис, где ткут бакаламун и касаб».) Из бакаламуна Майманди сшил «себе халат. Ткань эта принимала, цвет того, что ее окружало. Из касаба — белоснежной, как совесть, сделал чалму и учил в ней искусству лгать:, «Опаснее всего такая ложь, — говорил он сыну, — кото-рая излагается правдоподобно, то тут, то там запинаясь, делая вид, что и сам точно не знаешь всего, и в то же время тонко сводишь концы с концами».

«Ах, если бы я Майманди видел, чем все кончилось! — думает Али. — Все его советы не стоят ничего перед и лицом Закономерности. Она с усмешкой наблюдает, как морщат лбы советники, чтобы предугадать ее ход, а тем более, когда вступают с Нею в борьбу, выставляя против! Нее флажки своих остроумных решений. Закономерность все равно все делает по-своему. На то она в Закономерность». Недаром китайский историк Сыма Цянь назвал ее Небесной преемственностью (Тяньтун). Только она — царь в мире. Всегда проявляет свидетельство своей мощи перед соломенными усилиями людей, даже самых гениальных, стремящихся смелостью ума предугадать ее рисунок! Полибий (римский историк, II в. до н. э.) предложил такую ее формулу:

1. Власть одного выборного лица обязательно превратится в Монархию.

2. Власть нескольких аристократов — в олигархию.

3. Власть демократическая — в охлократию.

И опять, вое пойдёт по кругу.

Сыма Цянь определял закономерность по-другому:

1. Если ЦЗИН>ЛИ, будет ГУЙ (цзин — почтение, ли — закон, гуй — культ личности).

2. Если ВЭЙ>ЧЖИ, будет ШИ (взй — культура, чжи — естественная человечность, ши — сухая мертвящая ученость),

3. Если ЧЖУЙ>ВЭЙ, будет Е (чжуй — прямодушие, вэй — культура, Е — дикость).

Ни в одну из этих формул не укладывался Махмуд. Но Закономерность все же и по отношению к нему сработала: сильный ветер дует лишь до полудня… Чем могущественнее правитель, тем быстрее после него разваливается государство, В мае 1040 года прямо на поле сражения, у Дандаканана, Тогрулу поставили трон. Вскоре он и Чагры завоевали Рей, Хамадан, Исфахан, Балх, Герат, Закавказье. «Сельджуки ворвались, подобно изголодавшимся волкам», — напишет грузинский летописец Липарит Орбелиани, свидетель этих событий, В 1055 году Тогрул возьмет Багдад и женится на дочери халифа! На свадьбе туркмены плясали «вприсядку и прыгали на колени», — пишет сириец Эбрей, В 1071 году византийский император Роман пойдет против Али-Арслана, сына Чагры, с 200 тысячами солдат. У Али-Арслана 15 тысяч, и он просит мира. Но Роман ответит: «Не будет тебе мира, разве что в Рее!» Сказал тогда Али-Арслан войску, рассказывает Ибн ал-Асир: «Кто желает уйти, пусть идет, ибо нет здесь султана, который приказывал бы или запрещал».

Взял меч, завязал узлом хвост лошади, надел все белое, плакал и молился, сидя на коне, А потом пошел в бой и взял Романа в плен.

— Разве я не посылал к тебе за миром? — спросил он византийского императора.

— Изба ей меня от упреков и сделай со мною, что хочешь.

— А что бы ты сделал на моем месте?

— Сделал бы тебе зло.

— А как я поступлю с тобой?

— Убьешь меня или проведешь с позором по мусульманским землям. А может, простишь и поставишь наместником…

— Я имею в виду именно это, — ответил Али-Арслан».

Сыном Али-Арслана К был тот самый Малик-шах, который сделал Омара Хайяма своим недимом, а Низам аль-мулька — везирем. И это над ним, как проклятье, сидел в крепости Аламут Хасан Саббах.

Ибн Сина остро наблюдал за туркменами. Он чувство, вал: за ними будущее. Они — резинка, которая сотрет усилия Махмуда.

«Завершается время жизни Ибн Сины, — горько думает Али. — Завершается жизнь всех, кто был дан ему попутчики…»

«Однажды я пришел к Беруни, — рассказывает судья Валвалиджи, — когда он уже прощался с жизнью, издавая предсмертные хрипы, и грудь его была стеснена. Он молвил: «Что ты сказал мне однажды о подсчете неправильных прибылей?» Я произнес, жалея его: «В таком состоянии…» «Эх ты! — прохрипел Беруни, — Если я покину мир и буду знать вопрос, разве это не лучше, чем если я покину мир и не буду знать вопрос?» Я рассказал ему, а он стал утверждать в памяти, затем он разъяснил мне, что обещал. И я вышел от него, И по пути услыхал крики, возвещающие о его смерти».

Ученик Беруни записал на полях раскрытой рукописи, что лежала на столе, дату смерти своего учителя:

11 декабря 1048 года.

А вот Абу Саид. Он больше не носит свой хырки, сменил их на золотые одежды. «Сто лет продержится в народе дух моего учения, — сказал он себе. — Потом вырастет трава на тропинках к моему мавзолею…» Он несколько раз ездил в Туе из могилу Фирдоуси. Пород нескончаемым потеком шел поклониться поэту, несмотря на то, что духовенство запретило хоронить его на мусульманском кладбище. Похоронили 87-летнего Фирдоуси в его же саду. Недалеко от его могилы — могилы халифа Харуна, Низам аль-мулька и Газзали.

«Я прошу вас, мой Учитель, мой Господин, — пишет Ибн Сине Абу Саид, — вашего взгляда на исполнение молитв, совершаемых в святых местах, на влияние, которое они оказывают на душу и тело человека, чтобы мне опираться на ваш авторитет!». И заплакал, подумав: «Слишком красивым был мой путь для праведного пути»… Подписался в письме — «Бывший святой».

Так же плакал и Фирдоуси перед смертью, о чем не знал Абу Саид. 20 лет скитался старый поэт в поясках правды после того, как Махмуд не принял его «Шах-намэ». И только в Багдаде понял: самое дорогое, что у него было и есть, — это сын. И еще главное — быть похороненным около него. Вот почему он так молил бога но-зволить ему успеть добраться на Багдада до Туса и в Тусе умереть.

Вся жизнь прошла, мне восемьдесят седьмой.

Не надо б мне гоняться за тщетой.
Отцу о смерти сына думать надо.
И в этой думе будет мне отрада….
Ты защищал от бед отца родного.
Но ты ушел от спутника седого.

Готовится к смерти и Али. Ибн Сина пришел к нему, когда в Арке все стихло, и расцвела над Бухарой древняя алмазная книга звезд, Ибн Сина и Али обнялись.

Прощай, — сказал Али. — Завтра я умру.

— Я тоже, — говорит Ибн Сина, — Как?! А разве ты умер в Исфахане?

— Нет, из Исфахана я бежал. Туда прибыл из Багдада новый муфтий. Начал преследовать философов, жечь книги…

— Вот «Даниш-намэ», которую Ибн Сина посвяти вам, — говорит новый муфтий эмиру Исфахана Ала ад-давле. — Последняя, больше ничего от этой пакости не осталось. Сожгите сами, И эмир покорно бросает книгу в огонь… — ту самую которую Ибн Сина посвятил ему.

Несут Ибн Сину в паланкине, как когда-то несли Шамс ад-давлю. Несут двое бродяг, приставших по до-роге. Джузджани отправился вперед, в Хамадан, в дом Абу Саида Дахдука, чтобы приготовить тайный въезд Ибн Сины в город прежних его Мук…

Загадочна смерть Ибн Сины. Очень много сложилось вокруг нее легенд. Одни говорят, что Ибн Сину отравили. Другие — что его по небрежности залечили врачи. Джузд-жани считает, что Ибн Сина сам себя убил. Вот его запись:

«Шейх был крепок здоровьем. Из всех его страстей любовная страсть была наиболее сильной и преобладающей, и он часто предавался ей, что повеяло на его здоровье. Шейх Надеялся На силу своего здоровья, пока с ним Не произошеф припадок в том году, когда Ала ад-давля воевал с Таш-Фаррашем у ворот Караджа. Тогда у шейха появились колики. Страстно желая излечиться и опасаясь отступления Ала ад-давли, в случае чего ему, больному, не удалось бы спастись, шейх по восемь раз и день ставил себе клизмы. Некоторые же кишки его изъязвились, и на них появились ранки. Он вынужден был уехать вместе с Ала ад-давлей, и они спешно направились в Изадж, Там у него опять случился припадок[225]… Несмотря на это, он все же выхаживал себя…

Однажды он велел добавить два даннка[226] семян сельдерея в раствор… Один из врачей, занимавшихся его лечением, положил в раствор пять дирхемов[227] семян сельдерея. Я не знаю, совершил ли он это действие умышленно пли по ошибке, потому что меня тогда не было с ним. У вето появилось еще больше ранок из-за едкости тех семян. Он принимал также наркотик, чтобы излечиться от припадков. Кто-то из его слуг примешал в наркотик много опиума, дал ему выпить. А причиной тому было то, что слуги похитили вещи из его имущества и желали его смерти, ибо опасались последствий своих поступков. В таком тяжелом состоянии шейх был переведен в Исфахан… Он был так слаб, что не мог поднн«аться, но продолжал лечить себя, пока не смог ходить и появляться в собраниях Ала ад-давли. Однако, несмотря на все это, он не остерегался и продолжал предаваться любовным утехам., Поэтому он то… заболевал, то выздоравливал».

Вот такое мы имеем свидетельство Джузджани о последних годах жизни Ибн Сины: походы, женщины, болезнь и по 40–50 страниц философского текста в день, написанных в седле или

в паланкине, о чем умалчивает Джузджани. Из всего «Жизнеописания» Ибн Сины некоторые люди только в запоминают эти слова Джузджани о женщинах.

Давайте память воздадим всем жившим здесь когда-то, — говорит в поздних стихах Ибн Сина, вспоминая о Бухаре юношеской своей любви, что погибла там. Если внимательно читать эти стихи, те ощутишь в них неуловимое присутствие глубокой душевной боли, не успокоенной течением всей его жизни — да какой жизни! — исполнен вой таких ярких событий!

Нельзя желать, чтобы вокруг все было так, как было…
Унять вращающийся круг какая может сила? —

складывает Ибн Сина стихи, превозмогая душевную боль.

Моим хулителям, друзья, поведайте при встрече.
Что буду без обиняков к ним обращать я речи.
Когда я плакал о Сауд, то без моей кручины.
С ресниц немало пролилось на скорбные руины.
Где превратилися во прах былого дома стены,
Я СЕРДЦУ ПРИКАЗАЛ ТОГДА НЕ СОВЕРШАТЬ ИЗМЕНЫ.
Подруги милые Сауд — прекрасные созданья,
Но сердцем овладеть моим явилось к ним желанье.
Старались все они вселить в меня любви тревогу,
Но в сердце бедное мое закрыл я им дорогу…
Меня чернят молвой худой, за пламень страсти поздней,
Мол, надо деве молодой моих бояться козней,
Но прибегать не привыкать клеветникам к обману…[228]

«Если человек любит прекрасный образ ради животного удовольствия, — пишет Ибн Сина в трактате «О Любви», — то он заслуживает порицания. Но если он любит миловидный образ умозрительно… то это следует считать средством возвышения и приближения к Высшему Совершенству, поскольку он испытывает более близкое воздействие Чистого Объекта Любви… И это делает его достойным того, чтобы быть всегда изящным и мило молодым. По этой причине не бывает так, чтобы сердца проницательных людей из числа тех, кто обладает острым умом и философским мышлением… не были заняты тем или иным прекрасным человеческим образом».

Сердца наши скальной породы
Связала любовь от того.
Что ты неприступна, как камень, —
а я — терпеливей его, —

пишет седой Ибн Сина, вспоминая о юношеской своей любви к бухарской девушке Сауд.

Великое долгое Целомудрие от приближающейся смерти начинает прощаться с бытием… Ибн Сине осталось жить два года. Он не знает об этом. Но плоть его предчувствует это и прощается с жизнью. Седая его душа чистым инеем ложится на светлый цвет юности, бережно сохраняемый и молчании сердца.

Не ты ли, исчезнув, со временем тайною стала?
И прошлое мне эту тайну раскрыть завещало, —

написал в последний год жизни Ибн Сина о своей далекой любви к Сауд.

Али перевернулся весь в слезах лицом к стене» чтобы не видеть солнца, упавшего ему на глаза. Как может солнце светить, если Ибн Сина умирает?!

Вот несут его в паланкине через пески и горы к Хамадану.

Середина июня. Нещадно палит солнце, вставшее над планетой в зенит.

Пустыня и горы — последнее, что видел Хусайн. Даже птиц нет. Нет ящериц, варанов, сурков. И трава не пробивается, — значит, нет и подземных вод. Марево великого зноя отнимает плоть у Гор и песков. Дрожат они, будто крылья остановившейся в полете стрекозы, и кажется, дунет ветер — отлетят прозрачной осенней паутинкой, и обнажится небытие, куда идет Ибн Сина, Вся красота жизни: с шумом бьющиеся о землю яблоки, ворочанье гор, стремительная чистота водопадов, любовь, приминающая траву, — все это — легкая паутинка на морде дьявола. Всего лишь… — думает Али. — Только умирающий понимает это. Смерть — это когда гримасу страдания тяжелой надрывной земной жизни стирает с посиневших губ улыбка отдохновения. Оказывается, страдания наши — всего лишь паутинка, которая с последним вздохом улетает в Космос и навечно остается там, зацепившись за какую-нибудь звезду.

… «Когда шейх достиг Хамадана, — пишет Джузджани, — он понял, что силы его упали И Не могут оказать сопротивления недугу… И Перестал себя лечить».

Легкий светлый звон, словно ударяет ветер в нефритовый колокол. Это пришла мать. Каждый ее шаг — серебряный. От украшений, вплетенных в косы. Она в два раза младше своего умирающего сына.

А вот я отец — свет, ступающий по алым розам. А вот три и в небе: Аристотель, Фараби и неизвестный философ. Молчание между ними… Ибн Сина склоняет голову.

После смерти они встретятся в сфере Приобретенного разума. Души их встретятся… И их имена, светом написанные на свете, откроются друг другу.

Имя Неизвестного философа проступило из забвения благодаря усилиям учёных многих стран лишь в 1952 году, более чем через полторы тысячи лет после его смерти[229]. Его книга «О высшем Добре», которую Фома Аквинский назвал «Книгой о причинах», так и шла из века в век под именем Аристотеля, В Европу она попала с арабского Востока. И вдруг обратили внимание на то, что таинственная эта книга похожа на книги так называемого Псевдо-Дионисия Ареопагита, которые были обнародованы в 532 году в Константинополе на Вселенском соборе!

Дионисий Ареопагит — первый ученик апостола Павла в Греции. Когда Павел проповедовал в Ареопаге[230] учение Христа, все, послушав его, начали смеяться, кроме одного — Дионисия, ставшего впоследствии его учеником, Но странное дело — книги, обнародованные в 532 году, содержали в себе выдержки из Прокла! Как же Дионисий, живший в и веке, мог знать Прокла, жившего в V веке?! Стали называть автора этих книг Псевдо-Дионисием. А тщательный анализ текста определил возможное место и время создания их — Сирия, V–VI века. Изучались книга за книгой, документ за документом, церковная история, борьба монофизитов и диофизитов[231]… Все безрезультатно. В 1900 году ученый Г. Кох сказал: «Кто был этот таинственный человек? Даже сфинкс раз и навсегда отказался отвечать «на этот вопрос».

И вдруг, перелистывая «Жития святых», составленные разными деятелями церкви, бельгийский ученый Э. Хонигман обнаружил, что епископ Майюмы[232] Петр Ивер сделал днем поминовения Дионисия Ареопагита 3 октября, а рядом, 4 октября, поставил день поминовения некоего учителя (?) Дионисия Ареопагита — Иеротеоса.

Э. Хонигман пересмотрел все церковные книги. Нигде, — ни в античной литературе, ни в христианстве, ни в Новом завете, ни у каких апостолов, ни у отцов церкви имени такого —

Иеротеоса нет! Значит, имя ВЫДУМАННОЕ? Так кого же скрывает этим именем Ивер? Кто умер 4 октября из его окружения?

Умер Иоанн Лаз. Учитель Петра Ивера. В таком случае получается, что Пвсевдо-Дионисий — это Петр Ивер?!

Но мы не знаем ни одной книги, подписанной таким именем! Значит, надо доказать, что Петр Ивер писал книги.

Грузинский ученый Ш. Нуцубидзе обнаружил в «Церковной истории» Захария Ротора фразу о том, что якобы Петр Ивер видел приписываемую ему книгу монофизита Иоанна Александрийского, прочел ее и… проклял фальсификатора! Значит, Петр Ивер ПИСАЛ КНИГИ! Но ученый Отто Барденхевер установил, что никакого Иоанна Александрийского в то время не было… А кто такой Захарий Ритор, сообщивший нам о факте плагиата? Ученик Петра Ивера, грек, историк церкви, глава философов-неоплатоников Газы, Ну, если такие ученики были у Петра Ивера, то каков же сам учитель?! Не мог же он не создать что-либо заметное! А мы, однако, ничего из его трудов не знаем… Труды Захария Ритора знаем, а труды учителя его не знаем. Странно. Тем более, что сам Захарий Ритор говорит: «Тот Дионисий из Ареопага, который из мрака и заблуждения язычества достиг особливого света познания через нашего РУКОВОДИТЕЛЯ Павла, говорит в книге, которую он посвятил божественным гименам…» Вот это да… Апостола! Историк церкви фамильярно называет «руководителем»!!! И потом, нет никакой книги о божественных именах у апостола Павла!

Вторая фраза Захария: Петр Ивер «сделал нечто выдающееся, но он, Захарий Ритор, предпочитает об этом умолчать, так как пришлось бы говорить слишком много…» А между тем стало уже известно, что Петр Ивер в монастыре имел прозвище Павел, считался как бы вторым апостолом Павлом. И писал книги. Но но подписывал их, придерживаясь своего учения о Мистическом молчании, как форме выражения мистического знания.

Остается последнее: найти достоверно принадлежащий Петру Иверу текст и сравнить его с книгами Псевдо-Дионисия. Вот фраза из четвертого письма Ивера: «Не будучи человеком, как и нечеловеком, бог из людей — высший в человечности, как сверхчеловек, стал истинным человеком». А это не только по стилю и сути равно всей философии Псевдо-Дионисия, но и является СЛОВО В СЛОВО фразой из введения книге Псевдо-Дионисия к «Божественным именам», где разработаны учения о негативной диалектике в Иерархии.

Да, автор — Петр Ивер, — сказала ученые, — Но кто он?

Открываем «Биографию» Петра Ивера, написанную его учеником: Петр Ивер — грузинский царевич Маруана (Ивер значит «грузин»), сын грузинского царя Бурзена, отправленный в 12-летнем возрасте заложником в Константинополь к императору Византии Феодосию II (Грузия выступала тогда с Византией в союзе против Персии). Иоанн Лаз — монах из Колхидской академии (западная Грузия), откуда и был призван в 35 лет к мальчику. При императорском дворе в Византии царевич и вырос. В 19 лет его назначили командиром всей византийской конницы. Его имя упоминается и среди сенаторов Византии. Но царевич отказался от всех званий и тайно бежал с учителем в Иерусалим, где постригся в монахи и построил в пустыне монастырь.

Так круто изменить жизнь в столь раннем возрасте?! А не миф ли это?

Что была тогда Византия? Славилась набожностью.

В письмах, на пороге дома, на одежде ставили

Боялись моря, пустынь, гор, лесов. Плавали, «едва не задевая веслами за сушу». Природу считали отрицанием цивилизации. Цивилизация — это город. Признак города — не рынки и храмы, как на Востоке, а нравственность. Презирали плотскую любовь. Ценили целомудрие в семейной жизни. Император Феофил сжег торговое судно жены, так как для византийцев не было худшего позора, чем спекуляция. Императоры гордились бедным происхождением. Носили на пурпурных с золотом одеждах… мешочки с пылью как напоминание о бренности мира. Раз в год омывали ноги нищим в память о кротости Христа, Если император одерживал победу, шел по Константинополю босиком, ведя в поводу белого коня с иконой на спине. Признаком бедности считалось жить с соседом стена в стену, когда до тебя доносятся запахи с его кухни. Византия не хотела ни с кем из своих соседей жить стена в стену. Эдесса, расположенная глубоко в Малой Азии, как бы держала на расстоянии Иран. Но как сжигала Византия на главной Константинопольской площади в гигантской медной статуе Быка своих врагов, так сжигали ее самою политические интриги и коварство: из 109 императоров 15 были отравлены, 20 задушены, 12 погибли в тюрьме, 18 сами отказались от престола.

На фоне трагической изменчивости политической жизни стояли на улицах, В лесах, Полях, по берегам рек и озер столпники — физически обособившиеся от мира святые, противопоставившие себя цивилизации. Первый такой столпник — пастух Симеон, встал за 33 года до рождения Петра Ивера, и стоял еще 49 лет, ошеломив всех 80-летним своим стоянием. И цари приезжали к нему на поклон!

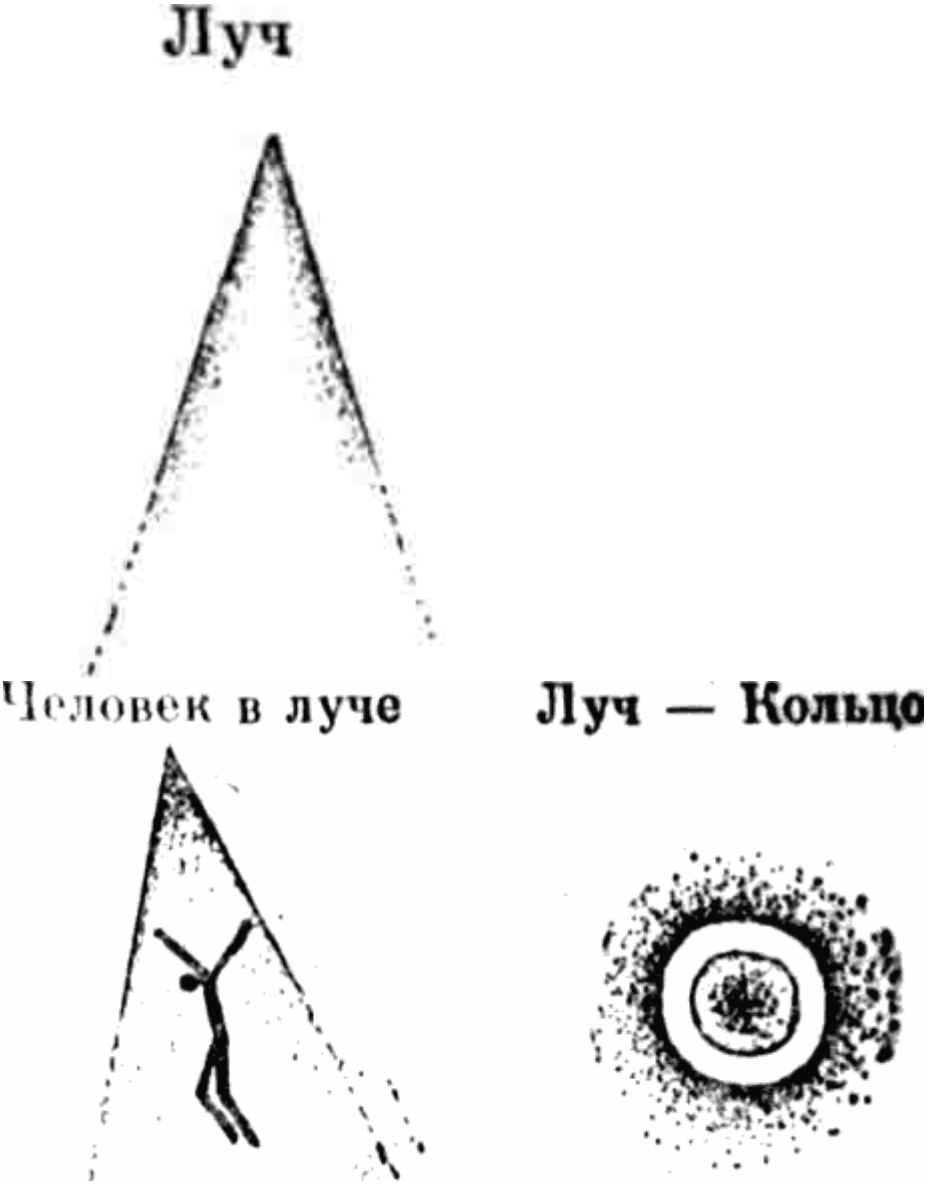
Дух стоял против бездуховности., А что такое Иоанн Лаз? Это Колхидская академия. «Сами греки шли туда в III–IV веках учиться греческой философии», — пишут византийские историки. В Колхидской академии учился и дед Петра Ивера — царь Бакур. Глава неоплатоников IV века философ Либаний пишет в 392 году грузинскому царю-философу Бакуру: «Многие хвалят у нас твою мудрость, благодаря которой ты выходишь… победителем в философских спорах».

Кроме того, Иоанн Лаз дружил с философом Про-пом…

Так что же, могла Колхидская академия перевесить высокую честь быть командующим византийской конницей? По жалуй, могла, царевич вел странный образ жизни, рассказывают биографы, голодал, чтобы унять жар плоти, под царской одеждой носил грубую одежду грузинских крестьян, лечил простых людей, спал на голой земле, много помогал бедным, все делал сам. «Руки мои да служат мне», — любил он говорить.

Ну а, может, все же это легенда? Где, например, тот монастырь, который Ивер построил в 445 году и в кото-ром прожил почти всю жизнь? В 1946 году итальянский археолог от Ватикана Вирджилио Корбо копал в Палестине холм, где якобы стоял монастырь Петра Ивера. И нашел его. На полу выложены грузинские слова, среди них имена Петра Ивера — Маруана и его деда — Бакура. Петр Ивер жил с 411 но 491 год. Иоанн Лаз, друг Прокла, — 1395 но 465.

Петр Ивер знал Прокла наизусть. После смерти Иоанна Лаза двадцать лет думал над вопросами, оставленными Проклом. И вдруг однажды перед глазами возник образ, как он утверждает сам в письме, троичного Света:



Это и было зримым выражением его философского открытия, его высочайшего гуманизма, выраженного средневековым языком: два противоречия в этой средневековой триаде разрешались, снимались, входили в закольцованность вечности и означали на языке философа слияние высокоодухотворенного человечества со Вселенной.

Итак, книги, написанные Петром Ивером. Первая — «Книга о причинах», известная Ибн Сине как книга «О высшем Добре», — единственная, написанная на грузинском языке, все остальные на греческом (преподавание в Колхидской академии велось на старогреческом языке Сократа и Аристотеля), Петр Ивер всю свою жизнь провел в нужде, мучениях, притеснениях, гонениях, в борьбе против бездуховности и насилия, избегал светских, особенно государственных деятелей, стремящихся использовать его. Тех нескольких человек, которые знали о его книгах, он принуждал хранить молчание и после своей смерти в течение двадцати лет. Говорил, что труды написал для своих лучших учеников, а если б не они, унес бы свои откровения в могилу. «О, брат! — обращается Ибн Сина в конце своей последней философской книги «Указания и наставления», написанной за год до смерти. — Оберегай учение мое от людей невежественных и пошлых, и тех, кто не наделен пламенным разумом, не обладает опытом и навыком в философии, кто склонен к шумливости,

юродствующих лжефилософов… Если ты опорочишь эту науку и погубишь ев, встанет между тобою и мною бог».

Через 40 лет после смерти Петра Ивера его книги обнародовал Зах&рий Ритор, но сохраняя клятву, данную учителю, поставил на них имя Дионисия Ареопагита… Книги сразу же потрясли мир. Их стали читать в Александрин, Антиохии, Риме, Месопотамии, Кесарии, Каппадокии и других центрах мысли того мира. Книга и божественных именах» была любимой книгой протопопа Аввакума, XVIII век.

Сулхан-Саба Орбелиани, будучи в начале XVIII века и Риме, узнал, что Петр Ивер считался в христианстве монофизитом (на тем лишь основании, что его книги обнародовали Монофизиты). Катали кос Грузии тотчас выбросил Петра Ивера из святых, куда он был включен в VII веке усилиями философа Максима Конфессора. Таким образом, учение Петра Ивера было повсюду проклято как еретическое, в том числе и оторвавшаяся от его книг «Книга о причинах», В XII веке папа римский судил эту книгу и предал ее анафеме. После смерти Петра Ивера 13 старцев — учеников его и друзей, в тем числе и Захарий Грузии, вернулись на родину, в Грузию, исполняя завет своего учителя. Они-то и принесли с со? бой все книги своего наставника, А в Грузии — диофизиты. Значит, 13 старцев принесли тайну? И грузинские философы не могли прямо говорить о Петре Иверe? Так есть. Поэт-философ Чахрухадзе, современник Ибн Сины, говорит:

Лишь Дионису,
Вторя Эносу,
Славить Тамары мысль.

Энос — это философ из кружка Захария Ритора, ученика Петра Ивера. Значит, кому нужно поймет, о каком Дионисе идет речь. Знал учение Петра Ивера и Шота Руставели.

Мудрый Дивное открывает дела скрытого исток.
Лишь добро являет миру, а не Зло рождает бог.
Злу отводит он мгновенье, а Добру — пространен срок.
Ввысь подъяв его истоки, где нетленного порог.

Не смея назвать по имени Петра Ивера, грузинские философы называли его «Овеянный славой величия»…

А как же «Книга о причинах» попала к арабам?

Арабы не смогли завоевать Грузию и пошли в Европу кружным путем: через северную Африку и Испанию, но контакты с Грузией, завязанные в 655 году, не порвали, так как родился у арабов глубокий интерес к народу, оказавшемуся непобедимым. В VIII веке жил в Грузии араб-посол Або. «Когда он прибыл в Грузию, то духовно сблизился с князем Нерсе… и обучился грузинской письменности, — пишет друг Або Иоанн Сабаснидзе. — Або изучил и «Книгу о причинах», написанную на грузинском языке, и по достоинству оценил ее учение о том, что «Добро есть подражание вечному Добру», — продолжает Сибаснидзе. Книга была вскоре переведена на арабский язык с грузинского. Кроме того, на арабском имелось «Мученичество Евстратия» — диалог судьи Агриколы (античного язычника) с философом-христианином Евстратием. Агрикола говорит:

— Изложи мне диалог Платона «Тимей».

И Евстратий под видом «Тимея» излагает… «книгу о причинах» Петра Ивера (!), известную Фараби и Ибн Сине под названием «О высшем Добре» и под авторством Аристотеля, Итак, «Книга о причинах» с IX века существовала на арабском языке, переведенная с грузинского. В XI веке в Грузии эта книга погибла, В Европу она попала с арабского Востока, На сирийском языке имелось переложение ее, сделанное учеником Петра Ивера Сергием из

Ришаины, сирийцем (единственная рукопись находится в Англин)[233]. Фараби знал сирийский язык. «Мысль Петра Ивера о том, что божественное вмешательство предполагает СТУПЕНИ мира, без которых оно не может творить, и что мир в своем целом не есть создание бога, а в нем участвуют силы, составляющие СТУПЕНИ природы, — все это было усвоено Ибн Синой из книги «О высшем добре», — пишет ученый Ш. Нуцубидзе.

При изучении взаимовлияния Востока и Запада в «рассматриваемый период, — пишет Г. фон Грюнебаум, — часто недостаточно учитываются все последствия того фанта, что средневековый Восток и средневековый Запад имеют в значительной степени одни корни. Неоплатонизм, например, является неотъемлемым компонентом общего интеллектуального багажа… который остался живым и активным элементом во всех трех возникших культурах латинской, византийской, мусульманской.

Псевдо-Дионисий на греко- и сироязычном Востоке, Эриугена[234] на Западе и Ибн Сина… на арабском Востоке являют собой последовательные высшие точки и развитии в средние века именно этой составляющей общего наследия[235].

Взаимосвязь между Востоком и Западом в средние века никогда не будет точно определена и оценена без осознания и учета их фундаментального культурного единства».

Все мы — одна семья. И низкий поклон тем ученым. Которые целую жизнь тратят на то, чтобы вернуть человечеству всего лишь одно забытое имя! Мы должны все знать о себе, чтобы правильно идти вперёд. Если бы Не Кропотливая работа учёных, не произошло бы воскрешение Фараби, Беруни, почти стертых забвением. Их труды были заново открыты в XIX — XX веках. Только XX век впервые издал теорию параллельных линий Омара Хайяма, в которой были, оказывается, зачатки неевклидовой геометрии! Без Э. Шлимана[236] и А. Эванса[237] Троя и Лабиринт царя Миноса так и остались бы сказками.

Греки ничего не знали о хэттах. Гомер слегка упомянул, что один хэттский царь пришел на помощь Трое и погиб. А ведь между хэттами и Гомером расстояние всего в 400 лет! Значит, греки ничего не видели дальше четырех веков! А мы благодаря немецкому востоковеду Г. Винклеру знаем столицу хэттов — Хаттусу (холм Богазкёо близ Анкары). Чех Б. Грозный расшифровал нам хэттский язык. Советский ученый н. Никольский обнаружил влияние хэттского законодательства на библейские законы, Значит, мы видим на 37 веков дальше греков Гомера!

Вся жизнь немца Гротефенда ушла на то, чтобы подарить человечеству 9 алфавитных знаков знаменитой Бехистунской скалы, где ахеменидские цари — Кир и Дарий рассказывают о себе. Работу Гротефенда продолжил англичанин Г. Роулинсон. И вот сегодня дети но всех школах мира читают полностью эти тексты на уроках истории. Мимо скалы проезжал, двигаясь на юго-запад от Хамадана, в страну курдов, Ибн Сина вместе с эмиром

Шамс ад-давлей.

Фантазией, узорами считались и клинописные таблички Ассирии, пока ученые не расшифровали их. Лэнард подарил человечеству в XIX веке знаменитую столицу Ассирии Ниневию это кровавое «Логовище Львов». Французы раскопали шумерский город Лагаш и показали нам чудо — голову шумера, жившего 5 тысяч лет назад! Англичанин Д. Смит прочитал добиблейский (!) вавилонский миф о потопе. В 60-х годах нашего века итальянские археологи вскрыли государство Эблу, 3-е тысячелетие до н. э., о котором никто не упоминал — даже библия! А шесть лет назад, в Китае, в провинции Шэньси, открыли гробницу знаменитого императора Цинь Ши-хунади (221–210 гг.), В гробнице — 6 тысяч глиняных солдат в натуральную величину, А если распутать клубок народов Центральной Азии, Великой Степи и юга Сибири — этого «народовержущего вулкана», как сказал н. Гоголь,

или Средней Азии а Ближнего Востока — уникальнейшего места на земле, где пересеклись все основные мировые религий, передвижения народов и рас, — этот таинственный узел человечества (!), то какая открывается глубина! Оказывается, как сообщает Л. Гумилев, аборигены Китая были белоголовыми и голубоглазыми, как и аборигены Монголии. А потом откуда-то пришли черноголовые. Китайцы до сих пор так себя называют. Киргизы Енисея были сначала европеоидным народом — светловолосые, голубоглазые, потом они отюречились.

А Средняя Азия, этот невидимый непроходимый заслон! Сначала он пропускал все движения центрально-азиатских и южноалтайских племен и народов на запад, начиная с 3-го тысячелетия до н. э. Некоторые из этих народов — скифы, например, — получили у ученых название арийских народов, Лувийцы и неситы, — которые, смешавшись с местным — хаттами, стали хэттами, тоже считаются в науке арийскими народами.

Новая арийская раса, копившаяся в Малой Азии и Междуречье, зрела в лоне семитской Ассирии, изумившей жестокостью мир[238]. И Кир — это взорвавшееся цветение ариев, первое их слово в истории человечества. Он — основатель великой Ахеменидской державы, сменившей более чем полутысячелетнее господство Ассирии, был первым арийцем, перед которым история склонила голову. Персы называли его отцом, греки — образцовым государем, иудеи — помазанником Иеговы. Шел ли он в Египет, Вавилон, на запад — в Лидию, — везде одерживал победы. А направился в Великую Азиатскую Степь, и она остановила его, словно был какой-то запрет идти на восток. Царица кочующих массагетов (скифов) Томирис засунула голову Кира в мешок с его же кровью, мстя за сына, погибшего в Лидии от ахеменидского союзника — лидийского царя.

Дарий, отстоящий от Кира всего на 8 лет, снова потряс мир жестокостью, худшей, чем ассирийская. Тогда выше из-под крыла Истории великодушный мальчик Александр Македонский и стер Ахеменидов. Теперь слово за греками, Александр удивил мир великодушием, как когда то Кир. Дарий III лежал в повозке, пронзенный рукою своего приближенного, и умирал, оставленный всем. Кроме собаки, и Александр плакал вместе с ним, а потом похоронил его по-братски, заколов его убийцу.

Принял послов покоренной Нисы в одежде воина, чем внушил ужас старикам, А когда принесли подушку, усадил на нее самого старого. По трудным горным дорогам быстро двигалось войско, отставал учитель Лисимах —, Александр отставал вместе с ним, хотя сзади настигал враг. Читая письмо-донос на своего врача Филиппа, — мол, лекарства его — отрава, — пил настой, поднесенный. Филиппом. Спал, кладя под голову «Илиаду» и кинжал. Но я он же переловил около Хамадана всех касситов и принес в жертву умершему от обжорства другу Гифестиопу.

Средняя Азия не покорилась ему: ни родина Ибн Сины — Согд, ни родина Беруни — Хорезм. Разбивались потом о Среднюю Азию и другие завоеватели.

Пробили эту невидимую непроходимую грань лишь тюркюты Ашина… Хунны не пробились дальше Семиречья после 300-летних битв, осели в Семиречье небольшим государством Юебань. Тюркюты отодвинули границу напряженности до Ирана, заполнив собою Согд. Так представьте, какая сложная взвесь оседала каждый век по обеим сторонам этой невидимой грани! И никогда бы мы не взглянули с научной точки зрения на этногенез среднеазиатских народов без подвига ученых. Так бы и думали, что Абруй — это персонификация реки Зеравшан, как считали и в начале XX века. Так же и слово «Ашина»… Что мы знали о нем? Несколько вскользь брошенных ничего не значащих фраз, пока русские ученые Н. Бичурин — его монашеское имя Иоакинф, — друг Пушкина, и Г. Грумм-Гржимайло, а Из советских С, Толстое, А. Семенов, Л. Гумилев не раскрыли но всех тонкостях И деталях сложнейшее переплетение судеб Великой Степи, Средней АЗИИ, Ирана, Византии и Китая. Они научили

нас изучать малейшую клеточку этого региона в ДВИЖЕНИИ, в обязательном взаимоотношении с осью тогдашнего мира: Дальний Восток, Средняя Азия, Ближний Восток (Великий шелковый путь). И теперь нельзя уже рассматривать жизнь Ибн Сины, народные корни ею философии, ограничиваясь лишь историческими рамками саманидской эпохи. Это метафизический метод, статика тезы.

Уникальная особенность Средней Азии — постоянная диалектическая взаимосвязь двух противоположностей: цивилизации (государства) и природы (Великая Степь), постоянное изменение в силу этого этнических, языковых, этнографических, исторических состояний. Это река, вобравшая в себя все родники. Многие из них иссякли, но они живут в общем движении воды. Вот та почва, которая родила Мухаммада Хорезми, Фараби, Ибн Сину, Беруни, Омара Хайяма, Улугбека… А не одна только эпоха Самани или Тимура.

Египет, например, лежит сфинксом у дороги человечества, как опыт одной расы. 6 тысяч лет — с 5-го тысячелетия до н. э. до VII века н. э. — здесь сохранялся, как сообщает Л. Гумилев, ЕДИНЫЙ РАЗГОВОРНЫЙ ЯЗЫК!!! Явление, невозможное для Средней Азии… А социальная единица Египта — феллахи (земледельцы), начавшая действовать еще в 3-м тысячелетии до н. э. (!), живет до сих пор, законсервировавшись и медленно остывая в точке, покоя.

Междуречье — неторопливая борьба двух рас — семитской и арийской, тезы-антитезы.

Центральная же и Средняя Азия — попытки найти форму существования нескольких рас. Стоит, например, тюркют Истеми на левом‘берегу Волги и смотрит на правый, куда только что убежали от него авары. Что это за народ? Одни говорили: «apar — apürim» — телесное племя фуфоло. Турецкий ученый Bahaeddin Oquel совсем недавно доказал, что apürim — не название племени, а название Рума (низантии). Теперь мы знаем: АВАР = вар + хунны. ВАР же = аланы + сарматы. Значит, АВАР= (аланы+сарматы) + хунны, то есть арии + монголы. А другие народы? Ученые доказали, что КАМСКИЕ БОЛГАРЫ, например, — это древний тюркский народ, ХАЗАРЫ = булгары + тюркюты, АЛАНЫ = арии, родственные скифам, ТУРКМЕНЫ = аланы + тюрки (как считает ученый Хирт), а некоторые ученые прибавляют еще сюда огромные скопления римских пленных Красса, разбитых парфянским царем в и веке, ПОЛОВЦЫ — потомки кипчаков, КИПЧАКИ же — потомки аборигенов Алтай ДИНЛИНОВ — голубоглазой европеоидной азиатской расы[239]. Эти формулы — гимн ученым, подарившим нам прошлое. Представить даже страшно, чтобы все это кануло в забвение! Труд ученых — это открытие истоков, улыбка седого прошлого, его рукопожатие. Мы вместе, мы наконец-то нашли друг друга, я теперь ты знаешь, почему у тебя щемит сердце, когда ты оказываешься в Степи после своего столичного города, и ветер и солнце обрушиваются на тебя — это твое прошлое говорит в тебе. Теперь ты знаешь, почему можешь ночами сидеть у костра слушать древние предания, — ведь это тоже твое прошлое, ты сам — стучатся в твое сердце. Итак,

ОСЕДЛЫЕ — (культура, город, теза)

КОЧЕВЫЕ — (природа, Великая Степь, антитеза)

? — А что же растворяет в себе, объединяет в Высшей гармонии тезу, антитезу?

Император Тайцзун пытался соединять изысканнейший Китай и искреннюю простодушную Степь, то есть осуществить положительный синтез тезы — антитезы. Такой синтез осуществили европеоидные юечжи и саки, вошедшие в Среднюю Азию но И веке до н. э., давшие ей расцвет в великой Кушанской империи и в Государстве Канной. Это были большие народы. Волна сплеталась с волной.

«А вот чудо… тюркюты Ашина. И они были в Средней Азии в абсолютном меньшинстве, — пишет Л. Гумилев. — Сколько бы дружинников ни увел с собой Истеми с Алтая, они стали каплей в море покоренных областей. Казалось, должны были либо раствориться без следа в местном населении, которое мы вправе называть тюркским… либо стать его жертвой. Однако кочевники Семиречья, Чуйской долины, низовьев Волги, Кубани, верхнего Иртыша, Ишима выказали… полную лояльность династии Ашина, Точно так же повели себя оседлые обитатели оазисов бассейнов Тарима и Зеравшана, и даже горцы Гиндукуша и Кавказа».

Почему? Потому что разобщенные до тюркютов племена вкусили сладость мирной жизни. Кроме того, борьба за Великий Шелковый путь была жизненно необходима всем, а тюркюты взяли на себя охрану этого пути. Впоследствии жители халифата, «сталкиваясь с тюрками, — продолжает Л. Гумилев, — отметили их удивительное умение находить общий язык с окружающими народами. Эти кочевые тюрки проявлялись вне зависимости от того, приходили ли они в новую страну как победители или кай госта, как наемники или как военнопленные рабы, — в любом случае они делали карьеру с большим успехом, чем представители других Народов».

Это свойство тюрков отметили и древние. Фахруддин, историк XII века, например, пишет: «Что за причина славы и удачи, которая выпала на долю тюрок? Ответ: общеизвестно, что каждое племя и класс людей, пока они остаются среди своего собственного народа, среди своих родственников И в своем городе, пользуются уважением И почётом, но когда они странствуют и попадают на чужбину, их презирают, они не пользуются вниманием. Но тюрки наоборот: пока они находятся среди своих сородичей и в своей стране, они представляют только одно племя из числа других турецких племен, не пользуются достаточной мощью, и к их помощи не прибегают. Когда же они из своей страны попадают в другие страны — чем дальше они находятся от своих жилищ и родных, тем более растет их сила, и они более высоко расцениваются, они становятся эмирами и военачальниками. Среди изречений Афрасиаба, царя турок, безгранично умного н. Мудрого, было изречение: «Турок подобен жемчужине в морской раковине, которая не имеет ценности, пока живет в своем жилище, но когда она выходит наружу из морской раковины, то приобретает ценность, служа украшением царских корон и чистых невест».

Чудо — в умении растворять в себе культуру другого народа и этим самораскрываться. Для нас, потомков, не имеет смысла борьба, предположим, саманидов и караханидов. Мы одинаково принимаем, растворяем в себе и поэзию классика персидско-таджикской литературы Рудаки, и поэзию одного из основателей тюркской поэтической школы — караханида Юсуфа Хас Хаджиба Баласагуни.

Тюркюты же умели подниматься над конфликтом своего времени Б РАМКАХ СВОЕГО ЖЕ ВРЕМЕНИ! Это действительно чудо. Тюрки равно уважали, вбирали в себя всякую мысль и красоту.

Средняя Азия росла и прозревала. На стыке культур, в здесь надо искать душу Ибн Сины, секрет его Неисчерпаемости и глубины.

ПАМЯТЬ ПОТОМКОВ, МУДРОСТЬ НАРОДА, МЫСЛЬ ГЕНИЯ — вот та третья ступень диалектики, где противоречия борьбы двух разных культур растворяются, оформляются в ПРЕДАНИЯ у народа, в МЫСЛЬ у философа, в высокую ПОЭЗИЮ у художника.

В лоне роскошной согдийской культуры, в которую тюркюты влетели на быстрых алтайских конях С золотою головою благородного Волка (Ашина) на белом знамени… не потеряли себя, не исчезли в море другого народа, хотя и приняли в себя всю его культуру: они вовремя умели уходить э Степь, где в тихие минуты душевной сосредоточенности перебирали в душе чистое серебро строгих преданий родины, щедро насыпанных в дорогу материнской рукой.

А как ЦИВИЛИЗАЦИЯ хранит свои знания? Китай, например, в 1010 году (когда Ибн Сине было 30 лет) замуровал в пещерах Дуньхуа 40 тыс. рукописей на китайском, согдийском, уйгурском, тибетском и древнеиндийском языках. Их нашли в 1900 году. Почему китайцы это сделали? Они понимали: в любую минуту мир может сойти на нет, погибнуть. Китайцы много испытали… Они прошли через циньскую эпоху… когда император Цинь Ши-хуанди решил путем лишения народа его духовных ценностей сделать из него раба. Но китайский народ противопоставил императору свою тысячелетнюю, бережно охраняемую культуру: пять древних канонизированных книг, среди которых «И-цзин» («Книга перемен»), «Ши-цзи» («Исторические записки») и жемчужина из жемчужин — «Ши-цзин» («Книга песен») — сбор-ник тончайшей народной поэзии, глубокого щемящего лиризма, светлой осенней мудрости.

Книги погибали от войн, пожаров, наводнений, жестокости тиранов. При Цинь Ши-хуанди один ученый замуровал древнюю классическую книгу в стену своего дома, чем и спас ее, так как все копии погибли. Ею мы и пользуемся сегодня. А восьмидесятилетний Фу-Шен все бормотал непонятные слева. Восьмилетняя внучка записала их. Оказалось старик бормотал исчезнувшую книгу «Ши». А еще один ученый бежал в горы и там, встретив крестьянина, сказал: «Спаси! У меня в груди три телеги книг». — То есть знал наизусть три телеги-книг.

«Когда люди бездуховны, — любил говорить Цинь Ши-хуанди, — не знают своей истории, культуры, искусства, — их легче принудить к тяжелому труду путем поощрения и наград. И выгода дороже правды». А ведь когда-то народный вождь Юй посадил дерево, на котором просил вывешивать любые высказывания, чтобы знать о своих ошибках… Тот 80-летний старик, бормоча «Ши-цзин», бормотал и такие из нее слова: «Обладающий добродетелями в состоянии проявлять невозмутимость в понимании волн неба и быть настоящим и твердым, жи-вя уединенно и не состоя пи у кого на службе в продажные времена». Вот так великий китайский парод оберегал свои духовные богатства.

Вот так трагично складывается Приобретенный разум, бессмертие человеческой мысли. Благодаря таким подвигам мы глубоко, на несколько тысяч лет, а то и больше, осознаем себя.

Вот оно, то Хранилище, о котором писал Ибн Сина, и разве не прав он, говоря, что, ДЕЙСТВУЯ, то есть вовлекаясь в нашу повседневную жизнь, Хранилище это (Приобретенный разум) становится одним из первоначал мира, как воздух, вода, огонь и земля, — и может влиять на человечество. Вселенную?

О влиянии, которое сам Ибн Сина оказал на человечество и продолжает оказывать, говорят та любовь и та ненависть, те споры, которые до сих пор клокочут вокруг него. Кто он, Ибн Сина?

1, Философ натуралистического мистицизма (Л. Гарде, XX век).

2. Представитель иудейской традиции, основанной на идее трансцендентного бога (Е. Джильсон, 1932 г.).

3. Сторонник интеллектуального гностицизма.

4, Мыслитель материалистического мировоззрения, сумевший прийти к философскому монизму (Т. Тизин, Сирия, XX век).

5. Не был последовательным материалистом, но не был и законченным идеалистом…

Много еще перьев у Дракона… Считайте, Мусульманский мир опустил два моста: один на Восток — Беруни, другой на запад — Ибн Сина, Выдающийся ученый И философ

средневековья Р. Бэкон высоко чтил Фараби, Ибн Сину и Аверроэса (Ибн Рушда), Альберт Великий, читая лекции в Парижском университете, на которые ломился весь город, или в Кельнском университете, где его прозвали Доктор Всеобъемлющий, комментировал Аристотеля так же, как комментировал его и Ибн Сина. Сигер Брабантский, последователь Ибн Сины и Аверроэса, тоже читал лекции в Парижском университете, что в Соломенном переулке. Но это был яростный вождь молодого яростного поколения, которое хотело возрождать не античность, а… духовность, обновлять испорченную религиозной схоластикой душу (anima curva). И могла это сделать, поняли они, только поэзия!

На Востоке первым это понял Ибн Сина. Своими философско-поэтическими хамаданскими трактатами, а также своей философией Любви он учил Запад подниматься на небо по СТУПЕНЯМ ПОЭЗИИ, Сигер, друг Данте, более 20 раз дословно цитировал Ибн Си ну и особенно потрясал всех своих учением о том, что бог не может создать ни одной истинно бессмертной вещи (и планеты разрушаются), а человек может. И излагал учение Авиценны (Ибн Сины) о бессмертии разумной души человека, возвращающейся после гибели тела в лоно Деятельного (Приобретенного) разума, написал даже книгу «О разумной душе», которую инквизиция судила, как и самого Сигера, и приговорила (и книгу и Ситера) к тюремному заключению. Вскоре Сигер был убит в возрасте около сорока семи лет. Данте выстреливает в самое сердце Инквизиции, поместив папу в Ад, а Сигера — в рай.

Знаменитую Флорентийскую академию, где Данте после смерти Беатриче провел 39 месяцев, возглавлял Марсилио Фичино — последователь философии Псевдо-Дионисия (Петра Ивера) и Авиценны, — этой могучей весенней грозы, «Когда потеряна была для меня первая радость моей души, — писал Данте после смерти Беатриче, — я пребывал столь уязвленным великою печалью, что не помогала никакая поддержка. Но все-таки через некоторое время ум мой, который старался выздороветь, потянулся… в философию, и я нашел не только лекарство от своих слез, но и… то, что философия, которая была госпожою наук и этих книг, была чем-то и выше».

Учение Ибн Сины о бессмертии разумной души дает отраду измученному сердцу, потому что рождает мысль о возможности возвращений и встреч в веках. Это и понял Данте. В такой космической перспективе осуществляется истинная жизнь души, потому что мы рождаемся подчас не в той плоскости, в какой жила или живет единственная на всю Вселенную родственная тебе душа. Там, в Сокровищнице Высшего разума, над Иерархией, только и возможно встретиться. Но для этого надо пройти через ад плоти и материи. «Человеческий разум озаряется ангелом, ищущим духовной реализации — так, что ангел начинает персонально его вести», — пишет Ибн Сина. И об этом же написал Данте в своей «Божественной комедии».

В учебнике Падуанского университета Ибн Сина цитируется около трех тысяч раз! Считает себя последователем Ибн Сины и английской «замечательный доктор» Р. Бэкон (1214–1294) в шотландец Иоанн Скот (XIII век), и основоположник экспериментального знания англичанин Фрэнсис Бэкон (1561–1626), английский писатель Д. Чосер (XIV век) упоминает Ибн Сину в своих «Кентерберийских рассказах». Джордано Бруно говорит об Авиценне в своих диалогах «О причине, начало и едином».

А. Гуашон, историк философии, XX век, говорит: «Неизвестно ни одной работы какого-либо мыслителя европейского средневековья, автор которой не определял бы своего отношения к философии Авиценны. Чем глубже мы изучаем их учения, тем больше убеждаемся, что Авиценна был не только источником, из которого они исходили, но и одним из учителей их мышления. Он был в числе немногих высочайших авторитетов, к которым обращался Запад после св. Августина, Аристотеля и Бонавентуры. Вне всякого сомнения, его теории обсуждались и опровергались, но степень их влияния такова, что никто не может сказать,

КАКОЙ БЫЛА БЫ ТЕНДЕНЦИЯ ЗАПАДНОЙ МЫСЛИ В СРЕДНИЕ ВЕКА, из БУДЬ АВИЦЕННЫ», Это написано в 1969 году.

Церковник Рейман в XVIII веке поместил Авиценну в один ряд с главнейшими еретиками человечества: Д. Бруно и Коперником.

Под перекрестным огнем находился Ибн Сина — в О запада в него стреляли и с востока. Газзали своей критикой, конечно, способствовал вскрытию противоречий философии Ибн Сины, очищению и углублению философии как науки, и Гегель недаром сказал: «Газзали — остроумный скептик, обладал великим восточным умом», но современный иранский философ Муса Амид говорит и другое: «Из-за нападок Газзали мусульмане всех стран отвернулись от философии и, не стесняясь, называли Ибн Сину опасным».

Мусульманский мир после Газзали стал постепенно закрывать свои окна и двери, и невозможно без содрогания читать Ибн Халдуна, написавшего в XIV веке гимн равнодушию: «Последнее время до нас доходят слухи, что в стране франков и на северных берегах Средиземного моря пышно расцвели философские науки. Говорят, что их там вновь глубоко научают и преподают в многочисленных школах.

Существующие систематизированные изложения этих наук, как говорят, носят всеобъемлющий характер, знающие их люди многочисленны, и изучают их многие… Только аллах знает, что происходит там на самом деле… Однако ясно, что проблемы физики не имеют никакого значения в наших религиозных делах. Поэтому нам следует забыть о них».

А ведь когда-то свеча запада зажглась от свечи востока…

Осыпаются под порывами ветра лепестки цветущих деревьев на могилу Омара Хайяма: «Могила моя будет расположена, — сказал он однажды, — в таком месте, где каждую весну ветерок будет осыпать меня цветами». Приходят на кладбище Хир в восточной части древнего Нишапура великий поэт Саади через 170 лет после смерти Омара Хайяма, Могила его у самой стены, за стеной — сад. Свешиваются оттуда цветущие абрикосовые в грушевые деревья, И разрыдался Саади….

Это другой гимн, родившийся почти одновременно с тем гимном равнодушию.

Китайский народ говорит: «Цюйши, Сяо-сяо!» Цюйши — философ, мыслящий вне официальной идеологии. Таким был Лао-цзы… Сяо-сяо — люди великой духовной свободы. Они дерзки, потому что ничего не признают, кроне истины, «Расталкивая облака», ищут ее в самых чистых высотах. Они бедные, одинокие. Ненависть повсюду Преследует их. И умирают они в одиночестве и на пути, как умер великий поэт ДУ Фу — в джонке посередине реки.

«Заимствуюсь вашим светом», — говорят китайцы, когда хотят кого-нибудь обогнать.

Идет Ибн Сина по пыльной дороге в одежде суфия. Навстречу странник-монах. Мрачное гордое лицо, орлиный нос. Низко кланяется Ибн Сине.

— Кто вы? — удивляется шейх.

— Тот, кто, как и вы, «изгнание за честь себе считает. Я был низвергнут с вершины жизни. Казался низким взору многих… В мнении людей не только ничтожна личность моя, но потеряли ценность и творения мои».

— Я не знаю нас, — тихо говорит Ибн Сина, сострадая услышанному.

— Я — Данте…

На земле тикая встреча невозможна. Но в сферах Деятельного разума, согласно учению Ибн Сины…

Заимствуюсь вашим светом…

Как наш земной мир — частица Космоса, — отражается в наших душах, так, может, и наши души отражаются в Космосе?..

«Частное запечатлевается в разуме, — пишет Ибн Сина в книге «указания и наставления», — как сторона общего… У небесных тел имеются души (их творческая Энергия), обладающие частными восприятиями…

Великие Чистые Мыслящие души землян — «дополнительный фактор для небесных тел», чтобы и их частное мнение вошло в общее мнение Вселенной (в ее общую творческую Энергию).

Когда каждый человек, — а в совокупности каждый народ, до предельного совершенства разовьет свои души, они из материи перейдут в Дух, вся материя Земли, вместе с человечеством, перейдет в Дух, и тогда земное человечество навечно войдет в единую семью Космоса, внесет свою великую Духовную Энергию в единую Энергию Вселенной, которой Она питается, движется и живет.»

Сократ, Платон, Аристотель — квинтэссенция Духа греческого народа. Фараби, Ибн Сина, Беруни, Омар Хайям, Улугбек — квинтэссенция Духа среднеазиатских народов, Данте, Микельанджело, Леонардо да Винчи (Италия), великие ученые Индии и Китая, Сервантес (Испания), Шекспир, Ньютон (Англия), А. Эйнштейн, А. Швейцер, Бах, Бетховен, Моцарт (Германия), Пушкин, Толстой, Достоевский (Россия)…

Через них разные народы Земли отдали уже энергию своего Духа в общую духовную Энергию Земли, какую она, не краснея, может отдать потом, согласно учению Ибн Сины, Вселенной…

XVI «Не думают того, сколько стоит кровь человеческая…»[240]

Али получил письмо от Бурханиддина-махдума… Вот уж, поистине, подкинь яблоко вверх… Пока оно вернется, столько может всего произойти!

Маленький синий конвертик. Белый лист бумаги. Черные буквы. Строчки ровные, похожие на узор.

Али поднял глаза на посыльного: молодой мулла в чистой белой чалме, с бледным, будто заплаканным лицом печальными умными глазами… взял у Али с чуть приметным поклоном письмо и стал читать:

«Никакого Ибн Сины нет. И не было… Действовало тайное общество исмаилитов, которое все своп труды подписывало одним этим несуществующим именем. Ты скажешь: «А Джузджани?!» Я тебе отвечу: «Вспомни, как Ибн Сина продиктовал ему рассказ о своей жизни? Как человеку, которому НЕ ДОВЕРЯЕТ, ибо нет в «Жизнеописании» ни слова о Махмуде. Джузджани, если он и был, это всего лишь служка, бумагу нарезать, под диктовку что-нибудь написать, веши уложить. Ты гибнешь за несуществующее. Беги, Я сам спрячу тебя. Переправлю вместе с Муса-ходжой в Россию. Власть эмира держится последние дни. Ты молод. У тебя даже не было еще жены.

Я вижу, ты молчишь, ты ошарашен… Крестьянин есть крестьянин. Ты прав: от вас сок яблоку, от нас — червь. Жизнь каждого из нас — повторение прожитой уже жизни. Человечество — пластинка, которую кто-то от скуки ставит и ставит на граммофон. Все происходит так, как уже происходило, И потому твоя смерть — поверь — ничего не изменит.

Ты думаешь, твои смерть прибавит света человечеству, того света, в который должна перейти вся, материя: природе и человек? Я не верю в это, хотя меня самого пронзила однажды эта мысль, будто все мы в конце концов должны превратиться в Свет, коим и живет, и наслаждается, и самоуправляется Вселенная, И Хусайн об этом писал.

А еще однажды я вдруг понял, что и осенний листопад может сбить с орбиты Землю, как сбивает ход телеги лишний седок. Тогда твоя смерть за Ибн Сину может действительно произвести смещение но Вселенной. Но и это не произойдет, даже если я выйду вместе с тобой умирать за Хусайна. Пластинка крутит старую песню… Был уже Али. Умер за Ибн Сину. Что изменилось?

Завтра другой Бурханиддин будет его судить… Прости, что выливаю на тебя ушат ледяной воды своих мыслей. Я сгораю со стыда за то, что сотворил. Знай: нет в этом мире ни зла, ни добра. И бога нет. Ничего нет. И люди — болезнь Земли, плесень на шарике. Когда-нибудь Земля освободится от нас, скинет с себя и станет чисто, истинно жить. Так что твоя смерть но имя славы или позора Ибн Сины никакого смысла не имеет. Ты сам видишь. Живи и прости меня».

Свет померк в глазах Али.

Ибн Сину, умирающего, принесли в Хамадан, в дом Абу Саида Дахдука, у которого он скрывался 14 лет назад.

«Ибн Сина омылся, — рассказывает Джузджани, — покаялся, роздал оставшееся имущество беднякам, исправил свои прегрешения перед теми, кого обидел, и отпустил на волю рабов.

Он преставился в первую пятницу месяца рамазана в год 428 (18 июня 1037 года) и погребен в Хамадане» — недалеко от мавзолея Эсфири и огромного каменного Льва, возле городской стены, со стороны кыблы. «А по прошествии восьми месяцев, — пишет неожиданно Байхаки, — был перевезен в Исфахан (?). Там и погребен в мавзолее Ала ад-давли (?!), расположенном за чертой внутреннего города, у ворот квартала Кун-Гукбад, где Ибн Сина и жил».

Когда Хусайна несли по пустыне, птицы сделали над ним тень из крыльев, — сказал народ.

Ибн Сина умер тихо, и мир не содрогнулся. Лишь единицы заметили, как от этой смерти отяжелела душа мира.

После его смерти повсюду повторяли такой стих:

Я наблюдал, как лечил людей Ибн Сина,
Но сам он погиб, гнусной смертью запертый.
Не исцелив то, над чем трудился в «Исцелении», —

то есть души, (имеется в виду «Книга исцеления» Ибн Сины.)

И не спасся от смерти Спасением.

(имеется в виду его «Книга спасения»).

Есть предположение, что это написал придворный поэт Махмуда Санаъи. Фаррухи реабилитирован смертью — он умер раньше Ибн Сины.

Сегодня над мавзолеем Ибн Сины возвышается башня с двенадцатью гранями — символ двенадцати наук, которыми он овладел. Кто притронется к ней, — верит народ, — излечит тело и душу.

У мавзолея каждое утро, на рассвете, сидит пятнадцатилетняя девушка необычайной красоты — даэна Ибн Сины, его душа, как говорят народ. Самый критический момент для умершего — предрассветные сумерки третьей ночи после смерти, когда с юга поднимается ветер, ц в этом ветре появляется даэна — его духовное «я». У некоторых это девка. У даэны Ибн Сины — каждый шаг серебряный…

Али в ослепительном утреннем свете вывели из Арка на площадь Регистан, Посадили на осла, привязало лицом к хвосту. Облили нефтью.

Со всех дворов сарбазы начали выгонять людей. Эмир смотрит из потайного окошечка — последний взгляд на Бухару: двое старых слуг уже ждут его у потайного колодца в северо-восточном углу Арка. Fin de route — n'est elle pas le but de la nouvellee? [241]—сказал эмир неожиданно по-французски и пошел к колодцу, думая о том, что ни разу еще, ни один эмир не умер в Арке.

Вот дом Сиддик-хана. Сидит, что-то пишет… Как безмятежна его душа!

Вот мальчики — гузарские царевичи… Колют дрова, варят себе обед.

А вот и колодец… Но что это? Почему его ждут только двое? А сын?

Расцарапанные, искусанные в кровь слуги говорят со «дезами на глазах, что сын не захотел ехать с отцом.

Эмир будто получил выстрел в грудь.

«Alors! — рассмеялся он, — Ma femme — la Vie m'a laisse et mon amante — la Morte m'appele! Amuson encore[242], и начал спускаться в колодец.

Площадь Регистан. Пародм молчит.

Все смотрят на Али. Многие плачут…

Али не хочет умирать, зная, что мир все равно придет в катастрофе. Но и так жить, не участвуя ни в добре, ни в зла, тоже не хочет. «Разве что уйти в горы, к снежным вершинам, как ушел Кай-Хосров?»

Письмо Бурханиддина… Вот он, удар цивилизации в простодушное сердце! Нет даже сил прямо сидеть в седле. А ведь это так важно сегодня, когда ты умираешь за Ибн Сину, прямо сидеть в седле.

Какая боль в душе! Какая пустыня…

Али написал утром, на письме Бурханиддина углем, что нашел и соломе: «Мне 57 лет». Он помнил — письмо заканчивалось словами: «Живи, ведь тебе всего 20».

Бурханиддин вскрикнул, когда прочитал это. Три кривые, углем написанные слова… Как ответить за них на Страшном суде? После этих слов никогда уже не распрямится душа. Может, это единственные три слова, которые неграмотный крестьянин написал за всю свою жизнь… Но написал он ими приговор вечной жестокости, замешанной на власти. «Я — Ибн Сина», — значат эти три слова…

Бурханиддин сломался. Теперь ему было все все равно.

Муса-ходжа по звукам, выстроившим утро, понял: Али вывели на казнь. Первый, кто бросит в Али спичку, — сожжет Ибн Сину.

И вдруг Али выпрямился.

Он увидел мать… Она стояла в толпе перед ним, откинув с лица паранджу. Али повял: есть Жизнь и есть Смерть, есть Добро и есть Зло, но самое главное — есть Высшее добро, перед которым все равны, как перед матерью равны ее подлые и благородные дети.

Саламан и Ибсаль — два брата. Сколько раз читал Муса-ходжа для Али этот третий хамаданский трактат Ибн Сины о Путешествии души без возврата, через смерть, и Али не понимал его. А теперь понял.

«Саламан — это я до встречи с тобой, — говорит он Ибн Сине, — жена Саламана — очарование земной жизни, которое я преодолел но имя тебя, отказавшись, от побега. Молния, осветившая Истину, — Муса-ходжа. Ибсаль — это я, ПРИШЕДШИЙ К ТЕБЕ. Прости, что тан долго совершал этот путь.,»

И тут юноша с книгами в руках, в скромном темном чапане бросил в Али спичку…

Али вспыхнул и обернулся! Это был Газзали… Совсем еще юный Газзали…

Муса-ходжа умер, задержав дыхание в ту минуту, когда почувствовал пустоту в сердце… В эту минуту и вспыхнул Али.

Вскоре по всей Бухаре начался гул… Первым его услышали старики. Потом птицы, не опустившиеся На ночь На деревья Бухары.

Сиддик-хан отложил книгу, и впервые за 35 лет вслушался в мир. Богачи и сановные люди притихли.

Восстание взорвалось неожиданно.

Роскошь столкнулась с Нищетой, Между ними тут же встала Жадность! И облизнулась. Ее цель — переодеть сестер, ибо не завидует ли Нищая дорогим нарядам Богатой? Тогда святость огня иссякнет, и из чистого он превратится в нечистый. «И никто этого не заметит, — смеется Жадность. — Ведь сестры-то — близнецы!»

Но народ сокрушил и Жадность. Пусть ничего не будет. Пусть будут только земля и руки…

Майор Бейли, афганский консул и русский генерал подняли солдат и начали спешно замыкать кольцо вокруг Бухары, чтобы не успели войти в город крестьяне из сел!

И тут ударил артиллерийский выстрел. Снаряд попал в голубой, самый верхний ободок минарета Калян.

В Арке начался пожар, Сиддик-хан закрыл книгу и вышел на улицу Куча. Тут уже стояли сын эмира и гузарские царевичи. Больше никого не было. Все сбежали, А тех, кто не успел сбежать, поймал народ, связал И гнал навстречу М, Фрунзе, входившему в Бухару, на помощь восставшим, ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ 1920-ГО ГОДА…

Сиддик-хан впервые за 35 лет идет по улицам Бухары. Он дожил до 1950 года, писал под псевдонимом Хашмат.

Сын эмира… воспитывался в детском доме, прошел всю Великую Отечественную войну, вернулся генералом, после войны живет в Москве.

Русский офицер в тот день, когда Фрунзе вошел в Бухару, застрелился на втором этаже караван-сарая Хакимы-ойим. На столе лежало его письмо:

«Мой друг, записал я в 1909 году в селе Задонском Воронежской губернии у некоего Зачиняева такую притчу. Христос сказал Сатане:

— Померь мою шапку, жмет она мне.

Сатана ее и надел, а Христос перекрестил его и вывел всех людей Из ада. Соломона же оставил, Давид спрашивает:

— А что ж сына моего не взял?

— Он слишком мудрый для людей, — поморщился

Христос, Идут, Христос пишет на столбе: «Людям жить тысячу лет, а потом будет им суд».

Соломон ходит по аду, меряет его шагами и везде ставит кресты. Сатана взмолился:

и Что хочешь сделаю, только оставь ад!

Соломон говорит,

— Веди меня, куда Христос идет.

Идут. Видят столб, Соломон приписал людям жить ещё тысячу лет.

А когда Соломон догнал Христа, Христос спросил:

— Зачем ты прибавил людям муки? И земли, и лесов было бы у них много, и урожаи были бы хорошие, и реки были бы чистые и богатые рыбой. А после этого, в те тысячу лет, что ты им приписал, будут они жить плохо. Всякий станет мудрить, как бы другого обмануть, да побогаче пожить, да еще и в дворяне выйти. Не понял ты. Соломон, что нельзя людям давать то, что они не вынесут…

И запел народ:

Ох ты, горе, тоска-печаль!
Я от горя в Чисто поле,
И тут горе сизым голубем,
Я от гори в темный лес.
И тут горе соловьем летит.
Я от горн на сине море.
И тут горе серой утицей.
Я от горя но сыру землю…
Вот тут горе миновалося…

Да, Бурханиддин-махдум — умный человек. Хотел сделать людям добро — судил Ибн Сину как гения, потому что знал: гений — это великое социальное бедствие. Но не понял он простой истины — ничего не могут сделать гению ни сатана, ни человек, ни бог. Только приблизятся к нему — исчезает он, ибо все в гении растворяется, и он — этот непостижимый Дракон — хохоча уносится На облаках в Небо.

Бурханиддина-махдума арестовали в его же доме. Он сидел и читал «Книгу исцеления» Ибн Сины…

Вскоре над ним начался народно-революционный суд.

Жизнь человека на земле, какая бы длинная и сложная она ни была, укладывается в росчерк, на который смотрит потом Вселенная и думает: открыть этому человеку дом или нет — дом великого Молчания.

Когда я написала уже книгу — увидела однажды Авиценну… Он стоял далеко впереди, в море белого рассвета, и умывался зарей, — словно, пробыв ночь среди людей, дав им сны с зачатками гениальных открытий, надежд и разумений, возвращался в дом Вечности — этот «из всех дервишей самый бедный дервиш».

Иллюстрации

Фрагмент стенной росписи дворца на Афрасиабе. VII–VIII в.

Аристотель и Платон, фрагмент фрески Рафаэля «Афинская школа»

Рафаэль «Афинская школа»

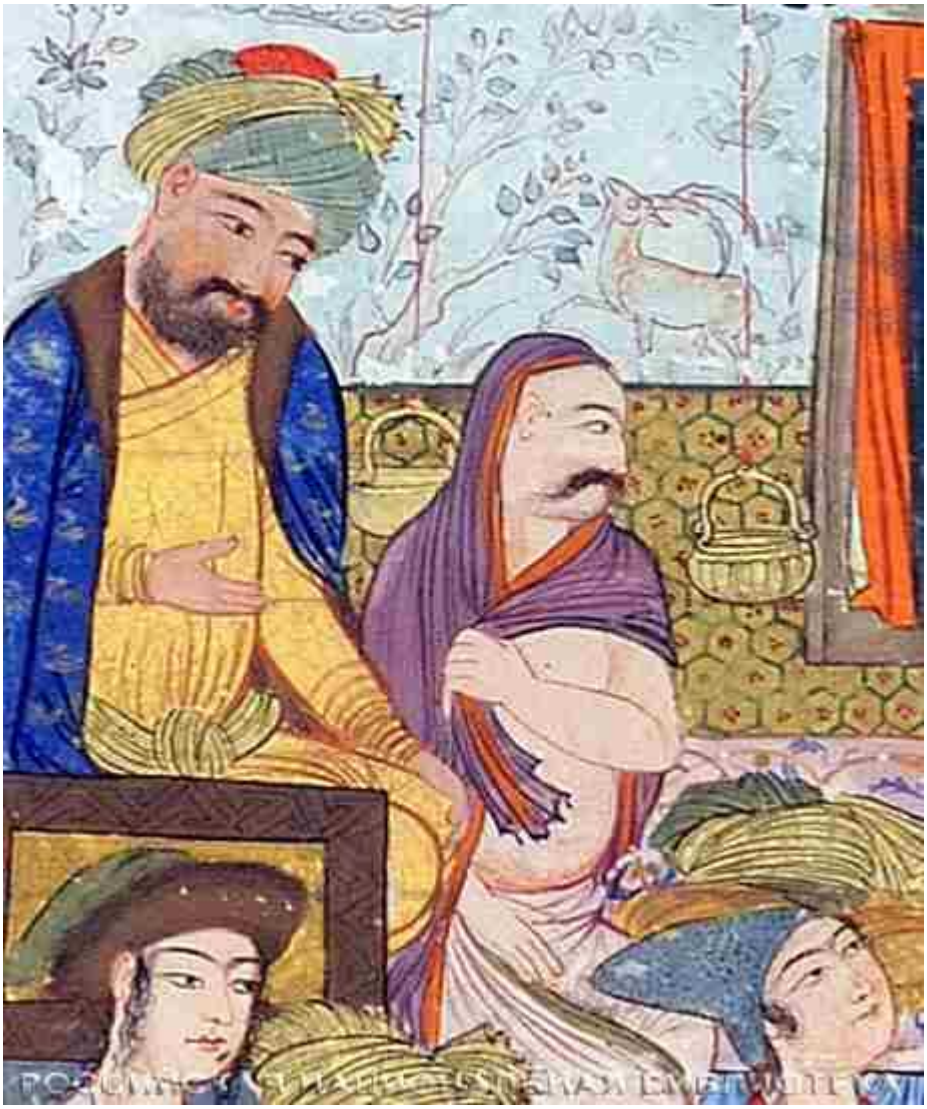
Исмаил Самани (умер в 907) — эмир из династии Саманидов, основатель государства в Средней Азии.

Копия рукописи «Канон врачебной науки» (Аль-Ганун Фи ат-Тибб) Ибн Сины 1030 года, сделанная в 1143 в Багдаде. Институт рукописей Национальной академии наук Азербайджана в Баку.

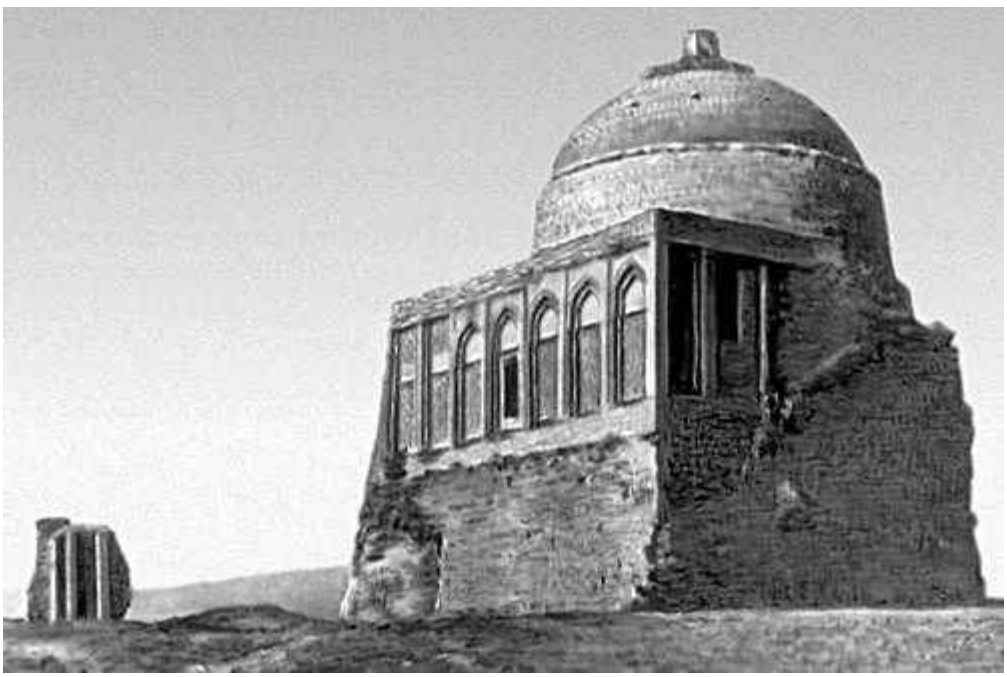
Копия рукописи «Канон врачебной науки» (Аль-Ганун Фи ат-Тибб) Ибн Сины 1030 года, сделанная в 1143 в Багдаде. Институт рукописей Национальной академии наук Азербайджана в Баку.

Крепость Арк Бухара

«Меланхолия» гравюра на меди Дюрера 1514 г.



Шах-намэ Фирдауси



Меана-Баба (мавзолей Абу-Саида Мейхенейского). 11 в., роспись и облицовка 14 в.

Мавзолей Ибн Сины — Хамадан (Иран)

Мавзолей Ибн Сины Хамадан (Иран)

Могила Авиценны изнутри, Хамадан, Иран

Рецензенты

Ответственный редактор член-корреспондент Академии наук УзССР доктор философских наук ХАЙРУЛЛАЕВ М. М.

ЛОМИДЗЕ Г. н., член-корреспондент АН СССР, доктор филологических наук. Институт Мировой литературы нм. Горького. КЕРИМОВ Г. М., доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС.

РОЗЕНФЕЛЬД Б. А., доктор физико-математических наук, старший научный сотрудник Института истории естествознания и техники АН СССР, АБДУЛЛАЕВ А. А., доктор медицинских наук, зав, кафедрой ТашМИ.

АБДУЛЛАЕВ н. А, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения ем. Беруни АН УзССР.

ГЕЙ н. К., доктор филологических неук, зав. отделом Института Мировой литературы им. Горького.

ГИРС Г. Ф., зав. отделом памятников письменности народов Востока Института востоковедения АН СССР.

БЕНДЕР А.? — член Союза писателей СССР.

Т.: Изд-во лит. и искусства, 1985. 464 с., ил.